This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

DK5
I51
1888

Ков-ч
МРВ

Д. И. ИЛОВАЙСКАГО

МЕЛКІЯ СОЧИНЕНІЯ, СТАТЬИ И ПИСЬМА.

1857—1887 гг.

По вопросамъ о преподаваніи исторіи.
Путевыя замѣтки и воспоминанія.
Публицистика по Восточному вопросу.
Публицистика по внутреннимъ дѣламъ.
О послѣднемъ фазисѣ Восточнаго вопроса.

МОСКВА.
Типографія М. Г. Волчанинова (бывш. М. И. Лаврова и К°).
Леонтьевскій пер., д. Лаврова.
1888.

Д. И. ИЛОВАЙСКАГО

МЕЛКІЯ СОЧИНЕНІЯ, СТАТЬИ И ПИСЬМА.

1857—1887 гг.

По вопросамъ о преподаваніи исторіи.
Путевыя замѣтки и воспоминанія.
Публицистика по Восточному вопросу.
Публицистика по внутреннимъ дѣламъ.
О послѣднемъ фазисѣ Восточнаго вопроса.

МОСКВА.
Типографія М. Г. Волчанинова (бывш. М. Н. Лаврова и К°).
Леонтьевскій пер., д. Лаврова.
1888.

Въ 1884 году изданіемъ перваго тома сочиненій я началъ подведеніе нѣкоторыхъ итоговъ своей научной и литературной дѣятельности. Изданіе втораго тома собственно историческихъ моихъ трудовъ по обстоятельствамъ замедлилось. Надѣюсь выдать его въ скоромъ времени; а пока выпускаю въ свѣтъ настоящую книгу, заключающую въ себѣ выборъ изъ того, что въ теченіе тридцати лѣтъ было написано мною по другимъ отдѣламъ литературы и общественности. Тутъ на первомъ мѣстѣ собраны мои рецензіи и статьи, относящіяся къ преподаванію исторіи; изъ совокупности ихъ выясняются и опредѣляются взгляды и мнѣнія автора на этотъ предметъ, тѣсно связанный съ нѣкоторыми спеціальными его трудами (т.-е. съ системою историческихъ руководствъ). На второмъ мѣстѣ идутъ путевыя замѣтки и воспоминанія о разныхъ лицахъ. Кромѣ своей непосредственной задачи этотъ отдѣлъ отчасти заключаетъ въ себѣ и элементъ автобіографическій. Вся вторая половина книги посвящена публицистикѣ, т.-е. моимъ политическимъ письмамъ, разсѣяннымъ по разнымъ изданіямъ и относящимся преимущественно къ Восточному вопросу, а отчасти къ вопросамъ внутреннимъ. Эти письма обнимаютъ періодъ послѣднихъ 12—13 лѣтъ, и заключаютъ въ себѣ результаты моихъ наблюденій надъ событіями современными или отзывы на нѣкоторые вопросы, выдвинутые на очередь нашей общественной жизнію. Отчасти онѣ имѣютъ интересъ уже прошлый, слѣдовательно могутъ быть провѣрены исторической критикой, а отчасти сохраняютъ пока свое современное значеніе.

Москва. Декабрь 1887 г.

ПО ВОПРОСАМЪ

о

ПРЕПОДАВАНІИ ИСТОРІИ.

ПО ВОПРОСАМЪ

о

ПРЕПОДАВАНІИ ИСТОРІИ.

ПО ВОПРОСАМЪ

о

ПРЕПОДАВАНІИ ИСТОРІИ.

I.

РУССКІЕ УЧЕБНИКИ ПО ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРІИ.

Учебная книга всеобщей исторіи. 3 части. Составлена Н. Зуевымъ. 1-я часть 1856 г., изданіе четвертое. 2-я и 3-я части 1855 г., изданіе третье. Краткая всеобщая исторія въ простыхъ разсказахъ для дѣтей. Составилъ Н. Берте. 1858 г., изданіе пятое. *

Книги, на которыя мы хотимъ обратить вниманіе читателей, уже не новость въ нашей учебной литературѣ; одна изъ нихъ достигла четвертаго изданія (1-я часть), а другая пятаго. И та и другая назначаются какъ руководство молодымъ людямъ для изученія всеобщей исторіи; посмотримъ насколько онѣ удовлетворяютъ своей задачѣ и настоящимъ требованіямъ Русскаго общества.

Никто конечно не будетъ отрицать того вліянія, которое учебники вообще оказываютъ на образованіе молодаго поколѣнія. Не только наша рѣчь письменная и изустная носитъ часто слѣды тѣхъ книгъ, по которымъ мы учились; но это вліяніе иногда отражается и на самомъ складѣ нашего мышленія, и чѣмъ дитя воспріимчивѣе, чѣмъ оно прилежнѣе, тѣмъ это вліяніе сильнѣе; руководство, какъ извѣстно, бываетъ часто виною нелюбви ученика къ тому или другому предмету, если только тяжелое впечатлѣніе, производимое руководствомъ, не будетъ уничтожено или смягчено наставникомъ.

Трудна въ настоящее время сдѣлалась задача писать книги для дѣтей; много условій требуется отъ хорошо составленнаго руководства. Возмемъ, напримѣръ, руководство по всеобщей исторіи. Прежде всего оно должно заключать результаты или приблизительно послѣднее слово науки въ эпоху

* Московскія Вѣдомости 1858 г. № 67.

[illegible] руко-
[illegible] учебное сто-
[illegible] учащихся. Въ послѣднемъ слу-
[illegible] дѣтяхъ правильнаго языка, т. е.
[illegible] разсказа. Потомъ ему необходимо искус-
[illegible] эпоху такимъ образомъ, чтобы
[illegible] ясная и по возможности полная картина
[illegible]. Главная задача тутъ заключается въ выборѣ
[illegible] какія событія можно пройти молчаніемъ,
[illegible] и на какихъ остановиться подолѣе, какъ на со-
[illegible] характеризующихъ эпоху или обильныхъ результа-
[illegible] должно быть загромождено мелочными фактами.

[illegible] время отъ историческаго учебника требуется, что-
[illegible] столько же мѣста исторіи образованія, сколько и
[illegible] событіямъ. До сихъ поръ наши историческіе учебники глав-
[illegible] представляли перечень, болѣе или менѣе подробный, во-
[illegible] и безконечныхъ битвъ отъ самыхъ древнѣйшихъ вре-
[illegible]; на каждой страницѣ можно было встрѣтить рѣзню,
[illegible] убійства, насилія и прочіе ужасы. Мы очень хорошо помнимъ,
[illegible] намъ наскучало частое повтореніе словъ: разбилъ, убилъ,
[illegible] измѣнилъ, низвергъ и пр., безъ которыхъ не обходилось ни
[illegible] О другихъ сторонахъ народной жизни говорилось обыкно-
[illegible], мимоходомъ. Мы никакъ не думаемъ отвергать огромнаго
[illegible] войнъ на судьбы человѣчества; но онѣ не должны однако наполнять
[illegible] всю исторію; бытовая сторона народной жизни, особенно го-
[illegible] учрежденія, торговыя сношенія, успѣхи наукъ, искусствъ
и литературы имѣютъ столько же правъ на вниманіе исторіи, какъ и
[illegible] событія. Конечно юное воображеніе вообще способнѣе увлекаться
[illegible] подвигами на полѣ брани, нежели слѣдить за успѣхами мирного труда; но въ этомъ случаѣ на увлеченіе дитяти часто дѣйствуетъ собственнымъ увлеченіемъ авторъ руководства. Мы увѣрены, что даровитый разсказчикъ и картиною мирной дѣятельности точно также заинтересуетъ юношу, какъ и описаніемъ военныхъ подвиговъ.

Руководство должно отличаться соразмѣрностію и гармоніею своихъ частей; народы и [illegible] мѣста сообразно ихъ всемірно-историческому значенію. [illegible], по нашему мнѣнію, непремѣнно [illegible] разсказъ, напр., великій [illegible] послѣднее условіе [illegible] ли исторію или-

лизаціи отъ политическихъ событій или развивать ихъ въ непрерывной связи, конечно зависитъ отъ степени удобства воззрѣній автора на предметъ. Кромѣ того мы еще въ правѣ ожидать отъ руководства, чтобы исторіи народовъ оно предпосылало наглядное изображеніе мѣстности и народный бытъ связывало съ физическими условіями страны. Мы остановимся на этихъ главныхъ требованіяхъ, и посмотримъ теперь, въ какой степени удовлетворяютъ имъ двѣ книги, обозначенныя въ началѣ нашей статьи.

Всеобщая исторія г. Зуева не отличается легкостію и простотою слога. Попытки избѣгать сухости въ изложеніи и писать языкомъ пріятнымъ и выразительнымъ встрѣчаются иногда въ его сочиненіи; но это только попытки; авторъ безпрерывно попадаетъ на торжественный тонъ и пишетъ часто темнымъ, высокопарнымъ слогомъ. Вотъ образчики его выраженій: «Аристотель—примѣчательнѣйшее явленіе въ лѣтописяхъ образованія народовъ» (ч. I, изд. 4-е, 1856 г., стр. 116); «Наконецъ настала рѣшительная минута. При Эдингтонѣ закипѣла страшная битва». (Ч. II, изд. 3-е, стр. 39); «Таковымъ буйнымъ поступкомъ самоуправства рушился всякій порядокъ». (Ч. III, изд. 3-е, стр. 81) и т. д. Мы открыли страницы наудачу; а подобныя выраженія можете встрѣтить почти на каждомъ шагу.

Еще менѣе удовлетворяетъ авторъ другимъ требованіямъ руководства: напрасно было бы искать у него картиннаго изображенія эпохи, искусной группировки событій, соразмѣрности и гармоніи частей; у него нѣтъ даже опредѣленной системы; встрѣчаются иногда повторенія; факты набросаны вообще съ замѣчательною небрежностію и безъ всякой органической связи. Не спасаютъ автора многочисленныя раздѣленія и подраздѣленія на періоды, главы и параграфы. Напримѣръ:

«Исторія Швейцаріи».

§ 314. Швейцарія, зависѣвшая отъ Франціи, возстановила свою самостоятельность; она увеличена тремя кантонами: Валлисомъ, Невшателемъ и Женевою и состоитъ нынѣ изъ 25 кантоновъ». (Новой исторіи періодъ 3-й, глава XXVI).

Не правда ли, какъ коротко и ясно изобразилъ авторъ исторію Швейцаріи послѣ Вѣнскаго конгресса. Но касательно Швейцаріи это еще неважно; гораздо важнѣе, что подобная характеристика помѣщена и подъ заглавіемъ: «Исторія Пруссіи»: впрочемъ съ небольшимъ прибавленіемъ, а именно: «Такимъ образомъ эта держава начала благоденствовать еще подъ скипетромъ покойнаго короля Фридриха Вильгельма III, скончавшагося въ 1841 г., и благоденствуетъ по сіе время при преемникѣ его

своего появленія на свѣтъ,—въ этомъ состоитъ научное достоинство руководства; но мы будемъ говорить преимущественно объ его учебной сторонѣ, о его отношеніяхъ къ поколѣнію учащихся. Въ послѣднемъ случаѣ отъ него требуется, во-первыхъ, легкаго правильнаго языка, т. е. авторъ долженъ владѣть даромъ разсказа. Потомъ ему необходимо искусство группировать событія въ извѣстную эпоху такимъ образомъ, чтобы въ душѣ ученика рисовалась ясная и по возможности полная картина этой эпохи; слѣдовательно, главная задача тутъ заключается въ выборѣ фактовъ, въ рѣшеніи вопроса, какія событія можно пройти молчаніемъ, какія упомянуть слегка, и на какихъ остановиться подолѣе, какъ на событіяхъ, наиболѣе характеризующихъ эпоху или обильныхъ результатами; руководство не должно быть загромождено мелочными фактами.

Далѣе въ настоящее время отъ историческаго учебника требуется, чтобы онъ давалъ почти столько же мѣста исторіи образованія, сколько и политическимъ событіямъ. До сихъ поръ наши историческіе учебники главнымъ образомъ представляли перечень, болѣе или менѣе подробный, военныхъ походовъ и безконечныхъ битвъ отъ самыхъ древнѣйшихъ временъ до позднѣйшихъ; на каждой страницѣ можно было встрѣтить рѣзню, страшныя убійства, насилія и прочіе ужасы. Мы очень хорошо помнимъ, какъ въ дѣтствѣ намъ наскучало частое повтореніе словъ: разбилъ, убилъ, умертвилъ, измѣнилъ, низвергъ и пр., безъ которыхъ не обходилось ни одного урока. О другихъ сторонахъ народной жизни говорилось обыкновенно вскользь, мимоходомъ. Мы никакъ не думаемъ отвергать огромнаго вліянія войнъ на судьбы человѣчества; но онѣ не должны однако наполнять собою всю исторію; бытовая сторона народной жизни, особенно государственныя учрежденія, торговыя сношенія, успѣхи наукъ, искусствъ и литературы имѣютъ столько же правъ на вниманіе исторіи, какъ и военныя событія. Конечно юное воображеніе вообще способнѣе увлекаться геройскими подвигами на полѣ брани, нежели слѣдить за успѣхами мирнаго труда; но въ этомъ случаѣ на увлеченіе дитяти часто дѣйствуетъ собственнымъ увлеченіемъ авторъ руководства. Мы увѣрены, что даровитый разскащикъ и картиною мирной дѣятельности точно также заинтересуетъ юношу, какъ и описаніемъ военныхъ подвиговъ.

Руководство должно отличаться еще соразмѣрностію и гармоніею своихъ частей; народы и событія занимаютъ мѣста сообразно ихъ всемірно-историческому значенію. Интересные эпизоды, по нашему мнѣнію, непремѣнно должны время отъ времени пополнять разсказъ, напр., мелкимъ шрифтомъ или внизу страницы. Впрочемъ какъ это послѣднее условіе, *такъ и расположеніе* частей, т.-е. вопросъ, отдѣлять ли исторію цив-

лизаціи отъ политическихъ событій или развивать ихъ въ непрерывной связи, конечно зависитъ отъ степени удобства воззрѣній автора на предметъ. Кромѣ того мы еще въ правѣ ожидать отъ руководства, чтобы исторіи народовъ оно предпосылало наглядное изображеніе мѣстности и народный бытъ связывало съ физическими условіями страны. Мы остановимся на этихъ главныхъ требованіяхъ, и посмотримъ теперь, въ какой степени удовлетворяютъ имъ двѣ книги, обозначенныя въ началѣ нашей статьи.

Всеобщая исторія г. Зуева не отличается легкостію и простотою слога. Попытки избѣгать сухости въ изложеніи и писать языкомъ пріятнымъ и выразительнымъ встрѣчаются иногда въ его сочиненіи; но это только попытки; авторъ безпрерывно попадаетъ на торжественный тонъ и пишетъ часто темнымъ, высокопарнымъ слогомъ. Вотъ образчики его выраженій: «Аристотель—примѣчательнѣйшее явленіе въ лѣтописяхъ образованія народовъ» (ч. I, изд. 4-е, 1856 г., стр. 116); «Наконецъ настала рѣшительная минута. При Эдингтонѣ закипѣла страшная битва». (Ч. II, изд. 3-е, стр. 39); «Таковымъ буйнымъ поступкомъ самоуправства рушился всякій порядокъ». (Ч. III, изд. 3-е, стр. 81) и т. д. Мы открыли страницы наудачу; а подобныя выраженія можете встрѣтить почти на каждомъ шагу.

Еще менѣе удовлетворяетъ авторъ другимъ требованіямъ руководства: напрасно было бы искать у него картиннаго изображенія эпохи, искусной группировки событій, соразмѣрности и гармоніи частей; у него нѣтъ даже опредѣленной системы; встрѣчаются иногда повторенія; факты набросаны вообще съ замѣчательною небрежностію и безъ всякой органической связи. Не спасаютъ автора многочисленныя раздѣленія и подраздѣленія на періоды, главы и параграфы. Напримѣръ:

«Исторія Швейцаріи».

§ 314. Швейцарія, зависѣвшая отъ Франціи, возстановила свою самостоятельность; она увеличена тремя кантонами: Валлисомъ, Невшателемъ и Женевою и состоитъ нынѣ изъ 25 кантоновъ». (Новой исторіи періодъ 3-й, глава XXVI).

Не правда ли, какъ коротко и ясно изобразилъ авторъ исторію Швейцаріи послѣ Вѣнскаго конгресса. Но касательно Швейцаріи это еще неважно; гораздо важнѣе, что подобная характеристика помѣщена и подъ заглавіемъ: «Исторія Пруссіи»: впрочемъ съ небольшимъ прибавленіемъ, а именно: «Такимъ образомъ эта держава начала благоденствовать еще подъ скипетромъ покойнаго короля Фридриха Вильгельма III, скончавшагося въ 1841 г., и благоденствуетъ по сіе время при преемникѣ его

Фридрихѣ Вильгельмѣ IV». Причина такого лаконическаго изложенія для насъ очень понятна: это отсутствіе значительныхъ войнъ.

Посмотримъ теперь, сколько мѣста дано въ книгѣ г. Зуева исторіи образованія. Естественно, что прежде всего мы спѣшимъ къ древней Греціи, къ той самой Греціи, которой цивилизація имѣетъ громадное значеніе во всемірной исторіи. Раскрываемъ. И что же? Находимъ только «Краткое обозрѣніе образованности Грековъ», разсказанное на 4-хъ страничкахъ (113—117, 4-е изд.), и притомъ, какъ разсказанное!

Приводимъ начало этого обозрѣнія: «Образованіе Грековъ, также какъ и жизнь ихъ, проявилось въ 2-хъ характерахъ: Іоническомъ и Дорическомъ. Веселые, богатые, изнѣженные Іоняне жили внѣшнею жизнію, старались разнообразить ее и услаждать всѣми удовольствіями. Напротивъ суровые, нравственные Доряне жили внутреннею жизнію. Посему сочиненія первыхъ принимаютъ характеръ пластическій, реальный, а вторыхъ—созерцательный, идеальный. Музы нашли себѣ впервые поклонниковъ во Ѳракіи; здѣсь появились символическіе обряды, посредствомъ которыхъ жрецы дѣйствовали на народъ; изъ нихъ прославились: Орфей, Музей и другіе; но слава ихъ меркнетъ съ появленіемъ знаменитаго поэта героическихъ временъ, Омира» и пр. За тѣмъ идетъ перечень поэтовъ, художниковъ, философовъ и ихъ произведеній, съ громкими эпитетами и безъ эпитетовъ. Обозрѣніе это оканчивается слѣдующими фразами: «Таково было состояніе наукъ и искусствъ въ цвѣтущія времена Грековъ. Съ ослабленіемъ силъ нравственныхъ ослабли и силы умственныя. Развращенная и изнѣженная жизнь, кровавыя междоусобія мало-по-малу истребили сѣмена прекраснаго, и всѣ лучшія произведенія ума человѣческаго и рукъ достались Римлянамъ вмѣстѣ съ покоренною страною.»

О религіи Греческой и объ отношеніи къ ней античнаго искусства г. Зуевъ въ 4-мъ изданіи своей древней исторіи умалчиваетъ; совѣтуемъ читателю заглянуть въ одно изъ предъидущихъ изданій; онъ откроетъ тамъ на этотъ счетъ удивительныя вещи. О цивилизаціи Римлянъ г. Зуевъ говоритъ еще менѣе; онъ только дѣлаетъ «Краткій очеркъ исторіи Римской литературы до временъ имперіи», на двухъ страничкахъ (182—184). Чѣмъ же наполнена исторія Греціи и Рима? спроситъ кто-нибудь, не читавшій книги г. Зуева. Странный вопросъ, отвѣчаемъ мы: какъ будто древніе народы воевали менѣе, чѣмъ новые.

Не болѣе удовлетворителенъ отдѣлъ цивилизаціи и въ средней исторіи. Изъ 233 страницъ второй части г. Зуевъ посвящаетъ 16 страницъ на «Краткое обозрѣніе наукъ и художествъ въ средніе вѣка» (171—186. 3-е изд.) съ приличнымъ раздѣленіемъ на 4 періода, съ предпосланіемъ

общаго обозрѣнія и съ прибавленіемъ открытій, изобрѣтеній компаса, пороха, писчей бумаги и книгопечатанія. Въ этомъ отдѣлѣ авторъ мимоходомъ касается знаменитыхъ ученыхъ, художниковъ и поэтовъ, предоставляя собственному воображенію молодыхъ людей рисовать картину средневѣковаго быта; на торговлю и государственныя учрежденія онъ не обратилъ никакого вниманія. Остальныя 217 страницъ средней исторіи наполнены по обыкновенію войнами, династіями, хронологическими таблицами и алфавитнымъ географическимъ указателемъ. Собственныя имена и годы разсѣяны почти на каждой строкѣ, такъ что у бѣднаго мальчика навѣрно заломитъ голову послѣ первой же выученной страницы (ибо просто читать эту книгу невозможно). Выводя на сцену страшное количество рыцарей и бароновъ, авторъ не позаботился очертить сколько нибудь наглядно феодально-рыцарскій бытъ. Конечно мы не можемъ принять за очерки этого быта нѣсколько словъ, которыя онъ приводитъ подъ заглавіемъ: «О феодальной системѣ». Представляемъ на судъ читателей напримѣръ слѣдующее мѣсто, въ которомъ авторъ довольно наивнымъ образомъ объясняетъ молодому человѣку, что такое были домены, феодалы, феоды, лены, вассалы и сюзрены. «Когда войны мало-по-малу стихли, и Германцы стали болѣе обращать вниманія на улучшенія своего быта, то имъ естественно пришла мысль объ осѣдлости и отдѣльности владѣній, свойственной семейной жизни. Они потребовали раздѣла фиска, и король съ палатнымъ меромъ, по общему приговору, одѣлили всѣхъ членовъ гелейта, смотря по ихъ достоинству и заслугамъ, *доменами* или *аллодіумами;* при чемъ король себѣ бралъ большой и лучшій участокъ; палатный меръ также не упускалъ случая обезпечить свое состояніе. За тѣмъ палатный меръ дѣлался уже только управляющимъ королевскими помѣстьями. Но такъ какъ подобный раздѣлъ фиска могъ разрушить всякую связь между членами гелейта и разстроить грозное положеніе завоевателей провинціи, то аллодіальные владѣльцы обязывались присягою въ вѣрности королю и гелейту и назывались въ этомъ отношеніи *феодалами* (fides), а участокъ ихъ *феодомъ*. Такимъ образомъ раздѣленіе фиска, на первый разъ, казалось равно выгоднымъ для членовъ гелейта и для предводителя онаго. Въ слѣдствіе различныхъ обстоятельствъ феодальныя отношенія мало-по-малу становились тягостными и для гелейта и для короля. Пользуясь своимъ превосходствомъ и разъединеніемъ интересовъ гелейта, король, подъ предлогомъ охраненія общаго блага, присвоилъ себѣ, такъ сказать, власть цензора, въ отношеніи къ службѣ своихъ феодаловъ: за вѣрность и усердіе награждалъ увеличеніемъ феода. Общій порядокъ владѣнія былъ таковъ, что, какъ

въ новѣйшее время жалованье, феодъ принадлежалъ феодалу до тѣхъ поръ, пока продолжалась его служба; съ окончаніемъ оной, король присвоилъ себѣ право распорядиться феодомъ и оставлялъ его за наслѣдникомъ умершаго, или передавалъ тому, кто замѣнялъ феодала, выбывшаго изъ службы. А чтобы еще болѣе подчинить себѣ феодаловъ, онъ удѣлялъ имъ участки изъ своего собственнаго домена подъ названіемъ *бенефицій* или *леновъ*, и за то обязывалъ ихъ уже личною къ себѣ вѣрностію: аллодіальный свободный владѣлецъ становился *вассаломъ* своего леннаго владыки *сюзрена* (souverain). Условія обладанія леномъ были еще стѣснительнѣе для вассала, нежели условія владѣнія аллодіумомъ» (44—45-ая, 2-я часть, 3-е изд.).

Упоминая безпрерывно о битвахъ, г. Зуевъ даже не почелъ за нужное надѣть на господъ рыцарей ихъ тяжелое вооруженіе, такъ что передъ глазами учениковъ они мелькаютъ подобно тѣнямъ. Что же касается до новыхъ вѣковъ, то здѣсь исторія Европейской цивилизаціи проходится совершеннымъ молчаніемъ (за исключеніемъ краткаго вступленія), или, выражаясь языкомъ прежнихъ историковъ, она покрывается у него мракомъ неизвѣстности.

Г. Зуевъ не указываетъ на источники своего труда; мы догадываемся однако, что въ основаніе его книги легли: Всемірная исторія Беккера, Руководство ко всеобщей исторіи Лоренца, разказы Ламе Флери, учебникъ г. Смарагдова и собственныя идеи автора. Не хотимъ утомлять вниманіе читателей дальнѣйшими выписками изъ книги г. Зуева, которыя могли бы показать, какъ неудачно вообще онъ пользовался своими источниками; это увлекло бы насъ слишкомъ далеко; да притомъ достаточно и тѣхъ мѣстъ, которыя мы привели, чтобы судить о достоинствѣ «учебной книги». Изъ разсказовъ Ламе Флери г. Зуевъ заимствовалъ исторію Англіи въ XVII-мъ и XVIII-мъ вв., и заимствовалъ очень добросовѣстно, такъ что его исторія Англіи почти переводъ краснорѣчиваго разскащика. Жаль только, что г. Зуевъ не пользовался имъ гораздо чаще: картинныя описанія быта, живыя характеристики многихъ историческихъ лицъ и интересные анекдоты Французскаго писателя могли бы сообщить его книгѣ несравненно болѣе интереса въ глазахъ юнаго поколѣнія. Авторъ впрочемъ отдаетъ полную справедливость многимъ знаменитымъ историкамъ новыхъ временъ; такъ напримѣръ, приступая къ исторіи Рима, онъ говоритъ, что «изъ новѣйшихъ сочиненій преимущественно уважаются сочиненія Нибура и Вальтера» (стр. 117).

Не помогаютъ г. Зуеву составленныя имъ и приложенныя въ концѣ каждой книжки алфавитные указатели географическихъ названій и до-

стопамятныхъ лицъ, хронологическія и генеалогическія таблицы, и историческія карты; напротивъ онѣ еще яснѣе обнаруживаютъ спекулятивный характеръ его труда.

Послѣ всего сказаннаго нами, можетъ быть нѣкоторые изъ читателей сдѣлаютъ вопросъ: зачѣмъ же мы видимъ въ книгѣ г. Зуева только одни недостатки и не хотимъ указать на ея достоинства? и должна же наконецъ она представить какой-нибудь шагъ впередъ сравнительно съ своими предшественниками. Мы рѣшительно затрудняемся отвѣчать на подобный вопросъ; можетъ быть, въ исторіи г. Зуева найдутся и достоинства; но пусть отыскиваютъ ихъ другіе болѣе насъ счастливые рецензенты. Замѣтьте при этомъ, что мы имѣли въ виду собственно послѣднія, исправленныя книжки (т.-е. 4-е изданіе древней исторіи и 3-е изд. средней и новой); можете себѣ вообразить, въ какомъ видѣ явились онѣ на свѣтъ въ предыдущихъ изданіяхъ. Тамъ вы нашли бы между прочимъ древнія государства, падающія отъ роскоши, и много другихъ интересныхъ фактовъ.

Гораздо болѣе утѣшительнаго должны мы сказать о книгѣ г. Берте. «Главная цѣль моя, говоритъ авторъ въ предисловіи, состояла въ томъ, чтобы, соображаясь съ потребностями обученія домашняго и въ низшихъ училищахъ, представить дѣтямъ полный обзоръ Всеобщей Исторіи, въ ясныхъ, простыхъ и возможно занимательныхъ, но краткихъ разсказахъ, изъ которыхъ каждый составлялъ бы отдѣльный, легкій урокъ». Всякій, прочитавшій нѣсколько главъ изъ этой книги навѣрно согласится, что авторъ почти достигаетъ своей скромной цѣли. Языкъ его легокъ и пріятенъ; въ этомъ заключается главное достоинство книги г. Берте. Далѣе, событія выбраны имъ наиболѣе рельефныя и характеристичныя. Мы желали бы однако найти у него болѣе мѣста для внутренней, бытовой исторіи народовъ; тѣ же немногія главы, которыя посвящены авторомъ объясненію народнаго быта, сообщаютъ дѣтямъ приблизительно вѣрныя понятія и способны заинтересовать его съ этой стороны. Въ примѣръ приведемъ то, что, говорится здѣсь о религіи Грековъ:

«Религія древнихъ Грековъ была совершенно отлична отъ религіи прочихъ народовъ: Евреевъ, Египтянъ, Вавилонянъ и Персовъ. У нихъ не было ни общаго народнаго божества, ни общаго храма, ни священныхъ книгъ, ни господствующей и сильной касты жрецовъ. Они признавали своими божествами разные предметы вселенной и природы, напр. небо, солнце, луну, землю и представляли ихъ въ образѣ людей. Царь и отецъ всѣхъ боговъ былъ *Зевесъ (Юпитеръ)*, богъ неба и земли. Греки изображали его въ видѣ почтеннаго мужа съ длинными распущенными воло-

сами. Въ одной рукѣ онъ держалъ земной шаръ (?), а въ другой скипетръ. Прочія изъ божествъ были родственники Зевеса или Юпитера. *Гера (Юнона)*—жена Юпитера, была царица неба и земли; *Аполлонъ*, сынъ Юпитера, былъ богъ солнца; а *Діана*, его сестра, богиня луны. *Посейдона* (Нептуна), бога моря, представляли сидящимъ верхомъ на лошади съ тройнымъ копьемъ въ рукѣ. Такихъ боговъ и богинь у Грековъ было множество.—Притомъ эти боги, по мнѣнію Грековъ, не только представляли предметы природы, но и выражали разныя качества и добродѣтели людей. Напримѣръ, была богиня любви и красоты (*Афродита*), богиня мудрости (*Паллада*), богъ краснорѣчія (*Гермесъ*, *Меркурій*) и др.

Греки обожали также многихъ людей, особенно героевъ, которымъ, по смерти ихъ, жрецы приносили въ жертву на красивыхъ алтаряхъ быковъ, увѣшанныхъ цвѣтами. Нѣкоторые сочиняли стихи, въ которыхъ хвалили дѣла боговъ, а народъ публично пѣлъ эти стихи.

Главнымъ божествамъ Греки строили красивые храмы въ тѣнистыхъ рощахъ и мрачныхъ долинахъ; а въ этихъ храмахъ ставили статуи боговъ и богинь изъ дерева или изъ камня, золота или серебра. Въ лѣтнемъ саду нашей столицы и въ другихъ публичныхъ садахъ въ окрестностяхъ Петербурга, особенно въ Царскосельскомъ, Петергофскомъ и Павловскомъ, много мраморныхъ статуй разныхъ Греческихъ боговъ и богинь.

Суевѣрные Греки думали, что боги могутъ говорить съ людьми и что въ нѣкоторыхъ, особенно въ таинственнымъ мѣстахъ, боги открывали людямъ будущее разными знаками, которые объясняли жрецы. Эти предсказанія назывались *оракулами*. Болѣе прочихъ прославился оракулъ въ Дельфійскомъ храмѣ Аполлона у подошвы *Парнаса*, горы музъ. Здѣсь жрица *Пиѳія*, въ извѣстные дни, садилась на треножномъ стулѣ, надъ пещерой, изъ которой выходили сильные, удушливые, сѣрные пары. Отъ этихъ паровъ съ Пиѳіей дѣлались разные припадки, и она начинала произносить отрывистыя, непонятныя слова, которыя жрецы записывали и потомъ объясняли народу, какъ отвѣты на его вопросы. Другой знаменитый оракулъ былъ въ городѣ *Додонѣ*, въ Эпирѣ. Тамъ жрецы по шелесту листьевъ священнаго дуба, по журчанію ручья и по звуку мѣдныхъ сосудовъ предсказывали людямъ будущую ихъ участь; народъ же твердо вѣрилъ этимъ предсказаніямъ» (стр. 32—33).

Мы выбрали именно это мѣсто съ намѣреніемъ показать, какъ просто и наглядно передаетъ авторъ дѣтямъ тѣ стороны народной жизни, которыя или совсѣмъ обойдены или такъ неудачно представлены у г. Зуева. Въ научномъ отношеніи въ книгѣ г. Берте найдутся и нѣкоторые промахи; встрѣчаются, напримѣръ, разсказы, давно заподозрѣнные истори-

ческою критикою, въ родѣ того, что Ликургъ отмѣнилъ золотыя и серебряныя деньги и ввелъ желѣзныя; что Порсена отступилъ отъ Рима, устрашенный подвигами Горація Коклеса и Муція Сцеволы и пр.; хотя въ отношеніи къ учебнику, назначенному для дѣтскаго возраста, эти промахи не очень важны; но все-таки гораздо лучше, еслибы ихъ совсѣмъ не было и дѣти не получали бы никакихъ ложныхъ понятій и впечатлѣній. Кромѣ того мы желаемъ обратить вниманіе автора на отдѣлъ новой исторіи, который у него слишкомъ отрывоченъ и вообще изложенъ менѣе удовлетворительно, нежели первые два.

Курсъ Всеобщей Исторіи для воспитанницъ благородныхъ институтовъ и воспитанниковъ гимназій, составленный В. Шульгинымъ. Исторія среднихъ вѣковъ. Кіевъ. 1858 г..*

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ мы говорили объ учебникахъ по всеобщей исторіи гг. Зуева и Берте, и при этомъ случаѣ упомянули о тѣхъ условіяхъ, которыя, по нашему мнѣнію, требуются въ настоящее время отъ хорошо составленнаго историческаго руководства. Авторъ означенной въ заглавіи книги, въ предисловіи къ ней, излагаетъ свой взглядъ на тотъ же предметъ, и мы думаемъ, что наше мнѣніе въ главныхъ чертахъ подходитъ къ его взгляду. Поэтому, говоря о книгѣ г. Шульгина, мы будемъ преимущественно имѣть въ виду имъ самимъ изложенныя правила, которыхъ онъ держался при составленіи своего *Курса*.

Первое необходимое условіе всякаго руководства заключается въ томъ, чтобы оно стояло въ уровень съ современнымъ состояніемъ науки. Съ этой стороны книга г. Шульгина составлена вообще добросовѣстно и притомъ съ очевиднымъ знаніемъ предмета. Конечно найдутся мѣста, за которыя иной спеціалистъ могъ бы поспорить съ авторомъ; но они, по нашему мнѣнію, рѣдки и не важны. Въ настоящей статьѣ мы будемъ говорить собственно о качествахъ этой книги, какъ учебника для Русскихъ гимназій. Отдавая должную справедливость труду автора и прекраснымъ правиламъ, которыя легли въ основаніе этого труда, мы позволимъ себѣ въ то же время сдѣлать указаніе на недостатки его книги. Хотя эти недостатки и выкупаются отчасти ея достоинствами, однако же нѣкоторые изъ нихъ настолько замѣтны, что требуютъ серьезнаго обсужденія.

«Въ исторіи первостепенныхъ народовъ, говоритъ авторъ въ предисловіи, составитель учебника старался съ особенною, переходящею пре-

---

* Московскія Вѣдомости. 1858 г. № 137.

дѣлы большей части руководствъ, полнотою развить главные историческіе моменты въ жизни этихъ народовъ и изобразить личность главнѣйшихъ историческихъ дѣятелей, приводя для этого иногда подробности и даже легенды, повидимому ничтожныя, но нерѣдко рисующія эпоху. За то исторія второстепенныхъ народовъ и событій изображена въ учебникѣ слегка, въ общихъ характеристическихъ очеркахъ, какъ необходимая связь между капитальными явленіями».

«Во-вторыхъ: убѣжденный въ безполезности излишней сухой систематики и всѣхъ табличныхъ хронологическихъ методъ въ исторіи, составитель учебника старался по возможности избѣгать дробнаго дѣленія на періоды особенно исторіи второстепенныхъ государствъ, чтобы не быть вынужденнымъ наполнять происходящія въ слѣдствіе такого дѣленія рубрики голыми именами и числами». И нѣсколько ниже: «*Какъ можно менѣе голыхъ чиселъ и безличныхъ именъ и какъ можно болѣе живыхъ людей*—вотъ главное правило историческаго преподаванія и изученія».

«Въ-третьихъ: изложеніе такъ называемыхъ внѣшнихъ политическихъ событій въ учебникѣ отодвинуто на второй планъ, и особенное вниманіе обращено на внутреннюю жизнь народовъ въ ея юридическихъ, экономическихъ, нравственно-религіозныхъ, умственныхъ и художественныхъ проявленіяхъ,—впрочемъ опять безъ всякихъ подраздѣленій на періоды, но въ одномъ цѣломъ очеркѣ, проникнутомъ одною идеею».

Относительно перваго пункта, что авторъ «съ особенною, переходящею предѣлы большей части руководствъ, полнотою старался развить главные историческіе моменты въ жизни первостепенныхъ народовъ», мы думаемъ, что г. Шульгинъ недостаточно знакомитъ ученика съ характеромъ и первоначальнымъ бытомъ нѣкоторыхъ главныхъ народовъ, т.-е. съ этнографическимъ элементомъ исторіи. Въ средніе вѣка выступаютъ на сцену преимущественно племена новыя, молодыя; а потому характеръ этихъ племенъ, ихъ религія, обычаи, общественныя отношенія, средства существованія въ юношескую эпоху должны обратить на себя особое вниманіе руководства. Авторъ по справедливости остановился преимущественно на Германцахъ и довольно подробно описываетъ нѣкоторыя черты ихъ быта; за то онъ совсѣмъ почти не говоритъ объ ихъ религіозныхъ вѣрованіяхъ. Что же касается до Кельтическаго племени, то оно представлено въ очеркѣ слишкомъ сжатомъ, и притомъ совсѣмъ не показано отношеніе къ нему Римской цивилизаціи. Впрочемъ, и то уже шагъ впередъ, что г. Шульгинъ даетъ Кельтамъ мѣсто въ своемъ *Курсѣ*; въ прежнихъ руководствахъ это племя, игравшее такую видную

роль въ исторіи западной Европы, обыкновенно проходилось молчаніемъ. Еще менѣе говорится у г. Шульгина о Славянскихъ племенахъ; онъ слегка упоминаетъ о нихъ по поводу Польской исторіи. Имѣя въ виду преимущественно первостепенныя государства, авторъ между западными Славянами выбираетъ однихъ Поляковъ, какъ представителей Славянской народности, и разсказываетъ ихъ исторію. Мы думаемъ однако, что на ряду съ Поляками заслуживаютъ вниманія руководства другое западно Славянское племя— Чехи. Гусситскія войны, гдѣ особенно сильно сказалась Славянская народность въ отношеніи къ Германской, могли бы подать автору прекрасный поводъ къ очерку предыдущей Чешской исторіи. Въ то время какъ восточные Славяне составляютъ въ Русскихъ школахъ предметъ особой науки, наши западные соплеменники, къ сожалѣнію, до сихъ поръ остаются въ тѣни. А между тѣмъ быстрое возрастаніе нѣкоторыхъ Славянскихъ государствъ, ихъ кратковременный блескъ и трагическая судьба представляютъ одинъ изъ интересныхъ отдѣловъ въ исторіи среднихъ вѣковъ, особенно для насъ Русскихъ; но пока, вслѣдъ за Нѣмецкими учебниками всеобщей исторіи, мы упоминаемъ о нихъ мимоходомъ. Недостаточно также очерчены или совсѣмъ не очерчены въ книгѣ г. Шульгина и другіе народы, игравшіе значительную роль въ средніе вѣка, напр. Монголы, Турки и пр. На ряду съ этнографіей замѣтна слабость и географическаго элемента. Извѣстно, какая тѣсная связь существуетъ между народнымъ бытомъ и географическими условіями страны; поэтому болѣе подробныя характеристики мѣстностей далеко были бы нелишними въ курсѣ средней исторіи.

Относительно дальнѣйшаго развитія цивилизаціи у разныхъ народовъ мы укажемъ на нѣкоторые пробѣлы въ руководствѣ г. Шульгина. Эти пробѣлы тѣмъ замѣтнѣе, что въ книгѣ, по словамъ автора, «изложеніе такъ называемыхъ внѣшнихъ политическихъ событій отодвинуто на второй планъ, и особенное вниманіе обращено на внутреннюю жизнь народовъ въ ея юридическихъ, экономическихъ, нравственно религіозныхъ, умственныхъ и художественныхъ проявленіяхъ». Такъ напримѣръ, здѣсь почти ничего несказано о распространеніи христіанства въ собственной Германіи, и апостольскіе подвиги св. Бонифація упомянуты только мимоходомъ, по поводу возвышенія папской власти; а именно: «Григорій II вознаградилъ потерю Пиринейской паствы, покоренной магометанами, пріобрѣтеніемъ новой въ сѣвер. Германіи, которая была обращена въ христіанство и подчинена Римской церкви его миссіонеромъ Бонифаціемъ» (66 стр.). Вообще религіозному отдѣлу въ *Курсѣ* г. Шульгина дано слишкомъ мало мѣста. Не вездѣ удовлетворителенъ и юридическій

отдѣлъ: о салическихъ и другихъ Германскихъ законахъ, напримѣръ, здѣсь совсѣмъ не упоминается. Такимъ же скупымъ является авторъ и тамъ, гдѣ онъ говоритъ о памятникахъ словесности. Выписываемъ здѣсь весь послѣдній отдѣлъ. «Благороднѣйшимъ произведеніемъ христіанства и Германско-Романской народности была средневѣковая *поэзія*. Первыя столѣтія средневѣковой жизни мало были благопріятны развитію поэзіи: бурное время переселеній, разрушеніе старыхъ и основаніе новыхъ государствъ мало давали простора для мирнаго творчества. Проповѣдническая ревность миссіонеровъ и вообще духовенства въ числѣ другихъ остатковъ язычества, преслѣдовала и уничтожала народныя языческія пѣсни и саги, замѣняя ихъ церковными пѣснями и легендами. Отсюда поэзія первыхъ пяти вѣковъ этого періода была чисто церковная и по преимуществу выражалась на языкѣ церкви—Латинскомъ. Но врожденный Германскому племени даръ поэзіи не могъ быть вполнѣ искорененъ: и народная пѣсня, и народная сага сохранились отъ гибели и продолжали жить на отдаленномъ сѣверѣ въ устахъ Скандинавскихъ *скальдовъ* и Кельтическихъ *бардовъ*. Съ XI в. начинается новая эпоха. Образованіе новыхъ языковъ, особенно Романскихъ, удалые набѣги Норманновъ, борьба съ невѣрными въ Испаніи, крестовые походы съ ихъ религіознымъ воодушевленіемъ, рыцарство и обожаніе женщины, и наконецъ улучшеніе народнаго благосостоянія въ торговыхъ городахъ, всѣ эти обстоятельства сильно способствовали развитію и процвѣтанію поэзіи, которая сложилась изъ трехъ элементовъ: христіанскаго, Германскаго и восточно-Мавританскаго. Въ поэзіи, какъ и вообще во всѣхъ проявленіяхъ феодальной жизни, встрѣчаемъ разладъ и раздвоеніе: *поэзія рыцарская* рѣзко отличается отъ *поэзіи горожанъ*. Первая процвѣтала особено въ XII и XIII вѣкахъ. Роды ея *лирика* и *эпосъ*; въ ней дѣйствуютъ и воспѣваются только герои и сословіе феодаловъ; содержаніе ея любовь и слава. Къ рыцарской лирикѣ относятся: во Франціи пѣсни *трубадуровъ* на югѣ и *труверовъ* на сѣверѣ, въ Англіи пѣсни *минестрелей*, въ Германіи пѣсни *минезеньеровъ*, въ Испаніи цѣлый рядъ *романсеровъ*, герой которыхъ Сидъ. Характеръ этихъ пѣсенъ—нѣжность и задушевная теплота, форма—риѳмическая звучная; онѣ сопровождались музыкою; какъ рыцари на турнирахъ, схоластики на диспутахъ, такъ поэты состязались на особенныхъ поэтическихъ битвахъ (Вартбургская война). Рыцарскій народный *эпосъ* развился изъ Германскихъ и Кельтическихъ сагъ, чудесныхъ сказаній Востока, изъ обломковъ классическихъ преданій и изъ религіозныхъ христіанскихъ легендъ. Главнѣйшіе памятники его: *Нибелунги*, саги о рыцаряхъ *круглаго сто-*

ла, пѣснь о *Роландѣ*. Гораздо позднѣе, съ XIV в. процвѣла, среди *городскаго* населенія, своего рода литература, непріязненная феодализму. Здѣсь развилась поэзія цеховыхъ мейстерзенгеровъ, замѣнившихъ пѣвцовъ любви; здѣсь родились и *сказки* (fabliaux), въ которыхъ язвительный горожанинъ осмѣялъ идеи и доблести феодальнаго рыцаря и всю поэтическую обстановку среднихъ вѣковъ и которыя были предвѣстниками Донъ-Кихота. Грандіозная эпопея *Данта* (1265—1321) — Divina Comedia, отразившая въ себѣ всю сумму вѣрованій и убѣжденій, выработанныхъ въ концѣ среднихъ вѣковъ и враждебныхъ папству и феодализму, достойнымъ образомъ завершаетъ средневѣковую поэзію. Сонеты *Петрарки* (1304—1374) и Decamerone Боккачіо (1313—1375) были уже предвѣстниками новаго направленія въ поэзіи, образовавшагося подъ вліяніемъ возрожденнаго древне-классическаго образованія» (228—230). Мы видимъ здѣсь почти одну номенклатуру разныхъ видовъ средневѣковой поэзіи и нѣкоторыхъ замѣчательныхъ произведеній. Въ головѣ ученика послѣ подобнаго реэстра не можетъ образоваться никакого опредѣленнаго представленія о характерѣ этихъ видовъ и произведеній; ему остается только заучить на память ихъ названія. А между тѣмъ краткое содержаніе или изящная характеристика такихъ произведеній словесности, какъ Нибелунги, Эдда (о которой тутъ совсѣмъ не говорится; о ней упоминается вскользь на 14 стр.), пѣсни Шотландскихъ бардовъ и эпопея Данта могли бы возбудить самый живой интересъ въ юномъ поколѣніи.

Далѣе обратимъ вниманіе на характеры историческихъ лицъ въ книгѣ г. Шульгина. Приведемъ слова, сказанныя имъ въ предисловіи: «*Какъ можно менѣе голыхъ числъ и безличныхъ именъ и какъ можно болѣе живыхъ людей*—вотъ главное правило историческаго преподаванія и изученія!» Къ сожалѣнію, авторъ не вездѣ остается вѣренъ своему правилу. Выводя на сцену новыя личности, онъ нерѣдко отмѣчаетъ ихъ только посредствомъ сильныхъ эпитетовъ. Напримѣръ: «Католики сѣверной Франціи, подкрѣпляемые властью короля Филиппа II Августа, были предводимы графомъ Симономъ де Монфоромъ, *страшнымъ* героемъ этого похода» (125), или: «Герцоги Орлеанскій, Бургундскій, братья, даже дѣти короля и жена его—*ужасная* Изабелла Баварская, города и бароны, все это раздѣлилось на партіи, которыя вели между собою кровавую и жестокую войну» (135). Изъ разсказа ученику едва ли будетъ понятно, почему эти лица названы страшными или ужасными. Для поясненія нашихъ словъ продолжимъ первую выписку: «Вся южная Франція была опустошена огнемъ и мечемъ; жители ея скрылись въ горахъ

и лѣсахъ. Неистовства и жестокости католическихъ войскъ превосходятъ всякое описаніе. По взятіи города Безіера, военачальники спросили у папскаго легата, что сдѣлать съ множествомъ плѣнниковъ, между которыми было много не еретиковъ. —«Убить», хладнокровно отвѣчалъ легатъ. Но какъ отличить между ними еретиковъ отъ католиковъ? спросили его.— «Бейте всѣхъ, на томъ свѣтѣ Богъ распознаетъ невинныхъ!» было отвѣтомъ легата». Читатель конечно согласится съ нами, что если кто и является въ этомъ разсказѣ *страшнымъ* лицомъ, такъ это именно папскій легатъ. Маргариту Анжуйскую, супругу Генриха VI Англійскаго, авторъ характеризуетъ слѣдующими словами (взятыми изъ Юма): она «неотличалась добродѣтелями своего пола, но не имѣла его слабостей» (145). Подобная отрицательная характеристика тогда только хороша, когда на самомъ дѣлѣ показано, какими добродѣтелями Маргарита не отличалась и какихъ слабостей она не имѣла; въ противномъ случаѣ эти слова не даютъ о ней никакого яснаго представленія. Нѣкоторые первостепенные характеры выходятъ у г. Шульгина слишкомъ блѣдны, напримѣръ, самые знаменитые изъ Гогенштауфеновъ, Фридрихъ Барбаруса и Фридрихъ II. Другія видныя личности совсѣмъ неочерчены, между прочимъ: Вильгельмъ Завоеватель, Ричардъ Львиное Сердце и Бертранъ дю Гескленъ; тогда какъ удачная характеристика одного изъ нихъ (а еще лучше всѣхъ троихъ) въ глазахъ ученика можетъ освѣтить средневѣковой бытъ гораздо ярче, нежели всѣ отвлеченныя изображенія феодализма и рыцарства. Къ числу неудавшихся характеровъ мы должны отнести и высокую личность среднихъ вѣковъ—Григорія VII, вмѣстѣ съ его соперникомъ Генрихомъ IV.

Перейдемъ теперь къ четвертому правилу, котораго г. Шульгинъ держался при составленіи своего учебника. «Не увлекаясь притязаніемъ на званіе автора—говоритъ онъ—и имѣя въ виду главнымъ образомъ пользу учащихся, составитель предлагаемаго руководства помѣщалъ въ своемъ курсѣ почти *безъ* измѣненій тѣ статьи изъ иностранныхъ и отечественныхъ монографій и учебниковъ, которыя, по его мнѣнію, вполнѣ удовлетворяютъ назначенію руководства. Поэтому въ немъ встрѣтитъ читатель статьи изъ сочиненій *обоихъ* Тьерри, Мэколея, Мишле, Лео, Грановскаго, Кудрявцева, *Лоренца* и другихъ.—Составителю настоящаго курса принадлежитъ главнымъ образомъ выборъ, планъ и наконецъ общая идея, лежащая въ основѣ всего сочиненія». Повидимому, мысль прекрасная: чего же лучше, какъ передать молодому поколѣнію науку посредствомъ извлеченій изъ лучшихъ историческихъ писателей? Однако въ дѣйствительности это выходитъ не такъ удобно, какъ кажется съ

перваго взгляда. Доказательствомъ нашего мнѣнія служитъ тотъ же *Курсъ* средней исторіи. Приводя въ исполненіе свою мысль, г. Шульгинъ не взялъ въ разсчетъ одного важнаго обстоятельства, именно, степени развитія тѣхъ, для кого онъ составилъ руководство; а потому многія страницы его книги нелегко могутъ уклыдываться въ голову ученика. Кромѣ того, что авторъ недостаточно упростилъ свои заимствованія изъ историческихъ писателей, онъ, по нашему мнѣнію, не всегда выбиралъ изъ нихъ именно то, что дѣтскому возрасту наиболѣе доступно. Для примѣра укажемъ на одного изъ упомянутыхъ историковъ, на Грановскаго. Изящный выразительный стиль Грановскаго способенъ увлечь за собою вниманіе юноши и особенно подѣйствовать на его эстетическое чувство но по своей сжатости и глубинѣ воззрѣній его изложеніе требуетъ иногда значительной степени развитія и предварительныхъ познаній въ исторіи. По поводу втораго крестоваго похода авторъ довольно подробно говоритъ о Бернардѣ Клервальскомъ (114—116 стр. внизу), и тутъ, между прочимъ, приводитъ извѣстную характеристику этой личности изъ *Аббата Сугерія*. Весь этотъ очеркъ сосредоточивается около одной, главной черты проповѣдника—неотразимой силы его краснорѣчія; а между тѣмъ г. Шульгинъ изъ художественной характеристики, нарисованной Грановскимъ, выпускаетъ именно то мѣсто, которое можетъ произвести сильное впечатлѣніе на юное воображеніе, и долѣе всего остальнаго удержаться въ его памяти. Вотъ это мѣсто: «Сочиненія его (Бернарда) не даютъ, впрочемъ, понятія о томъ краснорѣчіи, которое, по словамъ его біографа, исходило изъ его устъ огненнымъ потокомъ. Всѣ современные памятники свидѣтельствуютъ о неодолимой силѣ его рѣчей. Однажды онъ встрѣтилъ ѣхавшихъ на турниръ рыцарей. Бернардъ началъ имъ доказывать грѣхъ, сопряженный съ этою кровавою игрою. Рыцари смѣялись, потомъ стали внимательнѣе слушать и кончили тѣмъ, что сложили съ себя оружіе и перешли изъ рати земной «въ рать небесную», т.-е. «постриглись». (Пропущены также и эти замѣчательныя слова: «Тайна его могущества заключалась въ непреклонномъ, невѣдавшемъ уступокъ убѣжденіи»). Если бы авторъ стѣснялся объемомъ книги, то одного этого факта, послѣ нѣсколькихъ предварительныхъ словъ, было бы достаточно, чтобы дать ученику понятіе о личности св. Бернарда. Укажемъ еще на превосходную характеристику феодальныхъ усобицъ (въ томъ же сочиненіи Грановскаго), которую мѣстами можно было бы привести слово въ слово, и которою авторъ почти не воспользовался. Вообще способъ, употребленный г. Шульгинымъ, вредитъ единству цѣлаго и гармоніи между отдѣльными частями; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сшивы довольно замѣтны.

Вопросъ о способѣ составленія *Курса* находится въ непосредственной связи съ его изложеніемъ. Мы указали на неполноту нѣкоторыхъ отдѣловъ въ книгѣ г. Шульгина; можетъ быть намъ замѣтятъ, что авторъ многое долженъ былъ опускать или сокращать, имѣя въ виду умѣренный объемъ книги и желая такимъ образомъ облегчить поколѣніе учащихся. На это мы отвѣтимъ слѣдующее. Во-первыхъ, давая болѣе мѣста предметамъ первостепенной важности, можно было бы соблюсти экономію въ изображеніи нѣкоторыхъ предметовъ менѣе важныхъ. Мы только что говорили о св. Бернардѣ; приведемъ еще примѣры. По поводу войны Карла Великаго съ Саксонцами, авторъ разсказываетъ о пришествіи къ Саксамъ священника Лабуина; а между тѣмъ о личности гораздо болѣе замѣчательной, о св. Бонифаціи, едва упоминаетъ; нападеніе на Англію Рагнара Лодброка и его сыновей передается у него полнѣе, нежели завоеваніе Англіи Вильгельмомъ и т. д. Во-вторыхъ, *главное затрудненіе для учениковъ по большей части заключается нестолько въ объемѣ руководства, сколько въ его изложеніи. На эту-то сторону въ книгѣ г. Шульгина мы всего болѣе хотимъ обратить вниманіе, потому что она менѣе всѣхъ другихъ сторонъ удовлетворяетъ требованіямъ историческаго руководства.*

Изложеніе г. Шульгина замѣтно страдаетъ излишнею отвлеченностью рѣчи и *стремительностію* (позволимъ себѣ такъ выразиться). Мы желали бы встрѣтить въ его книгѣ болѣе простыхъ, общепонятныхъ разсказовъ; менѣе *быстрыхъ очерковъ* и громкихъ фразъ, которыя не даютъ яснаго, опредѣленнаго понятія о предметѣ. Встрѣчаются мѣста, которыя едва ли доступны пониманію ученика и которыя онъ съ трудомъ можетъ усвоить себѣ только памятью. Такія мѣста особенно часты тамъ, гдѣ дѣло идетъ о внутренней жизни народовъ; сюда, напримѣръ, относится сдѣланная нами выписка о средневѣковой поэзіи. Въ подтвержденіе нашихъ словъ приведемъ еще одно мѣсто. Сказавъ о происхожденіи университетовъ и привилегіяхъ, которыми они обладали, авторъ продолжаетъ: «Но, не смотря на всѣ эти обстоятельства, и въ университетахъ наука мало получила независимости, ибо профессорами въ нихъ были монахи, большею частію доминиканцы, преподаваніемъ руководили папы. Только въ Оксфордскомъ и въ XV столѣтіи въ Пражскомъ обнаруживается оппозиція противъ Рима. Кромѣ ига, наложеннаго на умы авторитетомъ Рима, кромѣ сроднаго средневѣковому времени преобладанія воображенія и чувства надъ мышленіемъ, много вредилъ распространенію просвѣщенія недостатокъ въ средствахъ къ быстрой и дешевой передачѣ произведеній ума человѣче-

скаго.—Вслѣдствіе этихъ обстоятельствъ просвѣщеніе въ средніе вѣки шло не правильно, медленно и было доступно только немногимъ ученымъ по званію. Конечно мысль не могла не работать и въ средніе вѣка, но наука будто во снѣ строила какія-то мечты (!), не заботясь о вѣроятности и непримѣняя своихъ результатовъ къ жизни.—Не смотря на разнаго рода запрещенія и препятствія, мыслящій духъ не могъ отказаться вовсе отъ природы своей и обратился къ *философствованію* о Богѣ, мірѣ и человѣкѣ. Это философствованіе имѣло характеръ богословскій. Плодомъ его было одно изъ замѣчательнѣйшихъ явленій среднихъ вѣковъ,— такъ называемая *схоластическая философія*. Главная задача ея состояла въ томъ, чтобы изъ разума доказать истину ученія и вѣрованій Римской церкви. Открывать новыя истины собственнымъ умомъ философъ не смѣлъ; онъ долженъ былъ объяснять и доказывать изъ ума только то, во что вѣритъ Римъ. Правда, являлись люди, посягавшіе дѣлать самостоятельные результаты и выводы, но они назывались еретиками. Схоластика господствовала долго во всей области знанія; сообразно воинственному духу вѣка, и она приняла характеръ воинственный и сдѣлалась ученымъ рыцарствомъ; турнирами ея были диспуты, оружіемъ— живое слово и перо, бойцами — монахи (особенно доминиканцы), главными мѣстами битвъ Парижъ и Оксфордъ. Рядомъ съ схоластикою возникаетъ *мистика*, находившаяся въ постоянной враждѣ съ нею, а потомъ съ Римскою церковью. Еще менѣе схоластики она въ началѣ похожа была на самостоятельную философію, потому что не опытомъ и размышленіемъ стремились мистики узнать истину; но посредствомъ умерщвленія страстей и изможденія тѣла постомъ, уединеніемъ и молитвою, приводили себя въ восторженное состояніе и полагали, что при такомъ состояніи сердцу человѣка открывается истина. Схоластика построена была главнымъ образомъ на аристотелевой философіи. Аристотель сдѣлался извѣстнымъ Европѣ частію посредствомъ Арабскихъ переводовъ и объясненій, а частію чрезъ Еврейскихъ раввиновъ, только съ XIII в. онъ едва проникъ въ Европу въ оригиналѣ. Уваженіе къ нему было неограниченное. Вліяніе Аравійской философіи и бѣдность, тѣснота содержанія, дозволеннаго и предоставленнаго философствованію Римскимъ авторитетомъ, отразились на схоластикѣ тѣмъ, что при всемъ остроуміи, пытливости и громадной учености схоластиковъ, она дала въ результатѣ большею частію безсодержательныя, непримѣняемыя къ жизни и наукѣ словопренія. Заслуга схоластики заключается именно въ ея молодой отвагѣ и пытливости, которая не дала уму уснуть въ рабствѣ (!). Положительнаго знанія въ огромныхъ накопленныхъ ею фоліантахъ не «ищите (221—222).

Грубыя фразы, слишкомъ энергическія выраженія и безъ нужды частое употребленіе иностранныхъ словъ, также едва ли способствуютъ болѣе ясному пониманію предмета. Нѣкоторыя фразы напоминаютъ манеру историческаго (или скорѣе реторическаго) изложенія въ руководствахъ г. Смарагдова, какъ напр. «Порокъ и развратъ утвердили свои орлы подъ сводами Ватикана» (60), или: «Дикая поэзія согрѣвала душу Норманна: онъ пѣлъ, идя на битву, пѣлъ, умирая въ сраженіи» (190). Есть мѣста, очень похожія на соотвѣтствующія у г. Смарагдова. Для примѣра сличимъ характеристику Григорія VII. У г. Шульгина: «По чувствамъ пылкій и увлекающійся, онъ вполнѣ былъ человѣкъ средневѣковой: по уму, онъ перешагнулъ свой вѣкъ и глубоко изучилъ его на опытѣ, переходя изъ низкаго званія всѣ степени жизни, наблюдая ее при дворахъ королей и въ замкахъ вассаловъ, и въ чертогахъ прелатовъ, и въ кельѣ отшельника; по волѣ, онъ былъ твердъ и непоколебимъ, когда дѣло шло о достиженіи того, что онъ почиталъ добромъ. Самъ строго нравственный, онъ былъ неумолимо строгъ къ себѣ и другимъ. Таковъ былъ сынъ угольщика, монахъ Гильдебрандъ, бывшій въ теченіе 25 лѣтъ руководителемъ пяти папъ, пока самъ не сдѣлался папою. Зрѣлище глубокаго униженія—нравственной порчи тогдашняго духовнаго и свѣтскаго общества, должно было сильно поразить душу этого человѣка, и онъ рѣшился совершить преобразованіе средствами, какими бы то ни было и во что бы то ни стало. Цѣль Гильдебранда состояла въ томъ, чтобы очистить духовенство отъ нравственной порчи, освободить его отъ всякой зависимости свѣтской власти, подчинить его папѣ и поставить папу верховнымъ главою всѣхъ свѣтскихъ и духовныхъ властей и всего христіанскаго міра: «да будетъ едино стадо и единъ пастырь» (70—71). У г. Смарагдова: «Наконецъ явился мужъ судебъ. Это былъ ученикъ Григорія VI, великій *Гильдебрандъ*. Изъ низкаго состоянія, пройдя всѣ ступени жизни и осмотрѣвъ и изучивъ ее при дворахъ и въ замкахъ свѣтскихъ вассаловъ, богатыхъ и праздныхъ и буйныхъ, и въ чертогахъ гордыхъ прелатовъ, не менѣе праздныхъ, не менѣе преданныхъ чувственности и выгодамъ мірскимъ, и воспитавъ и укрѣпивъ свой великій духъ обширною ученостію и строгою нравственностію, и передумавъ, перечувствовавъ все въ тишинѣ монастырскаго уединенія, съ симъ умомъ, съ сею опытностію и познаніемъ свѣта и людей, Гильдебрандъ предпринялъ преобразованіе церкви во главѣ и членахъ, въ цѣли и составѣ, т.-е. предпринялъ преобразованіе духовнаго званія *освобожденіемъ папы и всего духовенства отъ вліянія императора и королей; постановленіемъ церкви Христовой выше всякой свѣтской власти;*

ибо, по его убѣжденію, только симъ средствомъ могла она достигнуть своего высокаго назначенія: ввести въ міръ нравственность и правосудіе и распространить въ немъ Царство Божіе» (159—160, по изданію 1841 г.). О Карлѣ Мартелѣ, по поводу Арабскаго нашествія, у г. Шульгина сказано: «И нуженъ былъ въ это время для Европы такой могучій властитель» (31); у г. Смарагдова: «И нуженъ былъ въ это время могучій геній для Европы» (68). Далѣе, встрѣчаются выраженія не совсѣмъ точныя, въ родѣ слѣдующихъ: «Врагъ чужеземецъ, подходя къ землѣ ихъ (Славянъ), видѣлъ предъ собою вѣковѣчные густые лѣса, изъ-за которыхъ (?) Славянинъ, чуя (?) приближеніе непріятеля, мгновенно (?) скрывался, зарывая въ землю скудное свое имущество» (194). Бросается также въ глаза въ книгѣ г. Шульгина слишкомъ частое повтореніе словъ *ужасный* и *страшный*, особенно послѣдняго; есть мѣста, въ которыхъ оно встрѣчается по нѣскольку разъ сряду. Напримѣръ: читатель помнитъ, что графъ Симонъ де Монфоръ при самомъ появленіи своемъ въ исторіи отмѣченъ эпитетомъ *страшный;* продолжимъ еще далѣе приведенную о немъ выписку: «Раймундъ Тулузскій погибъ въ борьбѣ; графствомъ его завладѣлъ Симонъ де Монфоръ; но и этотъ *страшный* человѣкъ вскорѣ погибъ. Мѣсто Раймунда заступилъ сынъ его. Война продолжалась съ *страшнымъ* ожесточеніемъ во все правленіе Филиппа Августа и его наслѣдника Людовика VIII» (125). Или вотъ отрывокъ изъ войны Алой и Бѣлой розъ: «Война продолжалась почти полвѣка; въ ней погибъ среди *страшныхъ* злодѣяній почти весь царственный родъ Плантагенетовъ, погибли тысячи рыцарей и безчисленное множество народа. Злодѣйствомъ открывается эта *страшная* трагедія Англійской жизни, такъ поэтически возсозданная Шекспиромъ въ его историческихъ драмахъ, злодѣйства сопровождаютъ весь ходъ ея и *страшная* личность цареубійцы Ричарда III заключаетъ ее» (144). И опять на слѣдующей страницѣ: «Чтобы достигнуть своей цѣли, Эдуардъ совершилъ *страшныя* злодѣйства. Между тѣмъ въ нѣдрахъ самой Йоркской фамиліи возрасталъ *страшный* человѣкъ, который впослѣдствіи былъ палачемъ для своего преступнаго рода. Это Ричардъ, герцогъ Глостерскій, младшій братъ Эдуарда IV. Трудно вообразить себѣ что-нибудь свирѣпѣе этой мрачной личности: всѣ пороки гнѣздились въ ней. *Страшный* наружностію, онъ былъ еще чудовищнѣе и *страшнѣе* душею» (145).

Но мы были бы несправедливы, обращая вниманіе читателя на однѣ только слабыя стороны въ книгѣ г. Шульгина. Въ какой же книгѣ ихъ не найдетъ придирчивая критика? Повторяемъ опять, что недостатки «Курса», какъ учебника, выкупаются отчасти его достоинствами—научными:

по своимъ выводамъ онъ стоитъ почти въ уровень съ современнымъ состояніемъ науки. Надобно также отдать справедливость автору и въ томъ отношеніи, что онъ, при довольно умѣренномъ объемѣ своей книги (230 страницъ), дѣлаетъ очерки почти всѣхъ главныхъ сторонъ средневѣковаго быта. Въ этомъ отношеніи руководство г. Шульгина представляетъ большой шагъ впередъ сравнительно съ его предшественниками. При такихъ достоинствахъ книги и при настоящемъ состояніи нашихъ учебниковъ, нѣкоторые ея недостатки, пожалуй, могутъ считаться довольно важными; съ однимъ только изложеніемъ, по нашему мнѣнію, очень трудно помириться, особенно послѣ «Краткой всеобщей исторіи» г. Берте.

Страницы, отличающіяся простотою и ясностію разсказа или описанія, къ сожалѣнію, не часто попадаются въ «Курсѣ средней исторіи». Мы съ удовольствіемъ приводимъ, въ заключеніе нашей статьи, то мѣсто, которое служило камнемъ преткновенія для предшественниковъ г. Шульгина, и которое въ его книгѣ относится къ наиболѣе удачнымъ. Вѣроятно читатель уже догадывается, что дѣло идетъ о происхожденіи феодальной системы. «Начало феодальной системы скрывается въ общественномъ быту древнихъ Германцевъ, а основаніемъ ея служилъ раздѣлъ завоеванныхъ земель западной Римской имперіи между дружинниками или членами гелейтовъ и вольными людьми Германіи, съ помощью которыхъ Германскіе короли завоевывали эти земли. (Завоеватели обыкновенно оставляли туземцамъ $^1/_3$, а себѣ брали $^2/_3$ покоренныхъ земель). Раздѣлъ совершался по жребію, и каждый воинъ смотрѣлъ на доставшійся ему участокъ какъ на добычу, которую онъ пріобрѣлъ своею кровію и которою могъ располагать какъ ему угодно. Такіе участки назывались аллодіальными (отъ Нѣмецкаго слова Loos жребій), владѣтели ихъ, получивъ земли, выходили изъ гилейта и назывались баронами (отъ древне-Нѣмецкаго слова baro, свободный). Короли сверхъ аллодіальныхъ участковъ получали земли, принадлежавшія прежде Римскимъ императорамъ, которыя теперь получили названіе доменовъ королевскихъ и которыми завѣдывали во Франціи палатные меры. Это такъ называемая аллодіальная система; изъ нея постепенно развилась феодальная слѣдующимъ образомъ. Такъ какъ по окончаніи завоеванія новымъ владѣльцамъ грозила опасность и отъ прежнихъ жителей и отъ нападенія другихъ варваровъ, то каждый менѣе сильный аллодіальный владѣлецъ нашелъ необходимымъ для себя имѣть какого-нибудь могущественнаго защитника, чтобы не подвергаться грабежу и притѣсненіямъ. Но сильнѣе королей не было первоначально никого, и потому многіе аллодіальные владѣльцы искали ихъ покровительства. Короли охотно

давали имъ защиту съ тѣмъ условіемъ, чтобы аллодіальные владѣльцы въ замѣнъ того являлись на войну по первому призыву короля или отправляли извѣстныя службы при его дворѣ и въ его провинціяхъ. Чѣмъ вѣрнѣе были эти владѣльцы и чѣмъ усерднѣе исполняли свою службу, тѣмъ болѣе наградъ давали имъ короли; награды эти состояли въ участкахъ земель, которые короли давали своимъ сподвижникамъ изъ своихъ королевскихъ доменовъ — такіе участки назывались *бенефиціями* (награда), *феодами* или *ленами* (жалованье). Отсюда и произошла *феодальная* или *ленная система*. Получавшіе отъ короля феоды назывались въ отношеніи къ нему *вассалами*, а самъ король въ отношеніи къ нимъ *сюзереномъ* (suzerain). Сначала лены давались вассаламъ только на время, потомъ, особенно со 2-й половины IX в., послѣ смерти Карла В., короли стали отдавать своимъ вассаламъ земли на цѣлую жизнь; а наконецъ, волею или неволею должны были уступить въ потомственное наслѣдственное владѣніе. Тогда королевскіе вассалы, присоединивъ къ прежнимъ аллодіальнымъ участкамъ еще новыя жалованныя или феодальныя земли, сдѣлались такъ сильны, что вынудили у государей наслѣдственное производство въ самыя должности государственныя, получили власть верховнаго суда въ своихъ земляхъ, право наказывать смертью своихъ крестьянъ, право чеканить монету и вести войну противъ своихъ непріятелей отъ своего имени и своими силами. Вассалы, въ свою очередь, дѣлили свои земли между менѣе знатными людьми, которые назывались подвассалами» (47—49).

Неудобства нашихъ учебниковъ вызываютъ преподавателей на постоянную борьбу съ ними. Въ этомъ отношеніи можно встрѣтить разнообразныя системы и различные оттѣнки, начиная отъ простаго и буквальнаго заучиванія всего того, что заключается въ руководствахъ, до совершеннаго отрицанія руководствъ или до полныхъ записокъ учителя. Средину между этими двумя крайностями занимаетъ метода тѣхъ наставниковъ, которые выбираютъ изъ руководства то, что въ немъ изложено болѣе удовлетворительно, а остальные отдѣлы, особенно по исторіи внутренняго быта, дополняютъ своими записками. По нашему мнѣнію, записки оправдываются только необходимостію; къ нимъ надобно прибѣгать съ умѣренностію и осторожностію, потому что списываніе и переписываніе тетрадей есть трудъ болѣе или менѣе непроизводительный, и время, потраченное на переписку, можетъ быть употреблено съ большею пользою. Успѣхъ упомянутой борьбы, конечно, зависитъ отъ личнаго искусства и рвенія учителя, а также и отъ той степени свободы, которою онъ пользуется въ дѣлѣ преподаванія, т.-е. смотря по-

тому, нѣтъ ли постороннихъ вліяній, которыя могутъ парализовать его трудъ и усердіе. Потомъ, въ дѣлѣ образованія, какъ и вездѣ, качество имѣетъ предпочтеніе передъ количествомъ. Хорошій учитель исторіи заботится не о томъ преимущественно, чтобы пройти предметъ какъ можно подробнѣе, и какъ можно болѣе фактовъ сообщить ученикамъ. Прежде всего онъ старается передать имъ сущность науки, заставляетъ ихъ усвоивать самые видные факты, останавливаетъ ихъ вниманіе на главныхъ фазахъ въ исторіи общечеловѣческаго развитія, также какъ и въ исторіи отдѣльныхъ народовъ, и при этомъ мало-помалу пріучаетъ дѣтей къ оцѣнкѣ, къ пониманію фактовъ, насколько это возможно при извѣстной степени ихъ развитія. Такимъ образомъ учитель прежде всего долженъ приготовить канву, по которой въ послѣдствіи молодымъ людямъ легко было бы продолжать дѣло при помощи университетскихъ лекцій или собственныхъ занятій, и въ приготовленіи этой канвы онъ долженъ быть точенъ и требователенъ. Поэтому очень ошибаются тѣ, которые на учителя исторіи смотрятъ, какъ на ходячій сборникъ всѣхъ возможныхъ фактовъ, и количествомъ послѣднихъ, не обращая вниманіе на ихъ относительную важность, опредѣляютъ достоинство преподаванія. Равнымъ образомъ устарѣлъ и другой взглядъ на преподавателя исторіи—какъ на пріятнаго разскащика анекдотовъ. Впрочемъ, преподаваніе получило бы слишкомъ сухой и безжизненный характеръ, если бы ограничивалось только изученіемъ главныхъ фактовъ въ связи съ умѣренною хронологіею и географическими обзорами. Необходимо останавливаться на эпохахъ наиболѣе интересныхъ или обильныхъ послѣдствіями, и тутъ знакомить учениковъ съ подробностями, преимущественно характеристическими. Такое изученіе исторіи возможно при помощи разсказовъ и чтенія. Первый способъ (устный разсказъ) зависитъ отъ большей или меньшей начитанности, дара слова или другихъ личныхъ качествъ учителя; разумѣется, никто не въ правѣ требовать отъ него профессорскихъ лекцій; но, какъ извѣстно, степенью его собственныхъ познаній обусловливается большее или меньшее уваженіе къ нему учениковъ. Болѣе легкимъ и удобнымъ представляется второе средство (чтеніе). Иногда во время урока,—если время позволяетъ, а болѣе при повтореніи предмета учитель выбираетъ лучшія книги и образцовыя статьи (образцовыя по изложенію, здравомыслію и патріотичному направленію) для обозрѣнія извѣстной эпохи или для ближайшаго знакомства съ историческими дѣятелями; читаетъ ихъ вмѣстѣ съ учениками, останавливается, заставляетъ ихъ повторять, дѣлаетъ свои замѣчанія, однимъ словомъ бесѣдуетъ съ ними о прочитанномъ. Можетъ иногда случиться

при этомъ, что ученики и самъ учитель нѣсколько ошибаются въ своихъ сужденіяхъ; это еще небольшая бѣда, и записные историки часто несогласны между собою во взглядѣ на событіе, въ оцѣнкѣ эпохи или историческаго дѣятеля. Здѣсь важно то, что молодой человѣкъ вызывается на размышленіе; онъ принимаетъ болѣе живое участіе въ наукѣ, нежели при однихъ только отвѣтахъ заученнаго; онъ развивается легче и свободнѣе. Чтеніе образцовыхъ статей, кромѣ ихъ содержанія, знакомитъ и съ лучшими историческими писателями; оно скорѣе всего можетъ заохотить молодыхъ людей къ болѣе самостоятельнымъ занятіямъ наукою и отвлечь ихъ отъ легкаго и безполезнаго чтенія. Для всеобщей исторіи мы преимущественно укажемъ на переводы изъ Маколея, Прескотта, Тьери, Шлоссера, Тацита, на сочиненія Грановскаго, Кудрявцева, на «Пропилеи» и пр. По русской исторіи преподаватель можетъ обратить вниманіе своихъ учениковъ на нѣкоторые источники, напримѣръ, хотя въ отрывкахъ познакомить ихъ съ лѣтописями и записками, а, если возможно, съ важнѣйшими грамотами и законодательными актами; кромѣ того укажемъ на монографіи гг. Соловьева, Устрялова, отчасти Костомарова, на статьи въ родѣ «Идеальные женскіе характеры въ древней Россіи» г. Буслаева, и другіе. Конечно, тутъ мы подразумѣваемъ собственно высшіе классы гимназіи; въ среднихъ учитель выбираетъ для чтенія по возможности простые историческіе разсказы. (Въ двухъ низшихъ классахъ исторія не преподается). Мы особенно остановились на второмъ способѣ потому, что встрѣчали умныхъ и дѣятельныхъ педагоговъ, которые иначе смотрятъ на чтеніе историческихъ статей въ классѣ исторіи. Добросовѣстные преподаватели, конечно, стараются дѣйствовать при помощи и того, и другаго средства.

Говоря о преподаваніи исторіи въ нашихъ гимназіяхъ, считаемъ нелишнимъ обратить вниманіе еще на одно обстоятельство. Нерѣдко вы встрѣтите молодаго человѣка, только что окончившаго гимназическій курсъ, который отчетливо разскажетъ вамъ, напримѣръ, о первой Пунической войнѣ или о походѣ Карла VIII въ Италію; но ничего не можетъ сказать о томъ, какія событія совершались въ послѣднее время въ Европѣ или въ Америкѣ. Вообще исторія XIX столѣтія послѣ Вѣнскаго конгресса рѣдко бываетъ извѣстна ученикамъ, по той простой причинѣ, что существующія теперь (въ 1858 году) руководства далѣе почти нейдутъ.

Курсъ Всеобщей Исторіи доктора Георга Вебера. Томъ I. Переводъ съ нѣмецкаго Е. и В. Корша (686 стр.). Москва. 1859—1860 г.—Курсъ Исторіи Древняго міра, составленный В. Шульгинымъ (286 стр.). Кіевъ. 1859 г. *.

Вопросъ о руководствахъ, еще недавно поднятый въ русской литературѣ, уже приноситъ обществу свои существенные плоды; по крайней мѣрѣ, можемъ это сказать объ исторической наукѣ. Передъ нами двѣ книги, предлагающія свѣжую, здоровую пищу нашему молодому поколѣнію. Гг. Коршъ предприняли трудъ, къ которому естественнѣе всего должна обращаться теперь наша бѣдная педагогическая литература: они выбрали для перевода на русскій языкъ одно изъ лучшихъ историческихъ руководствъ въ Германіи, и выборъ, по нашему мнѣнію, сдѣланъ довольно удачно. Если взять сочиненія, соотвѣтствующія по времени и по объему, то рядомъ съ Веберомъ можно поставить развѣ: Вернеке «Die Geschichte der Welt» (своимъ популярнымъ изложеніемъ послѣдній впрочемъ превосходитъ Вебера), и отчасти Цейса Lehrbuch der allgemeinen Geschichte.

Главное достоинство Веберовой исторіи составляетъ многосторонній и добросовѣстный сводъ фактовъ, и съ этой, т.-е. съ фактической, стороны она можетъ служить прекраснымъ пособіемъ тому, кто хочетъ приготовить себя къ дальнѣйшимъ занятіямъ историческою наукою, и въ особенности тому, кто желаетъ пополнить, обобщить свои скудныя, первоначальныя свѣдѣнія. Авторъ очевидно владѣетъ вполнѣ нѣмецкою ученостью и любитъ въ важныхъ случаяхъ опираться на самые заслуженные авторитеты. Встрѣчаются однако мѣста, о которыхъ повидимому нельзя сказать, чтобъ онѣ были въ уровень съ современнымъ состояніемъ науки; для примѣра укажемъ на разсказы о знаменитыхъ греческихъ законодателяхъ. Но вѣроятно онъ считаетъ пока невполнѣ доказанными, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, мнѣнія новѣйшихъ историковъ. Книга Вебера не можетъ похвалиться картинностью и живостью разсказа, мѣстами онъ даже слишкомъ сухъ, какъ у большей части Нѣмцевъ; но изложеніе вообще отличается строгою отчетливостію и благородствомъ языка. Нельзя также сказать, чтобы Веберъ былъ большой мастеръ группировать и распредѣлять событія; онъ очень дробитъ свои отдѣлы, старается по возможности не пропустить ни одной важной сто-

* Московскія Вѣдомости. 1860 № 18.

роны народнаго быта, ни одного сколько-нибудь замѣчательнаго факта или историческаго имени, но не всегда останавливается на событіяхъ или лицахъ, исполненныхъ драматической жизни; общій обзоръ конечно выигрываетъ отъ этого въ полнотѣ, за то части теряютъ иногда въ интересѣ и легкости чтенія. Подобная система изложенія вытекаетъ отчасти изъ строгаго, научнаго воззрѣнія автора на свой предметъ. «Нельзя требовать, говоритъ онъ въ предисловіи, чтобъ всѣ стороны исторической жизни трактовались въ какомъ нибудь руководствѣ съ исчерпывающею подробностью: это превышало бы его назначеніе; но необходимо, чтобъ исторія представлялась живымъ, цѣлостнымъ организмомъ, чтобы при всемъ ограниченіи частностей, каждое проявленіе духовной и практической жизни народа было въ немъ оцѣнено». И нѣсколько далѣе: «Руководство не можетъ быть ни голымъ реэстромъ собственныхъ именъ, годовъ и событій, ни книжкою для легкаго чтенія». Впрочемъ эпизодическій элементъ и характеристика отдѣльныхъ личностей занимаютъ довольно видное мѣсто въ руководствѣ доктора Вебера. Для примѣра возьмемъ лицо Катона Младшаго (567—568):

«Катонъ (род. 95 до Р. Х.), справедливѣйшій человѣкъ въ Римѣ», выпросилъ себѣ порученіе обратить въ *римскую провинцію* островъ *Кипръ*, который, за участіе его въ морскомъ разбоѣ Критянъ, рѣшено было по народному приговору отнять противузаконно у его владѣльца, брата царя египетскаго (57). Узнавъ объ этомъ, кипрскій царь самъ лишилъ себя жизни, а Катонъ захватилъ всѣ имѣнія и сокровища богатаго и скупаго государя (почти на 12 мил. руб. сер.), и все это честно и добросовѣстно передалъ въ государственную казну. *Моммсенъ* также видитъ въ Катонѣ человѣка въ высшей степени благонамѣреннаго и усерднаго, честнаго и стойкаго въ намѣреніяхъ и поступкахъ, преданнаго отечеству, и кореннымъ его учрежденіямъ, но не обладавшаго быстротой ума и притомъ чувственно и нравственно безстрастнаго. При всѣхъ своихъ добродѣтеляхъ, онъ представляется ему однимъ изъ «самыхъ странныхъ и неутѣшительныхъ явленій», и вотъ въ какихъ оригинальныхъ чертахъ рисуетъ онъ его характеристику: «На бѣду онъ рано попалъ подъ иго фразы, и отчасти подъ владычествомъ стоическихъ сентенцій, въ той отвлеченной наготѣ и безмысленной отрывочности, какъ онѣ обращались тогда между знатью, отчасти подъ вліяніемъ примѣра своего прадѣда, которому онъ непремѣнно хотѣлъ во всемъ подражать, началъ разгуливать по многогрѣшной столицѣ въ видѣ образцоваго гражданина и ходячаго зеркала добродѣтели; принялся, подобно старшему Катону, бранить свое время; вмѣсто того, чтобъ ѣздить на

[illegible] и [illegible] [illegible] [illegible]

настоящемъ случаѣ мы только укажемъ опять на недостатокъ, замѣченный нами, при появленіи перваго изданія его Средней Исторіи, именно на недостатокъ простоты и ясности въ изложеніи (имѣя прежде всего въ виду умственное развитіе возраста, для котораго назначается книга). Впрочемъ нашъ упрекъ теперь долженъ быть нѣсколько слабѣе, чѣмъ прежде, потому что въ Древней исторіи (также какъ во второмъ изданіи Средней) означенный недостатокъ господствуетъ уже не въ такой степени. Для доказательства своего замѣчанія, приведемъ одну изъ живыхъ, блестящихъ, но все еще слишкомъ витіеватыхъ характеристикъ, которыя нерѣдко можно встрѣтить въ курсѣ г. Шульгина. Авторъ описываетъ состояніе римскаго общества въ эпоху имперіи, и между прочимъ говоритъ:

«При видѣ общества, исполненнаго старческаго безсильнаго разврата и истощенія, гадкаго въ своемъ циническомъ раболѣпіи предъ заживо обоготвореннымъ цезаремъ, люди того времени, не находя утѣшенія въ религіи, искали утѣшенія въ философіи. У большинства тогдашнихъ Римлянъ господствовали понятія философа Эпикура, поставлявшаго верховное благо въ наслажденіяхъ. Богачи предавались роскоши и чувственнымъ удовольствіямъ самымъ изысканнымъ и утонченнымъ, на которые тратили богатства, награбленныя во время управленія провинціями или нажитыя посредствомъ откуповъ. Къ тому же, думали они, жизнь коротка и можетъ быть не сегодня, такъ завтра отнята насиліемъ цезаря; что жъ дѣлать, какъ не пировать? И вотъ, одинъ завтракъ какого-нибудь богача, въ родѣ Лукулла, стоилъ столько денегъ, что на нихъ можно было прокормить цѣлый годъ 10,000 народа. Появились соусы изъ соловьиныхъ языковъ, рыбы, откормленныя живыми рабами. Императоръ Виттелій едва не проѣлъ цѣлаго государства. Лучшіе и самые благородные Римляне усвоили себѣ ученіе стоиковъ. Отчаявшись спасти отъ гибели все общество, стоики полагали, что мудрецу оставалось скрестить руки на груди, мужественно, громко обличать позоръ общественный и употреблять всѣ силы, чтобы спасти нѣсколько лицъ, оторвать ихъ отъ зараженной среды и пробудить нравственное чувство въ ихъ душѣ. Но такое ученіе было печально, угрюмо: оно учило умирать, быть непреклонно твердымъ въ несчастіяхъ, побѣждать страданія, пренебрегать наслажденіями. На смерть стоики смотрѣли, какъ на успокоеніе отъ тревогъ бытія. «Она есть конецъ и разрѣшеніе печалей». «Взгляни на старыхъ ратниковъ, говоритъ учитель Нерона Сенека, они тверды подъ ножемъ врага, который касается ихъ ранъ и рѣжетъ ихъ члены... Будь же ратникомъ несчастія. Къ чему жалобы, вопли, приличное женамъ горе! Твои бѣдствія были безплодны, если ты не научился стра-

дать». При господствѣ такихъ мнѣній, самоубійство сдѣлалось обыкновеннымъ поступкомъ. Къ нему приводило однихъ людей отчаяніе, а другихъ тоска, равнодушіе къ жизни (taedium vitae), пресыщеніе жизнію. Знатный Римлянинъ, рѣшаясь на добровольную смерть, не скрывалъ своего намѣренія: онъ торжественно прощался съ друзьями и семействомъ, отворялъ себѣ въ ихъ присутствіи жилы и продолжалъ бесѣдовать съ ними до послѣдняго вздоха. Такъ умеръ Сенека, Петусъ, Тразея и др. Впрочемъ и изнѣженные, роскошные эпикурейцы умѣли умирать съ неменьшимъ равнодушіемъ. Какъ тѣ, такъ и другіе, глубоко презирали современную дѣйствительность и отчаявались въ лучшемъ будущемъ. Различіе между ними было въ томъ, что одни утѣшали себя безотрадною мыслію, что долгъ человѣка страдать, а другіе предавались оргіямъ и необузданному разгулу чувственнаго наслажденія, думая утопить въ немъ отчаяніе и безнадежность на лучшее. Много было въ этомъ разгулѣ циническаго, оскорбляющаго нравственное чувство, но подъ женоподобными формами, подъ невольною праздностію молодой аристократіи, часто скрывались могучія страсти и глубокія скорби. Рядомъ съ этимъ чувствомъ равнодушія и презрѣнія къ жизни, вызывавшимъ на самоубійство, развитъ былъ въ большинствѣ аристократіи чудовищный *эгоизмъ:* всякій губитъ другаго, чтобы сохранить самого себя. Отсюда унизительная система шпіонства и доносовъ. Часто, среди задушевной бесѣды друзей или шумной оргіи развратниковъ, являлись страшныя лица съ циническою улыбкою на губахъ, съ выраженіемъ ненависти и презрѣнія во взорѣ. Это извѣстные въ то время *обвинители* или *доносчики*. Между ними были не только рабы, но и люди родовитые, талантливые, образованные. Доносы свои и обвиненія они совершали всенародно. Изъ личной мести, изъ-за денегъ, изъ желанія выслужиться предъ цезаремъ или спасти себя отъ гнѣва цезаря, они, въ полномъ присутствіи сената, обвиняли гражданъ въ нечестіи или оскорбленіи величества».

Имѣя въ виду заявить появленіе этихъ двухъ учебниковъ, мы ограничиваемся на сей разъ краткою ихъ характеристикою.

II.

ЗАМѢТКИ О НѢМЕЦКИХЪ ШКОЛАХЪ. *

При живомъ интересѣ къ педагогическимъ вопросамъ, который начинаетъ проникать въ наше общество, надѣюсь, не лишнимъ будетъ подѣлиться съ читающею публикой моими немногими замѣтками о нѣмецкихъ школахъ. Свѣдѣнія объ этихъ школахъ, кажется, до сихъ поръ еще мало распространены въ нашемъ педагогическомъ мірѣ. Впрочемъ я не беру на себя задачи трактовать объ организаціи общественнаго воспитанія въ Германіи: я только сообщаю свои наблюденія надъ учебными пріемами въ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ школахъ, и замѣтки свои предлагаю въ видѣ простыхъ выдержекъ изъ моего дневника.

Берлинъ.

27 августа 1861 года. Въ назначенное время, то-есть около 8 часовъ утра, явился я въ квартиру одного изъ директоровъ (который наканунѣ очень обязательно согласился на мою просьбу о дозволеніи посѣщать гимназическіе уроки). Онъ отправился со мною въ зданіе гимназіи. На небольшомъ гимназическомъ дворѣ толпами расхаживали ученики, въ ожиданіи звонка. Тутъ же, въ сторонѣ, стояла группа учителей, разговаривавшихъ между собою. Директоръ (онъ же и преподаватель греческаго языка) представилъ меня учителю исторіи и сообщилъ о моемъ желаніи присутствовать у него на урокѣ. Учитель слегка поморщился; впрочемъ поспѣшилъ любезно заговорить со мной, и объявилъ, что у него въ тотъ день репетиція средней исторіи, по случаю приближавшихся экзаменовъ. Дѣйствительно, весь урокъ прошелъ въ вопросахъ

---

* Современная Лѣтопись 1861 г. № 52.

дать». При господствѣ такихъ мнѣній, самоубійство сдѣлалось обыкновеннымъ поступкомъ. Къ нему приводило однихъ людей отчаяніе, а другихъ тоска, равнодушіе къ жизни (taedium vitae), пресыщеніе жизнію. Знатный Римлянинъ, рѣшаясь на добровольную смерть, не скрывалъ своего намѣренія: онъ торжественно прощался съ друзьями и семействомъ, отворялъ себѣ въ ихъ присутствіи жилы и продолжалъ бесѣдовать съ ними до послѣдняго вздоха. Такъ умеръ Сенека, Петусъ, Тразея и др. Впрочемъ и изнѣженные, роскошные эпикурейцы умѣли умирать съ неменьшимъ равнодушіемъ. Какъ тѣ, такъ и другіе, глубоко презирали современную дѣйствительность и отчаявались въ лучшемъ будущемъ. Различіе между ними было въ томъ, что одни утѣшали себя безотрадною мыслію, что долгъ человѣка страдать, а другіе предавались оргіямъ и необузданному разгулу чувственнаго наслажденія, думая утопить въ немъ отчаяніе и безнадежность на лучшее. Много было въ этомъ разгулѣ циническаго, оскорбляющаго нравственное чувство, но подъ женоподобными формами, подъ невольною праздностію молодой аристократіи, часто скрывались могучія страсти и глубокія скорби. Рядомъ съ этимъ чувствомъ равнодушія и презрѣнія къ жизни, вызывавшимъ на самоубійство, развитъ былъ въ большинствѣ аристократіи чудовищный *эгоизмъ:* всякій губитъ другаго, чтобы сохранить самого себя. Отсюда унизительная система шпіонства и доносовъ. Часто, среди задушевной бесѣды друзей или шумной оргіи развратниковъ, являлись страшныя лица съ циническою улыбкою на губахъ, съ выраженіемъ ненависти и презрѣнія во взорѣ. Это извѣстные въ то время *обвинители* или *доносчики*. Между ними были не только рабы, но и люди родовитые, талантливые, образованные. Доносы свои и обвиненія они совершали всенародно. Изъ личной мести, изъ-за денегъ, изъ желанія выслужиться предъ цезаремъ или спасти себя отъ гнѣва цезаря, они, въ полномъ присутствіи сената, обвиняли гражданъ въ нечестіи или оскорбленіи величества».

Имѣя въ виду заявить появленіе этихъ двухъ учебниковъ, мы ограничиваемся на сей разъ краткою ихъ характеристикою.

и отвѣтахъ. Все время учитель не умолкалъ, варіируя на разные способы свои вопросы. Ученики отвѣчали только по одному или по нѣскольку словъ; отвѣчали преимущественно голыя имена или хронологическія числа. При этомъ исторія постоянно связывалась съ географіей. Напримѣръ, учитель спрашивалъ: при подошвѣ какихъ горъ лежитъ такое-то (мелкое) княжество? или наоборотъ: между такими-то рѣками лежатъ какія владѣнія? и т. п. (Дѣло шло по преимуществу о Германіи). При случаѣ упоминались также нѣкоторыя произведенія литературы, выводившія на сцену историческія лица, напр. драмы Шекспира, романы Бульвера; а заговоривъ о Маріи Лещинской, учитель привелъ даже драму *Нарцизъ*. Ученики отвѣчали бойко, отрывисто (и притомъ не вставали съ своихъ мѣстъ).

Слѣдующій за тѣмъ часъ я присутствовалъ у того же учителя на урокѣ географіи, въ одномъ изъ низшихъ классовъ. Опять та же форма спрашиванья. Дѣло шло южной Африкѣ. Къ своимъ вопросамъ учитель привязывалъ извѣстія о странствіяхъ Ливингстона и другихъ путешественниковъ. Говоря о Мадагаскарѣ, онъ упомянулъ о неудачныхъ попыткахъ Французовъ завести тамъ колоніи, и о полякѣ Беньевскомъ, который во время Екатерины II былъ сосланъ въ Камчатку, бѣжалъ оттуда, плылъ мимо Мадагаскара и описалъ видѣнныя имъ страны. Урокъ оживлялся иногда намеками и на современное состояніе Пруссіи. Напримѣръ, говоря объ одномъ путешественникѣ изъ прусскихъ аристократовъ, учитель замѣтилъ, что онъ не сдѣлалъ какъ другіе аристократы, не сталъ тратить свое состояніе на разные пустяки въ гарнизонной службѣ, а употребилъ его на полезное дѣло, на ученую экспедицію. По временамъ однако учитель сердился и довольно жестко покрикивалъ на учениковъ, не вдругъ отвѣчавшихъ на его вопросы. Третій и четвертый часъ я пробылъ на урокахъ греческаго языка въ высшихъ классахъ; слушалъ переводы, сначала одного изъ діалоговъ Платона, потомъ Иліады. Ученики переводили отчетливо и скоро; по временамъ на прочитанное бросался общій взглядъ. Учитель классическаго языка отличался бо̀льшимъ спокойствіемъ и ровностію духа нежели историко-географъ; между учениками господствовали замѣчательный порядокъ и вниманіе.

28 августа. Реальная школа, состоящая подъ руководствомъ того же директора. Первый урокъ—ботаника. Квинта (низшій классъ). Учитель предупредилъ меня, что о [illegible] стоящаго преподавателя, который [illegible] ники положили передъ [illegible] Онъ

бралъ ихъ по одиночкѣ, показывалъ и спрашивалъ названія нѣмецкія и латинскія; иногда называлъ только признаки и спрашивалъ по нимъ имена рода и вида, или чертилъ на доскѣ листья и заставлялъ отгадывать цѣлое растеніе. Въ этомъ прошелъ почти весь урокъ, впрочемъ очень живо; учитель переспросилъ большую часть учениковъ (число всѣхъ простиралось до 40 или болѣе); отвѣты ихъ почти всегда ограничивались однимъ или двумя словами. Несовсѣмъ пріятное впечатлѣніе производила только излишняя нервность учителя: чуть кто запнется въ отвѣтѣ, онъ приказывалъ старшему ученику записать къ наказанію, и такихъ набралось до 10. До начала урока учитель показался мнѣ веселымъ, разговорчивымъ молодымъ человѣкомъ, а тутъ или крикнетъ, или сдѣлаетъ страшные глаза. Въ заключеніе онъ продиктовалъ вкратцѣ описаніе слѣдующаго отдѣла растеній.

Второй урокъ — исторія. Секунда (соотвѣтствуетъ приблизительно нашему пятому классу гимназіи). Учитель пожилой господинъ съ суровымъ видомъ. Когда директоръ подошелъ со мною къ группѣ учителей, стоявшей также на дворѣ, и передалъ ему мое желаніе быть у него гостемъ, онъ слегка поклонился, поморщился и, ничего не сказавъ, продолжалъ разговоръ съ другимъ учителемъ; потомъ смягчился, и заговорилъ со мною. Въ классѣ онъ заставилъ четырехъ или пятерыхъ учениковъ разсказать заданный урокъ, и перешелъ къ объясненію слѣдующаго. Содержаніемъ его была судьба послѣднихъ Гогенштауфеновъ и преемники Магомета. Ученики записывали сокращенно его объясненія въ тетрадки. Учитель впрочемъ не вдавался въ подробности. Передъ нимъ лежалъ раскрытый учебникъ (Делица), также не отличающійся подробнымъ изложеніемъ; наставникъ посматривалъ въ него время отъ времени, и перефразировалъ его содержаніе съ небольшими поясненіями. Говорилъ онъ громко, съ пониженіями и повышеніями въ голосѣ, съ различными тѣлодвиженіями, такъ что ловко поддерживалъ вниманіе учениковъ; часто останавливался, и спрашивалъ у того или другаго ученика имена предшествующихъ членовъ династіи, хронологическія числа, или географическое положеніе страны, при чемъ обращался къ висѣвшей за нимъ картѣ. Напримѣръ, говоря о періодѣ арабскихъ завоеваній, онъ спросилъ, какія государства сосѣдили съ Арабами, изъ какихъ частей состояла тогда Византійская имперія и Персія, и т. п. Вообще изложеніе его отличалось чисто фактическимъ характеромъ; въ немъ преобладали: хронологія, собственныя имена, географія и общія мѣста въ разсказѣ или при объясненіи событій.

Третій урокъ—физическая географія. Кварта (соотвѣствуетъ нашему

третьему классу). Преподаватель тотъ же самый. Первая половина урока была занята вопросами въ родѣ слѣдующихъ: сколько милліоновъ миль отъ солнца до той или другой планеты, во сколько времени та или другая планета, совершаетъ свой путь вокругъ солнца? и т. п., или наоборотъ, учитель скажетъ число, ученикъ долженъ отгадывать собственное имя. Потомъ учитель объяснялъ слѣдующій урокъ, именно о лунѣ. Онъ чертилъ фигуры на доскѣ или обращался къ прибору, который показываетъ движеніе земли вокругъ солнца одновременно съ движеніемъ луны вокругъ земли. Вообще методъ объясненій очень наглядный. При этомъ учитель старался, чтобъ ученики сами подвигались впередъ: онъ часто останавливался и заставлялъ ихъ отгадывать слѣдующее; напримѣръ, при такомъ-то положеніи луны какая часть ея должна быть освѣщена, и какую форму приметъ для насъ эта освѣщенная часть? Въ случаѣ неудачныхъ отвѣтовъ онъ сердился. Впрочемъ отпускалъ иногда и шуточки; напримѣръ, замѣтивъ, что сутки на лунѣ продолжаются цѣлый мѣсяцъ, прибавилъ, что жить тамъ было бы неудобно, потому что отъ завтрака до обѣда надобно ждать 8 дней, отъ обѣда до ужина тоже 8 дней. Эти шуточки, сколько я могъ замѣтить, полезны для поддержки вниманія между дѣтьми.

29 августа. Гимназія. Терція. Послѣ обѣда. Два часа сряду латинскій урокъ. Первый часъ былъ занятъ переводомъ съ нѣмецкаго на латинскій изъ хрестоматіи, которая приспособлена къ упражненіямъ въ разныхъ формахъ языка, начиная съ легчайшихъ. Методъ тотъ же, то-есть учитель старается, чтобъ ученики всѣ вмѣстѣ сами подвигались впередъ. Каждаго онъ спрашивалъ не болѣе одной, много двухъ минутъ; иногда одинъ начнетъ переводить точку, другой ее продолжаетъ или кончаетъ; въ случаѣ запинки сейчасъ другаго, третьяго и т. д. Также нѣсколько учениковъ спроситъ по поводу одной фразы, какъ ее можно сказать иначе, какое другое слово можно употребить, и т. п. Почти то же было и во время втораго часа, при переводѣ съ латинскаго на нѣмецкій. Переводили комментаріи Цезаря о Галльской войнѣ. Учитель между прочимъ разспрашивалъ географическія подробности древней Галліи (карта которой приложена къ книгѣ). Вообще онъ старался, чтобы каждое слово было ясно мальчику, чтобы переводъ былъ вполнѣ отчетливъ, и обыкновенно на каждой фразѣ нѣсколько учениковъ, сами вызываясь, подыскивали свои выраженія. Переводили вообще хорошо и довольно бѣгло, въ пріисканіи словъ, въ ихъ порядкѣ и формахъ мало затруднялись (что неудивительно если замѣтимъ, что латинскій языкъ проходится во всѣхъ 8 классахъ гимназіи, и въ одной терціи на него

полагается 10 уроковъ въ недѣлю). Учитель показался мнѣ мягче и гостепріимнѣе другихъ; на учениковъ онъ почти не сердился.

31 августа. Унтеръ-прима (соотвѣтствуетъ нашему шестому). Опять два часа на латинскомъ языкѣ (отъ 10 до 12). Первый часъ прошелъ въ томъ, что учитель дѣлалъ свои замѣчанія на письменныя латинскія упражненія учениковъ, и при этомъ очень хорошо объяснялъ, почему то или другое слово или выраженіе нейдетъ къ дѣлу. Въ слѣдующій часъ переводили оды Горація, переводили бѣгло и хорошо. Учитель (не тотъ, у котораго я былъ наканунѣ) имѣетъ очень размашистыя манеры; онъ часто острилъ, строилъ мины, ходилъ, садился, и вообще все время былъ въ движеніи. Повидимому добродушный человѣкъ; однако, когда ученикъ ошибался въ чтеніи стиховъ, онъ громовымъ голосомъ вскрикивалъ тѣ же слова; а одного юношу не захотѣлъ спрашивать, когда тотъ началъ читать неправильно.

Дрезденъ.

6 сентября. Гимназія. 10—11 часъ. Унтеръ-кварта. Географія. Урокъ о формѣ поверхности Азіи. Учитель вызывалъ ученика къ картѣ и спрашивалъ: гдѣ лежитъ такой-то хребетъ или низменность или степь, между какими градусами, сколько миль имѣетъ пространства? и т. п. Въ то же время онъ переспрашивалъ и другихъ. Потомъ заставилъ одного читать урокъ дальше. Тотъ прочелъ около страницы по учебнику Фойта—сухая книга, наполненная короткими опредѣленіями, номенклатурой и числами. Затѣмъ вызванъ былъ другой ученикъ къ картѣ, чтобы показывать по ней все прочитанное; при этомъ учитель безпрерывно обращался къ воспитанникамъ съ вопросами, касавшимися прежде-пройденнаго. Ни въ какія подробныя описанія онъ не вдавался.

2—3 часъ. Оберъ секунда. Исторія. Урокъ о Елизаветѣ Англійской. Сначала шло спрашиваніе урока точно также какъ въ Берлинѣ, т.-е. каждому ученику приходилось отвѣтить одно или два слова. Потомъ преподаватель (пожилой человѣкъ, говоритъ очень скоро) объяснялъ далѣе, именно отношенія Елизаветы къ Маріи Стюартъ; но не разсказывалъ ихъ исторію, а говорилъ болѣе общими мѣстами, касаясь преимущественно династическихъ отношеній, протестантизма и католицизма. Натягивалъ на оправданіе Елизаветы въ казни Маріи, съ которою будто находились въ связи всѣ заговоры и попытки католиковъ. Замѣтилъ о различіи въ характерахъ двухъ королевъ, упомянулъ и о томъ, что Шиллеръ невѣрно ихъ изобразилъ. Потомъ перешелъ къ Іакову I, сказалъ о его отношеніяхъ къ католической

партіи и о Пороховомъ заговорѣ. Остальное время посвятилъ спрашиванію учениковъ изъ уроковъ прежде-пройденныхъ; прошелся по вѣку Реформаціи, въ слѣдующихъ вопросахъ: какія главныя лица характеризуютъ этотъ вѣкъ, какія второстепенныя, сколько было религіозныхъ войнъ во Франціи? и т. п. Отъ реформаціи пошелъ далѣе назадъ, спросилъ о первоначальномъ населеніи Англіи, о происхожденіи англійской конституціи, но коротко, напримѣръ: въ какомъ году дана великая хартія, какимъ королемъ? и пр.

3—4 часъ. Квинта. Урокъ древней исторіи. Сначала шли вопросы объ Аѳинахъ, преимущественно объ ихъ географическомъ положеніи. Потомъ учитель (не тотъ, у котораго я былъ въ предыдущій часъ) разсказывалъ греко-персидскія войны. Разсказывалъ только самые яркіе факты и почти всѣ тѣ анекдоты, которые встрѣчаются въ книгѣ Ламе-Флери. Можетъ быть, учитель главнымъ образомъ имѣлъ въ виду заинтересовать своихъ малолѣтнихъ слушателей, и потому не обращалъ вниманія на недостовѣрность многихъ анекдотовъ. При этомъ онъ часто смотрѣлъ въ лежавшую передъ нимъ толстую книгу. Разсказъ его вообще былъ простъ и ясенъ, сопровождался географическими указаніями, и перерывался иногда вопросами о томъ, что̀ должно быть извѣстно изъ прежнихъ уроковъ, или о томъ, что̀ могло быть ученикамъ непонятно, напримѣръ: зачѣмъ Персы во второмъ походѣ везли съ собой цѣпи, зачѣмъ везли прекрасную мраморную колонну? и пр. Онъ окончилъ описаніемъ Мараѳонской битвы, остановился на наградѣ, которую получилъ Мильтіадъ, и обратилъ на нее особенное вниманіе учениковъ. Учитель— молодой человѣкъ; держитъ себя ровно и спокойно; онъ не выходилъ изъ себя, если два-три и болѣе учениковъ сподрядъ не могли отвѣтить на какой либо вопросъ. Вообще дрезденскіе педагоги смотрятъ добродушнѣе и привѣтливѣе берлинскихъ. Съ учениками они обращаются мягче; по крайней мѣрѣ при мнѣ никто не сердился; но при малѣйшемъ шумѣ строго замѣчали: ruhig!

7 сентября. Унтеръ-секунда. Исторія. Дѣло шло о Германской имперіи. Учитель (первый, т.-е. пожилой человѣкъ) разсказывалъ о Генрихѣ IV, о его воспитаніи. Тутъ онъ понемногу касался очень многаго, спрашивая учениковъ по всѣмъ прежде царствовавшимъ династіямъ. Коснулся и раздробленія Германіи, о которомъ замѣтилъ, что оно было выгодно для цивилизаціи, но невыгодно въ политическомъ отношеніи, и что централизованная Франція въ послѣдствіи много обижала Нѣмцевъ. Потомъ коротко сказалъ объ отношеніяхъ Генриха къ саксонскимъ феодаламъ и о войнѣ его съ Саксами.

9 сентября. Пришелъ въ реальную школу. Ректоръ и учители, стоявшіе на дворѣ, встрѣтили меня очень привѣтливо, и тотчасъ представили одного русскаго ученика (изъ Петербурга), который сообщилъ мнѣ, что здѣсь ему гораздо лучше чѣмъ дома; что учителя обходятся очень гуманно и пр.

10—11 часъ. Секунда. Ариѳметика. Учитель (онъ же и ректоръ училища) задалъ изъ книги задачу, по части капитала, нарастающаго посредствомъ процентовъ. Одинъ ученикъ дѣлалъ ее на доскѣ, другіе писали въ своихъ тетрадкахъ. Когда первый ошибался, кто-нибудь изъ товарищей вставалъ и замѣчалъ ему ошибку. Потомъ учитель задалъ другую задачу изъ своей головы, на уравненіе со многими неизвѣстными. Нѣсколько учениковъ вызваны были одинъ за другимъ, чтобы продолжать рѣшеніе; но и другіе также принимали участіе, такъ что рѣшали задачу, можно сказать, общими силами.

10 сентября. 9—10 часъ. Нѣмецкій языкъ. Урокъ былъ о разныхъ циклахъ германскихъ сагъ. Учитель преимущественно спрашивалъ подробности о Нибелунгахъ, содержаніе которыхъ повидимому хорошо извѣстно ученикамъ; потомъ перешелъ къ Св. Гралю и другимъ сагамъ и заставлялъ вкратцѣ разсказывать ихъ содержаніе.

10—11 часъ. Урокъ геометріи. Учитель чертилъ разныя фигуры въ кругѣ, секторы, сегменты и пр. Выводилъ отношенія угловъ и линій; но онъ только начиналъ; что̀ слѣдуетъ далѣе, должны были говорить ему сами ученики. Въ этой школѣ также никто изъ наставниковъ при мнѣ не сердился и не кричалъ на учениковъ. Послѣдніе держатъ себя свободно, но тихо и прилично; только изрѣдка учитель напоминалъ кому-нибудь о вниманіи.

11 сентября. Былъ въ бюргеръ-шуле (въ родѣ нашего уѣзднаго училища), и прослушалъ урокъ исторіи. Учитель началъ свои вопросы съ самаго опредѣленія исторіи и ея раздѣленія на части. Оказалось, что она раздѣляется на пять частей: древнѣйшая, древняя, средняя, новая и новѣйшая. Потомъ онъ перешелъ къ средне-вѣковой германской исторіи, и спрашивалъ преимущественно о Генрихѣ Птицеловѣ. Вторую половину урока онъ разсказывалъ объ Оттонѣ I, при помощи также лежавшей передъ нимъ толстой книги; разсказывалъ краснорѣчиво, возвышеннымъ слогомъ, съ различными интонаціями въ голосѣ.

Изъ всѣхъ уроковъ, прослушанныхъ мною въ берлинскихъ и дрезденскихъ школахъ, я привелъ здѣсь до 20. Этого числа, надѣюсь, достаточно будетъ для того, чтобы дать читателямъ понятіе о характерѣ преподаванія. Теперь, на основаніи приведенныхъ мною данныхъ, я позволю себѣ сдѣлать нѣкоторые общіе выводы.

Господствующій методъ, какъ видите, репетиціонный, и преподаваніе стремится по возможности къ нагляднымъ формамъ. Выгоды этой системы очевидны. Помощію ея поддерживается постоянное, напряженное вниманіе въ массѣ учениковъ; при безпрерывныхъ репетиціяхъ волей-неволей они твердо усваиваютъ себѣ основу или остовъ науки. Знанія распредѣляются довольно равномѣрно между учениками, товарищами по классу, и не существуетъ такого огромнаго различія, какое вы можете встрѣтить, напримѣръ, въ нашихъ гимназіяхъ между обитателями первой и послѣдней скамьи какого-нибудь слишкомъ многочисленнаго класса. Съ другой стороны нельзя не замѣтить и нѣкоторой односторонности метода, ограничивающагося общими мѣстами и отвлеченными фактами. Относительно математики и языковъ, конечно, онъ болѣе удовлетворителенъ, нежели относительно такихъ предметовъ, какъ исторія и географія. Въ послѣднемъ случаѣ онъ отзывается излишнею сухостію и заставляетъ работать почти одну память (нѣкоторое исключеніе представляютъ впрочемъ низшіе класы). Учитель исторіи заботится только о томъ, чтобъ ученикъ усвоилъ хронологію, главные факты и общіе на нихъ взгляды. Но исторія одна изъ тѣхъ наукъ, которыя непрерывно идутъ впередъ и которыя не легко уживаются съ догматическимъ изложеніемъ *. Всякій согласится, что было бы далеко не лишнимъ, еслибъ учитель, стараясь объ усвоеніи учениками фактовъ, заботился также о развитіи въ нихъ стороны мыслительной и художественной. Для достиженія этой цѣли могутъ служить изустные разсказы преподавателя и чтеніе образцовыхъ произведеній исторической литературы или чтеніе самыхъ памятниковъ (конечно въ старшихъ классахъ); при чемъ ученики могутъ быть вызываемы на собственныя разсужденія о прочитанномъ. Такимъ образомъ, заставляя ихъ задумываться надъ историческими вопросами, преподаватель мало-по-малу вводитъ своихъ слушателей въ область исторической литературы, знакомитъ съ источниками самой науки, съ бытомъ и характеромъ извѣстной эпохи, извѣстнаго лица и пр. А разъ возбужденный интересъ къ чтенію дѣльныхъ книгъ приноситъ болѣе обильные плоды нежели самое добросовѣстное изученіе учебника **.

---

* Но есть ли какая-нибудь возможность дѣлать предметомъ гимназическаго преподаванія тѣ стороны исторіи, которыми она „непрерывно идетъ впередъ“ и которыя не уживаются съ догматическимъ изложеніемъ? Потому-то и слѣдуетъ преподавать исторію въ гимназіяхъ какъ можно короче, что она трудно уживается съ догматическимъ изложеніемъ. Примѣчаніе редакціи Современной лѣтописи.

** Нѣтъ спора, что чтеніе дѣльныхъ книгъ полезно даже въ гимназіи и не должно быть устраняемо изъ программы гимназическихъ занятій. Но главная цѣль гим-

Впрочемъ односторонность учебной рутины въ нѣмецкихъ школахъ обусловливается отчасти самымъ распредѣленіемъ уроковъ. Обыкновенно каждый учитель преподаетъ по нѣскольку предметовъ. Напримѣръ, учитель исторіи въ то же время преподаетъ географію и еще какой либо языкъ. Между тѣмъ штатъ учителей отъ этого не сокращается, и на каждый предметъ въ гимназіи приходится обыкновенно по нѣскольку преподавателей. При такомъ условіи невозможно требовать, чтобы каждый преподаватель былъ спеціалистомъ по какой либо наукѣ. Отсюда по всей вѣроятности вытекаетъ привычка перефразировать учебникъ или разсказывать событія, держа передъ собою книгу для чтенія. Итакъ мы приходимъ къ тому заключенію, что для русскихъ школъ было бы очень полезно усвоеніе репетиціоннаго метода Нѣмцевъ, но безъ сухости и односторонности ихъ преподаванія ***.

Обращаю вниманіе читателей на примѣчанія, которыми редакція Современной Лѣтописи (Катковъ-Леонтьевъ) снабдила мои выводы. Хотя молодому человѣку и свойственно было нѣсколько увлекаться своею спеціальностью; не думаю однако, чтобы въ данномъ случаѣ я предъявилъ неумѣренныя требованія. Редакторскія примѣчанія или точнѣе возраженія были бы вполнѣ справедливы, если бы частію не были основаны на недоразумѣніи, а частію не вдавались въ крайность. Напримѣръ, если я говорю, что возбужденная въ школѣ любовь къ чтенію хорошихъ книгъ принесетъ впослѣдствіи бо́льшіе плоды, чѣмъ самое добросовѣстное изученіе учебника; то это только извѣстный оборотъ рѣчи, и отсюда никоимъ образомъ не слѣдуетъ, что въ школѣ, по моему мнѣнію, не нужно добросовѣстно изучать учебникъ; само собой разумѣется, что онъ долженъ быть положенъ въ основу школьныхъ уроковъ. Точно также я менѣе всего совѣтую преподавателямъ среднеучебныхъ заведеній подражать университетскимъ профессорамъ и читать лекціи. Напротивъ, и въ данныхъ замѣткахъ я рекомендую усвоеніе нѣмецкаго репети-

---

анзическаго преподаванія исторіи и географіи состоитъ все-таки въ изученіи учебника при пособіи картъ. Примѣч. редакціи Совр. лѣт.

*** Считаемъ нужнымъ заметить, что въ гимназіяхъ нельзя еще считать такого метода одностороннимъ, хотя онъ и кажется такимъ съ русской точки зрѣнія. У насъ гимназическіе учителя рѣдко удерживаются въ предѣлахъ того, что доступно понятію учениковъ, и черезчуръ стараются походить на профессоровъ университета. Въ корпусахъ даже стыдятся называть урокъ урокомъ, а величаютъ его лекціей. Понятно какую пользу можетъ принести дѣтямъ лекція, продолжающаяся иногда болѣе получаса въ низшихъ классахъ. Такой неестественный методъ причиняетъ страшный вредъ ученикамъ. Примѣч. редакціи Совр. лѣт.

Господствующій методъ, какъ видите, репетиціонный, и преподаваніе стремится по возможности къ нагляднымъ формамъ. Выгоды этой системы очевидны. Помощію ея поддерживается постоянное, напряженное вниманіе въ массѣ учениковъ; при безпрерывныхъ репетиціяхъ волей-неволей они твердо усваиваютъ себѣ основу или остовъ науки. Знанія распредѣляются довольно равномѣрно между учениками, товарищами по классу, и не существуетъ такого огромнаго различія, какое вы можете встрѣтить, напримѣръ, въ нашихъ гимназіяхъ между обитателями первой и послѣдней скамьи какого-нибудь слишкомъ многочисленнаго класса. Съ другой стороны нельзя не замѣтить и нѣкоторой односторонности метода, ограничивающагося общими мѣстами и отвлеченными фактами. Относительно математики и языковъ, конечно, онъ болѣе удовлетворителенъ, нежели относительно такихъ предметовъ, какъ исторія и географія. Въ послѣднемъ случаѣ онъ отзывается излишнею сухостію и заставляетъ работать почти одну память (нѣкоторое исключеніе представляютъ впрочемъ низшіе класы). Учитель исторіи заботится только о томъ, чтобъ ученикъ усвоилъ хронологію, главные факты и общіе на нихъ взгляды. Но исторія одна изъ тѣхъ наукъ, которыя непрерывно идутъ впередъ и которыя не легко уживаются съ догматическимъ изложеніемъ *. Всякій согласится, что было бы далеко не лишнимъ, еслибъ учитель, стараясь объ усвоеніи учениками фактовъ, заботился также о развитіи въ нихъ стороны мыслительной и художественной. Для достиженія этой цѣли могутъ служить изустные разсказы преподавателя и чтеніе образцовыхъ произведеній исторической литературы или чтеніе самыхъ памятниковъ (конечно въ старшихъ классахъ); при чемъ ученики могутъ быть вызываемы на собственныя разсужденія о прочитанномъ. Такимъ образомъ, заставляя ихъ задумываться надъ историческими вопросами, преподаватель мало-по-малу вводитъ своихъ слушателей въ область исторической литературы, знакомитъ съ источниками самой науки, съ бытомъ и характеромъ извѣстной эпохи, извѣстнаго лица и пр. А разъ возбужденный интересъ къ чтенію дѣльныхъ книгъ приноситъ болѣе обильные плоды нежели самое добросовѣстное изученіе учебника **.

---

* Но есть ли какая-нибудь возможность дѣлать предметомъ гимназическаго преподаванія тѣ стороны исторіи, которыми она „непрерывно идетъ впередъ" и которыя не уживаются съ догматическимъ изложеніемъ? Потому-то и слѣдуетъ преподавать исторію въ гимназіяхъ какъ можно короче, что она трудно уживается съ догматическимъ изложеніемъ. Примѣчаніе редакціи Современной лѣтописи.

** Нѣтъ спора, что чтеніе дѣльныхъ книгъ полезно даже въ гимназіи и не можно быть устраняемо изъ программы гимназическихъ занятій. Но главная цѣль

Впрочемъ односторонность учебной рутины въ нѣмецкихъ школахъ обусловливается отчасти самымъ распредѣленіемъ уроковъ. Обыкновенно каждый учитель преподаетъ по нѣскольку предметовъ. Напримѣръ, учитель исторіи въ то же время преподаетъ географію и еще какой либо языкъ. Между тѣмъ штатъ учителей отъ этого не сокращается, и на каждый предметъ въ гимназіи приходится обыкновенно по нѣскольку преподавателей. При такомъ условіи невозможно требовать, чтобы каждый преподаватель былъ спеціалистомъ по какой либо наукѣ. Отсюда по всей вѣроятности вытекаетъ привычка перефразировать учебникъ или разсказывать событія, держа передъ собою книгу для чтенія. Итакъ мы приходимъ къ тому заключенію, что для русскихъ школъ было бы очень полезно усвоеніе репетиціоннаго метода Нѣмцевъ, но безъ сухости и односторонности ихъ преподаванія ***.

Обращаю вниманіе читателей на примѣчанія, которыми редакція Современной Лѣтописи (Катковъ-Леонтьевъ) снабдила мои выводы. Хотя молодому человѣку и свойственно было нѣсколько увлекаться своею спеціальностью; не думаю однако, чтобы въ данномъ случаѣ я предъявилъ неумѣренныя требованія. Редакторскія примѣчанія или точнѣе возраженія были бы вполнѣ справедливы, если бы частію не были основаны на недоразумѣніи, а частію не вдавались въ крайность. Напримѣръ, если я говорю, что возбужденная въ школѣ любовь къ чтенію хорошихъ книгъ принесетъ впослѣдствіи бо́льшіе плоды, чѣмъ самое добросовѣстное изученіе учебника; то это только извѣстный оборотъ рѣчи, и отсюда никоимъ образомъ не слѣдуетъ, что въ школѣ, по моему мнѣнію, не нужно добросовѣстно изучать учебникъ; само собой разумѣется, что онъ долженъ быть положенъ въ основу школьныхъ уроковъ. Точно также я менѣе всего совѣтую преподавателямъ среднеучебныхъ заведеній подражать университетскимъ профессорамъ и читать лекціи. Напротивъ, и въ данныхъ замѣткахъ я рекомендую усвоеніе нѣмецкаго репети-

---

анаическаго преподаванія исторіи и географіи состоитъ все-таки въ изученіи учебника при пособіи картъ. Примѣч. редакціи Совр. лѣт.

*** Считаемъ нужнымъ замѣтить, что въ гимназіяхъ нельзя [illegible] метода односторонним, хотя онъ и кажется [illegible] гимназическіе учителя рѣдко удерживаются въ [illegible] тію учениковъ, и чрезчуръ стараются [illegible] корпусахъ даже стыдятся мачывать [illegible] нятно какую пользу можетъ принести [illegible] получаса въ низшихъ классахъ. [illegible] вредъ ученикамъ. Примѣч. редакціи [illegible]

ціоннаго метода и въ другихъ своихъ статьяхъ о преподаваніи исторіи въ гимназіяхъ постоянно на передній планъ выдвигаю строго фактическій методъ, опирающійся на географію и хронологію. Слѣдовательно, вопросъ могъ идти только объ *излишней* догматичности, сухости и односторонности въ историческомъ преподаваніи. Относительно догматичности, можетъ быть, я выразился не совсѣмъ точно, и тѣмъ далъ поводъ къ возраженію; ибо для средней школы изложеніе исторіи до извѣстной степени должно быть догматично. Но гг. редакторы, настаивая на томъ, чтобы исторія преподавалась въ гимназіяхъ «какъ можно короче» и безъ устраненія вытекающей отсюда сухости, въ свою очередь вдались въ нѣкоторую крайность. Очевидно, готовясь выступить съ энергичною проповѣдью о преобладаніи древнихъ языковъ въ гимназіяхъ, они желали нѣкоторые предметы преподаванія, и въ томъ числѣ исторію, отодвинуть на задній планъ; въ чемъ потомъ и успѣли.

Утро въ вѣнской Академической гимназіи.*

Въ ноябрѣ прошлаго 1868 года, остановясь въ Вѣнѣ на нѣсколько дней и знакомясь съ городомъ, я между прочимъ посѣтилъ Академическую гимназію, на которую мнѣ указали какъ на лучшую. Однажды утромъ передъ началомъ классовъ я зашелъ къ директору, и просилъ позволенія прослушать въ его заведеніи нѣсколько уроковъ исторіи и географіи. Директоромъ этой гимназіи оказался Hochegger, извѣстный въ педагогической литературѣ своими брошюрами объ учебныхъ заведеніяхъ въ Швейцаріи, Бельгіи и Россіи. Онъ принялъ меня любезно, и тотчасъ провелъ въ VII, т. е. старшій классъ, на урокъ исторіи. На этотъ разъ происходила репетиція. Предметомъ урока служила интересная для вѣнскихъ учениковъ эпоха, именно переходъ разныхъ земель въ руки Габсбургскаго дома. Отвѣчали по учебнику Всеобщей исторіи Пютца, курсъ старшихъ классовъ. Тутъ было и неизбѣжное Tu, Austria, felix. Но главную роль играла родословная Габсбурговъ; все предлагались вопросы, кто кому приходился племянникъ, или сынъ, или братъ и т. п. Система спрашиванія та же, что и въ другихъ нѣмецкихъ гимназіяхъ. Учитель кого-нибудь вызываетъ къ картѣ, но при этомъ безпрерывно обращается и къ другимъ ученикамъ съ вопросами, отвѣтъ на которые заключается въ двухъ, трехъ словахъ. Система эта до того вошла въ нравы, что нѣкоторые не могли спокойно дожидаться своей очереди, и часто сами

---

* Педагогическое Обозрѣніе при циркулярѣ Москов. Учебн. Округа. 1869 г. № I.

поднимали руки, выражая желаніе быть спрошенными,—что не совсѣмъ согласовалось съ достоинствомъ старшаго класса. Но вообще отвѣчали не очень бойко, а въ родословной постоянно путались. Такъ какъ ученикамъ не приходилось отвѣчать хотя бы и небольшими связными разсказами, то и нельзя было судить, въ какой степени способны они отчетливо и логично передать усвоенное ими изъ курса, и насколько развитъ у нихъ механизмъ языка. Нѣкоторыя замѣчанія учителя мнѣ бросились въ глаза, напримѣръ: завоеваніе Константинополя Турками было полезно для Западной Европы, потому что многіе ученые и художники удалились туда изъ Византіи. Едва ли можно выражаться такъ категорически: для европейской цивилизаціи было бы еще полезнѣе, еслибы на мѣстѣ варварской орды продолжало существовать образованное государство; притомъ эпоха Возрожденія началась гораздо ранѣе завоеванія Константинополя.

На слѣдующій урокъ, именно на урокъ географіи, директоръ представилъ меня другому учителю; я отправился въ низшій классъ, гдѣ географія только начинается. Тутъ также оказалась репетиція. Учитель вызывалъ по нѣскольку учениковъ къ столу, на которомъ стоялъ глобусъ, составленный изъ прутьевъ, обозначающихъ, меридіаны, экваторъ и прочіе круги. Рѣчь все шла о томъ, чтобы опредѣлить, что такое меридіанъ, широта, долгота и т. п. Эти опредѣленія, особенно широта и долгота мѣста, видимо затрудняли мальчиковъ. Они часто сбивались; а учитель иногда дѣлалъ имъ строгія внушенія. Учебникъ географіи, употребляемый въ этомъ классѣ, составленъ тѣмъ же самымъ учителемъ (Leitfaden für die erste Stufe erkundlichen Unterrichts. Von Dionys Grün.). Замѣтивъ, что во время урока я просмотрѣлъ его книгу, по окончаніи урока Грюнъ попросилъ меня сказать свое мнѣніе. Я сказалъ, что книга составлена хорошо, но что, если говорить откровенно, она заключаетъ въ себѣ слишкомъ много отвлеченныхъ опредѣленій, непрерывно слѣдующихъ одно за другимъ; усвоеніе ихъ въ такомъ количествѣ трудно для дѣтскаго возраста. На это замѣчаніе Грюнъ отвѣчалъ, что онъ проходитъ не все сподрядъ, а выбираетъ изъ книги только самое главное. Далѣе я похвалилъ въ ней соединеніе географіи съ элементарными свѣдѣніями изъ ботаники, зоологіи, минералогіи и физики (при общемъ обозрѣніи частей свѣта). На вопросъ мой о начальномъ преподаваніи исторіи, онъ сообщилъ, что исторія начинается у нихъ со втораго класса, а руководствомъ служитъ сокращенный учебникъ Всеобщей исторіи того же Пютца, т. е. курсъ младшаго возраста. При этомъ Грюнъ высказалъ такое мнѣніе, что исторію не слѣдуетъ преподавать

III.

ФРАНЦУЗСКОЕ ПРЕПОДАВАНІЕ ИСТОРІИ СРАВНИТЕЛЬНО СЪ РУССКИМЪ *.

Давно хотѣлось мнѣ проникнуть во французскіе лицеи (соотвѣтствующіе нашимъ гимназіямъ), чтобы ознакомиться съ ихъ системою преподаванія исторіи на самой практикѣ; ибо знакомство съ французскою учебною литературою по этой части не давало полнаго понятія о цѣлой системѣ. Но проникнуть туда оказывалось не такъ легко, какъ это дѣлается въ Германіи и даже въ Австріи. Въ нѣмецкихъ гимназіяхъ я, обыкновенно, относился къ директору заведенія, и почти всегда безъ затрудненія получалъ радушное позволеніе прослушать нѣсколько уроковъ. (Мои замѣтки о нихъ приведены выше). Во Франціи же весьма развитая централизація даетъ себя знать и въ этомъ отношеніи. Тамъ для посѣщенія уроковъ какого либо низшаго или средне-учебнаго заведенія требовалось высшее разрѣшеніе, а за такимъ разрѣшеніемъ, конечно, не всегда удобно обращаться. Лѣтомъ, 1880 года, въ бытность мою въ Парижѣ, я, наконецъ, досталъ это разрѣшеніе, благодаря извѣстному историку Альфреду Рамбо, который занималъ постъ правителя канцеляріи при министрѣ народнаго просвѣщенія Жюль Ферри. Мнѣ предоставлено было выбрать, примѣрно, два лицея. Я выбралъ, во-первыхъ, лицей Людовика Великаго, помѣщающійся близь Сорбонны, во вторыхъ, лицей Фонтанъ, въ сторонѣ Grand Opera; куда и получилъ рекомендательную записку отъ г. Греаръ, вице-ректора университета (соотвѣтствующаго нашему попечителю учебнаго округа). Ректоромъ университета считается министръ.

Прежде чѣмъ перейти къ своимъ замѣткамъ о прослушанныхъ урокахъ, сообщу читателю общій учебный планъ преподаванія исторіи во

---

* Русская Старина. 1880 г. Декабрь.

французскихъ лицеяхъ. Весь лицейскій курсъ простирается на 10 лѣтъ. Недавно произведенными учебными реформами курсъ этотъ раздѣленъ на три отдѣла, такимъ образомъ, чтобы каждый отдѣлъ представлялъ нѣкоторую законченность въ общемъ образованіи. Отдѣлы эти суть: элементарный, граматическій и высшій. Возрастъ учащихся предполагается отъ 8 лѣтъ до 17 включительно.

Отдѣлъ элементарный (division élémentaire) состоитъ изъ трехъ классовъ: приготовительнаго, осьмаго и седьмаго. Въ каждомъ классѣ на исторію полагается два часа въ недѣлю или одинъ урокъ, такъ какъ уроки въ лицеяхъ обыкновенно двухчасовые. Въ приготовительномъ классѣ учебная программа назначаетъ: «біографіи знаменитыхъ людей древняго и новаго времени,—небольшіе разсказы, сдѣланные учителемъ и повторяемые наизусть ученикомъ». Въ осьмомъ классѣ: «сокращенная исторія Франціи до смерти Генриха IV,—простые разсказы, коротко изложенные учителемъ и повторенные наизусть ученикомъ». Въ седьмомъ классѣ: «исторія Франціи, отъ Франциска I до нашихъ дней—изложеніе учителя, воспроизведенное ученикомъ наизусть или письменно». Итого въ элементарномъ отдѣленіи заключаются три недѣльныхъ урока или шесть часовъ, съ законченнымъ сокращеннымъ курсомъ французской исторіи, которой предшествуетъ маленькій біографическо-эпизодическій очеркъ исторіи всеобщей.

Граматическій отдѣлъ (division de grammaire) заключаетъ въ себѣ классы: шестой, пятый и четвертый. На исторію также назначено по два часа въ недѣлю. Въ шестомъ классѣ полагается «древняя исторія восточныхъ народовъ» и, кромѣ того, «древняя географія». Въ пятомъ—«исторія Греціи» и «древняя географія». Въ четвертомъ—«исторія римская». И такъ въ этомъ отдѣлѣ на исторію отводится также шесть часовъ или три недѣльные урока, которые назначены на подробный, систематическій курсъ древней исторіи.

Высшій отдѣлъ (division supérieure) заключаетъ въ себѣ четыре класса: третій, второй, риторическій и философскій. На исторію въ каждомъ классѣ отведено три часа. Но такъ какъ уроки двухчасовые, то по одному часу въ недѣлю, сверхъ того, полагается на географію. Преподаваніе исторіи и географіи, обыкновенно, находится въ однѣхъ рукахъ, и учитель располагаетъ такимъ образомъ, что половину одного двухчасоваго урока посвящаетъ исторіи, а другую половину — географіи, или чередуетъ ихъ, т.-е. одну недѣлю всѣ два часа исторіи, а другую недѣлю — географіи. Въ третьемъ классѣ полагается «исторія Европы и имущественно Франціи, отъ 395 г. до 1270 г.». Во второмъ: «исто-

рія Европы и преимущественно Франціи, отъ 1270 г. до 1610. Обращать особое вниманіе на учрежденія». Въ классѣ риторики: «исторія Европы и преимущественно Франціи, отъ 1610 г. до 1789». Въ классѣ философіи: «исторія Франціи и современная исторія, отъ 1789 до конституціи 1875 г.».

Слѣдовательно, высшій отдѣлъ отводитъ 12 часовъ на систематическій курсъ средней, новой и новѣйшей исторіи; при чемъ центръ тяжести лежитъ въ преподаваніи отечественной исторіи. Въ теченіе же всего лицейскаго десятилѣтняго курса отведено на исторію 24 часа или 12 двухчасовыхъ уроковъ. Надобно замѣтить, что при послѣдней реформѣ среднеучебнаго образованія, система преподаванія исторіи, хотя и вызвала нѣкоторыя замѣчанія и проэкты, но была оставлена почти нетронутою. Такимъ образомъ, мы имѣемъ дѣло съ системою уже довольно твердо установившеюся, въ теоріи и на практикѣ.

Теперь обращусь къ своей записной книжкѣ.

Лицей Людовика Великаго. 10-го (22) іюня 1880 г.

$2^1/_2$ — $4^1/_2$ часа пополудни. Въ четвертомъ классѣ. Урокъ римской исторіи. Преподаватель вошелъ въ классъ первый, а за нимъ вошли ученики, которые собрались и дожидались на гимназическомъ дворикѣ. Преподаватель началъ съ того, что продиктовалъ вкратцѣ содержаніе слѣдующаго урока (sommaire)—родъ конспекта, заключающаго собственныя имена и хронологическія данныя и обнимающаго эпоху отъ Нерона до Коммода. Это содержаніе обязательно для заучиванія наизусть. Потомъ онъ занялся спрашиваніемъ предыдущаго урока — эпохи тирановъ, отъ Августа до смерти Нерона. Все отрывочные, короткіе отвѣты, связнаго разсказа почти не было. Обратилъ вниманіе учениковъ на римскія имена, прозвища и фамиліи. Напримѣръ: Кай Калигула; послѣднее слово— это прозвище, а родовое или фамильное его имя было Клавдій, потому что онъ принадлежалъ къ роду Клавдіевъ. Неронъ, по происхожденію, принадлежалъ къ фамиліи Нероновъ, а по усыновленію императоромъ Клавдіемъ къ роду Клавдіевъ, и т. п.

Затѣмъ преподаватель продиктовалъ урокъ изъ географіи о настоящемъ состояніи Франціи, именно статистическія данныя о ея администраціи, войскѣ, флотѣ и учебной части. Послѣ онъ мнѣ объяснилъ, что это была случайная вставка, такъ какъ въ прошлый разъ онъ не успѣлъ окончить урокъ изъ географіи. На послѣднюю полагается въ 4-мъ классѣ одинъ часъ въ недѣлю; преподаватель исторіи и географіи тотъ же самый; вотъ онъ и улаживаетъ ихъ какъ знаетъ.

Послѣ того онъ перешелъ къ болѣе подробному объясненію слѣдующаго урока, который въ началѣ продиктовалъ въ видѣ конспекта. Онъ очертилъ возстаніе легіоновъ противъ Нерона, охарактеризовалъ личности Гальбы, Оттона, Вителлія и династію Флавіевъ. Нѣкоторые ученики сокращенно записывали эти объясненія. Но для всѣхъ нихъ было обязательно къ слѣдующему разу приготовить письменное изложеніе урока. Эти работы называются redactions. Преподаватель показалъ мнѣ массу ученическихъ тетрадокъ, заключавшихъ изложеніе прошлаго урока и снабженныхъ его отмѣтками. Я заглянулъ также въ книги, лежавшія передъ учениками. Оказалось значительное разнообразіе: у кого былъ краткій курсъ Башле, у кого учебникъ Дюрюи Histoire Romaine, у кого третій томъ полной римской исторіи того же Дюрюи. Послѣ учитель мнѣ объяснилъ, что онъ не придерживается одного опредѣленнаго учебника, а указываетъ ученикамъ лучшія руководства и предоставляетъ имъ выбирать по ихъ усмотрѣнію. Такъ какъ отъ учениковъ требуется знаніе того, что сообщилъ и объяснилъ имъ учитель, то руководство скорѣе играетъ тутъ роль пособія. Однако, если учитель не успѣлъ объяснить урокъ до конца, то ученикъ необходимо долженъ обращаться къ руководству, чтобы приготовить весь урокъ, что, по большей части, и бываетъ. Такъ именно случилось и въ этотъ разъ. Едва преподаватель въ своихъ объясненіяхъ дошелъ до Траяна, какъ пробилъ барабанъ, обозначающій конецъ урока. Ученики даже не дождались окончанія фразы, и тотчасъ повскакали съ своихъ мѣстъ. Учитель, первымъ вошедшій въ классъ, вышелъ изъ него послѣднимъ. Ученики лицея собрались опять на дворикѣ, гдѣ за ними смотритъ надзиратель (censeur); но это, сколько я замѣтилъ, не то, что у насъ надзиратель, а скорѣе соотвѣтствуетъ нашему инспектору; онъ непосредственно слѣдуетъ за директоромъ лицея, т.-е. его помощникъ. Дѣти не остаются безъ надзора. Рекреаціонный залой служитъ для нихъ гимназическій дворъ. Пошелъ дождь; но часть двора находится подъ кровлею, гдѣ ученики и столпились. Хотя само зданіе лицея, можно сказать, монументальное, но внутри классныхъ комнатъ обстановка простая, даже бѣдная. Скамьи, заключающія четыре или пять мѣстъ, идутъ постепенно возвышаясь отъ передней лавки, въ три ряда. Всѣхъ учениковъ въ четвертомъ классѣ на лицо было до 50.

Послѣ урока преподаватель (Пижоно) любезно предложилъ мнѣ отвѣчать на всѣ мои вопросы и разъяснить мнѣ все, что меня интересовало относительно ихъ системы преподаванія. Мы сдѣлали вмѣстѣ прогулку по бульвару St. Michel, забрели въ Люксамбургскій садъ, и посидѣли тамъ нѣсколько, все бесѣдуя объ исторіи и ея преподаваніи. Г. Пижоно

не только давалъ мнѣ разъясненія, но и распространился о своемъ собственномъ взглядѣ на систему преподаванія исторіи во французскихъ лицеяхъ. Это уже не молодой человѣкъ и, очевидно, опытный преподаватель. Взглядъ его на систему нѣсколько пессимистическій. По его мнѣнію, она страдаетъ существенными недостатками; главный изъ нихъ это— растянутость и отрывочность. Исторія проходится отъ низшаго класса до самаго высшаго, и при томъ такими обособленными частями и такъ мало повторяется, что ученикъ, дойдя до послѣдняго класса, забываетъ почти все, что онъ училъ прежде; такъ что свѣдѣнія оканчивающихъ курсъ, большею частію, неудовлетворительныя. Напримѣръ, спросите ученика риторическаго или философскаго класса, что такое римскій консулъ, онъ затруднится вамъ объяснить. Да оно и естественно: онъ училъ римскую исторію года четыре тому назадъ и потомъ ее не повторялъ; при томъ, когда онъ училъ ее, то былъ мальчикомъ 12—13-ти лѣтъ, такъ что онъ не могъ отчетливо понимать учрежденія Рима, и приходилось ограничиваться болѣе внѣшней исторіей. По мнѣнію г. Пижоно, слѣдуетъ проходить исторію два раза: въ сокращенномъ видѣ, т.-е. болѣе съ внѣшней стороны, и въ болѣе подробномъ, гдѣ можно было бы распространиться объ учрежденіяхъ. При послѣдней реформѣ среднеучебныхъ заведеній были заявлены нѣкоторыя желанія въ этомъ смыслѣ; но при окончательной ея редакціи планъ историческаго преподаванія оставленъ почти въ прежнемъ видѣ.

Г. Пижоно того мнѣнія, что какую систему ни вводи, а все-таки личныя качества преподавателя играютъ главную роль въ преподаваніи. Далѣе онъ объяснилъ мнѣ, что система, которую я видѣлъ на его урокѣ, хотя общепринятая въ лицеяхъ, но не обязательная въ своихъ подробностяхъ. Преподаватель можетъ разнообразить ее по своему усмотрѣнію; напримѣръ, начать урокъ объясненіемъ или спрашиваніемъ, а кончить конспектомъ и даже совсѣмъ обойтись безъ конспекта (sommaire).

На слѣдующій день, въ тѣ же часы, я присутствовалъ на урокѣ другаго преподавателя того же лицея, г. Хюбо. Классъ былъ составленъ изъ воспитанниковъ 16—18 лѣтъ, готовящихся въ военную Сенсирскую школу. Но какое это отдѣленіе и въ какомъ отношеніи оно стоитъ къ лицею, осталось для меня не совсѣмъ ясно изъ словъ преподавателя, а излишними разспросами я не желалъ наскучать. Урокъ прошелъ, большею частію, въ спрашиваніи и отвѣтахъ изъ разныхъ прежде пройденныхъ эпохъ, особенно изъ времени Семилѣтней войны, которая представлена распадающеюся на три періода. Коснулись также по какому-то поводу сочиненій Фенелона и его системы воспитанія дофина. Между тѣмъ одинъ

изъ воспитанниковъ начертилъ на доскѣ карту Алжира. Преподаватель продиктовалъ краткій очеркъ завоеванія Алжира, раздѣливъ его на два періода и подраздѣливъ ихъ на меньшія части; такъ что очеркъ получился въ видѣ таблицы, изображенной имъ на той же доскѣ. (Историческія таблицы составляютъ вообще систему г. Хюбо, и онъ сообщилъ мнѣ свое изданіе въ этомъ родѣ). Затѣмъ нѣсколько минутъ было посвящено собесѣдованію о Восточной политикѣ и Крымской войнѣ, къ каковому разговору и я былъ привлеченъ. Потомъ преподаватель заставилъ воспитанниковъ читать изъ какой-то книжки свѣдѣнія о взаимномъ положеніи Россіи и Англіи въ средней Азіи, объ Афганистанѣ, Туркестанѣ, Персіи и т. п. Очевидно, это была любезность по отношенію къ гостю, т.-е. говорилось преимущественно о вопросахъ, могущихъ быть для меня интересными. Г. Хюбо обращался при этомъ ко мнѣ съ разными вопросами или спрашивалъ мое мнѣніе. Между прочимъ, онъ пожелалъ узнать что-нибудь о вновь предпринимаемой нашей экспедиціи противъ Туркменъ; но я не могъ удовлетворить его любопытству, потому что тогда и самъ о ней не имѣлъ достовѣрныхъ свѣдѣній. Посреди этихъ разговоровъ мнѣ бросилось въ уши замѣчаніе воспитанника о какомъ-то баронѣ Николаи, который взялъ въ плѣнъ Шамиля, а потомъ сдѣлался французскимъ траппистомъ.

Лицей Фонтанъ. 13-го (25) іюня.

2—4 часа пополудни. Четвертый классъ. Римская исторія. Молодой преподаватель началъ спрашиваніемъ урока, который заключалъ въ себѣ періодъ Антониновъ. Слѣдовательно, онъ только на одинъ урокъ ушелъ впередъ противъ лицея Людовика. Изъ этого можно видѣть, какъ добросовѣстно исполняются учебные планы и какъ согласно идетъ преподаваніе въ лицеяхъ. Вопросы учителя особенно останавливались на Маркѣ Авреліѣ и его философскихъ сочиненіяхъ. Кромѣ того, они касались и источниковъ для исторіи Римской имперіи, напримѣръ, Тацита, Плинія, Діона Хризостома и др. Отвѣты учениковъ, вообще, были порядочные; но трудно было судить объ ихъ свѣдѣніяхъ по этимъ слишкомъ отрывочнымъ вопросамъ и отвѣтамъ. Между тѣмъ учитель далъ мнѣ посмотрѣть нѣсколько ученическихъ тетрадокъ съ изложеніемъ урока (redactions). Всѣ онѣ были снабжены его поправками и отмѣтками. Потомъ онъ поручилъ одному воспитаннику раздать ихъ по принадлежности. Послѣ чего продиктовалъ содержаніе (sommaire) слѣдующей эпохи, отъ смерти Марка Аврелія до отреченія Деоклетіана. А за тѣмъ перешелъ къ объяснительному толкованію этой эпохи, что также было записываемо уче-

никами, но, конечно, въ сокращеніи. Объясненія преподавателя касались болѣе внутренней стороны, т.-е. причинъ паденія имперіи, а также характеристики нѣкоторыхъ императоровъ. Главными причинами онъ представилъ недостатокъ военныхъ силъ, что-бы сдержать напоръ варваровъ, и разнообразіе составныхъ частей имперіи. Отсюда онъ вывелъ политику Деоклетіана, старавшагося поднять императорскую власть внѣшними знаками почитанія, и его раздѣлъ имперіи сначала на двѣ части, а потомъ на четыре, ради большихъ удобствъ защищать ее и управлять ею. Охарактеризовалъ также его гоненіе на христіанъ. Фактической сторонѣ преподаватель мало отводилъ мѣста, какъ будто предполагалъ ее извѣстной. Объясненія давались умныя и дѣльныя, но отзывались университетской лекціей, и, кажется, были слишкомъ сухи и отвлеченны. Этимъ можно отчасти объяснить, что во время второй половины урока, особенно къ концу, классъ велъ себя довольно неспокойно, такъ что преподаватель принужденъ былъ дѣлать внушенія, а нѣкоторыхъ даже отмѣтитъ на бумажкѣ для передачи ея цензору (censeur), т.-е. для наказанія. Объясненія, кромѣ того, страдали отрывочностью, такъ что не выходило сколько-нибудь полной картины эпохи. Лица выбирались для характеристики, повидимому, безъ строгой системы. Александръ Северъ, Каракалла и Геліогабалъ были совсѣмъ пропущены. И все-таки преподаватель не успѣлъ довести свои объясненія до конца эпохи. А въ такомъ случаѣ, какъ онъ мнѣ сообщилъ, ученикамъ предоставляется изложить свои редакціи съ помощію руководствъ. Изъ руководствъ, конечно, они должны почерпать и фактическія свѣдѣнія о заданной эпохѣ.

Суббота. 14-го (26) іюня.

$8^1/_2$—$10^1/_2$ часовъ утра. Третій классъ. Урокъ средней исторіи.

Преподаватель продиктовалъ sommaire о муниципіяхъ и коммунахъ западной Европы. Потомъ перешелъ къ объяснительному толкованію. Онъ очертилъ происхожденіе муниципій въ южной Франціи подъ чисто римскимъ вліяніемъ, т.-е. какъ слѣдствіе ея романизаціи. А въ сѣверной Франціи явились коммуны съ пришествіемъ германскихъ завоевателей, принесшихъ съ собою любимое ихъ учрежденіе гильдіи, которыя первоначально означали складчину или товарищество для застольныхъ пиршествъ (родъ нашихъ братчинъ). Далѣе онъ говорилъ объ ихъ отношеніяхъ къ королевской власти, и указалъ на то, что не Людовикъ VI первый ихъ основалъ; коммуны существовали до него, а король поощрялъ ихъ, но не въ своихъ владѣніяхъ, а въ чужихъ, и

притомъ за деньги. (Кажется, упустилъ сказать о значеніи въ данномъ случаѣ борьбы короля съ сильными вассалами). Сдѣлалъ при этомъ ссылку на Гизо «Исторія цивилизаціи во Франціи», и указалъ, какія, именно, страницы нужно прочесть. Указалъ также на тяжелое положеніе крестьянскаго сословія. Впослѣдствіи, королевская власть, подчинивъ себѣ муниципіи и коммуны, сравняла ихъ съ остальными своими подданными; но онѣ, перемѣнивъ форму, дали основаніе для tiers état. Очеркъ муниципій въ Англіи, Италіи и Германіи онъ отложилъ до слѣдующаго раза, обѣщая сказать о нихъ вкратцѣ.

Оставшіеся за тѣмъ полчаса преподаватель посвятилъ спрашиванію учениковъ изъ Англійской исторіи въ эпоху первыхъ Плантагенетовъ и начала парламента. Особенно его разспросы касались Великой хартіи, отношеній Іоанна Безземельнаго къ Франціи, судьбы принца Артура, Ѳомы Бекета, хартій короля Стефана и Генриха I, брака Генриха II и Элеоноры, лиги бароновъ при Генрихѣ III. Все это коротко, отрывочно, въ разбивку. Нѣкоторые ученики отвѣчали хорошо, и показались мнѣ довольно развитыми для мальчиковъ 14—15 лѣтъ. Преподаватель или, какъ ихъ называютъ, профессоръ самъ роздалъ ученикамъ тетрадки; при чемъ нѣкоторымъ устно сообщалъ свои замѣчанія. Это еще молодой человѣкъ, по всѣмъ признакамъ, ревностно относящійся къ своему дѣлу. Какъ я сказалъ, преподаватель, обыкновенно, первымъ входитъ въ классъ и послѣднимъ изъ него выходитъ; по окончаніи урока онъ оставался еще нѣсколько минутъ со мною въ пустомъ классѣ. Изъ разговора съ нимъ я убѣдился, что онъ оптимистически смотритъ на свою систему преподаванія и, вообще, доволенъ ея результатами. Письменное изложеніе урока или такъ наз. «редакціи» онъ считаетъ не только полезными, но и необходимыми, потому что онѣ заставляютъ работать всѣхъ учениковъ, заставляютъ ихъ лучше вникать въ урокъ и закрѣплять его въ ихъ памяти. Этотъ молодой профессоръ сообщилъ мнѣ, что въ старшихъ классахъ онъ иногда позволяетъ себѣ такую вещь: задаетъ кому-либо изъ учениковъ приготовить слѣдующій отдѣлъ по нѣкоторымъ учебникамъ и пособіямъ; сажаетъ его на кафедру и заставляетъ объяснять урокъ, вмѣсто учителя. А потомъ онъ дѣлаетъ свои замѣчанія на эти объясненія, хвалитъ то, что было удачно, и указываетъ слабыя стороны.

2—4 часа пополудни. Классъ риторическій. Урокъ новой исторіи.

Профессоръ началъ съ разбора ученическихъ тетрадокъ или «редакцій»; при чемъ о нѣкоторыхъ сдѣлалъ довольно подробныя замѣчанія. Содержаніемъ ихъ служило царствованіе Людовика XV и министерство Шуазеля. Особенно онъ останавливался надъ старыми французскими пар-

ламентами и изгнаніемъ іезуитовъ; при чемъ иногда цитовалъ Токвиля. Затѣмъ онъ прямо перешелъ къ объясненію слѣдующаго урока. Предварительно объявилъ, что, по недостатку остающагося до вакацій времени, задаетъ всю начальную исторію американскихъ Соединенныхъ штатовъ и войну за независимость до президентства Вашингтона включительно. Для составленія редакцій онъ предложилъ воспитанникамъ прочесть всѣ три части книги Лабуле; назвалъ и еще два сочиненія. А самъ предложилъ общую характеристику отношеній американскихъ колоній къ Англіи, возстанія и войны, Вашингтона и вмѣшательства Франціи. Онъ объяснилъ сильное моральное вліяніе этой войны и юной Американской республики на Французскую революцію и Французскую республику. (Американскую республику онъ назвалъ матерью Французской). Правительство Людовика XVI, уступая общественнымъ симпатіямъ, вмѣшалось въ пользу возставшихъ, и тѣмъ само работало противъ себя. Учрежденіе американской республики произвело во Франціи восторгъ. Лафайетъ, Рошамбо и другіе участники были только представителями общественнаго стремленія въ пользу свободныхъ учрежденій. Профессоръ указалъ на разницу народныхъ характеровъ, французскаго и англо-американскаго: французы тотчасъ взялись бы за оружіе, а колонисты, предварительно, десять лѣтъ спорили съ метрополіей о податяхъ, и требовали для себя представительства въ парламентѣ; когда же всѣ усилія были истощены, тогда только взялись за оружіе. Для характеристики наемныхъ нѣмецкихъ войскъ привелъ анекдотъ о томъ, что Фридрихъ II за нѣсколько тысячъ гессенскихъ солдатъ, проведенныхъ чрезъ его владѣнія, взялъ съ гессенскаго герцога такую пошлину, которая была установлена съ головъ рогатаго скота.

Благодаря оживленному изложенію и нѣкоторымъ ораторскимъ пріемамъ, эта лекція слушалась внимательно, не смотря на то, что она длилась болѣе часу. Минутъ за пятнадцать до конца класса, профессоръ обратился ко мнѣ, и предложилъ дать воспитанникамъ нѣсколько вопросовъ изъ Русской исторіи, напримѣръ, изъ исторіи Петра Великаго. Но прежде, нежели я собрался исполнить это неожиданное предложеніе, живой французъ сдѣлалъ мнѣ нѣсколько вопросовъ о современномъ состояніи русской исторіографіи, и завязавшійся отсюда разговоръ былъ прерванъ барабаномъ.

Какой же выводъ изъ моихъ наблюденій?—спроситъ читатель. Хороша или нѣтъ французская система преподаванія исторіи въ среднеучебныхъ заведеніяхъ? На это я отвѣчу, что вообще преподаваніе произвело на меня пріятное впечатлѣніе, но что, конечно, система имѣетъ свои сла-

бия стороны. Между самими преподавателями, какъ мы видѣли, встрѣчаются по отношенію къ ней и пессимисты, и оптимисты. Нельзя не согласиться съ г. Пижоно, что историческій курсъ слишкомъ растянутъ, такъ какъ онъ понемногу распредѣленъ на всѣ десять классовъ лицея. Кромѣ его растянутости, я указалъ бы и на недостаточное соотвѣтствіе нѣкоторыхъ частей цѣлому. Напримѣръ, новѣйшей исторіи, т.-е. послѣднему столѣтію, которому отводится весь высшій классъ (философскій) дано, можетъ быть, болѣе обширный объемъ, чѣмъ слѣдуетъ. Еще несоразмѣрнѣе поставлена исторія древняго востока, на которую полагается также годовой курсъ, именно VI классъ. Древняя географія составляетъ особый отдѣлъ, тогда какъ въ этомъ нѣтъ большой нужды; между тѣмъ всеобщая средняя и новая исторія не имѣетъ самостоятельнаго значенія; она группируется около исторіи Франціи. Поэтому ближайшіе къ ней народы: нѣмцы, англичане, итальянцы, испанцы еще кое-какъ изучаются; но другіе, особенно славянскіе народы, не имѣвшіе прежде тѣснаго отношенія къ французской исторіи, почти игнорируются; хотя для современныхъ поколѣній знакомство съ ними было бы далеко не лишнимъ, даже для французовъ. Россія до XIX вѣка упоминается слегка по поводу Великой Сѣверной войны и раздѣловъ Польши; поэтому воспитанники еще кое-что узнаютъ о Петрѣ I и Екатеринѣ II-й; но, вообще, имѣютъ о нашей исторіи смутное понятіе. Этотъ недостатокъ, несомнѣнно, играетъ важную роль въ политическихъ отношеніяхъ обоихъ великихъ народовъ, а, слѣдовательно, отражается и на общей французской политикѣ. (О подробностяхъ учебныхъ курсовъ можно судить по наиболѣе распространеннымъ руководствамъ, каковы, напримѣръ, Дюрюи и Дюкудрей). Недостатокъ системы заключается и въ томъ, что совсѣмъ не полагается времени на повтореніе для оканчивающихъ курсъ. На сколько правъ г. Пижоно относительно ихъ крайне неудовлетворительныхъ свѣдѣній, я, конечно, не могу судить безъ провѣрки; но во всякомъ случаѣ думаю, что, если онъ и преувеличиваетъ, то немного. Но я съ нимъ вполнѣ согласенъ въ томъ отношеніи, что система важна, а еще важнѣе качество преподавателей. И если прослушанные мною уроки произвели на меня, вообще, пріятное впечатлѣніе, то, главнымъ образомъ, потому, что мнѣ пришлось познакомиться едва ли не съ лучшими преподавателями. Много ли таковыхъ же найдется въ другихъ лицеяхъ и особенно въ провинціяхъ, я, конечно, остался въ неизвѣстности.

При всѣхъ хорошихъ качествахъ этихъ преподавателей, я все-таки думаю, что не слишкомъ ли они иногда бываютъ отвлеченными, не слишкомъ ли удаляются отъ фактической почвы. Въ старшихъ классахъ объ-

ясненія преподавателя получаютъ окончательно характеръ университетскихъ лекцій; а «редакціи» учениковъ являются уже чисто компилятивною работою. При послѣдней имѣется въ виду, чтобы ученики знакомились съ важнѣйшими историческими писателями, каковы Гизо, Токвиль, Лабуле и пр., что несомнѣнно очень полезно. Но все это хорошо, когда связано съ предварительнымъ фактическимъ изученіемъ исторіи.

Главный же мой выводъ заключается въ томъ, что система историческаго преподаванія у всякой великой націи должна имѣть свои особенности. Исторія не математика, которая не имѣетъ дѣла съ разными народными условіями. Уже то обстоятельство, что историческое преподаваніе должно отводить наибольшее мѣсто исторіи отечественной и непремѣнно знакомить съ сосѣдями, мѣняетъ условія преподаванія въ каждой странѣ. Слѣдовательно, каждое общество вырабатываетъ, такъ сказать, собственную систему. Когда я посѣщаю иноземныя школы, то, разумѣется, не изъ пустаго любопытства, а съ цѣлью сравненія и поученія. Отсюда неизбѣжный вопросъ: въ чемъ мы не уступаемъ французамъ и чему можно намъ у нихъ поучиться относительно преподаванія исторіи?

Мы видѣли, что на растянутость и отрывочность своего курса жалуются сами преподаватели лицеевъ, по крайней мѣрѣ нѣкоторые, и повидимому справедливо. Въ этомъ отношеніи нашъ гимназическій планъ преподаванія несомнѣнно лучше. Тамъ исторія распредѣлена на всѣ 10 лѣтъ. У насъ она идетъ съ третьяго класа до восьмаго включительно, слѣдовательно распредѣлена на шесть лѣтъ. При томъ у насъ она распадается на два курса, младшій и старшій, слѣдовательно болѣе сосредоточена. Мы видѣли самый процессъ преподаванія во французскихъ лицеяхъ, видѣли систему диктовки, спрашиванія и объясненія урока. Къ сожалѣнію, не имѣя случаевъ лично наблюдать этотъ процессъ въ нашихъ гимназіяхъ настоящаго времени, я, пока не получу къ тому возможности, долженъ воздержаться отъ сравнительнаго вывода. Затѣмъ, что составляетъ особенность французскихъ лицеевъ и чего я дотолѣ нигдѣ не встрѣчалъ—это еженедѣльныя письменныя работы учениковъ, извѣстныя подъ именемъ «редакцій». Французы, повидимому, довольны этой принадлежностью ихъ системы: такія работы волей-неволей заставляютъ всѣхъ учениковъ напрягать свои мыслительныя способности, пріучаютъ ихъ схватывать сущность слышаннаго и прочитаннаго, толково излагать эту сущность и, наконецъ, способствуютъ утвержденію ея въ памяти. Но, съ другой стороны, не слишкомъ ли онѣ обременяютъ и учениковъ, и учителей, однихъ заставляя постоянно писать и компилировать изъ руководствъ и пособій, а другихъ постоянно читать всѣ эти писанія. Но-

[illegible] часть этого времени могла бы быть употреблена съ большею [illegible] напримѣръ, просто на историческое чтеніе: да и фактическая [illegible] какъ и замѣтилъ, кажется, развита недостаточно. Я предлагаю [illegible], однако, если не усвоить вполнѣ, то хотя отчасти подвергнуть [illegible] систему редакціи въ нашихъ гимназіяхъ. Напримѣръ, заставлять [illegible] раза два или три въ теченіе учебнаго года составить родъ [illegible] отчета о пройденныхъ эпохахъ и особенно это дѣлать при повтореніяхъ. Но подобныя работы, чтобы не обременить учениковъ, необходимо согласовать съ количествомъ письменныхъ упражненій по предметамъ русскаго языка и словесности, то-есть нѣсколько уменьшивъ въ такомъ случаѣ количество послѣднихъ. Необходимо, также, было бы учредить и нѣкоторое вознагражденіе преподавателю за лишній трудъ или [illegible] нормальное количество его часовъ. Сколько я могъ замѣтить, [illegible] соображенія принимаются въ расчетъ во французскихъ лицеяхъ.

Реформа, произведенная въ нашихъ среднеучебныхъ заведеніяхъ въ [illegible] 70-хъ годовъ, предоставивъ господствующее положеніе древнимъ [illegible], коснулась между прочимъ исторіи. Въ отношеніи послѣдней она установила дѣленіе на два концентрическіе курса, младшій (3 и 4 классы) и старшій, что несомнѣнно хорошо. Но затѣмъ она сократила общее количество часовъ, которое и прежде было не велико. А еще болѣе чувствительный ударъ исторической системѣ она нанесла новыми программами, въ которыхъ неискусно и неудобно исторія отечественная была перемѣшена со всеобщею, точнѣе сказать, съ нѣкоторыми отрывками изъ послѣдней. Понятно стараніе французовъ или нѣмцевъ сдѣлать отечественную исторію центромъ, около котораго группируются важные факты изъ исторіи общеевропейской, средней и новой. Исторіи главныхъ народовъ западной и средней Европы такъ переплетаются между собою, что ихъ даже трудно и выдѣлить. Однако и тамъ эта система имѣетъ свои неудобства; между прочимъ, при ней почти пропадаетъ исторія восточной Европы. У насъ, наоборотъ, при такой системѣ должна сильно страдать исторія западноевропейскихъ, т.-е. самыхъ культурныхъ народовъ. Намъ, конечно, необходимо знакомиться съ судьбами своихъ сосѣдей; но нельзя же Швеціи и Польшѣ давать въ преподаваніи болѣе мѣста, нежели Франціи и Англіи. Въ сущности такъ называемая Всеобщая исторія, Средняя и Новая, помянутыми программами была почти уничтожена въ старшемъ историческомъ курсѣ; тогда какъ въ этомъ именно курсѣ она и должна получить самостоятельное значеніе. Такимъ образомъ, новыя программы произвели реформу и тамъ, гдѣ никакой реформы не требовалось и гдѣ успѣла было установиться своя система, отвѣчающая нашимъ собствен-

нымъ условіямъ и потребностямъ. Разумѣется, внесенныя ими неудобства скоро дали себя знать на практикѣ, и произвели разныя замѣшательства. Впрочемъ, въ послѣдніе годы какъ будто сдѣланъ поворотъ къ лучшей прежней системѣ нѣкоторыми поправками въ программахъ.

Да не подумаетъ читатель, что я представляю свои возраженія противъ оффиціальной исторической программы только теперь, т.-е. послѣ извѣстной перемѣны въ сферѣ, руководящей министерствомъ народнаго просвѣщенія. Нѣтъ, то же самое, только съ большими подробностями, было мною еще прежде напечатано въ почтенномъ изданіи извѣстнаго московскаго педагога г. Поливанова (Учебно-воспитательная библіотека. М. 1876 г. Т. I). Точно также мнѣ нѣтъ нужды пользоваться этою перемѣною, чтобы говорить теперь противъ крайностей классической реформы въ нашихъ гимназіяхъ. Въ свое время я возражалъ противъ нихъ въ цѣломъ рядѣ статей (см. Русскій Архивъ за 1874 г.).* Мнѣ приходится только напомнить о высказазанныхъ мной предостереженіяхъ, которыя сбылись даже скорѣе, чѣмъ можно было думать. Но, оставаясь все-таки поклонникомъ классическаго образованія, я въ настоящее время рѣшительно присоединяюсь къ тѣмъ, которые высказываются противъ новой ломки и желаютъ только нѣкотораго ограниченія и смягченія классической системы. Не могу, однако, не указать на тѣ послѣдствія, которыя повлекло за собою нѣкоторое пренебреженіе къ исторіи, какъ предмету преподаванія. Это пренебреженіе выразилось, между прочимъ, и въ той тенденціи, по которой только преподаватели древнихъ языковъ получали движеніе по службѣ. Извѣстно, что въ силу такой тенденціи инородческій элементъ (хотя бы славянскій) во многихъ заведеніяхъ занялъ начальственное положеніе по отношенію къ отечественному, русскому элементу.

Во время своихъ поѣздокъ въ ту или другую область Россіи (связанныхъ, бо́льшею частію, съ работами по предпринятой мной Исторіи Россіи) я имѣлъ возможность, между прочимъ, наблюдать и за постепеннымъ упадкомъ интереса къ отечественной исторіи и древностямъ, по преимуществу тамъ, гдѣ инспекторскія и директорскія мѣста перешли въ руки славянъ-классиковъ или гдѣ являлось сочетаніе западнаго славянина съ нѣмцемъ. Въ прошломъ (1879) году, напримѣръ, житомірская гимназія произвела на меня отрадное впечатлѣніе своимъ удачнымъ чисто русскимъ составомъ. Наоборотъ, въ нѣкоторыхъ другихъ чисто русскихъ и даже древнерусскихъ городахъ, извѣстныхъ своими замѣчательными па-

* То и другое см. дальше, въ настоящей книгѣ.

мятниками, имѣвшихъ въ прежнее время въ своемъ педагогическомъ составѣ людей научно занимающихся этими памятниками, теперь я не встрѣчалъ никакого къ нимъ интереса. Отъ заведеній вѣяло какимъ-то инымъ, чуждымъ духомъ. Здѣсь совѣтъ и указанія я находилъ уже въ другихъ кружкахъ общества, преимущественно, въ мѣстномъ духовенствѣ.

По этому поводу напомню слѣдующій фактъ. Послѣ Наполеоновскаго погрома Германіи, нѣмцы начали свое національное возрожденіе, главнымъ образомъ, съ того, что принялись усердно изучать свое прошлое и въ самыхъ школахъ сильно подняли историческое преподаваніе. Какихъ результатовъ они достигли, всѣмъ извѣстно.

Стараясь обратить надлежащее вниманіе педагогическаго міра на школьное преподаваніе исторіи, я, однако, нисколько не желаю выставлять какія либо преувеличенныя требованія, напримѣръ, относительно количества часовъ, отводимыхъ этому предмету. Прибавка двухъ или трехъ часовъ къ настоящему числу, т.-е. возвращеніе прежняго количества я считаю достаточнымъ для гимназическаго курса. Общій же планъ историческаго преподаванія, по моему мнѣнію, слѣдуетъ оставить тотъ же, какой дѣйствуетъ и въ настоящее время, но съ окончательнымъ исправленіемъ программъ. А именно: во-первыхъ, сокращенный, эпизодическій курсъ русско-всеобщей исторіи въ третьемъ и четвертомъ классѣ. Затѣмъ идетъ систематическій и болѣе подробный курсъ: древней исторіи въ пятомъ, средней въ шестомъ и новой въ седьмомъ. Весь пятый классъ можно посвятить древней исторіи, а шестой и седьмой только отчасти; здѣсь параллельно съ средней и новой должно вести отдѣльный курсъ отечественной исторіи. Осьмой же классъ хорошо было бы посвятить повторенію; при чемъ факты внѣшней исторіи проходить коротко, а останавливаться преимущественно на учрежденіяхъ. Не дурно было бы въ этомъ классѣ или въ седьмомъ сдѣлать обязательнымъ для каждаго воспитанника хотя одно историческое сочиненіе компилятивнаго характера, но самостоятельной работы. Что касается до количества времени, отводимаго на исторію въ нашихъ гимназіяхъ, то достаточно было бы назначить для того 15, въ крайнемъ случаѣ—14 уроковъ, распредѣливъ ихъ, примѣрно, такимъ образомъ: въ третьемъ, четвертомъ и пятомъ по 2 урока, а въ шестомъ, седьмомъ и осьмомъ классахъ по 3. (Это при 15 урокахъ, а при 14 въ осьмомъ 2).

Мнѣ остается, хотя въ русскомъ изданіи, извиниться передъ г. Греаръ, который, давая письменную рекомендацію для доступа въ лицеи, просилъ зайти послѣ къ нему и сообщить ему мои наблюденія и замѣчанія о французской системѣ. Отчасти потому, что пришлось уѣхать тот-

часъ за посѣщеніемъ лицеевъ, а можетъ быть я отнесъ такую просьбу просто къ любезности, но только потомъ я не видался съ вице-ректоромъ. Повторяю, мнѣ желательно было ознакомиться съ иностранными системами преподаванія, главнымъ образомъ, не въ видахъ ихъ критики, а въ видахъ того, что можно найти въ нихъ полезнаго и удобопримѣнимаго къ нашему собственному преподаванію. Во всякомъ случаѣ, надобно отдать справедливость лицамъ, руководящимъ народнымъ образованіемъ въ передовыхъ странахъ Европы: *они интересуются мнѣніями спеціалистовъ и находятъ время ихъ выслушивать.*

Только что описанное посѣщеніе парижскихъ лицеевъ возбудило во мнѣ желаніе, по возвращеніи въ отечество, побывать на урокахъ исторіи и въ Московскихъ заведеніяхъ, въ видахъ сравненія; на что и было получено мною разрѣшеніе г. попечителя учебнаго округа. Въ 1881 году я посѣтилъ три классическихъ гимназіи и одно городское трехклассное училище. Кромѣ того посѣтилъ одно училище военнаго вѣдомства, именно Третью военную гимназію. Я нашелъ, что нѣкоторые наши преподаватели нисколько не уступаютъ лучшимъ парижскимъ. Къ сожалѣнію я не велъ дневника всѣмъ прослушаннымъ мною урокамъ и экзаменамъ; а отмѣтилъ вкратцѣ только два свои посѣщенія, показавшіяся мнѣ наиболѣе удачными, которыя и привожу теперь (впервые) изъ своей записной книжки.

Третья Московская военная гимназія. 23 января 1881 г.

Съ 11 часовъ до 3½. Прослушалъ четыре урока у преподавателя А. Н. П—нова. Въ V классѣ онъ объяснялъ слѣдующій урокъ, именно исторію Пиринейскаго полуострова въ Средніе вѣка; при чемъ въ разбивку распрашивалъ главные факты изъ предыдущей исторіи этого полуострова, т.-е. Кельтическое населеніе, колоніи Финикіянъ и Грековъ, Римское владычество, Готское государство, завоеваніе Маврами. Разсказалъ о возникновеніи христіанскихъ владѣній, о королевствахъ Аррагонскомъ и Кастильскомъ, о происхожденіи Португальскаго королевства. Затѣмъ остановился на дѣятельности Фердинанда Католика, паденіи Гренады, особенно на дѣятельности инквизиціи и ея значеніи для усиленія королевской власти. Разсказывалъ очень толково и ясно, постоянно указывая на стѣнную карту.

III классъ. Урокъ изъ Греческой исторіи. Преподаватель спрашивалъ урокъ о началѣ Грекоперсидскихъ войнъ и походѣ Ксеркса; при чемъ каж-

дое движеніе войскъ заставлялъ показывать на картѣ; распрашивалъ также разныя подробности, очевидно сообщенныя имъ при объясненіи урока. Ученики отвѣчали вообще хорошо, за исключеніемъ самыхъ плохихъ. Видно, что учитель умѣетъ возбудить интересъ къ предмету. Онъ требуетъ точнаго знанія главныхъ хронологическихъ чиселъ; въ спрашиваніи держится смѣшанной системы, т.-е. требуетъ связнаго расказа, но время отъ времени перебираетъ классъ въ разбивку.

VII классъ. Урокъ изъ Русской исторіи. Прежде чѣмъ перейти къ дальнѣйшему объясненію, именно къ участію Екатерины въ судьбахъ Польши, учитель въ разбивку распросилъ учениковъ важнѣйшіе факты изъ исторіи отношеній Польши къ Россіи, начиная преимущественно съ XVI вѣка. Затѣмъ приступилъ къ изложенію слѣдующаго урока, начиная съ избранія короля Станислава Понятовскаго. Очертилъ его характеръ и отношенія къ современному либеральному движенію во Франціи, затѣмъ вопросъ о правахъ диссидентовъ и образованіе конфедерацій въ связи съ этимъ вопросомъ, характеры главныхъ партій и дѣйствія Рѣпнина, потомъ Барскую конфедерацію, возстаніе гайдамакъ и Уманьскую рѣзню. Тутъ прервалъ его звонокъ. Разсказъ толковый, ясный и довольно подробный. Въ этомъ классѣ полагается только исторія Россіи и Европы въ XVIII вѣкѣ; поэтому она проходится съ подробностями.

IV классъ. Переходъ отъ Древней исторіи къ Средней. Послѣ предварительныхъ распросовъ предыдущаго, учитель говорилъ о Германцахъ. Очертивъ ихъ страну и обычаи, особенно остановился на ихъ языческой религіи; при чемъ краснорѣчиво изобразилъ ихъ преданія о богахъ Одинѣ, Торѣ, Бальдурѣ, о Валгалѣ и валькиріяхъ. Такой живой разсказъ очевидно увлекъ вниманіе учениковъ. Въ III классѣ полагается исторія Востока и Греціи, а въ IV-мъ исторія Римская. Но преподаватель успѣлъ уже пройти сію послѣднюю, и теперь рѣшилъ захватить часть Средней, чтобы въ слѣдующемъ классѣ имѣть болѣе времени и пройти Среднюю исторію обстоятельно.

Пятая Московская гимназія. 1 апрѣля 1881 г.

10—11 часовъ. Классъ VII. Урокъ Новой исторіи. Павелъ I, походъ Суворова, консульство Бонапарта и провозглашеніе его императоромъ. Преподаватель (И. А. Л—довъ) спрашивалъ по одиночкѣ довольно основательно, заставляя разсказывать, причемъ иногда дѣлалъ вопросы изъ прежде пройденнаго. Знанія и отвѣты учениковъ хороши. Назначивъ слѣ-

дующій урокъ по учебнику, остававшуюся четверть часа онъ употребилъ на объясненіе этого урока и сообщеніе нѣкоторыхъ подробностей. Особенно остановился на коалиціи 1805 года, сдачѣ Мака, отступленіи Кутузова и Багратіонѣ при Шенграбенѣ; успѣлъ довести свой разсказъ до битвы Аустерлицкой. Разсказъ этотъ былъ такъ плавенъ и интересенъ по подробностямъ, что очевидно овладѣлъ всѣмъ вниманіемъ учениковъ. Учитель успѣлъ уже пройти и повторить то, что полагается въ этомъ классѣ, именно до конца XVIII вѣка; а теперь проходилъ нѣсколько далѣе, для того (какъ онъ мнѣ объяснялъ), чтобы въ VIII классѣ ученики имѣли болѣе времени для другихъ работъ.

11—12 ч. Классъ V. Древняя исторія. Повтореніе перваго, т.-е. Героическаго періода Греціи и ея географическаго обзора. Опять довольно обстоятельное спрашиваніе. Учитель особенно останавливался на религіи и миѳологіи, на изображеніи боговъ и ихъ значеніи. Въ отвѣтахъ болѣе всего требовалъ точности и логики. Послѣднія десять минутъ употребилъ на объясненіе того, какъ увеличились источники для исторіи древняго Востока съ открытіемъ клинообразныхъ письменъ, и вошелъ въ подробности о самомъ этомъ открытіи. Преподаватель, какъ онъ мнѣ потомъ объяснялъ, позволяетъ себѣ эту роскошь при повтореніи просто для того, чтобы не заниматься однимъ спрашиваніемъ и пополнить свѣдѣнія учениковъ о древнемъ востокѣ, который они проходили только въ третьемъ классѣ и очень кратко.

$12^1/_2$—$1^1/_2$ ч. Классъ IV. Повтореніе сокращенной исторіи Европы и Россіи въ XVI вѣкѣ. Преподаватель очевидно отличается точностію и добросовѣстнымъ отношеніемъ къ своему дѣлу, такъ что успѣваетъ не только пройти все, что предполагается по программѣ, но и все повторить своевременно. Классъ прошелъ въ переспрашиваніи урока, и хотя учитель предупредилъ меня, что это вообще выдающійся по своей посредственности составъ класса (такъ что на золотой доскѣ никого не оказалось записаннымъ), однако отвѣты учениковъ мнѣ показались вообще удовлетворительны.

$1^1/_2$—$2^1/_2$ ч. Классъ VIII. Урокъ географіи. Повтореніе. Обзоръ русскихъ губерній по группамъ и полосамъ. Отвѣты учениковъ я нашелъ очень удовлетворительными. Говорили не только о характерѣ каждой полосы по ея природѣ, а также промышленности и торговли, но отвѣчали и на вопросы о сравнительномъ значеніи нашихъ промышленныхъ или торговыхъ пунктовъ съ западноевропейскими. Вообще направленіе преподаванія И. А. Л—ва главнымъ образомъ фактическое, серьезное. Онъ не прибѣгаетъ ни къ какимъ особымъ умствованіямъ о характерѣ и за-

дачахъ преподаванія исторіи или географіи; о чемъ у насъ часто такъ любятъ разглагольствовать молодые, неопытные преподаватели: а въ результатѣ ихъ разглагольствій нерѣдко получаются весьма плохія знанія учениковъ. Онъ ограничивается простыми, элементарными объясненіями относительно значенія фактовъ; а главное вниманіе устремляетъ на усвоеніе самихъ фактовъ *.

---

* Это записанное мною въ 1881 году впечатлѣніе любопытно было потомъ, года три, четыре спустя, сравнить съ отзывомъ одного изъ университетскихъ профессоровъ исторіи, командированнаго въ сію гимназію для присутствія на экзаменахъ. Какъ мнѣ извѣстно, онъ атестовалъ означенное преподаваніе хотя удовлетворительнымъ вообще въ фактическомъ отношеніи, но якобы *мало осмысленнымъ*. Очевидно, профессоръ этотъ, со школьной скамьи сѣвшій на университетскую кафедру, недостаточно вникалъ въ характеръ и задачи гимназическаго преподаванія исторіи, и смѣшивалъ его съ университетскими лекціями. Тѣ его слушатели, которые не запаслись достаточно фактами въ гимназіи, едва ли что поймутъ изъ его лекцій. Подобныя преувеличенныя требованія особенно бросаются въ глаза рядомъ съ другими явленіями, доказывающими, что удовлетворительныя фактическія свѣдѣнія по исторіи не часто встрѣчаются между оканчивающими гимназическій курсъ. Напримѣръ, въ недавнее время въ другой гимназіи другой контролирующій на выпускныхъ экзаменахъ профессоръ при чтеніи одного латинскаго писателя, гдѣ упоминались *консулъ* и *преторъ*, вздумалъ спросить, что это были за сановники, и не получилъ отвѣта. Выходитъ любопытное совпаденіе съ тѣмъ, на что сѣтовалъ французскій преподаватель (см. выше, на стр. 47).

IV.

НѢСКОЛЬКО ЗАМѢЧАНІЙ О ПРИМѢРНОЙ ПРОГРАММѢ ИСТОРИЧЕСКАГО КУРСА *.

Конечно всѣмъ понятно нѣсколько щекотливое отношеніе къ данному вопросу лично для меня, какъ одного изъ конкуррентовъ въ нашей учебно-исторической литературѣ. Тѣмъ не менѣе, вполнѣ сочувствуя задачѣ настоящаго изданія (т. е. Учебновоспит. библіотеки), я рѣшился высказать свой взглядъ на примѣрную программу, приложенную къ планамъ Мин. Народ. Пр. (См. Журн. Министерства за 1872 г. іюль).

Уже самое названіе программы «примѣрною» показываетъ, что учебное вѣдомство не считало ее чѣмъ-то законченнымъ, безусловно утвержденнымъ разъ навсегда. Оно дѣйствовало въ этомъ случаѣ съ должною осторожностью. Обративъ главную свою энергію и главное вниманіе на предметы, составлявшіе сущность учебной реформы, оно предоставило времени окончательную обработку системы преподаванія относительно другихъ предметовъ. Къ послѣднимъ принадлежитъ и исторія. Со времени обнародованія упомянутой программы прошло четыре года, слѣдовательно ея достоинства и слабыя стороны могли уже обнаружиться на самой практикѣ.

Примѣрной программѣ предшествуетъ очеркъ учебнаго плана исторіи. По этому плану въ мужскихъ гимназіяхъ полагается два курса: краткій, *эпизодическій* въ III и IV классахъ, и полный или *систематическій* въ V—VII класахъ. Въ обоихъ курсахъ отечественная исторія излагается параллельно со всеобщею. Я ничего не имѣю сказать противъ такого общаго распредѣленія; напротивъ, считаю его вполнѣ основательнымъ; о чемъ и прежде не разъ заявлялъ свое мнѣніе. Переходя къ

---

* Учебновоспитательная библіотека. Изд. Учебнаго Отдѣла Москов. Общества Распростр. технич. знаній. М. 1876. Т. I.

распредѣленію частному, замѣчу слѣдующее. Въ третьемъ классѣ должна быть пройдена исторія древняя и небольшая часть средней, а въ четвертомъ остальная средняя, новая и русская. Такое распредѣленіе, мнѣ кажется, не совсѣмъ равномѣрно. Удобнѣе было бы назначить для третьяго класса курсъ древней и средней исторіи, а для четвертаго курсъ новой и русской, начавъ послѣдній приблизительно съ славянскихъ народовъ и паденія Византіи. Затѣмъ обращу вниманіе на слѣдующее положеніе объяснительной записки: «Исторія Евреевъ, извѣстная уже ученикамъ изъ курса священной исторіи, служитъ средоточіемъ для всей древней исторіи Востока. Это сдѣлано между прочимъ и съ цѣлію, чтобы дать возможность учителю рѣзче представить тѣ духовныя преимущества, которыми отличался народъ Еврейскій въ средѣ другихъ народовъ древняго міра». Во-первыхъ, уже по тому самому, что исторія Евреевъ подробно проходится въ отдѣлѣ такъ наз. священной исторіи, нѣтъ никакой нужды давать ей много мѣста въ исторіи всеобщей; а во-вторыхъ, попытка сдѣлать изъ нея, вопреки дѣйствительности, центръ для исторіи древняго Востока ведетъ къ весьма искусственному и запутанному построенію послѣдней, что отразилось и въ первомъ параграфѣ примѣрной программы, и въ тѣхъ руководствахъ, которыя съ нею согласны. Какимъ образомъ, благодаря этому построенію, учитель можетъ рѣзко представить духовныя преимущества Еврейскаго народа предъ другими народами древняго міра, намъ неизвѣстно. Наоборотъ, мы знаемъ, что въ дѣлѣ гражданственности другіе культурные народы имѣли вліяніе на Евреевъ; такъ напримѣръ, для построенія своего храма послѣдніе призвали финикійскихъ художниковъ. Евреи не были центромъ въ исторіи древняго Востока ни въ политическомъ, ни въ культурномъ отношеніи; а рѣчь объ ихъ высокихъ духовныхъ качествахъ, объ ихъ великомъ значеніи для христіанскаго міра конечно должна быть отнесена болѣе къ курсу старшаго возраста, чѣмъ младшаго. Съ своей стороны я полагаю болѣе удобнымъ при обозрѣніи исторіи восточныхъ народовъ (въ курсѣ младшаго возраста) помѣстить въ ея центрѣ Кира и основанную имъ монархію, которая обнимала почти всѣ эти народы, и заканчивать это обозрѣніе Евреями, которые съ утратою политической независимости вошли въ составъ другихъ монархій, но въ религіозномъ и нравственномъ отношеніи продолжали стоять какъ бы особнякомъ.

«Въ отдѣлъ исторіи Греціи и Рима должно войти связное обозрѣніе всѣхъ главныхъ внѣшнихъ событій». Такъ говоритъ объяснительная записка; слѣдовательно она какъ бы устраняетъ изъ младшаго курса внутреннюю исторію двухъ классическихъ народовъ. Но возможно ли это?

т.-е. возможно ли связное обозрѣніе внѣшнихъ событій, минуя внутреннія? Дѣйствительно, въ примѣрной программѣ мы не находимъ почти ничего, указывающаго, напримѣръ, на смѣну монархическихъ формъ республиканскими въ Греціи и особенно въ Римѣ; при обзорѣ Римской исторіи программа не дѣлаетъ никакого намека на борьбу патриціевъ съ плебеями. Основывая этотъ курсъ преимущественно на біографическихъ чертахъ, она пропускаетъ такія лица какъ Периклъ, Эпаминондъ, Камиллъ, Лициній, цензоръ Катонъ, Гракхи, Марій и Сулла (Октавій Августъ упомянутъ только въ хронологіи). Весь періодъ Римской имперіи до Константина В. обозначенъ только «паденіемъ Іерусалима и гоненіемъ на христіанъ». А періодъ, послѣдующій за Константиномъ, обозначенъ «началомъ монашества, Амвросіемъ и Іоанномъ Златоустомъ», безъ упоминанія о Юліанѣ Отступникѣ и Ѳеодосіи Великомъ.

Принятіе христіанства новыми народами безспорно составляетъ предметъ первостепенной важности; но едва ли на этомъ основаніи необходимо въ младшемъ курсѣ среднюю исторію сосредоточить преимущественно на церковныхъ событіяхъ и лицахъ, какъ это вытекаетъ изъ примѣрной программы. Напримѣръ, вторая глава состоитъ изъ слѣдующихъ параграфовъ: «Крещеніе Франковъ, Григорій I и Августинъ. Самоотверженіе и мученическая смерть Бонифація». Въ третьей главѣ борьба Гераклія съ Хозроемъ упоминается какъ бы по поводу «Возвращенія Честнаго Креста Господня». Въ пятой главѣ, замѣчу мимоходомъ, встрѣчается особый параграфъ о «сношеніяхъ Карла В. съ Византійскою имперіей», хотя о нихъ извѣстно очень мало и онѣ не настолько важны, чтобы входить въ составъ младшаго курса. Шестая глава посвящена христіанству у славянскихъ народовъ: «Свв. Кириллъ и Меѳодій. Крещеніе Болгаріи. Свв. Кириллъ и Меѳодій въ Моравіи и въ Римѣ. Паденіе Славянскаго богослуженія въ Чехіи, Моравіи и Польшѣ». Слѣдовательно въ младшемъ курсѣ долженъ быть даже особый разсказъ о паденіи Славянскаго богослуженія въ Чехіи, Моравіи и Польшѣ, хотя исторія этого паденія еще далеко не разъяснена и составляетъ пока предметъ ученыхъ изслѣдованій, а исторія Славянскаго богослуженія въ Польшѣ намъ пока положительно неизвѣстна. Замѣчательно, что этимъ гадательнымъ паденіемъ Славянскаго богослуженія въ Польшѣ примѣрная программа повидимому и ограничиваетъ то, что можетъ войти въ младшій курсъ изъ Польской исторіи среднихъ вѣковъ. Между тѣмъ относительно Кирилла и Меѳодія она не довольствуется шестою главой. Въ одной изъ слѣдующихъ главъ, посвященной Гусу, мы опять встрѣчаемъ: «Слѣды дѣятельности Кирилла и Меѳодія въ Чехіи въ XIV и XV вѣкахъ», хотя

эти слѣды опять-таки не настолько выдающіеся и не настолько разъясненные, чтобы сдѣлать изъ нихъ предметъ особаго разсказа въ младшемъ курсѣ. Затѣмъ идетъ исторія Гуса, а непосредственно за Гусомъ въ той же главѣ слѣдуютъ: «Лютеръ, протестантизмъ, іезуиты и Варѳоломеевская ночь». Едва ли согласно съ требованіями историческаго преподаванія совмѣщать въ одну главу столь разнообразныя и многозначительныя лица и событія.

Вообще мы иногда совсѣмъ не понимаемъ, чѣмъ руководствовались составители программы въ своей группировкѣ и распредѣленіи отдѣловъ при обзорѣ средней и новой исторіи. Первая глава изъ Отечественной исторіи, по обычаю, начинается баснею о призваніи Варяговъ и кончается крещеніемъ Владиміра. Легенда о нападеніи Печенѣговъ на Кіевъ въ отсутствіе Святослава сочтена настолько важною, что составляетъ здѣсь предметъ особаго параграфа. Но замѣчательно, что этою первою главою прерывается курсъ третьяго класса, а курсъ четвертаго класса открывается Борисомъ и Глѣбомъ, т.-е. злодѣяніями Святополка. Чтобы сообщить болѣе освѣщенія событіямъ изъ отечественной исторіи, надобно излагать прежде предшествовавшія имъ событія изъ исторіи всемірной, а здѣсь мы видимъ наоборотъ. Напримѣръ: глава о Григоріи VII и первомъ Крестовомъ походѣ помѣщена между Андреемъ Боголюбскимъ и битвою при Калкѣ; Гутенбергъ и Колумбъ между Ермакомъ и Гусомъ; Тридцатилѣтняя война между Алексѣемъ Михайловичемъ и Петромъ Великимъ. Эпоха Русской исторіи между Петромъ В. и Елизаветою Петровною совсѣмъ пропущена. Вообще чѣмъ далѣе, тѣмъ событія и лица берутся все отрывочнѣе, такъ что не видно между ними никакой связи. Въ программѣ младшаго курса совсѣмъ не нашли себѣ мѣста: Оттонъ Великій, Альфредъ Великій, Вильгельмъ Завоеватель, Фридрихъ Барбаруса, Жанна д' Аркъ, Людовикъ XI, Карлъ V, Филиппъ II, Вильгельмъ Оранскій, Генрихъ IV, Ришельё, Елизавета и Марія Стюартъ, Кромвель, Людовикъ XIV; не говоримъ уже о Вильгельмѣ Телѣ (т.-е. началѣ Швейцарскаго союза), Густавѣ Вазѣ, Янѣ Собескомъ и т. п. Повидимому, составители программы считали ненужнымъ для учениковъ IV класса имѣть какое либо понятіе о главнѣйшихъ династіяхъ Западной Европы, каковы: Гогенштауфены, Габсбурги, Стюарты и Бурбоны. Не упомянуто ни о какихъ событіяхъ въ Англіи и даже о Французской революціи. При такихъ условіяхъ младшій курсъ является весьма слабою подготовкою для старшаго, а въ какомъ либо самостоятельномъ значеніи, въ какой либо степени законченности ему приходится отказать совершенно.

Укажемъ также на выборъ хронологическихъ данныхъ для изучаю-

щихъ этотъ курсъ. Такія гадательныя цифры, какъ годъ выхода Евреевъ изъ Египта (и еще съ варіантомъ), или годы построенія Іерусалимскаго храма и Троянской войны, по моему мнѣнію, излишни. Годъ сраженія при Каннахъ также излишенъ, если уже поставлены предѣлы Второй Пунической войны. Начало монастырей обозначено невѣрно, и притомъ оно совсѣмъ не требуетъ такого числоваго точнаго обозначенія въ младшемъ курсѣ. А между тѣмъ въ отдѣлѣ Греціи и Рима не встрѣчаемъ такихъ хронологическихъ данныхъ, какъ 1100 (начало Историческаго періода въ Греціи), 776 (начало греческой эры), 366 (уравненіе патриціевъ съ плебеями), 44 (смерть Цезаря; при чемъ годъ Фарсальской битвы могъ бы быть опущенъ). Въ отдѣлѣ средней и новой исторіи не встрѣчаемъ нѣкоторыхъ годовъ первостепенной важности; впрочемъ оно и понятно, если не упомянуты и самыя событія, къ которымъ они относятся, напримѣръ: 1066, 1204, 1215, и т. д. Въ то же время годъ Бѣлогорской битвы обозначенъ особо, хотя тутъ же указаны предѣлы Тридцатилѣтней войны; годы сраженій при Цориндорфѣ и Кунерсдорфѣ также особо обозначены, хотя указаны предѣлы Семилѣтней войны. Годъ сраженія съ Половцами у р. Сальницы могъ бы быть опущенъ; а время перваго извѣстія о Москвѣ пропускать не слѣдовало. Точно также, начиная по крайней мѣрѣ съ Ивана III, время царствованія русскихъ государей должно быть обязательно заучено при прохожденіи этого курса. Обязательнымъ хронологическимъ даннымъ въ младшемъ курсѣ я придаю большую важность; эти данныя должны быть твердо усвоены, и выборъ ихъ долженъ быть сдѣланъ тщательно. Они служатъ гвоздями, закрѣпами, на которыхъ должно быть утверждено усвоеніе всего гимназическаго курса исторіи.

Я вполнѣ раздѣляю мысль, что историческій курсъ младшаго возраста долженъ отличаться по преимуществу эпизодическо-біографическими чертами; но такого большею частію отрывочнаго, безсвязнаго, подъ часъ случайнаго, выбора и распредѣленія матеріала для этого курса я, признаюсь, не вполнѣ понимаю.

Перейдемъ теперь къ курсу старшаго возраста. Главное мое возраженіе примѣрной программѣ относится къ попыткѣ слить и въ этомъ курсѣ изложеніе отечественной исторіи со всеобщею, и сдѣлать изъ первой центръ, около котораго вращалась бы исторія важнѣйшихъ культурныхъ народовъ новаго міра. Но такое слитіе оказывается весьма неудобнымъ въ старшемъ курсѣ, который въ учебномъ планѣ названъ «систематическимъ». Съ одной стороны становится почти невозможнымъ стройное систематическое обозрѣніе исторіи этихъ народовъ; она является не

болѣе, какъ чѣмъ-то придаточнымъ, вставленнымъ случайно тамъ-сямъ между событіями отечественной исторіи. Съ другой стороны систематичное изложеніе этой послѣдней прерывается разсказами о народахъ и лицахъ, не имѣющихъ съ нею никакой видимой связи; она лишается своей цѣльности и послѣдовательности. Слитіе, возможное и полезное въ младшемъ курсѣ при его эпизодичности и краткости, въ старшемъ становится неудобно. Въ западноевропейской учебной практикѣ отечественная исторія у всѣхъ народовъ, особенно пользующихся національнымъ единствомъ, составляетъ особый предметъ преподаванія, хотя она съ самыхъ древнихъ временъ тѣсно переплетается съ исторіей другихъ народовъ. Въ нашей исторіи нѣтъ такого сплетенія. Участіе въ политическихъ событіяхъ Европы мы стали принимать только съ Петра Великаго, а болѣе тѣсныя отношенія начались еще позднѣе. Но съ Петра же Великаго началось постоянное и непосредственное вліяніе на насъ западно-европейской цивилизаціи, вліяніе вполнѣ продолжающееся и въ наши времена; уже это одно обстоятельство обязываетъ насъ серьезно и внимательно изучать исторію культурныхъ народовъ новаго міра, а слѣдовательно дать ей самостоятельное мѣсто. Правильно поставленный курсъ младшаго возраста между прочимъ имѣетъ то значеніе, что послѣ него должно быть удобно и легко усвоеніе полныхъ курсовъ отечественной и всемірной исторіи, т.-е. усвоеніе не перемѣшанное, а параллельное, способствующее цѣльности впечатлѣнія, а не разбивающее его.

Уже первый взглядъ на примѣрную программу «курса отечественной исторіи въ связи съ среднею и новою» убѣждаетъ насъ, что съ малыми отличіями она есть повтореніе той же программы эпизодическаго курса, о которой мы говорили выше, только въ бо́льшемъ объемѣ. То же случайное распредѣленіе частей и еще болѣе важные пропуски. Напримѣръ, глава о феодализмѣ и папствѣ попала между удѣльнымъ періодомъ на Руси и покореніемъ ея Монголами; столѣтняя Англо-Французская война и Жанна д'Аркъ слѣдуютъ за казнями Ивана Грознаго, а Тридцатилѣтняя война за Славяно-греко-латинскою академіей. Опять обойдено всякое обозрѣніе собственно Польской исторіи; о ней мимоходомъ упоминается только по поводу соединенія съ Литвою и столкновеній съ Россіей. Едва упомянуто о Карлѣ Великомъ и о такомъ великомъ всемірно историческомъ явленіи, какъ Крестовые походы. Есть глава объ эпохѣ Возрожденія; но при этомъ совершенно опущена политическая исторія Италіи въ эту эпоху. А исторія Англіи, Франціи и Германіи вмѣсто какого либо связнаго обозрѣнія представлена въ видѣ немногихъ тамъ-сямъ разсѣянныхъ отрывковъ. Но Пруссіи посчастливилось. Курсъ VI-го класса

оканчивается царствованіемъ Елизаветы Петровны; затѣмъ курсъ VII-го класса начинается главою о «Возвышеніи Пруссіи»; причемъ онъ возвращается къ XVI столѣтію или ко времени болѣе раннему, смотря по тому, что здѣсь надобно разумѣть подъ параграфомъ «Начало Пруссіи». Отличаясь такою скупостью въ отношеніи къ западно-европейскимъ народамъ, что, напримѣръ, вся исторія Англіи XVIII столѣтія упомянута въ одномъ параграфѣ подъ неопредѣленнымъ заглавіемъ «Могущество Англіи въ XVIII вѣкѣ», примѣрная программа вдругъ становится весьма щедрою на европейскія событія съ 1830 года; такъ что Англія является здѣсь съ своею «парламентскою борьбою, Ирландско-католическимъ вопросомъ, биллемъ о реформѣ и отмѣною хлѣбныхъ законовъ». Обозрѣніе новѣйшей исторіи доводится до Франко-Прусской войны и возстановленія Германской имперіи включительно. По нашему мнѣнію, не слѣдуетъ въ учебномъ курсѣ дѣлать обязательнымъ прагматическое обозрѣніе новѣйшей исторіи до самаго настоящаго времени. Исторія послѣднихъ лѣтъ слишкомъ обильна матеріаломъ и еще не можетъ быть достаточно оцѣнена, чтобы постоянно, чуть ли не ежегодно поступать въ составъ систематическаго учебнаго курса. Необходимо останавливаться на какомъ либо пунктѣ, уже находящемся отъ насъ въ нѣкоторомъ отдаленіи, а затѣмъ о дальнѣйшихъ событіяхъ сообщать въ хронологическомъ перечнѣ или частію въ эпизодическихъ очеркахъ. Упомянутый пунктъ можно передвигать только черезъ достаточный промежутокъ времени. Еще недавно такимъ предѣломъ для историческаго курса служилъ Вѣнскій конгрессъ 1815 года. Въ настоящее время этотъ предѣлъ конечно устарѣлъ, и мы можемъ его передвинуть лѣтъ на сорокъ впередъ. Утвержденіе Второй имперіи во Франціи и Восточная война вмѣстѣ съ началомъ новаго царствованія въ Россіи—вотъ тѣ грани, до которыхъ, по нашему мнѣнію, можетъ пока простираться систематическій учебный курсъ исторіи.*

Что касается до примѣрной программы собственно Русской исторіи, то, если выдѣлить вторгающіеся въ нее отрывки изъ исторіи западной Европы, она не представитъ никакихъ особыхъ неудобствъ. Здѣсь мы могли бы сдѣлать только кое-какія указанія второстепенной важности. Точно также программа подробной исторіи классическихъ народовъ, отнесенной къ послѣднему году гимназическаго курса, составлена довольно тщательно. Замѣчу только слѣдующее: очеркъ римской литературы и вообще образованности временъ Имперіи я считаю въ учебномъ отношеніи

* Это замѣчаніе относилось къ тому времени, когда написана данная статья т.-е. къ 1876 году. Въ настоящее время указанная мною грань конечно уже можетъ быть передвинута нѣсколько далѣе, для изложенія *систематическаго*.

удобнѣе соединить въ одну особую главу, а въ примѣрной программѣ онъ разбитъ при самомъ политическомъ обозрѣніи императорскаго періода. Впрочемъ подобное обстоятельство не особенно важно. Кромѣ того можно пожалѣть, что изъ этого курса исключены культурные народы древняго Востока; хотя въ виду небольшаго количества уроковъ трудно было бы дать имъ надлежащее мѣсто.

Въ заключеніе позволю себѣ высказать, что система историческаго курса настолько уже выработалась въ европейской учебной практикѣ, что отступленія отъ нея и примѣненія къ условіямъ каждой національности должны производиться весьма осмотрительно и обдуманно. Переставить нѣкоторыя рубрики, смѣшать вмѣстѣ два невяжущіяся между собою содержанія, расположить нѣкоторые отдѣлы иначе, нежели они были расположены прежде, исключить нѣкоторые важные факты и прибавить нѣсколько параграфовъ, безъ которыхъ можно было бы обойтись—все это еще не значило бы содѣйствовать лучшей постановкѣ предмета въ русской школѣ, усвояющей себѣ общій европейскій типъ.

Въ прошломъ 1887 году изданы «Учебные планы предметовъ, преподаваемыхъ въ мужскихъ гимназіяхъ министерства народнаго просвѣщенія». Въ этихъ «пересмотрѣнныхъ» планахъ сдѣланы нѣкоторыя улучшенія сравнительно съ только что разобранною нами «примѣрною программою» по исторіи. Но эти улучшенія указаны въ предисловіи. А именно: въ старшемъ или систематическомъ курсѣ «установляется хотя и параллельное для каждаго класса, но отдѣльное преподаваніе Всеобщей и Русской исторіи до времени Петра Великаго, съ котораго начинается изложеніе Русской исторіи въ связи со Всеобщею, и расширяется нѣсколько курсъ общей исторіи среднихъ вѣковъ, въ особенности внесеніемъ въ оный фактовъ изъ исторіи восточныхъ и западныхъ Славянъ и Византійской имперіи по естественной связи съ Русской исторіей». Что касается до плановъ курса эпизодическаго, то они остались безъ перемѣны, слѣдовательно со всѣми тѣми недостатками, которые мною только что указаны, и съ тѣми излишне клерикальными чертами, которыя не подходятъ къ исторіи собственно *гражданской*. Улучшенія же въ планахъ систематическаго курса все еще недостаточны, и на практикѣ эти планы конечно обнаружатъ разныя неудобства. Вѣроятно сознавая ихъ недостатки, учебное вѣдомство и въ семъ изданіи называетъ программу исторіи *примѣрною*, и сопровождаетъ ее слѣдующимъ примѣчаніемъ: «Предлагаемыя программы имѣютъ въ виду точнѣе обозначить количество фактовъ, усвоеніе коихъ считается необходимымъ, и никакъ не могутъ быть считаемы

обязательными относительно своей системы и порядка расположенія въ нихъ учебнаго матеріала».

Въ Учебныхъ планахъ ничего не говорится о снабженіи руководствъ разными рисунками. Но, судя по одобренію нѣсколькихъ такихъ руководствъ, можно подумать, что это спекулятивное направленіе какъ бы допускается въ ущербъ здравой педагогикѣ. «Подобныя книги, подъ предлогомъ наглядности, представляютъ безпорядочное смѣшеніе пособія съ руководствомъ; текстъ отходитъ на второй планъ, а на первомъ является иллюстрація. При этомъ условіи главная и конечно нелегкая задача руководства—послѣдовательное, научное, хорошо обработанное изложеніе—уступаетъ мѣсто спекулятивному изготовленію плохихъ картинокъ». «Посмотрите, напримѣръ, на Нѣмцевъ: историческое преподаваніе у нихъ процвѣтаетъ, вмѣстѣ съ нимъ процвѣтаютъ иллюстрированныя пособія; но руководства для среднеучебныхъ заведеній тамъ не испещряются картинками. Тамъ понимаютъ, что главнымъ орудіемъ для образованія юношества всегда останется слово, и что наглядность должна имѣть свое мѣсто и значеніе». Это было мною сказано въ одной статьѣ полемическаго свойства (*Новое Время*. 1882 г. 7 Апрѣля). Въ отвѣтѣ своемъ противная сторона указала мнѣ на одинъ *австрійскій* учебникъ съ рисунками, тогда какъ я ссылался на Германію. Примѣры французскихъ книгъ, въ родѣ изданій Дюрюи, сюда нейдутъ. Выше мы видѣли, что во Франціи совсѣмъ другая система преподаванія, и тамъ эти книги играютъ скорѣе роль пособія, а не учебниковъ въ тѣсномъ смыслѣ.

Нѣсколько мыслей о преподаваніи исторіи *.

Въ виду нерѣдко встрѣчающихся разнорѣчивыхъ мнѣній объ исторіи какъ предметѣ преподаванія, я пользуюсь настоящимъ изданіемъ, чтобы сказать нѣсколько общихъ положеній объ этомъ предметѣ и о той системѣ, которой я держался при составленіи своихъ историческихъ руководствъ.

Исторія уже съ древнихъ временъ составляетъ неотъемлемую часть общаго образованія. Въ наше время, болѣе чѣмъ когда либо, образованный человѣкъ немыслимъ безъ знакомства съ исторіей, т.-е. съ прошедшимъ. Знакомство съ прошедшимъ нужно для пониманія настоящаго, для того, чтобы общество сознательно относилось къ важнѣйшимъ яв-

---

* Сокращенное руководство ко Всеобщей и Русской исторіи. Изданіе второе. 1868 г. Предисловіе. Привожу эти мысли именно здѣсь, тотчасъ послѣ разбора примѣрной программы, чтобы дополнить его собственными исходными точками зрѣнія.

леніямъ своей жизни, а вмѣстѣ съ тѣмъ къ своимъ потребностямъ и стремленіямъ. Для примѣра, укажу на столь часто поднимающіеся вопросы о различіи той или другой отрасли общественнаго быта у насъ и въ Западной Европѣ. Отвѣтъ на всѣ эти вопросы можетъ дать только исторія. На самый характеръ людей, на ихъ нравственную сторону исторія должна оказывать гуманизующее вліяніе. Примѣры великихъ людей и великихъ подвиговъ, изображеніе дурныхъ или хорошихъ нравовъ, замѣчательная судьба какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и цѣлыхъ народовъ—все это должно оказывать сильное дѣйствіе на впечатлительное воображеніе молодаго поколѣнія. Настойчивость, энергія, гражданская доблесть, торжество или страданіе историческихъ дѣятелей возбуждаютъ въ немъ сочувствіе; эгоизмъ, жестокость, слабость и другіе пороки вызываютъ чувство противоположное. А изъ суммы симпатій и антипатій, какъ извѣстно, слагается характеръ человѣка, его наклонности и направленіе. При этомъ конечно не должно упускать изъ виду, что исторія есть только одинъ изъ образовательныхъ органовъ, хотя и самыхъ важныхъ, что на развитіе ума и сердца дѣйствуютъ другіе предметы и множество условій, посреди которыхъ воспитывается человѣкъ.

Перейду теперь къ тому матеріалу, который долженъ составлять сущность историческаго преподаванія въ среднеучебныхъ заведеніяхъ, т.-е. въ заведеніяхъ, имѣющихъ своею задачею общее образованіе.

Лѣтъ 20 или болѣе тому назадъ въ педагогическомъ мірѣ начали сознавать и говорить, что система, господствовавшая дотолѣ въ преподаваніи исторіи, отличается излишнею сухостію и односторонностію: оно почти исключительно наполнялось обзорами фактовъ политическихъ въ тѣсномъ смыслѣ (войны, дѣла государей, полководцы, государственные люди, придворныя событія и т. п.); причемъ факты излагались безъ органической связи и являлись недостаточно осмысленными. Началась реакція противъ этой системы; заговорили о культурѣ, о знакомствѣ съ бытомъ и образованностью, о внутренней связи событій. Рѣчь идетъ о движеніи заграничной, преимущественно нѣмецкой педагогики; но оно вскорѣ отразилось и у насъ. Это движеніе въ свою очередь было вызвано успѣхами самой науки исторіи, т.-е. тѣми великими историческими трудами, которыми былъ такъ обиленъ періодъ, наступившій за эпохою Французской революціи. Движеніе въ пользу культуры и внутренней связи событій потомъ не избѣжало нѣкоторыхъ крайностей. У насъ нерѣдко приходилось слышать и читать, съ одной стороны, такія разсужденія о преподаваніи исторіи, которыя очевидно увлекаются, и исторію человѣческой культуры низводятъ къ простому знакомству съ бытовыми

формами, т.-е. съ обыденными явленіями жизни (постройки, одежда, пища, обычаи и т. п.); а съ другой, встрѣчаются требованія такихъ тонкостей, такого анализа фактовъ и ихъ соотношеній, которые далеко выходятъ за предѣлы учебнаго курса.

Для исторіи въ обширномъ смыслѣ интересенъ всякій фактъ изъ прошедшаго, къ какой бы отрасли быта онъ ни принадлежалъ; онъ интересенъ для науки какъ средство разъяснить ту или другую сторону прошлой жизни. Все можетъ служить матеріаломъ для научно-историческаго изслѣдованія или монографіи. Но въ преподаваніи выборъ матеріала долженъ быть ограниченъ. Только наиболѣе существенныя, наиболѣе важныя явленія народной жизни должны имѣть въ ней мѣсто.

Тутъ безспорно первое и господствующее мѣсто принадлежитъ *государству*. Государство есть необходимое условіе для развитія цивилизаціи, такъ какъ въ понятіи о государствѣ заключается понятіе объ общественномъ порядкѣ. Оно является также необходимымъ условіемъ для развитія національности. Ни одна нація не выработалась внѣ государственныхъ формъ. Всемірная исторія есть собственно исторія государствъ. Народы, недостигшіе государственнаго быта, находятся въ дикомъ состояніи, и исторіи не имѣютъ. Вотъ почему изученіе исторіи начинается съ тѣхъ народовъ, которые прежде другихъ сложились въ болѣе или менѣе значительныя государства. Формы государственнаго быта довольно разнообразны. Во-первыхъ, патріархальный или родовой бытъ, который собственно представляетъ переходную ступень къ быту государственному; далѣе встрѣчаются: ѳеократія, монархія, демократія, феодализмъ, централизація, федерація и пр. Всѣ великіе народы болѣе или менѣе переживали разныя ступени государственнаго быта, и, когда старыя формы не удовлетворяли ихъ потребностямъ, переходили къ формамъ болѣе развитымъ. Такіе переходы вездѣ сопровождаются борьбою новыхъ формъ со старыми; у великихъ историческихъ народовъ эта борьба обыкновенно получаетъ высокій интересъ, и занимаетъ самое видное мѣсто въ ихъ исторіи. Для примѣра, возьмемъ борьбу демократическихъ началъ съ аристократическими въ Греціи и Римѣ. Нигдѣ у другихъ народовъ мы не встрѣчаемъ такой послѣдовательности, такой логики и вмѣстѣ такого драматическаго развитія борьбы какъ тамъ; вотъ почему классическіе народы всегда будутъ служить образцами и въ исторіи по-

ой. Въ государствахъ монархическихъ на первомъ планѣ стоятъ

и дворъ. Около двора обыкновенно сосредоточивались всѣ интенити внутренней политики, и потому естественно то значи-

:то, которое отводится при изложеніи исторіи придворнымъ

событіямъ и отношеніямъ. Мало того, около двора часто сосредоточивались и лучшія, самыя энергичныя силы народа; не говоря уже о политическихъ дѣятеляхъ, сюда обыкновенно примыкали представители наукъ, искусствъ и литературы. Сосредоточивая вокругъ себя лучшія силы народа, дворъ въ то же время являлся обыкновенно центральнымъ пунктомъ, откуда въ свою очередь распространялись въ другіе классы общества результаты извѣстной цивилизаціи.

Рядомъ съ этой внутренней стороной государственной исторіи идетъ другая столь же важная внѣшняя исторія, т.-е. отношенія къ другимъ народамъ, къ другимъ государствамъ. Отношенія эти главнымъ образомъ вращаются около вопроса о независимости и самобытности, о границахъ и владѣніяхъ. Самобытность является въ числѣ необходимыхъ условій для развитія всякой націи, т.-е. всякаго государства; она достается недаромъ; ее всегда надобно отстоять оружіемъ и кровью. Отсюда такое значеніе внѣшнихъ войнъ въ исторіи. Только тѣ народы, которые успѣли сложиться въ сильныя государства, съ успѣхомъ отстаиваютъ свою самобытность или подчиняютъ себѣ другіе народы; они-то собственно и являются главными дѣятелями во всемірной исторіи. Вопросъ о войнахъ, какъ извѣстно, осложняется еще войнами междоусобными и религіозными; но вообще раздѣленіе ихъ на внѣшнія и гражданскія весьма условное; тѣ и другія равно оказывали важное вліяніе на развитіе государственной жизни. Мѣсто, отводимое войнамъ въ наукѣ, конечно зависитъ отъ степени ихъ важности, т.-е. отъ ихъ вліянія на дальнѣйшую судьбу народовъ. Такія войны, какъ Грекоперсидскія, Пуническія, Крестовые походы, Тридцатилѣтняя, Наполеоновскія, по своему всемірноисторическому значенію, всегда будутъ сохранять великій интересъ при изученіи исторіи, а слѣдовательно и при ея преподаваніи. Факты, взятые изъ другихъ отраслей международныхъ или внѣшнихъ отношеній (дипломатія, торговля, родственныя связи династій и пр.), входятъ въ преподаваніе исторіи, смотря по степени своего значенія.

Отводя государству или политикѣ господствующее мѣсто въ Исторіи какъ предметѣ преподаванія, никоимъ образомъ однако не должно исключать изъ него и другихъ сторонъ народной жизни, и именно тѣхъ, которыя имѣютъ наибольшее цивилизующее или культурное значеніе, каковы: церковь, искусства, науки и литература. Но мы видимъ, что всѣ эти стороны болѣе или менѣе примыкаютъ къ исторіи государственной и находятся съ нею въ органической связи. Считаю излишнимъ говорить о цивилизующемъ значеніи религіи; укажу только на ея внѣшнюю сторону, т.-е. на церковныя учрежденія, которыя вездѣ болѣе или менѣе

суть и учрежденія государственныя; духовная іерархія находится въ соотвѣтствіи съ іерархіей гражданской; власти духовная и свѣтская обыкновенно другъ друга дополняютъ и поддерживаютъ; а въ государствахъ ѳеократическихъ онѣ соединяются въ одномъ лицѣ. Распри религіозныя всегда имѣли и великое политическое значеніе. Если перейдемъ въ сферу искусствъ, то опять увидимъ ихъ тѣсную связь съ государственнымъ бытомъ. Храмъ и дворецъ—вотъ предметы, около которыхъ съ самаго начала всемірной исторіи сосредоточивалась художественная дѣятельность и развивались образовательныя искусства. Развитіе наукъ и литературы также вездѣ болѣе или менѣе тѣсно связано съ государственнымъ бытомъ. Другія стороны народной жизни, каковы: промышленность, домашній бытъ, одежда, характеристическіе обычаи и пр., также должны находить мѣсто въ преподаваніи; но ихъ мѣсто второстепенное. Общественное устройство, общественные дѣятели и событія всегда сохраняли и сохранятъ за собою первенствующее значеніе и первенствующій интересъ въ жизни цивилизованныхъ народовъ, а слѣдовательно и въ преподаваніи ихъ исторіи. Остальныя стороны излагаются эпизодически, при удобномъ случаѣ (или подъ особой рубрикой внутренняго быта), и не могутъ быть проводимы въ такой непрерывной послѣдовательности какъ факты политическіе *.

Итакъ, исторія политическая или государственная, представленная въ органической связи съ главными дѣятелями и важнѣйшими сторонами быта, и есть въ сущности исторія цивилизаціи или культуры. Но въ учебной практикѣ къ этой органической связи надобно относиться осторожно и не упускать изъ виду извѣстнаго возраста, извѣстной степени развитія. Самый простой и доступный для юнаго возраста способъ изложенія—это группировать факты около историческихъ дѣятелей. Напримѣръ, борьба аристократіи и демократіи въ Аѳинахъ выясняется изъ дѣя-

---

* Такое отношеніе обусловливается и самою обработкою исторической науки, въ которой сторона собственно политическая несравненно болѣе развита и закончена, нежели другія стороны. А это явленіе въ свою очередь опять-таки зависѣло отъ того, что политическія событія и лица всегда имѣли первенствующій интересъ; въ чемъ убѣждаетъ насъ простой взглядъ на источники исторіи, отъ древнѣйшихъ лѣтописей до ежедневныхъ газетъ нашего времени.

Излишне говорить о важности географическаго элемента въ преподаваніи исторіи. Но не надобно забывать, что къ изученію исторіи невозможно приступать безъ предварительнаго знакомства съ географіей современной. На основаніи этого знакомства въ преподаваніи исторіи можно ограничиваться небольшими географическими обзорами и входить въ подробности только при географіи классическихъ народовъ.

тельности Солона, Пизистрата, Ѳемистокла и Перикла; переходъ отъ республики къ монархіи въ Римѣ обозначается цѣлымъ рядомъ такихъ лицъ, какъ Марій, Сулла, Помпей, Юлій Цезарь и Октавій; о развитіи парламентарнаго правленія въ Англіи даетъ понятіе знакомство съ Вильгельмомъ Оранскимъ, Вальполемъ и Питтомъ *. При оцѣнкѣ лицъ и вообще фактовъ надобно ограничиваться возможно простыми, несложными чертами, и не запутывать изложеніе отвлеченными выводами и т. наз. критическими взглядами. Учебный курсъ долженъ прежде всего дать достаточный запасъ фактовъ, осмысленныхъ только въ возможной степени. Критическіе взгляды, отвлеченные выводы, сравненія и сближенія могутъ имѣть мѣсто только впослѣдствіи, т.-е. на основаніи фактической подготовки. Нѣкоторые отдѣлы въ исторіи цивилизаціи по трудности ихъ пониманія входятъ въ преподаваніе почти одною біографической стороной. Это особенно относится къ области наукъ и литературы. Напримѣръ, невозможно требовать, чтобы изъ учебнаго курса достаточно уяснилось значеніе Сократа или Софокла, Бекона или Шекспира и т. п. Но, во-первыхъ, біографическія черты такихъ лицъ большею частію сами по себѣ поучительны; во-вторыхъ, вмѣстѣ съ этими чертами проникаютъ и нѣкоторыя понятія о значеніи ихъ дѣятельности; а въ-третьихъ, всѣ великія имена, которыми дорожитъ цивилизованный міръ, не должны остаться неизвѣстными молодому поколѣнію. Уже одно усвоенное имя, произносимое съ уваженіемъ, возбуждаетъ интересъ къ лицу и сферѣ его дѣятельности; а этотъ интересъ принесетъ плодъ впослѣдствіи.

«Сокращенное Руководство» назначается для младшаго возраста учащихся (т.-е. для того возраста, который соотвѣтствуетъ третьему и четвертому классу гимназій). Сокращеніе главнымъ образомъ должно состоять въ уменьшеніи количества фактовъ и количества именъ. Изложеніе фактовъ должно быть возможно простое, ясное, но вмѣстѣ съ тѣмъ довольно сжатое. Сокращенное руководство не должно имѣть видъ сухаго перечня; для освѣщенія эпохи и личностей полезно при удобномъ случаѣ сообщать нѣкоторыя подробности; однако въ этомъ отношеніи также

---

* Такимъ образомъ біографическій элементъ занимаетъ въ преподаваніи исторіи самое видное мѣсто. Но отсюда не слѣдуетъ, чтобы въ учебной практикѣ систематическо замѣнить рядомъ біографій въ родѣ Плу- нымъ ходомъ событій, съ народами историческихъ лицъ не имѣли

надобно соблюдать умѣренность. Это не есть книга для чтенія; руководство назначается для усвоенія, которое должно быть возможно твердое и отчетливое *. Такое усвоеніе особенно важно при изученіи сокращеннаго, т.-е. первоначальнаго курса. Оно даетъ возможность впослѣдствіи съ бо́льшею свободою относиться къ слѣдующему курсу, уже менѣе стѣсняться объемомъ и вообще легко пріобрѣтать дальнѣйшія свѣдѣнія. Для твердости и отчетливости историческихъ знаній, какъ извѣстно, необходимы хронологическія данныя. Поэтому важнѣйшіе годы, усвоеніе которыхъ должно быть обязательно, я выставляю впереди каждой главы. Въ настоящемъ изданіи во Всеобщую исторію я включилъ и Русскую. Отечественная исторія почти у всѣхъ образованныхъ народовъ (особенно у народовъ, пользующихся національнымъ единствомъ) составляетъ одинъ изъ главныхъ предметовъ преподаванія; что совершенно естественно: этотъ предметъ необходимъ для народнаго самопознанія. Но самые способы преподаванія и связь, въ которую поставлена въ учебной практикѣ Отечественная исторія со Всеобщей, довольно разнообразны; на это разнообразіе между прочимъ не мало вліяютъ характеръ и отношенія данной націи къ другимъ народамъ. Мы, Русскіе, поставленные на рубежѣ двухъ міровъ, западнаго и восточнаго, все еще ученики Запада, но уже сознающіе потребность въ самобытномъ направленіи своей цивилизаціи, мы должны прилежно изучать исторію не только классическихъ, но и новыхъ культурныхъ народовъ, и своихъ ближайшихъ сосѣдей, чтобы возможно болѣе сознательнымъ образомъ относиться къ своему положенію и къ своимъ условіямъ Для успѣшнаго, отчетливаго знакомства съ судьбами

---

* Въ нашей педагогической литературѣ не разъ приходилось встрѣчать неодобрительные отзывы о подобномъ усвоеніи и замѣну слова „выучить“ презрительнымъ „вызубрить“. Зубреніемъ должно быть называемо буквальное только заучиваніе безъ всякаго пониманія и смысла. Хорошо, если ученикъ можетъ отчетливо передать все содержаніе урока, не держась выраженій книги. Но такая передача по большей части не по силамъ и не по развитію юнаго возраста. Преобладающая способность въ этомъ возрастѣ есть память. Языкъ его имѣетъ еще недостаточный запасъ матерьяла, чтобы быть развязнымъ, точнымъ и логичнымъ. Самое заучиваніе наизусть въ дѣтскомъ возрастѣ должно не мало способствовать развитію дара слова. На практикѣ упомянутое выше направленіе обыкновенно даетъ плохіе результаты: отвѣты учениковъ вялы, запутанны и непослѣдовательны, языкъ пріучается не къ точности и ясности, а къ качествамъ противуположнымъ, и самыя свѣдѣнія, поверхностно, наскоро схваченныя, потомъ быстро испаряются. Чтобы требовать хорошаго усвоенія, уроки должны быть не велики и расчитаны на способности посредственныя, а не отличныя; обязательныя свѣдѣнія должны быть строго опредѣлены; а дополненія къ нимъ пусть предоставляются лучшимъ способностямъ или большей любознательности.

собственнаго отечества, надобно опредѣлить его мѣсто въ общемъ ходѣ Всемірной исторіи. Поэтому при первоначальномъ преподаваніи Русскую исторію надобно начинать собственно тогда, когда изученіе Всеобщей исторіи достигло второй половины Среднихъ вѣковъ, и далѣе вести эти два предмета параллельно. Въ курсѣ младшаго возраста полезно не отдѣлять Русскую исторію отъ Всеобщей; тѣмъ съ бо̀льшимъ удобствомъ въ слѣдующемъ курсѣ можно проходить ее особо и съ достаточною полнотою.

Судя по нѣкоторымъ печатнымъ отзывамъ, мое «Сокращенное руководство» для младшаго возраста считается не болѣе какъ простымъ сокращеніемъ моего же курса, назначеннаго для старшаго возраста. Хотя въ иностранной учебной литературѣ подобное взаимное отношеніе курсовъ даже въ обычаѣ; однако въ данномъ случаѣ такое представленіе не совсѣмъ вѣрно. При семъ забываютъ обыкновенно постепенное возникновеніе моей системы руководствъ. По Всеобщей исторіи мною сначала былъ изданъ тотъ курсъ, который потомъ названъ «среднимъ». Такъ какъ онъ оказался для старшихъ классовъ гимназіи малъ, а для младшихъ великъ, то для первыхъ онъ былъ распространенъ въ объемѣ и дополненъ въ прагматическомъ отношеніи; а для вторыхъ не только сокращенъ, но и *приспособленъ*. Такъ, напримѣръ, въ младшемъ курсѣ встрѣчаются нѣкоторые эпизоды, которыхъ нѣтъ въ старшемъ. Кромѣ того въ него вошло «Руководство къ Русской исторіи», спеціально написанное для младшаго возраста и по изложенію совсѣмъ отличное отъ моихъ «Краткихъ очерковъ Русской исторіи». Впослѣдствіи нѣсколько распространенное это «Руководство» составило средній курсъ Русской исторіи, соотвѣтствующій выше помянутому среднему курсу Всеобщей исторіи.

V.

КУЛЬТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЭЛЕМЕНТЫ ВЪ УЧЕБНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ *.

Der Geschichtsunterricht auf Schulen nach Kulturgeschichtlicher Methode. Von Karl Biedermann. Wiesbaden, 1885.

Deutsche Volks und Kulturgeschichte für Schule und Haus. Von Karl Biedermann. 3 Theile. Wiesbaden, 1885—1886.

Методика исторіи по Кригеру. Составили И. Виноградовъ и А. Никольскій. Москва, 1885.

Обзоръ главныхъ явленій Средней исторіи по вѣкамъ. Я. Гуревича. Спб. 1885.

Толки о томъ, что въ преподаваніи исторіи надобно выдвинуть на передній планъ культурный элементъ и дать ему преобладаніе надъ политическимъ, уже давно слышатся у насъ и въ словесной бесѣдѣ, и въ литературѣ. Эти толки явились конечно подъ вліяніемъ разныхъ заграничныхъ теорій и ими же до сихъ поръ питаются; справедливость однако требуетъ замѣтить, что прежде отличались они болѣе крайнимъ характеромъ, а въ послѣднее время пріобрѣли тонъ поумѣреннѣе; разумѣется, причиной тому были не совсѣмъ удачные результаты попытокъ примѣнить означенныя теоріи на практикѣ.

Горячимъ и несомнѣнно даровитымъ поборникомъ сего направленія является извѣстный историческій писатель и профессоръ Лейпцигскаго университета Карлъ Бидерманъ. Болѣе двадцати пяти лѣтъ тому назадъ онъ началъ проповѣдывать свою культурно-историческую теорію, и на выраженное нѣкоторыми ея сторонниками желаніе, чтобъ онъ же осуществилъ ее на дѣлѣ, отвѣчаетъ въ настоящее время изданіемъ названнаго выше учебника (раздѣленнаго на три части), то-есть, *Нѣмецкой народной и культурной исторіи для школы и семьи.* Изданію этой книги

* Русскій Вѣстникъ. 1886 г. Февраль.

Бидерманъ предпослалъ особую, также названную выше, брошюру, то-есть, *Преподаваніе исторіи въ школахъ по культурно-историческому методу.* Здѣсь онъ группируетъ свои доказательства въ пользу сего метода и противъ стараго или «повѣствовательнаго», который также находитъ своихъ защитниковъ и отнюдь не думаетъ уступать мѣсто противнику, какъ въ томъ и сознается самъ авторъ, указывая на возраженія Егера, Кампе, Витмана и др.

Бидерманъ высказываетъ много вѣрныхъ замѣчаній, но несомнѣнно въ своемъ направленіи доходитъ до крайностей и нѣкоторыхъ несообразностей. Надѣюсь, опытному историку-педагогу, чуждому увлеченія всякою новизной и безпристрастно относящемуся къ дѣлу, не трудно отличить плевелы отъ пшеницы въ подобныхъ теоріяхъ. Для доказательства авторъ нерѣдко прибѣгаетъ къ преувеличенію, то-есть къ крайностямъ противнаго метода. Напримѣръ, онъ спрашиваетъ: «Должно ли историческое преподаваніе въ школѣ изображать только *дѣла* и, какъ ихъ совершителей, *великія личности*, или оно должно заниматься *совокупностію условій извѣстнаго времени, извѣстнаго народа?* Итакъ, должно ли оно по своему содержанію имѣть въ виду исключительно или преимущественно *внѣшнюю*, такъ-называемую *политическую* исторію (войны, битвы, мирные трактаты, завоеванія, территоріальные раздѣлы, правителей, полководцевъ, дипломатовъ и т. д.) или также исторію *внутренней народной жизни?*» (9 стр.). Далѣе, при повѣствовательномъ методѣ онъ изображаетъ ученика совершенно пассивнымъ, лишеннымъ всякой самостоятельной работы мысли, механически повторяющимъ сообщенное ему, а это сообщенное будто бы есть рядъ хронологически нанизанныхъ другъ на друга происшествій, внутренне не связанныхъ между собою (10 стр.). Понятно, что, рисуя такую картину метода, легко доказывать его несостоятельность. Не трудно спорить и съ тѣми противниками, которые, какъ напримѣръ Эгеръ, вдаваясь въ крайности повѣствовательно-біографическаго метода, совсѣмъ отвергаютъ культурно-историческій и для высшихъ классовъ гимназіи, называя его «совершенно безсмысленнымъ» (23). А Кампе и Гербстъ, ради патріотизма, прямо допускаютъ вытекающее иногда изъ біографической системы невѣрное понятіе объ эпохѣ, предоставляя его исправленіе дальнѣйшимъ занятіямъ исторіей. Для примѣра указывается споръ двухъ историковъ, Зибеля и Фикера, о томъ: была ли италіянская политика Оттоновъ и послѣдующихъ им[illegible]торовъ полезна или вредна для собственно германскихъ инте-
[illegible]ю Гербста, рѣшеніемъ этого спора пусть занимается
[illegible]овыхъ императоровъ Германскихъ преподаватель исто-

ріи въ школѣ долженъ во всякомъ случаѣ изображать не участниками національныхъ ошибокъ и недостатковъ, а «представителями нѣмецкаго величія» (14).

Съ другой стороны и самъ Бидерманъ впадаетъ въ крайности и односторонность, постоянно толкуя о необходимости брать совокупность народа или обстоятельствъ при изображеніи эпохи; а между тѣмъ не уясняетъ, какимъ образомъ эта совокупность (Gesammtheit) можетъ быть изображена помимо историческихъ личностей. На возраженіе Кампе: «не въ народной массѣ, не въ формахъ и учрежденіяхъ, а въ личностяхъ является исторія», авторъ отвѣчаетъ, что она является въ томъ и другомъ, и что самыя сильныя личности ничего не могутъ сдѣлать, если за ними не стоитъ народная масса, то-есть нація. И въ доказательство того что прошли времена войнъ и битвъ, времена аристократіи, героевъ, завоевателей и т. п., а настала эпоха народной массы, ссылается—на кого же? На германскаго канцлера князя Бисмарка и императора Вильгельма, который послѣ разгрома Франціи и принятія императорской короны сказалъ, что теперь онъ хочетъ помышлять не о завоеваніяхъ, а о благахъ мира, о національной свободѣ, благосостояніи и образованности (16—17). Но вѣдь исторія занимается не фразами, а событіями. Любопытно знать какъ же она будетъ изображать послѣднюю фазу въ развитіи Нѣмецкой націи, не выводя на передній планъ политическихъ дѣяній Бисмарка, войнъ, веденныхъ Вильгельмомъ, объединенія и европейскаго положенія Германіи, созданнаго именно этими войнами, положенія не одной Германіи, а также Австріи и особенно Франціи?

Вторая половина данной брошюры посвящена довольно подробному изложенію той программы, по которой Бидерманъ составилъ свою культурную исторію Нѣмецкаго народа какъ руководство для школы и семьи. Вмѣсто того, чтобы заниматься этою программой, обратимся къ самому руководству и посмотримъ какъ авторъ на практикѣ обходится съ историческимъ матеріаломъ ради своей задачи.

Первое отдѣленіе, занимающее болѣе трети первой части и озаглавленное *Die Urzeit*, наполнено описаніемъ «страны и народа», образа жизни Германцевъ, ихъ пищи, одежды, жилища, сословій, судопроизводства, религіи, вооруженія и пр. Разумѣется, это описаніе основано главнымъ образомъ на книгѣ Тацита о Германіи съ присоединеніемъ разныхъ разсужденій и толкованій, заимствованныхъ изъ новѣйшихъ изслѣдованій. При семъ цѣлая страница посвящена весьма гадательному объясненію именъ «Германцы» и «Тевтоны». Напримѣръ: «по мнѣнію новѣйшихъ изслѣдователей, Тунгры (напавшіе на Галлію) назвали себя Гер-

манцами, потому что по-кельтски gairm означаетъ *кричать*, а германскія племена устрашали своимъ военнымъ кликомъ» (13). Авторъ въ особенности напираетъ на воинственный характеръ нѣмецкихъ предковъ и не чуждъ преувеличенія, изображая ихъ гигантами въ 6 и даже 7 футовъ вышины, вырывающими съ корнемъ деревья и бросающими въ непріятеля обломки скалъ. Стараясь во что бы то ни стало расширить отдѣлъ культурный въ тѣсномъ смыслѣ (собственно бытовой) и не находя для того достаточно ясныхъ, положительныхъ свидѣтельствъ, авторъ поневолѣ прибѣгаетъ къ натяжкамъ и предположеніямъ ученыхъ и по нѣскольку разъ иногда принимается говорить объ одномъ и томъ же предметѣ. При томъ онъ слишкомъ часто прибѣгаетъ къ слову *кажется* и къ разнымъ подробностямъ сомнительной важности. Напримѣръ: «обычай носить панталоны Германцы, кажется, сначала заимствовали при ближайшемъ знакомствѣ съ Галлами и Римлянами (?). Такъ одѣты германскіе плѣнники на римскихъ побѣдныхъ колоннахъ. То же относится къ обуви и головной покрышѣ. Первоначально ходили они, кажется, съ непокрытою головой» (стр. 19). Нельзя сказать, чтобы въ этихъ немногихъ словахъ авторъ обнаружилъ близкое археологическое знакомство съ предметомъ, о которомъ говоритъ. Далѣе, по поводу разныхъ способовъ прически, онъ прибавляетъ и такую, лестную для національнаго нѣмецкаго самолюбія, подробность: «Свѣтлые волосы германскихъ женщинъ были предметомъ зависти для *галантныхъ* Римлянокъ и служили для нихъ предметомъ подражанія, то съ помощію окрашиванья собственныхъ волосъ золотою пылью, то посредствомъ накладки фальшивыхъ волосъ» (Ibid).

Второе отдѣленіе первой части занято Франкскимъ государствомъ. Очертивъ вкратцѣ исторію Великаго переселенія народовъ и основаніе Франкской монархіи, Бидерманъ переходитъ къ довольно подробному разсмотрѣнію его внутренней стороны, то-есть разсматриваетъ его границы, племена, отношенія Германской группы къ Романской; разсуждаетъ о королевской власти и началѣ феодализма, описываетъ хозяйство, ремесла, торговлю и судопроизводство, преимущественно по Салическому и другимъ варварскимъ законамъ; толкуетъ объ умственной, нравственной, церковной сторонѣ и состояніи военнаго дѣла. Все это излагается замѣчательно сухо и мѣстами со ссылками на новѣйшихъ писателей. Изъ франкскихъ королей авторъ останавливается только на Карлѣ Великомъ и, слегка перечисливъ его походы, распространяется о его дѣятельности какъ правителя и законодателя, о его мѣрахъ по отношенію къ войску, судопроизводству, сельскому хозяйству, торговлѣ, ремеслами, образованности и искусствамъ. Не ограничиваясь тѣмъ, онъ

помѣщаетъ еще особую главу подъ заглавіемъ: «Культурное состояніе Франкскаго государства при Карлѣ Великомъ», опять въ томъ же нѣсколько резонирующемъ и не всегда удобопонятномъ изложеніи. Напримѣръ: «Что нравственное образованіе народа при Карлѣ Великомъ не стояло на высокой степени, это вытекаетъ изъ многочисленныхъ и повторительныхъ увѣщаній, съ которыми онъ обращается то къ высшему и низшему, бѣлому и монастырскому духовенству, то къ своимъ чиновникамъ и графамъ, то ко всѣмъ подданнымъ. Къ сожалѣнію, рядомъ съ древне-германскими нравами, особенно излишнею склонностію къ рысканію и бражничанію, повидимому и тѣ гораздо худшіе пороки, которыми заразила германскихъ насельниковъ нравственная порча умирающаго Римскаго царства, и которые впервые замѣчены во времена Меровинговъ, еще не исчезли, ибо Карлъ неоднократно указываетъ на нихъ въ своихъ капитуляріяхъ» (107). Ученикъ навѣрно затруднится понять о какой римской заразѣ тутъ говорится, ибо выше мимоходомъ упоминается только о скоморохахъ и шутникахъ, будто бы унаслѣдованныхъ отъ римскихъ временъ (стр. 100).

Въ томъ же родѣ изложена и вторая часть *Нѣмецкой Культурной Исторіи*, распадающаяся также на два отдѣленія: время отъ Вердэнскаго договора до паденія Гогенштауфеновъ и время Габсбургской династіи до Карла V. Тутъ точно также видимъ, что въ объемѣ дано сильное преобладаніе описанію внутренняго состоянія и быта надъ исторіей политическою или государственною; напримѣръ, въ первомъ отдѣленіи сей послѣдней исторіи посвящено 38 страницъ, а помянутому описанію 65 страницъ, хотя на эту эпоху падаютъ такія крупныя историческія лица и событія какъ Оттонъ I и Фридрихъ Барбаруса, борьба императоровъ съ папами, Италіянскіе и Крестовые походы. Но сухіе перечни политическихъ событій и лицъ у Бидермана какъ бы являются только для внѣшней связи между разными отдѣлами такъ называемой культурной исторіи. Причемъ онъ иногда впадаетъ въ противорѣчія съ собственнымъ методомъ; напримѣръ, въ помянутой своей брошюрѣ онъ говоритъ: «Какъ возможно объяснить ученику настоящее значеніе патріотическаго поступка Конрада I, который, умирая, проситъ своего брата не принимать королевской короны, а передать ее могущественному Саксонскому герцогу, если не изобразить ему (т.-е. ученику) тогдашнее совокупное состояніе (Gesammtzustand) нѣмецкой націи, временный антагонизмъ отдѣльныхъ племенъ, обостреніе этого антагонизма вновь оживившеюся системою племенныхъ герцогствъ, соперничество Саксовъ съ Франками» и т. д. (стр. 11). Справляетесь съ руководствомъ того же автора

въ ожиданіи найти тамъ картину этого Gesammtzustand'a, и находите не болѣе того, что̀ нами сейчасъ приведено изъ брошюры, только еще въ менѣе рельефной формѣ. (Часть II, стр. 8.)

Въ какой степени факты культурноисторическіе (въ тѣсномъ смыслѣ) собираются механически и съ помощью разныхъ натяжекъ нагромождаются другъ на друга, представимъ слѣдующіе примѣры изъ второй части. Въ главѣ о «хозяйственной дѣятельности народа» значится: «Межъ тѣмъ какъ во времена Карла Великаго *населеніе*, казалось, отставало отъ побудительныхъ мѣръ императора и только медленно слѣдовало за ними, теперь видимъ его болѣе и болѣе выступающимъ самостоятельно и пролагающимъ себѣ путь собственными руками. Это прежде всего относится къ *городскому* населенію, но его возрастающая дѣятельность скоро увлекаетъ за собою и *сельское*. Мы узнаемъ это изъ разныхъ фактовъ. Возрастающая потребность городовъ (а равно королевскихъ, епископскихъ, герцогскихъ и прочихъ дворовъ) въ хлѣбѣ, молокѣ, мясѣ и т. п. имѣла благодѣтельное воздѣйствіе на поднятіе земледѣлія и скотоводства, какъ это слѣдуетъ изъ возвышенія цѣнъ на разные сельскохозяйственные продукты. Такъ, курица въ X столѣтіи стоила еще полпфеннига, а въ XI уже цѣлый пфеннигъ. Ту же цѣну имѣли полтора десятка яицъ (въ монастыряхъ съ ихъ *интерзасовъ* взимался большой оброкъ курами и яйцами), а гусь стоилъ вдвое и втрое дороже. Жирная свинья стоила 20—24 пф., овца 10 пф». и т. д. (83). Въ главѣ о «борьбѣ городскихъ патриціевъ и ремесленниковъ» читаемъ: «Открытая борьба между *родами* (патриціевъ) и *цехами* началась уже въ началѣ XIV столѣтіи. Въ Шпейерѣ цехи въ 1304 году ввели въ ратъ нѣкоторыхъ изъ своей среды; но они были вновь оттуда вытѣснены. Также и возстаніе цеховъ въ 1327 году не имѣло прочныхъ послѣдствій; но въ 1349 году патриціи («денежное товарищество») принуждены уступить. Въ Майнцѣ, цехи послѣ долгой борьбы впервые въ 1430 году добились того, что рядомъ съ 24 патриціанскими членами получили мѣсто въ *ратѣ* (думѣ) 29 цеховыхъ (по одному изъ каждаго цеха). Въ Кельнѣ отъ 1269 до 1396 борьба возобновлялась съ перемѣннымъ счастіемъ. Наконецъ «цехъ богачей» (патриціанскій) былъ уничтоженъ, а *ратъ* составленъ изъ 36 членовъ отъ цеховъ и 13 членовъ ими избранныхъ. Въ Ахенѣ въ 1470 году была отмѣнена наслѣдственность мѣстъ въ *ратѣ*, и онъ составленъ изъ 22 членовъ цеховыхъ. Въ Страсбургѣ въ 1332 году побѣдили цехи; но въ 1349 году произошла реакція; однако за цехами оставлено участіе въ управленіи; въ особенности изъ ихъ среды долженъ былъ выбираться одинъ бюр-

гермейстеръ (Ammeister), тогда какъ другой (Stättemeister) могъ свободно выбираться изо всѣхъ сословій. Во Франкфуртѣ-на-Майнѣ, къ «скамьѣ шэфеновъ» въ XIII вѣкѣ присоединяется «скамья ратмановъ», въ XIV вѣкѣ «скамья цеховъ» и т. д. (153). Цѣлая страница занята подобнымъ перечнемъ. Все это само по себѣ не безынтересно; но вопросъ: насколько въ такомъ видѣ оно приложимо къ небольшому руководству и насколько удобно для усвоенія учениками? И нужно ли до крайности сокращать отдѣлъ событій государственныхъ, чтобы на мѣсто ихъ расширять отдѣлъ приведенныхъ фактовъ? А между тѣмъ такому предмету какъ величественныя сооруженія средневѣковаго зодчества вмѣстѣ съ характеристикою *базилики*, *романскаго и готическаго* стилей—характеристикою очень поверхностною—въ книгѣ посвящена ровно одна страница съ четвертью (96—97). Подобное распредѣленіе матеріала, не соотвѣтствующее его культурно-исторической важности и педагогическому значенію, невольно бросается въ глаза.

Но беремъ третью часть Нѣмецкой культурной исторіи, и убѣждаемся, что авторъ не выдержалъ своего метода до конца. Эта часть мало чѣмъ отличается отъ общепринятыхъ учебно-историческихъ курсовъ. Тутъ находимъ полное преобладаніе внѣшне-политическихъ фактовъ надъ внутреннимъ состояніемъ и исторіей образованности. Какъ и во всѣхъ нѣмецкихъ руководствахъ, значительное мѣсто отводится Реформаціи и ея послѣдствіямъ, съ Тридцатилѣтнею войной включительно. Затѣмъ идетъ отчетъ о войнахъ временъ Лудовика XIV, Фридриха II и Наполеона I, перемежающійся весьма краткими, сухими очерками фактовъ изъ исторіи культуры и высшаго образованія. А послѣдняя глава, обнимающая эпоху 1815—1871 годовъ (эпоху блестящаго развитія нѣмецкой образованности), въ особенности бѣдна такими очерками, если не относить къ нимъ отчеты объ успѣхахъ парламентеризма, каковые въ сущности принадлежатъ исторіи государственной или политической и находятъ себѣ мѣсто во всѣхъ общепринятыхъ руководствахъ. Повидимому эти успѣхи и даютъ автору поводъ заключить характеристику послѣдняго періода такими словами: «Изъ исторіи династій и кабинетовъ, чѣмъ она прежде была по преимуществу, нѣмецкая исторія становится болѣе и болѣе чисто народною и культурною исторіей». Строго говоря, изъ его изложенія такой выводъ самъ собою не вытекаетъ.

Итакъ, попытка профессора Бидермана отвергнуть обыкновенную гражданскую исторію и на мѣсто ея поставить какую-то другую, подъ именемъ культурно-исторической, по нашему крайнему разумѣнію, даетъ пока результаты не особенно блистательные. Конечно, можно съ нѣко-

торымъ успѣхомъ возражать противъ крайностей внѣшней исторіи, наполняемой войнами и династіями. Но, съ одной стороны, эти крайности давно уже начали сглаживаться въ историческихъ руководствахъ; а съ другой, невозможно отрицать важнаго значенія войнъ и династій, то-есть ихъ огромнаго вліянія на судьбы народовъ *. Давно уже сознана необходимость ввести въ руководство важнѣйшіе факты изъ исторіи образованности, то-есть наукъ, искусствъ, литературы, и обзоры внутренняго состоянія, съ указаніями на успѣхи или упадокъ промышленности и торговли. Но этимъ фактамъ отнюдь нельзя давать рѣшительное преобладаніе надъ исторіей государственною или политическою. Мы видѣли, что и самъ Бидерманъ не могъ до конца выдержать провозглашенной имъ системы. Точно также не трудно оспаривать крайности біографическо-повѣствовательнаго метода; но едва ли состоятельнѣе его является то перечневое, никакими эпизодами не оживляемое изложеніе, образчикъ коего представилъ Бидерманъ въ своемъ руководствѣ и которое на практикѣ должно оказаться весьма тяжелымъ и неудобнымъ для усвоенія. Онъ очевидно упускаетъ изъ виду простую истину, что какая либо біографическая черта, какой либо историческій эпизодъ или подробность, во время и кстати приведенные, нерѣдко освѣщаютъ ученику личность или эпоху или культурное состояніе народа лучше и понятнѣе нежели цѣлый рядъ отвлеченныхъ описаній и разсужденій. Слѣдовательно, рѣшеніе вопроса заключается въ томъ, чтобы всякому отдѣлу историческаго руководства дать надлежащіе, то-есть наиболѣе цѣлесообразные, мѣсто и объемъ. Для этого нужно сообразоваться какъ съ главными цѣлями и задачами, такъ и со средствами школьнаго историческаго преподаванія. Въ недостаточномъ уясненіи этихъ задачъ и средствъ, повидимому, и кроется источникъ разныхъ крайностей, противорѣчій и недоумѣній.

Два русскіе преподавателя, гг. Виноградовъ и Никольскій, взяли на себя далеко не лишній трудъ составить «методику исторіи», то-есть выяснить учебное и практическое значеніе исторіи, ея связь съ другими науками въ школѣ, методы и пріемы ея преподаванія, пособія и пр. Въ основу своего труда они положили трактатъ Кригера Der Geschichtsunterricht in Volks Bürger-und Vorbildungsschulen, и обставили его заим-

* Любопытна эта тенденція—оттѣснить войны и политику на самый задній планъ въ историческомъ курсѣ—въ эпоху всеобщей воинской повинности, лихорадочнаго развитія дальнобойныхъ орудій и рѣшительнаго преобладанія политико-національныхъ интересовъ.

ствованіями изъ другихъ статей по методикѣ, какъ нѣмецкихъ, такъ и отечественныхъ.

Въ началѣ своей книги авторы высказываютъ нѣсколько положеній вполнѣ справедливыхъ и болѣе или менѣе извѣстныхъ. «Кто желаетъ пріобрѣсти вѣрное пониманіе и вѣрный взглядъ на современность, тотъ долженъ необходимо перенестись мыслію къ прошедшему». «Только при освѣщеніи старины можно изучить и понять современныя, политическія, соціальныя и экономическія формы государственной жизни народовъ, ясно представить ихъ взаимнодѣйствіе и развитіе» (стр. 1). «Исторія представляется намъ какъ *вѣрная руководительница въ жизни практической*» (3) «Если изучать исторію необходимо съ практической точки зрѣнія, то тѣмъ больше съ *національной*. Времена, когда очень многіе съ точки зрѣнія космополитизма съ презрѣніемъ смотрѣли на воспитаніе въ національномъ духѣ, какъ на слишкомъ узкое, ограниченное, теперь, слава Богу, прошли. *Юношество должно быть воспитываемо въ національномъ духѣ*» (4). «Исторія учитъ насъ, что счастіе какъ отдѣльныхъ личностей, такъ и цѣлаго народа тѣмъ прочнѣе чѣмъ болѣе каждая отдѣльная личность, стремясь стать выше случайныхъ бѣдствій, добивается высокихъ цѣлей человѣчества, *и свое личное благо добровольно приноситъ въ жертву общему благосостоянію, чтобъ оказаться дѣйствительно полезнымъ членомъ великаго цѣлаго*» (6) *. «Исторія развиваетъ нашъ разумъ» (Ibid). «*Исторія облагораживаетъ наше сердце*. Основательное изученіе исторіи ведетъ къ смягченію нравовъ, потому что дѣлаетъ сердце впечатлительнымъ ко всѣмъ нравственнымъ доблестямъ» (7). «Исторія укрѣпляетъ и волю» (вырабатывая убѣжденія) и пр. Но затѣмъ, когда авторы переходятъ къ самимъ задачамъ и методамъ историческаго преподаванія въ народныхъ школахъ, начинается нѣкоторая сбивчивость и путаница въ понятіяхъ. Они выступаютъ поборниками того же культурно-историческаго метода, который проповѣдуетъ Бидерманъ, и ратуютъ противъ политической исторіи (а въ сущности тоже противъ крайностей) за какую-то «истинную исторію». «Преподаваніе исторіи ни въ какомъ случаѣ не должно быть исключительно разсказомъ о войнахъ и государственныхъ дѣятеляхъ; оно должно быть скорѣе разсказомъ о событіяхъ мирной народной жизни, указывать какъ эти событія проявились въ наукѣ, искусствѣ, языкѣ, литературѣ, экономической, торговой, соціальной и религіозной жизни народовъ; должно достигать при сообщеніи историческаго матеріала въ элементарномъ видѣ, чтобъ у ученика

* Все это курсивы подлинника.

ясно и живо отпечатлѣлся законченный образъ извѣстной эпохи. На это и доселѣ не обращено должнаго вниманія при преподаваніи исторіи въ народныхъ школахъ. Обращается болѣе вниманія на самыя знаменитыя личности чѣмъ на ихъ дѣла, болѣе останавливаются на мимолетныхъ явленіяхъ историческихъ чѣмъ на долговременныхъ результатахъ и состояніяхъ» (13). Весьма любопытно было бы узнать: какими способами въ народной школѣ малограмотные мальчуганы уразумѣютъ проявленія наукъ, искусствъ, экономической и соціальной жизни народовъ, и какъ въ ихъ головахъ помимо знакомства съ государственными дѣятелями, благодаря какому-то *элементарному виду*, ясно отпечатлѣется образъ эпохи съ «результатами и состояніями?» Кампе конечно впадаетъ въ крайность, ограничивая преподаваніе исторіи изложеніемъ лишь внѣшнихъ событій. Но онъ ближе къ истинѣ чѣмъ его противники, когда говоритъ: «Если мы спросимъ что̀ воодушевляетъ историка, что̀ влагаетъ жизнь въ историческое сочиненіе, то отвѣтъ—факты, а не состоянія и положенія» (18). И Кригеръ нисколько не опровергъ этого положенія своею ссылкою на извѣстный романъ XVII вѣка *Симплициссимусъ*, чтеніе котораго заинтересовало учениковъ и дало имъ живую картину эпохи. (Ibid). Но дайте этотъ романъ въ руки мальчика, который незнакомъ ни съ какимъ и самымъ элементарнымъ курсомъ исторіи и ничего не знаетъ о Тридцатилѣтней Войнѣ, какъ онъ пойметъ его исторически и куда пріурочитъ представленія, вынесенныя изъ чтенія? Притомъ развѣ можно провести подобную систему интереснаго, но случайнаго чтенія чрезъ всѣ важныя эпохи?

Въ другомъ мѣстѣ, однако, гг. Виноградовъ и Никольскій указываютъ практическія неудобства и противорѣчія въ методѣ Бидермана. «Прежде всего въ жизни народовъ и политическая, и общественная, и умственная жизнь идутъ рука объ руку, постоянно соприкасаясь и другъ друга обусловливая. Иногда и знакомство, напримѣръ, съ національными войнами имѣетъ не меньше образовательнаго вліянія на учащихся чѣмъ знакомство съ какими-нибудь бытовыми сторонами внутренней жизни народа» (58). Не останавливаемся далѣе на данной брошюрѣ, тѣмъ болѣе что она трактуетъ преимущественно о преподаваніи исторіи въ низшихъ или народныхъ школахъ, а мы имѣемъ въ виду собственно среднее образованіе. Вообще въ «Методикѣ исторіи», при нѣкоторыхъ увлеченіяхъ ея и недосмотрахъ, разсѣяно довольно много дѣльныхъ замѣчаній и практическихъ наблюденій. Притомъ отъ сочиненія заимствованнаго и съ комюмъ нельзя требовать строгаго согласованія разно-
ія всѣхъ противорѣчій. Можно однако же-
урнаго изложенія.

Перейдемъ теперь къ книгѣ г. Гуревича. Но этой книгѣ предшествовала и въ тѣсной связи съ нею находится его статья «*О постановкѣ курса исторіи въ нашихъ классическихъ гимназіяхъ*» (помѣщенная въ майскомъ № *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1884 годъ); а потому прежде скажемъ нѣсколько словъ о сей статьѣ. Тутъ рядомъ съ замѣчаніями вполнѣ вѣрными (напримѣръ, о неудачной попыткѣ слить въ старшемъ систематическомъ курсѣ изложеніе отечественной исторіи со всеобщею) встрѣчаемъ не мало разсужденій и положеній весьма сомнительныхъ. Такъ авторъ почти съ ожесточеніемъ нападаетъ на элементарный курсъ, проходимый въ III и IV классахъ гимназіи. По его мнѣнію, этотъ курсъ надобно начинать не съ древней исторіи, а съ отечественной «въ живыхъ *подробныхъ* (?) біографическихъ разсказахъ, такъ какъ родное прошлое своего народа и отечества способно живѣе заинтересовать дѣтей, начинающихъ учиться исторіи, и благотворнѣе подѣйствовать на ихъ развитіе, чѣмъ знакомство съ чуждымъ, малопонятнымъ классическимъ міромъ» (5—6). И это говорится въ отношеніи къ классическимъ гимназіямъ, гдѣ ученики рано начинаютъ знакомиться съ классическими писателями! А нѣсколько страничекъ элементарнаго курса изъ исторіи древняго Востока г. Гуревичъ отвергаетъ на томъ основаніи, что «пониманіе главнѣйшихъ явленій, именно религіозныхъ воззрѣній древне-восточныхъ государствъ, всего менѣе можетъ считаться по силамъ мало развитымъ еще дѣтямъ, начинающимъ учиться исторіи». О какомъ это «пониманіи религіозныхъ воззрѣній» говоритъ авторъ? Тутъ пожалуй можно предъявить такія требованія, что не только 12—13-лѣтніе мальчики, но и мы съ г. Гуревичемъ получимъ неудовлетворительную отмѣтку на строгомъ экзаменѣ. Ветхозавѣтную исторію на такомъ основаніи придется тоже вычеркнуть изъ курса младшихъ классовъ. Полагаю, что небольшіе разсказы о Кирѣ и Крезѣ, о Камбизѣ и Псамменитѣ и т. п. легко могутъ быть усвоены учениками III класса и не затруднятъ, а скорѣе помогутъ имъ войти въ сферу историческаго курса вообще.

Авторъ ссылается на весьма «незначительные результаты, достигаемые преподаваніемъ элементарнаго курса» (4). Но гдѣ и у кого? Невозможно и ожидать какихъ либо отчетливыхъ свѣдѣній тамъ, гдѣ преподаваніе не уяснило себѣ простыхъ, здравыхъ требованій, а пытается усвоеніе важнѣйшихъ фактовъ замѣнить чтеніемъ такихъ «занимательныхъ разсказовъ какъ очерки Грубе» (6), или разсуждаетъ слѣдующимъ образомъ: «Какъ часто приходится слышать отъ начинающихъ учиться исторіи: «эта исторія мнѣ не нравится; въ ней такъ мало говорится о та-

кихъ-то личностяхъ, о такомъ-то *явленіи*». «Дайте ребенку о томъ же предметѣ подробный и живо изложенный разсказъ и онъ также живо *проглотитъ* его, *сотни подробностей безъ труда удержатся* въ его памяти, и онъ охотно передастъ вамъ *въ связномъ разсказѣ* то, что удержалось въ его воображеніи» (10). Въ такомъ случаѣ роль школьнаго преподавателя сводится къ исполненію желаній 12—13-лѣтняго *ребенка*, который самъ и будетъ руководить своего учителя. Давайте мнѣ интересное чтеніе о такомъ-то явленіи, скажетъ онъ. Дайте сотню подробностей о такой-то личности; я ихъ проглочу безъ труда. Бѣдный же учитель едва ли *безъ труда* будетъ въ состояніи удовлетворять расходившійся аппетитъ своихъ учениковъ. Развѣ посовѣтовать ему, чтобъ онъ приготовилъ знатную коллекцію историческихъ повѣстей и романовъ, отечественныхъ и переводныхъ, въ которыхъ ученики найдутъ не только сотни, но и тысячи интересныхъ подробностей о разныхъ личностяхъ. Разумѣется, при повѣрочномъ испытаніи эти ученики, не потрудившіеся усвоить себѣ какой либо элементарный курсъ, представятъ образцы самыхъ «поверхностныхъ и крайне сбивчивыхъ знаній» и полное отсутствіе хронологіи, за то они будутъ знать «non multum sed multa»: каковое выраженіе, по мнѣнію г. Гуревича, почему-то «имѣетъ особенно сильное примѣненіе по отношенію къ элементарному курсу» (10). Только почему онъ эту фразу называетъ «мудрымъ римскимъ изреченіемъ», тогда какъ перевернулъ его по своему?

Далѣе г. Гуревичъ трактуетъ о старшемъ, такъ называемомъ систематическомъ курсѣ исторіи въ гимназіяхъ и находитъ его положеніе также весьма неудовлетворительнымъ. «Выйти изъ такого положенія можно, помимо увеличенія числа уроковъ, уменьшеніемъ объема систематическаго курса и введеніемъ въ VIII классѣ *повторительнаго курса съ обобщающимъ характеромъ*» (12). А такъ какъ всего труднѣе для учениковъ средневѣковая исторія, будто бы «всегда представлявшая камень преткновенія», то авторъ, переходя отъ теоріи повторительнаго курса къ исполненію его, издалъ въ прошломъ 1885 году книгу подъ заглавіемъ: «*Обзоръ главныхъ явленій средневѣковой исторіи по вѣкамъ*».

Не беремъ на себя входить въ подробный разборъ этого учебно-историческаго опыта. Передадимъ вкратцѣ свое мнѣніе о немъ. Самую мысль расположить обзоръ и характеристику событій по вѣкамъ мы не находимъ вполнѣ удачною; хотя авторъ увѣряетъ, что «почти каждый вѣкъ имѣетъ свою особую физіономію, особенныя типическія явленія, рѣзко отличающія его отъ другихъ вѣковъ», и что «нѣкоторыя изъ самыхъ выдающихся историческихъ явленій могутъ быть легко прослѣжены по

вѣкамъ (стр. VIII—IX предисловія). Въ дѣйствительности, когда онъ переходитъ къ изложенію, оказывается, что рѣдкое изъ крупныхъ явленій укладывается въ извѣстный вѣкъ. Напримѣръ, великое переселеніе народовъ обнимаетъ IV и V вѣка (можно прибавить и VI), возрастаніе папства тоже длится нѣсколько вѣковъ, борьба императоровъ съ папами начинается въ XI, а кончается въ XIII вѣкѣ, Крестовые походы—тоже самое и т. д. Средняя исторія обнимаетъ одиннадцать вѣковъ, извольте во что бы то ни стало составить одиннадцать такихъ характеристикъ (а съ частію IV вѣка двѣнадцать), чтобы каждый вѣкъ рельефно отдѣлялся отъ другихъ. Потребуются разныя натяжки и мѣры, такъ сказать, искусственныя. Да г. Гуревичъ и не сочиняетъ таковыхъ характеристикъ, а просто въ концѣ каждой главы, посвященной отдѣльному вѣку, перечисляетъ главныя его событія и явленія. Если сложить ихъ количество (4+5+5+7+8+10+15+16+15+23+22+30), въ суммѣ выходитъ 160 событій и явленій — количество, въ которомъ очень не легко разобраться ученику гимназіи. Полагаю, для учениковъ вмѣсто этихъ 160 заглавій, подраздѣленныхъ на 12 отдѣловъ и сопровождаемыхъ большею частію хронологическими цифрами, легче просто усвоить себѣ важнѣйшія хронологическія данныя средневѣковой исторіи. Правда, нѣкоторыя явленія, приводимыя г. Гуревичемъ, не имѣютъ точныхъ датъ, но за то едва ли удобно излагать ихъ по столѣтіямъ. Напримѣръ, въ числѣ главныхъ явленій VI вѣка читаемъ: «5) Начало измѣненія всѣхъ особенностей національной жизни древнихъ Германцевъ подъ вліяніемъ римской цивилизаціи». И опять то же въ главѣ о VII вѣкѣ: «7) Цѣлый рядъ важныхъ перемѣнъ въ жизни Германцевъ, утвердившихся въ различныхъ провинціяхъ Западной Римской имперіи, подъ вліяніемъ римской образованности и новыхъ условій жизни». Въ текстѣ таковыхъ перемѣнъ приведено девять, а съ подраздѣленіями болѣе; онѣ относятся къ сферѣ языка, поземельныхъ и сословныхъ отношеній, судопроизводства, феодализма и пр. Подобныя явленія изъ внутренняго общественнаго строя могутъ составить особыя рубрики, пріуроченныя скорѣе къ извѣстной исторической эпохѣ нежели къ извѣстному столѣтію, въ которое онѣ тоже не всегда укладываются, какъ показываетъ и данный примѣръ. Да и вообще разсмотрѣніе событій и явленій Всеобщей Исторіи по эпохамъ или періодамъ мы считаемъ несравненно удобнѣе чѣмъ по столѣтіямъ.

Отдавая справедливость труду, потраченному г. Гуревичемъ на составленіе повторительнаго курса, мы думаемъ что, кромѣ не совсѣмъ удачнаго плана, онъ и несоразмѣрно великъ. Своимъ объемомъ онъ почти превосходитъ обыкновенный учебный курсъ Средней Исторіи, перепол-

ненъ массой фактовъ и сентенцій, и, при сухомъ, даже тяжеломъ изложеніи, скорѣе можетъ служить вообще небезполезнымъ пособіемъ чѣмъ средствомъ повторенія.

Подъ курсомъ повторительнымъ, практически удобопримѣнимымъ къ школьному преподаванію, мы разумѣемъ въ сжатомъ видѣ представленную сущность того, что было пройдено, пожалуй съ прибавленіемъ нѣкоторыхъ объяснительныхъ замѣчаній прагматическаго характера, а никакъ не особый, иначе составленный курсъ, который пришлось бы ученику проходить вновь. Даже едва ли есть надобность въ такомъ курсѣ для школы, гдѣ преподаваніе немыслимо безъ преподавателя, которому надо же предоставить роль активную, а не пассивную. Его дѣло сопровождать руководство нужными объясненіями, а при повтореніи дополнять его вышеуказанными замѣчаніями; причемъ весьма полезно входить въ нѣкотораго рода бесѣды, прибѣгая къ системѣ вопросовъ и наведеній, то-есть заставляя работать собственную память и соображеніе учениковъ.

Книга г. Гуревича, при нѣкоторомъ знакомствѣ его съ литературой предмета, не чужда однако разныхъ фактическихъ и прагматическихъ промаховъ, особенно въ отдѣлѣ Византійско-Славянскомъ. Напримѣръ: «Съ 455 года и до 476 года *восемь* человѣкъ носили императорскій титулъ, но *всѣ они* были возводимы на престолъ и низводимы Свевомъ Рицимеромъ» (7). Рицимеръ властвовалъ съ 456 до 472 года; при немъ было до пяти императоровъ; изъ нихъ четверо были возведены имъ или съ его помощію, а трое имъ низложены. Не совсѣмъ вѣрно объясненіе, почему «Славянамъ не удалось подчинить себѣ Восточную Римскую имперію, подобно тому какъ Германцы подчинили себѣ Западную Римскую имперію». А именно: «Славяне вторгались въ Византійскую имперію не цѣлыми племенами какъ Германцы, а сравнительно небольшими массами, которыя, поселясь среди Грековъ, скоро съ ними сливались, подчиняясь превосходству ихъ культуры, усвоивая себѣ языкъ и нравы Грековъ» (14). Во-первыхъ, не одни Славяне, Германцы также не могли одолѣть Восточную Римскую имперію; извѣстно, что и Вестъ-Готы и Остъ-Готы въ полномъ своемъ составѣ пытались утвердиться на Балканскомъ полуостровѣ; но были отбиты Византійцами, и ушли одни въ Италію, другіе въ Испанію. Славяне поселились здѣсь цѣлыми большими племенами (Болгары и Сербы), которыя вполнѣ сохранили свою народность, и даже ославянили самыя южныя области полуострова, какъ жалуется на то въ X вѣкѣ Константинъ Багрянородный. Восточная Римская имперія пережила на десять вѣковъ Западную не потому, что Славяне были слабѣе Германцевъ, а потому главнымъ образомъ, что сюда перенесено было (Діокле-

тіаномъ и Константиномъ Великимъ) государственное средоточіе или главнѣйшая жизненная сила имперіи, источникъ ея централизаціи. Этой силѣ помогало также превосходное въ оборонительномъ отношеніи положеніе столицы: всѣ варвары осаждали ее поочереди (Германцы, Славяне, Авары, Персы, Арабы), но никто изъ нихъ не могъ взять ее до временъ Крестоносцевъ и Османовъ. Межъ тѣмъ западныя области имперіи, лишенныя крѣпкаго средоточія и прочнаго центральнаго правительства, слабо связанныя между собой, безъ особаго труда, по частямъ, отрывались варварами или сами отпадали отъ общаго цѣлаго. Впрочемъ, подобныя истины не уразумѣлись доселѣ и писателями болѣе авторитетными чѣмъ авторъ разбираемой нами книги. Далѣе: Юстинъ «по сверженіи императора Анастасія былъ избранъ гвардіей въ императоры» (14). Императоръ Анастасій не былъ сверженъ и умеръ на престолѣ. «Будучи самъ человѣкомъ невыдающихся талантовъ, Юстиніанъ отличался умѣніемъ выбирать себѣ даровитыхъ и дѣятельныхъ помощниковъ» (15). Можно ли говорить о Юстиніанѣ какъ о посредственности? Напротивъ, его административный и организаторскій таланты не подлежатъ сомнѣнію. А умѣнье выбирать хорошихъ помощниковъ развѣ это не великій талантъ? «Слабую сторону правленія Юстиніана представляетъ слишкомъ сильное стремленіе къ централизаціи и игнорированіе мѣстныхъ національныхъ особенностей различныхъ входившихъ въ составъ имперіи провинцій» (ibid). Наоборотъ, стремленіе къ централизаціи составляетъ не слабую сторону правленія Юстиніана, а его важнѣйшую заслугу въ отношеніи къ Византійской имперіи. Выше мы сказали, что долговѣчность ея обусловливалась прежде всего силою централизаціи, и въ развитіи этой силы едва ли не первая роль принадлежитъ именно Юстиніану. Еслибъ онъ, въ противность интересамъ государственнымъ, заботился о развитіи мѣстныхъ и національныхъ особенностей, то едва ли Византійская имперія пережила бы его нѣсколькими столѣтіями. По поводу Алексѣя Комнена замѣчено, что его «отецъ началъ собою въ Византіи новую династію Комненовъ въ 1057 году» (76). Исакъ Комненъ былъ не отецъ, а дядя Алексѣя Комнена. Не совсѣмъ справедливо отнесено къ XI вѣку «наибольшее развитіе рыцарства, рыцарскаго служенія женщинѣ, рыцарской поэзіи трубадуровъ» (67). Все это достигло наибольшаго развитія много позднѣе. Или: «Григорій же VII нашелъ себѣ убѣжище въ южной Италіи, гдѣ утвердились въ первой половинѣ XI вѣка норманскіе искатели приключеній подъ предводительствомъ знаменитаго вождя своего, Роберта Гюискара» (72). Робертъ Гюискаръ явился предводителемъ Норманновъ въ южной Италіи послѣ цѣлаго ряда предшественниковъ, и дѣятельность

его тамъ относится собственно не къ первой, а ко второй половинѣ XI вѣка. «Изобрѣтеніе славянской азбуки Св. Кирилломъ въ 855 году» (52). О несостоятельности этой легендарной даты много было говорено въ спеціальныхъ изслѣдованіяхъ. Не выписываемъ другихъ неточностей, встрѣчающихся въ книгѣ, которыхъ впрочемъ не легко избѣжать въ подобныхъ трудахъ. Важнѣе то обстоятельство, что въ книгѣ г. Гуревича вообще элементъ славянскій слабъ; о миссіонерской дѣятельности Свв. Кирилла и Меѳодія, напримѣръ, упоминается въ трехъ строкахъ.

Г. Гуревичъ хотя и не вдается въ указанныя выше крайности метода культурноисторическаго въ тѣсномъ смыслѣ, однако едва ли та форма и та степень прагматизма, которыя онъ развиваетъ въ своей книгѣ, соотвѣтствуютъ условіямъ и требованіямъ нашей средней школы. Въ связи съ этимъ прагматизмомъ, и выборъ матеріала у него сдѣланъ слишкомъ односторонне въ извѣстномъ направленіи. Папство и феодализмъ, вотъ два преобладающія явленія, постоянно выдвигаемыя на передній планъ. Въ нихъ многіе полагаютъ центръ тяжести Средневѣковой исторіи. Но вѣрно ли это?

Всеобщая исторія есть по преимуществу исторія народовъ и государствъ, причемъ внѣ государственной формы никакихъ историческихъ народовъ мы не знаемъ. Чтобы сознательно относиться къ современности, намъ необходимо изучать судьбы собственнаго народа и въ то же время ознакомиться съ исторіей главныхъ европейскихъ націй, сильныхъ и своею культурой, и своимъ политическимъ могуществомъ. А происхожденіе и возрастаніе этихъ націй относится именно къ Среднимъ Вѣкамъ. Кромѣ того, мы должны дать надлежащее мѣсто въ школьномъ курсѣ судьбамъ Славянскаго міра и Византіи, съ коей долгое время находились въ тѣсной духовной связи и великое вліяніе которой на всю европейскую культуру еще недостаточно оцѣнено западно-европейскою исторіографіей. Наконецъ, мы должны имѣть свѣдѣнія вообще о нашихъ историческихъ сосѣдяхъ. Слѣдовательно, условія и требованія отъ историческаго курса въ русскихъ школахъ далеко не тѣ же самыя какъ въ школахъ нѣмецкихъ, французскихъ и т. д. И вообще давать рѣшительное преобладаніе исторіи европейскихъ учрежденій надъ исторіей главныхъ европейскихъ государствъ и національностей я считаю направленіемъ не совсѣмъ вѣрнымъ. Задача преподаванія состоитъ въ томъ, чтобы по возможности всему важному дать надлежащее мѣсто и надлежащій размѣръ. Несомнѣнно пересаливаютъ тѣ, кто хотятъ, чтобъ ученики русской гимназіи усваивали себѣ чуть ли не всѣ подробности чуждыхъ нашей жизни западноевропейскихъ

дальныхъ отношеній и подраздѣленій, съ ихъ недостаточно яснымъ

происхожденіемъ и довольно запутанною терминологіей. Чтобы понять преувеличенность подобныхъ требованій, надобно между прочимъ имѣть въ виду чрезвычайную сложность и спорность самаго вопроса о происхожденіи западно-европейскаго феодализма. Такъ, въ Германіи борятся по этому вопросу двѣ системы: *Рота*, относившаго появленіе феодализма ко временамъ Каролинговъ, и *Вайтца*, возводившаго начало феодализма къ гораздо болѣе раннему времени. Рядомъ съ этими политическими системами, выступаетъ третья теорія, *Маурера*, теорія, такъ сказать, экономическая; къ ней примыкаютъ въ Англіи Менъ, у насъ отчасти проф. Васильевскій. Въ то же время, во Франціи и Италіи идутъ свои, романскія, теоріи феодализма, напримѣръ, Гизо и Поджи, и т. д. Любопытно, что Бидерманъ, при всемъ его увлеченіи культурнымъ отдѣломъ и сословными отношеніями, не даетъ много мѣста въ своемъ курсѣ разсужденіямъ о феодализмѣ и даже совсѣмъ отрицаетъ введеніе спорныхъ его подробностей въ школьное преподаваніе (см. 26 стр. его брошюры).

Въ заключеніе, позволю себѣ выразить желаніе, чтобы въ нашемъ педагогическомъ дѣлѣ возобладали простыя, здравыя и удобоисполнимыя теоріи, и чтобы практика не слишкомъ съ ними расходилась. А то въ дѣйствительности не рѣдко бываетъ такъ, что рядомъ съ высокими, обширными и подчасъ противорѣчивыми требованіями уживается въ нашемъ обществѣ недостатокъ самыхъ необходимыхъ, элементарныхъ свѣдѣній.

ПУТЕВЫЯ ЗАМѢТКИ

и

ВОСПОМИНАНІЯ.

I.

ПРОГУЛКА ПО БЕРЕГАМЪ ОКИ.*

Желая посѣтить историческія мѣстности Рязанской губерніи и въ тоже время ближе ознакомиться съ характеромъ какъ природы, такъ и обитателей этого во многихъ отношеніяхъ интереснаго края, я воспользовался свободою лѣтнихъ вакацій, и немедленно составилъ себѣ планъ предположеннаго путешествія.

Всѣмъ извѣстно, что нѣкогда этотъ уголокъ Россіи жилъ своею особенною жизнію, оставаясь въ сторонѣ отъ главныхъ средоточій древней Русской исторіи и пребывая на рубежѣ огромныхъ степей. Много любопытнаго для насъ заключалось въ этой жизни. Съ одной стороны наше вниманіе привлекаютъ многочисленная вѣтвь воинственныхъ князей, постоянное напряженіе въ борьбѣ съ сильными сосѣдями и безпрерывныя битвы съ хищными кочевниками; съ другой замѣчательны дѣвственная, богатая природа страны, оригинальный характеръ населенія и особенности его внутренняго быта. Рязань позднѣе другихъ древнихъ городовъ выступила на сцену исторіи; за то послѣднимъ изъ великихъ удѣловъ вошла она въ составъ Московскаго государства.

Къ сожалѣнію, эта область представляетъ еще почти terram incognitam въ Русской исторической литературѣ, особенно со стороны ея внутренней жизни. Письменныя источники чрезвычайно скудны; въ лѣтописяхъ Рязанцы являются эпизодически и притомъ довольно рѣдко; замѣчательныхъ остатковъ страны также немного. Между послѣдними главное мѣсто безспорно занимаютъ слѣды древнихъ укрѣпленій или такъ называемые городки, городища и курганы; ихъ можно встрѣтить на всемъ простран-

* Московскія Вѣдомости. 1857 г. №№ 149—152. Это пѣшеходное путешествіе происходило лѣтомъ 1856 года, ради задуманной и потомъ исполненной диссертаціи „Исторія Рязанскаго Княжества". Я былъ тогда преподавателемъ исторіи въ Рязанской гимназіи, въ которой прежде и самъ учился.

ствѣ Рязанской губерніи, какъ и въ остальной Россіи; конечно, не всѣ они восходятъ къ эпохѣ самостоятельнаго княжества. Наибольшее склоненіе городищъ замѣчается въ той полосѣ, которая лежитъ между Окою и двумя ея притоками съ правой стороны, Пронею и Осетромъ, преимущественно по ихъ берегамъ. Это пространство было первоначальнымъ ядромъ, откуда въ послѣдствіи Рязанскія владѣнія далеко распространились во всѣ стороны. Поэтому я предположилъ прежде всего изслѣдовать берега Оки и Прони между городами Рязанью, Спасскомъ и Пронскомъ. Прекраснымъ руководствомъ при моихъ поискахъ служили мнѣ изслѣдованія Калайдовича * и статья покойнаго Надеждина: «Городъ Зарайскъ въ старину и нынѣ **».

Въ одно ясное іюльское утро я надѣлъ на себя ягдташъ, наполненный георафическими картами, брошюрами, чаемъ, сахаромъ и прочими принадлежностями путешествія; перекинулъ черезъ плечо ружье и плащъ, скатанный на манеръ военныхъ, и съ зонтикомъ въ рукахъ вышелъ на большую Спасскую дорогу. Воинственный костюмъ мой, конечно, вводилъ всѣхъ въ заблужденіе, и никто не подозрѣвалъ встрѣтить во мнѣ самаго мирнаго путешественника. А между тѣмъ я вспоминалъ о западныхъ туристахъ и старался доказать себѣ, что путешествіе пѣшкомъ по внутренней Россіи можетъ быть также пріятно, какъ по Германіи; что берега Оки для насъ должны быть также интересны, какъ для Нѣмцевъ берега Рейна.

Утро было въ самомъ дѣлѣ прекрасное; чистый прохладный воздухъ и улыбающіяся окрестности вызывали спокойно-веселое настроеніе духа. Направо отъ меня разстилались поля съ разноцвѣтными полосами хлѣба; по лѣвую сторону шли огороды, луга, а за ними виднѣлись берега Оки, нѣсколько отлогіе вначалѣ и потомъ постепенно поднимавшіеся. Пройдя версты три, я нагналъ двухъ бабъ, у которыхъ за плечами висѣли пустыя корзины, и немедлено вступилъ съ ними въ разговоръ, начавши съ вопросовъ, изъ какой онѣ деревни и есть ли тамъ дикія утки. Путницы, еще довольно молодыя, сначала посматривали на меня подозрительно, пересмѣивались между собою, и не хотѣли отвѣчать на томъ основаніи, что если я иду охотиться, то долженъ знать, гдѣ водятся дикія утки; но мало по малу разговоръ сдѣлался откровеннѣе. Оказалось, что онѣ носили въ городъ свѣжую рыбу. За тѣмъ я вошелъ въ подробности ихъ быта; распросилъ, давно ли онѣ замужемъ, много ли дѣтей и добрые ли у нихъ мужья.

* Письма къ А. Ѳ. Малиновскому объ археологич. изслѣд. въ Рязан. губ. 1823 г.
** Журн. М. В. Д. 1848. мартъ.

Распространяясь на счетъ послѣдняго пункта, я имѣлъ случай убѣдиться что понятіе о безусловной покорности и подчиненіи жены мужу господствуетъ на Руси еще въ полной силѣ. При этомъ невольно пришелъ мнѣ на память анекдотъ почтеннаго барона Герберштейна объ одномъ Нѣмцѣ въ Москвѣ, у котораго была Русская жена: бѣдняжка вообразила, что мужъ совсѣмъ не любитъ ее, потому что никогда не бьетъ. Крестьянки мои пренаивнымъ образомъ подсмѣивались надъ мужьями цивилизованнаго класса. Между прочимъ одна изъ нихъ, которая была по бойчѣе, разсказала слѣдующій случай.

— Носила я тоже рыбу въ городъ, купилъ у меня какой-то баринъ. Прихожу я съ нимъ: жена сидитъ такъ-то, чай пьетъ; а онъ подошелъ къ ней, да прямо чмокъ ее въ руку; я, говоритъ вамъ, душенька, рыбы купилъ. Вотъ тебѣ чортъ! думаю я, вишь ты какія нѣжности!

Въ подобныхъ разговорахъ я не замѣтилъ, какъ миновалъ еще нѣсколько верстъ. Дошедши до поворота въ свою деревню, крестьянки, утомленныя, потому что всю ночь проловили рыбу, сѣли отдохнуть, вынули по краюхѣ хлѣба и начали завтракать. Черезъ полчаса я уже проходилъ мимо деревушки Рубцово. Вотъ и глубокая лощина, по которой пробирается въ Оку маленькій ручеекъ (рѣчка Гусевка); за нимъ на вершину спуска ползетъ частый кустарникъ; а тутъ и Ольговъ монастырь, совсѣмъ потонувшій въ темной зелени лѣса; только двѣ, три главы съ крестами выглядываютъ изъ-за деревьевъ. Солнце уже высоко поднялось надъ горизонтомъ, и жаръ становился чувствителенъ, когда я свернулъ съ большой дороги и вошелъ въ лѣсную просѣку. Нужно замѣтить, что монастырь только въ 12 верстахъ отъ Рязани и часто посѣщаемъ горожанами, особенно лѣтомъ; тогда благочестивыя цѣли соединяются съ пріятною прогулкой, и вы нерѣдко встрѣтите довольно многочисленныя, живописныя группы пилигримовъ обоего пола и всѣхъ возрастовъ. Поэтому возлѣ монастырской ограды устроена гостинница, всегда открытая для странниковъ.

Ольговъ монастырь замѣчателенъ по своимъ историческимъ воспоминаніямъ и по красотѣ мѣстоположенія. Одинъ изъ любителей старины довольно удачно схватилъ главныя черты этой мѣстности *. Повторю его слова: «Уединенная обитель сія, закрытая съ большой дороги лѣсомъ, виситъ надъ Окою и составляетъ разительную противуположность съ торговою дѣятельностію, которая видна особенно весною на рѣкѣ». И далѣе: «Здѣсь самый крутой берегъ Оки; отъ времени земля, особенно въ полую

* Ольговъ монастырь. Ж. М. В. Д. 1835 г. іюль, въ Смѣси.

воду, обвалилась, и строительскія деревянныя кельи могли обрушиться; но теперь посаженныя ветлы укрѣпили берегъ; немного далѣе отъ берега старинный храмъ Успенія Пресвятыя Богородицы. Новый же соборъ во имя Св. Троицы и каменный корпусъ братскихъ келій, изъ опасенія отъ обвала, отодвинутый на середину монастыря. Изъ-за рѣки видъ на обитель чрезвычайно хорошъ». Прибавлю къ этому, что берегъ, къ сожалѣнію, не перестаетъ осыпаться, обрывы подошли къ самой оградѣ; не такъ давно обвалилась и нижняя половина крутой деревянной лѣстницы, по которой мы бывало въ дѣтствѣ сбѣгали внизъ, чтобы искупаться или покататься на лодкѣ.

По древности своей обитель занимаетъ, кажется, первое мѣсто между существующими теперь монастырями въ Рязанской губерніи. Это доказываетъ грамота, данная монастырю знаменитымъ княземъ Олегомъ Ивановичемъ, соперникомъ Димитрія Донскаго. Изъ него видно, что основаніе обители восходитъ къ началу XIII вѣка *, и что Рязанскіе князья надѣлили ее помѣстьями и разными угодьями. Теперь этотъ монастырь имѣетъ во владѣніи не болѣе 20 десятинъ земли и вообще довольно скудныя средства; но поддерживается въ приличномъ состояніи.

Памятники старины, сохранившіеся здѣсь, не древнѣе XVII столѣтія. Кромѣ ветхаго каменнаго храма Успенія Богородицы, построеннаго во второй половинѣ XVII в. княземъ Щетининымъ, замѣчательны, во-первыхъ, два колокола. Одинъ изъ нихъ, какъ показываетъ Славянская надпись, пожертвованъ въ 1644 г. княземъ М. И. Щетининымъ, въ память по отцѣ своемъ и по родственникамъ, вѣсомъ въ 19 пудъ. Другой, поменьше, имѣетъ не совсѣмъ понятную надпись на Голландскомъ языкѣ: «Int laerontes Heeren cbbcxl III (1643 г.) heefemy iacob noteman in Leewaerden Gegotent». Изображенія херувима и двуглаваго орла заставляютъ думать, что этотъ колоколъ вылитъ въ Россіи; въ монастырѣ же онъ слыветъ подъ именемъ Шведскаго.

Далѣе заслуживаютъ вниманіе археолога шесть надгробныхъ камней съ надписями также XVII в. Изъ нихъ три камня принадлежатъ фамиліи князей Щетининыхъ, а остальные фамиліи стольниковъ Кобяковыхъ. «Годъ отъ году камни сіи болѣе и болѣе опускаются въ землю,—сказано въ упомянутомъ описаніи Ольгова монастыря,—а надписи также изглаживаются и камень крошится; съ большимъ трудомъ можно было нынѣ прочесть, а чрезъ нѣсколько времени и этого уже сдѣлать нельзя будетъ». Слова любителя старины вполнѣ оправдываются: прошло съ небольшимъ

* Акты Историч. Т. I, №2.

20 лѣтъ, а большая часть камней уже скрылась подъ землею; теперь показываютъ только два, но и на тѣхъ почти нѣтъ возможности разобрать надписи безъ помощи его снимковъ.

Было уже три часа, когда я вышелъ изъ монастыря. Дошедши до перевоза противъ селенія Казарь, я оставилъ большую дорогу и продолжалъ путь по правому берегу Оки. Жаръ начиналъ замѣтно упадать; съ рѣки вѣялъ прохладный вѣтерокъ; взоръ постоянно отдыхалъ на живописной панорамѣ береговъ. Нужно замѣтить, что своимъ непостоянствомъ Ока чуть ли не превосходитъ всѣ значительныя Русскія рѣки: она недовольствуется тѣмъ, что часто мѣняетъ свое главное направленіе и течетъ можно сказать, во всѣ стороны; но и въ подробностяхъ своихъ эта рѣка чрезвычайно прихотлива; то дѣлаетъ она крутой поворотъ, то изгибается какъ змѣя; кромѣ того отъ нея безпрестанно отдѣляются рукава, заливы и озера. Представьте себѣ широкую долину, по которой извиваются синія полосы воды; берега этой долины то идутъ параллельно другъ другу, то расходятся на большое разстояніе, оставляя мѣсто привольнымъ лугамъ, то опять начинаютъ сближаться. Правый берегъ постоянно господствуетъ надъ лѣвымъ (отъ Коломны до Касимова); онъ выше и круче своего противника; имѣетъ волнообразную, холмистую поверхность, и потому представлялъ нашимъ предкамъ много мѣстъ, удобныхъ для укрѣпленія. Въ старину оба берега покрыты были дремучими, непроходимыми лѣсами, слѣды которыхъ замѣтны еще до сихъ поръ. Деревни, идущія непрерывнымъ рядомъ по обѣимъ сторонамъ долины, рисовались между зеленью маленькихъ рощъ и кустарниковъ. Рѣка въ настоящее время представляетъ мало жизни, и едва замѣтно ея движеніе; только у противоположнаго берега двѣ три барки съ обычною медленностію плыли вверхъ по рѣкѣ; несчастныя лошади, которыя ихъ тащили, вытянувъ шею и напрягая всѣ мускулы, карабкались по отлогости. Подобное судоходство, конечно, не можетъ сообщить живость торговлѣ и плохо способствуетъ дешевизнѣ товаровъ, потому что обходится довольно дорого. Какова должна быть скорость доставки при соединеніи такого медленнаго движенія съ безпрестанными извилинами рѣки и неизбѣжными препятствіями со стороны берега. Прибавьте еще къ тому довольно частыя отмели. Все это заставляетъ жалѣть объ отсутствіи на Окѣ благодѣтельной силы пара, который съ большимъ успѣхомъ могъ бы замѣнить несчастныхъ животныхъ. Пароходы до сихъ поръ были только рѣдкими явленіями въ нашихъ краяхъ *.

* Я не говорю о тѣхъ пароходахъ, которые иногда бѣгаютъ отъ Нижняго до Касимова. Впрочемъ, какъ я слышалъ, благодаря предпріимчивости нѣкоторыхъ

Между тѣмъ странствованіе мое по деревнямъ не обходилось безъ маленькихъ эпизодовъ. Мальчики, замѣтивъ меня издали, постоянно принимали за ратника, возвращающагося на родину, и цѣлою толпою бросались на встрѣчу; но, подошедши ближе, тотчасъ разочаровывались, и съ разинутыми ртами, молча, разсматривали странную для нихъ наружность; а въ слѣдъ за мною обыкновенно поднимали гомерическій смѣхъ, вѣроятно на счетъ моего коротенькаго пальто. Молодыя дѣвки со всѣми признаками сельской наивности просили меня поиграть на трубѣ, потому что кожаная дробница, съ мѣднымъ цилиндромъ на концѣ, казалась имъ какимъ-то музыкальнымъ инструментомъ. Мужики и старухи, собравшіеся группами гдѣ-нибудь на травѣ или на бревнахъ, также выражали недоумѣніе на мой счетъ, и съ разстановкой произносили слова: «кто это? солдатъ не солдатъ, ратникъ не ратникъ!» Женщины высказывались живѣе, и многія изъ нихъ прямо встрѣчали меня вопросомъ: «откуда ты, почтенный?»

— Изъ Рязани.

— Ну, что, родимый, не слыхалъ, скоро ли ратники наши придутъ?

Я по возможности старался успокоить ихъ нетерпѣливое ожиданіе и обѣщалъ скорое прибытіе ополчившихся родственниковъ, о чемъ уже было извѣстно оффиціально.

Болѣе прочихъ обратило на себя мое вниманіе помѣщичье село Вышгородъ, раскинувшееся по холмамъ на значительное пространство. Это одна изъ тѣхъ историческихъ мѣстностей, которыя утратили остатки старины, но положеніемъ своимъ или названіемъ продолжаютъ еще указывать на мѣста древнихъ городовъ. Крестьяне показались мнѣ очень зажиточными въ сравненіи съ другими селеніями; кромѣ земледѣлія здѣсь замѣтна была и торговая дѣятельность. Въ то же время меня пріятно поразилъ новый типъ, заключавшій въ себѣ много хорошихъ особенностей. Большая часть молодыхъ женщинъ, попадавшихся мнѣ, были стройны, и отличались тонкими, почти аристократическими чертами лица; ихъ волосы и глаза преимущественно были темнаго цвѣта. Костюмъ, хотя не представлялъ ничего необыкновеннаго, показывалъ однако присутствіе нѣкотораго вкуса, именно: на головѣ платокъ въ видѣ повязки, потомъ шушпанъ бѣлый какъ снѣгъ; красный цвѣтъ не бросался въ глаза и употреблялся очень умѣренно; но юбка, по какому-то кокетливому обычаю, была слишкомъ коротка, и значительно открывала босыя ноги. Между моло-

частныхъ людей, скоро будетъ положено начало постоянному пароходству между Нижнимъ и Коломною, главнымъ образомъ для того, чтобы буксировать барки.

дыми парнями также нерѣдко встрѣчались красивыя лица съ полными румяными щеками и прямымъ носомъ; но вообще сравнительно съ женскимъ поломъ мущины менѣе разнились отъ простонародія нашей средней полосы *. Происхожденіе встрѣченнаго мною типа я отнесъ, кромѣ мѣстныхъ причинъ, къ удачной смѣси Славянской крови съ однимъ изъ Финно-Монгольскихъ народцевъ. Въ этомъ предположеніи еще болѣе утвердила меня слѣдующая деревушка Гавердово, гдѣ встрѣченныя мною женщины носили тотъ же обликъ; но при темныхъ волосахъ имѣли глаза замѣтно съуженные и большею частію совершенно черные. Имя этого селенія сдѣлалось для меня памятнымъ еще потому, что было для меня какимъ-то неуловимымъ словомъ; я безпрестанно спрашивалъ его по дорогѣ и постоянно забывалъ. Въ языкѣ жителей, однако, незамѣтно было никакихъ отличій отъ общерязанскаго нарѣчія.

Изъ Гавердова дорога спускалась внизъ и шла по лугамъ возлѣ рѣки. Жажда заставила меня подойти къ какой-то баркѣ, которую въ то время около сотни бабъ и дѣвокъ проворно нагружали бѣлымъ камнемъ. Необыкновенно смѣлыя при такой многочисленности, онѣ тотчасъ осыпали меня цѣлымъ потокомъ вопросовъ и острыхъ замѣчаній. Я принужденъ былъ отшучиваться, и въ тоже время внимательно разсматривалъ ихъ веселыя физіономіи: все тотъ же красивый типъ; однако число румяныхъ блондинокъ въ этотъ разъ преобладало надъ смуглыми брюнетками.

Дошедши до Пальнаго, я поспѣшилъ спастись отъ кровожадныхъ комаровъ и поднялся на гору; но тутъ уже опять пошли писать мордовскіе образцы. Какой-то старецъ, сгорбленный и сѣдой какъ лунь, устремилъ на меня свои мутные глаза съ красными бѣлками и раза два или три произнесъ слово «неузнаю!» Наружность его обѣщала самаго древняго старожила; поэтому въ надеждѣ услыхать интересные разсказы о прошедшемъ времени или что-нибудь въ родѣ преданій, я подошелъ къ нему, и, назвавъ дѣдушкою, завелъ съ нимъ разговоръ. Но старикъ только произносилъ протяжное «а?» и на мои повторенія отвѣчалъ: «не слышу».

Когда же я надъ самымъ ухомъ закричалъ: «сколько тебѣ лѣтъ?» — «До сотни будетъ», проговорилъ онъ. Болѣе я не могъ ничего добиться и хотѣлъ продолжать путь, какъ вдругъ явилось препятствіе. Цѣлая толпа бабъ загородила мнѣ дорогу съ словами:

— Постой, родимый! куда же ты уходишь? Дай на тея поглядѣть-то, да поспросить.

---

* На особенности Вышегородцевъ обратилъ вниманіе и г. Калайдовичъ. Письма къ А. Ѳ. Малинов., стр. 51.

Это мнѣ напомнило древнихъ Кельтовъ, которые имѣли обыкновеніе останавливать путешественниковъ и распрашивать ихъ, что новаго въ чужихъ земляхъ. Но интересъ обитательницъ Пальнаго имѣлъ опредѣленную цѣль: опять начались разспросы о возвращеніи дорогихъ ратниковъ. Между ними какая-то высокая пожилая женщина особенно горевала о двухъ сыновьяхъ, изъ которыхъ одинъ былъ въ ополченіи, а другой въ солдатахъ. Послѣдній, какъ она разсказывала, прислалъ ей недавно письмо.

«Ты, матушка, должно очень плачешь обо мнѣ,—писалъ онъ.—Не дѣлай этого; меня пуще тоска беретъ, лучше Богу молись».—Вотъ живое оправданіе прекраснаго повѣрья о томъ, что въ разлукѣ сердце сердцу вѣсть подаетъ.

Бѣдный старожилъ, понуривъ голову, казалось, внимательно слушалъ нашу болтовню, и по временамъ, показывая на меня, опять повторялъ слово: «неузнаю». Бабы хотѣли вывести его изъ заблужденія и начали кричать ему, что онъ меня никогда не видалъ; но усилія ихъ остались тщетными. На вопросъ мой, работаетъ ли старикъ что-нибудь или ужъ пересталъ?—«Ии,—отвѣчали онѣ—гдѣ ему старому хрѣну работать! — вотъ сидитъ тутъ, да анбаръ стережетъ».

Солнце садилось; до Половскаго, гдѣ я заранѣе предположилъ ночевать, оставалось еще верстъ пять; поэтому, отказавшись отъ гостепріимства жителей Пальнаго, я продолжалъ путь ускореннымъ шагомъ.

Было уже совершенно темно, когда я пришелъ въ Половское и отыскалъ себѣ ночлегъ. Пока хозяинъ,—бойкій малый лѣтъ тридцати-пяти въ красной рубахѣ и черномъ жилетѣ,—хлопоталъ около самовара, я вышелъ на крыльцо, подсѣлъ къ его отцу, старику лѣтъ шестидесяти, и завелъ съ нимъ дружескій разговоръ объ ихъ деревнѣ, объ его походахъ, потому что онъ когда-то служилъ въ гусарахъ, и о старинѣ вообще. Потомъ, какъ будто нечаянно зашла рѣчь объ остаткахъ древности. На вопросы мои о томъ, нѣтъ ли по близости какихъ-нибудь насыпей, кургановъ, или, какъ они называютъ, городковъ, старикъ сначала объявилъ, что ничего такого нѣтъ; но тотчасъ вспомнилъ, что прежде дѣйствительно было два городка, одинъ въ лѣсу надъ Окою повыше деревни, а другой пониже, и что лѣтъ тридцать тому или сорокъ они были еще видны, а теперь отъ нихъ и слѣдовъ не осталось.

Значеніе этихъ городковъ онъ объяснилъ такимъ образомъ: давно, когда еще насъ не было, на нихъ жили богатыри, которые разбойничали и съ одного кургана на другой перебрасывали другъ другу топоры; эти богатыри жили по 400, по 500 лѣтъ и болѣе; иной изъ нихъ въ 300 лѣтъ ходилъ еще не женатымъ и считался молодымъ человѣкомъ. То были перво-

бытные люди, а потомъ уже Богъ создалъ нынѣшнее поколѣніе. Разъ мужикъ пахалъ землю; богатырь взялъ его, посадилъ на ладонь совсѣмъ съ лошадью и хотѣлъ прихлопнуть другою рукою; но мать остановила его, сказавъ: «не трогай ихъ, сынъ мой; это теперь такіе люди будутъ». Нужно замѣтить, что преданіе о богатыряхъ, жившихъ на курганахъ и бросавшихъ топоры, очень распространено по Рязанской губерніи; не знаю, встрѣчается ли оно и въ другихъ мѣстахъ Россіи.

На крыльцѣ присутствовало еще двое постороннихъ крестьянъ, которые занимались ужиномъ и по временамъ вставляли свои замѣчанія въ нашу бесѣду. Между прочимъ одинъ изъ нихъ разсказалъ, что въ Киструсѣ (село Спасскаго уѣзда) рыбаки вытащили изъ воды богатырскую кость, именно верхнюю часть ноги аршина въ полтора; что она лѣтъ пять стояла у воротъ какого-то крестьянина; а потомъ онъ погорѣлъ, и кость неизвѣстно куды пропала. Товарищъ его, однако, тутъ же замѣтилъ, что онъ про эту кость не слыхивалъ *.

Вслѣдъ за тѣмъ Половскій старожилъ вспомнилъ, что когда онъ былъ еще мальчикомъ, кто-то изъ ихъ деревни отрылъ въ землѣ огромный топоръ, весь желѣзный, т.-е. и ручка была изъ желѣза. Я спросилъ, куда же дѣвался этотъ топоръ?

— Не знаю, сказалъ онъ, — должно быть передѣлали на сохи, да на вилы.

— А кто такой топоръ можетъ передѣлать?—съ оттѣнкомъ ироніи замѣтилъ одинъ изъ Кистровцевъ.

— Кузнецъ! отвѣчали въ одинъ голосъ его товарищъ и старикъ. Тотъ, вѣроятно не ожидавшій подобнаго отвѣта, не нашелся, что возразить.

Вскорѣ собесѣдники мои разошлись спать. Сидя за самоваромъ, я долго еще толковалъ съ молодымъ хозяиномъ, и въ то же время старался набросать конспектъ того, что видѣлъ и слышалъ въ продолженіе дня. Кругомъ господствовала мертвая тишина, когда я отправился на сѣно, и утомленный прогулкою, погрузился въ глубокій сонъ.

Отъ Половскаго Ока дѣлаетъ поворотъ прямо на югъ, и потомъ, изогнувшись дугою, течетъ опять на сѣверъ мимо Спаска; поэтому на другой день я оставилъ слѣдованіе по правому берегу, предполагая коснуться

* Не могу не замѣтить при этомъ случаѣ, что кости допотопныхъ или по крайней мѣрѣ неизвѣстныхъ для насъ животныхъ попадаются нерѣдко въ Рязанской губерніи; онѣ обыкновенно слывутъ подъ именемъ мамонтовыхъ. Въ губернскомъ городѣ можно найти собраніе подобныхъ костей; въ рукахъ ученаго зоолога онѣ, безъ сомнѣнія, могли бы пролить свѣтъ на древнѣйшую исторію нашего края. Что касается до костей великановъ, то хотя случается иногда о нихъ слышать, но самъ я, признаюсь, еще до сихъ поръ ихъ не видалъ

его на возвратномъ пути, и, нанявъ одноколку, нѣчто въ родѣ кабріолета, рѣшился переѣхать въ прямомъ направленіи двѣнадцативерстное разстояніе до города. Во время переправы черезъ Оку перспектива береговъ была очень живописна. Характеръ природы на лѣвой, или такъ называемый Мещорской, сторонѣ рѣки представлялъ уже значительную разницу: почва была низменная, песчаная и мѣстами болотистая, растительность скудная. Изобиліемъ песковъ объясняется здѣсь исключительное употребленіе двухколесныхъ телѣгъ для облегченія лошадей.

Остановившись въ первой попавшейся гостинницѣ, я отправился осматривать городъ. Наружность Спаска вообще бѣдна и непривлекательна; впрочемъ есть городской садъ, въ которомъ иногда можно помечтать. Изъ построекъ обращаютъ на себя вниманіе только соборъ довольно красивой архитектуры съ чрезвычайно высокою колокольнею, и еще обгорѣлыя стѣны какого-то каменнаго зданія, которыя угрюмо возвышаются надъ городомъ и напоминаютъ развалины стариннаго зàмка.

Часовъ въ шесть я отыскалъ квартиру исправника. Меня встрѣтилъ средняго роста, полный, но еще бодрый старикъ съ сѣдыми усами. Вмѣсто длинныхъ объясненій, я показалъ ему открытый листъ, которымъ снабдилъ меня начальникъ губерніи. Разговоръ, сначала неклеившійся, мало-по-малу оживился. Исправникъ служилъ нѣкогда въ военной службѣ, и въ послѣднюю войну одна изъ битвъ въ Малой Азіи похитила у него единственнаго сына. Статистическія свѣдѣнія, сообщенныя имъ, касательно жителей Спаска и его уѣзда, были неутѣшительны. Обращенный окончательно въ городъ Императоромъ Александромъ I-мъ, Спаскъ до сихъ поръ еще вѣренъ прежнему патріархальному быту.

— Посмотрите, замѣтилъ мнѣ исправникъ, вѣдь это совершенная деревня!

Я взглянулъ въ окно: дѣйствительно деревня. Народъ все бѣдный, не смотря на выгодное положеніе на берегу Окскаго залива, который въ этомъ мѣстѣ могъ бы служить прекрасною стоянкою для барокъ; оптовая торговля почти не существуетъ, потому что нѣтъ капиталовъ. Былъ только одинъ богатый откупщикъ Мелешкинъ, но и тотъ обанкрутился и умеръ; ему принадлежалъ обгорѣлый каменный домъ, онъ же соорудилъ и соборъ. Большая часть мѣщанъ занимается хлѣбопашествомъ, и жены ихъ продолжаютъ одѣваться по-крестьянски; песчаная почва, конечно, плохо вознаграждаетъ труды земледѣльцевъ. За то рыба ловится въ изобиліи.

Для меня собственно главный интересъ города заключался въ сосѣдствѣ его съ Старо-Рязанскимъ городищемъ, которое находится верстахъ въ трехъ отъ Спаска и въ пятидесяти отъ Рязани. Я попросилъ исправ-

ника указать на одного изъ мѣстныхъ старожиловъ, который могъ бы служить мнѣ руководителемъ. Послѣ нѣкотораго размышленія, выборъ его палъ на засѣдателя; засѣдатель вскорѣ явился и выразилъ готовность сопровождать меня на городище. Обязательный хозяинъ предоставилъ въ наше распоряженіе лошадь и бѣговыя дрожки.

Переправившись черезъ Оку, мы стали подниматься на крутизну посреди села Старая-Рязань, которое въ безпорядкѣ разбросано по уступамъ высокаго берега. Оно ведетъ небольшую торговлю хлѣбомъ. По случаю наступавшей ярмарки сюда стекались крестьяне изъ ближнихъ деревень; замѣтная дѣятельность уже начиналась кругомъ домика, украшеннаго извѣстною надписью и какимъ-то зеленымъ навѣсомъ.

Старо-Рязанское городище лежитъ на краю обрывистаго спуска; оно имѣетъ форму прямоугольной площади, немного болѣе $^3/_4$ версты въ длину и немного менѣе въ ширину; съ трехъ сторонъ еще цѣлы остатки валовъ, а надъ рѣкою видна только небольшая насыпь въ одномъ углу; за валами до сихъ поръ замѣтны слѣды рвовъ. По бокамъ идутъ глубокіе овраги: они постоянно увеличиваются и теперь уже врѣзались въ самую площадь бывшаго города; часть боковыхъ валовъ осыпалась въ эти овраги.

Имя Рязани въ первый разъ встрѣчается въ нашихъ лѣтописяхъ подъ 1095 годомъ. Послѣ того, въ продолженіе почти трехъ столѣтій, она считалась столицею Рязанскаго княжества, но вѣроятно частые пожары и разоренія, особенно причиненныя войнами Всеволода III и нашествіемъ Батыя, заставили князей обратить вниманіе на болѣе надежныя укрѣпленія Переяславля Рязанскаго, гдѣ въ концѣ XIV вѣка знаменитый Олегъ Ивановичъ окончательно утвердилъ княжеское мѣстопребываніе. Съ тѣхъ поръ прежняя столица стала называться Старою Рязанью, но и потомъ въ исторіи встрѣчаются извѣстія о неоднократномъ разореніи этого города Татарами. Въ началѣ XVIII вѣка Старая Рязань уже не упоминается въ числѣ Русскихъ городовъ; къ тому же столѣтію относится ея запустѣніе. Въ настоящее время обитаемъ только югозападный уголъ площади, гдѣ находится старинная деревянная церковь во имя Бориса и Глѣба; подлѣ нея живутъ церковнослужители.

Съ нѣкоторыхъ поръ Старо-Рязанскій городокъ сталъ обращать на себя вниманіе археологовъ драгоцѣнными находками и замѣчательными открытіями, которыя живо напомнили его минувшую славу. Въ 1792 году здѣсь была выпахана золотая корона, изломанная потомъ и распроданная по частямъ. Далѣе, время отъ времени попадались различныя вещи изъ благородныхъ металловъ съ драгоцѣнными каменьями *. Но самая важ-

* Письма Калайд. къ А. Ѳ. Малин., стр. 27.

ная находка относится къ 1822 году, а именно: близь того мѣста, гдѣ растутъ двѣ уединенныя березы, на участкѣ помѣщика Стерлигова, три крестьянина, распахивая землю подъ большую дорогу, отрыли до 28 вещицъ, принадлежавшихъ, какъ видно, къ украшеніямъ княжеской одежды. Онѣ заключали въ себѣ до 6 футовъ чистаго золота и 283 драгоцѣнныхъ камня *. Государь Императоръ Александръ I, которому вещи были представлены, пожаловалъ за нихъ 10,000 р. счастливымъ крестьянамъ.

Вправо отъ большой дороги, которая пролегаетъ чрезъ городокъ, въ 1823 г., почтенный изслѣдователь Рязанскихъ древностей Калайдовичъ видѣлъ два холма, изъ которыхъ одинъ, по увѣреніямъ окрестныхъ старожиловъ того времени, заключалъ въ себѣ развалины княжескаго терема; а другой, ближайшій къ Борисоглѣбской церкви, скрывалъ остатки древняго собора. Въ 1836 г. показанія стариковъ относительно послѣдняго кургана вполнѣ были оправданы. Спасскій купеческій сынъ Д. Тихомировъ, страстный любитель древностей, при содѣйствіи нѣкоторыхъ патріотовъ (въ томъ числѣ и покойнаго Мелешкина) и подъ покровительствомъ губернскихъ властей цѣлое лѣто производилъ здѣсь археологическія изысканія. Снесенный курганъ дѣйствительно обнаружилъ каменное основаніе церкви; открыты были остатки стѣнъ, полъ изъ каменныхъ плитъ, кирпичный склепъ; каменныя и деревянныя гробницы, наполненныя скелетами; нѣсколько металлическихъ вещей, лоскутья шелковыхъ и парчевыхъ одеждъ **. Ясно было, что предполагаемый соборъ служилъ мѣстомъ погребенія Рязанскихъ князей, вѣроятно до перенесенія столицы въ Переяславль. Теперь эти руины опять заволокло щебнемъ и землею; но мѣстахъ въ трехъ еще выглядываютъ углы бѣлыхъ каменныхъ гробовъ. Спутникъ мой копнулъ въ одномъ изъ нихъ, и обнаружилъ черепъ, покрытый влажнымъ мохомъ ***. Къ сожалѣнію, обстоятельства помѣшали Тихомирову продолжать изслѣдованія, и другой холмъ, т.-е. такъ называемый княжескій теремъ, до сихъ поръ остается нетронутымъ въ ожиданіи новыхъ Рязанскихъ патріотовъ.

Когда на обратномъ пути мы подъѣхали къ рѣкѣ, паромъ былъ уже заставленъ крестьянскими телѣгами. Между ними отличалась какая-то

---

* Подробное описаніе ихъ и рисунки въ статьяхъ: „Письма Калайд. къ А. Ѳ. Малин.“ и „Извѣстіе о старин. убранствахъ, найденныхъ въ 1822 г. близь села Ст. Рязань“. А. Оленина. Спб. 1831 г.

** Описаніе этихъ открытій и рисунки можно найти въ книгѣ Тихомирова: „Историч. свѣд. объ археологич. изслѣд. въ Ст. Рязани. Москва 1844 г.“.

*** Здѣсь, какъ мнѣ сказали, предполагалось выстроить новую церковь въ память древняго Борисоглѣбскаго собора. Желательно было бы видѣть осуществленіе этого предположенія или по крайней мѣрѣ сооруженіе приличнаго памятника.

рогожная повозка, запряженная тройкой, и любопытство, свойственное всѣмъ путешественникамъ, тотчасъ подстрекнуло меня заглянуть во внутренность повозки. Тамъ на цѣломъ возу перинъ и подушекъ сидѣла пожилая женщина и подлѣ нея молоденькая брюнетка; черная коса, запрятанная въ бѣлый чепчикъ, и скромное, мечтательное выраженіе физіономіи конечно не могли не произвести пріятнаго впечатлѣнія. Наблюдательность моя, однако, замѣтно приводила въ смущеніе незнакомку.

Паромъ уже готовился отчалить отъ берега, какъ на горѣ появилась другая тройка, которая съ громомъ бубенчиковъ приближалась къ перевозу. Оказалось, что подъѣхавшій тарантасъ, также какъ и повозка, заключалъ въ себѣ романтическій элементъ, только въ другомъ родѣ, именно блондинку лѣтъ двадцати въ голубомъ платьѣ и бѣлой шляпкѣ. Эта личность заинтересовала меня особенно потому, что она сидѣла въ тарантасѣ совершенно одна. Взгляды, которыми мы обмѣнялись, тотчасъ обнаружили въ ней кокетку; дѣйствительно она скоро покинула спокойную важную позу и съ большимъ жаромъ принялась разсказывать что-то кучеру, не переставая бросать мимоходомъ взгляды въ мою сторону, на что обратилъ вниманіе даже мой почтенный чичероне. Кучеръ, въ красной рубахѣ и черной плисовой поддевкѣ, слушалъ ее полуоборотясь, и время отъ времени флегматически дѣлалъ свои замѣчанія. На вопросъ мой, кто эта интересная особа? спутникъ отвѣчалъ, что рѣшительно не знаетъ ея.

Потомъ я отвлекся отъ загадочной барышни, остальное время смотрѣлъ или на скромную брюнетку, или на пейзажъ, который въ эту минуту былъ дѣйствительно недуренъ. Съ одной стороны холмистый берегъ, по которому жмутся крестьянскія хижины; а на самомъ высокомъ мѣстѣ красивый каменный домъ помѣщика, окруженный яркою зеленью сада; далѣе въ перспективѣ еще нѣсколько деревень и церквей; на другой сторонѣ песчаная отлогость, и за нею городъ Спаскъ. Тамъ и сямъ по водѣ скользили челноки рыболововъ; двѣ лодки, биткомъ набитыя женскимъ поломъ съ красными платками на головахъ, на встрѣчу намъ пересѣкали рѣку; оттуда неслись веселыя пѣсни; мнѣ сказали, что это Старо-Рязанскія крестьянки, которыя ѣздили въ луга доить коровъ и теперь возвращаются домой. Картина, какъ водится, освѣщалась послѣдними лучами заходящаго солнца.

Когда мы пристали къ берегу, тройка съ тарантасомъ вскорѣ исчезла изъ виду. Я бросилъ послѣдній взглядъ на брюнетку, на пейзажъ, и помѣстился опять за спиною почтеннаго засѣдателя.

— А вѣдь я узналъ, что эта была за штука въ тарантасѣ!—сказалъ онъ между прочимъ.

Хотя подробности, сообщенныя мнѣ, и были интересны; однако я опускаю ихъ изъ уваженія къ прекрасному полу.

Услыхавъ, что отецъ Тихомирова еще живъ, я отыскалъ его домъ; въ темнотѣ взобрался на лѣстницу, и вошелъ прямо въ комнату.

— Кто это? спросилъ хозяинъ, напрягая свое ослабѣвшее зрѣніе.

Я заговорилъ о покойномъ сынѣ и его трудахъ. Старикъ замѣтно оживился, посадилъ меня и началъ о немъ разсказывать; вскорѣ вошла мать и также охотно приняла участіе въ нашемъ разговорѣ. Какъ неотразимо вліяніе науки даже и на окружающія лица! Занятія молодаго археолога наложили особенную печать и на его близкихъ. Старикъ, хотя безпрестанно упоминалъ о томъ, что онъ человѣкъ неученый, однако очень дѣльно пересказалъ мнѣ исторію своего сына, его страсть къ ученію и археологическія изслѣдованія. Школьное образованіе покойнаго Тихомирова ограничилось только приходскимъ училищемъ, потому что уѣзднаго въ Спаскѣ нѣтъ; онъ началъ заниматься науками по собственной охотѣ, много читалъ, нѣкоторое время даже писалъ стишки; но потомъ исключительно обратился къ исторіи и древностямъ; собиралъ и разбиралъ рукописи; скупалъ медали, монеты и другія старинныя вещи, которыя большею частію отсылалъ въ Общество Исторіи и Древностей. Ему было не болѣе 19 лѣтъ отъ роду, когда онъ предпринялъ свои археологическія изысканія на мѣстѣ Старой-Рязани. Торговыя обстоятельства въ послѣдствіи отвлекли его отъ любимыхъ занятій; онъ уѣхалъ въ Сибирь, и тамъ умеръ на золотыхъ пріискахъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

На другой день, часовъ въ десять утра, я оставилъ Спаскъ и еще разъ посѣтилъ Старо-Рязанскій городокъ. Такъ какъ этотъ день приходился въ канунъ ярмарки, то вся улица села и часть городка были уже загромождены палатками и возами съ различными произведеніями сельской промышленности, между которыми главную роль играло большое количество глиняной посуды. По этому пространству взадъ и впередъ сновали толпы бабъ и мужиковъ; шуму и брани было, какъ говорится, вдоволь; громче всѣхъ кричали цыгане на своемъ непонятномъ языкѣ. Тутъ же нерѣдко можно было натолкнуться на двухъ или трехъ пріятелей, которые съ смутными глазами, съ шапками на бекрень или совсѣмъ безъ шапокъ, обнявъ другъ друга, качались изъ стороны въ сторону; они или произносили несвязныя рѣчи въ родѣ увѣренія въ дружбѣ, или хриплымъ голосомъ затягивали начало то той, то другой пѣсенки. Между прочимъ мнѣ встрѣтилось десятка два крестьянокъ, которыя несли въ рукахъ по кувшинчику съ земляникой. Купивъ ягодъ у одной изъ нихъ, я полюбопытствовалъ узнать, изъ-за чего имъ было тащиться на ярмарку

кимъ ничтожнымъ товаромъ. Оказалось, что товаръ для нихъ не вляетъ главнаго интереса; что они пришли собственно на людей по-ѣть и себя показать, потому что ихъ дѣло бабье, и онѣ въ своей нѣ живутъ, свѣта Божьяго не видятъ.

олюбовавшись опять далекимъ горизонтомъ съ высокаго берега, я вилъ свои стопы въ селеніе Исады, которое также относится къ ическимъ мѣстностямъ нашего края. Оно лежитъ верстахъ въ 7 отъ й-Рязани, славится своимъ красивымъ мѣстоположеніемъ, и какъ ятъ, служило чѣмъ-то въ родѣ загороднаго увеселительнаго пріюта Рязанскихъ князей.

о мною поравнялся мальчикъ съ двумя крестьянскими клячами; на онъ сидѣлъ верхомъ, а другую держалъ въ поводу. Мнѣ тотчасъ ла счастливая мысль — сократить время путешествія до Исадъ; я овилъ мальчика и за небольшое вознагражденіе вскарабкался на сво-ю лошадь. Это путешествіе верхомъ заключало много комическаго. ѣдланная кляча имѣла очень тряскую рысь, такъ что я, сгорбившись, рыгивалъ на ея спинѣ какъ мячикъ, придерживая одною рукою ружье дташъ, а другою распущенный зонтикъ, потому что имѣлъ обыкно-спимать фуражку и защищаться имъ отъ солнечнаго зноя. Въ то ремя я долженъ былъ крѣпко тянуть поводъ и никакъ не опускать свободно; въ противномъ случаѣ мой Россинантъ тотчасъ повертывалъ торону, и преспокойно начиналъ щипать траву, не обращая ни ма-наго вниманія на своего всадника. Меня очень забавляла мысль, въ й странной формѣ можно иногда встрѣтить путешественника, имѣю-археологическія цѣли.

Невдалекѣ отъ Исадъ, въ полѣ до сихъ поръ видно нѣсколько де-евъ, которыя можно принять за остатки нѣкогда густой рощи. Здѣсь-говоритъ преданіе, совершилось самое черное дѣло въ древней Рязан-исторіи. Въ 1217 г. 20-го іюля восемь молодыхъ князей, всѣ братья ые или двоюродные, съ многочисленною свитой собрались попировать патрахъ, раскинутыхъ подъ тѣнью вязовъ; но веселье кончилось по-ми крови: шестеро князей вслѣдствіе заговора двухъ остальныхъ, и изрублены со множествомъ своихъ слугъ. Преступленіе однако ока-сь напраснымъ: убійцы не достигли своей цѣли.

Мѣстоположеніе самаго селенія, потонувшаго въ зелени садовъ, дѣй-тельно очень красиво, особенно съ другаго берега Оки. Край хол-на которомъ расположены церковь и помѣщичій домъ, показалось , имѣетъ не совсѣмъ естественную форму, и я думалъ видѣть въ ъ слѣды насыпи или искусственнаго обрыва; впрочемъ, болѣе нѣтъ

никакихъ причинъ утверждать, будто здѣсь существовали нѣкогда укрѣпленія.

Исады были крайнимъ пунктомъ моей прогулки внизъ по Окѣ. Отсюда я повернулъ назадъ, миновалъ Старую-Рязань, и вышелъ на большую дорогу въ Пронскъ, чтобы коснуться праваго берега Оки, именно въ томъ мѣстѣ, гдѣ она образуетъ упомянутую дугу. Вправо отъ дороги, въ полѣ замѣтенъ небольшой курганъ съ довольно страннымъ названіемъ «Чалая Могила». Съ этимъ именемъ связано слѣдующее преданіе: въ древности какой-то князь—а по расказамъ крестьянъ богатырь,—ѣздившій обыкновенно на чалой лошади, близь этого мѣста вышелъ на поединокъ съ своимъ соперникомъ; но вслѣдствіе хитрости врага онъ былъ побѣжденъ и убитъ вмѣстѣ съ конемъ. Мѣсто, гдѣ погребенъ его конь, съ того времени стало называться «Чалая Могила». Это преданіе, вѣроятно, имѣетъ историческую основу и указываетъ на какой-нибудь эпизодъ изъ княжескихъ междоусобій.

Далѣе, верстахъ въ пяти отъ Старой-Рязани, между селами Клименты и Никитино, при самомъ впаденіи въ Оку рѣки Прони, сохранилась еще значительная часть вала. Это мѣсто извѣстно въ окрестностяхъ подъ общимъ названіемъ городка или городца. Со стороны берега площадь его почти вся осыпалась внизъ.

Имѣя цѣлію отдохнуть, и въ надеждѣ услыхать еще кое-какія подробности относительно означенныхъ мѣстъ, я зашелъ въ деревню Никитино. На этотъ разъ судьба мнѣ явно покровительствовала. Проходя по деревнѣ, вижу на одномъ крыльцѣ сидящаго старика съ длинною бѣлою бородой, и подлѣ него молодую женщину съ маленькою дѣвочкой на рукахъ. Я тотчасъ обратился къ женщинѣ съ вопросомъ, не можетъ ли она принести мнѣ молока. Крестьянка изъявила готовность исполнить мое желаніе, и, посадивъ дѣвочку на колѣна своего сосѣда, отправилась за молокомъ. Отвѣтивъ на вопросы почтеннаго старца, откуда и куда меня Богъ несетъ, я въ свою очередь перешелъ въ наступательное движеніе, и прежде всего спросилъ:

— Сколько тебѣ, дѣдушка, лѣтъ?

— Да ужь забылъ, мой свѣтъ, не помню сколько,—отвѣчалъ онъ;— я былъ еще при царицѣ, и женился, она еще, матушка, была жива.

Потомъ онъ вспомнилъ, что бѣгалъ мальчикомъ, когда большіе разсказывали другъ другу, «какъ Пугачева поймали»; далѣе про Суворова замѣтилъ, что онъ «дѣйствовалъ черезъ святъ духъ». На вопросъ мой, когда же лучше жили, тогда или теперь, старикъ, подумавъ немного, отвѣчалъ, что тогда было хлѣба больше, а теперь денегъ больше; что въ ста-

рину были воеводы и они на все налагали пошлины, даже на ворота,— поэтому мужики дворовъ изъ пятнадцати ѣздили въ однѣ ворота; тогда, напримѣръ, соль никто не смѣлъ продавать, кромѣ лакеевъ воеводы, и они продавали бузунъ по 40 коп. за пудъ, и т. д.

Между тѣмъ какъ мы такимъ образомъ бесѣдовали о давноминувшихъ дняхъ, внучка сползла съ колѣнъ дѣдушки, незамѣтно очутилась въ сѣняхъ, и тамъ, ударившись обо что-то, закричала благимъ матомъ. Прибѣжала женщина съ молокомъ въ рукахъ, поставила его передо мною, и, съ сердцемъ замѣтивъ старику вѣчную небрежность, принялась утѣшать дѣвочку. Дѣдъ однако не обратилъ, повидимому, вниманія на этотъ случай и продолжалъ разсказывать мнѣ со всѣми подробностями какую-то непонятную исторію о его прежнемъ баринѣ, въ родѣ того, что, оставшись наслѣдникомъ послѣ отца, онъ собралъ мужиковъ и произнесъ къ нимъ рѣчь, въ которой обѣщалъ разныя льготы; но потомъ уѣхалъ въ Петербургъ, и, кажется, ничего не исполнилъ. Когда же я навелъ разговоръ на времена болѣе отдаленныя, то узналъ, что первый царь былъ Давидъ; а когда зашла рѣчь о Петрѣ Великомъ, оказалось, будто и онъ былъ также «съ первоначала вѣку».

Относительно городца, лежащаго при впаденіи Прони, старикъ сообщилъ мнѣ, что лѣтъ 40 тому назадъ охотники отыскивать клады копали тамъ землю и нашли каменный сводъ, совершенно пустой. Преданіе о богатырѣ, ѣздившемъ на чалой лошади, въ этотъ разъ связывалось съ тремя сосѣдними мѣстностями, а именно: жилъ онъ въ Старо-Рязанскомъ городкѣ и тамъ зарывалъ свои сокровища, а городецъ, въ которомъ найденъ каменный сводъ, былъ не что иное какъ кладбище, которое онъ для себя приготовилъ; конь же его погребенъ, какъ извѣстно, подъ Чалою Могилой.

Около пяти часовъ я простился съ словоохотливымъ старожиломъ и продолжалъ свой путь по Пронской дорогѣ.

Вечеромъ того же дня судьба устроила для меня любопытное стеченіе обстоятельствъ. Когда я спускался съ одного пригорка возлѣ берега Прони, на встрѣчу мнѣ шагомъ поднималась тройка вороныхъ коней, запряженныхъ въ легкую пролетку. Въ пролеткѣ сидѣлъ господинъ, наружность котораго показалась мнѣ довольно замѣчательною, хотя онъ былъ уже не первой молодости. Длинные черные волосы и огромные усы прекрасно оттѣняли блѣдныя, выразительныя черты лица; на немъ надѣты были темный чекмень въ родѣ тѣхъ, которые носятъ ратники, и фуражка такого же цвѣта. Несмотря на траурный характеръ костюма и меланхолическое выраженіе физіономіи, живые черные глаза обнаруживали присутствіе еще пылкой натуры.

Пройдя версты двѣ лугами, я опять встрѣтилъ пригорокъ, по которому лежала небольшая деревенька; на концѣ ея стоялъ хорошенькій помѣщичій домикъ. Окна были растворены; вѣтеръ свободно игралъ малиновыми занавѣсками; но въ домѣ незамѣтно было ни одной живой души. Я спросилъ какъ называется деревенька, и кому она принадлежитъ? Едва крестьянинъ успѣлъ произнести фамилію помѣщика, какъ вдругъ мнѣ пришли на память только-что встрѣченный господинъ и вчерашняя блондинка.

Отъ устья Прони я повернулъ на югозападъ прямо къ городу Пронску. Осмотрѣвъ этотъ древній городокъ, я отсюда воротился въ губернскій городъ Рязань, перерѣзавъ полосу земли между Окою и Пронею. Но эта часть пути не была мною своевременно записана: такъ какъ главное свое вниманіе я посвятилъ берегамъ Оки.

*

Отдохнувъ съ недѣлю послѣ первой прогулки, я снова собрался въ путь, предполагая обойти остальную часть полосы, заключенной между берегами Оки, Осетра и Прони.

Въ этотъ разъ я оставилъ дома ружье и всѣ охотничьи снаряды, какъ излишнее бремя; прикрѣпилъ къ поясу небольшую кожаную сумку, наполненную только самыми необходимыми вещами, перекинулъ опять черезъ плечо свой плащъ, и съ неизмѣннымъ зонтикомъ въ рукахъ направилъ шаги черезъ Троицкую слободу по старой Зарайской дорогѣ. На концѣ слободы я миновалъ небольшой Троицкій монастырь, расположенный возлѣ рѣчки Павловки, впадающей въ Трубежъ. Объ этомъ монастырѣ исторически извѣстно только то, что въ 1685 г. онъ былъ возобновленъ стольникомъ Вердеревскимъ. Впрочемъ существуетъ еще преданіе будто преподобный Сергій Радонежскій, приходившій въ 1385 г. въ Переяславль-Рязанскій, чтобы помирить Димитрія Донскаго съ злѣйшимъ его врагомъ Олегомъ, не явился прямо въ княжескій дворецъ, а переночевалъ въ Троицкой обители, которая въ то время была еще деревянная.

Съ мостика, который прямо за монастыремъ перекинутъ черезъ Павловку, я повернулъ направо, и пошелъ берегомъ Трубежа. Луга за рѣкою кипѣли народомъ, потому что сѣнокосъ былъ въ полномъ разгарѣ: косцы дружными размахами рѣзали высокую траву, а бабы и дѣвки проворно сгребали въ копна свѣжее сѣно. За лугами виднѣлись песчаные бугры, окружающіе селеніе Борки; послѣднее замѣчательно въ историческомъ отношеніи тѣмъ, что оно стоитъ на мѣстѣ Богоявленскаго монастыря,

который встрѣчается въ письменныхъ памятникахъ XV вѣка *. Далѣе тропинка шла вдоль рѣчки Быстрицы, которая впадаетъ въ Оку,— но только весною; тогда по ней бываетъ даже значительный сплавъ лѣса, а теперь она представляла не болѣе какъ рядъ маленькихъ озеръ. Быстрица течетъ по самому краю широкой Окской долины и омываетъ подошву ея праваго берега, который у села Конищева, т.-е. верстъ за пять отъ Рязани, круто поднимается и идетъ далѣе почти не прерываясь. По окраинѣ этой возвышенности лежитъ рядъ деревень, какъ-то: Конищево, Семчино, Недостоево, Малое Городище и пр. Съ луговъ, по которымъ я шелъ, видъ на эти селенія былъ довольно живописенъ. Ненадежный песчано-глинистый грунтъ заботливо укрѣпленъ деревьями, которыя въ одиночку разбѣгаются по всему спуску, а мѣстами собираются въ маленькія рощи.

Начало новаго путешествія, также какъ и перваго, произвело на меня пріятное впечатлѣніе: ясная, но не знойная погода, веселая дѣятельность на лугахъ, и въ добавокъ легкость костюма, теперь нисколько не стѣснявшаго моихъ движеній,— все это сообщало моему странствованію характеръ загородной прогулки. Любуясь то тою, то другою стороной горизонта, я не замѣтилъ времени, какъ прошелъ десяти или двѣнадцативерстное разстояніе и повернулъ въ село Малое Городище. Читатель, конечно, уже догадался, почему именно этотъ пунктъ былъ избранъ мѣстомъ перваго отдыха. Я напередъ зналъ, что кромѣ названія не найду здѣсь никакихъ остатковъ старины, но питалъ надежду подслушать какое-нибудь преданіе, связанное съ этимъ названіемъ; поэтому я поднялся на холмъ, и, очутившись посреди села, спросилъ, есть ли тутъ постоялые дворы. Мнѣ указали единственный домъ, гдѣ пускаютъ проѣзжающихъ.

Я прямо вошелъ въ избу, и обратившись къ двумъ бабамъ, сидѣвшимъ на лавкѣ, попросилъ поставить самоваръ. Одна изъ нихъ, женщина лѣтъ тридцати на видъ, съ угловатыми чертами лица, имѣвшаго довольно суровое выраженіе, оказалась хозяйкою, и молча, какъ бы нехотя, стала разводить неуклюжій, почернѣвшій отъ времени самоваръ. Между тѣмъ сосѣдка ея, бойкая, маленькая старушка, тотчасъ же напала на меня съ распросами: кто? куда? откуда? за чѣмъ? Я сказалъ, что иду въ Радовицкій монастырь; но неудовлетворенная уклончивыми отвѣтами, она пустилась въ различныя предположенія на мой счетъ, напрасно стараясь вызвать болѣе откровенныя объясненія съ моей стороны. Особенно

* Рязан. Вѣд. 1855 г., № 43.

ей казалось неестественнымъ то, что я отправлялся пѣшъ и притомъ совершенно одинокъ, между тѣмъ какъ богомольцы обыкновенно путешествуютъ туда во множествѣ. Тутъ же разсказанъ былъ довольно не забавный анекдотъ о томъ, какимъ образомъ въ Мещерскомъ лѣсу недавно ограбили одного, подобнаго мнѣ, странника. Къ счастію, вниманіе докучливой разскащицы отвлекла отъ меня одна маленькая шалунья, которая начала играть холстами ея, разостланными на улицѣ на травѣ, и старуха опрометью бросилась изъ избы. Хозяйка вообще мало принимала участія въ нашемъ разговорѣ; на счетъ упомянутаго анекдота она, однако, выразила сомнѣніе, и очень дѣльно замѣтила, что прежде такіе случаи бывали, а теперь, какъ пошли вездѣ становые, не только разбойникамъ, но и ворамъ негдѣ завестись.

Кромѣ означенныхъ лицъ въ избѣ находилось еще одно существо— маленькая дѣвочка лѣтъ двухъ или трехъ, которая сидѣла на лавкѣ и нѣсколько разъ принималась плакать. Хорошенькія черты ея личика и грустное, болѣзненное выраженіе возбудили во мнѣ живое участіе. Мать по временамъ подходила къ дѣвочкѣ, совала ей въ руку какую-нибудь игрушку въ родѣ ключей, и вообще занималась ей какъ-то отрывочно. Малютка схватывала предметъ, вертѣла его нѣсколько минутъ, и опять начинала плакать своимъ слабымъ голосомъ.

— Дѣвочка-то совсѣмъ околѣваетъ! проговорила мать, нахмуривъ брови и принимаясь за какое-то шитье.

— Что она, больна чѣмъ-нибудь? спросилъ я.

— Да, больна.

— Что жъ такое у ней?

— Да и сама не знаю что: тоскуетъ все, должно умереть собирается.

— А жаль ее, дѣвочка-то славная.

— И! ну ихъ къ Богу.

— Развѣ тебѣ не жалко?

— Что въ нихъ толку! Ишь нонче времена какія! Хлѣбъ сталъ дорогой, а дѣвкамъ еще приданое надо готовить.

— Сколько у тебя всѣхъ дѣтей?

— Да вотъ всѣ тутъ.

Она указала еще на двухъ бѣлокурыхъ мальчиковъ, которые за минуту передъ тѣмъ вбѣжали въ избу и съ веселымъ смѣхомъ продолжали возиться въ углу, стараясь ухватить другъ друга за волосы.

— Какъ будто это много!

Потомъ, приближаясь по возможности къ образу выраженія и къ понятіямъ простонародія, я началъ усовѣщевать хозяйку; говорилъ, что

немного нужно для того, чтобы дѣти были сыты; что о приданомъ заботиться совсѣмъ излишнее; что дѣти мрутъ у нихъ отъ плохаго присмотра; что надобно ихъ держать опрятнѣе.

— Вотъ дѣвочка-то какая у тебя чумазая! прибавилъ я въ заключеніе. Ты развѣ не знаешь, что отъ нечистоты у маленькихъ скорѣе всего зарождаются болѣзни.

Женщина слушала меня молча и, повидимому, съ большимъ вниманіемъ.

Съ той минуты, какъ предо мною былъ поставленъ самоваръ, маленькая Варя—такъ звали дѣвочку—затихла, и внимательно стала смотрѣть въ мою сторону. Я позвалъ ее пить съ собою чай. Малютка тотчасъ встрепенулась и побѣжала ко мнѣ по лавкѣ. Мать менѣе суровымъ голосомъ замѣтила при этомъ, что она большая охотница до чаю. И дѣйствительно, благодѣтельный напитокъ сблизилъ насъ очень скоро; чрезъ нѣсколько минутъ я совершенно подружился съ дѣвочкой, и хозяйка посматривала на насъ уже съ улыбкой.

Что касается до преданій, которыя я надѣялся подслушать, то за отсутствіемъ мужчинъ, занятыхъ сѣнокосомъ, поневолѣ приходилось обращаться къ бабамъ. Но оказалось, что изъ этого источника можно почерпнуть очень немногое. Сидя за чаемъ, я разговорился съ хозяйкою объ ихъ селѣ, и между прочимъ спросилъ, не знаетъ ли она, отъ чего ему дано такое странное названіе: «Городище».

— Да мужики говорятъ, что въ старину тутъ городъ былъ, отвѣчала она.

— Ну что же они еще разсказываютъ объ этомъ?

— Я, признаться, сама не знаю что. Бываетъ на-пору мужики соберутся, болтаютъ, что тутъ былъ городъ; а наше бабье дѣло, мы не слушаемъ, что они тамъ болтаютъ.

Далѣе я узналъ только, что Малое Городище называется почему-то Перекальскимъ; а болѣе ничего не могъ добиться отъ своей собесѣдницы. Спустя нѣсколько минутъ, въ избу вошла прежняя старуха. Хозяйка, какъ видно недовольная тѣмъ, что не могла удовлетворить моему любопытству, тотчасъ сдѣлала ей вопросъ:

— Ѳедотьевна! ты не слыхала? вотъ баринъ хочетъ знать, что мужики разсказываютъ про наше село? какой въ старину тутъ городъ былъ?

— Ии нашла у кого спрашивать! Мало ли, что мужики врутъ! Да вотъ Лука Иванычъ. Спроси у него, можетъ онъ знаетъ, прибавила старуха, указывая на вошедшаго вслѣдъ за нею высокаго мужчину въ длиннополомъ кафтанѣ. Подъ затылкомъ у него торчала маленькая коса, которая тотчасъ обнаруживала присутствіе сельскаго пономаря.

Но оказалось, что и Лука Иванычъ ничего не знаетъ.

Услыхавъ, что въ томъ же селѣ становой имѣетъ квартиру, я отправился къ нему, и нашелъ огромнаго роста полнаго господина въ бѣломъ парусинномъ пальто; Русскій разговоръ его немедленно обличилъ Нѣмецкое происхожденіе. Этотъ господинъ сообщилъ мнѣ, что въ его стану древностей, кажется, нѣтъ, исключая одного стариннаго Евангелія; что онъ, впрочемъ, служитъ здѣсь недавно, и потому не могъ еще всего хорошенько развѣдать.

Когда я воротился на постоялый дворъ, хозяйка оправляла чистую рубашечку на маленькой Варѣ, у которой по волосамъ еще струилась влага; а личико сдѣлалось гораздо бѣлѣе, чѣмъ прежде. Эта перемѣна съ удовольствіемъ была замѣчена мною.

— Да что же, вода-то горячая осталась! проговорила мать сквозь зубы, впрочемъ безъ прежней суровости.

«Добрый знакъ!» подумалъ я, мои слова не пропали даромъ, и началъ собираться въ путь. Малютка подбѣжала ко мнѣ и устремила на меня свои большіе темные глаза. Не имѣя съ собою никакикъ красивыхъ бездѣлокъ, я подалъ ей монету съ словами: «Вотъ тебѣ игрушка на память обо мнѣ». Она взяла молча, и пошла показывать Ѳедотьевнѣ, которая замѣтила при этомъ, что дѣвка совсѣмъ было слегла, а теперь какъ будто оживѣла.

— Авось и совсѣмъ поправится съ вашей легкой руки,—заключила старуха.

— Заходите оттуда опять чайку попить съ нею! сказала хозяйка уже смягченнымъ голосомъ.

— Зашелъ бы, да я назадъ пойду другою дорогой.

— Эко горе какое наше! прибавила она, обращаясь къ дочери и гладя ее по головѣ.

— Прощай, Варя, будь здорова! сказалъ я, цѣлуя дѣвочку.

Крошка продолжала стоять на томъ же мѣстѣ, поднявъ немного руки, и молча смотрѣла мнѣ вслѣдъ.

Изъ Малаго Городища я направилъ путь чрезъ Ходынино и Раменки на деревню Ѳедякино, и такимъ образомъ миновалъ изгибъ Оки въ томъ мѣстѣ, гдѣ она течетъ между двумя монастырями, Богословскимъ и Солотчинскимъ. Монастыри эти, замѣчательные въ историческомъ и археологическомъ отношеніи, я посѣтилъ въ прошломъ году, и потому они не входили въ планъ моего настоящаго путешествія.

Солотчинская обитель, лежащая на лѣвой сторонѣ Оки, верстахъ въ 20 отъ Рязани, основана въ 1390 г. великимъ княземъ Рязанскимъ Олегомъ

Ивановичемъ; здѣсь же онъ принялъ схиму и окончилъ свою бурную жизнь въ 1402 г. Недалеко отъ Солотчинской обители существовалъ прежде женскій Зачатейскій монастырь, въ которомъ также постриглась и скончалась супруга Олега, Евпраксія. Останки князя и княгини, какъ говоритъ преданіе, были впослѣдствіи положены въ одну гробницу, которая стояла въ Покровской церкви Солотчинскаго монастыря. Но въ 1770 г. церковь эта отъ обвала песчаной земли обрушилась подъ гору къ рѣкѣ Солотчѣ, и по указу Св. Сѵнода гробница перенесена въ храмъ Рождества Пресвятыя Богородицы. Здѣсь и теперь еще сохраняется кольчуга или рубашка Олега, сдѣланная изъ стальныхъ колецъ прекрасной работы. Эта рубашка составляетъ предметъ особеннаго почитанія для окрестныхъ поселянъ, которые до сихъ поръ совершаютъ панихиды по князѣ и княгинѣ. Въ такомъ уваженіи отдаленнаго потомства къ памяти Олега, конечно, нельзя не видѣть его важнаго значенія въ исторіи Рязанскаго края *.

Что касается до Богословскаго монастыря на правомъ берегу Оки, въ 25 верстахъ отъ Рязани,—то, судя по преданію, связанному съ нимъ, онъ существовалъ еще въ началѣ XIII столѣтія. Это преданіе разсказываетъ, что здѣсь находилась икона Іоанна Богослова, написанная въ Царьградѣ какимъ-то Гусаремъ, что въ 1237 г. Батый, приближаясь къ обители, былъ устрашенъ видѣніемъ Іоанна Богослова, и, приложивъ къ его образу свой гербъ и золотую печать, оставилъ монастырь неприкосновеннымъ. Отъ образа уцѣлѣла только ручка, потому что онъ былъ запрестольный; а золотая печать употреблена въ XVII вѣкѣ архіепископомъ Мисаиломъ на позлащеніе водосвятной чаши, которая въ настоящее время хранится въ ризницѣ Успенскаго каѳедральнаго собора.

Солнце уже садилось, когда я пришелъ въ Ѳедякино. Мѣстность этого селенія мнѣ чрезвычайно понравилась; оно расположено на двухъ высокихъ холмахъ, раздѣленныхъ глубокою лощиною и оврагами, которыхъ бока поросли большимъ кустарникомъ. Когда я спустился на дно лощины и посмотрѣлъ вверхъ, то мнѣ показалось, что я вдругъ очутился посреди какихъ-то горъ: подобное увлеченіе, конечно, свойственно жителю равнинъ, который почти никогда не покидалъ внутренней Россіи, и видѣлъ только такъ называемыя Воробьевы горы. Отсюда я поспѣшилъ въ ближнее село Вакино, гдѣ предположилъ мѣсто своего почлега, потому что недалеко отъ него долженъ былъ находиться запустѣвшій городокъ. Сумерки уже налегли на окрестности; вправо отъ меня едва можно было

* Солотчинскій монастырь богаче всѣхъ другихъ въ Рязанской губерніи своими письменными памятниками. См. „Акты Историч.“, „Рязан. Вѣд. 1844 г.“, и „Собраніе древнихъ Актовъ Рязанскаго края“. Пискарева. 1854 г.

различить долину Оки, а за нею неизмѣнный берегъ, по которому чернѣлся безконечный лѣсъ.

Вакино—верстъ 35 отъ Рязани—лежитъ въ сторонѣ отъ всѣхъ проѣзжихъ дорогъ, и потому мнѣ невдругъ удалось отыскать себѣ ночной пріютъ. Судя по одной, дошедшей до насъ грамотѣ 1649 г., жители Вакина не отличались прежде миролюбивымъ характеромъ въ отношеніи къ своимъ сосѣдямъ; а именно, рыболовы ближняго села Сельцы приносили жалобу Царю Алексѣю Михайловичу на то, что Вакинскіе крестьяне напали на нихъ, прибили и отняли у нихъ рыбу со всѣми рыболовными снастями. Жалоба оканчивается просьбою не оставить безъ вниманія ихъ челобитье, «чтобы намъ сиротамъ твоимъ отъ тѣхъ крестьянъ впредь въ конецъ непогибнуть и твоей государевой рыбной ловли неотбыть, Царь Государь смилуйся, пожалуй!» *.

Переступивъ околицу, я увидалъ нѣсколькихъ стариковъ и старухъ, сидѣвшихъ на завалинкѣ, и спросилъ у нихъ, кто тутъ пускаетъ ночевать. Освѣдомившись предварительно, откуда я, и подивившись моему пѣшему хожденію, они показали мнѣ на одинъ домъ. На мой стукъ изъ окна высунулась какая-то толстая баба, посмотрѣла на меня нѣсколько времени, и потомъ объявила, что хозяинъ пьянъ. Противъ этого я не могъ ничего возразить, и подошелъ къ колодцу, около котораго собралась толпа крестьянокъ съ ведрами. Одна изъ нихъ вошла въ мое положеніе, и отправила со мною мальчика, который долженъ былъ указать ея дворъ.

Когда я вошелъ въ ворота, меня встрѣтило довольно непріятное впечатлѣніе. Представьте себѣ тѣсный, нечистый дворикъ съ полураскрытыми сараями; посреди его на перекладинѣ висѣлъ за заднія ножки только что зарѣзанный баранъ, около котораго съ ножемъ въ рукахъ возился рыжій приземистый мужикъ; внутренности барана распространяли вокругъ самый тяжелый запахъ.

— Что надо? спросилъ мужикъ, нахмуривъ брови и продолжая свою работу.

— А вотъ, любезный, пришелъ къ тебѣ ночевать. Что, есть ли у тебя сѣно?

— Какое сѣно?

— Гдѣ бы можно было спать.

— Начальству надо доложить, пробормотала рыжая борода, помолчавъ немного. А такъ у насъ не велѣно пускать.

— Кто же у васъ тутъ начальникъ?

---

* Рязан. Вѣд. 1853 г., № 30.

— Бурмистръ.

Счастливая мысль мелькнула у меня въ головѣ.

— Гдѣ бурмистръ?—сказалъ я рѣшительнымъ тономъ—ведите меня къ нему.

Отыскавъ домъ начальника, я постучалъ въ окно, и громкимъ голосомъ спросилъ: «Дома ли бурмистръ?» Нѣсколько секундъ спустя, въ калиткѣ показался средняго роста мужикъ съ темнорусою бородкой въ синей клѣтчатой рубахѣ и въ сапогахъ на подобіе ботфортъ.

— Ты бурмистръ?

— Я бурмистръ. Что вашей милости будетъ угодно?

Послѣ краткаго объясненія, въ которомъ очень кстати было упомянуто объ открытомъ листѣ, я потребовалъ, чтобы онъ указалъ мнѣ, гдѣ можно найти сѣно для ночлега и чашку молока для подкрѣпленія силъ. Бурмистръ тотчасъ же предложилъ къ моимъ услугамъ барскій домъ, остававшійся пустымъ, потому что помѣщикъ живетъ постоянно въ Петербургѣ. Я, разумѣется, не имѣлъ причинъ отказаться отъ этого предложенія, и мы отправились.

Минутъ пять спустя, ко мнѣ явился конторщикъ — человѣкъ очень почтенной наружности, съ головой, обнаженною отъ волосъ, и съ чрезвычайно учтивымъ выраженіемъ физіономіи. Прочитавъ мой листъ, онъ попросилъ позволенія его списать, очинилъ перо и тщательно занялся исполненіемъ своего желанія *. Между тѣмъ я утолялъ голодъ прекраснымъ густымъ молокомъ, и распрашивалъ бурмистра, есть ли тутъ подлѣ городокъ, въ какомъ видѣ и что о немъ разсказываютъ? Оказалось, что дѣйствительно есть, верстахъ въ трехъ отъ Вакина; но больше этого онъ ничего не могъ мнѣ сообщить.

Когда все было устроено для моего отдохновенія, и я выразилъ готовность перейти въ объятія Морфея, начальство села Вакина удалилось изъ комнаты со всѣми признаками глубокаго уваженія. У дверей однако остался для услугъ какой-то мальчикъ съ мѣдною бляхой на груди. На вопросъ мой:

— Ты что за человѣкъ?

— Я соцкій,— отвѣчалъ онъ.

— Какъ соцкій! Сколько же тебѣ лѣтъ.

— Да ужъ годовъ двадцать пять будетъ.

---

* Этотъ открытый листъ, оказавшій мнѣ на сей разъ немалую услугу, былъ выданъ мнѣ графомъ Д. Н. Толстымъ, временно управлявшимъ тогда Рязанской губерніей. Извѣстно, что покойный графъ самъ съ любовью занимался Русской археологіей. *Позднѣйшее примѣчаніе автора.*

— Что жъ ты женатъ?

— Нонче передъ масляной только женился.

— Ну хорошо, любезный, ступай спать.

Когда кругомъ водворились мракъ и тишина, до меня стали долетать звуки какого-то неяснаго разговора. Я подошелъ къ растворенному окну, и увидалъ группу изъ нѣсколькихъ мужчинъ, собравшихся на дворѣ, которые съ жаромъ о чемъ-то разсуждали. Можно было разобрать только слова: «спрашивалъ.... городокъ.... завтра.... графъ....» Ясно, что бѣдные Вакинцы были очень озадачены моимъ посѣщеніемъ и рѣшительнымъ желаніемъ видѣть городокъ, а судя по нѣкоторымъ примѣтамъ, едва ли они не приняли меня за инкогнито, имѣющее къ нимъ болѣе близкое отношеніе, нежели простой путешественникъ.

На другой день, часовъ въ шесть утра, я оставилъ гостепріимный барскій домъ. Бурмистръ и конторщикъ проводили меня съ тѣми же признаками глубокаго уваженія, къ которому, впрочемъ, примѣшивалось удивленіе относительно моего образа путешествія.

Отошедши версты двѣ отъ села Вакина, изъ опасенія пройти мимо городка и не замѣтить его, я свернулъ вправо къ рѣкѣ и сталъ пробираться по буграмъ сквозь частый кустарникъ. Наконецъ я набрелъ на три холма, которые были свободны отъ кустовъ и имѣли не совсѣмъ естественную форму. Около одного изъ нихъ, самаго высокаго, лежитъ овальное, обрытое кругомъ, кладбище, теперь уже оставленное; на камняхъ здѣсь не нашлось ни одной надписи. Парень, косившій по близости траву, сообщилъ мнѣ, что за нѣсколько десятковъ лѣтъ тутъ стояла еще ветхая церковь; но потомъ ее перевели въ Вакино.

Отсюда я направилъ шаги къ деревнѣ Перевитску, подлѣ которой надѣялся видѣть остатки города того же имени, нѣкогда одного изъ самыхъ значительныхъ удѣловъ Рязанскаго княжества. Проселочная дорога шла постоянно зигзагами; она или терялась между полями, покрытыми высокою жатвой, или подходила къ берегу и пролегала по его окраинѣ. Тогда передо мною на далекое пространство открывались живописные виды: внизу синею лентой извивалась красавица Ока, все такая же кокетливая и непостоянная: то нѣжится она посреди зеленыхъ луговъ; то подбѣгаетъ къ самой подошвѣ праваго берега, такъ что крутой спускъ прямо падаетъ въ воду, и кусты киваютъ надъ ней своими кудрявыми верхушками; а по той сторонѣ все чернѣетъ безконечный лѣсъ, и все бѣлѣютъ церкви села Бѣлаомута. Но вотъ встрѣтился оврагъ, или глубокая трещина, дорога вильнула въ сторону, и путникъ снова затерялся между колосьями спѣющей ржи.

Миновавъ нѣсколько деревень, я приблизился наконецъ къ Перевитску, и увидѣлъ вправо отъ дороги огромный курганъ. Несмотря на усталость, я почти бѣгомъ отправился осматривать его, потому что успѣлъ уже пріобрѣсти нѣкотораго рода манію къ подобнымъ памятникамъ. Курганъ оказался частью вала, которымъ съ трехъ сторонъ обнесена площадь городка; а съ четвертой она оканчивается вертикальнымъ обрывомъ. Валы и вся площадка въ настоящее время довольно круто понижаются къ рѣкѣ отъ упомянутаго кургана, и вѣроятно спустились уже въ позднѣйшія времена. Направо берегъ чрезвычайно холмистъ, и потому довольно живописенъ; налѣво идетъ глубокій длинный оврагъ; а за нимъ деревня, расположенная на значительной возвышенности, которая не даромъ пользуется названіемъ Перевитской горы.

Войдя въ деревню, я отыскалъ постоялый дворъ и, по обыкновенію, прежде всего позаботился о самоварѣ, потому что въ жаркое время и особенно послѣ большой прогулки чай лучше всего утоляетъ жажду. Мнѣ прислуживала молодая женщина, около которой вертѣлась цѣлая толпа маленькихъ дѣтей. Смотря на нихъ, я задавалъ себѣ вопросъ, отъ чего изъ миловидныхъ дѣвочекъ, которыя попадались мнѣ по деревнямъ въ большомъ количествѣ, выходятъ въ послѣдствіи такія некрасивыя бабы. Ясно, что черная работа, особенно полевая, искажаетъ ихъ черты и наводитъ на лице преждевременныя морщины.

Мужики, какъ извѣстно, были въ лугахъ, и опять приходилось обратиться къ женскому полу съ распросами о городкѣ. Но и въ этотъ разъ я встрѣтилъ такую же неудачу, какъ наканунѣ, и узналъ только, что прежде на томъ мѣстѣ стояла церковь.

— Развѣ старики больше ничего не разсказываютъ?—спросилъ я.

— Да у насъ старики всѣ померли.

Этотъ наивный отвѣтъ, признаюсь, показался мнѣ довольно забавнымъ, и я оставилъ дальнѣйшую попытку узнать какія либо преданія, потому что старики унесли ихъ съ собою въ могилу.

Было уже за полдень, когда я переправился чрезъ Оку и по широкимъ лугамъ направилъ шаги къ Бѣлаомоту. Въ лугахъ кипѣла самая живая дѣятельность: скошенное и собранное въ копна сѣно клали на телѣги и перевозили въ деревню. Между прочимъ мнѣ бросилось въ глаза нѣсколько женщинъ, одѣтыхъ въ какіе-то бѣлые, длинные балахоны, которые издали можно было принять за татарскія блузы; но этотъ эффектный костюмъ на самомъ дѣлѣ оказался не болѣе, какъ облегченіе, которое крестьянки позволили себѣ ради сильнаго жару; при моемъ приближеніи проказницы обыкновенно со смѣхомъ прятались за сѣно.

На лѣвой сторонѣ Оки, какъ и прежде, начиналось низменное песчаное пространство, и путешествіе становилось здѣсь довольно неудобнымъ. При входѣ въ село я нагналъ двухъ бабъ, которыя съ трудомъ плелись по глубокому песку. «О Господи! воскликнула одна изъ нихъ, спасибо, что я не лошадь! а то бы меня, гдѣ песокъ, били, били, просто забили бы до смерти; мочи нѣтъ, везти бы не могла». Ея подруга слегка подсмѣивалась надъ подобнымъ замѣчаніемъ. «Да еще хорошо, продолжала первая, если бы лошадью-то была у богатаго мужика; все бы когда овсецомъ покормилъ; а у бѣднаго, просто наказанье Божіе» и т. д.

Наружность большаго села Бѣлаомутъ (до 2,000 душъ) показывала однако, что мужики здѣсь большею частію народъ зажиточный. Такова вообще характеристика селъ, которыя мнѣ случилось видѣть въ этотъ разъ на лѣвомъ берегу Оки. Во-первыхъ, онѣ встрѣчаются гораздо рѣже, чѣмъ на правомъ, за то представляютъ болѣе значительныя массы населенія; во-вторыхъ, при недостаткѣ пахатной земли они владѣютъ обширными поемными лугами, а иногда и большимъ количествомъ лѣса; но главное—между ними замѣтно развита промышленная дѣятельность; особенно это относится къ селамъ: Бѣлаомуту, Ловцамъ, Любицамъ и Дѣднову.

Хозяинъ дома, въ который я зашелъ, имѣлъ мясную лавку, и отличался необыкновеннымъ проворствомъ; мѣдный поясъ, на которомъ висѣлъ широкій ножъ, обличалъ его спеціальность. Въ то же время, какъ я узналъ, онъ снималъ луговые участки у бѣдныхъ мужиковъ, и выручалъ барыши за сѣно. У него же я взялъ лошадь, и въ ночь пустился къ Радовицкому монастырю, верстъ за 20 отъ Бѣлаомута. Извощикъ мой оказался добрый, откровенный парень, который охотно разсказывалъ мнѣ все, что зналъ о сосѣднихъ мѣстахъ. Онъ нанялся въ работники къ мяснику только на время покоса; а семейство его жило въ селѣ Радовицахъ, вслѣдствіе чего эта поѣздка приходилась ему, кажется, по сердцу.

— Что жъ ты заѣдешь домой, съ женой повидаться? спросилъ я.

— Да быть, каже не заѣхать! отвѣчалъ онъ съ улыбкою.

Дорога почти все время шла лѣсомъ; небо еще съ вечера стало хмуриться; поэтому мы ѣхали въ совершенной темнотѣ. Я закрылся плащемъ отъ несносныхъ комаровъ и, убаюканный медленною ѣздою по мягкому песчаному грунту, мало-по-малу погрузился въ сладкую дремоту. Было два часа утра, когда извощикъ разбудилъ меня и объявилъ, что мы пріѣхали.

Начало Николо-Радовицкаго монастыря относится къ царствованію Іоанна Грознаго. Монастырскія вкладныя записки показываютъ, что въ XVII и XVIII вѣкахъ его щедро надѣляли какъ члены царской фамиліи,

такъ и частныя лица всѣхъ сословій *. И въ наше время эта обитель во множествѣ посѣщаема не только жителями ближнихъ Рязанскихъ уѣздовъ, но даже богомольцами изъ сосѣднихъ губерній. Монастырскія постройки, иконы и церковная утварь вообще отличаются богатствомъ своихъ украшеній, и во многомъ сохранили старинныя формы **. Мѣстоположеніе обители на берегу Радовицкаго озера, въ тѣни зеленыхъ рощъ, славится своею живописностію; но пасмурное небо въ этотъ день придавало окрестностямъ видъ довольно печальный.

Часовъ въ двѣнадцать я оставилъ монастырь и направился къ Дѣднову на двухконной телѣгѣ съ однимъ Ловецкимъ крестьяниномъ. Пошелъ дождь, сначала мелкій какъ изъ сита; но потомъ онъ становился все крупнѣе и крупнѣе. Когда мы доѣхали до деревни Нудоши, за шесть верстъ отъ Радовицъ, спутникъ мой, чтобы переждать ливень, завернулъ въ одинъ знакомый ему дворъ. Насъ радушно встрѣтила высокая худая старуха и дочь ея, не менѣе высокая женщина съ мужественною физіономіею. Несмотря на бѣдную внѣшность дома, внутри его меня пріятно поразила опрятность и признаки довольства. Хозяйка тотчасъ вынула изъ печи яичницу и что-то въ родѣ ватрушекъ, поставила самоваръ и принялась подчивать своихъ гостей. За чаемъ давно невидавшіеся знакомые вступили въ дружный откровенный разговоръ о людяхъ, мнѣ конечно неизвѣстныхъ; поэтому я исключительно занялся наблюденіемъ ихъ физіономій. Ловецкій крестьянинъ былъ небольшаго роста коренастый старикъ съ полнымъ широкимъ лицемъ, окаймленнымъ круглою бородкою; маленькіе сѣрые глаза и постоянная улыбка придавали ему очень добродушное выраженіе. Но вниманіе мое особенно привлекала наружность старухи: черные съ просѣдью волосы, смуглый цвѣтъ кожи, римскій носъ, черные углубленные глаза, впалыя щеки и большой ротъ—все это вмѣстѣ съ перваго взгляда представлялось чѣмъ-то отталкивающимъ и даже зловѣщимъ; но при ближайшемъ знакомствѣ черты ея замѣтно смягчались и принимали только умное, энергическое выраженіе. Мать и дочь одѣты были не по-крестьянски, а такъ, какъ одѣваются у насъ мѣщанки, съ фартуками, подпоясанными выше груди, что при высокомъ ростѣ дѣлало ихъ чрезвычайно неграціозными. Глядя на тощую, странную фигуру хозяйки, я уже думалъ, что открылъ какой-нибудь древній выраждающійся типъ въ этомъ Мещерскомъ захолустьѣ, и за подобное открытіе готовъ былъ помириться

---

* Рязан. Вѣд. 1851 г., №№ 9 и 10.

** Подробное описаніе этого монастыря помѣщено въ Рязан. Вѣд 1855 г., №№ 49, 50, 51 и 52.

съ дурною погодой. Впрочемъ, собесѣдники говорили чистымъ Рязанскимъ нарѣчіемъ.

Между тѣмъ дождь, хотя сдѣлался опять мельче, однако нисколько не унимался; потому, выпивъ чашекъ двадцать теплой воды, мой старикъ простился съ пріятною компаніей, и мы потащились далѣе. Дорогою, въ надеждѣ подтвердить свои наблюденія, я спросилъ у спутника, часто ли въ здѣшнихъ мѣстахъ встрѣчаются женщины, похожія на упомянутую старуху. Но старикъ тотчасъ же разочаровалъ меня, сказавъ, что только одна такая и есть.

— Они вѣдь наши Ловецкіе,—прибавилъ онъ: мужъ ея тутъ въ кузнецахъ живетъ. А это вотъ, что старуха-то, вы говорите, ей всего сорокъ пять годовъ будетъ; она у насъ испоконъ вѣку все такая худая, да желтая, и Богъ ее знаетъ, въ кого такая сухая выродилась!

«Вотъ тебѣ и Мещерскій типъ!» подумалъ я. Не дурно, по крайней мѣрѣ, что дѣло объяснилось вовремя.

— Они, кажется, хорошо живутъ, въ достаткѣ? продолжалъ я распрашивать.

— Оно не то чтобы въ достаткѣ, да хозяйка-то, выходитъ, умѣлая баба, знаетъ все какъ сдѣлать; а ужъ если кто пріѣдетъ, то подастъ всего въ волю, и любитъ угостить во какъ! Тутъ онъ поднялъ вверхъ бороду и провелъ пальцемъ по горлу.—А живутъ они не добре чтобы хорошо.

Часамъ къ шести мы оставили за собою скучную лѣсистую мѣстность, и выбрались на широкую поляну, на концѣ которой, по самому берегу Оки, раскинулось селеніе Ловцы. Самое названіе его указываетъ на старинный промыселъ жителей; въ одной грамотѣ 1626 г. онъ даже прямо называется село «Рыбные Ловцы» *.

На открытомъ мѣстѣ дулъ сильный вѣтеръ, и рѣка находилась въ большомъ волненіи, такъ что не безъ труда можно было переправиться на другую сторону. Послѣ того я пустился по лугамъ, и сдѣлавъ еще верстъ десять, весь измокшій пришелъ наконецъ въ Дѣдново. Это огромное и богатое село (болѣе 3,000 душъ) лежитъ по обоимъ берегамъ Оки верстахъ въ 60 отъ губернскаго города. Главный источникъ его богатства заключается въ значительномъ отпускѣ сѣна, которое вверхъ по Окѣ сплавляется до Коломны, а оттуда идетъ въ Москву. И дѣйствительно, сѣнокосъ еще не кончился, а уже видно было, что нѣсколько барокъ, задавленныхъ громадами сѣна, смиренно жались вдоль лѣваго берега. Въ историческомъ отношеніи имя села Дѣдова тѣсно связано съ воспоминаніями

* Рязан. Вѣд. 1853 г., № 18.

о началѣ Русскаго флота: въ 1667 г., въ царствованіе Алексѣя Михайловича, здѣсь былъ построенъ Голландскими мастерами первый Русскій корабль о трехъ мачтахъ «Орелъ», который по Окѣ и Волгѣ спущенъ въ Астрахань. Но эта попытка завести флотъ на Каспійскомъ морѣ, какъ извѣстно, кончилась неудачно: «Орелъ» былъ сожженъ Стенькою Разинымъ.

На постояломъ дворѣ я нашелъ опять одинъ только женскій полъ; мужчины по обыкновенію находились на промыслахъ. Вслѣдъ за мною сюда явилось еще нѣсколько проѣзжихъ, между которыми главную роль играли двое Коломенцевъ, именно—хозяинъ одной барки и его прикащикъ.

Хозяинъ барки—маленькій человѣкъ съ плутоватою физіономіей и съ порядочною лысиной на головѣ — былъ значительно на-веселѣ, и весь вечеръ подтрунивалъ надъ старою толстою работницей, требуя отъ нея удовлетворенія за нанесенную ему обиду. Сидя за ужиномъ, онъ безпрестанно возвращался къ тому же предмету, и такъ безсвязно повторялъ исторію этой обиды, что я только часа чрезъ полтора едва могъ понять, въ чемъ она заключалась. Года два тому назадъ пришлось ему стоять на томъ же дворѣ; вдругъ за нимъ прискакалъ нарочный съ извѣстіемъ, что барка остановилась на Бѣлоустьѣ. Онъ хотѣлъ тотчасъ же ѣхать и давалъ старухѣ какую-то бумажку; но та отвѣчала, что сдачи у нея нѣтъ, а въ то же время безъ уплаты денегъ не соглашалась его отпустить.

— Что ты будешь дѣлать съ бабой!... Я въ кабакъ... выпилъ... Вдругъ приходитъ племянникъ и говоритъ мнѣ: это, дяденька, вздоръ, что барка остановилась на Бѣлоустьѣ; по моему не надо ихъ баловать... Я вижу, племянникъ говоритъ правду.... На повѣрку-то вышло, что я и на Бѣлоустье не поѣхалъ, и денегъ не заплатилъ, а поѣхалъ въ Коломну....

Тѣмъ не менѣе чудакъ приставалъ теперь къ старухѣ, какъ она могла не повѣрить ему и оцѣнить его въ четыре съ полтиною; а для мировой требовалъ, чтобы виновная поклонилась ему въ ноги и купила косушку вина; въ противномъ случаѣ грозилъ ей, что она не умретъ. «И проживешь ты еще 120 лѣтъ, и будешь мучиться, прибавлялъ онъ,—потому что не будетъ тебѣ развязки!»

Всю эту болтовню Коломенскій краснобай сопровождалъ различными поговорками, прибаутками и уморительными гримасами, такъ что почтенная компанія помирала со смѣху, разумѣется, исключая бѣдной старухи, которая сначала пыталась отшучиваться; но уничтоженная неистощимостію своего противника, потомъ лишь только хлопала глазами. Когда мнѣ порядкомъ наскучило повтореніе все той же исторіи, я отправился на сѣновалъ—любимое мѣсто моего отдохновенія, и заснулъ подъ мирный, тихій стукъ падавшаго дождя.

Представьте себѣ мое огорченіе, когда, проснувшись на другой день, я услыхалъ все тотъ же мѣрный стукъ на крышѣ, подъ которою вчера такъ сладко заснулъ. На верху не было видно ни неба, ни солнца, ни даже облаковъ; и вмѣсто всего этого, на горизонтъ налегла какая-то сѣрая, влажная масса, изъ которой вода безпрерывно сыпалась то мелкими, то крупными каплями.

Когда я вошелъ въ избу, тамъ господствовала тихая домашняя дѣятельность: старая работница суетилась около печки; другая старуха, мать хозяина, качала въ люлькѣ маленькое дитя; молодая хозяйка шила ситцевую рубашку, вѣроятно, мужу; а подлѣ нея бѣлокурая дочка лѣтъ десяти занималась письмомъ съ одной церковной книги. Послѣднее обстоятельство, конечно, пришлось мнѣ по сердцу; но стыдливая дѣвочка никакъ не хотѣла показать своего писанья чужому человѣку и тотчасъ убѣжала за перегородку. Я сѣлъ у окна, и въ раздумьѣ сталъ смотрѣть на рѣку, по которой плескались мутныя волны. Нѣсколько минутъ спустя, послышались веселые звуки свадебной пѣсни, и по улицѣ прошла небольшая толпа бабъ и дѣвокъ; изъ среды ихъ время отъ времени выбѣгала впередъ маленькая женщина въ желтой душегрѣйкѣ, оборачивалась назадъ, и, поднявъ вверхъ одну руку съ платкомъ, а другую съ полштофомъ, выдѣлывала по грязи какіе-то па. Это пьяное веселье сливалось въ довольно дикую гармонію съ печальнымъ ненастьемъ.

Прошло еще нѣсколько времени колебанія. Ясно было, что «па́водокъ» (продолжительный дождь) разыгрался на долго, можетъ быть на недѣлю и болѣе. Нечего дѣлать, пришлось уступить врагу всѣхъ загородныхъ прогулокъ и отложить до лучшихъ дней окончаніе предпринятаго путешествія. Нѣсколько верстъ я брелъ по липкой глинистой грязи, пока не выбрался на Московско-Рязанское шоссе. Это шоссе значительно облегчило мнѣ обратный путъ.

II.

ДАВНІЯ И НЕДАВНІЯ ПОМИНКИ.

Изъ воспоминаній студента. *

Недавнія потери, понесенныя Московскимъ Университетомъ, не могли не отозваться печалью въ различныхъ уголкахъ Россіи; но въ сердцѣ многихъ бывшихъ студентовъ на ряду съ чувствомъ тихой грусти воскресли свѣтлыя воспоминанія о годахъ счастливой юности. Изъ такихъ воспоминаній вотъ что особенно живо сохранилось въ моей памяти.

Тому уже лѣтъ восемь. Былъ солнечный іюльскій день. Къ Москвѣ по одному изъ шоссе, съ южной стороны, тихо подъѣзжала кибитка, запряженная тройкой какихъ-то несчастныхъ клячъ. Возлѣ кибитки шагалъ высокій, сухощавый парень съ рыжею бородою въ синемъ, нанковомъ чекменѣ; въ зубахъ у него торчала коротенькая трубка; изрѣдка онъ помахивалъ кнутомъ на своихъ клячъ, когда онѣ слишкомъ низко опускали свои головы, и заставлялъ ихъ идти бодрѣе. Въ кибиткѣ лежало четверо молодыхъ людей въ разнообразныхъ пальто, всѣ бокомъ и довольно плотно прижавшись другъ къ другу: это было единственное положеніе, въ которомъ они всѣ разомъ могли предаться отдохновенію. Молодые люди только что окончили гимназическій курсъ, и теперь, какъ видите, душою и тѣломъ стремятся въ Московскій Университетъ на долгихъ. Всѣ они болѣе или менѣе дѣти бѣдныхъ, но . . . не знаю право какъ сказать, благородныхъ или неблагородныхъ родителей. Вотъ эти двое бѣлокурыхъ—сыновья мѣщанъ: этотъ сынъ мелкаго помѣщика, а четвертый, красивый брюнетъ, происходитъ отъ бѣднаго чиновника. У каждаго изъ нихъ

---

* Московскія Вѣдомости. 1858. № 64. Написано по поводу послѣдовательной кончины трехъ московскихъ профессоровъ: Грановскаго, Кудрявцева и Рулье.

въ карманѣ по нѣскольку рублей серебромъ; они сами еще не могутъ опредѣлительно сказать, какими средствами будутъ существовать въ Москвѣ, да впрочемъ и мало о томъ заботятся.

Наши молодые люди ничего не хотятъ знать кромѣ того, что они теперь уже господа студенты, и дорогою при удобномъ случаѣ даютъ это замѣтить всѣмъ и каждому. Боже храни, если кто вздумаетъ съ ними повздорить; пылкое юношество начинаетъ тотчасъ волноваться; особенно страшенъ становится тогда сынъ помѣщика, высокій плотный парень съ богатырскою грудью; онъ давно составилъ себѣ репутацію необыкновеннаго силача; а потому въ его словахъ и движеніяхъ замѣтна невозмутимая самоувѣренность. Въ сущности, какъ и бываетъ большею частію, онъ очень добрый малый, довольно талантливый, но, къ сожалѣнію, весьма лѣнивый и безпечный; подобные люди обыкновенно пользуются большою популярностью въ кругу своихъ товарищей и знакомыхъ.

Путешествіе впрочемъ совершалось безъ особенныхъ приключеній. Днемъ, во время долгихъ остановокъ на постоялыхъ дворахъ, между тѣмъ какъ усталые кони жуютъ свой кормъ, молодежь не теряетъ времени даромъ: она осматриваетъ мѣстность, купается, дѣлаетъ нѣкоторыя попытки къ приключеніямъ, болѣе или менѣе неудачныя, или сидитъ за самоваромъ и ведетъ одушевленную бесѣду; разсказамъ, пѣснямъ и остротамъ нѣтъ конца. Но вотъ пришла послѣдняя станція. Господа студенты, вдоволь находившись по лугамъ и кустарникамъ, черезъ которыя пролегаетъ дорога, улеглись въ повозку, опустили рогожу, чтобы защитить себя отъ лучей солнца, которые припекаютъ ихъ довольно сильно, и задремали.

Москва! Москва! воскликнулъ одинъ изъ путешественниковъ, приподнявъ край рогожи. Товарищи его вскочили съ своихъ мѣстъ и начали протирать глаза. Сердца ихъ сильно бились при видѣ города, который широкою полосою разстилался по горизонту; концовъ его никакъ нельзя было охватить взоромъ: они убѣгали за темнозеленыя рощицы и пригорки. Въ глазахъ запестрѣли безчисленныя главы и колокольни. «Вотъ это долженъ быть Иванъ Великій!»—единодушно провозгласили молодые люди, указывая на колокольню Симонова монастыря, которая казалась выше всѣхъ другихъ. «Что это за облако, которое повисло надъ серединою города? странно, что оно не мѣняетъ своей симметрической формы и остается неподвижно»;—говорили они, смотря на храмъ Спасителя, который въ то время, окутанный лѣсами, издали дѣйствительно походилъ на облако. Ямщикъ сѣлъ на козлы, взялъ возжи и быстро замахалъ кнутомъ, съ разными побудительными восклицаніями. Спустя часъ или полтора, повозка съ торжествомъ (какъ намъ казалось) въѣхала въ заставу и застучала по

мостовой; путешественники едва успѣвали бросать любопытные взгляды на разные предметы, которые замелькали передъ ними.

Какимъ образомъ наши молодые люди водворились въ Москвѣ, нанявши маленькую комнатку у какого-то портнаго, и какими приключеніями ознаменовалось у нихъ первое время студенчества,—этого я не берусь описывать. Перехожу прямо къ лекціямъ.

—

На третьемъ этажѣ университетскаго зданія въ Малой юридической аудиторіи толпятся студенты перваго курса юридическаго и словеснаго факультета, большею частію новички. Они собираются и расходятся небольшими группами; только нѣкоторые, еще не успѣвшіе познакомиться съ товарищами, сидятъ отдѣльно и съ большимъ любопытствомъ смотрятъ на все окружающее. Но вотъ тѣ, которые стояли на верху чугунной лѣстницы и, опершись на рѣшетку, смотрѣли внизъ, поспѣшили войти. «Грановскій, Грановскій!» послышалось со всѣхъ сторонъ; студенты бросились занимать мѣста и стѣснились вокругъ каѳедры. Въ дверяхъ аудиторіи показался человѣкъ, наружность котораго съ перваго взгляда приковывала къ себѣ вниманіе молодаго поколѣнія. Высокій лобъ, темныя кудри, спускавшіяся почти до плечъ; особенно большіе каріе глаза съ оттѣнкомъ задумчивости сообщали физіономіи Грановскаго очень умное и вмѣстѣ величавое выраженіе. «Милостивые государи», началъ онъ своимъ тихимъ, симпатичнымъ голосомъ, «мы собрались для того, чтобы прослѣдить судьбы историческаго міра; но прежде всего намъ предстоитъ рѣшить вопросъ, что такое самая исторія, и какое мѣсто занимаетъ она въ области человѣческихъ наукъ...» Въ нѣсколько минутъ профессоръ совершенно овладѣлъ вниманіемъ юныхъ слушателей, и его художественная, нѣсколько отрывистая рѣчь дѣйствительно была увлекательна. Очень сожалѣю, что у меня не сохранилось начало курса, и я не могу привести собственныхъ словъ профессора, словъ, къ которымъ мы прислушивались съ такимъ напряженнымъ вниманіемъ. Помню только, что онъ говорилъ о томъ, какія мнѣнія въ разныя времена существовали объ исторіи, какъ наукѣ; какъ отъ самыхъ узкихъ понятій писатели переходили къ болѣе и болѣе широкимъ воззрѣніямъ. Нѣсколько лекцій посвящено было этому вопросу, и мнѣ очень хорошо помнится, что послѣ каждой изъ нихъ я съ возрастающимъ интересомъ задавалъ себѣ вопросъ: да что же такое наконецъ исторія и гдѣ искать настоящую точку зрѣнія?

Я былъ слушатель Грановскаго, но иногда посѣщалъ лекціи Кудрявцева. Когда я пришелъ послушать его въ первый разъ, Большая словесная аудиторія была почти наполнена студентами; особенно густою толпою

окружали они самую каѳедру. Кудрявцевъ говорилъ о религіозномъ движеніи въ XVI столѣтіи. Высокое чело профессора, обнаженное сверху и оттѣненное по бокамъ прядями русыхъ волосъ, его крупный римскій носъ, худыя щеки, кроткое, задумчивое выраженіе глазъ—заключали въ себѣ что-то невольно внушающее уваженіе. Вся фигура Петра Николаевича наклонилась впередъ; мелодическій, очень тихій голосъ его едва былъ слышенъ для меня, несмотря на глубокую тишину, которая господствовала въ аудиторіи. Сочувствіе профессора къ великому человѣку, и уваженіе, съ которымъ онъ отзывался о его личности, придавали лекціи особенную занимательность.

И Грановскій, и Кудрявцевъ принадлежатъ теперь исторіи Московскаго университета. Интересно сравнить эти двѣ свѣтлыя личности; но мы говоримъ не о томъ сравненіи, которое удовлетворяется только рѣшеніемъ вопроса: кого изъ нихъ надобно поставить выше и кого ниже? По личнымъ свойствамъ, эти два человѣка походили другъ на друга развѣ только своею кротостію, благодушіемъ и равною любовью къ наукѣ; но какъ историки и профессоры они имѣли совершенно различный характеръ. Узнавая ближе Тимофея Николаевича, вы читали на его лицѣ крупными буквами начертанное слово: «сильный талантъ», между тѣмъ какъ физіономія Петра Николаевича носила на себѣ печать «великаго труда». Да не подумаетъ кто либо, что наши слова заключаютъ въ себѣ намекъ на недостатокъ труда у Грановскаго или таланта у Кудрявцева. Нѣтъ, мы хотимъ только указать на ихъ характеристическія, преобладающія стороны.

Ходилъ я слушать иногда и незабвеннаго Рулье, подобно другимъ студентамъ, непринадлежавшимъ математическому факультету, которыхъ привлекало популярное изложеніе Карла Францовича. Какъ теперь вижу передъ собою одну изъ математическихъ аудиторій и полную, добродушную фигуру профессора. Откинувъ голову нѣсколько назадъ, Карлъ Францовичъ съ удивительною ясностію и простотою разсказываетъ своимъ слушателямъ о полетѣ птицъ. Объяснивъ физическія условія полета, заключающіяся въ самой организаціи пернатаго царства, въ томъ, что все ихъ тѣло и оконечности устроены какъ нарочно для плаванія по воздуху, онъ перешелъ къ болѣе неуловимой сторонѣ этого явленія—къ энергіи, къ увѣренности, съ которою птицы стремятся впередъ, и въ этомъ видѣлъ главное условіе полета. Звучный голосъ, безъискусственное свободное краснорѣчіе профессора, легкая улыбка, почти никогда не покидавшая его лица, уничтожали совершенно обычную сухость и оффиціальность лекцій. Это скорѣе была откровенная бесѣда, которую умный, словоохотливый хозяинъ ведетъ съ своими гостями. Если кто изъ гг. профессоровъ, извѣстныхъ мнѣ, и

походилъ характеромъ своего таланта на Тимофея Николаевича Грановскаго и во многомъ напоминалъ его образъ изложенія, такъ это по преимуществу Карлъ Францовичъ Рулье. *

Воспоминаніе объ А. Н. Костылевѣ. **

Всякій, кому дороги успѣхи нашего развитія, не можетъ не порадоваться тому направленію, которое принимаетъ Русская литература въ послѣднее время. Отъ робкихъ, неясныхъ теорій, отъ туманныхъ грёзъ и неестественныхъ идеаловъ мы переходимъ къ вопросамъ жизни, въ область дѣйствительности; отъ общихъ мѣстъ (если можно такъ выразиться) къ полному, всестороннему изученію самихъ себя. А извѣстно, какъ бы ни были прекрасны идеалы, украшенные цвѣтами воображенія, сочувствіе, возбуждаемое ими, никогда не можетъ сравниться съ тѣмъ интересомъ, который встрѣчаетъ живая дѣйствительность. Разумѣется, мы говоримъ о преобладающемъ характерѣ, о большинствѣ замѣчательныхъ явленій въ литературѣ нашего времени сравнительно съ предыдущимъ. Не входимъ въ подробное исчисленіе тѣхъ вопросовъ и тѣхъ сторонъ настоящей литературы, которыми она непосредственно связываетъ себя съ нашею жизнію; всѣ эти вопросы болѣе или менѣе извѣстны читающей публикѣ. Укажемъ только на воспоминанія о многихъ чистыхъ личностяхъ, по большей части рано похищенныхъ смертію. Вмѣсто сухихъ, оффиціальныхъ некрологовъ, вмѣсто одностороннихъ, похожихъ одна на другую біографій или, лучше сказать, формулярныхъ списковъ, въ которыхъ перечислялись служебные подвиги покойниковъ, мы начинаемъ встрѣчать теплыя, искреннія слова о людяхъ, жизнь которыхъ протекла тихо и скромно, но которыхъ дѣятельность имѣла неотразимое и благотворное вліяніе на ту или другую часть современнаго общества.

---

* Нелишнимъ считаю сообщить о судьбѣ помянутыхъ выше трехъ своихъ товарищей. Всѣ они поступили на медицинскій факультетъ. Одинъ давно уже умеръ бѣднымъ военно-флотскомъ медикомъ въ какомъ-то Петербургскомъ гошпиталѣ; красивый брюнетъ былъ небезъизвѣстнымъ въ Москвѣ аккушеромъ, и нетакъ давно отошелъ въ вѣчность. Третій, сынъ помѣщика, кончилъ трагически. По лѣности своей онъ застрялъ на первомъ же курсѣ, оставилъ университетъ, и потомъ сдѣлался провинціальнымъ актеромъ, имѣя нѣкоторое сценическое дарованіе. Однажды гдѣ-то въ клубѣ или трактирѣ онъ поссорился съ мѣстнымъ помѣщикомъ-буяномъ, и въ происшедшей дракѣ поколотилъ его. Тотъ не вытерпѣлъ своего позора, и застрѣлилъ несчастнаго актера изъ-за угла. *Позднѣйшее прим. автора.*

** Моск. Вѣдом. 1858. № 109.

Александръ Николаевичъ Костылевъ не принадлежалъ къ виднымъ дѣятелямъ общественнаго развитія: онъ слишкомъ мало жилъ для этого. Онъ относится къ тѣмъ личностямъ, которыя не займутъ мѣста ни въ исторіи наукъ и литературы, ни въ біографическомъ словарѣ знаменитыхъ мужей, и которыя оставили послѣ себя только свѣтлыя воспоминанія у людей, коротко съ ними знакомыхъ. Но Костылевъ былъ однимъ изъ благороднѣйшихъ представителей современнаго намъ молодаго поколѣнія—представителей, на которыхъ общество возлагаетъ лучшія свои надежды. Къ этому-то молодому поколѣнію (преимущественно студентовъ Московскаго университета) да позволено будетъ намъ обратиться съ своими воспоминаніями *.

Всѣхъ, знавшихъ Александра Николаевича Костылева, особенно привлекали двѣ характеристическія черты его личности: съ одной стороны жажда знанія и полезной дѣятельности, а съ другой неисчерпаемый запасъ веселости и добродушія. То была натура, щедро одаренная отъ природы: прекрасная память и быстрое соображеніе давали ему возможность работать очень скоро и въ то же время основательно; а всегда ровное, веселое настроеніе, при значительной степени остроумія, дѣлало его товарищемъ и собесѣдникомъ неоцѣненнымъ. Относительно занятій научныхъ въ немъ преобладало столь свойственное молодымъ людямъ направленіе энциклопедическое. Почти всѣ науки, всѣ отрасли литературы болѣе или менѣе имѣли для него живой интересъ, или, лучше сказать, онъ увлекался ими поочереди и постепенно. Въ самой ранней юности, какъ обыкновенно бываетъ у людей талантливыхъ, съ живымъ воображеніемъ, Александръ Николаевичъ сочувствовалъ болѣе всего поэзіи и писалъ стихи (нѣкоторыя изъ его стихотвореній помѣщены въ «Звѣздочкѣ»). Потомъ онъ перешелъ къ занятіямъ классическою литературою: въ то время, когда я съ нимъ познакомился, т.-е. при началѣ университетскаго курса, онъ съ увлеченіемъ читалъ Гомера и умѣлъ наслаждаться его красотами. Лекціи Ѳ. И. Буслаева пробудили въ немъ интересъ къ сравнительному языковѣдѣнію. Къ изученію языковъ онъ вообще имѣлъ рѣдкую способность и охоту: кромѣ языковъ классическихъ, а изъ новѣйшихъ Французскаго и Нѣмецкаго, основательное знаніе которыхъ принесъ съ собою въ университетъ,—впослѣдствіи онъ выучился читать по-Англійски, по-Итальянски и по-Шведски. Языки конечно составляли для него не цѣль,

* Мы хотимъ только пополнить то, что было сказано объ А. Н. Костылевѣ въ двухъ нумерахъ Моск. Вѣд. 1856 г.: одна статья—извѣстіе о его смерти съ краткою характеристикою, отъ редакціи; другая—письмо кн. Голицына (если не ошибаюсь изъ Кіева), также вызванное его смертію.

а средство расширить кругъ писателей, доступныхъ ему въ подлинникѣ; такъ онъ прочелъ въ подлинникѣ «Божественную Комедію» и отчасти «Донъ-Кихота». За тѣмъ мало-по-малу вниманіе его начало останавливаться преимущественно надъ науками, которыя непосредственно изслѣдуютъ законы общественныхъ явленій. Въ послѣдніе годы своей короткой жизни онъ остановился на политической экономіи и статистикѣ, и этимъ двумъ наукамъ готовился посвятить свои силы. Пріуготовительныя работы уже приходили къ концу; экономическая литература прочтена и усвоена въ лицѣ своихъ представителей; въ газетахъ уже было напечатано объявленіе объ отъѣздѣ за границу, гдѣ Александръ Николаевичъ предполагалъ закончить свое университетское образованіе и собрать матеріалы для своей диссертаціи; казалось, уже недалеко было до университетской каѳедры,—но судьба рѣшила иначе. Въ маѣ 1856 года онъ скончался въ Петербургѣ, послѣ непродолжительной болѣзни, 23-хъ лѣтъ отъ роду, и погребенъ въ Москвѣ на Даниловскомъ кладбищѣ. Друзья и родные приписали его смерть вліянію непривычнаго Петербургскаго климата. Богъ знаетъ, была ли то главная причина; можетъ быть, это одна изъ жертвъ слишкомъ ранняго развитія и напряженной дѣятельности.

Относительно литературной дѣятельности Александра Николаевича мы можемъ указать на цѣлую массу переводовъ и извлеченій, помѣщенныхъ въ литературномъ отдѣлѣ «Московскихъ Вѣдомостей» 1852 — 1856 гг. Въ этихъ трудахъ нельзя не замѣтить легкости и искусства, съ которыми покойный передавалъ на Русскій языкъ смыслъ или сущность подлинника. Изъ оригинальныхъ его статей напомнимъ читателямъ «Московскихъ Вѣдомостей» въ особенности два письма къ редактору: «Переѣздъ изъ Москвы въ Новочеркаскъ» и «Городъ Новочеркаскъ», въ которыхъ видна наблюдательность, остроуміе и умѣнье подмѣтить характеристическую сторону предмета.

Какъ мы сказали, не одна жажда полезной дѣятельности вызывала сочувствіе и уваженіе въ людяхъ, знавшихъ покойнаго Костылева; другая сторона этой личности была еще болѣе привлекательна. Кротость, сообщительность характера и постоянная готовность оказать услугу ближнему, и притомъ оказать ее самымъ деликатнымъ образомъ, конечно пріобрѣтали ему много искреннихъ друзей. Но что особенно заставляло его любить — это почти никогда непокидавшая его веселость, соединенная съ умѣньемъ поселить вокругъ себя миръ и доброе настроеніе. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ немногихъ сангвиниковъ, у которыхъ серьезное практическое направленіе находится въ гармоніи съ душевною ясностію и теплотою, которые способны отыскать вездѣ хорошія стороны

и подмѣтить что-нибудь забавное даже въ своихъ собственныхъ неудачахъ. Я никогда не видалъ, чтобы онъ пришелъ въ уныніе отъ какой-нибудь несбывшейся мечты или обманутаго ожиданія, если дѣло касалось только его личныхъ интересовъ. Его остроуміе не имѣло въ себѣ ни капли горечи, а добродушная веселость была самаго заразительнаго свойства: оставаться нахмуреннымъ кому-нибудь изъ товарищей въ его присутствіи не было никакой возможности. Почти на всякій случай у него готово было острое замѣчаніе, легкая шутка или забавный анекдотъ. Это былъ единственный человѣкъ, извѣстный мнѣ, который откровенно сознавалъ себя вполнѣ счастливымъ и который всегда готовъ былъ на пожертвованія для счастія другихъ. Конечно личность, очерченная нами, еще не успѣла вполнѣ сложиться; въ ней было еще много недозрѣлаго, не совсѣмъ опредѣлившагося, много чисто юношескихъ порывовъ и увлеченій; но странно было бы найти совершенно законченный характеръ и сложившіяся вполнѣ убѣжденія въ 23-хъ лѣтнемъ юношѣ. А между тѣмъ нельзя сказать, чтобы всѣ привлекательныя качества у покойнаго Костылева были только слѣдствіемъ его счастливаго темперамента и тщательнаго воспитанія: нѣтъ, близкіе люди ясно могли замѣтить, какъ онъ боролся съ своими недостатками, и развивалъ свою волю; совершенствованіе его происходило на нашихъ глазахъ. Мы увѣрены, что для тѣхъ, кто хорошо зналъ Александра Николаевича (а такихъ людей найдется довольное число не только въ Москвѣ, но и въ другихъ уголкахъ Россіи), нашъ очеркъ не покажется пристрастнымъ или преувеличеннымъ. А. Н. Костылевъ былъ однимъ изъ тѣхъ людей, о которыхъ отзывы не отличаются разногласіемъ.

Просимъ позволенія у читателей привести нѣсколько строкъ изъ дружеской, задушевной переписки покойнаго для того, чтобы ближе познакомить молодое поколѣніе съ однимъ изъ лучшихъ его представителей.

*„Мыза Трескенда *, 5-го іюня 1855 г.“*

„.....пишу къ тебѣ стоя, къ чему долженъ былъ прибѣгнуть въ слѣдствіе боли въ спинѣ. Окно мое отворено, вѣтеръ колышетъ шелестящія вѣтви березъ; передо мною на комодѣ, исправляющемъ должность бюро, благоухаютъ пучки сирени и ландышей, которыхъ въ Рязани вѣроятно уже съ мѣсяцъ нѣтъ и въ поминѣ. Я не описываю стѣнъ моей комнаты—

* Неподалеко отъ Гельсингфорса. Покойный проводилъ тамъ лѣто въ семействѣ Карамзиной, по первому браку Демидовой, въ качествѣ гувернера при ея сынѣ (потомъ извѣстномъ князѣ Сапъ Донато.)

это обыкновенный мезонинный покой, въ которомъ помѣщаютъ на дачахъ гувернера съ его питомцемъ: зелененькіе обои, два дѣвственныя ложа и проч. въ этомъ родѣ. Но гувернеръ на сей разъ составляетъ исключеніе изъ правила: *это счастливѣйшій смертный*, какимъ не перестаетъ быть нигдѣ: ни въ Петербургѣ, ни въ Финляндіи, ни подъ тропиками, ни подъ полярнымъ кругомъ (впрочемъ, послѣдніе два случая только въ будущемъ *)». Нѣсколько ниже онъ мимоходомъ дѣлаетъ замѣтки о Финляндской природѣ и населеніи, которыя, надѣемся, не безъ интереса прочтутъ люди, незнакомые съ тѣмъ краемъ: «Характеръ страны, на сколько я ее видѣлъ, сумрачный и суровый. Всюду скала, низменная растительность, по дорогѣ песокъ (впрочемъ дороги великолѣпны: это естественное шоссе); мало селеній и ни одного многолюднаго. Но болѣе всего прочаго сообщаютъ ландшафту мрачный колоритъ валуны, засѣевающіе собою землю въ невообразимомъ множествѣ. Древнѣйшіе изъ земныхъ путешественниковъ, какъ называетъ ихъ Шлейденъ, оторванные нѣкогда отъ Скандинавскихъ горъ, они были разнесены льдинами по направленіямъ теченій моря, покрывавшаго нѣкогда сѣверъ нашего материка. Между ними есть множество такихъ, которые больше знаменитаго валуна, служащаго подножіемъ статуѣ Петра Великаго въ Петербургѣ. Прочіе также были нѣкогда больше въ объемѣ, чѣмъ теперь, но скатываясь съ горъ и разбиваясь, нерѣдко даже разбиваемые людьми, напр. для легчайшаго снятія ихъ съ дорогъ, наконецъ трескаясь отъ сырости,— они должны были значительно уменьшиться въ размѣрахъ. Нѣкоторые ранѣе другихъ подверглись дѣйствію всесокрушающаго времени и раскрошились или крошатся теперь, принимая видъ кучъ щебня (участь ожидающая и пьедесталъ Мѣднаго Всадника). Мхи и лишаи покрываютъ ихъ въ большей или меньшей степени. Деревья и кустарники лѣпятся только по цѣльнымъ скаламъ, едва вымогая у почвы для себя пищу. Обнаженный корень пускаетъ отъ себя мочки во всѣ щелки, въ которыхъ собралось сколько-нибудь земли, и дерево живетъ, но непродолжительность лѣта не даетъ ему достигнуть значительной величины. Суровость климата дѣйствуетъ непріязненно и на человѣка. Финское племя некрасиво; успѣхи гражданственности и смѣсь съ Шведскимъ племенемъ мало подѣйствовали на его безобразный сѣверный типъ. Впрочемъ, по мѣрѣ приближенія къ границамъ Шведской національности, около Ловизы, гдѣ жители принадлежатъ къ обѣимъ націямъ, типъ Финляндца примѣтно улучшается. На-

---

* Путешествія съ этнографическою и статистическою цѣлью составляли его любимую мечту.

чиная съ Борго, по всему южному берегу живутъ одни Шведы, и здѣсь ни отъ кого не услышишь слова по-Фински. Это племя, которому страна обязана своею цивилизаціею, составляетъ $^1/_8$ часть ея населенія. Оба племени одинаково отличаются опрятностію своихъ жилищъ. Въ частныхъ домахъ, въ гостинницахъ, на станціяхъ, ничего не сдѣлано для внѣшности и все для внутренняго посильнаго комфорта. Города смотрятъ чрезвычайно чисто и представляютъ несравненно больше признаковъ умственной жизни, чѣмъ самое громадное большинство нашихъ городовъ. Въ ресторацiи маленькаго Борго получаются Шведскія и Финляндскія газеты и «Русскій Инвалидъ». Гельсингфорсъ произвелъ на меня самое пріятное впечатлѣніе: это маленькій городъ, но въ немъ университетъ, нѣсколько превосходныхъ книжныхъ магазиновъ, четыре или пять журналовъ (въ томъ числѣ Literatur Bladet, издаваемый Снальманомъ, человѣкомъ замѣчательно талантливымъ,—нѣчто въ родѣ Литер. Отдѣла Моск. Вѣдом.), все это непривычно и тѣмъ болѣе должно быть пріятно для насъ Русскихъ. Я былъ у профессора Барановскаго, котораго видѣлъ въ Москвѣ, и у ректора Рейно, написавшаго статистику Финляндіи. Послѣдній отличный человѣкъ. Я настолько успѣлъ въ Шведскомъ языкѣ, что прочелъ двѣ статьи Барановскаго: Статистику народонаселенія и Уголовную статистику Финляндіи—составляющія существенное пріобрѣтеніе въ статистической литературѣ. Окрестности Трескенды живописны: много воды, потому что всюду озера, надъ ними отвѣсныя или спускающіяся ступенями скалы, съ которыхъ открываются виды на прихотливо очерченные берега съ купами деревьевъ, въ глубинѣ ландшафта домъ, въ которомъ мы живемъ, надъ водою рыбачья хижина, и цѣлая цѣпь солдатъ, удящихъ рыбу; молодые ястреба, берущіе на болотѣ первые уроки летанья; во всю ночь свѣтъ, отъ котораго не скроешься ни за какими шторами,—вотъ что я здѣсь вижу. Не знаю, что увижу впослѣдствіи».

Выпишемъ теперь то, что говоритъ онъ (отъ 28 августа 1855 г.), по поводу своихъ занятій, между прочимъ о Джонѣ Стюартѣ Миллѣ: «Какъ бы то ни было, этотъ писатель заслуживаетъ не только чтенія, но и изученія. Въ немъ есть тысяча благородныхъ стремленій и ему нельзя не сочувствовать, когда онъ говоритъ объ эманципаціи женщины въ гражданскомъ смыслѣ, объ улучшеніяхъ быта поселянъ и т. п. Онъ также и съ большимъ знаніемъ дѣла говоритъ объ эксцессахъ конкурренціи между Ирландскими коттеджерами, доказывая, что обычное право [illegible] дѣйствуетъ благодѣтельно на общество. Но онъ въ то же вр[illegible] показать и всѣ выгоды, какія тѣ же бѣдные классы мо[illegible] имѣть отъ конкурренціи. Вообще онъ обнаруживаетъ сил[illegible]

деніямъ и даже системамъ новѣйшихъ соціалистовъ, но съ другой стороны поставляетъ имъ на видъ, что они еще не видали, что такое современный экономическій режимъ, основанный на личныхъ правахъ собственности, если его очистить отъ всѣхъ злоупотребленій; что, возведенный на степень идеальнаго улучшенія и совершенства, онъ, можетъ быть, заслуживалъ бы предпочтенія передъ всякими другими системами. Но и онъ не можетъ рекомендовать рабочимъ классамъ другихъ средствъ для улучшенія ихъ участи кромѣ воздержанія отъ размноженія, которое ставитъ ихъ все въ большую и большую зависимость отъ землевладѣльцевъ и капиталистовъ. Признаюсь, что у меня кружится голова, когда я читаю о положеніи поселянъ въ Ирландіи. Какое же впечатлѣніе должна была бы производить вѣрная картина того, что дѣлается ближе! О, если бы можно было привести въ цыфры всю сумму силъ, отнимаемыхъ отъ душъ и тѣлъ, всю сумму лѣтъ, отнимаемыхъ отъ жизни милліоновъ, то читатели этой кровавой статистики падали бы въ обмороки. Когда подумаешь о народныхъ массахъ, въ которыхъ элементъ умственнаго движенія, т.-е. классъ дѣйствительно образованный, далеко не хватаетъ и до 1%, то не знаешь, что и подумать послѣ того. Придется ли порадоваться существеннымъ успѣхамъ хотя на закатѣ дней?» (ему не суждено было дожить и до ноября 1857 г., т.-е. до извѣстнаго рескрипта Виленскому генералъ губернатору объ улучшеніи крестьянскаго быта).

Къ сказанному прибавимъ еще нѣсколько словъ, которыя одни могли бы освѣтить передъ нами теплое сердце и благородные помыслы покойнаго: «У К. (одинъ изъ его многочисленныхъ пріятелей) умеръ отецъ; дѣла ихъ, по всему вѣроятію, ужасно запутаны. Я крайне боюсь, чтобы И. не пришлось оставить университета. Теперь онъ покуда ѣдетъ въ отпускъ къ своему семейству. Это меня глубоко поразило. Вотъ почему я не въ состояніи болтать съ тобою». Въ другомъ письмѣ между прочимъ говорится: «Да, мы должны дѣйствовать энергически на томъ или на другомъ поприщѣ—это все равно,—только не спать. Д. м., я крѣпко жму твою руку и не сомнѣваюсь, что ты видишь въ этихъ словахъ не пустую фразу. Я самъ служу тебѣ плохимъ примѣромъ: *до сихъ поръ ничего не сдѣлалъ, умѣлъ быть только счастливымъ; но это для себя, а для другихъ ничего*».

Приведенныхъ строкъ, мы думаемъ, будетъ достаточно для того, чтобы дать понятіе читателямъ, н[illegible] Костылева, о томъ, чего общество[illegible]ѣятеля и какъ человѣка; [illegible]гѣ съ нами помя[illegible]

Упомянемъ еще о послѣднемъ распоряженіи покойнаго: свое довольно полное собраніе экономическихъ писателей онъ завѣщалъ передать тому изъ студентовъ Московскаго университета, который посвятилъ себя занятіямъ тѣми же науками.

Павелъ Ивановичъ Мельниковъ *.

Ровно 35 лѣтъ тому назадъ, въ Ноябрьской книжкѣ Отечественныхъ Записокъ за 1839 годъ, въ отдѣлѣ Смѣси, появилась статья подъ заглавіемъ «Дорожныя записки на пути изъ Тамбовской губерніи въ Сибирь». Записки эти потомъ продолжались и во многихъ послѣдующихъ номерахъ того же журнала. Сжатое, но обстоятельное описаніе городовъ, селъ, монастырей, заводовъ, типовъ мѣстнаго населенія и мѣстной природы, трезвыя сужденія, начитанность и даже нѣкоторые признаки учености, обнаруженные въ ссылкахъ на историческія свидѣтельства, въ статистическихъ указаніяхъ, въ этнографическихъ и даже филологическихъ объясненіяхъ—все это должно было обратить на автора вниманіе читающей публики, по крайней мѣрѣ наиболѣе просвѣщенной ея части, и дѣйствительно обратило. Мало того, означенныя записки не потеряли своего научнаго интереса и для нашего времени. Интересъ этотъ возрастаетъ еще болѣе, когда мы узнаемъ, что авторомъ записокъ былъ 20-лѣтній молодой человѣкъ, успѣвшій впрочемъ уже два года тому назадъ окончить свой университетскій курсъ и подвизавшійся въ то время на педагогическомъ поприщѣ. Конечно мы напрасно стали бы искать здѣсь тѣхъ художественныхъ картинъ, которыми авторъ прославился впослѣдствіи. Талантъ литературный, какъ и всякій другой, крѣпнетъ и развивается постепенно; онъ не рождается во всеоружіи, какъ Аѳина изъ головы Юпитера.

П. И. Мельниковъ родился 22 Октября 1819 года, въ Нижнемъ-Новгородѣ. Отецъ его, небогатый помѣщикъ Семеновскаго уѣзда, служилъ по дворянскимъ выборамъ и по дѣламъ службы жилъ нѣкоторое время въ уѣздномъ городѣ Семеновѣ. Здѣсь-то, въ этомъ глухомъ Заволжскомъ краю, провелъ свое дѣтство будущій писатель. Онъ росъ посреди лѣсовъ Керженскихъ и Черноораменскихъ, знаменитыхъ своими раскольничьими скитами; онъ съ раннихъ лѣтъ напитался впечатлѣніями той природы и быта, которыя впослѣдствіи изобразилъ намъ съ такимъ мастерствомъ

---

* Русскій Архивъ 1875. № I. Читано въ Публичномъ Засѣданіи Почтителей Россійской Словесности 10 Ноября 1874 г., на 35-лѣтнемъ юбилеѣ П. И. Мельникова. Это было за 8 лѣтъ до его кончины.

Въ 1830 году онъ поступилъ въ Нижегородскую гимназію; а спустя четыре года, перешелъ въ Казанскій университетъ, въ которомъ и окончилъ курсъ кандидатомъ словеснаго факультета въ 1837 году. Изъ кандидатскаго диплома видно, что кромѣ обязательныхъ предметовъ онъ выслушалъ на восточномъ отдѣленіи факультета исторію Востока по восточнымъ авторамъ, а также исторію Арабской и Персидской литературъ у профессора Эрдмана. Въ слѣдующемъ году онъ назначенъ учителемъ исторіи и статистики въ Пермскую гимназію; лѣтомъ этого года предпринималъ по Пермской губерніи путешествіе, которое и дало ему матеріалъ для упомянутаго выше перваго печатнаго труда его. Черезъ годъ онъ, по желанію своему, былъ переведенъ въ Нижегородскую гимназію на преподаваніе тѣхъ же предметовъ, и въ должности этой оставался до 1846 года.

Семилѣтняя педагогическая дѣятельность Павла Ивановича обнаружила, что онъ не имѣлъ къ ней призванія, т.-е. не владѣлъ потребными для нея качествами, въ чемъ онъ самъ добродушно сознается.

Одинъ изъ его учениковъ по Нижегородской гимназіи, теперь профессоръ Петербургскаго университета, К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, въ біографическомъ очеркѣ другаго его ученика, покойнаго Ешевскаго, слѣдующими словами характеризуетъ эту дѣятельность:

«Пав. И. Мельниковъ мало занимался самымъ преподаваніемъ, рѣдко говорилъ въ классѣ, никогда не слушалъ отвѣтовъ учениковъ, не исполнялъ самыхъ основныхъ началъ педагогіи. Говорятъ, что въ началѣ своей педагогической дѣятельности онъ усиленно работалъ для классовъ, но по неопытности требовалъ слишкомъ многаго съ учениковъ. Египетскія династіи по Шамполіону, философскіе взгляды на паденіе Западной Римской имперіи (составленныя для этого свои записки онъ напечаталъ тогда же въ «Литературной Газетѣ»), Персидская исторія въ эпоху Сассанидовъ входили въ его преподаваніе. Неудача этихъ требованій охладила его: онъ впалъ въ рутину; но если случалось ему замѣчать, что кто-нибудь изъ учениковъ интересуется историческими вопросами, онъ говорилъ съ нимъ по цѣлымъ часамъ, звалъ его къ себѣ на домъ, давалъ книги, спрашивалъ о прочитанномъ, толковалъ и, такимъ образомъ, поддерживалъ интересъ. Говорилъ онъ всегда превосходно, книги выбиралъ интересныя. Оттого многіе ему чрезвычайно обязаны, а между этими многими въ особенности Еше[illegible]ескаго, т. I стр. VI).

Для самаго П. I[illegible] не пропали даром[illegible]

Въ этомъ отношеніи на него имѣло счастливое вліяніе одно знакомство. Въ началѣ 1840 года въ Нижній, на мѣсто директора ярмарки, назначенъ былъ графъ Д. Н. Толстой, владѣющій блестящимъ образованіемъ, впослѣдствіи извѣстный знатокъ и любитель отечественныхъ древностей. Онъ немедленно пожелалъ познакомиться съ авторомъ Дорожныхъ записокъ на пути въ Сибирь, сблизился съ нимъ, предоставилъ въ его распоряженіе свою обширную библіотеку и вообще поддерживалъ въ немъ живой научный интересъ. П. И. съ признательностію вспоминаетъ объ этомъ знакомствѣ. Въ связи съ тѣмъ же знакомствомъ издана была имъ въ 1845 г. особая книга о Нижегородской ярмаркѣ; трудъ этотъ немедленно обратилъ на себя вниманіе Географическаго Общества, которое избрало его въ число своихъ членовъ.

Между тѣмъ важнымъ побужденіемъ для П. И. къ занятіямъ мѣстной исторіей и археологіей послужило по Высочайшей волѣ возложенное на него въ 1843 году порученіе изслѣдовать вопросъ о потомствѣ Козьмы Минина. Въ слѣдствіе этого порученія онъ долженъ былъ ознакомиться съ Нижегородскими архивами, а это знакомство дало ему матеріалы для разработки Нижегородской исторіи и древностей. Историческія статьи его, относящіяся къ эпохѣ Суздальско-Нижегородскаго княжества и къ событіямъ Смутнаго Времени, помѣщаемы были отчасти въ Отеч. Зап. и Москвитянинѣ, а главнымъ образомъ въ Нижегородскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ, которыхъ онъ состоялъ редакторомъ съ 1845 по 1850 годъ. Кромѣ собственно статей по гражданской и церковной исторіи края, онъ печаталъ здѣсь грамоты и другіе документы, извлеченные изъ разныхъ архивовъ, описанія старинныхъ церквей и монастырей, матеріалы этнографическіе и статистическіе; далѣе, статьи о фабричной и заводской промышленности, о хлѣбной торговлѣ и т. п. Надобно замѣтить, что въ то же время онъ былъ и секретаремъ Статистическаго Комитета. Вообще неоффиціальный отдѣлъ Губернскихъ Вѣдомостей за упомянутые годы, можно сказать, переполненъ работами П. И-ча; вы ихъ найдете почти въ каждомъ номерѣ, рядомъ съ разными хозяйственными и медицинскими замѣтками, которыми также изобиловало это почтенное, сѣрое изданіе, въ родѣ, напримѣръ, способовъ: «охранять зерновой хлѣбъ отъ мышей», «сохранять молодыхъ индѣекъ отъ болѣзней», «улучшать прогорклость въ маслѣ» и т. п. Тутъ же мы встрѣчаемъ и такія заявленія, которыя указывали на старанія П. И-ча поддерживать въ губернскомъ обществѣ высшіе, научные интересы не однимъ перомъ, но и живым
Такъ въ № 7-мъ за 1847 годъ читаемъ слѣдующее:

«Въ продолженіе наступающаго великаго поста, разны

ществъ дѣйствительный членъ и корреспондентъ надв. сов. *Мельниковъ*, съ разрѣшенія начальства Казанскаго Учебнаго Округа, въ залѣ Александровскаго Дворянскаго Института будетъ читать публичныя лекціи о Россіи и въ особенности о Нижнемъ Новгородѣ въ началѣ XVII вѣка. За входъ въ залу ничего не платятъ».

Изъ дальнѣйшихъ объясненій видно, что таковыхъ лекцій было прочтено пять; а по словамъ автора, на нихъ собиралось все лучшее общество Нижняго; обширная зала была полна каждый разъ, и особенно много присутствовало дамъ. Это были едва ли не первыя въ Россіи публичныя лекціи по отечественной исторіи въ не-университескомъ городѣ.

Въ это именно время П. И., оставившій учебное вѣдомство, былъ опредѣленъ чиновникомъ особыхъ порученій при Нижегородскомъ военномъ губернаторѣ, князѣ Мих. Александр. Урусовѣ. По устнымъ разсказамъ П. И-ча, князь Урусовъ въ свои чиновники по особ. поруч. умѣлъ отыскивать даровитыхъ и образованныхъ молодыхъ людей. Удачный выборъ его подтвердился и тѣмъ обстоятельствомъ, что всѣ эти бывшіе молодые люди занимаютъ теперь высокія мѣста въ служебной іерархіи, за исключеніемъ развѣ одного только нашего юбиляра. Губернаторъ и супруга его Екатерина Петровна, урожденная Энгельгардтъ, относились къ нимъ такъ радушно, что они принадлежали какъ бы къ членамъ его семьи.

Въ салонѣ княгини Урусовой не только имѣли мѣсто обыкновенныя свѣтскія удовольствія, но у нея нерѣдко происходили литературныя чтенія; такъ въ 1848 году П. И-чъ прочелъ здѣсь избранному кружку нѣсколько лекцій изъ исторіи Русской литературы. По его словамъ это именно былъ періодъ въ его прошломъ, когда онъ увлекался свѣтскою жизнію.

Въ продолженіи своей службы при Нижегородскомъ губернаторѣ П. И., не переставая быть редакторомъ Губерн. Вѣдомостей и секретаремъ Статист. Комитета, исполнилъ по предписаніямъ начальства до 87 порученій, какъ гласитъ его послужной списокъ. Порученія касались разнообразныхъ предметовъ, но наибольшею частію онѣ относились къ дѣламъ раскола. Между прочимъ, по желанію начальства, онъ составилъ подробное описаніе раскольничьихъ скитовъ Нижегородской губерніи. Въ эту именно эпоху онъ и началъ свое основательное изученіе раскола съ его разныхъ сторонъ, вооружаясь кромѣ того разнообразными научными свѣдѣніями, сюда относящимися. Такъ въ томъ же послужномъ спискѣ приводится между прочимъ и слѣду[illegible] чическаго
права и раскольничьихъ с[illegible] ями
къ обращенію въ едино[illegible]
Осиновскаго»

Министръ Внутреннихъ Дѣлъ графъ Перовскій, который также былъ извѣстенъ своимъ умѣніемъ находить и выдвигать талантливыхъ людей, прямо, безъ всякой просьбы со стороны П. И-ча, причислилъ его къ своему министерству чиновникомъ особыхъ порученій, оставивъ его на первое время при Нижегородскомъ военномъ губернаторѣ впредь до окончанія начатыхъ имъ статистическихъ работъ. Это было въ 1850 году. Съ тѣхъ поръ и до настоящаго времени, слѣдовательно около 25 лѣтъ, онъ состоитъ въ этомъ сравнительно-скромномъ званіи, т.-е. чиновникомъ при Министерствѣ Внут. Дѣлъ. За гр. Перовскимъ послѣдовалъ Бибиковъ, за Бибиковымъ гр. Ланской, за гр. Ланскимъ Валуевъ и т. д.; но при перемѣнѣ лицъ служебное положеніе П. И-ча, повидимому, не подвергалось важнымъ измѣненіямъ, и повышеніе его совершалось не особенно быстро. Участвуя въ разныхъ комитетахъ и исполняя возлагаемыя на него разнообразныя порученія, онъ изъѣздилъ значительную часть Россіи, продолжая при этомъ изученіе Русскаго раскола и вообще Русскаго народнаго быта, при чемъ главнымъ поприщемъ его дѣятельности по прежнему оставался родной край, т.-е. Нижегородская и смежныя съ ней губерніи.

Между прочимъ въ 1852—53 гг. онъ состоялъ начальникомъ статистической экспедиціи, отправленной Министерствомъ В. Д. въ Нижегородскую губернію, при чемъ ему поручено было собрать свѣдѣнія преимущественно о числѣ раскольниковъ, которое такъ далеко расходилось съ оффиціальными данными, а кромѣ того, на сколько возможно, уяснить и самый духъ раскола. Понятно, что подобныя порученія принадлежали къ числу не только т. наз. секретныхъ, но и самыхъ секретнѣйшихъ. Плодомъ этихъ работъ явился обширный трактатъ, представлявшійся правительству частями въ теченіе 1853—54 гг. подъ заглавіемъ «О современномъ состояніи раскола». Трактатъ этотъ во многихъ копіяхъ ходилъ по рукамъ между высшими лицами гражданскаго и церковнаго вѣдомства и производилъ болѣе или менѣе сильное впечатлѣніе. Чтобы дать нѣкоторое понятіе объ этомъ впечатлѣніи, приведу одинъ примѣръ. Пока появлялись тѣ части трактата, въ которыхъ изображался расколъ съ разныхъ неблагопріятныхъ для него сторонъ, одно высокопоставленное духовное лицо показывало П. И-чу лестное вниманіе; но когда появилась послѣдняя часть, въ которой указаны отношенія къ расколу со стороны сельскаго духовенства, означенное лицо отвернулось отъ автора и, съ свойственнымъ ему остроуміемъ, замѣтило, играя именами: «Было время, когда изъ Савла вышелъ Павелъ, а нынѣ изъ Павла вышелъ Савлъ». Отрывки изъ означеннаго трактата появились потомъ въ нѣкоторыхъ духовныхъ журналахъ, впрочемъ безъ ссылки на автора. Къ эпохѣ того же тракта-

та относится и сближеніе его съ двумя замѣчательными людьми, служившими въ Министр. В. Д. Это были: Николай Ивановичъ Надеждинъ и Николай Алексѣевичъ Милютинъ, которые также имѣли свою долю хорошаго вліянія на нашего писателя.

Графъ Ланской, назначенный министромъ В. Дѣлъ въ первый годъ новаго царствованія, оказывалъ П. И-чу особое благорасположеніе, такъ что избралъ его редакторомъ всеподданнѣйшихъ отчетовъ о внутреннемъ состояніи государства. Отчеты эти не были похожи на предшествующіе, въ которыхъ, какъ извѣстно, съ замѣчательнымъ постоянствомъ возвѣщалось о неуклонномъ гражданскомъ преуспѣяніи. Отчетъ за 1855 годъ, написанный блестящимъ перомъ нашего юбиляра, въ краткихъ, но сильныхъ выраженіяхъ представилъ правдивую картину внутренняго положенія Россіи. На поляхъ этого отчета начертано много Высочайшихъ резолюцій, и въ нихъ уже высказывались зачатки тѣхъ реформъ, которыми Государь Императоръ вскорѣ потомъ осчастливилъ свой народъ. Отрывки изъ этихъ первыхъ отчетовъ были напечатаны въ Журналѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.

Въ началѣ 1858, года, Государь Императоръ, при разсмотрѣніи представленныхъ Ему дѣлъ о раскольникахъ, изволилъ замѣтить, что, не смотря на обиліе печатныхъ и рукописныхъ трактатовъ, исторія, статистика и законодательство раскола еще весьма мало обработаны и что незнаніе всѣхъ обстоятельствъ затрудняетъ правительство не только при рѣшеніи частныхъ случаевъ о раскольникахъ, но въ особенности при избраніи правильной и твердой системы дѣйствія въ отношеніи къ расколу вообще. Посему Государь Императоръ повелѣлъ министру внутреннихъ дѣлъ употребить особыя, чрезвычайныя мѣры для составленія подробнаго и основательнаго изслѣдованія о расколѣ и о всѣхъ раскольничьихъ толкахъ съ изложеніемъ ихъ исторіи, статистики, догматовъ, относившагося къ нимъ законодательства и пр., употребивъ на этотъ *важный государственный трудъ* самыхъ способныхъ чиновниковъ и лицъ, спеціально-знакомыхъ съ предметомъ. Графъ С. С. Ланской вскорѣ доложилъ Государю, что исполненіе Высочайшей воли возложено на двухъ спеціально-занимающихся сею работою чиновниковъ. Это были: П. И. Мельниковъ и его университетскій товарищъ, недавно похищенный смертью, извѣстный нашъ статистикъ Александръ Ивановичъ Артемьевъ. Они успѣли собрать новую массу разныхъ архивныхъ матеріаловъ и издать три тома Сборника постановленій, относящихся къ расколу; но когда въ 1861 году перемѣнилось лицо, управлявшее министерствомъ, работы эти прекратились.

Указавъ вкратцѣ на важнѣйшія работы П. И-ча, сопряженныя съ его

служебною дѣятельностію, перейдемъ къ его трудамъ на поприщѣ собственно-изящной словесности.

Я упомянулъ, что первое напечатанное произведеніе сблизило его съ графомъ Д. Ник. Толстымъ, въ то время только что воротившимся изъ Славянскихъ земель. Между прочимъ П. И. учился у него по польски и перевелъ въ стихахъ изъ Мицкевича поэтическое произведеніе его, озаглавленное *Великій Мастеръ* (Arcy-mistrz). Переводъ этотъ былъ напечатанъ въ Литер. Газетѣ 1840 года, издававшейся, также какъ и Отеч. Зап., А. А. Краевскимъ. Стихъ перевода былъ хотя и гладокъ, но не выразителенъ; двадцатилѣтній переводчикъ понялъ, что поэзія ритмическая не его призваніе и далъ себѣ слово не писать болѣе стиховъ, каковое и исполнилъ. Въ томъ же 1840 году онъ сдѣлалъ попытку написать повѣсть изъ уѣзднаго быта въ сатирическомъ родѣ, подражая извѣстному произведенію Основьяненки «Панъ Халявскій». Повѣсть была озаглавлена «Ельпидорфъ Перфильичъ» и напечатана тамъ же, въ Литературной Газетѣ. Хотя издатель ея, вмѣстѣ съ извѣстнымъ нашимъ критикомъ Бѣлинскимъ, просили П. И-ча продолжать въ томъ же родѣ; но молодой авторъ созналъ свою житейскую неопытность, свое еще слишкомъ малое знакомство съ народомъ и невыработанность самаго языка. Послѣ того онъ занимался только статьями научнаго содержанія и въ теченіи одинадцати лѣтъ не повторялъ своей попытки писать повѣсти.

Въ 1849 году переѣхалъ въ Нижній-Новгородъ В. И. Даль, въ качествѣ управляющаго Удѣльною Конторою. П. И. познакомился съ нимъ еще года четыре назадъ, во время своей первой поѣздки въ Петербургъ; а теперь они сблизились окончательно. Юбиляръ нашъ приписываетъ Далю весьма большое вліяніе на свою литературную дѣятельность, считаетъ себя его ученикомъ и сохраняетъ о немъ благоговѣйную память. Онъ бывалъ у Даля чуть ли не каждый день и помогалъ ему въ первоначальныхъ трудахъ по составленію Толковаго Словаря, о чемъ Даль и заявляетъ въ предисловіи къ словарю. Онъ-то послѣ многихъ настояній и убѣдилъ своего Нижегородскаго друга писать повѣсти. Первою изъ нихъ была «Красильниковы», напечатанная въ Москвитянинѣ 1852 года. Здѣсь авторъ хотѣлъ изобразить столкновеніе молодаго, образованнаго, но еще слабаго силою поколѣнія съ старою, раскольничьею средою, при чемъ первое гибнетъ подъ ударами суроваго, непреклоннаго характера. Эта небольшая повѣсть обнаруживаетъ еще нѣкоторую неопытность, а также излишнюю густоту и яркость красокъ; но въ ней уже видѣнъ будущій художникъ. Она явилась подъ псевдонимомъ: Андрей Печерскій. По своимъ служебнымъ отношеніямъ авторъ считалъ нужнымъ скрыть свое

настоящее имя, съ чѣмъ соглашался и Даль. Послѣдній придумалъ для него и самый псевдонимъ, избравъ для того названіе Печерской улицы, на которой въ то время они оба жили.

За Красильниковыми послѣдовалъ цѣлый рядъ повѣстей, каковы: *Поярковъ*, *Дѣдушка Поликарпъ*, *Старые Годы*, *Медвѣжій Уголъ*, *Непремѣнный*, *Имянинный Пирогъ*, помѣщенные въ Русскомъ Вѣстникѣ; *Бабушкины Росказни и Гриша* — въ Современникѣ. Повѣсти эти совпали съ тѣмъ оживленнымъ періодомъ нашей литературы, который мы обыкновенно называемъ «обличительнымъ». Почти всѣ наши писатели, съ большей или меньшей энергіей, устремились на изображеніе пошлыхъ и темныхъ сторонъ быта. П. И-чъ былъ однимъ изъ тѣхъ немногихъ, которые при этомъ изображеніи съумѣли остаться въ предѣлахъ художественности и осмыслить многія явленія, казавшіяся безсмысленными для поверхностнаго взгляда. Здѣсь почти въ каждомъ его произведеніи видна тонкая наблюдательность, основательное и разностороннее изученіе Русской жизни, соединенныя съ добросовѣстнымъ, теплымъ отношеніемъ къ дѣлу и съ тѣмъ чувствомъ мѣры, которое дается только художественному чутью. Напримѣръ, изъ упомянутыхъ его повѣстей особенно сильное впечатлѣніе на читающую публику, если не ошибаюсь, произвели *Старые годы*. Наканунѣ уничтоженія крѣпостнаго права, авторъ изобразилъ намъ ту степень безобразія, до котораго могли доходить люди, злоупотреблявшіе этимъ правомъ. Онъ взялъ нѣкоторыя отдѣльныя черты отъ извѣстныхъ деспотовъ и самодуровъ прошлаго времени, каковы: Измайловъ, Баташовъ, кн. Грузинскій и др., и создалъ рядъ картинъ, которыя, при чрезвычайной своей рельефности, все-таки не выступаютъ за предѣлы изящнаго. Другой его разсказъ «Медвѣжій уголъ» произвелъ весьма сильное впечатлѣніе въ томъ вѣдомствѣ, къ которому онъ относится. Авторъ, не имѣя въ виду никакой особой личности, изобразилъ здѣсь просто типъ инженера-эксплуататора. Но изображеніе попало такъ мѣтко, что нѣсколько лицъ, находившихся въ разныхъ губерніяхъ, приняли его на свой счетъ и грозили или послать автору вызовъ, или учинить ему какую-нибудь другую непріятность. Относительно повѣстей П. И-ча надобно поставить ему въ заслугу и то обстоятельство, что въ эту обличительную эпоху, когда въ нашей литературѣ выступили на сцену разныя направленія, онъ не увлекся духомъ времени, не злоупотреблялъ словами «народъ», «община» и т. п., не вводилъ въ свои произведенія никакихъ искусственныхъ тенденцій, а просто изображалъ добро и зло, какъ они представляются большинству образованныхъ людей. Онъ относился къ своему предмету, такъ сказать, эпически и, ярко изображая

служебною дѣятельностію, перейдемъ къ его трудамъ на поприщѣ собственно-изящной словесности.

Я упомянулъ, что первое напечатанное произведеніе сблизило его съ графомъ Д. Ник. Толстымъ, въ то время только что воротившимся изъ Славянскихъ земель. Между прочимъ П. И. учился у него по польски и перевелъ въ стихахъ изъ Мицкевича поэтическое произведеніе его, озаглавленное *Великій Мастеръ* (Arcy-mistrz). Переводъ этотъ былъ напечатанъ въ Литер. Газетѣ 1840 года, издававшейся, также какъ и Отеч. Зап., А. А. Краевскимъ. Стихъ перевода былъ хотя и гладокъ, но не выразителенъ; двадцатилѣтній переводчикъ понялъ, что поэзія ритмическая не его призваніе и далъ себѣ слово не писать болѣе стиховъ, каковое и исполнилъ. Въ томъ же 1840 году онъ сдѣлалъ попытку написать повѣсть изъ уѣзднаго быта въ сатирическомъ родѣ, подражая извѣстному произведенію Основьяненки «Панъ Халявскій». Повѣсть была озаглавлена «Ельпидорфъ Перфильичъ» и напечатана тамъ же, въ Литературной Газетѣ. Хотя издатель ея, вмѣстѣ съ извѣстнымъ нашимъ критикомъ Бѣлинскимъ, просили П. И-ча продолжать въ томъ же родѣ; но молодой авторъ созналъ свою житейскую неопытность, свое еще слишкомъ малое знакомство съ народомъ и невыработанность самаго языка. Послѣ того онъ занимался только статьями научнаго содержанія и въ теченіи одинадцати лѣтъ не повторялъ своей попытки писать повѣсти.

Въ 1849 году переѣхалъ въ Нижній-Новгородъ В. И. Даль, въ качествѣ управляющаго Удѣльною Конторою. П. И. познакомился съ нимъ еще года четыре назадъ, во время своей первой поѣздки въ Петербургъ; а теперь они сблизились окончательно. Юбиляръ нашъ приписываетъ Далю весьма большое вліяніе на свою литературную дѣятельность, считаетъ себя его ученикомъ и сохраняетъ о немъ благоговѣйную память. Онъ бывалъ у Даля чуть ли не каждый день и помогалъ ему въ первоначальныхъ трудахъ по составленію Толковаго Словаря, о чемъ Даль и заявляетъ въ предисловіи къ словарю. Онъ-то послѣ многихъ настояній и убѣдилъ своего Нижегородскаго друга писать повѣсти. Первою изъ нихъ была «Красильниковы», напечатанная въ Москвитянинѣ 1852 года. Здѣсь авторъ хотѣлъ изобразить столкновеніе молодаго, образованнаго, [illegible] слабаго силою поколѣнія съ старою, раскольничьею средою, [illegible] вое гибнетъ подъ ударами суроваго, непреклоннаго [illegible] большая повѣсть обнаруживаетъ еще нѣкоторую [illegible] излишнюю густоту и яркость красокъ; но въ ней [illegible] художникъ. Она явилась подъ псевдонимомъ: А и [illegible] своимъ служебнымъ отношеніямъ авторъ считал

настоящее имя, съ чѣмъ соглашался и Даль. Послѣдній придумалъ для него и самый псевдонимъ, избравъ для того названіе Печерской улицы, на которой въ то время они оба жили.

За Красильниковыми послѣдовалъ цѣлый рядъ повѣстей, каковы: *Поярковъ*, *Дѣдушка Поликарпъ*, *Старые Годы*, *Медвѣжій Уголъ*, *Непремѣнный*, *Имянинный Пирогъ*, помѣщенные въ Русскомъ Вѣстникѣ; *Бабушкины Росказни и Гриша* — въ Современникѣ. Повѣсти эти совпали съ тѣмъ оживленнымъ періодомъ нашей литературы, который мы обыкновенно называемъ «обличительнымъ». Почти всѣ наши писатели, съ большей или меньшей энергіей, устремились на изображеніе пошлыхъ и темныхъ сторонъ быта. П. И-чъ былъ однимъ изъ тѣхъ немногихъ, которые при этомъ изображеніи съумѣли остаться въ предѣлахъ художественности и осмыслить многія явленія, казавшіяся безсмысленными для поверхностнаго взгляда. Здѣсь почти въ каждомъ его произведеніи видна тонкая наблюдательность, основательное и разностороннее изученіе Русской жизни, соединенныя съ добросовѣстнымъ, теплымъ отношеніемъ къ дѣлу и съ тѣмъ чувствомъ мѣры, которое дается только художественному чутью. Напримѣръ, изъ упомянутыхъ его повѣстей особенно сильное впечатлѣніе на читающую публику, если не ошибаюсь, произвели *Старые годы*. Наканунѣ уничтоженія крѣпостнаго права, авторъ изобразилъ намъ ту степень безобразія, до котораго могли доходить люди, злоупотреблявшіе этимъ правомъ. Онъ взялъ нѣкоторыя отдѣльныя черты отъ извѣстныхъ деспотовъ и самодуровъ прошлаго времени, каковы: Измайловъ, Баташовъ, кн. Грузинскій и др., и создалъ рядъ картинъ, которыя, при чрезвычайной своей рельефности, все-таки не выступаютъ за предѣлы изящнаго. Другой его разсказъ «Медвѣжій уголъ» произвелъ весьма сильное впечатлѣніе въ томъ вѣдомствѣ, къ которому онъ относится. Авторъ, не имѣя въ виду никакой особой личности, изобразилъ здѣсь просто типъ инженера-эксплуататора. Но изображеніе попало такъ мѣтко, что нѣсколько лицъ, находившихся въ разныхъ губерніяхъ, приняли его на свой счетъ и грозили или послать автору вызовъ, или учинить ему какую-нибудь другую непріятность. Относительно повѣстей П. И-ча надобно поставить ему въ заслугу и то обстоятельство, что въ эту обличительную эпоху, когда въ нашей литерат[illegible] выступили на сцену разныя направленія, онъ не увлекся духом[illegible], не злоупотреблялъ словами «народъ», «община» и т. п., и [illegible] произведенія никакихъ искусственныхъ тенденцій, [illegible] добро и зло, какъ они представляются большин[illegible] относился къ своему предмету, тип[illegible] кая

темныя стороны нашего быта, оставался человѣкомъ порядка и послѣдовательнаго прогресса.

Наиболѣе граціозный, наиболѣе поэтичный разсказъ изъ этой эпохи безспорно составляетъ *Гриша*, заимствованный изъ того быта, который сдѣлался такъ близокъ сердцу автора, т.-е. изъ быта раскольничьяго. Къ этому быту и къ исторіи раскола онъ возвращается при всякомъ удобномъ случаѣ. За Гришей послѣдовалъ цѣлый рядъ литературно-историческихъ статей, посвященныхъ раскольничьему вопросу. Таковы, во первыхъ, *Письма о расколѣ*, явившіяся въ 1862 г. Онѣ написаны въ отпоръ мнѣнію, первоначально высказанному нѣкоторыми представителями нашей іерархіи, а потомъ подхваченному соціально-демократическимъ элементомъ въ нашей литературѣ, будто расколъ составляетъ готовую почву для переворота, такъ какъ онъ хранитъ въ себѣ демократическія стремленія, имѣетъ не церковное только, но и политическое значеніе. Далѣе явились *Старообрядческіе архіереи* и *Историческіе очерки поповщины* (въ Рус. Вѣстникѣ), обработанные по неизвѣстнымъ дотолѣ источникамъ, извлеченнымъ изъ архивовъ Синода и Министерства В. Д., потомъ *Тайные Секты*, *Бѣлые Голуби*. Кромѣ того, въ Чтеніяхъ Общ. И. и Древн., П. И-чъ началъ было печатать обширные матеріалы для исторіи Хлыстовской и Скопческой ересей; но печатаніе это по нѣкоторымъ обстоятельствамъ онъ прекратилъ.

Литературныя работы его, относящіяся къ расколу, уже начали приносить свой плодъ. Онѣ пролили много свѣта въ одинъ изъ самыхъ темныхъ угловъ Русской жизни, ослабили то отчужденіе, которое мы питали къ этому углу и вызвали болѣе сознательный интересъ къ нему въ Русскомъ обществѣ. Начинающаяся эпоха новыхъ мѣропріятій по этой части находится въ непосредственной связи съ дѣятельностію П. И-ча, о чемъ прямо на дняхъ заявилъ ему въ своей поздравительной телеграммѣ г. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ.

Чтобы пополнить списокъ наиболѣе замѣчательныхъ литературныхъ работъ его, я долженъ упомянуть еще о прекрасныхъ этнографическихъ *Очеркахъ Мордвы* (помѣщ. въ Рус. Вѣст.), въ которыхъ изображены религіозныя вѣрованія и обряды этого племени. Упомяну также о томъ, что въ 1859 г. онъ издавалъ въ Петербургѣ ежедневную и очень дѣльную газету *Русскій Дневникъ*. Газета эта прекратилась, говорятъ по недостатку матеріала, такъ какъ она не имѣла иностраннаго отдѣла; но я полагаю, она прекратилась прежде всего потому, что ежедневная публицистика была не въ духѣ ея редактора и не соотвѣтствовала процессу его литературныхъ работъ.

Перейдемъ теперь къ послѣднему и самому замѣчательному труду нашего юбиляра. Съ 1868 года началъ печататься въ Р. Вѣст. его этнографическій романъ «За Волгой», который потомъ продолжался подъ другимъ заглавіемъ: «Въ лѣсахъ». Вотъ что разсказываетъ авторъ о происхожденіи этого труда.

Уже графъ Ланской, съ большимъ вниманіемъ слѣдившій за литературной его дѣятельностію, не разъ говорилъ П. И-чу, чтобы онъ, при обширномъ знакомствѣ своемъ съ народнымъ бытомъ, описалъ его во всѣхъ подробностяхъ. Далѣе, въ 1861 г., ему выпала честь сопровождать покойнаго Цесаревича Николая Александровича въ первомъ путешествіи послѣдняго на Нижегородскую армарку и за тѣмъ по Волгѣ до Казани и обратно. Извѣстно, что Цесаревичъ очень любилъ Русскія преданія, повѣрья, пѣсни и вообще все, что относится до нашего народнаго быта. Во время этой поѣздки, на пароходѣ, П. И-чъ указывалъ ему на разныя мѣста нагорнаго и луговаго береговъ Волги и передавалъ сказанія объ этихъ мѣстахъ. Однажды, когда они плыли около Лыскова, онъ распространился о жизни за Волгой, о тамошнихъ лѣсахъ, скитахъ и т. п. Наслѣдникъ слушалъ съ большимъ вниманіемъ и сказалъ:

«Чтобы вамъ Павелъ Ивановичъ, все это написать, изобразить повѣрья, преданія и весь бытъ Заволжскаго народа». Передъ тѣмъ онъ только что прочелъ Гришу, въ томъ году отдѣльно изданнаго. П. И-чъ уклонялся, а Наслѣдникъ настаивалъ.

—«Нѣтъ; непремѣнно напишите; я за вами буду считать въ долгу повѣсть о томъ, какъ живутъ *въ лѣсахъ, за Волгой*».

На отговорки, что это большой трудъ и что при служебныхъ занятіяхъ не достанетъ на него времени, Великій князь продолжалъ повторять

—«Нѣтъ вы у меня въ долгу».

Прошло нѣсколько лѣтъ, и разговоръ этотъ былъ почти забытъ. Но когда П. И-чу пришлось присутствовать на погребеніи Царственнаго Юноши, ему живо припомнились слова покойнаго, и онъ тогда же рѣшилъ привести въ исполненіе его желаніе. Вскорѣ потомъ онъ почти удалился отъ служебнаго поприща, переѣхалъ въ Москву и здѣсь принялся за свой трудъ.

Я не намѣренъ войти въ разборъ этого труда: мы находимся еще подъ слишкомъ живымъ впечатлѣніемъ, да онъ и не оконченъ. Я желалъ только главнымъ образомъ обратить ваше вниманіе, м. гг. и. м. г-рыни, на то, съ какимъ запасомъ творческихъ силъ, съ какою громадною подготовкою, съ какою степенью зрѣлости приступилъ авторъ къ своему послѣднему произведенію (т.-е. послѣднему относительно настоящей мину-

ты). Мы видимъ счастливое соединеніе многихъ обстоятельствъ, обусловившихъ огромный успѣхъ этого произведенія, успѣхъ вполнѣ заслуженный. Авторъ рисуетъ передъ нами край, который онъ знаетъ съ самаго дѣтства и который наблюдалъ всю свою жизнь. Кромѣ близкаго нагляднаго знакомства съ своимъ предметомъ, онъ вооруженъ еще обширными научными свѣдѣніями, историческими и этнографическими. Онъ основательно изучилъ богатую Русскую рѣчь и мастерски ею пользуется. Онъ принадлежитъ и къ первымъ знатокамъ Русскаго народнаго быта вообще. Владѣя сильнымъ литературнымъ талантомъ, онъ изощрилъ этотъ талантъ долговременнымъ упражненіемъ и усвоилъ себѣ привычку подвергать свои произведенія вполнѣ добросовѣстной и тщательной обработкѣ, прежде нежели выпустить ихъ на свѣтъ Божій—привычку, которой, къ сожалѣнію въ послѣднее время слѣдуютъ очень немногіе изъ нашихъ писателей.

Надѣюсь, всѣ кто знакомъ съ произведеніями нашего юбиляра, согласятся, что слова мои не реторика, что я отдаю ему только должное. Предлагающій эту характеристику вообще не желалъ бы никогда ставить на ходули героя своей бесѣды, кто бы онъ ни былъ. А кто знаетъ лично П. И-ча, его скромный, непритязательный характеръ, его простые и чрезвычайно-общительные пріемы, тотъ знаетъ также, какъ не шла бы къ его изображенію какая либо реторика или ходульность.

Конечно строгая критика впослѣдствіи можетъ быть найдется сдѣлать нѣкоторыя замѣчанія и на послѣднее произведеніе; но таже критика должна будетъ сознаться, что замѣчанія эти съ избыткомъ выкупаются неоспоримыми достоинствами. Обыкновенно указываютъ на излишнее обиліе романическаго элемента въ данномъ трудѣ, который можно назвать собственно художественной этнографіей. Но и тутъ, въ этомъ романическомъ содержаніи, сколько живыхъ, мастерски очерченныхъ типовъ рисуется передъ нами. Для примѣра, приведу вамъ на память слабодушную, эгоистичную натуру Алексѣя, сладкоглаголиваго и крайне падкаго на искушенія Василія Борисова, деспотичный, но не лишенный нѣкоторыхъ теплыхъ сторонъ характеръ Потапа Максимыча—этотъ образчикъ великорусскаго тысячника, привыкшаго все гнуть по своему. Еще болѣе удачны по нашему мнѣнію нѣкоторые женскіе типы; передъ нами, напримѣръ, строгая, по наружности, какъ бы застывшая, фигура матери Манефы, въ дѣйствительности однако не успѣвшая совсѣмъ погасить своего внутренняго пламени; далѣе, бойкая, энергичная, во все путающаяся Флёнушка, сантиментальная Настя, сонная Параша и нѣсколько идеальная м. Послѣдняя представляетъ поэтическій, хотя еще блѣд-

ный образъ, но отъ котораго, также какъ отъ другихъ, вѣетъ знакомыми, національными чертами *. Однимъ словомъ, «Въ лѣсахъ» послужило для Русской читающей публики обильнымъ источникомъ эстетическаго наслажденія и завоевало своему автору полное право на ея признательность.

Мнѣ остается заявить наше безспорно общее горячее желаніе, чтобы П. И-чъ и по окончаніи этого труда какъ можно долѣе дарилъ насъ подобнымъ наслажденіемъ и продолжалъ бы въ такихъ же изящныхъ картинахъ раскрывать передъ нами разнообразные тайники Русской жизни и Русскаго духа.

Памяти С. М. Соловьева **.

Я не буду исчислять вамъ всѣ прекрасныя стороны покойнаго Сергѣя Михайловича Соловьева, всѣ стороны его дѣятельности и характера; не буду говорить о великости и незамѣнимости утраты, которую съ его кончиною понесло Русское общество; все это очень хорошо всѣмъ извѣстно. Я желаю сказать только немногія слова о немъ, какъ о научномъ дѣятелѣ, остановить ваше вниманіе на нѣкоторыхъ типичныхъ чертахъ изъ этой дѣятельности.

Прежде всего объ его отношеніи къ настоящему нашему Археологическому Обществу.

Сергѣй Михайловичъ былъ одинъ изъ тѣхъ, которые очень сочувственно привѣтствовали возникновеніе этого общества; онъ немедленно примкнулъ къ его составу и съ большимъ интересомъ слѣдилъ за его первыми шагами. Если впослѣдствіи онъ только изрѣдка принималъ участіе въ нашихъ засѣданіяхъ, то это обстоятельство совершенно понятно при его многочисленныхъ обязанностяхъ и непрерывныхъ занятіяхъ. Но главная причина, какъ я полагаю, заключалась въ томъ, что около этого времени, его обширный трудъ, извѣстный подъ именемъ «Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ», уже переступилъ ту хронологическую грань, которая отдѣляетъ древнюю или до-Петровскую Русь отъ послѣдующей эпохи. Слѣдовательно, его вниманіе и его работы главнымъ об-

---

* Дуня Смолокурова появилась потомъ въ третьей части его труда, которая называется: „На горахъ".

** „Древняя и Новая Россія" 1880—январь. Сказано въ засѣданіи Московскаго Археологическаго Общества, 27 ноября 1879.

разомъ были устремлены уже на XVIII вѣкъ, который только отчасти входилъ въ сферу археологическихъ интересовъ.

Если Сергѣй Михайловичъ иногда обнаруживалъ даже нѣкоторый скептицизмъ по отношенію къ выводамъ археологіи, то нельзя сказать чтобы и въ этомъ случаѣ онъ не былъ правъ. Археологія есть наука молодая; я говорю конечно о методѣ, о системѣ, а не объ археологическомъ матеріалѣ, который накопляется съ незапамятныхъ временъ.

Какъ молодая, еще неустановившаяся наука, археологія нечужда увлеченій и нѣкоторой неопредѣленности по отношенію къ своимъ задачамъ и предѣламъ. Поэтому скептицизмъ историка тутъ является для насъ естественнымъ, по крайней мѣрѣ, до извѣстной степени. Скажу болѣе: увлеченіе и скептицизмъ, эти двѣ противоположности суть обычныя и необходимыя условія научнаго прогресса; эти два явленія вы найдете въ исторіи каждой науки.

Для историка нашего времени археологія представляется важнѣйшею изъ вспомогательныхъ наукъ. Описывая событія или состояніе какого либо общества или народа въ данную историческую эпоху, историкъ долженъ стремиться къ раскрытію и разъясненію того матеріальнаго быта, той обстановки, той степени культуры, посреди которыхъ дѣйствовалъ человѣкъ въ эту эпоху, и слѣдовательно историческіе выводы должны быть провѣрены археологическими данными; въ свою очередь, и выводы археологіи должны провѣряться достовѣрными историческими извѣстіями и несомнѣнными фактами. Необходимо еще при этомъ имѣть въ виду, что исторія есть одна изъ наукъ старѣйшихъ по времени и обработкѣ; что ею уже выработаны нѣкоторыя черты или законы общественнаго развитія, которые неизмѣнно дѣйствуютъ при самой разнообразной обстановкѣ, при самыхъ повидимому различныхъ внѣшнихъ условіяхъ.

Сергѣй Михайловичъ по своимъ занятіямъ и интересамъ былъ вполнѣ историкъ.

Исторіографія въ свою очередь распадается на весьма разнообразные оттѣнки, которые обусловливаются по преимуществу личными свойствами и наклонностями историческаго писателя. Въ этомъ отношеніи мы можемъ указать примѣры: историковъ-бытописателей, историковъ-мыслителей, историковъ-художниковъ или историческихъ живописцевъ, историковъ-библіографовъ и т. д., смотря по чертамъ, преобладающимъ въ произведеніяхъ даннаго писателя. С. М. Соловьева можно отнести къ первой категоріи, т. е. къ историкамъ-бытописателямъ, и, конечно, въ самомъ благородномъ значеніи этого слова. Подъ бытописаніемъ я разумѣю строго послѣдовательное историческое описаніе событій и эпохъ. Древніе

хронисты или лѣтописцы суть тѣ первообразы, изъ которыхъ постепенно развились потомъ научно-подготовленные историко-бытописатели, принимавшіе на себя задачу изобразить цѣльную исторію какой либо страны или націи. Къ описанію событій историческая наука присоединяетъ по возможности раскрытіе ихъ внутренняго смысла, объясненіе ихъ причинъ и послѣдствій, обобщеніе аналогичныхъ явленій и т. п. (Это такъ называемый «прагматизмъ»). Такимъ успѣхамъ науки болѣе всего способствовали историко-мыслители или наблюдатели. Къ таковымъ же историкамъ-мыслителямъ мы должны причислить и Сергѣя Михайловича, столь удачно разъяснившаго намъ нѣкоторыя явленія древне-Русской исторіи, напримѣръ: междокняжескія отношенія, соперничество старыхъ и новыхъ городовъ, притязанія боярства въ царскій періодъ и т. д. Отличая историковъ по ихъ направленіямъ, мы конечно беремъ только преобладающія черты, что не исключаетъ возможности соединенія съ этими преобладающими и другихъ чертъ исторіографіи въ одномъ и томъ же лицѣ. Такъ, въ большомъ трудѣ Сергѣя Михайловича и его отдѣльныхъ монографіяхъ вы найдете многія художественныя страницы. Вы найдете также въ его цитатахъ и ссылкахъ обширную историческую библіографію.

Обращаясь къ исторіографу со стороны его симпатій и убѣжденій, имѣющихъ связь съ различными теченіями современной политической жизни, мы опять встрѣчаемъ разнообразные оттѣнки, консервативный, прогрессивный и т. п. Мы видимъ также историковъ государственниковъ, общинниковъ и т. д. Подобное разнообразіе оттѣнковъ въ сущности не только не вредитъ успѣхамъ исторической науки; напротивъ, оно способствуетъ этимъ успѣхамъ уже потому, что препятствуетъ излишнему развитію какой-либо крайности и односторонности. По отношенію къ первому дѣленію, Сергѣй Михайловичъ именно отличался умѣренностью; онъ чтилъ консервативныя начала въ жизни народовъ; вѣрилъ въ прогрессъ, но только постепенный, и былъ ревностнымъ сторонникомъ великихъ реформъ Петровскихъ и нашего времени. За то, по отношенію ко второму дѣленію, онъ былъ рѣшительный государственникъ. Сколько мнѣ извѣстно изъ его сочиненій и устнаго обмѣна мыслей, внѣ государственнаго быта онъ не признавалъ исторической жизни и національнаго развитія. Въ этомъ случаѣ онъ былъ совершенно правъ и стоялъ на гораздо болѣе твердой почвѣ, нежели тѣ Европейскіе и отечественные писатели, которые проповѣдывали какую-то собственно-народную исторію, и однако до сихъ поръ еще таковой исторіи не создали; сами они описывали большею частью дѣянія все тѣхъ же историческихъ личностей, которыми исторіографія занимается

издавна. Какъ извѣстно, нѣкоторое время у насъ проповѣдывались довольно легкомысленныя теоріи о какихъ-то общинахъ и федераціяхъ, теоріи, недорожившія такимъ великимъ благомъ, какъ государственное и вмѣстѣ съ тѣмъ національное единство, добытое нашими предками съ огромными трудами и жертвами. (Нельзя сказать, чтобы время подобныхъ теорій уже кончилось и для настоящей минуты). Сергѣй Михайловичъ не дѣлалъ никакихъ уступокъ по этой части. Правда, по своему обыкновенію, онъ уклонялся отъ всякой непосредственной, раздражающей полемики по жгучимъ текущимъ вопросамъ; но за то умѣлъ убѣжденія свои проводить спокойно и обстоятельно въ своихъ историческихъ произведеніяхъ.

Само собой разумѣется, сфера историческихъ вопросовъ такъ обширна и разнообразна, что полнаго согласія или тождества мнѣній по всѣмъ этимъ вопросамъ невозможно требовать, да въ видахъ научныхъ и не слѣдуетъ требовать отъ всѣхъ членовъ той исторической школы, которую оставилъ послѣ себѣ нашъ незабвенный профессоръ. Имѣя честь принадлежать къ его школѣ, я также позволяю себѣ въ нѣкоторыхъ частностяхъ отступать отъ его воззрѣній. По этому поводу приведу только одинъ примѣръ.

Вскорѣ послѣ Петровской реформы заправленіе государственными дѣлами Россіи, какъ извѣстно, очутилось въ рукахъ Нѣмцевъ. Сергѣй Михайловичъ объяснялъ такое анормальное явленіе довольно просто: по его мнѣнію, между Русскими людьми неоказывалось тогда такихъ свѣдущихъ, ловкихъ, неутомимыхъ дѣльцовъ, которымъ можно было бы поручить высшую администрацію въ трудное послѣреформенное время, и вотъ поневолѣ приходилось обращаться къ Нѣмцамъ, въ родѣ Остермана. Можетъ быть, я и не правъ, но признаюсь, не могу успокоиться на этомъ объясненіи; ибо въ томъ же трудѣ покойнаго историка мы находимъ цѣлый рядъ даровитыхъ и энергичныхъ дѣятелей чисто-Русскихъ; а сколько было еще такихъ, которымъ не дали хода. Я полагаю, что Русскій человѣкъ въ то время былъ такимъ же, какимъ онъ является прежде и послѣ, т. е. весьма способнымъ къ дѣятельности государственной, и не только государственной, но и ко всякому упорному труду и непреклонному преслѣдованію своихъ высшихъ цѣлей. Блистательный примѣръ такого Русскаго человѣка представилъ намъ именно самъ покойный историкъ, который неутомимостью въ работѣ, неослабною энергіею и обширностью своего главнаго произведенія едва ли не превзошелъ самихъ Гиббоновъ и Шлоссеровъ. Благодаря желѣзной энергіи, онъ уже близокъ былъ къ предѣлу своего огромнаго труда, который, какъ из-

вѣстно, онъ намѣревался довести до кончины Екатерины II. Ему оставалось пройти періодъ только съ небольшимъ въ двадцать лѣтъ, когда преждевременная смерть прервала эту неусыпную работу.

М.м. Г.г., сохранимъ всегда въ сердцѣ своемъ благоговѣйное уваженіе къ памяти этого великаго труженика и подвижника Русской науки, который оставилъ намъ высокій образецъ для подражанія.

Памяти графа А. С. Уварова *.

Мое знакомство съ графомъ А. С. Уваровымъ восходитъ къ 1858 г. Я былъ въ то время преподавателемъ въ рязанской гимназіи и въ этомъ году представилъ свою магистерскую диссертацію, т.-е. «Исторію Рязанскаго княжества». Алексѣй Сергѣевичъ, бывшій тогда помощникомъ попечителя Московскаго учебнаго округа, отнесся сочувственно къ моему труду, оказалъ всякое содѣйствіе при его печатаніи въ находившейся подъ его вѣдѣніемъ университетской типографіи, и вслѣдъ затѣмъ, вѣроятно, не безъ его участія, состоялся мой переводъ изъ Рязани въ Москву, подписанный попечителемъ округа А. Н. Бахметевымъ, другимъ прекраснымъ человѣкомъ, уже давно отошедшимъ въ вѣчность **. Изъ однихъ этихъ фактовъ понятно, что благодарная память о покойномъ графѣ для меня обязательна.

Въ 1864 или 1865 году я вступилъ въ число членовъ только что основаннаго имъ Московскаго археологическаго общества, и съ той поры началось постоянное научное съ нимъ общеніе, продолжавшееся цѣлыя двадцать лѣтъ и прерванное только безвременною его кончиною. Учрежденіе это, какъ извѣстно, было не только его твореніемъ, но и сдѣлалось какъ бы вторымъ его существомъ; такъ что нельзя было представить себѣ ни археологическое общество безъ графа Уварова, ни графа Уварова безъ Московскаго археологическаго общества. Мои сочлены также какъ и сторонніе посѣтители, конечно, еще находятся подъ живымъ впечатлѣніемъ той любезности и вмѣстѣ тѣхъ внушительныхъ пріемовъ, съ которыми онъ велъ засѣданія этого общества, т.-е. его умѣнья съ дружественнымъ, семейнымъ тономъ ихъ соединять серьезный, строго

---

* Русская Старина. Апрѣль. 1885 г. Сказано 28 февраля 1885 г. въ соединенномъ засѣданіи трехъ московскихъ ученыхъ обществъ, посвященной памяти графа С. Уварова, который скончался 29 декабря 1884 г.

** Та же диссертація потомъ удостоена малой *Уваровской* преміи, по отзыву академика Н. Г. Устрялова.

научный характеръ. О себѣ могу сказать откровенно, я приходилъ сюда и отдыхать, и учиться; а потому былъ однимъ изъ самыхъ постоянныхъ посѣтителей. Можно представить себѣ, какъ много всякаго рода крупныхъ и мелкихъ вопросовъ, чисто археологическихъ или имѣющихъ связь съ археологіей, было отчасти поставлено на видъ, отчасти обслѣдовано, отчасти рѣшено въ теченіе минувшаго двадцатилѣтія. Все это нашло мѣсто въ неперіодическомъ изданіи «Древности», которое представляетъ точное отраженіе жизни и дѣятельности нашего археологическа общества и которое, главнымъ образомъ, наполнено трудами все того же незабвеннаго предсѣдателя и основателя этого общества. Разнообразіе разсмотрѣннаго здѣсь научнаго матеріала обусловливалось главнымъ образомъ тѣмъ обстоятельствомъ, что покойный графъ Алексѣй Сергѣевичъ, при своемъ классическомъ и широкомъ научномъ образованіи, умѣлъ привлекать къ участію въ обществѣ кромѣ знатоковъ вещественныхъ памятниковъ, нумизматовъ и историковъ, также филологовъ, этнографовъ, антропологовъ, юристовъ, естествовѣдовъ, архитекторовъ и т. д., однимъ словомъ всѣхъ тѣхъ, которые заявили себя прикосновенными сюда учеными трудами или просто обнаруживали научный интересъ къ какому либо отдѣлу древностей. Въ этомъ отношеніи, можно сказать, имъ были почти исчерпаны тѣ наличныя силы, которыя представляетъ городъ Москва. И теперь, т.-е. по прошествіи 20 лѣтъ, когда нѣкоторые члены отошли уже въ вѣчность, другіе болѣютъ, третьи не могутъ болѣе удѣлять своего времени или съ годами ослабѣли въ своей энергіи, четвертые уклоняются по какимъ-либо другимъ причинамъ, чувствуется потребность освѣжить археологическое общество новыми дѣятелями; но это сдѣлать не легко, именно потому, что покойнымъ графомъ, какъ я сказалъ, были до нѣкоторой степени исчерпаны наши наличныя силы. Придется, можетъ быть, ждать, пока подготовится новое поколѣніе людей, безкорыстно преданныхъ наукѣ древностей, какъ отечественныхъ, такъ и всемірныхъ; а самое главное, нѣтъ болѣе того авторитетнаго, энергическаго и страстно любившаго эту науку руководителя, который все одушевлялъ, объединялъ и всѣхъ направлялъ къ одной общей цѣли.

Заботливость его объ отечественныхъ древностяхъ и распространеніи археологическаго интереса въ русскомъ обществѣ, какъ извѣстно, не ограничивалась однимъ городомъ Москвою, а обнимала почти всѣ области Европейской Россіи. Прекраснымъ средствомъ для этой цѣли послужили устроенные имъ періодическіе съѣзды. И тутъ въ полномъ блескѣ обнаруживался его организаторскій талантъ. Онъ умѣлъ найти финансовыя средства, привлечь къ участію и вызвать къ усиленной дѣят

мѣстныя ученыя силы; снаряжалъ экспедиціи для произведенія научныхъ раскопокъ, а нерѣдко производилъ ихъ лично, вообще такъ усердно трудился и такъ искусно направлялъ всѣ подготовительныя работы, что эрхеологическіе съѣзды являлись замѣчательно хорошо обставленными. Они накопляли обыкновенно столько матеріала, что, не смотря на довольно продолжительный срокъ засѣданій, не хватало времени, чтобы исчерпать весь этотъ матерьялъ. Стоитъ только просмотрѣть оглавленіе изданныхъ потомъ Трудовъ этихъ съѣздовъ или одни ихъ бюллетени, чтобы получить понятіе о массѣ собраннаго матеріала и его разнообразіи (къ сожалѣнію, доселѣ далеко не всѣ Труды съѣздовъ изданы вполнѣ). И надобно было видѣть, сколько научнаго интереса и оживленія вносили эти съѣзды въ мѣстное населеніе, конечно въ наиболѣе интеллигентную его часть. Доселѣ для нихъ избирались преимущественно университетскіе города. Съѣзжавшіеся съ разныхъ сторонъ русскіе ученые здѣсь входили въ дружеское взаимное общеніе, мѣнялись своими мыслями и свѣдѣніями, и въ то же время ближе знакомились съ разными краями нашего обширнаго отечества.

Начались они въ самомъ археологическомъ и національномъ русскомъ центрѣ, т.-е. въ Москвѣ. Продолжались въ центрѣ нашей современной цивилизаціи и администраціи, т.-е. въ Петербургѣ, съ его обширнымъ сѣверо-западнымъ раіономъ, который, между прочимъ, важенъ для археологіи своими многочисленными сопками и жальниками, или могильными курганами. Потомъ мы перешли въ древнѣйшее средоточіе Руси, въ Кіевъ, съ его драгоцѣнными памятниками до-татарской эпохи, и тамъ совершили экскурсію внизъ по Днѣпру. Далѣе слѣдовала Казань съ ея восточными инородцами и арабско-татарскими воспоминаніями, и съ экскурсіей по Волгѣ на развалины древнихъ Болгаръ. Потомъ выступилъ на очередь Тифлисъ, съ неизгладимыми впечатлѣніями отъ величественной кавказской природы, съ интересной поѣздкой по желѣзной дорогѣ въ Мцхетъ и Кутаисъ. Любопытно, что закавказское общество, хотя и не университетское, а только жаждущее имѣть университетъ, отнеслось къ съѣзду самымъ радушнымъ и симпатичнымъ образомъ, и оставило въ его участникахъ наиболѣе свѣтлую память. Въ заключеніе явилась Одесса съ ея меркантильнымъ характеромъ и Припонтійскими степями, въ которыхъ постоянно открываются безчисленные памятники древней Скиѳіи и греческихъ колоній, и съ поѣздкой по Черно[illegible] на мѣсто знаменитаго Херсонеса. Все это [illegible]а-теріалъ для научнаго изученія, но[illegible] жающихъ впечатлѣній. Лично я [illegible]

ностію къ этой сторонѣ дѣятельности покойнаго, потому что воспользовался ею болѣе другихъ; ибо послѣ графа Алексѣя Сергѣевича въ настоящее время, судя по спискамъ, я представляю единственное лицо, которое принимало непосредственное участіе во всѣхъ бывшихъ шести съѣздахъ. Если выше заявлены мною 'нѣкоторыя опасенія за дальнѣйшую судьбу основаннаго имъ археологическаго общества, то еще сильнѣе возникаетъ теперь вопросъ о дальнѣйшей судьбѣ заведенныхъ имъ періодическихъ съѣздовъ, такъ какъ на этомъ поприщѣ онъ окончательно незамѣнимъ.

Изъ сказаннаго мною вы видите, мм. гг., что въ научномъ отношеніи я считаю себя много обязаннымъ покойному графу. Не берусь опредѣлять степень вліянія его археологической дѣятельности на моихъ товарищей по спеціальности, т.-е. на занимающихся Русской исторіей, хотя нисколько въ этомъ вліяніи не сомнѣваюсь; для меня же лично оно было весьма осязательно.

Въ послѣдніе годы жизни покойный связалъ свое имя еще съ замѣчательнымъ государственнымъ сооруженіемъ, въ которое онъ по обыкновенію вложилъ свою душу и на которое положилъ много своихъ силъ и здоровья. Я разумѣю Историческій музей въ Москвѣ. Но о его трудахъ въ этомъ дѣлѣ предоставляю говорить другимъ, ближе съ нимъ знакомымъ. (Въ процессѣ этого сооруженія не все было для меня ясно).

Выдающагося дѣятеля науки можно уподобить свѣтильнику, озаряющему болѣе или менѣе яркимъ пламенемъ среду, его окружающую. Прекратилось земное существованіе; но вмѣстѣ съ нимъ еще не погасъ свѣтильникъ. Его отрадный свѣтъ еще долго будетъ разливаться посредствомъ его ученыхъ трудовъ, его учениковъ и послѣдователей, а въ данномъ случаѣ также посредствомъ научныхъ учрежденій, имъ основанныхъ, и интересовъ, имъ возбужденныхъ.

III.

ПОѢЗДКА ПОДЪ ПЛЕВНУ *

и приключеніе въ Галиціи.

Послѣ третьей Плевны, т.-е. несчастнаго приступа 30 августа 1877 года, нервное настроеніе русскаго общества достигло крайней степени. не выдержалъ и поѣхалъ на театръ войны, чтобы собственными глазами посмотрѣть положеніе дѣла. Не буду описывать длинной дороги гъ Москвы до Яссъ. Начиная приблизительно отъ станціи Раздѣльной, виженіе впередъ все болѣе и болѣе замедлялось скопленіемъ поѣздовъ, оенныхъ и встрѣчныхъ санитарныхъ, которые были наполнены ранеыми. Въ Кишиневѣ, гдѣ между приходомъ и отправкою поѣзда прошло часа два или три, я успѣлъ навѣстить генерала Драгомірова, оторый лежалъ тамъ съ больною ногою, простреленною на Шипкѣ. Супруга его вручила мнѣ ящикъ съ чаемъ для Зимницкаго госпиталя.

Въ Яссахъ пришлось ждать цѣлый день слѣдующаго поѣзда. Тутъ а вокзалѣ я встрѣтилъ знакомаго мнѣ полковника Сытенка, начальника желѣзно-дорожнаго батальона. Благодаря его любезности, я успѣлъ е только посѣтить огромный баракъ-госпиталь, расположенный близь станціи и биткомъ набитый ранеными и больными, подлежавшими дальнѣйшей отправкѣ, т.-е. въ Россію, но и осмотрѣть весь городъ Яссы ь его окрестностяии. Къ вечеру выѣхалъ Бухарестскій поѣздъ.

По утру, когда взошло солнце и вагоны катились по широкой Румынской равнинѣ, невдалекѣ, почти параллельно съ нами, показалась шоссированная дорога, по которой двигалась русская походная колонна. Погода была ясная и сухая; солнечные лучи играли на штыкахъ; люди шли бодро; офицеры верхами составляли группы впереди и позади колонны. Не хочу скрывать своего тогдашняго ощущенія: какая-то сле-

---

* Русская Старина, 1883 г. Февраль.

за умиленія стояла въ глазахъ при видѣ роднаго войска, шедшаго на святое дѣло. Но на театрѣ войны или вблизи его однѣ ощущенія должны часто смѣняться другими. Вспоминаю иную картину, уже при моемъ возвращеніи, въ той же Румыніи, на дорогѣ между Зимницею и Журжевомъ. Небо покрыто тучами, моросить дождь; посреди глубокой вечерней темени лошади медленно тащатъ телѣжку, а возница едва разбираетъ дорогу. На встрѣчу стали попадаться группы какихъ-то тѣней, которыя все спрашивали, далеко ли до ближней деревни. Это были русскіе солдаты, усталые, промокшіе; они въ потьмахъ плелись по грязи до слѣдующаго привала. Но вернемся къ Бухарестскому поѣзду. Помянутое впечатлѣніе, произведенное русскою колонною, было вслѣдъ затѣмъ нѣсколько испорчено шумнымъ обществомъ русской молодежи, которая ѣхала въ сосѣднемъ вагонѣ; но, будучи, какъ говорится, на-веселѣ, не ограничивалась имъ, а посѣщала и другіе вагоны. Оказалось, что это были юнкера или воспитанники юнкерской школы, выпущенные въ офицеры и отправлявшіеся въ дѣйствующую армію. Источникомъ ихъ шумной веселости послужило жалованье, выданное впередъ или не въ зачетъ (хорошо не помню). Передъ румынскою публикою, конечно, было нѣсколько неловко; приходилось говорить своимъ сосѣдямъ-Румынамъ о крайней молодости, о томъ, что всѣ эти юноши будутъ храбро драться и, вѣроятно, далеко не всѣ вернутся на родину (что безъ сомнѣнія буквально потомъ исполнилось). Изъ разговоровъ съ сосѣдями-Румынами, равно дамами и мущинами, я узналъ, что всѣ они сильно побаиваются, какъ бы Турки не прорвались на эту сторону Дуная и не произвели всякаго рода опустошеній и плѣненій.

Въ Бухарестѣ, при въѣздѣ въ городъ, таможенные чиновники обшарили мои вещи и едва пропустили помянутый ящикъ съ чаемъ. Затѣмъ долго пришлось разъѣзжать по городу, отыскивая какой-нибудь пріютъ; такъ все было полно русскимъ офицерствомъ, преимущественно штабнымъ или нестроевымъ, интендантствомъ и множествомъ агентовъ, особенно изъ Евреевъ по продовольствію войскъ и другимъ статьямъ военной надобности. Со станціи я взялъ извощика изъ русскихъ скопцевъ, которыхъ тамъ очень много, и, благодаря возможности объясняться съ нимъ по-русски, наконецъ нашелъ себѣ какую-то полусвѣтлую комнатку въ одной гостинницѣ средней руки, чистотою конечно не отличавшейся.

Въ этомъ городѣ, съ которымъ былъ уже прежде знакомъ, на сей разъ пробылъ полтора сутокъ. Прежде всего я отправился въ русское генеральное консульство. Когда спросилъ г. консула, нужно ли запастись отъ него бумагою для пропуска за Дунай, онъ отвѣчалъ, что это необ-

ходимо, а иначе меня, какъ частное лицо, не пропустятъ. На слѣдующій день къ 12 часамъ онъ обѣщалъ приготовить мнѣ нужную бумагу. Услыхавъ, что въ томъ же домѣ консульства, въ сосѣднихъ комнатахъ, проживаетъ русскій канцлеръ, я пожелалъ воспользоваться случаемъ, чтобы видѣть и слышать одного изъ крупныхъ дѣятелей нашей современной исторіи, котораго никогда прежде не видалъ. Но на посланную карточку получилъ отвѣтъ, что князь сейчасъ уѣзжаетъ на прогулку и принять меня не можетъ *.

Въ этотъ день, не встрѣтивъ никого изъ знакомыхъ или благопріятелей, я не собралъ никакихъ свѣдѣній о театрѣ войны; а могъ только наблюдать движеніе и жизнь на улицахъ, въ магазинахъ и ресторанахъ. Видѣлъ какъ русское золото и серебро сыпалось вездѣ щедрою рукою. На другой день въ назначенный часъ явился въ генеральное консульство; но тамъ никто и не думалъ приготовить мнѣ какую либо бумагу; консулъ былъ съ кѣмъ-то занятъ, и очевидно ему было не до меня въ такое суетливое время. Я рискнулъ ѣхать безъ бумаги, и часа черезъ три сѣлъ на Журжевскій поѣздъ, отправлявшійся до Фратешти. Это былъ поѣздъ преимущественно военный и вѣроятно оплачиваемый русскимъ правительствомъ. Билетовъ никто не спрашивалъ; различія между классами тутъ не существовало. Всѣ садились куда и какъ попало. Поѣздъ шелъ медленно съ большими остановками на какихъ-то бѣдныхъ станціяхъ съ буфетами, предлагавшими незатѣйливыя явства и напитки, въ родѣ водки и колбасы. Уже поздно вечеромъ добрались мы до Фратешти. Журжево въ то время страдало отъ бомбъ, прилетавшихъ съ

* По этому поводу припомню подобный же случай. Въ 1868 году я былъ въ Варшавѣ и осматривалъ ея древности. Главную достопримѣчательность ея составляетъ старый королевскій дворецъ, въ которомъ жилъ намѣстникъ графъ Бергъ. Думаю: въ 1864 году былъ въ Вильнѣ, и случайно попалъ на утренній пріемъ къ Муравьеву; теперь посмотрю на другаго усмирителя польскаго мятежа и вмѣстѣ одного изъ главныхъ германизаторовъ Привислянскаго края. Прошу доложить обо мнѣ и посылаю свою карточку. Не тутъ-то было. Ко мнѣ вышелъ адъютантъ, очевидно также изъ нѣмцевъ, и спросилъ, что мнѣ нужно отъ графа? Я отвѣчалъ, что ничего болѣе какъ позволеніе осмотрѣть дворецъ и преимущественно его старину. Адъютантъ пошелъ, и принесъ мнѣ это позволеніе; при чемъ далъ въ провожатые служителя-поляка (Русскій элементъ во дворцѣ существовалъ только въ видѣ военнаго караула). Графъ Бергъ уже умеръ; такъ я его и не видалъ. Напомню и еще нѣчто подобное. Въ 1878 году въ Москвѣ я пожелалъ присутствовать на одномъ торжественномъ раутѣ, чтобы поближе взглянуть на главныхъ современныхъ правителей; но не могъ добиться приглашенія отъ чиновниковъ, щедро разсылавшихъ его налѣво и направо. Я тогда возропталъ печатно, что вызвало недоумѣніе со стороны нѣкоторыхъ органовъ нашей прессы, которые, конечно, заподозрили во мнѣ честолюбивыя стремленія.

другой стороны Дуная, изъ Рущука; а потому поѣздъ невсегда доходилъ до конца желѣзнаго пути. У станціи ожидала толпа извощиковъ. Я выбралъ одного румынскаго болгарина съ легкой телѣжкой (каруццой), запряженной тремя маленькими лошадками, и сторговалъ его за сколько-то полуимперіаловъ отвезти меня въ Болгарію, именно въ Горный Студень, гдѣ тогда находилась главная квартира. Мы ѣхали всю ночь; передъ утромъ остановились въ какомъ-то довольно большомъ румынскомъ селеніи, названія котораго не помню. Тутъ болгаринъ, никуда не заѣзжая, на улицѣ покормилъ своихъ лошадокъ, и затѣмъ продолжалъ путь. Наружный характеръ страны, по крайней мѣрѣ въ этой части Румыніи, не показывалъ ни значительной культуры, ни довольства или густоты населенія. По мѣрѣ движенія впередъ сказывалась близость театра войны, особенно въ видѣ павшихъ воловъ и лошадей, которые были только отодвинуты немного въ сторону отъ дороги и почему-то оставались неубранными.

Часовъ въ десять или одиннадцать утра я пріѣхалъ въ румынское селеніе или городокъ Зимницу, лежащій на лѣвой сторонѣ Дуная, насупротивъ болгарскаго города Систова. Около Зимницы въ открытомъ полѣ расположенъ былъ довольно обширный госпитальный лагерь Краснаго Креста, состоявшій изъ разной величины палатокъ. Тутъ я провелъ часа два. Благодаря помянутому ящику съ чаемъ, назначенному для этого госпиталя, мнѣ было оказано нѣкоторое вниманіе; сестры милосердія даже напоили меня чаемъ; а смотритель госпиталя сводилъ меня въ кухонный баракъ, гдѣ въ огромныхъ котлахъ кипѣли щи или борщъ, варившійся для больныхъ, и предложилъ отвѣдать горячаго борщу. Принимая меня за корреспондента, онъ выразилъ надежду, что я одобрительно отзовусь о хозяйственной сторонѣ госпиталя; охотно даю этотъ отзывъ въ настоящее время, хотя и нѣсколько поздно. (Смотритель носитъ историческую фамилію: Собѣсскій). Больные, наполнявшіе палатки, несомнѣнно пользовались свѣжимъ воздухомъ; но наступало осеннее время и я полагаю, что по ночамъ они страдали отъ холоду. Изъ большаго барака, гдѣ производились хирургическія операціи и накладывались гипсовыя повязки, раздавались стоны и вопли, съ непривычки наводившіе не малую тоску.

Спустившись съ высокаго берега къ понтонному мосту, наведенному черезъ Дунай, я былъ остановленъ часовымъ, который потребовалъ мой видъ и пропускъ. У меня оказалось письмо князя В. А. Черкасскаго (теперь уже покойнаго), начальника временнаго гражданскаго управленія въ Болгаріи. Письмо, написанное на печатномъ бланкѣ мѣсяцевъ

за пять назадъ, заключало въ себѣ отвѣтъ на мое желаніе прибыть въ главную квартиру,—желаніе, которое въ то время не было приведено въ исполненіе. Этого письма оказалось достаточно и меня пропустили.

Городъ Систово, съ его каменными домиками, лѣпившимися на высокомъ берегу Дуная, на сей разъ я миновалъ, потому что спѣшилъ въ тотъ же день добраться до Горнаго Студня. Благодаря сухой погодѣ, дорога не представляла трудностей, и мы ѣхали довольно скоро. Только время отъ времени мой болгаринъ останавливался, набиралъ стеблей и листьевъ кукурузы, остававшейся неубранною въ поляхъ, и давалъ ее пожевать своимъ лошадкамъ; при чемъ считалъ непремѣнною обязанностію подергать или потянуть ихъ за уши. Очевидно это былъ гигіеническій пріемъ, общеупотребительный въ тѣхъ краяхъ. Въ какой-то деревенькѣ мы сдѣлали маленькій привалъ на улицѣ или на площади, чтобы покормить лошадокъ. Тутъ я нагналъ одну изъ частей гвардіи, двинутой тогда на театръ войны, именно Измайловскій полкъ. Я сѣлъ на пригоркѣ возлѣ дороги, и смотрѣлъ на растянувшіяся полковыя колонны. Солдаты имѣли спокойный, бодрый видъ; только полковой обозъ, повидимому, представлялъ нѣкоторыя затрудненія, и большія неуклюжія повозки, нагруженныя разнымъ добромъ, иногда застрѣвали въ какихъ-нибудь ямкахъ, такъ что доставляли не мало возни людямъ. Между тѣмъ недалеко отъ меня присѣла группа офицеровъ, и изъ долетавшихъ до меня разговоровъ я могъ убѣдиться въ ихъ воинственномъ настроеніи. Такъ, по поводу какого-то замѣчанія о Туркахъ, одинъ юноша сказалъ, что онъ на ихъ счетъ запасся хорошей шашкой, и ударилъ по ея рукояти. Но когда полкъ прошелъ, и я приблизился къ другой группѣ, которая собралась неподалеку отъ моей телѣжки и состояла повидимому изъ лицъ, расквартированныхъ въ этой деревенькѣ, то здѣсь убѣдился, что армейскіе чины безъ особаго удовольствія встрѣчали шедшую къ нимъ на помощь гвардію. Она, молъ, воспользуется плодами нашихъ трудовъ и нашей крови; ей достанутся и главная слава, и главныя награды. Извѣстно, какъ впослѣдствіи гвардія геройскими и кровопролитными подвигами стяжала свои лавры. Но пусть тѣ, отъ кого зависитъ, на будущее время постараются устранить этотъ недостатокъ дружбы между войскомъ простымъ и привиллегированнымъ.

Время уже близилось къ вечеру, когда я добрался до Горнаго Студня, селенія, расположеннаго посреди лощинъ и овраговъ. Разыскавъ мѣсто, гдѣ былъ отдѣльный небольшой лагерь чиновниковъ временнаго гражданскаго управленія, я остановился подлѣ хижины, которую занималъ князь Черкасскій. Онъ куда-то отъѣхалъ и еще не возвращался.

Я разсчиталъ своего возницу, и сталъ дожидаться князя. Низенькая хижина, въ которой онъ помѣщался, по мѣстному обычаю, была наполовину выкопана въ землѣ; но она отличалась отъ другихъ чистотою и опрятностію, и глиняный полъ ея былъ устланъ свѣжею соломою. Причисленные къ нему офицеры и чиновники его канцеляріи располагались кругомъ въ простыхъ холстинныхъ палаткахъ. Спустя полчаса, послышался конскій топотъ, и на сѣромъ пожиломъ конѣ подъѣхалъ князь Черкасскій, въ полувоенномъ костюмѣ и въ невысокихъ сапогахъ со шпорами. Послѣ того, какъ мы видѣлись въ Москвѣ, онъ замѣтно посѣдѣлъ и похудѣлъ; усиленные труды и заботы уже наложили свою печать на его умную физіономію. Когда я ему сообщилъ о своемъ намѣреніи ѣхать подъ Плевну, онъ отвѣчалъ, что безъ особаго спеціальнаго разрѣшенія изъ главной квартиры меня туда не пропустятъ; на этотъ счетъ тамъ очень строго; слѣдовательно мнѣ нужно ждать возвращенія Великаго князя главнокомандующаго, который только что уѣхалъ туда же, подъ Плевну, и вернется неизвѣстно когда, во всякомъ случаѣ не ранѣе трехъ, четырехъ дней. Такое препятствіе меня нѣсколько озадачило, ибо въ Горномъ Студнѣ, какъ оказалось, дѣлать было нечего, и ожиданіе представлялось довольно тягостнымъ.

Разумѣется, тотчасъ возникъ вопросъ, куда меня пріютить. Нашлась свободная койка въ одной палаткѣ, именно у г. Станишева, родомъ болгарина, съ которымъ я былъ нѣсколько знакомъ еще въ Москвѣ. По сосѣдству съ нашимъ лагеремъ оказался довольно сносный ресторанъ, устроенный въ довольно большой палаткѣ маркитантомъ главной квартиры, гдѣ и можно было утолить голодъ. Хотя днемъ солнце даже пекло, но ночи были уже холодныя, и я порядкомъ зябъ въ небольшой легкой палаткѣ, снизу продуваемой вѣтромъ. Слѣдующее утро провелъ въ прогулкахъ по Горному Студню и его окрестностямъ; видѣлъ издали Государя Императора, какъ онъ на дворѣ занимаемаго имъ домика завтракалъ окруженный свитою: съѣздилъ на помянутой верховой лошади князя Черкасскаго въ одну деревеньку, въ которой нѣкоторое время находилась квартира Государя Цесаревича; посѣтилъ съ княземъ калмыцкія кибитки Краснаго Креста, гдѣ между прочимъ полюбовался на студентовъ-медиковъ, добровольно отправившихся на театръ войны. Раза два заходилъ въ ресторанъ; нѣсколько разъ принимался пить чай съ хозяиномъ своей палатки или съ обитателями сосѣднихъ палатокъ. Вскорѣ я убѣдился, что для русскихъ людей на театрѣ войны главная отрада— это чай.

Во время чаепитій я, между прочимъ, сталъ собирать свѣдѣнія о томъ,

какія же существуютъ тамъ средства сообщенія. Оказалось, что для меня собственно никакихъ средствъ не представлялось, и что эта часть есть самая затруднительная даже для военныхъ чиновъ. Надобно было или купить себѣ лошадь, которую содержать было очень не легко, или ждать такъ называемой оказіи, а иначе путешествовать пѣшкомъ или на волахъ съ какимъ либо обозомъ. Подобная перспектива, съ возможностію на неопредѣленное время быть отрѣзаннымъ отъ возвращенія въ Россію, конечно, не мало меня встревожила. Я побѣжалъ разыскивать своего вчерашняго возницу-болгарина и нашелъ его совершенно готовымъ уѣхать. Онъ стоялъ подлѣ своей запряженной телѣжки, и поджидалъ, не найметъ ли кто его на обратный путь, т.-е. въ Румынію. Такое замедленіе оказалось для меня счастливою случайностію. Я постарался остановить болгарина, и поспѣшилъ къ князю Черкасскому, которому сообщилъ о своемъ рѣшеніи ѣхать немедленно подъ Плевну, хотя бы это и было сопряжено съ рискомъ. В. А. не сталъ болѣе меня удерживать, и тотчасъ написалъ для меня нѣсколько рекомендательныхъ записокъ къ разнымъ лицамъ, окружавшимъ Великаго князя главнокомандующаго. Пока онъ писалъ, я пригласилъ болгарина въ палатку, и, съ помощію г. Станишева, сначала убѣдилъ его везти меня подъ Плевну, и оттуда обратно въ Румынію, а затѣмъ столковался въ цѣнѣ, которую онъ запросилъ было сверхъ всякой мѣры. Но за сколько золотыхъ я его нанялъ, теперь въ точности не помню.

Было уже часовъ пять пополудни, когда я простился съ кн. Черкасскимъ, и выѣхалъ по направленію къ Плевнѣ, до которой отъ Горнаго Студня приблизительно верстъ пятьдесятъ. Почти на половинѣ этого разстоянія находится селеніе Булгарени, въ которомъ я долженъ былъ остановиться на ночлегъ, имѣя записку отъ князя Черкасскаго къ капитану Паули, завѣдывавшему здѣсь питательнымъ пунктомъ. Нужно замѣтить, что эти благодѣтельные пункты были учреждены отъ Краснаго Креста по главнымъ путямъ на театрѣ войны для того, чтобы доставлять отдыхъ, пищу, перевязки и вообще медицинскую помощь раненымъ и больнымъ, которые постоянно эвакуировались съ мѣста дѣйствія. Они находились въ вѣдѣніи князя Черкасскаго, а онъ для административныхъ потребностей имѣлъ въ своемъ распоряженіи нѣкоторое количество гвардейскихъ офицеровъ.

Помнится, въ сумеркахъ мы проѣзжали чрезъ какое-то большое селеніе, исключительно турецкое; возвращавшійся съ пастьбы скотъ столпился у деревенскаго колодца; тутъ же лѣниво и апатично копошились люди, повидимому не обращавшіе никакого вниманія на проѣзжихъ. На

этой дорогѣ къ Булгаренямъ я имѣлъ непріятное приключеніе, окончившееся, впрочемъ, благополучно. Такъ какъ уже смерклось, и мой возница спѣшилъ добраться до ночлега, то онъ началъ усердно погонять своихъ лошадокъ; мы ѣхали по неровной мѣстности, изрытой долинами и оврагами. Телѣжка подпрыгивала на ямкахъ и кочкахъ и иногда неслась по крутой извилистой дорожкѣ, которую едва можно было различить въ полутьмѣ. Разъ спустились мы вскачь съ какой-то покатости въ тинистую лощину, черезъ которую былъ наброшенъ хворостъ. Но едва лошади ступили на эту обманчивую настилку, какъ по самую грудь ушли въ трясину. Туда-сюда, но, какъ говорится, ни съ мѣста. При наступившей абсолютной темнотѣ положеніе оказалось критическимъ. Мой болгаринъ почти плакалъ, и отчаянно суетился около лошадей, проклиная свое согласіе везти меня подъ Плевну. Я рѣшилъ идти впередъ пѣшкомъ, и, если можно, найдти какую либо помощь. Перебравшись кое-какъ по настланному хворосту, ощупью пошелъ по дорогѣ. Вдругъ гдѣ-то налѣво отъ нея мелькнулъ огонекъ; я направился въ ту сторону. Огонекъ исчезъ; но я продолжалъ идти, и скоро могъ различить въ темнотѣ какую-то широко раскинувшуюся массу. Затѣмъ услыхалъ людской говоръ. Черезъ минуту все объяснилось. Безформенная масса обратилась въ ряды артиллерійскихъ фургоновъ и лафеты съ орудіями. Это была слѣдовавшая куда-то артиллерійская бригада, остановившаяся на ночлегъ въ открытомъ полѣ. Говоръ происходилъ отъ группы солдатъ, которая лежала на привалѣ и еще не успѣла заснуть; а огонь мелькнулъ тогда, когда они закуривали свои трубки. Разумѣется, я разсказалъ имъ о своемъ приключеніи, и просилъ помощи. Тотчасъ отобралось десятокъ молодцовъ, и, съ разрѣшенія офицера, отправились со мною, захвативъ фонарь.

Когда мы подошли къ мѣсту событія, на немъ не оказалось ни лошадей, ни телѣжки; а въ нѣкоторомъ разстояніи отъ него болгаринъ снова запрягалъ свою каруццу. Пока я ходилъ за помощью, ему какъ-то удалось всѣхъ лошадей по очереди вытащить изъ трясины. Потомъ, будучи не въ состояніи повернуть увязшую телѣжку, онъ привязалъ къ ея задку хвосты своихъ коней, и они вытащили ее на сухую почву. Находчивость, достойная греческаго Одиссея. Но оставалось разрѣшить вопросъ: какимъ образомъ переправиться на другую сторону тинистой лощины? Мы пошли по ея берегу, отыскивая болѣе сухое мѣсто для переправы. Дѣйствительно, дно ея становилось суше; но чѣмъ далѣе мы шли, тѣмъ болѣе превращалась она въ безконечный оврагъ съ крутыми берегами. Тогда пришлось снова выпрячь лошадей и перевести ихъ въ поводу; солдаты на рукахъ спустили телѣжку на дно оврага и втащили

ее на другую сторону. Выѣхавъ снова на дорогу, я поблагодарилъ артиллеристовъ и продолжалъ путь. Разумѣется, нельзя было не посѣтовать при этомъ, что въ районѣ расположенія русскихъ войскъ пути сообщенія были такъ неисправны.

Спустя около часу, мы достигли Булгарень.

Большой полотняный баракъ и нѣсколько маленькихъ палатокъ подлѣ него тотчасъ обнаружили мѣсто питательнаго пункта. Я заглянулъ въ баракъ; онъ былъ разгороженъ на разныя отдѣленія, но казался пустъ; рѣзкій вѣтеръ съ шумомъ колебалъ его холстинныя или клеенчатыя стѣны и покрышку. Въ одномъ углу, отдѣленномъ пологомъ, горѣла свѣча: какой-то молодой писарь сидѣлъ тамъ за столомъ и составлялъ отчетныя вѣдомости. Отъ него я узналъ, что капитанъ Паули перебрался изъ палатки въ деревню вслѣдствіе наступившихъ холодовъ, такъ какъ онъ заболѣлъ лихорадкою. По указанію писаря, я нашелъ дворъ и ту избу, гдѣ помѣщался капитанъ, и здѣсь присталъ съ своей каруццой. Запретивъ будить больнаго хозяина, я поручилъ деньщику отдать ему письмо Черкасскаго по утру, когда онъ встанетъ; а себѣ попросилъ послать соломы въ сѣняхъ или въ передней избѣ, и скоро заснулъ довольно крѣпко.

По утру, когда я всталъ, хозяинъ уже былъ предупрежденъ обо мнѣ помянутымъ письмомъ, и любезно упрекнулъ меня за то, что я не велѣлъ его разбудить. У него въ это время былъ еще его товарищъ по гвардіи, капитанъ Владиміровъ, тоже командированный въ распоряженіе князя Черкасскаго и состоявшій административнымъ начальникомъ того болгарскаго округа или уѣзда, въ которомъ мы находились. Онъ собирался объѣзжать свой округъ и направлялся также въ сторону Плевны; поэтому предложилъ ѣхать вмѣстѣ. Мало того, онъ радушно предоставилъ въ мое распоряженіе свою верховую лошадь для поѣздки собственно въ Плевненскій лагерь, чѣмъ значительно облегчилъ мнѣ эту поѣздку. Хозяинъ угостилъ насъ пріятною бесѣдою, чаемъ и завтракомъ; послѣ чего мы отправились въ путь. Я сѣлъ съ капитаномъ Владиміровымъ въ его телѣжку, запряженную парою бойкихъ лошадокъ, которыхъ онъ пріобрѣлъ на мѣстѣ; сзади была привязана верховая лошадь, а далѣе за нами слѣдовалъ мой болгаринъ съ своей каруццой. Разумѣется, я пользовался случаемъ узнать все, что меня интересовало, и что могли мнѣ сообщить оба капитана.

Часа черезъ два или два съ половиною мы достигли селенія Порадима, въѣхали на какой-то дворъ, и вошли въ избу. Тутъ сидѣла группа офицеровъ, *которые*, употребляя техническое выраженіе, рѣзались въ

карты. Мой спутникъ обратился къ одному изъ нихъ, хозяину избы, молодому человѣку съ польской фамиліей, и рекомендовалъ ему меня, по порученію капитана Паули. Молодой офицеръ кивнулъ мнѣ головой; сказалъ что-то въ родѣ того, что онъ учился по моимъ книгамъ: затѣмъ повернулся спиною, и продолжалъ игру. Мы вышли на дворъ, посидѣли на крыльцѣ; но, не видя никакихъ знаковъ вниманія, перебрались съ своими телѣжками на какой-то другой дворъ, гдѣ, помнится, стояла команда жандармовъ, и тутъ пристали. Здѣсь я долженъ былъ оставить своего болгарина, и отсюда уже верхомъ ѣхать къ Плевнѣ, отстоявшей верстъ на семь.

Спутникъ мой досталъ откуда-то мѣдный или жестяной чайникъ, тутъ же на дворѣ вскипятилъ воду и сдѣлалъ чай. Напившись и съѣвъ по куску сыру, который у насъ обоихъ оказался въ запасѣ, мы распрощались. Оставивъ дорожный сакъ въ телѣжкѣ и привязавъ свои пледы къ сѣдлу, я выѣхалъ изъ деревни. Капитанъ показалъ мнѣ дорогу. Ѣхать приходилось между полями и нивами, съ которыхъ былъ снятъ хлѣбъ. Часть пути я сдѣлалъ съ какимъ-то гусаромъ, проѣзжавшимъ не помню куда. Потомъ взъѣхалъ на какое-то возвышеніе, и передо мною открылась часть русскихъ линій, облегавшихъ Плевну съ сѣверовосточной стороны. Мѣстность имѣетъ здѣсь весьма неровную, волнообразную поверхность. Переѣзжая съ пригорка на пригорокъ, я попалъ въ какое-то лагерное расположеніе, состоявшее изъ палатокъ и землянокъ. Одни солдаты носили воду изъ ближняго ручья, другіе варили пищу, третьи копали землю для своихъ землянокъ, четвертые сооружали новое укрѣпленіе въ видѣ люнета. Однимъ словомъ, шла обыденная лагерная дѣятельность въ тылу передовыхъ траншей, откуда изрѣдка слышались выстрѣлы, которыми сторожевыя цѣпи обмѣнивались съ непріятелемъ.

Я, наконецъ, подъ Плевной, куда такъ стремился. Но пока не вижу никакой Плевны, не вижу непріятеля. Любопытно то, что всѣ разговоры о строгомъ воспрещеніи являться сюда кому либо постороннему, безъ особаго пропуска, оказались напрасными. У меня не только никто не потребовалъ пропуска, но и просто никто не полюбопытствовалъ узнать, что я за человѣкъ.

Продолжая шажкомъ объѣзжать разбросанные тамъ-сямъ лагери, устроенные большею частію по скатамъ или въ глубинѣ долинъ и слѣдовательно скрытые отъ глазъ непріятеля, я вдругъ очутился передъ батареей изъ восьми пушекъ довольно большаго калибра. По сторонамъ ея виднѣлись траншеи со стрѣлками, а впереди довольно крутой обрывъ. Я слѣзъ съ лошади и попросилъ артиллерійскую прислугу вызвать началь-

ника батареи. Ко мнѣ вышелъ небольшаго роста блондинъ, назвавшій себя капитаномъ Ивановымъ. Я отрекомендовался. Но прежде нежели успѣлъ сказать, зачѣмъ пріѣхалъ подъ Плевну, капитанъ, очевидно неусмотрѣвшій ничего необыкновеннаго въ моемъ любопытствѣ, любезно повелъ меня на свою батарею и тотчасъ принялся все объяснять и показывать. Оказалось, что я попалъ на центральную или одну изъ центральныхъ батарей. Солнце уже садилось, и капитанъ поспѣшилъ воспользоваться его послѣдними лучами, чтобы показать мнѣ Плевну и непріятельскія укрѣпленія.

Съ этого возвышеннаго пункта, на разстояніи верстъ пяти, шести, открывался небольшой городъ Плевна, расположенный въ долинѣ между обнаженными холмами, посреди которыхъ оттѣнялись его бѣлые домики и минареты, съ нѣсколькими зелеными деревьями. Плевну я разсмотрѣлъ при помощи бинокля, сообщеннаго мнѣ начальникомъ батареи. Только при той же помощи могъ я различить сѣрыя линіи невысокихъ валовъ, обозначавшихъ непріятельскіе ложементы и редуты, расположенные на скатахъ возвышенностей по другую сторону разстилавшейся у нашихъ ногъ долины. Кромѣ этихъ валовъ не было видно никакихъ признаковъ непріятеля.

Узнавъ о томъ, что я еще не имѣю никакого пріюта на ночь, г. Ивановъ тотчасъ предложилъ мнѣ мѣсто въ своей землянкѣ, гдѣ онъ помѣщался съ своимъ помощникомъ. Я конечно съ удовольствіемъ принялъ предложеніе; но предварительно желалъ представиться въ главной квартирѣ. Распросивъ о направленіи пути, который велъ къ мѣсту расположенія Великаго князя, я скоро нашелъ это мѣсто. Помню, что мнѣ пришлось проѣзжать мимо лагеря того корпуса, которымъ командовалъ генералъ Криднеръ, и я увидалъ прохаживающуюся около палатокъ высокую, нѣсколько сгорбленную фигуру этого генерала, покрытаго лаврами Никополя и терніями второй Плевны.

Великій князь главнокомандующій съ своею свитою и казацкимъ конвоемъ занималъ особый пригорокъ. Меня направили къ дежурному офицеру, которому я и вручилъ свои двѣ или три рекомендательныя записки отъ князя Черкасскаго, для передачи кому слѣдуетъ. Но оказалось, что и записки эти не были необходимы. Едва въ главной квартирѣ узнали о моемъ пріѣздѣ, какъ мнѣ было оказано всякое радушіе.

Сначала вышелъ ко мнѣ сѣдовласый генералъ съ черными, еще сохранявшими свой блескъ, глазами. Это оказался Непокойчицкій, начальникъ главнаго штаба. Онъ же доложилъ обо мнѣ Великому князю главнокомандующему, который пожелалъ немедленно меня видѣть и рас-

просилъ о цѣли моего пріѣзда. Межъ тѣмъ уже смерклось. На свѣжемъ воздухѣ, посреди палатокъ, стояли накрытые столы, поставленные въ одинъ рядъ. Великій князь милостиво пригласилъ меня отобѣдать и указалъ мнѣ мѣсто недалеко отъ себя, посреди своей свиты. Я и прежде слышалъ о его привѣтливости и простотѣ обращенія; а теперь на самомъ себѣ испыталъ эти привлекательныя качества, благодаря которымъ за столомъ господствовали непринужденность и даже веселость. Бесѣду, помнится, особенно оживляли сидѣвшіе насупротивъ Великаго князя генералъ Д. И. Скобелевъ (отецъ) и князь Имеретинскій.

Послѣ обѣда Великій князь ушелъ въ свою палатку. Общество разбилось на группы. Мнѣ случилось тутъ вести разговоръ какъ съ военными генералами, такъ и съ лицами другихъ профессій, состоявшихъ при главномъ штабѣ, напримѣръ съ медикомъ его высочества (не помню фамиліи) и драгоманомъ Макѣевымъ. Между прочимъ Непокойчицкій замѣтилъ мнѣ, что Плевна не представляетъ большаго интереса; что мнѣ лучше было бы съѣздить на Шипку, гдѣ можно любоваться великолѣпной горной природой.

«Ахъ, генералъ, до живописныхъ ли видовъ намъ теперь! Сокрушили вы насъ троекратной Плевной»—думалъ я въ эту минуту. Но, конечно, не отвѣтилъ такъ откровенно.

Межъ тѣмъ на обѣденныхъ столахъ былъ поданъ чай, и большая часть общества снова усѣлась вокругъ нихъ, безъ соблюденія ранговъ, а гдѣ кому пришлось, такъ какъ Великій князь тутъ не присутствовалъ. Разговоры касались самыхъ разнообразныхъ предметовъ. Между прочимъ кто-то къ слову дружески-шутливо посовѣтовалъ юному дежурному офицеру жениться тотчасъ по окончаніи войны. Тотъ серьезно началъ увѣрять, что ни за что не женится такъ рано. По этому поводу бесѣда незамѣтно склонилась на женщинъ и на любовь—вѣчно всѣмъ близкіе и общедоступные вопросы, которые всегда занимали и будутъ занимать человѣчество, особенно въ долгіе вечерніе часы лагернаго досуга. Разговоръ этотъ, какъ и подобаетъ хорошему обществу, велся въ весьма приличной, даже изящной формѣ, со всѣми признаками рыцарственныхъ отношеній къ прекрасному полу.

Вечеръ былъ довольно теплый и тихій. Небольшое пространство, тускло освѣщенное нѣсколькими свѣчами, со всѣхъ сторонъ ограничивалось густою темнотою; такъ что, сидя въ пріятномъ обществѣ, на минуту можно было забыть бѣдствія войны и самое сосѣдство губительной Плевны. Но она о себѣ напомнила.

Вдругъ посреди ночной тишины послышалось нѣсколько выстрѣловъ

гдѣ-то въ правой сторонѣ русскихъ линій. Выстрѣлы начали учащаться и скоро перешли въ горячую перестрѣлку, такъ что приковали къ себѣ общее вниманіе. Самъ Великій князь вышелъ изъ палатки, и, помѣстясь на краю пригорка на складномъ стулѣ, прислушивался къ пальбѣ. Позади сгруппировалась его свита, кто стоя, кто присѣвъ на землю. Громъ непрерывной пальбы нѣкоторое время шелъ crescendo; происходившіе отъ выстрѣловъ огоньки подобно молніямъ рѣзали мглу и разсыпались искрами. И слухъ, и зрѣніе поражались грандіознымъ впечатлѣніемъ. Можно было подумать, что въ той сторонѣ кипѣла ожесточенная битва. Но вотъ пальба постепенно стала ослабѣвать, и наконецъ затихла. Снова водворились мракъ и тишина. Послѣ оказалось, что никакого серьезнаго столкновенія въ ту ночь не было; а на Гривицкомъ редутѣ, занятомъ Румынами, произошла ложная тревога, и открылась пальба, на которую Турки отвѣчали изъ своего ближняго редута. Нужно замѣтить, что Гривицкій редутъ былъ отнятъ у Турокъ же, и что они нѣсколько разъ пытались воротить его внезапными ночными нападеніями. Слѣдовательно означенная тревога, можетъ быть, въ сущности имѣла основаніе, и предупредила новую попытку непріятеля.

Меня оставили ночевать въ лагерѣ Великаго князя. Притомъ же такъ поздно, въ потьмахъ, отыскивать батарею Иванова было весьма неудобно. Когда я разсказалъ въ главномъ штабѣ о своей встрѣчѣ съ нимъ, то узналъ, что этотъ скромный и по наружности невидный капитанъ пользовался репутаціей весьма храбраго и превосходнаго артиллериста. Тогда мнѣ невольно припомнился типъ артиллериста Тушина, прекрасно очерченный въ романѣ графа Толстаго «Война и миръ».

Меня поручили начальнику конвоя, казацкому полковнику, и онъ на ночь далъ мнѣ пріютъ въ палаткѣ одного изъ своихъ офицеровъ. Палатка была хотя и очень легкая, но хорошо прилажена, и когда мы улеглись, казакъ какъ-то наглухо приметалъ веревочкой ея дверку, такъ что вѣтеръ почти въ нее не проникалъ. Лошадь моя между тѣмъ пользовалась обществомъ конвойныхъ казацкихъ коней.

Съ восходомъ солнца конвойный лагерь былъ уже на ногахъ. Наканунѣ полковникъ обѣщалъ нарядить одного молодаго хорунжаго (или корнета), хорошо знавшаго мѣстность и расположеніе войскъ, чтобы проводить меня по русскимъ линіямъ и объяснить все, что можно. Но въ это утро, какъ нарочно, на хорунжаго пало дежурство при главной квартирѣ. Мнѣ дали въ провожатые двухъ казаковъ. Передъ выѣздомъ изъ лагеря я обратился къ Скобелеву-отцу съ вопросомъ, гдѣ и какъ могу видѣть его сына. *Димитрій Ивановичъ* отвѣчалъ, что съ этимъ вопросомъ лучше

обратиться къ князю Имеретинскому, извѣстному другу Михаила Димитріевича. Князь Имеретинскій сообщилъ мнѣ, что въ это утро должна происходить рекогносцировка генерала Тотлебена, по окончаніи которой онъ будетъ обѣдать у Скобелева-сына. Князь именемъ сего послѣдняго любезно пригласилъ меня явиться къ тому же времени, т.-е. къ пяти часамъ, въ главную квартиру Шестнадцатой дивизіи, которою командовалъ Михаилъ Димитріевичъ Скобелевъ.

Сначала я поѣхалъ съ своими казаками на лѣвый флангъ нашей арміи. Мы пробирались пашнями, лугами, мелкимъ кустарникомъ по пересѣченной мѣстности мимо нашихъ линій, которыя шли ломаною дугою параллельно съ земляными укрѣпленіями турецкой арміи и впереди состояли изъ ровиковъ со стрѣлками или такъ называемыхъ ложементовъ, далѣе люнетовъ, батарей и проч.; а за этими передовыми линіями и за этими пригорками, какъ я сказалъ, были мѣстами расположены лагери отдѣльныхъ частей. Солнце спряталось и небо покрылось облаками. Поэтому непріятельскія земляныя укрѣпленія я едва могъ различать. Но за то время отъ времени слышалъ рѣзкій непріятный свистъ турецкихъ гранатъ, которыя большею частію перелетали черезъ переднія линіи и ударялись въ землю между ними и лагерями. На одной батареѣ я остановился и по приглашенію ея начальника вошелъ въ его землянку, гдѣ тотчасъ мнѣ былъ предложенъ кусокъ колбасы и стаканъ чаю—этой, какъ я сказалъ, неизмѣнной отрады русскихъ людей на театрѣ войны. Начальникъ батареи (къ сожалѣнію—не помню его фамиліи) охотно далъ мнѣ всѣ объясненія, о которыхъ я просилъ, и въ качествѣ очевидца-участника разсказалъ нѣсколько печальныхъ эпизодовъ изъ битвы 30-го августа.

Нужно замѣтить, между прочимъ, что день этой битвы и канунъ ея были ненастны. Русскимъ солдатамъ, штурмовавшимъ высоты, приходилось взбираться по чрезвычайно вязкой глинѣ; понятно, что такое обстоятельство оказывало весьма неблагопріятное для насъ вліяніе на ходъ дѣла. Непріятель имѣлъ всѣ средства знать заранѣе о предстоявшемъ штурмѣ и приготовиться. Уже одно движеніе санитарныхъ повозокъ и устройство перевязочныхъ пунктовъ не могли скрыться отъ его вниманія, т.-е. отъ вниманія его шпіоновъ. Затѣмъ планъ атаки и общее ею руководство остались для меня неясны, не смотря на всѣ разспросы. Это можно объяснить только тѣмъ, что они не были ясны и для самихъ участниковъ боя. Разумѣется, если бы мы одержали побѣду, то побѣдители нашлись бы немедленно. Общественное мнѣніе свалило главную вину пораженія на втораго начальника штаба, генерала Левицкаго. Но дѣйствительная степень этой вины, кажется, осталась невыясненною. Я спра-

шивалъ, между прочимъ, зачѣмъ поспѣшили приступомъ 30-го августа, имѣя недостаточныя для того силы? Зачѣмъ не подождали гвардіи, которая была уже на пути въ Болгарію? На эти вопросы также не получилъ удовлетворительныхъ объясненій.

Побывъ нѣсколько минутъ на скатѣ холма, на которомъ была устроена батарея, и посмотрѣвъ на Плевну, которую тутъ видѣлъ ближе, чѣмъ наканунѣ, я продолжалъ объѣздъ. Но, помнится, казаки не повели меня далѣе на крайній пунктъ лѣваго фланга, отзываясь, что тамъ слишкомъ близко отъ турецкихъ траншей, и что непріятельскіе стрѣлки какъ разъ снимутъ (съ сѣдла) мое благородіе *. Мы повернули назадъ, т.-е. къ центру и правому флангу; но поѣхали туда другими, кратчайшими тропинками.

Около центра русскаго расположенія на одномъ возвышеніи я увидалъ снова Великаго князя главнокомандующаго и его свиту; сошедши съ коней, они въ бинокли наблюдали за парламентернымъ отрядомъ, который медленно двигался гдѣ-то вдали по шоссейной дорогѣ, пролегавшей въ долинѣ. Въ этотъ день драгоманъ Макѣевъ съ нѣсколькими кавалеристами и трубачами, подъ парламентернымъ флагомъ, былъ посланъ для переговоровъ съ Османъ-пашею о заключеніи на нѣсколько часовъ перемирія, нужнаго для уборки труповъ, лежавшихъ между двумя воюющими арміями. Когда отрядъ скрылся изъ виду, главнокомандующій и его свита сѣли на коней и отъѣхали. Тутъ опять попалъ я на батарею Иванова. Но его въ эту минуту на ней не было; меня встрѣтилъ помощникъ его князь Вадбольскій и попенялъ мнѣ за то, что я не пріѣхалъ ночевать, а они соорудили было для меня и постель.

Во время своего объѣзда, на нѣкоторыхъ пунктахъ я останавливался, сходилъ съ лошади и вступалъ въ разговоръ съ офицерами, которые отвѣчали мнѣ не только охотно, но и любезно. Наконецъ я добрался до Гривицкаго редута, гдѣ кончались русскія войска и начинались румынскія. Этотъ редутъ, названный отъ имени близъ лежавшей и тогда разоренной деревни, представлялъ круглое земляное укрѣпленіе въ два или три яруса, вооруженное пушками. Внутренность его была занята Румынами. Ихъ большія бараньи шапки только издали придавали имъ воинственный видъ; вблизи же они отличались апатичными, задумчивыми физіономіями. Впрочемъ въ эту войну ихъ небольшая армія вела себя очень недурно. Наружный валъ редута составлялъ третій, самый нижній его ярусъ, внутри котораго оказался уже не румынскій, а русскій гарнизонъ, какъ бо-

* При началѣ объѣзда старшій казакъ вѣжливо освѣдомился о томъ, какъ слѣдуетъ ко мнѣ обращаться: „ваше благородіе“ или „ваше высокоблагородіе?“

лѣе надежный. Тутъ я остался нѣсколько минутъ, такъ какъ могъ говорить съ русскими солдатами. Валъ, съ помощью фашинника, былъ устроенъ съ амбразурами или бойницами для стрѣльбы. Посмотрѣвъ въ эти отверстія, я увидалъ въ близкомъ разстояніи (шаговъ за двѣсти) турецкій редутъ. Отсюда постоянно слышались выстрѣлы, пули безпрерывно ударялись въ обшивку Гривицкаго укрѣпленія. Очевидно Турки не жалѣли патроновъ; съ русской стороны, наоборотъ, при мнѣ совсѣмъ не было выстрѣловъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ за валомъ лежали тамъ-сямъ кучи какихъ-то разноцвѣтныхъ тряпокъ. Это были трупы Турокъ, отбитыхъ при какомъ-то ихъ нападеніи, оставшіеся непогребенными. Самихъ труповъ уже нельзя было разсмотрѣть, а виднѣлись только клочья ихъ одежды.

Въ Гривицкій редутъ, расположенный на возвышеніи, вела снизу траншейная дорога, т.-е. защищенная со стороны непріятеля невысокимъ валомъ, мѣстами менѣе чѣмъ въ ростъ человѣческій. Я посѣтилъ редутъ въ сопровожденіи одного казака; другой казакъ оставался съ лошадьми. Во время двукратнаго прохожденія по этой дорогѣ непріятельскія пули часто свистѣли надъ головою, и тутъ я на себѣ испыталъ невольныя подергиванія головы, какія, по разсказамъ, бываютъ у людей непривычныхъ, еще необстрѣленныхъ.

Этимъ редутомъ я закончилъ свой объѣздъ русскихъ линій, начатый часовъ въ 8 утра, и вернулся въ лагерь главной квартиры часамъ къ 4-мъ пополудни. Въ палаткѣ, гдѣ я ночевалъ, вокругъ складнаго стола сидѣли нѣсколько конвойныхъ офицеровъ и сокращали свою скуку съ помощью картъ—какъ извѣстно весьма распространенное времяпровожденіе въ лагерной или военной жизни. Не знаю, насколько это занятіе распространено въ другихъ европейскихъ арміяхъ. Едва я присѣлъ, чтобы немного отдохнуть, какъ казацкій ротмистръ уже досталъ откуда-то бутылку шампанскаго и принялся угощать случайнаго гостя; сему послѣднему, чтобы не обидѣть радушныхъ хозяевъ, пришлось пить шипучее вино натощакъ. Затѣмъ я распростился съ доброю компаніей, и поѣхалъ въ лагерь Скобелева, куда мнѣ дали провожатаго.

Я нашелъ Михаила Дмитріевича уже за столомъ посреди довольно многочисленнаго общества въ просторной, обитой коврами палаткѣ; вблизи ея играла военная музыка. Прежде чѣмъ войти, попросилъ о себѣ доложить, и ко мнѣ тотчасъ вышелъ молодой, худощавый, стройный генералъ, съ коротко остриженными русыми волосами и длинными бакенбардами. Я не утерпѣлъ, и заключилъ его въ объятія, выразивъ удовольствіе, что вижу героя, на котораго обращено вниманіе цѣлой Россіи. Онъ ли [illegible] къ. Кромѣ Э. И. Тотлебена и князя Име-

ретинскаго, тутъ присутствовали полковники, адьютанты и вообще штабъ Шестнадцатой дивизіи. Центромъ общества въ данную минуту очевидно былъ Тотлебенъ, только что прибывшій подъ Плевну въ качествѣ начальника осадной арміи, хотя номинальное начальство оставалось за румынскимъ княземъ Карломъ. Не знаю, всегда ли Эдуардъ Ивановичъ былъ такъ словоохотливъ; но на этотъ разъ его рѣчи, можно сказать, лились рѣкою; а остальное общество, и въ особенности Скобелевъ, съ глубокимъ почтеніемъ внимало его занимательнымъ разсказамъ и умнымъ разсужденіямъ. Разсказы его касались большею частію Севастопольскихъ воспоминаній. Между прочимъ онъ сообщилъ свое свиданіе и разговоръ съ Омеръ пашею въ Вѣнѣ, по поводу того, какъ генералъ, стяжавшій себѣ репутацію, потомъ обыкновенно боится потерять ее и дѣлается поэтому нерѣшителенъ и медлителенъ. Далѣе почему-то рѣчь зашла объ Углицкомъ полку, и тутъ онъ заговорилъ о духѣ русскихъ солдатъ, о желательной способности генераловъ поддерживать этотъ духъ умѣньемъ сказать, при случаѣ, что-либо ободряющее или напоминающее боевую славу полка. Затѣмъ разговоръ склонился на дѣйствіе нашей артиллеріи. По этому поводу Эдуардъ Ивановичъ распространился о сосредоточенномъ огнѣ, т.-е. о совокупномъ дѣйствіи всѣхъ батарей, направленныхъ въ извѣстный моментъ на какой-либо одинъ непріятельскій пунктъ; что должно производить страшно-разрушительное дѣйствіе.

Тутъ князь Имеретинскій, вообще произведшій на меня впечатлѣніе симпатичнаго генерала, обратился къ Скобелеву; припомнилъ, какъ они недавно брали вмѣстѣ Ловчу, и прибавилъ, что хотя дѣло кончилось полною удачею, но что ему казалось, чего-то въ ихъ дѣйствіяхъ недоставало, и только теперь онъ понялъ, что недоставало именно сосредоточеннаго артиллерійскаго огня.

Интересная и поучительная бесѣда Тотлебена продолжалась нѣкоторое время и послѣ обѣда, удерживая все общество въ томъ же почтительномъ вниманіи вокругъ стола. Очутившись случайно въ этомъ обществѣ, я тотчасъ почувствовалъ, что попалъ въ самый военный нервъ нашей арміи, и что тутъ люди живутъ и дышатъ своей спеціальностью. Всегда какъ-то пріятно встрѣчать офицера, который не исполняетъ только повинность, а отъ души преданъ военному искусству; моряка, который любитъ море; преподавателя, который одушевленъ своимъ предметомъ, и т. д.

Уже наступилъ темный вечеръ, когда Тотлебенъ сѣлъ въ коляску и уѣхалъ вмѣстѣ съ княземъ Имеретинскимъ, который назначенъ былъ начальникомъ его штаба. Вслѣдъ за ними большею частію разошлись полковники и другіе штабъ офицеры.

М. Д. Скобелевъ, дотолѣ державшій себя скромно и чинно, теперь далъ волю своимъ впечатлѣніямъ; а онъ очевидно былъ очень впечатлителенъ. Онъ принялся расточать похвалы Тотлебену, разсказывалъ какъ они поутру дѣлали рекогносцировку позицій, какъ непріятели обратили на нихъ вниманіе и начали посылать имъ гранаты, и какъ при этомъ держалъ себя новый начальникъ, шутливо замѣтившій, что Турки его привѣтствуютъ. Да, j'ai trouvé mon maître—повторялъ Михаилъ Дмитріевичъ извѣстную фразу генерала Массены о Наполеонѣ I. Сохранились ли у него эти первыя впечатлѣнія до конца войны, мнѣ неизвѣстно *.

Кто-то вошелъ и что-то доложилъ генералу. Выслушавъ докладъ, Скобелевъ громко выразилъ неудовольствіе на то, что полтораста вновь прибывшихъ солдатъ часа два стояли въ ожиданіи распоряженій, потому что никто не рѣшался безпокоить генераловъ во время обѣда. Онъ немедленно вышелъ, и вѣроятно личною заботливостію о солдатахъ спѣшилъ, такъ сказать, загладить невольную передъ ними вину. Съ полчаса онъ былъ въ отсутствіи, занятый какими-то хлопотами. «Куропаткинъ! Куропаткинъ!» раздавался время отъ времени голосъ Скобелева, который призывалъ къ себѣ начальника штаба своей дивизіи.

Вернувшись въ палатку, онъ продолжалъ разговоръ со мною о послѣднихъ событіяхъ и о войнѣ вообще; причемъ отдавалъ справедливость турецкой арміи; а Османъ-пашу просто называлъ великимъ полководцемъ за то, что онъ ловко «остановилъ наше нашествіе».

— «Когда окончится война, поѣду съ нимъ знакомиться, непремѣнно поѣду!» восклицалъ Скобелевъ.

Съ своей стороны я пытался противорѣчить, и замѣтилъ, что эта величина создана нашими ошибками. Опять не знаю, сохранилъ ли впечатлительный генералъ свое высокое мнѣніе объ Османѣ до конца войны. Однако въ отзывахъ о русскомъ предводительствѣ онъ со мною былъ сдержанъ, и не позволялъ себѣ никакого злословія о личностяхъ. Я спросилъ, между прочимъ, зачѣмъ 30 августа, если у насъ были недостаточныя силы, мы серьезно атаковали непріятеля почти на всѣхъ пунктахъ, вмѣсто того, чтобы всю силу удара сосредоточить на одномъ или двухъ, а на остальныхъ ограничиться демонстраціями. Онъ согласился, что такъ было бы лучше; но воздержался отъ дальнѣйшихъ объясненій; такъ что я на этотъ счетъ не пріобрѣлъ отъ него болѣе подробныхъ свѣдѣній. Замѣчу мимоходомъ, что въ послѣднее время я мало слѣдилъ за

* Судя по нѣкоторымъ, читаннымъ потомъ мною, очеркамъ изъ прошлой войны,— не сохранились. *Подч. прим.*

военной литературой о компаніи 1877 года. Можетъ быть, эти обстоятельства, которыя тогда были для меня неясны, теперь уже достаточно разъяснены.

Но за то, когда зашла рѣчь о приходѣ гвардіи, Скобелевъ откровенно высказался противъ ея привиллегированнаго отношенія къ арміи, и вообще говорилъ въ томъ же смыслѣ, о которомъ замѣчено выше. Я было попытался напомнить о томъ, что теперь не время возбуждать пререканія, что въ виду непріятеля надобно забыть домашніе счеты и т. п., но встрѣтилъ со стороны присутствующихъ такой отпоръ, что долженъ былъ прекратить разговоръ на эту тему. Снова обращаю вниманіе кого слѣдуетъ на этотъ щекотливый предметъ, на сей разъ имѣя за себя авторитетъ Скобелева. Особенно обращаю вниманіе на систему назначенія армейскихъ полковыхъ командировъ изъ гвардіи.

Мы продолжали сидѣть маленькимъ кружкомъ; на столѣ стояло нѣсколько недопитыхъ за обѣдомъ бутылокъ съ виномъ и пивомъ. Обѣдъ и напитки повидимому доставлены были какимъ-то маркитантомъ нѣмцемъ или евреемъ, судя по тому, что хозяинъ обращался къ нему по-нѣмецки. Скобелевъ предложилъ еще выпить шампанскаго, и, несмотря не мою оппозицію, уже позвалъ было маркитанта. Но вдругъ перемѣнилъ намѣреніе, и сказалъ:

— «Нѣтъ, не надо. Убрать прочь все это со стола! Вы, пожалуй, подумаете, что мы тутъ занимаемся пьянствомъ. А мы сегодня просто праздновали прибытіе Тотлебена».

Весьма подвижный, генералъ мало сидѣлъ, а болѣе разговаривалъ, стоя или ходя по палаткѣ. Иногда онъ выходилъ, чтобы присмотрѣть за чѣмъ-нибудь или сдѣлать какое-либо распоряженіе. Тогда снова въ ночной тишинѣ раздавался кликъ: «Куропаткинъ, Куропаткинъ!» И капитанъ Куропаткинъ, если былъ въ палаткѣ, бѣжалъ на зовъ своего начальника. Это былъ небольшаго роста красивый брюнетъ, съ живыми черными глазами и несомнѣнными признаками даровитости. Очевидно генералъ и его начальникъ штаба, состоявшій еще въ чинѣ капитана, умѣли какъ-то во взаимныхъ отношеніяхъ соединять служебную дисциплину съ дружескимъ товарищескимъ чувствомъ, которое возникло между ними еще въ Туркестанѣ.

Относительно меня, впрочемъ, капитанъ (нынѣ генералъ-маіоръ) Куропаткинъ обнаружилъ, если не подозрительность, то нѣкоторое недоумѣніе. Онъ все интересовался знать, зачѣмъ я пріѣхалъ и не имѣю ли я отъ кого-нибудь спеціальнаго порученія. Особенно съ этими вопросами обращался онъ ко мнѣ, когда Скобелевъ уходилъ изъ палатки. Очевидно онъ

не довѣрялъ тому, чтобы можно было частному человѣку, хотя бы спеціалисту по Русской исторіи, пріѣхать въ армію по собственному побужденію, безъ особыхъ заднихъ мыслей. Такое недовѣріе мнѣ нѣсколько не понравилось; но само по себѣ оно не представляло ничего страннаго.

Узнавъ, что я уѣзжаю въ ту же ночь, Михаилъ Димитріевичъ нѣсколько разъ предлагалъ мнѣ остаться въ его лагерѣ и побыть съ ними дня три четыре. Но я былъ связанъ условіями и сроками о своихъ лошадяхъ, какъ верховой, такъ и троичныхъ, и опасался за свои сообщенія, т.-е. за скорое возвращеніе въ отечество, если отдамся въ этомъ отношеніи на произволъ случая. Да и вообще не желалъ никого обременять своей особой. При томъ же никакого дѣла въ слѣдующіе дни не предвидѣлось. Была только обычная лагерная жизнь. Въ ближайшемъ будущемъ предстояло полное обложеніе Плевны, и паденіе ея считалось дѣломъ времени, о чемъ съ увѣренностію говорилось въ данномъ кружкѣ.

Время шло уже за полночь. Въ палаткѣ кромѣ меня оставались только Скобелевъ и Куропаткинъ. Я сталъ собираться въ дорогу, когда вошелъ полковникъ Тихменевъ, на сей разъ въ партикулярномъ платьѣ, повидимому также внѣ службы стоявшій съ Скобелевымъ на товарищеской ногѣ. Онъ началъ сообщать сему послѣднему по-французски о какихъ-то слухахъ на счетъ имѣющихъ быть перемѣнъ въ командованіи, и между прочимъ сказалъ, что Михаилу Димитріевичу хотятъ поручить четвертый корпусъ. Я потому и запомнилъ этотъ разговоръ, что, если не вскорѣ, то впослѣдствіи онъ дѣйствительно получилъ названный корпусъ.

Генералъ велѣлъ дать мнѣ казака въ провожатые до Порадима, и я распрощался съ дорогимъ хозяиномъ. Это было единственное мое съ нимъ свиданіе. Ни прежде, ни послѣ я съ нимъ не встрѣчался, хотя онъ бывалъ въ Москвѣ; также какъ не встрѣчался потомъ ни съ однимъ изъ тѣхъ военныхъ, которые названы въ моемъ разсказѣ. Нигдѣ люди такъ легко не знакомятся и не сближаются какъ на театрѣ войны. Но во время мира мы всѣ сидимъ по своимъ угламъ; тутъ разныя спеціальности рѣдко сообщаются другъ съ другомъ.

Небо совершенно заволоклось тучами. Ночь была очень темная, накрапывалъ дождикъ. Слѣдуя за своимъ провожатымъ, я шагомъ пробирался по лощинамъ, пашнямъ и пригоркамъ. Часамъ къ тремъ утра мы добрались до Порадима, гдѣ ожидалъ меня болгаринъ. Соснувъ немного въ какомъ-то углу на соломенной постели, которую мнѣ уступилъ одинъ жандармъ, я съ своимъ болгариномъ выѣхалъ въ обратный путь.

Въ Булгарени я воротился въ то же утро, и опять нашелъ у капитана Паули его товарища Владимірова, которому съ благодарностію воз-

вратилъ верховую лошадь. Тутъ случился одинъ изъ тѣхъ эпизодовъ, которые можно подстроить развѣ только на сценѣ. Едва мы начали бесѣду, какъ дверь хижины отворилась, и на порогѣ появился тотъ самый молодой офицеръ, которому Паули адресовалъ насъ въ Порадимѣ. Не отвѣчая на его поклонъ (товарищъ конечно успѣлъ передать о помянутомъ пріемѣ), хозяинъ встрѣтилъ молодаго человѣка суровымъ упрекомъ, чѣмъ не мало сконфузилъ и его, и меня. Офицеръ немедленно исчезъ. Я нашелъ, что невозможно требовать отъ Поляковъ какихъ либо любезныхъ намъ пріемовъ; если они честно исполнятъ свой служебный долгъ, и то было бы славу Богу.

Часа черезъ два я распростился съ этими добрыми людьми, и отправился по дорогѣ, ведущей прямо въ Систово, т.-е. минуя Горный Студень. Ясная, сухая погода кончилась какъ разъ наканунѣ, и началось ненастье; такимъ образомъ я еще до выѣзда изъ Болгаріи имѣлъ случай убѣдиться, какъ тяжелы и затруднительны были тамъ сообщенія въ дождливое время. Отъ Булгарень до Систова, приблизительно верстъ тридцать, моя тройка ѣхала по крайней мѣрѣ часовъ десять: до того сдѣлалась дурна дорога. Послѣднія пять верстъ пролегали по низменному берегу Дуная; тутъ колеса и копыта лошадей такъ глубоко уходили въ рыхлую размокшую почву, что эти пять верстъ мы тащились ровно пять часовъ. Въ Систово мы взобрались уже за полночь. Городокъ былъ погруженъ въ глубокій сонъ. Нѣсколько разъ мы застрѣвали въ грязныхъ ямкахъ его неровныхъ извилистыхъ улицъ; а одинъ разъ такъ основательно, что вылѣзли только съ помощью проходившихъ мимо троихъ солдатъ. Никуда не заѣзжая, мой возница остановился на какой-то рыночной площади, распрегъ лошадей и тутъ ихъ покормилъ, пока я дремалъ въ полусидячемъ положеніи, укрываясь зонтикомъ и пледами отъ мелкаго моросившаго дождя.

Когда разсвѣло, мы спустились опять внизъ, на берегъ Дуная, и поѣхали къ понтонному мосту; но тутъ скоро очутились въ критическомъ положеніи. Недалеко было до моста, какихъ-нибудь версты полторы или двѣ, но низменная полоса, заключенная между рѣкою и крутымъ, почти отвѣснымъ берегомъ, чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе съуживалась. Дорога, пролегавшая по этой полосѣ, оказалась сплошь загроможденною перепутавшимися военными обозами на лошадяхъ и на волахъ, которые стояли неподвижно, глубоко погрузясь въ вязкій илъ. Мы попробовали было объѣхать эти обозы, но тутъ же застряли и остановились въ недоумѣніи, что предпринять. Наконецъ, кто-то надоумилъ насъ, что лучше проѣхать къ мосту вѐрхомъ, т.-е. горою. Съ большими усиліями вылѣзли мы изъ

грязи и повернули назадъ: поднялись опять въ городъ, проѣхали по его неправильнымъ, волнообразнымъ улицамъ, отчасти замощеннымъ острымъ булыжникомъ, и выѣхали на другую сторону. Отсюда мы вновь спустились къ берегу и, наконецъ, добрались до того моста, который велъ изъ Болгаріи. Другой, рядомъ наведенный, мостъ велъ въ Болгарію. Долго послѣ того меня преслѣдовала картина завязшихъ на берегу Дуная обозовъ, съ безконечною вереницею рогатыхъ воловъ и измученныхъ, тощихъ коней, нервно вздрагивающихъ подъ ударами бича. Мнѣ чудилось, что эти обозы и доселѣ не выбрались на просторъ изъ вязкой тѣснины.

Только къ полудню мы перебрались на другой берегъ, въ Зимницу; на сей разъ проѣхали ее не останавливаясь; а потомъ сдѣлали привалъ опять въ томъ же большомъ румынскомъ селеніи, котораго названіе я забылъ. Какъ въ этомъ селеніи, такъ и вообще по дорогѣ, я все встрѣчалъ разныя части гвардіи, двигавшіяся на театръ войны. Ночью, помнится, мы остановились передохнуть на дорогѣ въ открытомъ полѣ посреди густой темени и опять подъ мелкимъ дождемъ. А на слѣдующее утро добрались, наконецъ, до Журжева, и такъ удачно, что пріѣхали за пять минутъ до отхода желѣзнодорожнаго поѣзда въ Бухарестъ. Иначе пришлось бы ждать до слѣдующаго дня. Тутъ я простился съ своимъ болгариномъ; надо полагать, что мы разстались довольные другъ другомъ; на прощаньѣ онъ крѣпко пожалъ мою руку и пожелалъ счастливаго дальнѣйшаго пути. Мы имѣли теперь полное право выразить взаимное удовольствіе: онъ заработалъ хорошія деньги, а я, благодаря ему, успѣлъ скоро и благополучно исполнить свое намѣреніе, т.-е. побывать подъ Плевною. Вообще мой возница представлялъ любопытный болгарскій типъ, выработанный долгими и тяжкими страданіями подъ варварскимъ игомъ. Трудолюбіе, умѣренность и экономность его замѣчательны. Какъ онъ прокармливалъ своихъ лошадей и чѣмъ самъ питался все это время— я, право, не могъ хорошо понять. Изъ того, что заработалъ, едва ли онъ истратилъ хотя десятую долю.

Разъ добравшись до желѣзнаго пути, я конечно могъ уже безъ особыхъ препятствій и приключеній воротиться въ отечество. Но на бѣду (о которой впрочемъ теперь не сожалѣю), мнѣ вздумалось направить это возвращеніе не чрезъ Бессарабію и югозападную Россію, а чрезъ Галицію. Во-первыхъ, уже испытавъ въ той сторонѣ весьма медленное движеніе поѣздовъ, загроможденныхъ санитарнымъ и военнымъ матеріаломъ, я думалъ выиграть время на болѣе быстрыхъ галиційскихъ поѣздахъ. Главное же, мнѣ давно хотѣлось посѣтить городъ Галичъ и познакомиться съ его древностями, а затѣмъ дня на два, на три остановиться во

Львовѣ, повидаться тамъ съ нѣкоторыми учеными изъ Русскихъ и Поляковъ и запастись мѣстными новостями по русско-польской исторіи. Но, какъ извѣстно, въ Галичѣ я былъ арестованъ и препровожденъ въ львовскую тюрьму. Объ этомъ случаѣ теперь не буду распространяться, такъ какъ въ свое время о немъ было напечатано довольно. Прибавлю только, что испытанная отъ австрійскихъ поляковъ обида ни на волосъ не измѣнила моего представленія о Полякахъ вообще. Я все также считаю ихъ даровитымъ и симпатичнымъ Славянскимъ племенемъ, имѣющимъ богатую достойную внимательнаго изученія исторію.»

Прошло около пяти лѣтъ послѣ разсказанной поѣздки подъ Плевну. Подробности ея уже начали покрываться туманомъ забвенія; какъ вдругъ неожиданная и тяжелая потеря нашего національнаго героя оживила въ памяти то время, когда я видѣлъ его въ самомъ разгарѣ блестящей воинской дѣятельности. Его кончиною вызвано мое небольшое воспоминаніе, которое его же имени и посвящаю.

Трехдневный плѣнъ у поляковъ въ Галиціи.

Во Львовской газетѣ *Слово* отъ 29-го сентября, помѣщено краткое извѣстіе объ арестѣ Д. И. Иловайскаго польскими властями въ Галиціи. Намъ сообщаютъ слѣдующія точныя подробности этого прискорбнаго факта:*

Д. И. Иловайскій въ началѣ сентября, т.-е. послѣ дѣла 30-го и 31-го августа, предпринялъ краткую поѣздку въ Болгарію, главнымъ образомъ для того, чтобы воочію видѣть положеніе нашихъ дѣлъ подъ Плевной и на самомъ мѣстѣ дѣйствія собрать свѣдѣнія объ источникахъ нашихъ неудачъ, столь тяжелыхъ для русскаго сердца. На обратномъ пути онъ направился чрезъ Галицію, желая посѣтить города Галичъ и Львовъ съ цѣлями археологическими и библіографическими. 26-го сентября, поутру, онъ вышелъ изъ вагона въ Галичѣ съ намѣреніемъ посвятить этотъ день знакомству съ древнею столицей Червонной Руси и затѣмъ продолжать свой путь съ вечернимъ поѣздомъ. (Личнаго знакомства съ этимъ древнимъ городомъ г. Иловайскій искалъ ради готовящейся къ печати второй части своей *Исторіи Россіи*). Въ настоящее время это маленькій, бѣдный городокъ, наполненный Евреями, какъ и во всѣхъ областяхъ бывшей Рѣчи Посполитой. Приставъ въ первомъ заѣзжемъ домѣ, разумѣется содержи-

---

* Москов. Вѣд. 1877 г. № 244. Сообщеніе это сдѣлано съ моихъ словъ.

момъ Евреемъ и грязномъ до крайности, путешественникъ отправился къ ближайшей церкви, разыскалъ священника и обратился къ нему съ просьбой сообщить какія-нибудь свѣдѣнія о мѣстныхъ древностяхъ или указать человѣка, который могъ бы это сдѣлать. Священникъ принялъ его очень сухо; на всѣ вопросы отвѣчалъ «не знаю», и посовѣтовалъ обратиться къ священнику другой церкви, греко-уніатской. Тогда только обнаружилось недоразумѣніе: самъ того не подозрѣвая, путешественникъ попалъ на польскаго ксендза-викарія Маріона Матковскаго, который, вмѣстѣ со своимъ пробощемъ (случилось, что тотъ былъ тогда въ отсутствіи), отличается ярымъ фанатизмомъ и ненавистью ко всему русскому.

Путешественникъ отправился ко греко-уніатскому священнику, по фамиліи Марковичу, который оказался еще очень молодымъ человѣкомъ, занимающимъ мѣсто не штатнаго священника, а только администратора греко-уніатской церкви Рождества Христова. Послѣдній встрѣтилъ его радушно и предложилъ свои услуги. Шелъ проливной дождь, но такъ какъ г. Иловайскій не желалъ терять времени, то они немедленно совершили археологическую прогулку по городу, взобрались на крутой холмъ, увѣнчанный развалинами стараго замка, затѣмъ спустились внизъ и осмотрѣли самую церковь Рождества Христова, основанную еще въ княжескія времена, хотя нѣсколько разъ реставрированную. Другихъ замѣчательныхъ древностей въ городѣ не оказалось, по крайней мѣрѣ г. Марковичъ болѣе ничего почти не могъ указать. Между тѣмъ ксендзъ Матковскій успѣлъ поставить на ноги всю полицію города Галича сообщеніемъ, что въ городѣ находится опасный московскій агентъ. Когда путешественникъ возвратился въ свой заѣзжій домъ, у воротъ встрѣтили его два жандарма и пригласили слѣдовать за собой въ полицейское управленіе. Здѣсь немедленно начались допросы: кто такой, зачѣмъ пріѣхалъ въ Галичъ, и т. д. Явился бургомистръ Пшесницкій и, обрадовавшись тому, что паспортъ путешественника не былъ визированъ никакимъ австрійскимъ консуломъ, распорядился насчетъ обыска. Г. Иловайскаго отвели въ его квартиру, и тутъ какой то рыжій чиновникъ вмѣстѣ съ полицей-инспекторомъ Лясковскимъ и еще однимъ жандармомъ перерыли всѣ его вещи, затѣмъ не сняли, а почти сорвали съ него верхнее платье и сапоги; все это перетряхивали, выворачивали всѣ карманы, отыскивая какихъ-то компрометтирующихъ бумагъ. Къ полнотѣ оскорбленія, обыскъ совершался при незакрытой двери, и немедленно въ комнату набралась цѣлая толпа Евреевъ, зѣвавшихъ на эту сцену. Плодомъ поисковъ были двѣ, три дорожныя книги, карта театра военныхъ дѣйствій, забытыя въ карманахъ, и маленькій дорожный [illegible] и пріобщено къ дѣлу. На-

ступилъ уже вечеръ. Къ двери квартиры приставили часоваго, а на слѣдующее утро г. Иловайскій, подъ конвоемъ вооруженнаго жандарма, отправленъ по желѣзной дорогѣ назадъ въ Станиславовъ, относящійся къ Галичу какъ губернскій городъ къ уѣздному. Станиславовскій староста или губернаторъ графъ Ложъ, съ однимъ изъ своихъ секретарей, подвергъ арестованнаго тщательному допросу, при чемъ къ донесеніямъ и протоколамъ изъ Галича прибавили еще порядочное количество исписанной бумаги и, вмѣстѣ со всѣмъ этимъ, опять подъ конвоемъ вооруженнаго жандарма, препроводили арестанта уже въ главный городъ Галиційскаго намѣстничества, то-есть во Львовъ.

Г. Иловайскій надѣялся, что если невѣжественныя власти маленькаго городка не могли понять возможность поѣздки по Галиціи съ научною цѣлью, то по крайней мѣрѣ въ главномъ городѣ намѣстничества онъ встрѣтитъ болѣе интеллигентныя власти, которыя поспѣшатъ положить конецъ этому тяжелому недоразумѣнію. Ничуть не бывало. По прибытіи во Львовъ, его немедленно заключили въ предварительную тюрьму. Единственное снисхожденіе, которое ему сдѣлали состояло въ томъ, что его не помѣстили въ одной камерѣ съ ворами и мошенниками, а заперли въ отдѣльную камеру, сырую и холодную какъ погребъ, съ желѣзными рѣшетками на двухъ маленькихъ окнахъ, причемъ не давали ему возможности ни телеграфировать кому либо о своемъ несчастіи, ни объясниться съ кѣмъ либо изъ лицъ авторитетныхъ. О немъ вспомнили только на другой день послѣ полудня и представили предъ лицо полицейскаго коммиссара. Новый, еще болѣе тщательный допросъ и составленіе протокола. Новыя требованія доказательствъ, что арестованный именно то лицо, за которое онъ себя выдаетъ, и что онъ не имѣлъ никакихъ зловредныхъ цѣлей по отношенію къ Галиціи. По ссылкѣ г. Иловайскаго на свое прежнее посѣщеніе Львова въ такомъ-то году, справились въ записной книгѣ отеля. Оказалось, что фамилія его и спеціальность дѣйствительно были тамъ обозначены. Найденныя при немъ письма также ясно подтверждали его личность и спеціальность. Но все это найдено недостаточнымъ. Изъ трехъ главныхъ знакомствъ, пріобрѣтенныхъ имъ въ прежнія посѣщенія Львова, извѣстный польскій ученый Белёвскій, издатель *Historica monumenta Poloniae*, уже скончался; грекоуніатскій каноникъ Петрушевичъ, также извѣстный своими историческими и филологическими трудами, отсутствовалъ, будучи членомъ Вѣнскаго рейхсрата. Оставался только редакторъ [illegible]цко-русской газеты *Слово* Венедиктъ Михайловичъ Площанскій. По[illegible] и призвали, по просьбѣ арестованнаго, чтобы засвидѣтельствовать [illegible]ть. Г. *Площанскій* немедленно принялъ самое теплое участіе въ

этомъ дѣлѣ. На первый разъ, однако, его свидѣтельство (какъ человѣка русской народности) также найдено недостаточнымъ. По желанію г. Иловайскаго, коммиссаръ обѣщалъ наконецъ телеграфировать въ Вѣну въ русское посольство. Арестованнаго снова отвели въ его помѣщеніе.

Дѣйствительно ли коммиссаръ телеграфировалъ и какой получилъ отвѣтъ, г. Иловайскому осталось неизвѣстнымъ. Скорымъ своимъ освобожденіемъ онъ считаетъ себя обязаннымъ все тому же В. М. Площанскому. Этотъ почтенный дѣятель Галицкой Руси поспѣшилъ употребить всѣ усилія, чтобы разъяснить львовскимъ властямъ всю ихъ несправедливость въ данномъ случаѣ, а также характеръ и положеніе лица, подвергшагося ихъ преслѣдованію. Результатъ его усилій былъ тотъ, что на слѣдующій день вечеромъ г. Иловайскаго, въ сопровожденіи полицейскаго чиновника, отправили по желѣзной дорогѣ изъ Львова на русскую границу. Галицко-русскіе студенты Львовскаго университета, узнавъ о несчастіи, постигшемъ г. Иловайскаго, готовились собраться на станціи желѣзной дороги, чтобы выразить ему свое сочувствіе, но не могли своевременно узнать о часѣ его отъѣзда.

Польскія власти мотивировали свои поступки съ путешественникомъ тѣмъ, что его паспортъ не имѣлъ визы, хотя онъ нѣсколько разъ уже бывалъ въ Австріи и никогда никто не спрашивалъ его ни о какой визѣ. Не только тѣ Поляки съ которыми онъ имѣлъ случай разговаривать дорогой во время своихъ пересылокъ, но и сами полицейскіе чины не скрывали отъ него, что виза служитъ только предлогомъ, и что съ нимъ поступили такъ просто потому, что онъ Русскій. Конечно, ему была хорошо извѣстна антипатія галицкихъ Поляковъ къ Русскимъ, но, вступая на Галицкую территорію, онъ полагалъ что по крайней мѣрѣ его личная свобода гарантирована, съ одной стороны, конституціонными учрежденіями Австріи, а съ другой—покровительствомъ нашей дипломатической миссіи. Оказывается, что русскій человѣкъ въ Галиціи ничѣмъ не гарантированъ отъ произвола и насилія. Если наши дипломатическіе агенты не въ состояніи предотвратить подобные случаи, то желательно, чтобъ они по крайней мѣрѣ печатно предупреждали своихъ соотечественниковъ о томъ, какую громадную важность для нихъ пріобрѣло вдругъ визированіе паспортовъ въ связи съ польскимъ туркофильствомъ. То же отчасти можно сказать и о русскихъ газетныхъ корреспондентахъ изъ Австріи. Описанный прискорбный случай далеко не единственный. Въ томъ же самомъ помѣщеніи, въ которомъ былъ заключенъ г. Иловайскій, за нѣсколько времени до него содержался одинъ русскій майоръ, точно также подъ предлогомъ визированнаго паспорта. Онъ подвергался тѣмъ же мытарствамъ въ ви

двухъ недѣль, пока полиція наводила справки о его личности. Галицко-польская полиція, хватая русскихъ путешественниковъ и пересылая ихъ съ мѣста на мѣсто подъ военнымъ конвоемъ, тѣмъ самымъ распространяетъ между галицкими Поляками толки о многочисленныхъ московскихъ агентахъ и шпіонахъ. Публика обыкновенно остается въ невѣдѣніи объ окончаніи дѣла, а видитъ только конвоируемыя лица, и вотъ разстроенному воображенію галицкихъ Поляковъ представляется, что вся Галиція кишитъ московскими агентами, которые или занимаются съемкой стратегическихъ пунктовъ, или волнуютъ русское населеніе края и возбуждаютъ его къ революціи. А нѣмецко-жидовскимъ органамъ, въ родѣ *Deutsche Zeitung*, въ каждомъ русскомъ путешественникѣ мерещится «панславистскій агитаторъ». (См. телеграмму *Международнаго Агенства* изъ Вѣны, отъ 2 октября).

Письмо къ издателю *.

М. г.—Слѣдовало ожидать, что руссофобская и туркофильская печать Австріи непремѣнно поусердствуетъ въ оправданіи того насилія, которое недавно было мнѣ учинено въ Галиціи. Но что нѣкоторые органы русской печати будутъ имъ охотно помогать, на это хотя и можно было разсчитывать тому, кто нѣсколько знакомъ съ данною стороной нашей общественной жизни, однако дѣйствительность начинаетъ превосходить ожиданіе.

Сегодня, благодаря указанію одной московской газеты, я узналъ, что два петербургскіе органа уже отличились помѣщеніемъ какихъ-то корреспонденцій изъ Вѣны, разсказывающихъ какъ несомнѣнный фактъ, что я ѣздилъ въ Галицію пропагандировать панславизмъ, и таковое помѣщеніе одинъ изъ этихъ органовъ сопровождаетъ въ высшей степени грубымъ и нелѣпымъ поученіемъ, обращеннымъ какъ ко мнѣ лично, такъ и къ панславистамъ вообще. Я думалъ, что только невѣжественныя власти маленькаго городка не въ состояніи понять возможности посѣтить Галицію съ научною цѣлью. Оказывается, что это невѣжество раздѣляютъ съ ними и нѣкоторыя отечественныя редакціи. Лица, арестовавшія меня, судя по нѣкоторымъ ихъ вопросамъ, кажется, приняли меня за переодѣтаго русскаго офицера, изучающаго стратегическіе пу [illegible] ъ. когда достаточно выяснилась моя личность, пу [illegible] ой-то панславистской пропагандѣ. [illegible]

---

* Москов. Вѣдом 1887

(самихъ корреспонденцій не читалъ) узнаю, что я сдѣлался эмиссаромъ Славянскаго Комитета и далъ католическому ксендзу тысячу рублей на цѣли этой пропаганды. На дняхъ, можетъ быть, прочту извѣстіе, что въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, которые я провелъ въ Галиціи свободнымъ человѣкомъ, я успѣлъ совершить разныя тяжкія преступленія. Что можно отвѣчать на подобныя нелѣпости?

И возможно ли серіозно говорить съ людьми, ослѣпленными невѣжествомъ или ненавистью ко всему русскому? Пускаться въ какія либо оправданія въ такомъ случаѣ было бы униженіемъ. Относительно своей поѣздки черезъ Галицію я подтверждаю только, что подробности, сообщенныя въ № 244 вашей газеты, вполнѣ точны и достовѣрны. Въ сентябрѣ 1874 года я также былъ проѣздомъ въ Галиціи; причемъ точно также ознакомился съ древнимъ русскимъ городомъ Перемышлемъ при помощи мѣстнаго священника. Конечно, почему же ради науки иногда не претерпѣть и нѣкоторыя страданія; но я не знаю, избралъ ли бы свой обратный путь черезъ Галицію, еслибы вѣдалъ, что въ настоящее время личность русскаго путешественника въ этой странѣ гораздо менѣе обезпечена нежели посреди дикарей Средней Азіи и Новой Голландіи, хотя тамъ и нѣтъ русскаго представительства. По крайней мѣрѣ наши соотечественники, Пржевальскій и Миклуха-Маклай, благодареніе Богу, пока живы и невредимы.

Пользуюсь случаемъ сказать нѣсколько словъ о панславизмѣ. Уже съ прошлаго года, то-есть со времени Сербо-Турецкой войны, въ иностранныхъ руссофобскихъ и туркофильскихъ газетахъ печатались ядовитыя статьи и выходки противъ русскихъ панславистовъ; причемъ повторялся и обычный пріемъ руссофобовъ: съ извѣстною, всѣмъ понятною цѣлью увѣрять, что внутреннему спокойствію Россіи грозитъ страшная опасность отъ этихъ панславистовъ. Въ числѣ вожаковъ этой ужасной партіи нерѣдко приводилось и мое имя, конечно на основаніи нѣсколькихъ моихъ писемъ о восточномъ или собственно Балканскомъ вопросѣ. На подобныя выходки можно было не обращать вниманія. Но вотъ злоба идетъ дальше и пользуется первымъ попавшимся предлогомъ, чтобъ обвинить уже въ личной и непосредственной пропагандѣ. Любопытно [illegible] нать отъ этихъ обвинителей, что именно разумѣютъ [illegible] *панславизмъ*, и на какихъ основаніяхъ причисляю[illegible] къ его вожакамъ? Панславизмъ вѣроятно озна[illegible] со включеніемъ австрійскихъ Славянъ. Но, [illegible] скихъ Славянахъ, я ровно ничего не го[illegible] ческомъ единеніи Славянъ ничего не б[illegible]

цистикѣ. Мои письма относились только къ жизненному для Россіи Восточному вопросу, къ необходимости освободить нашихъ единовѣрцевъ и единоплеменниковъ отъ гнуснаго мусульманскаго ига и къ враждебной намъ въ этомъ вопросѣ политикѣ Англійской и Нѣмецко-Мадьярской. Что же касается практическихъ задачъ столь ненавистнаго туркофиламъ Славянскаго благотворительнаго Общества, то, къ сожалѣнію, при всемъ сочувствіи и уваженіи къ его дѣятельности, я доселѣ не могу похвастать, чтобы былъ дѣятельнымъ его членомъ.

Если въ послѣдніе два года я думалъ и чувствовалъ наравнѣ со всѣми русскими людьми и урывалъ время отъ своихъ историческихъ занятій, чтобы говорить русскому обществу о нашихъ задачахъ по отношенію къ Балканскому вопросу, то, надѣюсь, мнѣ не будетъ поставлена въ упрекъ эта часть моей литературной дѣятельности. Для знакомыхъ съ нею позволю себѣ напомнить, что она относилась по преимуществу къ періоду Сербо-Турецкой войны, и что всѣ существенныя опасенія, мной тогда высказанныя, оправдались на самомъ дѣлѣ.

Въ заключеніе, пользуюсь также случаемъ, при посредствѣ вашего изданія, засвидѣтельствовать свою глубокую благодарность Венедикту Михайловичу Площанскому. Безъ его усердной помощи я, вѣроятно, и доселѣ сидѣлъ бы во Львовской предварительной тюрьмѣ, и это становится теперь еще вѣроятнѣе въ виду указанной выше гнусной клеветы, пущенной въ ходъ извѣстною частью австрійской публицистики и подхваченной нашими туземными пособниками ея въ данномъ случаѣ. *

---

* Съ однимъ изъ этихъ пособниковъ, именно съ г. Полетикой, издателемъ петербурской газеты *Молва*, по означенному поводу дѣло должно было дойти до извѣстныхъ результатовъ; но не дошло вслѣдствіе его отказа. Говорю объ этомъ фактѣ потому, что въ свое время онъ былъ оглашенъ въ печати. За тѣмъ любопытно, что
[illegible] въ Галиціи такъ и осталась безъ опроверже-
[illegible]ряхъ. Еще недавно я въ какой-то
[illegible]ской миссіи какъ объ извѣстномъ,

IV.

ОТРЫВКИ ИЗЪ РАЗНЫХЪ ПУТЕШЕСТВІЙ.

Воспоминаніе о Галичѣ на Днѣстрѣ *.

Къ сожалѣнію, обстоятельства помѣшали мнѣ надлежащимъ образомъ обставить мое воспоминаніе съ городомъ Галичемъ, и я могу сообщить только немногія впечатлѣнія, которыя вынесъ изъ бѣглаго обзора города и его важнѣйшихъ древностей.

Во-первыхъ, меня занимала самая топографія его, или мѣстоположеніе. Въ этомъ отношеніи онъ отчасти напоминаетъ нашъ Кіевъ, только не въ такихъ величественныхъ размѣрахъ. Представьте себѣ возвышенный правый берегъ Днѣстра, пересѣченный оврагами и ложбинами нѣсколькихъ впадающихъ въ него рѣчекъ. Долина, образуемая устьемъ одной изъ нихъ, именно Луквы, занята небольшимъ бѣднымъ городкомъ, т.-е. современнымъ Галичемъ; а господствующій подъ нею крутой холмъ увѣнчанъ развалинами старой крѣпости. Слѣдовательно мы тутъ видимъ нѣчто въ родѣ кіевскихъ Подола и Верхняго Города, съ тою только разницею, что послѣдній теперь необитаемъ. Судьба послала мнѣ проводника для прогулки по Галичу въ лицѣ молодаго уніатскаго священника Марковича, проводника очень радушнаго и любезнаго, но который, естественно, не могъ во многихъ отношеніяхъ удовлетворить моему историко-археологическому любопытству. Сначала мы взобрались на холмъ, но тамъ кромѣ полуразвалившихся стѣнъ и башенъ я ничего и никого не нашелъ **. За

* Древняя и Новая Россія. 1878 г. № 2. Хотя эта статья имѣетъ болѣе археологическое значеніе; однако я привожу ее здѣсь, вслѣдствіе ея тѣсной связи съ предыдущимъ расказомъ о моемъ Галицкомъ приключеніи.

** Прибавляю и никого. Одна изъ версій, сообщенныхъ относительно Вѣны, помнится, разсказывала, что на этомъ холмѣ я произносилъ рѣчь народу о временахъ Галицкаго княжества. Любопытно, что на улицѣ видѣлъ народъ только Еврейскій. А самая прогулка совершалась подъ дождемъ.

то отсюда открывается широкій кругозоръ на городъ, его окрестности и рѣку Днѣстръ, слѣдовательно это превосходный пунктъ для того, чтобы получить понятіе о мѣстоположеніи. Далѣе за холмомъ на слѣдующемъ возвышеніи находится небольшое селеніе, котораго имени теперь не могу припомнить.

Самый замокъ принадлежитъ къ эпохѣ уже польскаго владычества; но безъ сомнѣнія онъ устроенъ былъ на мѣстѣ древняго галицкаго кремля или дѣтинца, въ которомъ помѣщался и княжескій теремъ. Изъ Ипатьевской лѣтописи извѣстно, что при этомъ теремѣ находилась придворно-княжеская церковь во имя св. Спаса и что она была соединена переходомъ съ самымъ теремомъ. Владимірко, идя къ вечернѣ, съ переходовъ увидалъ уѣзжавшаго ни съ чѣмъ кіевскаго посла, боярина Петра Бориславича, и посмѣялся надъ нимъ. А возвращаясь послѣ вечерни, князь на томъ же самомъ мѣстѣ былъ пораженъ апоплексическимъ ударомъ. Такъ какъ съ означеннаго холма весь нижній Галичъ былъ видѣнъ какъ на ладони, а вмѣстѣ съ нимъ и дорога черезъ Днѣстръ въ Кіевъ, то это обстоятельство говоритъ въ пользу предположенія, что тутъ дѣйствительно находились и княжій теремъ, и храмъ св. Спаса. На возвышенное положеніе этого терема и вообще галицкаго кремля можетъ быть намекаетъ также извѣстное выраженіе «Слова Полку Игоревѣ», относящееся къ сыну Владимірка: «Ярославъ Осмомыслъ Галицкій! высоко сидишь на своемъ златокованномъ столѣ, подперъ горы Угорскія своими желѣзными полками». А вторая половина этого выраженія пожалуй соотвѣтствуетъ береговымъ холмамъ, составляющимъ отроги Карпатъ, и полки, стоявшіе на этихъ отрогахъ, представляются какъ бы подпирающими самыя Карпаты. Въ такомъ случаѣ вотъ новое доказательство того, какъ хорошо зналъ поэтъ современную ему Русь, особенно южную.

Съ холма мы опять спустились въ городъ, и г. Марковичъ показалъ мнѣ уніатскую приходскую церковь, при которой онъ состоитъ администраторомъ, т.-е. временнымъ священникомъ. Церковь эта, не знаю почему переименованная въ честь Рождества Христова, въ древности была соборнымъ храмомъ Богородицы. (Извѣстно, что въ стольныхъ русскихъ городахъ соборные храмы были преимущественно или Софійскіе, или Богородичные). Такъ какъ этотъ храмъ представляетъ главную святыню древняго Галича и единственный его архитектурный памятникъ, то я и сосредоточу на немъ свое воспоминаніе.

Впервые Кіевская лѣтопись упоминаетъ о 1187 годомъ, по поводу кончины князя Ярослава
именно въ церкви св. Богороди

и ея основатель. Но въ такомъ случаѣ лѣтопись обыкновенно прибавляла: «юже бѣ создалъ». А такъ какъ подобной прибавки нѣтъ, то думаютъ, что вѣроятнѣе ея основатель или начинатель былъ его отецъ Владимірко. Слѣдовательно возникла она приблизительно въ половинѣ XII вѣка. Построеніе и украшеніе этого храма конечно совершены греческими мастерами или подъ ихъ руководствомъ. Галицкій край лежалъ ближе къ Византійской имперіи чѣмъ другія русскія области и находился съ нею въ дѣятельныхъ сношеніяхъ—торговыхъ, политическихъ и особенно церковныхъ. Кромѣ того галицкіе князья того времени состояли въ дружественныхъ и родственныхъ связяхъ съ императорской фамиліей Комненовъ, о чемъ имѣемъ слѣдующія данныя. По извѣстію Кіевской лѣтописи дочь Володаря, сестра Владимірка, въ 1104 году была отдана за византійскаго царевича Олексинича (т.-е. сына императора Алексѣя Комнена). Владимірко былъ союзникомъ императора Мануила Комнена противъ угровъ (Cinnamus. Lib. III). Ярославъ Осмомыслъ былъ также его союзникомъ, и только на короткое время возбудилъ противъ себя неудовольствіе Мануила, когда далъ убѣжище бѣжавшему изъ темницы, знаменитому своими приключеніями, принцу Андронику, двоюродному брату императора, въ 1165 г. Весьма возможно, что Андроникъ былъ сынъ упомянутой галицкой княжны, тетки Ярослава, слѣдовательно приходился ему также двоюроднымъ братомъ. Неудовольствіе вскорѣ уладилось, и, примиривъ Андроника съ Мануиломъ, Ярославъ отпустилъ принца въ Византію съ торжественнымъ посольствомъ (Ипат. лѣт. Cinnamus. Lib. V. Nic. Choniata. Lib. IV).

Второе извѣстіе о соборномъ храмѣ Богородицы относится къ 1205 г., по тому поводу, что въ немъ былъ погребенъ знаменитый Романъ Галицкій, убитый поляками подъ Завихостомъ. Въ третій разъ лѣтопись поминаетъ его, спустя три года, по поводу посаженія Даніила Романовича на галицкій столъ: обрядъ этого посаженія совершился въ храмѣ Богородицы. Но самое любопытное упоминаніе о немъ—это слѣдующее, четвертое. Въ 1220 или 21 г. Мстиславъ Удалой пришелъ освобождать Галичъ, которымъ владѣлъ тогда угорскій королевичъ Коломанъ. Начальникъ угорскаго гарнизона Фильній вышелъ на встрѣчу Мстиславу; но былъ разбитъ и взятъ въ плѣнъ. Воины Мстислава вломились въ городъ, но тутъ они встрѣтили еще одно препятствіе. Остатокъ угровъ съ
заперся въ соборномъ храмѣ Богородицы. Фильній за
какъ бы въ укрѣпленный замокъ. Угры вбѣжали на
или верхи храма, и оттуда метали камни и стрѣлы
сдались только тогда, когда изнемогли отъ

заключеніе о массивности и прочности храма. Извѣстно, что Десятинная церковь въ Кіевѣ при нашествіи Батыя также послужила послѣднимъ убѣжищемъ оборонявшихся гражданъ; но верхъ ея не выдержалъ тяжести и рухнулъ. Впрочемъ тамъ вѣроятно толпа была гораздо многочисленнѣе, и спасалась она со многимъ имуществомъ.

Оборона осажденныхъ съ верхней части храма возбуждаетъ вопросъ о самомъ устройствѣ этой верхней части. Невозможно предположить, чтобы Угры просто влѣзли на кровлю и оттуда защищались камнями и стрѣлами. Это было бы очень неудобно, потому что обыкновенно кровля отъ главнаго купола шла скатами, хотя бы волнообразными и уступчатыми. Для разъясненія даннаго вопроса обращусь къ Кіевской Софіи. Нынѣ приведено въ извѣстность, что вокругъ ея верхней части съ трехъ сторонъ— сѣверной, южной и западной, шли открытыя галлереи или балконы, которые въ свою очередь покоились на наружныхъ портикахъ или притворахъ, окружавшихъ храмъ съ тѣхъ же трехъ сторонъ (Лебединцева— О св. Софіи Кіевской, въ Трудахъ третьяго археологическаго съѣзда). Впослѣдствіи эти балконы подведены подъ одну кровлю съ храмомъ и наружныя арки портиковъ обращены въ глухія стѣны, что въ свою очередь измѣнило основной планъ Кіевской Софіи: вопреки всѣмъ древнимъ русско-византійскимъ храмамъ, ширина ея получила протяженіе несоразмѣрное съ длиною. Обратите еще вниманіе на то, что въ лѣтописи мы находимъ ясный намекъ на существованіе наружныхъ портиковъ или притворовъ и въ суздальскихъ соборныхъ храмахъ XII вѣка. Именно, по поводу убіенія Андрея Боголюбскаго. Когда Кузьма Кіевлянинъ взялъ изъ огорода тѣло князя и принесъ его въ Боголюбскую церковь Рождества Богородицы, построенную и чудно украшенную убитымъ княземъ, то клирошане не отперли ему храма, а сказали: «положи пока тутъ въ притворѣ». Слѣдовательно данный притворъ былъ наружный, открытый. Можетъ быть эти открытые притворы походили на тѣ портики, которые мы видимъ при храмѣ Марка въ Венеціи. Но у насъ они были не по климату, и потому вышли изъ употребленія. На верхніе балконы или галлереи Кіевской Софіи всходили по круглымъ каменнымъ лѣстницамъ, устроеннымъ внутри двухъ башенъ или вежъ, которыя доселѣ сохранились въ западной сторонѣ собора, за исключеніемъ своего зубчатаго верха. Подобныя древнія вежи, только по одной, а не по двѣ, мы находимъ въ Черниговскомъ Спасскомъ соборѣ, и въ Новгородской Софіи. Галицкій храмъ

вѣроятности имѣлъ двѣ или одну такую же вежу, которая вела

тыя галлереи. И Фильній конечно не построилъ тутъ

лость, а просто приспособилъ эти галлереи къ обо-

ронѣ, придѣлавъ что-либо въ родѣ зубцовъ или бойницъ: «созда градъ на церкви», какъ выражается лѣтопись.

Хотя городъ Галичъ при взятіи его Татарами сильно пострадалъ, подобно другимъ городамъ, но соборный храмъ Богородицы повидимому былъ только разграбленъ; а самый храмъ уцѣлѣлъ, не только храмъ, но и верхнія его укрѣпленныя галлереи. На это указываетъ извѣстіе Ипатьевской лѣтописи подъ 1255 г. Одинъ изъ южно-русскихъ князей, Изяславъ, захватилъ Галичъ въ отсутствіе Даніила: тотъ послалъ на него сына Романа съ войскомъ. Когда Романъ ворвался въ городъ, то Изяславъ съ своею дружиною убѣжалъ на тѣ самыя комары церковныя, гдѣ оборонялись когда-то Угры. Здѣсь онъ три дня выдерживалъ осаду, а на четвертый сдался—также вслѣдствіе нестерпимой жажды. Затѣмъ мы не имѣемъ прямыхъ свѣдѣній о судьбахъ этой церкви. Она конечно пришла въ упадокъ вмѣстѣ съ упадкомъ самаго Галича, а послѣдній началъ терять свое значеніе уже въ XIII вѣкѣ. Даніилъ оставилъ его и проживалъ болѣе въ своемъ любимомъ Холмѣ. Онъ покинулъ Галичъ отчасти вслѣдствіе татарскаго разоренія, а главнымъ образомъ вѣроятно потому, что этотъ городъ былъ ему непріятенъ своими крамольными боярами, столь часто возмущавшимися противъ князя. Послѣ Даніила столица Галицкой Руси перешла въ новый городъ Львовъ. Окончательный упадокъ знаменитаго храма Богородицы совершился во времена уніи. Онъ пострадалъ отъ пожаровъ, но еще болѣе отъ передѣлокъ, которыя сдѣлали его неузнаваемымъ, такъ что въ настоящее время онъ походитъ скорѣе на польско-католическій костелъ, чѣмъ на древне-русскій храмъ. Онъ имѣетъ видъ продолговатаго неуклюжаго зданія съ однимъ алтарнымъ полукружіемъ и двускатною черепичною кровлею, а по бокамъ его идетъ родъ низенькихъ придѣловъ. Можетъ быть эти придѣлы образовались изъ боковыхъ нефовъ, которыхъ верхнія части разрушились; а самый теперешній храмъ вѣроятно есть ни что иное какъ средній или главный нефъ древняго храма съ передѣланнымъ верхомъ. Изслѣдованіе кладки стѣнъ и самыхъ кирпичей могло бы разъяснить подобные вопросы. Но все это пока скрыто подъ толстымъ слоемъ штукатурки, а изустныхъ свѣдѣній мнѣ не удалось получить. Равнымъ образомъ не могъ я узнать, гдѣ находился Галицкій монастырь св. Іоанна, о которомъ лѣтопись упоминаетъ подъ 1189 годомъ.

Надобно замѣтить, что я пріѣхалъ въ Галичъ съ юга, прямо изъ Румыніи, и не имѣлъ случая запастись предварительными свѣдѣніями, указаніями, и пособіями. Все это я надѣялся найдти во Львовѣ, куда намѣренъ былъ проѣхать изъ Галича, и гдѣ разсчитывалъ видѣть нѣкото-

рыхъ знатоковъ мѣстной археологіи. Но судьба, или точнѣе галицкая полиція уничтожила эти разсчеты.

Во всякомъ случаѣ русскія древности не ограничиваются выше указаннымъ. Съ вершины замковаго холма видны въ окрестностахъ Галича остатки земляныхъ валовъ. Они вѣроятно принадлежатъ еще къ тѣмъ валамъ, которыми древняя Русь имѣла обыкновеніе окружать свои главные города на случай непріятельскаго нашествія, для убѣжища сосѣднихъ сельскихъ жителей съ ихъ стадами и хлѣбными запасами. Съ той же вершины видны многочисленные могильные курганы, разсѣянные въ этой мѣстности. Въ числѣ ихъ должна находиться и Галичина могила. Лѣтопись упоминаетъ о ней по слѣдующему поводу. Въ 1206 году, когда Галичанъ угнетали Угры, нѣкоторые граждане призвали князя Мстислава Пересопницкаго; но ему не удалось прогнать Угровъ. Тогда одинъ изъ бояръ возвелъ его на курганъ и сказалъ въ насмѣшку: «князь, ты посидѣлъ на Галичинѣ могилѣ: это все равно, что княжилъ въ Галичѣ». Лѣтописецъ прибавляетъ, что послѣ скажетъ о Галичинѣ могилѣ и начатіи Галича; но потомъ или онъ забылъ о своемъ обѣщаніи, или неисправный переписчикъ опустилъ его разсказъ. Вѣроятно съ этимъ курганомъ была связана какая-нибудь легенда или домыселъ о князѣ—основателѣ Галича, подобно тому какъ съ Черной могилой въ Черниговѣ связался домыселъ о князѣ Черномъ, основателѣ города, какъ Аскольдова и Дирова могилы въ Кіевѣ подали поводъ къ миѳу объ Аскольдѣ и Дирѣ. Львовскій каноникъ Петрушевичъ въ одномъ археологическомъ изслѣдованіи предполагаетъ, что большая продолговатая могила въ сажень высоты, находящаяся въ лѣсу около деревни Сокола, въ разстояніи одного часа ѣзды отъ Галича, и есть эта Галичина могила (Было ли два Галича?—Науков. Сборникъ, 1865 г., вып. 1). Онъ указываетъ еще на два замѣчательные кургана на лѣвомъ берегу Днѣстра, насупротивъ города. Эти курганы, судя по старымъ актамъ, назывались «дупныя могилы». Тоже названіе дупныхъ могилъ, по указанію Петрушевича, въ грамотахъ встрѣчается у Полабскихъ славянъ еще въ XII и XIII в.в. Онъ довольно правдоподобно объясняетъ, что «дупная» значитъ «дупляная», т.-е. могила съ дупломъ или углубленіемъ на вершинѣ; а это послѣднее образовалось послѣ того, какъ бревенчатый потолокъ могильной каморы сгнилъ и обвалился. Дѣйствительно, подобнымъ образомъ устроенныя могилы встрѣчаются у насъ въ Приднѣпровьѣ. Но вообще, насколько подвергались научному изслѣдованію могильные курганы вокругъ Галича, мнѣ пока неизвѣстно. Кажется, тутъ предстоитъ еще нетронутая почва, которая обѣщаетъ обильную *жатву будущимъ* русскимъ изыскателямъ, если впрочемъ

къ тому времени галиційская полиція на столько цивилизуется, что перестанетъ хватать таковыхъ изыскателей и препровождать ихъ куда не слѣдуетъ.

Муравьевская премія и моя поѣздка въ Вильну *.

Нѣсколько времени тому назадъ прочелъ я въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» объявленіе отъ Московскаго университета о томъ, что возобновляется соисканіе на Муравьевскую премію за составленіе особаго руководства по русской исторіи для Сѣверо-Западнаго края. Около 23-хъ лѣтъ прошло отъ учрежденія этой преміи и, понятно, какимъ анахронизмомъ отзывается настоящее о ней объявленіе. Въ свое время я печатно высказалъ свой взглядъ на нее. И теперь повторю сказанное мною, въ виду нѣкоторыхъ обращенныхъ ко мнѣ запросовъ. Я просто отрицалъ самую мысль, самый поводъ для означенной преміи. Покойный графъ Муравьевъ, столько потрудившійся надъ внутреннимъ *объединеніемъ* края съ общимъ русскимъ отечествомъ, затѣялъ ввести въ его школы *отдѣльный* учебникъ, съ преобладаніемъ фактовъ мѣстной исторіи. Едва ли эта мысль была имъ самимъ придумана; вѣроятнѣе полагать, что она была ему подсказана кѣмъ-либо изъ усердствующихъ мѣстныхъ дѣятелей; а онъ усвоилъ ее себѣ, не долго надъ ней думая, увлекаясь впечатлѣніями и заботами данной минуты и будучи лицомъ мало компетентнымъ въ дѣлѣ школьной педагогіи и общественнаго образованія. Главный, основной принципъ послѣдняго составляетъ слѣдующее положеніе: въ странѣ, пользующейся государственнымъ единствомъ, сумма *обязательныхъ* школьныхъ или общеобразовательныхъ свѣдѣній должна быть одинакова для всѣхъ частей государства. А иначе, если Сѣверо-Западный край получитъ особое историческое руководство, то и Юго-Западный въ правѣ потребовать для себя таковое же, также и Малороссійскія губерніи, и Новгородско-Псковская область, и Новороссія, и Казанско-Астраханскій край. Тогда въ Московскомъ учебномъ округѣ долженъ быть учебникъ съ преобладаніемъ Московскаго періода русской исторіи, въ Петербургскомъ съ преобладаніемъ Петербургскаго періода и т. д. Я же высказывалъ, что мысль Муравьева была бы вѣрна, если бы она обратилась не на учебникъ собственно, а на учебное пособіе, на книгу для чтенія, т.-е. на научно-популярные очерки изъ исторіи Сѣверо-Западной или вообще Западной Руси. И если,

---

* *Новое Время*. 1887 г. 23 Апрѣля.

судя по объявленію Московскаго университета, въ теченіе слишкомъ двадцати лѣтъ не явилось ни одного отдѣльнаго и удовлетворительнаго руководства, то есть еще время исправить указанную ошибку.

По поводу означенной преміи припоминаются мнѣ впечатлѣнія моей первой поѣздки въ Западную Россію. Это было осенью 1864 года, когда мятежъ уже потухалъ подъ энергическими мѣрами Муравьева. Я остановился на нѣсколько дней въ Вильнѣ. Разумѣется, о всѣхъ пріѣзжихъ въ городъ доносилось генералъ-губернатору. Тотъ пожелалъ видѣть меня на своемъ утреннемъ общемъ пріемѣ. На слѣдующій день прихожу. Вижу толпу гражданскихъ и военныхъ чиновъ, почтительно ожидающихъ выхода. Въ опредѣленный часъ облеченный чрезвычайною властію начальникъ края торжественно появляется въ сопровожденіи своихъ адъютантовъ и совершаетъ довольно скорый обходъ предстоящихъ. Доходитъ очередь до меня; тутъ начальникъ останавливается и разговариваетъ въ теченіе нѣсколькихъ минутъ. Во-первыхъ, онъ заговорилъ именно о помянутой своей преміи и выражалъ нѣкоторое неудовольствіе на то, что Московскій университетъ, которому была предоставлена разработка условій конкурса, медлилъ своимъ отвѣтомъ. Затѣмъ разговоръ продолжался на тему о положеніи края вообще. Причемъ начальникъ собственно моего мнѣнія не спрашивалъ, а высказывалъ свои сужденія авторитетнымъ тономъ и неоднократно повторялъ, что это край русскій, русскій и русскій. Нѣсколько лишнихъ минутъ оказаннаго мнѣ вниманія, конечно, не остались незамѣченными. По окончаніи пріема меня, тогда еще молодого человѣка, немедленно окружили и осыпали разными любезностями. Особенно остался у меня въ памяти генералъ Ратчъ, который взялъ съ меня слово заѣхать къ нему, обѣщая показать какіе-то любопытные документы. Оказалось, что ему оффиціально поручено было сочинять исторію послѣдняго польскаго мятежа. Спустя нѣсколько лѣтъ онъ скончался, успѣвъ издать только вступительныя работы.

Относительно преміи я тогда чуть ли не впервые узналъ о ней, и во время разговора съ Муравьевымъ не могъ хорошо взять въ толкъ, чего онъ желаетъ. Относительно же народности края хотя и соглашался съ нимъ на основаніи своихъ историческихъ свѣдѣній, но потомъ, познакомясь съ краемъ поближе, убѣдился, что бывши когда-то вполнѣ русскимъ, теперь это край русско-польско-еврейскій. Любопытно, какъ въ то время, при горячей борьбѣ съ польскимъ элементомъ, совершеннымъ молчаніемъ обходился элементъ еврейскій. А между тѣмъ меня, при непосредственномъ знакомствѣ съ краемъ, болѣе всего поразила гнетущая масса *еврейства*. *Впечатлѣнія* первой поѣздки потомъ только утвержда-

лись и умножались въ томъ же направленіи послѣдующими поѣздками. Да гдѣ же тутъ русскіе-то города?—спрашивалъ я себя, посѣщая когда-то знаменитые и цвѣтущіе центры западно-русской жизни, какъ Полоцкъ, Витебскъ, Владиміръ-Волынскій, Галичъ и т. д. Никакимъ русскимъ духомъ тутъ почти не пахнетъ. Это все города жидовскіе; о менѣе значительныхъ и говорить нечего. А такъ называемыя мѣстечки въ Западной Россіи—это какія-то непріютныя гнѣзда, въ которыхъ кишитъ сплошной еврейскій пролетаріатъ. Русскій элементъ отодвинутъ на самыя нижнія ступени. Онъ представляется только крестьянствомъ. Но, Боже мой, какой это забитый, угнетенный элементъ, и угнетенный по преимуществу все тѣмъ же жидовствомъ, для котораго онъ служитъ предметомъ безпощадной эксплоатаціи и у котораго находится какъ бы въ экономической кабалѣ. Русская государственная власть освободила крестьянство отъ крѣпостной зависимости польскимъ панамъ; но когда и кто освободитъ его отъ жидовской кабалы? А безъ такого освобожденія какой смыслъ получаетъ троекратный возгласъ Муравьева о томъ, что этотъ край русскій, русскій и русскій? Я помню, какъ подъ напоромъ тяжелыхъ впечатлѣній улетучивались у меня космополитическія идеи о еврействѣ, и мѣсто ихъ занимало сознаніе, что эти идеи распространились въ интеллигентномъ русскомъ обществѣ главнымъ образомъ благодаря наивному невѣдѣнію: оно совсѣмъ не знало, что такое представляетъ еврейство въ дѣйствительности и что оно сдѣлало изъ Западной Россіи. Около того же времени была пущена въ ходъ несчастная идея, будто допущеніемъ переселенія въ Восточную Россію можно разрѣдить ихъ массу и тѣмъ облегчить Западную Россію. Послѣдней оттого не будетъ нисколько легче, а Восточная Россія современемъ подвергнется той же участи. (Нагляднымъ примѣромъ служатъ собственно польскія области, которыя передали жидовство въ Западную Россію, но сами тѣмъ своего бремени не облегчили.) Извѣстно, что въ этомъ смыслѣ начались уже разныя мѣры; начались и печальныя ихъ послѣдствія. Только познакомясь ближе съ Западной Россіей, я понялъ, какимъ благодѣяніемъ для насъ являлась антиеврейская политика Петра Великаго, Елизаветы Петровны и Николая I, тщательно охранявшихъ Восточную Русь отъ вторженія въ нее польскаго и западно русскаго жидовства. Въ городахъ польскихъ и западно-русскихъ коренное среднее сословіе было, такъ сказать, съѣдено еврействомъ, откуда образовалась пустота между высшимъ и низшимъ слоями населенія. Эту пустоту наполнилъ чуждый элементъ, который конечно послужилъ не связью между ними, а разобщеніемъ, и произвелъ параличное состояніе *государственнаго* организма. Вотъ одна изъ главныхъ причинъ паденія

Польши. Подобную же участь пріуготовляютъ намъ люди лже-либеральнаго или собственно анти-національнаго направленія.

Post-scriptum. Пока дѣло касалось одной западной окраины, зло еще не было такъ чувствительно. Но теперь, когда оно доходитъ до средоточія, вопросъ получаетъ иной характеръ. Напримѣръ, на нашихъ глазахъ въ послѣднія двадцать лѣтъ Москва, это сердце Россіи, замѣтно начала, такъ сказать, жидовѣть. И начало это совершилось не безъ попустительства со стороны мѣстныхъ авторитетовъ, слишкомъ податливыхъ къ еврейскимъ заискиваніямъ. Видимъ нѣчто напоминающее старую Польшу, только съ прибавленіемъ раутовъ и другихъ утонченныхъ приманокъ. Такъ мѣстные авторитеты охотно посѣщаютъ поляковскіе рауты, а мѣстное дамское общество восхищается отличнымъ канторомъ въ поляковской синагогѣ. Если случится дочери Родшильда, супругѣ одесскаго банкира, посѣтить нашу первопрестольную, то мѣстными авторитетами ей оказываются высокія почести, и т. п. Городское представительство относится къ ожидовленію своего города вполнѣ индифферентно. Года четыре назадъ была произведена въ Москвѣ однодневная перепись, на счетъ городской казны. Я тогда былъ гласнымъ въ думѣ, и при обсужденіи программы переписи пытался обратить вниманіе собранія на рубрику вѣроисповѣданія, но тщетно; ясно проглядывала задняя мысль, что въ наше время вопросъ о вѣроисповѣданіи можетъ интересовать только людей отсталыхъ. И вотъ перепись произведена повидимому очень подробная и тщательная, а настоящее количество евреевъ въ Москвѣ остается для насъ почти также неизвѣстнымъ какъ и до переписи *.

Москва 14 апрѣля 1887 г.

---

* Вскорѣ послѣ, того какъ было напечатано это письмо, появился „Статистическій Атласъ города Москвы“ (Приложеніе къ VIII выпуску *Извѣстій* М. Г. Думы за 1887 годъ), представляющій результаты означенной однодневной переписи. Число всего населенія исчислено въ 753.000. Справляемся, сколько же Евреевъ? Оказывается, только 15.000! Вотъ вамъ и статистика. Ясно, что или это завѣдомо тенденціозная цифра, или слишкомъ небрежное отношеніе къ дѣйствительности, благодаря извѣстному искусству Евреевъ скрывать свое настоящее число. Разные заслуживающіе довѣрія люди говорятъ, что дѣйствительное ихъ количество въ Москвѣ, по меньшей мѣрѣ, вчетверо болѣе показаннаго. Евреи составили здѣсь уже значительный домовладѣльческій и лавковладѣльческій элементъ, и при очень простомъ обходѣ закона. Сей послѣдній позволяетъ пріобрѣтать осѣдлость, недвижимую собственность и торговыя заведенія Евреямъ—купцамъ первой гильдіи, къ сожалѣнію неограничивая ихъ однимъ домомъ или магазиномъ и неопредѣляя maximum ихъ служащихъ. И вотъ на имя нѣсколькихъ купцовъ первой гильдіи записывается масса домовъ, магазиновъ, приказчиковъ и т. д.

Изъ путевыхъ замѣтокъ по Силезіи и Познани. *.

Это было въ Маѣ 1870 года, въ ясную весеннюю погоду. Направляясь изъ Кракова въ Познань, раннимъ утромъ я переѣхалъ Австрійскую границу и очутился въ Прусской Силезіи. Переѣздъ этотъ былъ мнѣ особенно памятенъ по слѣдующему обстоятельству. Я находился тогда подъ впечатлѣніемъ всего польскаго, преимущественно Польскаго языка, а также подъ впечатлѣніемъ тѣхъ сѣтованій, которыя слышалъ въ небольшомъ кружкѣ русскихъ дѣятелей, продолжавшихъ бороться съ ополяченьемъ Галицкой Руси. Австрійская внутренняя политика, вѣчно лавирующая между своими народностями, вступила на ту пору въ періодъ самыхъ любезныхъ отношеній къ Полякамъ, и отдала въ ихъ руки почти все управленіе края. Поляки, конечно, высоко подняли голову и принялись за обычную свою пропаганду возстановленія Рѣчи Посполитой. Бѣднымъ Русскимъ, разумѣется, приходилось плохо. Мнѣ случилось даже отъ самихъ Галицкихъ Нѣмцевъ слышать жалобы на высокомѣрное съ ними обращеніе мѣстныхъ чиновниковъ изъ Поляковъ.

Еще полчаса назадъ въ ушахъ у меня звучала Польская носовая рѣчь, и между прочимъ слышались наивныя восклицанія какой-то дамы изъ Кіевской губерніи. Эта дама выражала восторгъ по поводу того, что она свободно можетъ теперь наслаждаться звуками своего роднаго языка, который по ея словамъ подвергался несносному гоненію на ея родинѣ. Но съ перемѣной вагоновъ на границѣ перемѣнилась и публика. Кругомъ по большей части серьезныя лица, съ неизбѣжными сигарами въ зубахъ; изрѣдка пассажиры перекидывались нѣмецкими фразами. Уже ни единаго польскаго звука, хотя мы ѣхали по Силезіи, т.-е. по землѣ, двѣ трети населенія которой сохраняютъ еще свою народность (если вѣрить показаніямъ Поляковъ).

Ближайшимъ моимъ сосѣдомъ былъ пожилой господинъ, который своею живостію и разговорчивостію замѣтно выдѣлялся изъ окружающей публики: но на вопросы и замѣчанія свои онъ получалъ короткіе, отрывистые отвѣты. Заговоривъ о чемъ-то со мною, онъ видимо оживился, когда узналъ, что я не Нѣмецъ, а Русскій. Самъ онъ оказался единственнымъ Полякомъ въ нашемъ вагонѣ. Онъ тотчасъ съ удовольствіемъ перешелъ на родную рѣчь; я же, проведя нѣсколько недѣль въ Варшавѣ, Львовѣ и Краковѣ, могъ отъ литературнаго Польскаго языка сдѣлать переходъ

* Русскій Архивъ. 1878, № 3. Путешествіе въ Гродно, Варшаву, Львовъ, Краковъ и Познань было совершено мною ради монографіи о Гродненскомъ сеймѣ 1793 г.

и къ разговорному. Словоохотливый старикъ не замедлилъ сообщить мнѣ, что онъ родомъ изъ нашего Привислянскаго края, гдѣ у него было помѣстье. Послѣ мятежа онъ поспѣшилъ продать это помѣстье и купить имѣніе въ Австріи, около Кракова, гдѣ и поселился. «Я хотя съ убыткомъ продалъ прежнее имѣніе, замѣтилъ онъ; но по крайней мѣрѣ теперь я спокойно владѣю тѣмъ, что мнѣ принадлежитъ».

При всемъ своемъ хозяйственномъ направленіи, сосѣдъ мой очевидно принадлежалъ къ польскимъ патріотамъ и не скрывалъ своей антипатіи къ Нѣмцамъ. Эта антипатія однако не мѣшала ему воспитывать своего старшаго сына не въ Краковѣ, а въ Оппельнѣ (какъ называется понѣмецки Ополе, главный городъ Верхней Силезіи). Старикъ слѣдовательно былъ человѣкъ практичный и понималъ превосходство прусскихъ гимназій передъ австрійскими. Впрочемъ, по его замѣчанію, Ополе вѣдь собственно польскій городъ. Сынъ его въ это самое время оканчивалъ гимназическій курсъ, и старикъ именно ѣхалъ за нимъ въ Ополе.

Между тѣмъ поѣздъ подвигался довольно медленно по причинѣ слишкомъ короткихъ станцій и безпрерывныхъ остановокъ. Сіи послѣднія производились потому, что нельзя было миновать многочисленные промышленные пункты, мимо которыхъ пролегалъ желѣзный путь. Мы проѣзжали по весьма замѣчательной мѣстности. Почва Верхней Силезіи славится изобиліемъ каменнаго угля и разныхъ металлическихъ рудъ, особенно желѣзныхъ. Разработка этихъ естественныхъ богатствъ идетъ чрезвычайно дѣятельно. По обѣимъ сторонамъ дороги разсѣяны дымящіяся фабрики, заводы и плавильные горны. Дымъ отъ каменнаго угля застилалъ собою солнечный свѣтъ, и ясный день превратился въ сѣрый. Повсюду виднѣлся рабочій людъ въ синихъ и темныхъ блузахъ. Большая часть пассажировъ на каждой станціи подкрѣпляла себя неизбѣжною кружкою пива. Вотъ напитокъ (думалъ я), по истинѣ благодѣтельный для Нѣмецкой націи! Онъ представляетъ одно изъ ея важныхъ преимуществъ передъ другими народами, въ особенности передъ Русскимъ простонародьемъ. Между тѣмъ какъ нашъ народный напитокъ часто омрачаетъ разсудокъ Русскаго человѣка, заставляетъ его пропивать послѣднее достояніе и ослабляетъ его рабочую способность; Нѣмецъ въ своемъ питательномъ напиткѣ почерпаетъ новую бодрость и новыя силы къ работѣ. По своему качеству пиво веселитъ его, а не одуряетъ; а по дешевизнѣ оно не угрожаетъ ему разореніемъ, не смотря на огромное потребленіе.

Но вотъ мы наконецъ пріѣхали въ Ополе. Едва поѣздъ остановился, и мой сосѣдъ вышелъ изъ вагона, какъ его встрѣтилъ молодой человѣкъ словами: *Du kommst lieber Vater!*

Старикъ весело обнялъ сына и, повидимому, не замѣтилъ, что привѣтствіе было произнесено не на родномъ языкѣ.

На этомъ и остановились мои воспоминанія. По возвращеніи домой я вздумалъ записать впечатлѣнія поѣздки; но послѣ приведеннаго начала что-то отвлекло меня отъ нихъ. Въ настоящее время подробности уже трудно возстановить съ памяти. Я именно полагалъ свои воспоминанія сосредоточить на впечатлѣніяхъ поѣздки по Прусской части бывшихъ Польскихъ земель, потому что особенно занимала та машинообразная система, посредствомъ которой эта часть подвергается постепенному, неотразимому онѣмеченію. Очевидно тутъ нѣтъ мѣста никакимъ колебательнымъ движеніямъ со стороны Нѣмецкаго правительства и Нѣмецкаго общества. То и другое дѣйствуютъ за одно безъ дальнѣйшихъ разсужденій, послабленій, уступокъ и т. п. Политическая зрѣлость достигла той степени, на которой ясно сознанныя цѣли и средства вѣрнымъ и твердымъ шагомъ ведутъ къ конечнымъ результатамъ. Замѣчательна въ особенности Нѣмецкая исключительность въ отношеніи къ языку. Помнится, въ сумерки того же дня поѣздъ проѣзжалъ по Познанской провинціи, гдѣ-то около Русской границы. Тутъ въ одинъ со мною вагонъ помѣстилась польская дама изъ Калиша, которая отправлялась къ роднымъ въ Познань. У этой дамы вышло какое-то недоразумѣніе относительно билета; на бѣду она не говорила по-нѣмецки, а кондукторъ не понималъ ея польскихъ объясненій. Мало того, въ цѣломъ вагонѣ никто не отозвался по-польски и не помогъ ей выйдти изъ затрудненія, такъ что нижеподписавшемуся пришлось пустить въ ходъ свой небольшой запасъ Польскаго разговорнаго языка. Какой контрастъ съ восторгомъ кіевской дамы, которую я встрѣтилъ поутру!

Познань съ ея прекрасною крѣпостью, въ которой порядокъ и чистота соблюдается до мелкихъ подробностей, произвела на меня впечатлѣніе нѣмецкаго города. Польское населеніе, хотя и представляетъ еще значительную цифру, но говоритъ на родномъ языкѣ по преимуществу въ своей семьѣ; а на улицѣ, въ канцеляріяхъ и общественныхъ учрежденіяхъ слышится языкъ Нѣмецкій *. Помню, что на другой день моего пріѣзда въ городѣ происходилъ парадъ и смотръ войскамъ. И вообще, проѣзжая по Прусскимъ землямъ, я видѣлъ въ разныхъ пунктахъ какое-то движеніе войскъ; мнѣ сказали, что происходилъ обычный сборъ, не помню какого

* Пользуюсь случаемъ съ благодарностью вспомнить о радушномъ пріемѣ, который я нашелъ въ Познанскомъ Обществѣ Любителей Наукъ (Towarzystwo Przyjaciól Nauk), именно у секретаря его г. Фельдмановскаго. Онъ сообщилъ мнѣ всѣ изданія своего Общества.

призыва. Однако по дорогѣ въ Россію, когда поѣздъ двигался по Западно-Прусской (бывшей Польской) провинціи, сосѣдъ мой Нѣмецъ былъ на столько откровененъ, что высказалъ ожиданіе большихъ событій: «въ воздухѣ пахнетъ войною, замѣтилъ онъ: но съ кѣмъ именно будетъ война, съ Франціей или съ Россіей, я не знаю». Помню, около вечера мы ѣхали по зеленой низменной равнинѣ, и тотъ же сосѣдъ указалъ мнѣ вдали мѣстность, гдѣ находится Варцинъ, извѣстное помѣстье Бисмарка.

Дѣйствительно, не прошло послѣ того и полутора мѣсяцевъ, какъ разразилась страшная борьба Германіи съ Наполеоновой Франціей.

Поѣздка на р. Іорданъ *.

Недавно нашъ почтенный историкъ, Д. И. Иловайскій, у себя дома, въ кружкѣ своихъ знакомыхъ, посвятилъ два вечера разсказамъ о путешествіи на Востокъ, которое онъ совершилъ въ теченіи осени истекшаго (1886) года. Кромѣ Константинополя, онъ посѣтилъ Египетъ, гдѣ поднимался вверхъ по Нилу до развалинъ Ѳивъ и созерцалъ великолѣпные памятники древней Египетской цивилизаціи; а потомъ изъ Александріи отправился въ Іерусалимъ обычнымъ путемъ черезъ приморскій городъ Яффу. Не будемъ говорить о впечатлѣніяхъ, вынесенныхъ имъ изъ Святаго Града и его окрестностей, а остановимся на одномъ лишь эпизодѣ этого путешествія, именно на поѣздкѣ къ Іордану. Постараемся передать разсказъ путешественника приблизительно его собственными словами:

«Раннимъ утромъ, часа въ четыре (это было около половины нашего октября) мы выступили изъ Іерусалима, съ Русскихъ построекъ, небольшимъ караваномъ. Насъ было четверо путешественниковъ: я, одинъ молодой человѣкъ (сынъ А. С. Суворина) и одинъ почтенный черниговскій помѣщикъ съ дочерью (И. И. Ханенко). Мы ѣхали верхомъ на ослахъ: былъ еще пятый оселъ, навьюченный разнымъ багажемъ и припасами; при немъ шелъ ослиный погонщикъ. Конвой нашъ составляли: конный консульскій кавасъ и два пѣшихъ заптія или турецкихъ жандарма. Сіи послѣдніе были изъ мѣстныхъ арабовъ и имѣли видъ какихъ-то оборванцевъ; они шли почти босые, а все вооруженіе ихъ состояло изъ старинныхъ чуть ли не кремневыхъ ружей, заряженныхъ дробью. За то нашъ молодой кавасъ, родомъ Черногорецъ (Н. И. Чизмаревъ), былъ

---

* Газета А. Гатцука. 1886, № 52. Привожу изъ этой газеты настоящій отрывокъ, такъ какъ онъ былъ записанъ съ моихъ словъ.

вполнѣ надежнымъ спутникомъ по своей расторопности, смѣтливости и отчаянной храбрости. Мы выступили такъ рано, еще въ ночномъ мракѣ, для того, чтобы хотя первую половину пути сдѣлать до наступленія солнечнаго зноя; такъ какъ погода стояла очень жаркая. Ощупью спустились мы въ глубокую, сухую ложбину Кедрона или такъ наз. Іосафатову долину и поднялись по склонамъ Елеонской горы. Между тѣмъ разсвѣло, скоро скрылись изъ виду стѣны и башни Іерусалима. Дорога, или собственно крайне изломанная каменная тропа, пролегала посреди скалъ и крутыхъ обрывовъ, почти лишенныхъ растительности. По мѣрѣ движенія впередъ, природа болѣе и болѣе получала характеръ дикой, безпріютной пустыни. Солнце уже сильно пекло, когда мы, часовъ около девяти, добрались до какого-то одиноко стоявшаго огороженнаго каменнымъ заборомъ двора или хана, и сдѣлали здѣсь привалъ. Тутъ подъ тѣнью стѣны разостлали свои ковры и пледы, позавтракали изъ своихъ запасовъ, дали животнымъ время немного отдохнуть, и часа черезъ полтора двинулись далѣе. Слѣдующій переѣздъ былъ уже тягостенъ, потому что происходилъ при весьма знойной температурѣ; дорога была еще хуже; она извивалась то у подошвы, то по бокамъ и вершинамъ совершенно голыхъ скалъ; утомленіе росло, жажда одолѣвала; горло совершенно пересохло. Мѣстами съ вершины горъ вдали показывалась темносиняя полоска Мертваго моря.

Часамъ къ двумъ пополудни мы спустились съ высокаго горнаго плато въ сухую песчаную равнину. Налѣво, въ числѣ послѣднихъ отроговъ, возвышалась такъ наз. Сорокадневная гора, названная такъ по времени, проведенному на ней Спасителемъ. Еще часть утомительнаго пути по песку и камнямъ, и мы достигли мѣстечка Іерихона, представляющаго группу тощихъ оливковыхъ садовъ и тамъ-сямъ разбросанныхъ построекъ. Между ними выдавался бѣлый двухъэтажный каменный домъ; это—Русскій пріютъ для паломниковъ одинъ изъ тѣхъ пріютовъ, которые возникли въ Святой землѣ трудами и попеченіями настоятеля Русской миссіи въ Іерусалимѣ, всѣми уважаемаго Архимандрита Антонина. Найденный здѣсь и вывѣшенный на солнце термометръ показалъ 40 градусовъ по Реомюру. Верхній этажъ пріюта заключаетъ въ себѣ нѣсколько опрятныхъ номеровъ, снабженныхъ чистыми постелями. Приставленная къ нему русская сердобольная женщина оказала намъ всевозможное радушіе. Но мы пока попросили только подать самоваръ; освѣжились чаемъ, утолили нѣсколько свою нестерпимую жажду, и, заказавъ къ вечеру обѣдъ-ужинъ, немедля отправились [illegible] чтобы до заката солнца достигнуть цѣли своего

1 [illegible] его отъ Іерихона считается верстъ

10—12 (а отъ Іерусалима до Іордана полагаютъ отъ 50 до 60 верстъ). Сначала шли той же песчаной равиной, а потомъ какими-то кустами, которые далѣе переходили въ мелколѣсье и лужайки съ тощею травою. Тамъ-сямъ бродили пасшіеся верблюды и виднѣлись ихъ погонщики—арабы, каждый съ ружьемъ за плечами. Намъ сказали, что именно эти-то арабы и занимаются при случаѣ грабежомъ путешественниковъ. Естественно, при видѣ опасности, мы насторожились. Но вотъ миновали верблюдовъ съ ихъ погонщиками, и углубились въ пустынное мелколѣсье. Вдругъ при какомъ-то поворотѣ видимъ группу пѣшихъ арабовъ, человѣкъ 12, которые съ ружьями въ рукахъ идутъ какъ будто на насъ. Сердце конечно забилось усиленно, рука схватилась за револьверъ. Но минута тревожнаго ожиданія, и арабы также внезапно исчезли за кустами, какъ и появились. Такъ и осталось неразъясненнымъ: дѣйствительно ли арабы хотѣли на насъ напасть или это намъ только показалось. Послѣ говорилось, что вѣроятно они оставили свое намѣреніе, когда увидали каваса, который ѣхалъ позади; что на турецкихъ заптіевъ грабители обыкновенно не обращаютъ большаго вниманія, зная, что они первые дадутъ тягу; но арабы очень не любятъ имѣть дѣло съ консульскими кавасами. Въ послѣднемъ случаѣ консульство энергически вступается; а турецкое правительство обыкновенно имѣетъ у себя заложниками шейковъ отъ разныхъ арабскихъ племенъ, и эти шейки собственною особою отвѣчаютъ за своихъ соплеменниковъ. Но, повторяю, вопросъ о нападеніи остался для меня открытымъ.

Наконецъ, когда солнце уже садилось и наступали сумерки, добрались мы до священной рѣки. Послѣ обнаженной, безпріютной страны пріятно было увидать довольно живописную мѣстность, покрытую густою древесною и тростниковою зеленью, посреди которой струились рѣчныя воды. Іорданъ по ширинѣ, на глазомѣръ, уступаетъ нашей Москвѣ рѣкѣ. Онъ имѣетъ быстрое теченіе; правый берегъ его, на которомъ мы находились, отлогій; а противуположный наоборотъ крутой; тамъ въ одномъ пунктѣ виднѣлась даже отвѣсная каменная скала, а неподалеку вверхъ по теченію слышенъ былъ шумъ порога. Только масса неотвязныхъ комаровъ нарушала пріятность этого мѣста. Нѣкоторые члены каравана поспѣшили искупаться въ священной рѣкѣ. Но наступила ночь; надобно было спѣшить назадъ въ Іерихонъ. Этотъ переходъ происходилъ уже въ полной вечерней темнотѣ. Тутъ поразило насъ новое явленіе: вечерній воздухъ былъ не только душенъ; но и время отъ времени насъ обвѣвало какимъ-то жаркимъ дыханіемъ, какъ будто изъ горячей печи: это подулъ *хамсинъ* изъ раскаленныхъ аравскихъ пустынь. Было уже около десяти часовъ вечера, когда мы ворвались въ Іерихонскій пріютъ. Тутъ, разумѣется, мы болѣе запаслись бла-

годѣтельнымъ русскимъ самоваромъ, нежели приготовленнымъ для насъ обѣдомъ-ужиномъ, ибо при крайнемъ утомленіи чувствовалась только страшная жажда. Не смотря на это утомленіе и чистую постель, я въ теченіи ночи почти не сомкнулъ глазъ: чему причиной были духота, насѣкомыя и громкій, похожій на дѣтскій плачъ, вой шакаловъ въ окрестностяхъ.

На слѣдующее утро часовъ въ семь мы тронулись изъ Іерихона въ обратный путь. Сей послѣдній совершился точно такимъ же образомъ какъ и наканунѣ, т.-е. при той же знойной температурѣ, съ такою же остановкою въ уединенномъ ханѣ, съ такою же жаждою и усталостію. Часу въ 5-мъ пополудни мы тихо подъѣзжали къ Русскимъ постройкамъ въ Іерусалимѣ. Тутъ турецкіе заптіи насъ покинули; а нашъ кавасъ Никола Черногорецъ пришпорилъ коня и быстро скрылся за поворотомъ улицы; когда же мы въѣхали на дворъ, тотъ же кавасъ встрѣтилъ насъ и принялъ у подъѣзда. Послѣ консулъ (Д. Н. Бухаровъ) разсказывалъ, что онъ сидѣлъ за бумагами въ своей канцеляріи, какъ вдругъ влетаетъ Никола, и, взявъ подъ козырекъ, быстро проговорилъ: «Честь имѣю доложить В. Пр-ву, караванъ вернулся благополучно».

ПУБЛИЦИСТИКА

ПО

ВОСТОЧНОМУ ВОПРОСУ.

I.

ПИСЬМА О СЕРБО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНѢ.

Всю жизнь занимаясь историческими судьбами Отечества, я конечно съ живѣйшимъ интересомъ слѣжу и за его исторіей современной, и въ особенности за событіями первостепенной важности. А въ ряду этихъ событій безспорно важнѣйшее значеніе принадлежитъ послѣднимъ фазисамъ въ развитіи великаго Восточнаго вопроса. Въ 1870 году, когда Нѣмцы послѣ своихъ блестящихъ побѣдъ надъ Французами осадили Мецъ и Парижъ и когда съ увѣренностью можно было думать, что война не кончится ранѣе сдачи этихъ городовъ, я счелъ такой моментъ самымъ удобнымъ для насъ, чтобы подвинуть впередъ разрѣшеніе Восточнаго вопроса въ благопріятномъ для Россіи смыслѣ. А потому послалъ въ Московскія Вѣдомости письмо, въ которомъ указывалъ на необходимость добиваться не одного только права вновь имѣть военный флотъ на Черномъ морѣ, но и нѣкоторыхъ перемѣнъ въ положеніи Балканскихъ Славянъ, а именно: главнымъ образомъ автономіи, хотя бы только административной, для Болгаріи, и, если возможно, нѣкотораго расширенія границъ Черногоріи и Сербіи. Я думалъ развить эти мысли въ цѣломъ рядѣ писемъ; но и первое изъ нихъ осталось не напечатаннымъ. При свиданіи спрашиваю М. Н. Каткова о причинѣ. Оказывается, что онъ былъ совсѣмъ инаго мнѣнія. По его мнѣнію не только совсѣмъ не слѣдовало тогда возбуждать Восточный вопросъ, но и пусть Балканскіе Славяне спокойно живутъ и развиваются подъ верховенствомъ Султана. Мои возраженія, что мы пропускаемъ удобный моментъ и что дорого поплатимся за это впослѣдствіи, мои указанія на примѣръ Италіи, которая спѣшила докончить свое объединеніе, пользуясь именно этимъ удобнымъ моментомъ—ни къ чему не повели. Къ сожалѣнію, я не имѣлъ обыкновенія оставлять копіи съ своихъ политическихъ разсужденій, адресованныхъ въ ту или другую газету, г[illegible] не могу *привести* теперь означеннаго письма. Но ссылку на него

и на приведенный разговоръ съ издателемъ Моск. Вѣд. читатель можетъ найти въ газетѣ Русскій Міръ, № 203, за 1876 г., слѣдовательно напечатанную еще при жизни М. Н. Каткова (см. эту ссылку ниже въ настоящей книгѣ). Какъ бы то ни было, удобный моментъ былъ пропущенъ. Можетъ быть, и даже по всей вѣроятности, наши своевременныя указанія тоже не имѣли бы практическихъ послѣдствій; по крайней мѣрѣ Русская печать исполнила бы свой долгъ передъ отечествомъ, вмѣсто того, чтобы служить для Русской публики только эхомъ тѣхъ громкихъ событій, которыя совершались тогда на европейскомъ Западѣ.

Прошло не болѣе пяти лѣтъ, какъ разразилось новое Герцеговинское возстаніе, и кровавый призракъ Восточнаго вопроса выступилъ на сцену въ то именно время, когда всѣ пять европейскихъ державъ (исключая Россію, но включая только что объединенное Итальянское Королевство) имѣли развязанныя руки и могли въ совокупности дѣйствовать противъ освобожденія Славянъ и противъ Россіи. Я былъ одинъ изъ тѣхъ, которые сознавали, что дѣло на сей разъ не ограничится одной Герцоговиной, что событія неизбѣжно примутъ широкіе размѣры и что Россіи невозможно будетъ уклониться отъ дѣятельнаго въ немъ участія. А потому тяжело было бы оставаться празднымъ зрителемъ этихъ событій, и я рѣшился по мѣрѣ своего разумѣнія способствовать уясненію политическихъ обстоятельствъ и нашихъ задачъ въ предстоявшей борьбѣ. Съ этою цѣлью я помѣстилъ въ петербургской газетѣ Русскій Міръ довольно длинный рядъ писемъ (около тридцати, съ октября 1875 по августъ 1877 года). Почему же въ Русскомъ Мірѣ, который не пользовался ни распространеніемъ, ни вліяніемъ?—можетъ быть, спроситъ меня читатель. Дѣло въ томъ, что нелегко было имѣть дѣло съ издателемъ Московскихъ Вѣдомостей: онъ считалъ себя глубокимъ политикомъ и ревниво оберегалъ свою газету отъ всякаго нераздѣляемаго имъ мнѣнія. Примѣръ чему мы сейчасъ видѣли. Къ тому же незадолго передъ симъ мои статьи о Классической школѣ (помѣщенныя въ Русскомъ Архивѣ 1874 года) не могли не произвести холодности въ отношеніяхъ. Изъ другихъ крупныхъ органовъ также каждый имѣлъ свои особыя воззрѣнія или свои капризныя личныя отношенія, не говоря уже о тѣхъ, которые прямо держались антипатріотическаго направленія. Русскій Міръ, редактируемый Ѳ. Н. Бергомъ, представлялъ собою скромный, патріотическій органъ, болѣе другихъ подходившій къ моимъ требованіямъ. Поэтому я и направилъ туда свои политическія письма. Какъ бы введеніемъ къ нимъ послужило мое посланіе къ высокоуважаемому Сербскому архипастырю.

Чтобы не занимать въ настоящей книгѣ слишкомъ много мѣста моими *политическими письмами* и не утомлять ими вниманіе читателя, я долженъ

прибѣгнуть къ нѣкоторымъ сокращеніямъ, т.-е. иныя опустить, а изъ иныхъ привести наиболѣе существенное. Впрочемъ значительную часть все-таки привожу почти дословно.

Въ Бѣлградъ сербскому митрополиту Михаилу *.

Высокопреосвященный Владыко!

Узнавъ о томъ, что ваше высокопреосвященство находитесь во главѣ благотворенія бѣдствующимъ семействамъ доблестныхъ герцеговинцевъ и босняковъ, спѣшу препроводить къ вамъ сто рублей изъ собственныхъ средствъ на это святое дѣло. Не могу при этомъ случаѣ не прибавить нѣсколько словъ о томъ, на что въ настоящую минуту обращено вниманіе цѣлой Европы.

Я принадлежу къ тѣмъ русскимъ людямъ, у которыхъ, послѣ Россіи, болѣе всего болитъ сердце о славянахъ, подавленныхъ мусульманскимъ игомъ, а равно и къ тѣмъ, которые не вѣрятъ возможности развиваться подъ этимъ игомъ, т.-е. не вѣрятъ турецкимъ реформамъ, о которыхъ возвѣщаетъ намъ западная печать. Послѣднія событія въ Герцеговинѣ показываютъ, что славяне въ этихъ областяхъ насильственно задерживаются на такой низкой общественной ступени, которая близка къ дикому состоянію. Они вопіютъ только о тяжести налоговъ и невыносимыхъ злоупотребленіяхъ сборщиковъ податей; они до того бѣдны и подавлены, что молчатъ о такой насущной потребности, какъ народныя школы, не говоря уже о другихъ благахъ гражданственности, имъ недоступныхъ. Во время своего четырехмѣсячнаго отсутствія изъ Россіи, я, разумѣется, съ величайшимъ интересомъ слѣдилъ за всѣмъ, что говорилось въ западной печати по поводу герцеговинскаго вопроса. Въ Англіи, конечно, есть благородные люди, которые сочувствуютъ славянамъ, и даже нѣкоторые органы печати, которые по крайней мѣрѣ имъ невраждебны. Но большинство публицистовъ проповѣдуетъ, что якобы для славянъ не настало еще время думать объ освобожденіи, что Европа нуждается въ мирѣ, и ни одна изъ великихъ державъ не желаетъ войны. Англійскіе публицисты съ видимымъ удовольствіемъ передавали заявленіе отечественной дипломатіи, что она въ настоящемъ вопросѣ будетъ слѣдовать своей традиціонной политикѣ. (Да, Турція при угнетеніи славянъ тоже слѣдуетъ своей традиціонной политикѣ!). Тамъ общественнымъ мнѣніемъ въ данномъ

* Русскій Міръ. 1875, № 189. Эта газета воспроизвела мое письмо, посланное изъ Берлина въ Бѣлградъ, отъ 3 октября того же года, при возвращеніи моемъ съ Парижскаго *географическаго конгресса*.

случаѣ заправляетъ по преимуществу многочисленный классъ заинтересованныхъ торговцевъ и владѣтелей турецкихъ заемныхъ бумагъ, т.-е. публика, для которой наивысшимъ интересомъ служатъ проценты. Если не въ такой же степени, то все-таки значительное туркофильство или равнодушіе къ страждущимъ нашелъ я и во французской печати, когда изъ Лондона переѣхалъ въ Парижъ; въ ней, также какъ въ англійской, явно преувеличиваютъ значеніе мусульманскаго элемента въ населеніи Босніи и Герцеговины, чтобы уменьшить справедливость христіанскихъ требованій. Вотъ отвѣтъ на то сочувствіе, съ которымъ всѣ славяне относились къ бѣдствіямъ Франціи въ 1870—71 годахъ. Очевидно, ни эти бѣдствія, ни это сочувствіе не могли еще исправить политику французовъ въ Восточномъ вопросѣ. Но въ настоящее время Франція по своему внутреннему и внѣшнему положенію имѣетъ незначительное вліяніе въ данномъ вопросѣ. Если не вполнѣ сочувственное, то болѣе благодушное отношеніе къ угнетеннымъ славянамъ нашелъ я здѣсь въ сѣверогерманской печати (но на долго ли?).

Вамъ, конечно, извѣстно, что русское образованное общество и большинство русской печати горячо относятся къ бѣдствіямъ сербскихъ земель. Что же касается до русской дипломатіи, то, судя по разсказамъ западныхъ газетъ, она употребляетъ всѣ усилія, чтобы помирить Порту съ герцеговинцами и удержать Сербское княжество отъ войны съ турками. Хотя въ иностранныхъ газетахъ много толкуютъ о русской политикѣ, но толкуютъ по большей части пристрастно. Не надобно забывать, что дипломатія хранитъ трактаты, имѣя главною своею задачею поддержаніе мира и дружественныхъ отношеній между народами; на то дипломаты и существуютъ. Они придерживаются русской пословицы: «худой миръ лучше доброй брани». Но всему должны быть предѣлы; излишнее усердіе нежелательно. Есть впрочемъ и другія русскія пословицы, напримѣръ: «на Бога надѣйся, а самъ не плошай», или «подъ лежачій камень и вода не течетъ». (Послѣдняя вполнѣ сбывается на болгарахъ). Дипломатія имѣетъ еще одну общеизвѣстную черту; она съ трудомъ распутываетъ вопросы, но легко признаетъ совершившійся фактъ.

Западная печать повторяетъ, что теперь не время Сербскому народу думать объ освобожденіи отъ турецкаго ига, потому что Европа нуждается въ мирѣ, и ни одна великая держава не желаетъ войны. Но любопытно было бы знать: когда же Европа не нуждалась или не будетъ нуждаться въ мирѣ? Когда же война не будетъ наносить временнаго ущерба торговымъ и разнымъ другимъ интересамъ? А если ни одна изъ великихъ европейскихъ державъ не желаетъ теперь войны изъ-за восточнаго во-

проса, то это именно то, что нужно сербамъ. Пяти или шестимилліонный сербскій народъ настолько силенъ, что можетъ освободиться собственными средствами—только при одномъ условіи: если вожди его будутъ дѣйствовать единодушно. Со стороны державъ ему нужно собственно невмѣшательство, т.-е. чтобы онѣ не мѣшали его освобожденію. Хотя въ западной печати еще продолжаютъ повторяться фразы о какихъ-то интригахъ Россіи на юго-востокѣ и ея завоевательныхъ стремленіяхъ; но это все предлогъ и едва ли кто теперь серьезно вѣритъ такимъ стремленіямъ. А въ Россіи никто и не думаетъ о какихъ либо присоединеніяхъ славянскихъ земель. Русскіе желаютъ свободы для славянъ, прежде всего по своему родственному чувству глубокаго состраданія, безъ всякихъ эгоистическихъ разсчетовъ. Но требованія сердца въ этомъ случаѣ совпадаютъ и съ требованіями здравой политики. Сербы пали предъ турецкою силою, главнымъ образомъ вслѣдствіе измѣнъ, разъединенія и ренегатства своихъ властителей; одно только единодушіе и можетъ возвратить имъ независимость. Этотъ мужественный, энергичный народъ никогда не мирился съ мусульманскимъ игомъ, и почти вся его исторія со времени паденія Сербіи наполнена героическою борьбою съ азіатскими завоевателями; вотъ что особенно и привлекало къ нему наши сердца, преимущественно предъ другими соплеменниками. Единая и независимая Сербія не должна и не можетъ быть противна истиннымъ интересамъ христіанской Европы. Такая Сербія есть важный и настоятельный шагъ въ постепенномъ разрѣшеніи великаго восточнаго вопроса, полная развязка котораго, конечно, принадлежитъ будущему. Тѣ, которые по поводу настоящаго сербскаго движенія говорятъ о немедленномъ якобы раздѣлѣ Турціи и спрашиваютъ, кому же достанется Константинополь, употребляютъ весьма нехитрый пріемъ, чтобы еще болѣе запутать, затемнить вопросъ и устрашить всѣхъ призракомъ огромнаго европейскаго пожара. Но именно настоящее согласіе трехъ императорскихъ кабинетовъ и подаетъ надежду на сохраненіе европейскаго мира, т.-е. на воздержаніе европейскихъ націй отъ вооруженнаго вмѣшательства. Единственная держава, со стороны которой можно ожидать въ настоящее время препятствія освобожденію Сербіи, — это Австро-Венгрія, и особенно вторая ея половина. Но большая часть ея населенія состоитъ изъ славянскихъ народовъ. Эти славяне нерѣдко упрекаютъ Россію въ томъ, что она не помогаетъ имъ воротить утраченную самостоятельность; но они живутъ въ христіанскомъ государствѣ и пользуются разными благами гражданственности; положеніе ихъ невозможно сравнивать съ безотраднымъ состояніемъ славянъ подъ турецкимъ игомъ. И вотъ, когда Австро-Венгрія вздумаетъ

вооруженною рукою мѣшать освобожденію и объединенію сербовъ, на ея славянахъ лежитъ долгъ употребить всѣ усилія, чтобы удерживать ее отъ этого вмѣшательства.

Въ 1867 году, когда былъ съѣздъ славянскихъ гостей въ Москвѣ, вскорѣ послѣ очищенія сербскихъ крѣпостей отъ турецкихъ гарнизоновъ, по предложенію пишущаго эти строки, съѣздъ отправилъ привѣтствіе покойному князю Михаилу, чтобы выразить наше сочувствіе его усиліямъ къ постепенному освобожденію сербскаго народа. Хотѣлось бы дожить до той минуты, когда можно будетъ привѣтствовать его преемника съ новымъ еще болѣе важнымъ шагомъ на пути, который указанъ ему славными предшественниками. Пусть только всѣ сербы будутъ за одно съ своимъ княжескимъ домомъ Обреновичей, съ нимъ переживаютъ и всѣ радости, и тѣ горести, которыми Провидѣнію угодно будетъ испытать сербскій народъ. Ничего нѣтъ хуже для страны, какъ частыя династическія перемѣны и существаніе династическихъ партій.

Вотъ, высокопреосвященный владыко, въ короткихъ словахъ то, что въ настоящую минуту занимаетъ и волнуетъ не меня одного, но и многихъ, многихъ русскихъ людей!

Съ глубокимъ почтеніемъ и искреннею преданностію вашего высокопреосвященства остаюсь покорный слуга.

Письмо къ редактору Русскаго Міра отъ 20 октября 1875 года. *

Я сказалъ, что образованное русское общество и большинство русской печати горячо относятся къ бѣдствіямъ нашихъ соплеменниковъ, подавленныхъ варварскимъ игомъ. Да, къ сожалѣнію, далеко не вся наша печать единодушна въ этомъ случаѣ. Что дѣлать? Въ семьѣ не безъ урода. И у насъ нашлись туркофильскіе органы печати, хотя для такого направленія, повидимому, нѣтъ серьезныхъ основаній. Мы даже не можемъ указать на существованіе у себя турецкихъ кредиторовъ, чтобы ратовать за продолженіе мусульманскаго ига.

Между прочимъ публицисты, о которыхъ идетъ рѣчь, съ чужаго голоса повторяли, что сербскій народъ избралъ время будто бы неблагопріятное для своего движенія, и постоянно твердили о какой-то высотѣ, на которой съумѣло удержаться сербское правительство въ критическую минуту. Объ этой-то мнимой высотѣ я и желаю сказать нѣсколько словъ.

* Русскій Міръ, 1875 г. № 202.

Въ настоящее время печать упорно повторяетъ мнѣніе, что герцеговинское возстаніе продлится до весны, и тогда обстоятельства могутъ повернуться въ пользу славянъ. Нѣтъ, того благопріятнаго момента, который былъ недавно, воротить уже невозможно. Говорятъ, Сербія можетъ между тѣмъ осмотрѣться, приготовиться къ борьбѣ и склонить на свою сторону часть европейской дипломатіи; но забываютъ, что турки и другіе враги славянства (имъ же нѣсть числа) тоже успѣютъ осмотрѣться и приготовить всѣ средства, чтобы задушить всякую попытку въ пользу нашихъ несчастныхъ соплеменниковъ. А то патріотическое одушевленіе, которое овладѣло бы всѣмъ сербскимъ народомъ? Это одушевленіе есть сила; оно не только уравновѣшивало численное неравенство, но и давало великое преимущество сербамъ передъ турками. Но эта сила уже парализована, и надъ ея уничтоженіемъ трудилось между прочимъ само сербское правительство.

Если бы, вмѣсто игры въ дипломатію, оно объявило, что не можетъ сложа руки, смотрѣть на гибель своихъ братій и, положась на Бога и на свой народъ, поспѣшило бы къ нимъ на помощь, то завоевало бы себѣ уваженіе и сочувствіе даже и тамъ, гдѣ его пока нѣтъ. И въ настоящее время Европѣ приходилось бы помирить воюющія стороны и признать совершившійся фактъ, то-есть освобожденіе еще нѣкоторой части сербскихъ земель, хотя бы и оставляя ихъ до времени въ вассальной зависимости отъ султана, и страшный восточный вопросъ былъ бы значительно подвинутъ къ благополучному разрѣшенію. Самая неудача военная нисколько не грозила гибелью сербскому княжеству. Турецкое иго и турецкая необузданность поддерживаются увѣренностію въ помощи европейскихъ державъ. Сербы должны противопоставить этой увѣренности сознаніе, что Европа ни въ какомъ случаѣ не допуститъ уничтоженія ихъ княжества.

Европейскія обстоятельства сложились было довольно счастливо для Сербіи. Франція парализована; Англія безъ коалиціи обыкновенно и не рискуетъ на вооруженное вмѣшательство; да и она въ послѣднее время сдѣлалась какъ бы равнодушнѣе къ судьбѣ Турціи. Европейскій міръ по всей вѣроятности не былъ бы нарушенъ. Въ противномъ случаѣ, что же могъ бы означать союзъ трехъ сѣверныхъ державъ? Если бы Австро-Венгрія вздумала послать свою армію на помощь туркамъ, достаточно было бы простаго нейтралитета Германіи и дружественнаго нейтралитета Россіи, чтобы удержать ее отъ этого вмѣшательства. Я даже не думаю, чтобы она рѣшилась на послѣднее въ виду могущаго произойти славянскаго *движенія въ ея* собственныхъ предѣлахъ. Но если бы и

Германія присоединилась къ Австріи, тогда должно было бы прійдти къ мысли, что ихъ союзъ съ нами имѣлъ въ виду только эксплоатировать Россію и уединить ее отъ всякаго сближенія съ ея соплеменниками и естественными союзниками. Мы, однако, желаемъ думать, что для насъ миновали времена Меттерниховъ и Шварценберговъ.

Я сказалъ, что сербы должны держаться дома Обреновичей и не давать мѣста династическимъ партіямъ, при которыхъ неизбѣжны внутреннія смуты, а слѣдовательно и внѣшнее безсиліе страны. Но домъ Обреновичей еще не настолько древенъ и проченъ, чтобы представители его могли предаться безпечности въ этомъ отношеніи. А укрѣпить его лучше всего могутъ патріотическій образъ дѣйствія и готовность всѣмъ жертвовать для блага своего народа и для его освобожденія. Coups d'etat вродѣ Наполеона III могутъ, пожалуй, увѣнчаться тою же развязкою, какая постигла этого дѣятеля. Равно и всякое торжество, хотя бы и брачное, въ то время, когда льется сербская кровь, производитъ не совсѣмъ пріятное впечатлѣніе. Означенные выше политики, толковавшіе о высотѣ положенія, сравнивали роль Сербскаго княжества съ ролью Пьемонта и указывали на Кавура, который *умѣлъ выжидать*. Да, Кавуръ умѣлъ выжидать, но онъ еще лучше умѣлъ дѣйствовать, когда выдавалась благопріятная минута. Преемники его держались той же системы. Они не пропустили событій 1870—71 гг. и не ограничились ролью зрителя, а воспользовались ими, чтобы докончить дѣло своего объединенія; между тѣмъ какъ славяне все это время просидѣли сложа руки. Если же они будутъ ждать оффиціальнаго разрѣшенія отъ европейскихъ державъ для всякаго своего движенія, то они никогда не будутъ свободны. Чрезвычайныя обстоятельства требуютъ и людей недюжинныхъ. Въ наше время событія стали совершаться такъ быстро, что мы не всегда можемъ говорить: aprés nous le deluge. Насильственное задержаніе патріотическаго движенія принесетъ свои плоды: мѣсто общаго воодушевленія заступятъ неудовольствіе и внутренній разладъ. Между прочимъ, въ Сербію, какъ извѣстно, проникли тѣ нелѣпыя соціальныя теоріи, которыми увлекается и нѣкоторая часть нашей молодежи. Общее патріотическое увлеченіе и борьба съ исконнымъ національнымъ врагомъ могли очистить, освѣжить атмосферу и укрѣпить государственный порядокъ. А теперь эта атмосфера насыщается еще бо́льшими міазмами. Дай Богъ, чтобы опасенія наши не сбылись, чтобы явились люди и обстоятельства, которые предупредили бы грозу. Мы, конечно, вѣримъ, что рано или поздно славяне сбросятъ съ себя постыдное иго; но на этомъ основаніи не можемъ равнодушно относиться къ настоящему времени. Мало того: если бы наше

поколѣніе относилось къ нему равнодушно, тогда дѣйствительно можно было бы усомниться въ будущности славянскихъ народовъ.

Отъ 23 іюня, 1876 г. *.

« М. Г. Ваша уважаемая газета неизмѣнно остается истинною представительницею русскихъ интересовъ и симпатій въ дѣлахъ Турецкаго Востока. Къ ея посредству обращаюсь я вновь съ тѣми же мыслями и чувствами, о которыхъ говорилъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ.

«Теперь, когда военныя дѣйствія между сербами и турками начались, надѣюсь, нѣтъ болѣе мѣста длившимся доселѣ пререканіямъ о томъ образѣ дѣйствій, которому мы должны слѣдовать по отношенію къ сербскимъ княжествамъ. Русская дипломатія сдѣлала все, что могла, чтобы въ теченіе цѣлаго года, удерживать ихъ отъ войны, и доказать Европѣ миролюбіе нашего правительства и его уваженіе къ трактатамъ. Для многихъ давно было ясно, что вся европейская дипломатія, вмѣстѣ взятая, не въ состояніи улучшить и обезпечить положеніе христіанъ, угнетенныхъ турецкимъ игомъ; что къ вопросу о турецкихъ реформахъ невозможно относиться серьезно, и что безъ отчаянной, геройской борьбы славяне никогда не добьются обезпеченія своихъ самыхъ первыхъ человѣческихъ правъ. Пора убѣдиться, что такъ называемая опека всѣхъ великихъ европейскихъ державъ надъ Турціей не только не лишаетъ ее возможности угнетать христіанскія населенія, а напротивъ — такая опека есть главный источникъ этой возможности. Всякая держава преслѣдуетъ на Востокѣ свои особые интересы, имѣетъ свои особыя симпатіи и антипатіи. Для турокъ, конечно, весьма выгодно соперничество великихъ державъ за такъ называемое вліяніе, и азіатская орда отлично умѣла эксплоатировать это соперничество въ свою пользу, т.-е. для продленія своего варварскаго господства надъ христіанами въ самой Европѣ. Пришла пора если не оставить, то отодвинуть на второй планъ эту дипломатическую борьбу за непрочное вліяніе, основанное на временныхъ личныхъ отношеніяхъ. Уже не только здравая политика, но и простое состраданіе къ несчастнымъ христіанскимъ населеніямъ заставляетъ горячо желать имъ освобожденія, хотя бы на первое время и съ вассальными отношеніями къ Портѣ.

---

* Русскій Міръ, 1876 г., № 175. Написано по поводу начавшейся войны Сербіи и Черногоріи съ Турками.

Враги славянъ, чтобы мѣшать ихъ освобожденію, постоянно выдвигали вопросъ о Константинополѣ и пугали общественное мнѣніе призракомъ общаго европейскаго пожара, великой европейской войны. Дѣйствительно, для европейской дипломатіи, и для русской въ особенности, насталъ теперь самый трудный подвигъ: удержать отъ вооруженнаго вмѣшательства слишкомъ ярыхъ защитниковъ магометанскаго ига и устранить всякій вопросъ о какихъ либо территоріальныхъ пріобрѣтеніяхъ на Балканскомъ полуостровѣ со стороны сосѣднихъ великихъ державъ. Будемъ надѣяться, что дипломатія совершитъ этотъ подвигъ. Будемъ надѣяться, что Англія наконецъ, образумится, и вспомнитъ, что она еще недавно была великой націей, которая уничтожила торговлю черными невольниками. Пріобрѣтенную на этомъ поприщѣ славу она потеряла своимъ образомъ дѣйствія на Востокѣ, гдѣ явилась самою усердною защитницею рабства цѣлыхъ христіанскихъ народовъ. Такимъ образомъ, изъ великой націи она превращается въ націю безсердечныхъ торгашей, для которыхъ купоны турецкихъ займовъ выше всякихъ высшихъ человѣческихъ интересовъ. Неужели въ Англіи не найдется ни одного Вильберфорса для восточныхъ христіанъ? Пора понять, что ей нѣтъ существенной выгоды враждовать съ Россіей; что, напротивъ, дружескія отношенія къ послѣдней лучше всего могутъ обезпечить за ней спокойное обладаніе Остъ-Индіей. Что касается до Франціи, то, къ сожалѣнію, недавнія великія бѣдствія, по всѣмъ признакамъ, не вполнѣ еще отрезвили ея внѣшнюю политику: она все еще не можетъ разстаться съ своимъ туркофильствомъ и въ восточныхъ дѣлахъ слишкомъ легко поддается внушеніямъ владѣльцевъ турецкихъ бумагъ. Но должна же эта нація понять наконецъ, что если въ трудную минуту она очутилась одинокою, то виной тому была ея внѣшняя политика, и что турецкая орда для нея—плохая союзница. Итальянская нація, еще недавно освободившаяся и объединившаяся при сочувствіи всего славянскаго міра, не имѣетъ никакой политической нужды мѣшать освобожденію балканскихъ христіанъ. Мы, русскіе, не только съ теплымъ участіемъ относились къ страданіямъ Италіи, и желали ей освобожденія,—мы добродушно и сочувственно отнеслись и къ успѣхамъ германскаго единства, *хотя оно и не было въ нашихъ политическихъ интересахъ*. Мы въ правѣ надѣяться, что Германія интересы христіанскаго міра и европейской цивилизаціи поставитъ выше узкаго племен [illegible] не будетъ усердство-
вать для поддержанія турец [illegible] я можно опасать-
ся только со стороны [illegible] ознакаванно
удивлять міръ своею [illegible] ию можно

возбуждать племенную вражду между своими населеніями, и не даромъ же, наконецъ, 45% этихъ населеній состоитъ изъ славянъ!

Итакъ, помоги Богъ князьямъ Милану и Николаю! Пусть ваша газета передастъ сердечный привѣтъ соотечественниковъ генералу Черняеву. Будемъ надѣяться, что правое дѣло восторжествуетъ. *

Отъ 12 іюля *.

«Трудно опредѣлить въ настоящую минуту: насколько русское общество понимаетъ всю важность для себя событій, совершающихся на Балканскомъ полуостровѣ. Насколько оно оцѣниваетъ тѣ неисчислимыя послѣдствія, которыя наступятъ для Россіи и для всего Славянскаго міра, въ случаѣ неудачнаго исхода геройской борьбы, предпринятой сербами? Этотъ вопросъ невольно приходитъ въ голову въ виду той слишкомъ незначительной матеріальной помощи, которую наше общество оказало доселѣ святому дѣлу. Я полагаю, впрочемъ, что такая незначительность происходитъ отнюдь не отъ недостатка желанія, а скорѣе отъ недостаточныхъ способовъ и пріемовъ дѣйствія, отъ нашей непривычки, отъ нашего неумѣнья, отъ нашей нерѣшительности. Тѣмъ болѣе уваженія и признательности заслуживаютъ такіе русскіе люди, какъ Орловскій преосвященный Макарій, обращающійся къ своей паствѣ съ призывомъ о пожертвованіяхъ, какъ докторъ Молловъ, отправляющійся во главѣ врачебной экспедиціи, и лица, снабдившія ее денежными средствами, какъ доблестный полковникъ Кирѣевъ, павшій на полѣ битвы за нашихъ братьевъ, и другіе, имена которыхъ извѣстны каждому русскому...

Борьба, которую подняла горсть славянъ противъ своихъ угнетателей, очень трудна, и безъ нашей дѣятельной помощи они устоять не могутъ. Если бы они имѣли дѣло съ одними турками, мы могли бы быть спокойны за его исходъ. Но Англія и Австро-Венгрія открыто помогаютъ турецкой ордѣ всѣми возможными средствами, хотя торжественно обязались нейтралитетомъ. Во всѣхъ послѣднихъ войнахъ, какъ мы видѣли, воюющія стороны снабжали себя въ сосѣднихъ невоюющихъ земляхъ всякаго рода припасами и оружіемъ. И не только воюющія государства, но и простые мятежники, какъ напримѣръ, Карлисты, опирались на сосѣднюю Францію и получали боевые снаряды изъ Англіи, при полномъ нейтралитетѣ послѣднихъ. Что же дѣлаетъ Австро-Венгрія? Она снабжаетъ

турокъ всѣмъ, чѣмъ угодно, и герметически запираетъ свою границу для сербовъ, чтобы отнять у нихъ средства для борьбы. Мало того, она не пропускаетъ давно уже купленный черногорцами запасъ оружія и снарядовъ. Скажите пожалуйста: неужели это называется нейтралитетомъ, а не блокадой? Съ русскимъ народомъ при этомъ не находятъ нужнымъ соблюдать какія бы то ни было приличія, хотя оффиціально мы считаемся въ дружбѣ и союзѣ. И такъ, съ сѣвера и запада горсть славянъ содержится въ тѣсной блокадѣ, а съ юга на нее подвигаются силы чуть ли не всего мусульманскаго міра. Между прочимъ, Египетъ также шлетъ на нее свои регулярныя войска, хотя бы, казалось, ему совершенно нѣтъ дѣла до славянъ, и дипломатія могла бы пригласить его къ невмѣшательству. (Непріятно теперь напоминать о старыхъ ошибкахъ; но какъ не сказать при этомъ: вѣдь сами же мы когда-то помѣшали ему сдѣлаться независимымъ отъ Турціи!).

Событія уже рѣзко намѣтили результаты, къ которымъ должна привести настоящая борьба: присоединеніе Герцеговины къ Черногоріи, а Босніи къ Сербскому княжеству и полная внутренняя автономія Болгаріи, хотя бы и при вассальной зависимости отъ Порты. Ни наше поколѣніе, ни наши потомки никогда не простятъ намъ, если славяне не добьются этихъ результатовъ. Мы говоримъ о томъ, чего они должны добиваться при европейскомъ нейтралитетѣ. Если же покровители азіатской орды, чего Боже сохрани, вызовутъ на войну и самую Россію, тѣмъ хуже для нихъ. Мы еще не вели войны непосредственно для освобожденія славянъ: такая война была бы для насъ священною, настоящимъ Крестовымъ походомъ. Однако будемъ надѣяться, что до этой крайности въ настоящее время дѣло не дойдетъ. Одно изъ самыхъ дѣйствительныхъ средствъ предупредить войну: доказать, что мы ея не боимся и что мы готовы къ ней. Для Англіи у насъ, конечно, въ нужную минуту, найдется каперская эскадра въ океанѣ; найдутся и союзники въ Азіи для того, чтобы облегчить движеніе экспедиціонной арміи въ Остъ-Индію. Что же касается до Австро-Венгріи, то, разжигая борьбу насъ, она рисковала бы болѣе чѣмъ своимъ существованіемъ какъ великой державы, если бы, въ случаѣ войны съ нею, Россія подняла славянское знамя. Но она конечно и не рѣшится на войну съ Россіей безъ помощи Германіи. Однако и Германія должна тысячу разъ подумать, прежде чѣмъ рѣшиться на войну съ Россіей, имѣя въ тылу Францію. Германія и Австро-Венгрія не могутъ имѣть тѣхъ выгодъ, которыми пользовался въ борьбѣ съ нами англо-французскій союзъ. Въ то время Англія и Франція были для насъ *неуязвимы*, и обстоятельства принудили насъ вести войну только оборони-

тельную. Другое дѣло Германія. Недаромъ же предѣлы наши далеко въ нее врѣзываются и подходятъ почти къ самому Берлину. При энергичныхъ предводителяхъ, которые съумѣютъ воспользоваться выгодами нашего положенія и повести войну наступательную, мы можемъ причинить противной сторонѣ громадныя потери и потрясенія, при какомъ бы то ни было исходѣ борьбы. Итакъ, если враги славянъ и пугаютъ насъ возможностью европейской войны, не думаемъ, чтобы державы дѣйствительно рискнули на эту крайную мѣру для поддержанія мусульманскаго ига надъ христіанскимъ населеніемъ. Наконецъ, и цѣль эта была бы слишкомъ безнравственна и жестока, чтобы Европа не сознавала такой жестокости и безнравственности, чтобы она не постыдилась проливать кровь за варварство противъ цивилизаціи. Слѣдовательно, политика наша, по отношенію къ настоящимъ событіямъ, имѣетъ полную возможность быть рѣшительною и дѣятельною.

Отъ 19 іюля *.

Печать Австро-Венгріи откровенно говоритъ, что она не можетъ допустить на своихъ южныхъ границахъ образованіе славянскаго государства въ два милліона жителей (т.-е. присоединенія къ Сербскому княжеству Босніи и Старой Сербіи), а потому пусть пропадаетъ десять милліоновъ южныхъ славянъ, лишь бы австрійскіе нѣмцы, евреи и мадьяры могли спокойно властвовать надъ славянами западными; пусть поголовно вырѣзывается цѣлый болгарскій народъ, лишь бы не нарушалось столь любезное status duo на Востокѣ. И это не какія-нибудь фразы или предположенія: близкій намъ по крови и по вѣрѣ болгарскій народъ, дѣйствительно, вырѣзывается поголовно. Вотъ до какого status puo мы дожили! Если дѣла еще нѣсколько времени пойдутъ такимъ образомъ, то истребленіе этого народа будетъ совершившимся фактомъ, и европейской дипломатіи только останется его признать. Говорятъ, дипломатія обезпечила существованіе Сербскато и Черногорскаго княжествъ на случай полной побѣды турокъ. При этомъ, само собою разумѣется, что, въ случаѣ вторженія въ княжества варваровъ (которые даже военноплѣннымъ рубятъ головы), отъ сербскихъ городовъ и селъ останутся однѣ дымящіяся, окровавленныя развалины. И это—Европа XIX вѣка! Въ свое время фразы нѣкоторыхъ нашихъ славянофиловъ (теперь уже покойныхъ) о мораль-

---

* *Рус. Міръ. 1876, № 203.*

номъ гніеніи Запада подвергались осмѣянію. А настоящія событія, право, заставляютъ задуматься надъ этими фразами!

Не далѣе какъ въ 1864 г. вся Германія, въ соединеніи съ Австро-Венгріею, ополчилась на маленькую Данію, чтобы освободить горсть нѣмцевъ, будто бы угнетенныхъ датскимъ владычествомъ, хотя цивилизація Даніи нисколько не ниже германской. Россія не вмѣшалась въ это дѣло. Прошло нѣсколько лѣтъ, и Германія, раздавивъ Францію, сложилась въ могущественную 40-милліонную имперію, грозную для всѣхъ своихъ сосѣдей. Міръ давно уже неиспытывалъ подобнаго нарушенія политическаго равновѣсія, и мы нисколько бы о томъ нежалѣли, если бы это нарушеніе совершилось подъ условіемъ освобожденія славянъ отъ варварскаго ига. (Къ слову вспомнить: тотчасъ послѣ Седана я попытался было высказать эту мысль въ печати посредствомъ одного вліятельнаго органа; но онъ въ то время еще вѣрилъ въ возможность мирнаго развитія христіанскихъ племенъ подъ верховнымъ владычествомъ Порты, т.-е. раздѣлялъ господствовавшій взглядъ дипломатіи; теперь этотъ органъ выступилъ достойнымъ и энергичнымъ борцомъ за святое дѣло). Въ настоящее время уже ясно обозначилось, къ чему должно привести поддержаніе такъ называемаго status quo на Балканскомъ полуостровѣ. Если движеніе будетъ снова подавлено, и Сербія, до крайности истощенная и разоренная, возвращена въ свои тѣсные предѣлы, то съ южными славянами дѣло можетъ считаться почти оконченнымъ. Уничтоженіе православнаго славянства и замѣщеніе его мусульманскими элементами въ турецкихъ областяхъ пойдетъ еще быстрѣе, чѣмъ оно шло со времени Крымской кампаніи. Конечный же результатъ подобнаго status quo предвидѣть не трудно.

Въ маѣ прошлаго года мнѣ случилось быть въ Берлинѣ. Въ числѣ иллюстрацій, выставленныхъ на окнахъ магазиновъ, одна особенно обратила на себя мое вниманіе. Колоссальная фигура Бисмарка въ мундирѣ стоитъ подъ руку съ человѣкомъ во фракѣ (Кн. Горчаковымъ), и внизу подпись въ такомъ смыслѣ: «Когда мы вмѣстѣ, цѣлый міръ у нашихъ ногъ»!—«Недурно, подумалъ я, хотя ужъ слишкомъ не хитро: стало быть, мы, въ настоящую минуту, нужны»? И дѣйствительно, въ это время у Германіи возникли натянутыя отношенія съ Франціей, а между тѣмъ ожидался проѣздъ русскаго канцлера черезъ Берлинъ на воды. По отношенію къ Франціи, кажется, Германія не въ правѣ на насъ пожаловаться. Теперь пришла наша очередь испытать ея дружбу.

Однако, пока въ европейской печати идутъ безсердечныя разглаголь-
вопросѣ и пока нѣкоторая часть ея обнаруживаетъ

робкія попытки поднять голосъ противъ неслыханныхъ злодѣйствъ,—событія не ждутъ. Съ одной стороны, избіеніе и продажа въ рабство болгарскаго народа продолжаются безпрепятственно, съ другой—телеграфъ ежедневно можетъ принести извѣстіе о вторженіи всеистребляющей орды въ предѣлы Сербіи, или съ сухопутной границы, или со стороны мнимо нейтральнаго Дуная. И въ Болгаріи, и въ Сербіи помощь нужна серьезная и скорая; иначе будетъ поздно.

Отъ 2 августа *.

Въ августѣ прошлаго 1875 года я былъ въ Парижѣ на географическомъ конгрессѣ. Въ то время только что началось возстаніе въ Герцеговинѣ, и газеты стали наполняться разсужденіями о Восточномъ вопросѣ. Преобладающее направленіе французской печати оказалось туркофильское. Прежде чѣмъ покинуть Парижъ, я вознамѣрился напечатать письмо въ какой либо газетѣ, съ цѣлью коснуться отношеній Франціи къ славянству и указать, что, дѣйствуя противъ славянъ, она работаетъ не на себя, а на нѣмцевъ. Изъ тѣхъ газетъ, которыя я просматривалъ, одна показалась мнѣ менѣе пристрастною, чѣмъ другія; по крайней мѣрѣ она помѣщала довольно дѣльныя корреспонденціи съ театра дѣйствія. Чтобы предупредить о своемъ намѣреніи, захожу въ редакцію. Главный редакторъ оказался въ отсутствіи; ко мнѣ вышелъ его товарищъ, еще молодой человѣкъ, фигура довольно незначительная. Онъ принялъ меня сухо и оффиціально. Я началъ говорить о предметѣ моего посѣщенія. «Но позвольте, прервалъ меня публицистъ, Россія объявила, что она не намѣрена нарушать status quo на Балканскомъ полуостровѣ; я надѣюсь, что она останется нейтральною». Какой, однако, высокій тонъ у этого маленькаго господина!—подумалъ я, и продолжалъ свои объясненія. «М. г., опять торжественнымъ тономъ прервалъ меня публицистъ, я долженъ васъ предупредить, что наша газета считаетъ своимъ долгомъ поддерживать Турцію». Мнѣ оставалось только встать и раскланяться; но, уходя, я не утерпѣлъ, чтобы не проворчать: «Всякая, съ позволенія сказать, мелочь считаетъ своимъ долгомъ поддерживать турецкую орду и угнетать славянъ! Мало, мало васъ учили нѣмцы; много еще въ васъ сидитъ прежней фанаберіи!»

Послѣ того я не возобновлялъ попытки обратиться въ какую либо

---

* Русскій Міръ. 1876, № 214.

французскую газету; да притомъ настоящее положеніе Франціи не позволяло ей имѣть видное вліяніе на событія, развивавшіяся на Балканскомъ полуостровѣ. Мнѣ не случилось близко наблюдать, на сколько сохранились или измѣнились съ того времени туркофильскіи тенденціи французской печати; но, къ сожалѣнію, она, повидимому, все еще не уяснила себѣ, какую роль въ катострофѣ 1870—71 гг. играла политика Франціи по отношенію къ Восточному вопросу. Рутина въ ея политическихъ симпатіяхъ и антипатіяхъ все еще такъ сильна, что она неясно различаетъ XIX вѣкъ отъ XVI и XVII, когда Турція дѣйствительно могла оказывать ей помощь въ столкновеніяхъ съ Германіей. Но, при всемъ туркофильствѣ, Франція еще находится подъ живымъ впечатлѣніемъ своихъ тяжкихъ потерь, и я полагаю, что, въ случаѣ европейской войны, она легко можетъ войти съ нами въ соглашеніе съ цѣлью воротить утраченныя провиціи.

Война все-таки сдѣлалась неизбѣжною; но началась она въ минуту, менѣе благопріятную. Враги успѣли принять свои мѣры, и, между прочимъ, какія мѣры! Прежде чѣмъ Сербія двинулась, Болгарія была уже терроризована и замучена. Мы можемъ сколько угодно изливаться въ своихъ филиппикахъ и, грустно сказать, напоминать басню о «котѣ и поварѣ»; но тѣмъ не менѣе турки своей цѣли достигли, правда варварскимъ, тамерлановскимъ способомъ, но короткимъ и вѣрнымъ. Исторія съ ужасомъ разсказываетъ повѣсть о Варѳоломеевской ночи; но она не можетъ не сознаться, что въ концѣ концовъ эта ужасная ночь сдѣлала свое дѣло: она нанесла такой ударъ все болѣе и болѣе развивавшемуся французскому протестантизму, послѣ котораго онъ пошелъ подъ гору. Исторія съ удивленіемъ будетъ расказывать, что подобныя событія, и еще въ гораздо большихъ размѣрахъ, могли совершаться въ Европѣ во второй половинѣ XIX вѣка, и совершаться безнаказанно!

Итакъ Болгарія лежитъ окровавленная и терроризованная. Въ то же время въ Стамбулѣ враги славянства успѣли совершить переворотъ, который, повидимому, еще не вполнѣ оцѣненъ нашимъ общественнымъ мнѣніемъ. Султанъ (Абдулъ-Азисъ), имѣвшій неосторожность внимать нѣкоторымъ совѣтамъ Россіи, сверженъ и убитъ (будемъ говорить прямо); а вмѣсто него явился султанъ-мнѣ (Мурадъ). Я нахожу, что печать слишкомъ много посвящаетъ вниманія разнорѣчивымъ слухамъ относительно этой султанской тѣни и ея здоровья, [illegible] ь предположеніямъ о новой близкой перемѣнѣ царств[illegible] ія занята этими искусно пущенными [illegible] заправляютъ дѣлами, и энергичес[illegible] ніе сла-

ванства. Очевидно, они нашли себѣ такого именно султана, который имъ былъ нуженъ, который бы имъ не мѣшалъ.

Кромѣ того, я нахожу, что печать наша, а слѣдовательно и наше общественное мнѣніе, слишкомъ много занимаются англійскою политикою и парламентскими разговорами въ Лондонѣ. Пора убѣдиться, что не слова, а только событія могутъ образумить этихъ лицемѣрныхъ торгашей (преобладающая тамъ партія вполнѣ заслужила такое названіе); современемъ событія ясно укажутъ имъ, что они не только были безчеловѣчны, но и не понимали своихъ истинныхъ интересовъ на Востокѣ и работали здѣсь не на себя, а на кого-то другаго. Да, Англія совсѣмъ для насъ не такая страшная противница, какъ это можетъ казаться. Сухопутное войско ея незначительно; а флотъ со времени изобрѣтенія торпедъ уже потерялъ часть своего значенія въ береговой войнѣ, какъ это ясно показала Франко-прусская кампанія. Говорятъ, Англія можетъ занять Дарданеллы, Константинополь. Пусть займетъ, если другія морскія державы это допустятъ. Во всякомъ случаѣ, это не Гибралтарская скала. Отсюда всегда будетъ возможно выжить, лишь бы были освобождены славяне.

Нѣкоторые органы нашей печати уже предлагаютъ прибѣгнуть поскорѣе къ европейской конференціи. Но что бы Россія стала дѣлать на этой конференціи, имѣя противъ себя нѣсколько враждебныхъ голосовъ, при индиферентномъ отношеніи остальныхъ? Дѣло кончилось бы возвращеніемъ къ status quo, хотя бы на время и замаскированному разными бумажными реформами и обѣщаніями. Нѣтъ, только одно твердое и рѣшительное слово Россіи можетъ развязать Гордіевъ узелъ. Намъ угрожаютъ европейскою войною. Но съ кѣмъ же? Союзъ турко-австро-англійскій намъ не страшенъ. Да мы и сомнѣваемся, чтобы Англія и Австрія рѣшились на войну съ нами, при нейтральномъ положеніи Германіи. *Слѣдовательно, вотъ куда въ настоящее время должно направиться наше вниманіе, вотъ гдѣ главный узелъ вопроса.* Обѣщаетъ ли намъ Германія свой нейтралитетъ? Отплатитъ ли она Россіи тою же монетою за 1870—71 гг. Ограничится ли одними дипломатическими ходатайствами за Австро-Венгрію?

А между тѣмъ твердое, рѣшительное слово, конечно, должно быть подкрѣплено явными доказательствами что оно серьезно и непреложно. Въ числѣ таковыхъ доказательствъ кромѣ соглашенія съ румынами и

ми, внушительное значеніе могла бы имѣть подготовка того земскаго

которое составляетъ одну изъ существенныхъ статей устава

Молодые люди, не попавшіе въ армію, могли бы по праздекаясь отъ своихъ занятій и отъ своего мѣстожительства,

собираться для военныхъ упражненій; потребные для того расходы могутъ быть возложены на мѣстныя общества, чтобы не обременять государственнаго казначейства ничѣмъ, кромѣ снабженія оружіемъ. Я уже имѣлъ случай указывать на эту статью устава; возвращаюсь къ ней, въ виду грядущихъ событій.

Во всякомъ случаѣ, мы, русскіе, возблагодаримъ своего Верховнаго Вождя за двадцать лѣтъ глубокаго и плодотворнаго мира, и будемъ готовы на все, чего отъ насъ потребуютъ жизненные интересы, честь и достоинство Россіи.

Отъ 9 августа *.

Затрудненіе въ сообщеніяхъ.—Русск. общ. парох. и тор.—Впечатлѣніе турецкихъ звѣрствъ на Европу.—Проекты и предположенія.

Извѣстно, какимъ затрудненіямъ подвергаются въ настоящее время сухопутныя сообщенія Россіи съ Сербіей. Эти сообщенія находятся въ рукахъ намъ недружественныхъ. Даже Румынія, и та старается не облегчить, а затруднить намъ путешествія въ Сербію. Признаться, мы и не разсчитывали на сочувствіе румынъ къ дѣлу освобожденія турецкихъ славянъ. Хотя румыны своимъ освобожденіемъ болѣе всего обязаны Россіи; но извѣстно, что они не выказываютъ къ ней чувства благодарности. Впрочемъ, съ занятіемъ турками сѣверовосточнаго угла Сербіи, само собою прекращается сообщеніе черезъ Румынію. Остается только путь на враждебную славянамъ Австро-Венгрію. Вотъ почему въ настоящую минуту особое прискорбіе должно возбуждать въ насъ поведеніе «Русскаго общества пароходства и торговли», которое прекратило свои рейсы изъ Одессы въ Бѣлградъ именно въ то время, когда Россія въ нихъ болѣе всего нуждается. Любопытны тѣ доводы, которые были представлены на этотъ счетъ администраціей Общества, въ лицѣ его директора г. Чихачева (см. «Голосъ» № 215). Онъ ссылался только на коммерческіе разсчеты и на доходность! Но развѣ громадныя казенныя субсидіи, потраченныя на это Общество, не имѣли никакого политическаго значенія? Стало быть Общество забыло и самую причину своего возникновенія? Любопытно было бы узнать настоящій составъ администраціи этого, такъ называемаго *Русскаго* Общества. Право, не знаешь, что и подумать, въ виду такого порядка вещей на нашемъ югѣ. Дунай, именно отъ устья до Бѣлграда, представ-

---

* 1876, № 222.

лнетъ еще свободный, нейтральный путь—и мы имъ не пользуемся! Русскіе пароходы на Дунаѣ не только могли бы облегчать страданія славянъ, спасая тѣхъ несчастныхъ, которые успѣваютъ уйти отъ турецкаго звѣрства; они въ настоящую минуту необходимы тамъ уже потому, что въ Сербіи находится теперь много нашихъ соотечественниковъ въ качествѣ медиковъ, сестеръ милосердія, дипломатическихъ агентовъ и проч. Необходимы не только частыя почтовыя сообщенія между Одессой и Бѣлградомъ; необходимо, чтобы подъ Бѣлградомъ стояло нѣсколько русскихъ пароходовъ для покровительства русскимъ подданнымъ. Чѣмъ же иначе обезпечена ихъ жизнь и честь, и куда они могутъ укрыться въ случаѣ дальнѣйшаго вторженія варварской орды? Не говорю уже о томъ, что это прямое сообщеніе должно поставить въ независимость отъ Австро-Венгріи наши непосредственныя дипломатическія сношенія съ Сербіей и регулярную доставку точныхъ, подробныхъ извѣстій.

Въ нашей печати нерѣдко встрѣчаешь теперь разсужденія о томъ, что неслыханныя звѣрства турокъ въ Болгаріи произвели сильное впечатлѣніе на Европу и что даже во враждебныхъ славянству странахъ общественное мнѣніе начинаетъ склоняться на сторону угнетенныхъ. Признаюсь, я плохо этому вѣрю, и полагаю, что если тамъ и замѣтно нѣкоторое пониженіе тона, то его скорѣе можно приписать настоящему сдержанному положенію Россіи. Доселѣ мы все усиливались доказывать наше миролюбіе и безкорыстіе. Однако, чѣмъ болѣе показывали мы уступчивости, тѣмъ болѣе возрастали требованія и задоръ въ противномъ лагерѣ. Но вотъ, послѣ неслыханныхъ злодѣйствъ, совершенныхъ надъ нашими единовѣрцами и единоплеменниками, русское народное чувство громко заговорило, а русская политика пока хранитъ внушительное молчаніе передъ Европой, и враги славянства едва ли спокойно ждутъ того момента, когда она выскажется. Что, если угрозы европейскою войною ея не испугаютъ? Что, если она настоятельно потребуетъ освобожденія славянъ—не бумажнаго только, а дѣйствительнаго? Придется или уступить, или воевать; а серьезно воевать никому не хочется. Да и время для того еще не совсѣмъ благопріятное: еще Россія недостаточно изолирована; у нея еще длинныя руки и въ Европѣ, и въ Азіи...

Еще славяне южные и западные не подавлены окончательно; а южно-европейскимъ приморскимъ націямъ, т.-е. итальянцамъ, испанцамъ, грекамъ и тѣмъ же французамъ, нѣтъ никакого интереса поддерживать преобладаніе надъ собою англичанъ въ Средиземномъ морѣ. Еще не созрѣлъ вопросъ о Босфорѣ и Дарданеллахъ, и всякая нація, которая вздумала бы теперь захватить ихъ, нажила бы себѣ хлопотъ и непріятелей несрав-

ненно болѣе, чѣмъ выгодъ. Притомъ далеко не всѣ пограничные съ Россіей мусульмане готовы ополчиться за Турцію. Персы, какъ шіиты и какъ народъ, имѣющій свои счеты съ турками по поводу пограничныхъ областей, я полагаю, легко могутъ быть поощрены къ своему расширенію съ этой стороны. Наконецъ, и народное русское одушевленіе и русское сознаніе святости своего дѣла даютъ ему явный моральный перевѣсъ надъ защитниками мусульманской орды и угнетателями христіанъ.

Итакъ, если враги славянъ надѣются, что Россія опять вернется къ чему либо въ родѣ проекта г. Андраши, какъ будто ничего особаго и не случилось со времени этого проекта, то они или сами очень наивны, или считаютъ насъ таковыми. Какъ будто можно признать только совершившимся фактомъ нѣсколько десятковъ тысячъ невинно избіенныхъ болгаръ, ихъ женъ и дѣтей! Какія же турецкія реформы могутъ предупредить повтореніе этихъ злодѣйствъ и окончательное истребленіе цѣлаго народа? Для этого существуетъ только одно средство: образовать изъ Болгаріи особое княжество съ собственною вооруженною силою и, пожалуй, съ европейскимъ принцемъ во главѣ *. Если бы Австро-Венгрія могла не только гуманно, но и безпристрастно обсудить свои отношенія къ южнымъ славянамъ, то она убѣдилась бы, что ея спокойствіе совсѣмъ не обусловливается безконечными страданіями и рабствомъ турецкихъ христіанъ. Самое существованіе не одного, а двухъ сербскихъ княжествъ, т.-е. Сербско-боснійскаго и Черногорско-герцеговинскаго, достаточно гарантируетъ ей спокойствіе съ этой стороны; ибо ей легко будетъ поддерживать нѣкоторое соперничество между ними. Къ этому непремѣнно присоединится еще болѣе сильное соперничество между сербами и освобожденными болгарами. Не говорю объ отношеніяхъ южныхъ славянъ къ грекамъ, румынамъ и туркамъ. Такимъ образомъ, всѣ эти княжества будутъ только поставлены въ возможность мирно развивать свою гражданственность и едва получатъ настолько силы, чтобы охранять свою самостоятельность; они не будутъ имѣть угрожающаго значенія для Австріи. Правда, послѣдней придется сдѣлать нѣкоторыя уступки собственнымъ славянамъ и не слишкомъ давать ихъ въ обиду другимъ народностямъ. Но такая политика была бы для Австріи самою мудрою. Тогда ея славяне перестали бы искать поддержки внѣ ея, т.-е. тяготѣть въ Россіи

* Въ европейской печати встрѣчаются иногда предположенія о какихъ-то автономныхъ христіанскихъ общинахъ, которыя должны быть образованы на Балканскомъ полуостровѣ. Мы не понимаемъ системы этихъ воображаемыхъ общинъ. Мы понимаемъ только три Славянскихъ княжества и греческое королевство, увеличенное Ѳессаліей и Эпиромъ.

или обращать взоры на Сербію. Мадьяры, по своему легкомыслію, не замѣчаютъ того, что они только орудіе для подавленія славянства; а когда подавленіе совершится, то они будутъ германизованы безъ всякой церемоніи. Слѣдовательно сущность дѣла сводится къ стремленіямъ тѣхъ австрійскихъ нѣмцевъ, которые взираютъ на Германію, какъ на свое великое отечество, и желаютъ ему возможно скорѣйшаго расширенія на югѣ. Послѣднее обстоятельство невольно возбуждаетъ вопросъ объ отношеніяхъ Габсбургской династіи къ этимъ тремъ главнымъ элементамъ монархіи, т.-е. къ нѣмцамъ, мадьярамъ и славянамъ. Она могла бы держать ихъ въ равновѣсіи, занимать почетное положеніе между міромъ германскимъ и славянскимъ, и долго еще сохранять значеніе Австріи какъ великой европейской державы. А вмѣсто того династія эта явно поддается узкимъ племеннымъ антипатіямъ и не замѣчаетъ, что *разрывъ съ славянами бросаетъ ее исключительно въ руки нѣмцевъ*: Габсбурги сами стараются ускорить тотъ моментъ, когда они должны будутъ сдѣлаться не болѣе какъ покорными вассалами Гогенцоллерновъ, а въ противномъ случаѣ, пожалуй, испытать судьбу ганноверскихъ Вельфовъ.

Изъ письма отъ 15 августа *.

Въ нашей печати встрѣчаются иногда проекты о посредничествѣ: одни совѣтуютъ воспользоваться для этого услугами Италіи, другіе указываютъ на Германію, третьи на Францію. Я не понимаю такого какъ бы систематическаго устраненія Россіи отъ всякой иниціативы въ вопросѣ, для нея столь близкомъ и существенномъ. Я не понимаю, почему Россія не могла бы прямо и непосредственно обратиться къ Портѣ съ своими требованіями относительно балканскихъ славянъ. Развѣ нѣмцы, вырывая Шлезвигъ-Гольштейнъ изъ рукъ Даніи или переустраивая Германію на другихъ основаніяхъ, опирались на посредничество или на какія либо коллективныя ноты европейскихъ державъ? Нѣтъ, они просто объявили это дѣло своимъ собственнымъ, хотя оно противорѣчило трактатамъ и совершенно измѣнило существовавшую дотолѣ систему политическаго равновѣсія въ Европѣ. Освобожденіе балканскихъ славянъ — есть наше русское дѣло. Такъ поставила его исторія, и никто не въ силахъ поставить его иначе. Отъ нѣмцевъ мы отличаемся, однако, тѣмъ, что имѣемъ въ виду одно только освобожденіе славянъ и дарованіе имъ возможности жить

* Русскій Міръ. 1876, № 227.

своею историческою жизнію, а отнюдь не присоединеніе ихъ къ Россіи, и, слѣдовательно, остальныя державы не имѣютъ никакихъ разумныхъ основаній препятствовать намъ въ дѣлѣ этого освобожденія. Да и вообще, возможно ли взаимное согласіе всѣхъ шести европейскихъ державъ въ такомъ вопросѣ, къ которому каждая изъ нихъ относится по своему?

Относительно формы освобожденія, повидимому, все еще не выработалось яснаго сознанія. По крайней мѣрѣ, иногда встрѣчаемъ въ нашей печати разсужденія о какихъ-то отдѣльныхъ автономныхъ общинахъ въ Босніи, Герцеговинѣ, Старой Сербіи и Болгаріи. Но, помилуйте, что же это за общины; какія могутъ быть тогда гарантіи спокойствія на Балканскомъ полуостровѣ? Какія у нихъ будутъ средства самозащиты? Какая, наконецъ, возможность исторической жизни? Нѣтъ, только образованіе трехъ славянскихъ княжествъ, Сербо-боснійскаго, Черногоро-герцеговинскаго и Болгарскаго, можетъ обезпечить и европейскій міръ съ этой стороны, и дальнѣйшее культурное развитіе благодатной придунайской полосы. Можно было бы прибавить сюда и дарованіе Греческому королевству болѣе естественныхъ предѣловъ. Но вольно же грекамъ смотрѣть, сложа руки, на геройское предпріятіе единовѣрныхъ имъ народовъ!

Напрасно было бы настоящія обстоятельства относить къ отдѣлу одной внѣшней политики, и предоставлять ихъ на усмотрѣніе одной дипломатіи. Нѣтъ, они находятся въ тѣсной связи съ нашею внутреннею народною жизнію. Когда, годъ тому назадъ, появились незначительные отряды добровольцевъ и раздались первые выстрѣлы въ горахъ Герцеговины, затрепетало русское сердце, и съ тѣхъ поръ оно слѣдило за развивающеюся драмою съ возрастающимъ вниманіемъ и сочувствіемъ. И прежде раздавались тамъ выстрѣлы, и прежде лилась славянская кровь; однако не то было вниманіе, не та степень сочувствія. Великій историческій народъ всегда обладаетъ и великимъ политическимъ инстинктомъ. Онъ понялъ, что на этотъ разъ тамъ началось что-то рѣшающее, что-то близко связанное съ его собственными судьбами; что дѣло, столь долго подавляемое, созрѣло; что наступаетъ развязка. Тотъ же инстинктъ вѣрно указываетъ ему и на самый способъ рѣшенія и на необходимость принести для него всѣ жертвы, которыхъ оно потребуетъ. Русскій народъ въ эту торжественную минуту оказывается на высотѣ своего положенія. Противники славянства, между прочимъ, указываютъ на наши финансовыя затрудненія въ случаѣ войны. Они не знаютъ Россіи. Я говорю, конечно, о настоящемъ высокопатріотическомъ настроеніи народа; это настроеніе есть великая историческая сила, и къ нему надобно относиться съ тѣмъ уваженіемъ и вниманіемъ, которыхъ оно заслуживаетъ.

Какъ высоко одушевленіе и патріотическое настроеніе русскаго народа въ настоящее время, также горько было бы разочарованіе и такъ же глубокъ былъ бы упадокъ его духа въ томъ случаѣ, если бы враги славянства помѣшали дѣлу освобожденія только одною ловкою своей дипломатіей, одними софизмами и обѣщаніями. Въ самой внутренней нашей жизни почувствовался бы нѣкоторый разладъ, какъ неизбѣжное слѣдствіе такого разочарованія.

---

*Изъ письма отъ 21 сентября.**

Любопытно то обстоятельство, что нѣкоторые публицисты все еще вѣруютъ въ соглашеніе между шестью великими державами по обезпеченію человѣческихъ правъ для Балканскихъ христіанъ. Я предложилъ бы пригласить къ участію въ этой опекѣ еще и седьмую державу, напримѣръ, Испанію; тогда по крайней мѣрѣ буквально исполнялась бы русская пословица: у семи нянекъ дитя всегда безъ глазу **. Но если говорить серьезно, то нѣтъ въ мірѣ такого генія, который съумѣлъ бы согласить, по данному вопросу, всѣ шесть державъ между собою, и въ то же время доставить христіанскимъ народамъ возможность жить по-человѣчески, т.-е. освободить ихъ отъ варварскаго ига. Поведеніе Англіи и Австро-Венгріи продолжаетъ ежедневно оправдывать это положеніе. Чего еще можно ожидать отъ страны, въ которой глава кабинета произноситъ шутовскія рѣчи по поводу чудовищныхъ злодѣйствъ, совершаемыхъ надъ христіанскими народами, а публика отвѣчаетъ смѣхомъ и рукоплесканіями? Способна ли жидовско-мадьярская политика добровольно отказаться отъ своего интимнаго союза съ мучителями славянъ? Нѣтъ, только твердое и рѣшительное согласіе Германіи съ Россіей можетъ понудить къ существеннымъ уступкамъ анти-христіанскую политику и положить предѣлъ позорному для Европы варварскому игу.

Мы сказали, что великіе люди Германіи держатъ въ настоящее время вѣсы европейской цивилизаціи. Куда они потянутъ: въ пользу христіанской культуры на юго-востокѣ Европы или въ пользу магометанскаго варварства? Дружба двухъ великихъ монарховъ повлечетъ ли за собой и дружбу двухъ великихъ націй? Вотъ вопросы, которые силою обстоятельствъ выдвинулись теперь на передній планъ. Если же вѣрить нѣко-

---

* Русскій Міръ. 1876 №. 232.

** Къ слову спросить: долго ли еще Испанія будетъ переносить тотъ постоянный укоръ для ея національной чести, который называется Гибралтаромъ.

торымъ извѣстіямъ, будто и Германія подаетъ свой голосъ въ пользу status quo для Сербіи и Черногоріи и такъ назыв. *административныхъ* реформъ для остальныхъ славянскихъ провинцій,—что въ сущности означаетъ также status quo или продолженіе варварскаго ига — если это правда, тогда надежды на прочный европейскій миръ болѣе немыслимы. Обратимся къ общественному мнѣнію Германіи, и спросимъ: мыслимо ли оставить Болгарію подъ владычествомъ магометанской орды, послѣ стольких тысячъ замученныхъ жертвъ, изнасилованныхъ женщинъ и дѣтей? Если въ мнимолиберальной Англіи живутъ и управляютъ такіе лорды, которые называютъ эти гнусныя дѣла простымъ кровопусканіемъ; если тамъ снаряжаютъ статистическія коммиссіи и отправляютъ слѣдователей на мѣсто ужасовъ, и эти слѣдователи потомъ самодовольно докладываютъ, что въ такой-то мѣстности избито не 25,000 жертвъ, а всего только 15 или 12 тысячъ—то неужели общественные дѣятели Германіи способны поддерживать своимъ авторитетомъ защитниковъ такого порядка вещей?

Положимъ, врагамъ славянства и православія удастся какъ нибудь затушить, замять настоящую борьбу и обратить пока въ ничто потоки пролитой крови, даже замаскировать status quo новыми бумажными гарантіями равноправности содержимыхъ въ одномъ помѣщеніи овецъ и волковъ. Но что же затѣмъ? Не нужно быть пророкомъ, чтобы предсказать послѣдствія. Подобныя мѣры дадутъ только небольшую отсрочку, послѣ которой, при первомъ удобномъ моментѣ, произошли бы такія ужасныя войны, передъ которыми поблѣднѣютъ и 1870—71 годы. А слѣдовательно вмѣсто разоруженія державы должны будутъ еще усилить свои вооруженія. Подтвердитъ ли тогда исторія, что передъ нами истинное величіе? Или она скажетъ, что то были просто ловкіе люди которые съумѣли воспользоваться нѣкоторыми обстоятельствами и личными отношеніями, чтобы достигнуть своихъ ближайшихъ цѣлей, но которые съ весьма узкой точки зрѣнія смотрѣли на будущее какъ своего народа, такъ и своихъ сосѣдей и преемникамъ своимъ оставили весьма нелегкое положеніе между романскимъ и славянскимъ міромъ, возбудивъ сильную вражду того и другаго и понудивъ ихъ къ взаимному сближенію для общей борьбы съ міромъ германскимъ.

Въ настоящее время отдаленные политическіе разсчеты всего менѣе занимаютъ русскій народъ. Скажу болѣе, стремясь совершить свой подвигъ, онъ не долженъ разсчитывать на какую либо особую и вѣчную благодарность со стороны своихъ меньшихъ братій. Онъ имѣетъ въ виду только разбить ихъ оковы и поставить ихъ на собственныя ноги. Это *для него святое* дѣло, священный долгъ, который онъ долженъ уплатить

своей исторіи и всему человѣчеству. Въ такомъ дѣлѣ, для націи собственное моральное удовлетвореніе выше и дороже всякихъ территоріальныхъ пріобрѣтеній; да послѣднія намъ и совершенно ненужны. Только совершивъ этотъ подвигъ, мы можемъ спокойно и безъ помѣхи обратиться къ своимъ внутреннимъ заботамъ. Если бы Австрія относилась дружелюбно къ святому для насъ дѣлу, то одно уже дружелюбіе обезпечило бы надолго спокойное и мирное существованіе ея, какъ великой державы. А еслибъ ей и пришлось во внутренней своей политикѣ отъ настоящаго дуализма возвратиться къ системѣ федерализма, то для общихъ ея интересовъ въ томъ конечно не было бы никакого ущерба. Но, руководимая мадьярскою нетерпимостью, она увлекается на очень скользкій путь. Мало того: судя по нѣкоторымъ извѣстіямъ, она намѣрена, въ отвѣтъ на благотворительныя усилія русскаго народа, снова вызвать на сцену призракъ польскаго вопроса, т.-е. сдѣлать поляковъ орудіемъ для достиженія собственныхъ мелкихъ цѣлей. Весьма будетъ прискорбно, если поляки, послѣ всѣхъ уроковъ исторіи, и на этотъ разъ пойдутъ на удочку. Вопросъ можетъ окончиться новымъ передѣломъ земель бывшей Рѣчи Посполитой. Отъ соглашенія Россіи и Германіи будетъ зависѣть изъятіе Австро-Венгріи изъ владѣнія доставшеюся ей частью этихъ земель; а вмѣстѣ съ тѣмъ можетъ воспослѣдовать исправленіе русской границы со стороны Галиціи, а прусской—со стороны Привислянскаго края. Къ подобнымъ результатамъ для Австріи можетъ привести мадьярская нетерпимость не только на сѣверо-восточныхъ ея предѣлахъ, но также и на юго-восточныхъ. Ибо въ случаѣ ея враждебнаго столкновенія съ нами никто не мѣшаетъ намъ поощрить Румынію къ округленію своей границы со стороны Трансильваніи. Слѣдовательно, Австро-Венгрія должна бы очень и очень подумать прежде чѣмъ рѣшиться на войну. Что касается до Румыніи, то она, повидимому, начинаетъ понимать, гдѣ ея настоящія выгоды и откуда ей должно ждать помощи для дальнѣйшаго своего развитія. Уже одно дружественное содѣйствіе намъ на случай столкновенія съ турками даетъ ей надежду на достиженіе полной независимости и королевскаго достоинства.

Одно почти единодушно повторяющееся заявленіе русской печати, что не нужно намъ никакихъ территоріальныхъ пріобрѣтеній, что вопросъ о Константинополѣ еще не созрѣлъ, что мы не можемъ только оставлять долѣе своихъ единоплеменниковъ и единовѣрцевъ подъ гнуснымъ игомъ варварской орды—одно это настойчивое заявленіе замѣтно выбиваетъ враговъ славянства изъ ихъ прежнихъ позицій. Имъ уже не такъ удобно теперь, какъ прежде, поднимать на насъ общественное мнѣніе Европы,

указывая на наши якобы ненасытныя завоевательныя стремленія, на замышляемый нами захватъ проливовъ и вообще на наше противодѣйствіе дѣлу прогресса и свободы. До чего, до какихъ нелѣпостей, доводитъ ихъ потеря прежнихъ позицій, ясно обнаруживаетъ упомянутая выше рѣчь пресловутаго англійскаго премьера. Хотя, по рутинѣ, онъ еще упоминаетъ о державахъ, будто бы стремящихся къ территоріальному расширенію, но главнымъ образомъ хочетъ пугнуть публику какими-то тайными обществами. Вотъ какъ роли начинаютъ мѣняться! Англійскіе премьеры устрашаютъ Европу тайными обществами, если она перестанетъ поддерживать турецкое иго! Въ параллель съ подобными эволюціями можно поставить только откровенную мадьярскую нетерпимость, которая прямо заявляетъ, что для ея паразитнаго благополучія необходимо держать балканскихъ славянъ въ вѣчномъ рабствѣ и лишать ихъ всякихъ способовъ къ самобытному существованію, а слѣдовательно и къ участію въ европейской христіанской цивилизаціи.

Изъ письма отъ 26 сентября *.

Если справедливы были извѣстія, что первоначальный толчекъ общественному мнѣнію въ Англіи данъ былъ корреспондентомъ «Daily News», изобразившимъ яркую истину о турецкихъ неистовствахъ, то выходитъ, что Макъ-Гаганъ явился въ нѣкоторомъ родѣ Колумбомъ, который хотя отчасти открылъ глаза своимъ соотечественникамъ на истинное значеніе турецкаго ига для балканскихъ христіанъ. Нелестный, однако, для британской націи выводъ слѣдуетъ изъ этого открытія. Раждается неизбѣжный вопросъ: какой же прокъ для европейской и вообще христіанской цивилизаціи отъ великаго числа англійскихъ агентовъ, разсѣянныхъ на Востокѣ, а также отъ огромной массы англійскихъ путешественниковъ и путешественницъ, которые снуютъ тамъ на каждомъ шагу? Въ послѣднее десятилѣтіе это снованіе отчасти приняло характеръ уже не единичныхъ и даже семейныхъ или товарищескихъ поѣздокъ, а постоянныхъ нашествій цѣлыми многочисленными партіями. Извѣстно, какая участь постигла и постигаетъ иногда скромнаго проѣзжаго на нашихъ почтовыхъ станціяхъ, если случай наталкиваетъ его на проѣздъ какого либо высокопоставленнаго лица, забирающаго подъ себя всѣхъ лошадей. Нѣчто подобное случается иногда и съ путешественниками на Востокѣ. Помню,

* *Русскій Міръ*. 1876, № 236.

какъ въ Аѳинахъ (весною 1871 года), сойдя съ парохода, я часа три ѣздилъ по городу и толкался во всѣ гостинницы, тщетно отыскивая себѣ пріютъ. Оказалось, что прибыла партія, состоящая изъ нѣсколькихъ десятковъ англичанъ обоего пола, и все заполонила. Каждый членъ такой партіи платитъ извѣстную сумму антрепренерной компаніи и затѣмъ уже ни о чемъ ни заботится. Компанія развозитъ партіи по Египту, Сиріи, Греціи и Балканскому полуострову, размѣщаетъ ее по гостинницамъ, кормитъ и *показываетъ* ей все достопримѣчательное. Каковы, однако, результаты этого, такъ сказать, стадообразнаго поверхностнаго знакомства съ Востокомъ—ясно обнаруживается въ настоящее время. Оказывается, что нигдѣ въ мірѣ не распространены столь наивныя понятія о значеніи турецкаго владычества, какъ въ Англіи. Нельзя также сказать, чтобы тамъ были распространены и гуманныя понятія о женской чести. Между тѣмъ какъ поголовное турецкое насилованіе христіанскихъ женщинъ и дѣтей вызывало въ русскихъ женщинахъ безпредѣльное негодованіе, ничего подобнаго пока еще не слышно со стороны англичанокъ; хотя во главѣ націи тамъ находится достойная представительница ихъ пола, въ прошломъ году принявшая живѣйшее участіе въ судьбѣ одной миссъ, на которую какой-то крупный джентельменъ сдѣлалъ покушеніе въ вагонѣ. Какой толчекъ для угнетеннаго христіанства будетъ отъ «митинговъ негодованія»—пока неизвѣстно. Мы видимъ только, что сообщничество Англіи въ этомъ угнетеніи продолжается. Мало того, все болѣе и болѣе выясняется, что сэръ Эллiотъ не даромъ стяжалъ себѣ въ исторіи славу Герострата: онъ оказывается главнымъ подстрекателемъ, а слѣдовательно и главнымъ виновникомъ болгарской рѣзни, которая, по понятіямъ англійскихъ государственныхъ людей, была только подавленіемъ возможнаго въ будущемъ мятежа, небольшимъ кровопусканіемъ.

Но каковы бы ни были магометанскія симпатіи этихъ государственныхъ людей, для насъ, русскихъ, немыслимо оставлять послѣ того Болгарію подъ турецкимъ владычествомъ. Если бы мы это сдѣлали, то *насъ Богъ накажетъ*,—такъ выразился одинъ простой человѣкъ въ письмѣ, которое онъ приложилъ къ своему пожертвованію, присланному въ нашъ Славянскій благотворительный комитетъ. И въ этихъ словахъ простаго русскаго человѣка несравненно болѣе историческаго смысла, чѣмъ въ разглагольствіи иныхъ публицистовъ и дипломатовъ.

Изъ письма отъ 1 октября *.

«Если вы требуете продолжительнаго, по крайней мѣрѣ шестинедѣльнаго, перемирія—отвѣчаетъ Порта, руководимая гг. Элліотомъ и Зичи,—то мы сдѣлаемъ для васъ гораздо болѣе, и, чтобы окончательно васъ облагодѣтельствовать, даемъ вамъ перемиріе *шестимѣсячное*». (Но почему же не шестилѣтнее?). Это все тотъ же ловкій пріемъ, посредствомъ котораго она отклонила скромно заявленное державами приглашеніе даровать нѣкоторыя реформы своимъ славянскимъ провинціямъ. «Почему же однимъ славянскимъ провинціямъ?—говоритъ она—я сдѣлаю болѣе того: я облагодѣтельствую реформами всѣхъ своихъ подданныхъ». По поводу этого послѣдняго отвѣта, позволю себѣ маленькое замѣчаніе о нашей печати. Нѣкоторые ея органы обнаруживали большое негодованіе на дерзость Порты: какъ это она осмѣливается отвѣчать отказомъ на англійскія предложенія, поддержанныя всею Европою! Подобное негодованіе, если оно искренно, было бы наивно. Неужели существуютъ такіе интеллигентные люди, которые не понимаютъ, что за этими оффиціальными представленіями и приглашеніями стоятъ интимныя сношенія съ Портой англійской и австро-мадьярской дипломатіи, и что ими сообща сочиняются всѣ оффиціальные отвѣты и всѣ важнѣйшія мѣры, направленныя къ подавленію и истребленію православнаго славянства.

Войну угнетенныхъ славянъ съ турецкой ордой я понимаю только какъ войну въ высшей степени энергичную, войну безпощадную, безъ колебаній и безъ устали. А иначе не слѣдовало совсѣмъ и начинать ее. Вотъ почему на русскихъ патріотовъ производили и производятъ тяжелое впечатлѣніе слухи о колебаніи въ Бѣлградѣ и постоянные переговоры о перемиріяхъ. Не рѣшаемся, впрочемъ, винить исключительно сербовъ, въ виду извѣстій о томъ, что на нихъ производятъ давленіе въ этомъ смыслѣ не одни враги славянства. Система пріостановокъ и толки о перемиріяхъ уже начали обнаруживать свои плоды. Вожди арміи вмѣсто того, чтобы всецѣло отдаться своимъ стратегическимъ боевымъ задачамъ, принуждены бороться съ политикой колебаній и пріостановокъ. Отсюда раждаются новыя затрудненія. Чтобы протестовать противъ всякой попытки къ постыдному миру, армія выдвигаетъ вопросъ о королевскомъ достоинствѣ.

Говорятъ, будто продолжительное перемиріе необходимо въ виду имѣющей открыться европейской конференціи по Восточному вопросу. Но во-

* Русскій Міръ. 1876, № 240.

первыхъ, одно другому не мѣшаетъ. Мало того: энергическая борьба только и можетъ ускорить какое либо дипломатическое рѣшеніе; разъ борьба прекращена,—и именно въ то время, когда сербы даже не изгнали еще враговъ съ своей почвы,—конференція, конечно, послужитъ только простою формальностію для возстановленія status quo. А во-вторыхъ, въ виду продолжающихся кровавыхъ истязаній Болгаріи, вопіющихъ о немедленномъ вмѣшательствѣ, предлагаемая конференція, очевидно, имѣетъ своею дѣйствительною цѣлью только устранить это вмѣшательство и оттянуть дѣло въ долгій ящикъ. Если бы вопросъ и впредь пошелъ такъ, какъ онъ, отъ имени Европы, поставленъ англо-австрійскою политикой, то мы не ошибемся предсказывая славянской борьбѣ такой же исходъ, какой имѣло критское возстаніе, тянувшееся цѣлые два года. Высказывая свое мнѣніе, что съ турками не слѣдуетъ заключать никакого перемирія, а слѣдуетъ добиваться во что бы то ни стало—мира, *обезпечивающаго славянамъ человѣческія права*, я надѣюсь, что высказываю только общее мнѣніе друзей святаго дѣла.

Отъ 7 октября *.

На этотъ разъ я имѣю въ виду сдѣлать только небольшое дополненіе къ своимъ предыдущимъ письмамъ, такъ какъ всему есть предѣлъ. Ежедневной печати, по крайней мѣрѣ отчасти, свойственно увлекаться впечатлѣніями минуты, и иногда въ теченіе одной недѣли нѣсколько разъ переходить то къ опасеніямъ европейской войны, то къ надеждамъ на мирный исходъ вопроса. Она могла придавать серьезное значеніе «митингамъ негодованія» и толковать о рѣшительномъ поворотѣ общественнаго мнѣнія въ Англіи. Она можетъ все еще разсуждать о переговорахъ, которые происходятъ между Турціей съ одной стороны и Европой — съ другой; какъ будто въ данномъ случаѣ существуетъ Европа, противоположная Турціи. Для людей же, наблюдающихъ общій ходъ и направленіе событій, выяснилось самое главное—вопросъ достигъ своего критическаго момента. Отъ рѣшеній, которыя будутъ приняты недалѣе какъ въ теченіе ближайшаго мѣсяца, зависитъ исходъ. Если упомянутое общее направленіе остается то же какъ и прежде, то по всей вѣроятности произойдетъ слѣдующее. Турція (собственно Англ [illegible] широко воспользуется системою переговоро[illegible] ѣ вы-

---

* Русскій Міръ. 187[illegible]

грать наступающее для нея критическое время. Недаромъ она запросила сначала шестимѣсячное перемиріе. Она знала, что едва ли на этотъ срокъ получитъ согласія; но она разсчитываетъ, что если выторгуетъ хотя половину или около того, то ей достаточно, чтобы пережить критическій моментъ. Уже самое время, которое будетъ употреблено на достиженіе перемирія, есть для нея чистый выигрышъ; чѣмъ оно позднѣе будетъ заключено, тѣмъ для нея выгоднѣе. Притомъ перемиріе это она, конечно, постарается обставить такими условіями, которыя опять-таки будутъ выгодны только ей одной. Впрочемъ, и короткій срокъ по истеченіи своемъ можетъ быть продолженъ, какъ уже почти ей и обѣщано. Слѣдовательно, осень и зима, т.-е. самое благопріятное время для успѣховъ сербской борьбы, а также и для вооруженнаго занятія и устройства злополучной Болгаріи, это время можетъ истечь въ переговорахъ и конференціяхъ. Хорошо, если они приведутъ къ какимъ-нибудь соглашеніямъ. Въ противномъ случаѣ въ февралѣ или мартѣ враги славянства могутъ уже съ любезною откровенностью объявить: «теперь, если вамъ угодно воевать съ уменьшенными шансами на успѣхъ, извольте начинать; вы приготовились, но вѣдь и мы время не теряли».

Итакъ, въ случаѣ передвиженія центра тяжести съ осени на весну, я считаю своимъ долгомъ сказать, что такъ далеко мои надежды не простираются. Впрочемъ, поднимая свой слабый голосъ въ пользу того, что мы *должны* дѣлать, я, конечно, не имѣлъ и не имѣю притязанія единолично и категорически рѣшать вопросъ о томъ, что мы *можемъ* сдѣлать. Да и самая разработка программы дѣйствія не всегда удобна для печати въ подобнаго рода вопросахъ, а тѣмъ болѣе, если эта программа неизвѣстна намъ даже въ своихъ общихъ чертахъ; ибо мы имѣемъ дѣло собственно съ разнообразными извѣстіями и слухами.

Отъ 13 октября *.

Въ виду того, что и въ настоящее критическое время общее направленіе и характеръ событій остаются все тѣ же, я не только не считаю удобнымъ продолжать свои письма въ прежнемъ тонѣ, но и думаю совсѣмъ ихъ прекратить. Большая часть сомнѣній и опасеній, выраженныхъ нами слишкомъ скоро оправдывалась на дѣлѣ. Между прочимъ, недаромъ же жали мы противъ толковъ о перемиріи, именно въ настоящую

* Русскій Міръ 1876 г. № 255.

когда нужны или миръ, или немедленная война. Отчаянныя усилія сломить сербовъ, которыя дѣлаетъ теперь турецкая орда, руководимая англо-мадьярскою дипломатіей, эти усилія, безъ всякаго сомнѣнія, ускорены. Орда пользуется превосходствомъ своихъ силъ, и спѣшитъ нанести рѣшительный ударъ прежде, нежели согласиться на эту пріостановку, которая, въ свою очередь, будучи продолжена на тотъ же срокъ, обезпечитъ за варварской ордой ея побѣду и ея иго надъ славянами. Англо-мадьярскіе дипломаты, очевидно, не такъ близоруки, какъ нѣкоторые наши публицисты, которые продолжаютъ увѣрять, будто успѣхи или неуспѣхи сербовъ не будутъ имѣть вліянія на исходъ вопроса. Приведу другой примѣръ. Едва мы высказали увѣренность, что, въ виду наступающаго критическаго момента, союзники орды широко воспользуются податливостію своихъ противниковъ на переговоры о пріостановкѣ, какъ уже встрѣчаемъ заявленія, будто Австрія не намѣрена отдѣляться отъ союза трехъ императоровъ и будто Англія почти готова предоставить Турцію ея собственной судьбѣ. И у насъ уже нашлись публицисты, которые начинаютъ серьезно говорить о совершающемся поворотѣ въ австрійской политикѣ! Едва ли я ошибусь, если напередъ скажу, что дружелюбіе къ намъ Австріи будетъ идти crescendo до декабря включительно, лишь бы мы не двигались съ мѣста, не занимали бы Болгаріи и дали бы ордѣ возможность пережить критическое время. Въ концѣ декабря, или началѣ января, дружелюбіе къ намъ Австро-Венгріи достигнетъ своего апогея; а затѣмъ пойдетъ diminuendo, такъ что къ апрѣлю мѣсяцу едва ли отъ него останутся какіе слѣды.

Какъ бы ни были велики усилія русскаго общества подать помощь погибающимъ братьямъ частнымъ образомъ,—очевидно, эти усилія могли только продлить борьбу на нѣкоторое время; но они не могутъ достигнуть какихъ-либо рѣшительныхъ успѣховъ и не помѣшаютъ торжеству орды, которую поддерживаютъ западныя державы, и притомъ не частнымъ образомъ, а всѣми возможными средствами: дипломатіей, печатью, офицерами, оружіемъ и милліонами фунтовъ стерлинговъ, взятыхъ прямо изъ государственнаго казначейства! Что же значитъ, въ сравненіи съ этою поддержкою, наши партіи добровольцевъ и наши денежныя пожертвованія? Мы даже не могли доставить имъ оружія въ необходимомъ количествѣ. Драгоцѣнное время проходитъ въ безплодныхъ переговорахъ, твердая почва готова уйти изъ-подъ нашихъ ногъ, враги славянства близки къ своему торжеству. Въ такую критическую минуту позволимъ себѣ напомнить русскому народу нѣкоторыя изъ основныхъ [illegible] его характера,—это: терпѣніе при всѣхъ испытаніяхъ, [illegible]

данность своимъ вождямъ и вѣра въ свое великое будущее. А пока жива Россія—не погибнетъ славянство.

Изъ всѣхъ предлагаемыхъ писемъ общій выводъ слѣдуетъ тотъ, что авторъ ихъ стоялъ за дѣятельную энергичную политику въ тѣ дни, когда драгоцѣнное время тратилось на безплодные дипломатическіе переговоры. Когда ясно обнаружилась для Сербовъ невозможность выдти побѣдителями изъ борьбы, онъ указывалъ на необходимость немедленнаго вмѣшательства, не дожидаясь катастрофы. Послѣднее письмо было написано за 5 дней до разгрома сербской арміи на высотахъ Джуниса. Если бы нашъ ultimatum послѣдовалъ не послѣ этой катастрофы, а прежде нея, когда сербская армія еще не была сломлена, то по всей вѣроятности, событія приняли бы нѣсколько иной ходъ. Можетъ быть, во-время предъявленный ultimatum заставилъ бы Порту согласиться на миръ, болѣе или менѣе сносный для Балканскихъ Славянъ, и предупредилъ бы нашу собственную войну съ Турціей. Но что-то такое мѣшало намъ выступить своевременно; какіе-то совѣты и вліянія постоянно парализовали нашу энергію. Въ связи съ этимъ обстоятельствомъ укажу читателямъ на свои намеки относительно той рѣшающей роли, какую должна была играть Пруссія въ нашихъ отношеніяхъ къ Австро-Венгріи и Англіи. Только что приведенныя письма, а также и дальнѣйшія доказываютъ, что отъ наблюденій автора не укрылась та двусмысленная политика, которой уже тогда держался по отношенію къ намъ знаменитый Германскій премьеръ и на которую русская печать еще слишкомъ мало обращала вниманія.

Послѣ Джуниса я въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ воздерживался отъ политическихъ писемъ. Но продолжавшійся жгучій для насъ вопросъ и сдѣлавшаяся неизбѣжною наша собственная война съ Турками побудили меня начать новую серію писемъ въ томъ же Русскомъ Мірѣ.

II.

ПИСЬМА О РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНѢ.

8 февраля 1877 г. *.

Возвышенное настроеніе общества, когда оно живетъ скорымъ, усиленнымъ пульсомъ, какъ состояніе напряженное, конечно, не можетъ длиться цѣлые годы. За этимъ напряженіемъ наступаетъ неизбѣжная реакція, т.-е. желаніе спокойствія и переходъ къ мелкимъ ежедневнымъ интересамъ. Наша старая столица служитъ тому живымъ примѣромъ. Реакція отражается и на ея органахъ печати. Итальянская опера (продолжающая заѣдать Русскую), концертныя собранія, балы и банкеты снова вступили въ свои полныя права. Извѣстно, что русское общество въ настоящее время нуждается въ урокахъ экономіи, и печати никоимъ образомъ не слѣдуетъ поощрять и безъ того укоренившуюся у насъ привычку къ роскоши. Вмѣсто того, чуть ли не въ передовыхъ статьяхъ, мы читаемъ восторженныя описанія какого нибудь «завтрака-обѣда», послѣ котораго дамы успѣваютъ замѣнить свои утренніе туалеты еще болѣе великолѣпными вечерними, со множествомъ бриллiантовъ, и т. п. Или передъ вами панегирикъ какому нибудь дорогому, лукулловскому вечеру съ трактирнымъ оттѣнкомъ. А между тѣмъ нѣкоторые выдающіеся факты изъ умственной или научной дѣятельности, напримѣръ, университетскіе диспуты, проходятся абсолютнымъ молчаніемъ. Но это только къ слову. И въ великомъ, и въ маломъ каждое общество остается вѣрно той степени цивилизаціи, на которой оно стоитъ въ данную минуту. Возвращаясь снова къ тому же сложному вопросу, который продолжаетъ омрачать политическій горизонтъ Европы, увы!—въ концѣ концовъ, надобно сознаться, что и здѣсь ярко отразились всѣ наши достоинства и

* Русскій Міръ, 1877 г. № 39.

недостатки, а главнымъ образомъ обиліе сердечной теплоты и готовности на всѣ жертвы, на ряду съ недостаткомъ политической зрѣлости.

Что касается до насъ лично, то мы были въ числѣ тѣхъ, которые стояли за энергическую политику, пока борьба длилась, пока движеніе было въ полной силѣ. А затѣмъ мы просто повторяемъ общее положеніе, столь единодушно выраженное во всеподданнѣйшихъ адресахъ: Русскій народъ мужественно и самоотверженно исполнитъ то, что будетъ указано ему Верховнымъ Вождемъ.

Общій смыслъ усилій иностранной дипломатіи для меня не подлежитъ сомнѣнію: воспрепятствовать своевременному вооруженному движенію Россіи на Балканскій полуостровъ. Напомню русской публикѣ недавнюю миссію пресловутаго маркиза Салисбери, отъ которой и значительная часть нашей печати, вслѣдъ за своей западной руководительницей, ожидала какихъ-то благъ для несчастныхъ христіанъ. Сколько разъ читали мы извѣстія объ особенной дружбѣ англійскаго и русскаго представителей на конференціи. Въ настоящее время маска уже сброшена, и тотъ же Салисбери принимаетъ поздравленія съ успѣхомъ своей миссіи, т.-е. съ достиженіемъ не оффиціально объявленной тогда, а истинной ея цѣли: выиграть время и поддержать status quo на Балканскомъ полуостровѣ. Напомню также неосновательныя надежды на либеральную оппозицію въ Англіи. Уже самые пріемы ея въ данномъ случаѣ должны были указать на полную ея неосновательность. Либеральные ораторы на митингахъ выражали свое сочувствіе къ христіанамъ общими, ничего не заключающими въ себѣ фразами. Престарѣлый Гладстонъ даже читалъ что-то въ родѣ публичныхъ лекцій, чтобы познакомить англійскую публику съ положеніемъ восточныхъ христіанъ. (Какова же эта публика, доселѣ незнакомая съ ихъ положеніемъ!). А между тѣмъ всѣ эти ораторы тщательно избѣгали прикасаться къ самому корню вопроса: къ турецкимъ тарифамъ и къ безпощадной матерьяльной эксплоатаціи христіанскихъ населеній мнимогуманной націей. Открывшаяся парламентская сессія ясно показываетъ, какой жалкій для христіанъ результатъ дала эта либеральная агитація. И тѣ же самые публицисты, которые старались усыпить насъ ложными надеждами, теперь просто совѣтуютъ намъ разыграть людей наивныхъ, удивленныхъ результатами конференціи и возлагающими призрачную отвѣтственность за ея неуспѣхъ на какую-то миѳическую Европу, тогда какъ дѣйствительная Европа довольна этими результатами.

Много разнорѣчія и перемѣнчивости въ воззрѣніяхъ обнаружила европейская публицистика въ теченіе послѣдняго года. Отсюда на первый взглядъ можно заключить, что она также страдаетъ недостаткомъ поли-

тической зрѣлости. Увы, такое заключеніе было бы несправедливо. Всѣ эти противорѣчія и перемѣны взглядовъ только кажущіеся; все это были только сообразные съ обстоятельствами пріемы, непреклонно ведущіе къ одной цѣли: къ statu quo на Востокѣ, къ недопущенію дѣятельнаго русскаго вмѣшательства. Говорю преимущественно о державахъ, наиболѣе заинтересованныхъ. Преуменьшенія, преувеличенія, запугиванія, измышленія всевозможныхъ комбинацій, — все это направлялось въ одну сторону, въ надеждѣ на нашу недостаточную политическую зрѣлость. Посмотрите на образъ дѣйствій Австро-Венгріи. Держава, которая дрожитъ при одной мысли о серьезномъ столкновеніи съ Россіей, эта-то именно держава является самою неуступчивою. Всякая попытка къ облегченію участи балканскихъ славянъ встрѣчаетъ съ ея стороны непреклонное veto. Даже геройская Черногорія, послѣ всѣхъ тяжкихъ жертвъ и блестящихъ побѣдъ своихъ, не можетъ добиться морскаго порта и расширенія микроскопической территоріи, потому что этого не позволяетъ Австрія. И такихъ великолѣпныхъ для себя результатовъ Австрія достигаетъ не могуществомъ своимъ и не какимъ либо матерьяльнымъ напряженіемъ, а только искусною, хотя бы и безсердечною политикой, умѣньемъ пользоваться тѣми комбинаціями и отношеніями, которыя существуютъ въ данную минуту. Извѣстно, что значительная часть русской публицистики, въ теченіе цѣлаго года, изъ силъ выбивалась, увѣряя Европу въ нашемъ миролюбіи и безкорыстіи. Австрія (вмѣстѣ съ Англіей, конечно) превосходно воспользовалась этими увѣреніями, чтобы направлять событія въ своихъ интересахъ. Учитесь, гг. публицисты, у своихъ противниковъ, учитесь политическому искусству и политической зрѣлости.

---

1 марта 1877 г. *.

Телеграфъ приноситъ тревожныя извѣстія: Турція не приняла протокола! Россія готова слѣдовать энергической политикѣ. Но эти извѣстія тревожны для враговъ славянства; а его друзья могутъ только привѣтствовать энергическую политику. Мы совсѣмъ не сторонники войны во всякомъ случаѣ. Мы постоянно сѣтовали на тѣхъ публицистовъ и дипломатовъ, которые своими слишкомъ усердными увѣреніями въ нашемъ крайнемъ миролюбіи содѣйствовали неуступчивости противниковъ; а тѣмъ самымъ уменьшали шансы наиболѣе мирнаго исхода, т.-е. дѣлали его

* Русскій Міръ, 1877 г. № 86.

несовмѣстнымъ съ нашими интересами, съ нашимъ достоинствомъ. Враги разсчитывали безконечными проволочками утомить насъ и привести въ упадокъ нашъ духъ. Нѣтъ, духъ великаго историческаго народа нельзя сломить въ нѣсколько мѣсяцевъ. Онъ воспрянетъ съ новою силою, при первомъ призывѣ своего Верховнаго Вождя.

Если наша доблестная армія будетъ призвана къ рѣшенію своей настоящей великой задачи, мы всегда останемся на сторонѣ самаго энергическаго образа дѣйствій. Заранѣе хорошо разсчитанные удары конечно будутъ исполнены быстро и рѣшительно, не озираясь на каждомъ шагу по сторонамъ, какъ это было на Дунаѣ въ 1854 г. Враги пугали насъ новымъ избіеніемъ славянъ при первомъ движеніи русской арміи. На это можно отвѣчать только одно: новое избіеніе сниметъ съ насъ всѣ бывшія дипломатическія обязательства по данному вопросу. Чѣмъ болѣе прольется крови беззащитныхъ населеній, тѣмъ радикальнѣе должно быть ихъ освобожденіе и очищеніе ихъ земли отъ мусульманъ. Кромѣ того, большую пользу могутъ оказать летучіе конные отряды, которые истребляли бы (буквально) шайки черкесовъ и башибузуковъ на самомъ мѣстѣ ихъ звѣрства. Впрочемъ, мы говоримъ все это только на случай; ибо возможно и то, что сегодня же или завтра телеграфъ принесетъ намъ извѣстія уже другаго свойства. Могутъ завязаться новые переговоры; а между тѣмъ, пока черногорцы остаются въ выжидательномъ положеніи, Орда успѣетъ подавить миридитовъ и затѣмъ принудить Черную Гору къ миру, на основаніяхъ statu quo. Англо-австрійскіе друзья Орды конечно не дремлютъ.

Удаленіе отъ дѣлъ, хотя бы и временное, князя Бисмарка не могло, конечно, не обратить на себя вниманіе европейскаго общества. Весьма понятны знаки сожалѣнія, заявленные по этому поводу, многочисленные, но далеко не всеобщіе. Не говоря о французахъ, славяне также не имѣютъ доселѣ данныхъ для того, чтобы питать это сожалѣніе. Пока князь Бисмаркъ стоялъ во главѣ германской политики, со стороны Германіи не было сдѣлано ни единаго серьезнаго шага на поддержку святаго для насъ дѣла. Мы нисколько не умаляемъ великаго историческаго значенія, которое эта грандіозная личность получила въ новѣйшихъ судьбахъ Европы. Его ставятъ выше Кавура. Справедливость, однако, требуетъ замѣтить, что у Кавура не было подъ рукою милліонной и превосходно-организованной арміи. Онъ съумѣлъ воспользоваться временнымъ союзомъ съ Фра[illegible]чо такого вѣрнаго, надежнаго союзника,

1 [illegible]чо, что присоединеніе Шлезвигъ-Голь-

[illegible]ли бы сомнительны, не смотря на

милліонную армію, при другихъ отношеніяхъ съ Россіей. Казалось бы, Россія имѣла нѣкоторое право на сочувствіе, въ свою очередь. Что же сказалъ о нашихъ отношеніяхъ князь Бисмаркъ въ прошломъ ноябрѣ мѣсяцѣ въ своей парламентской рѣчи? Онъ распространился о томъ, что Пруссія въ Крымскую кампанію сохранила нейтралитетъ, не смотря на всѣ приглашенія присоединиться къ врагамъ Россіи и объявить ей войну. Оказывается, слѣдовательно, что мы еще остались въ долгу у своей сосѣдки; по крайней мѣрѣ отчасти, такъ можно было понять это напоминаніе, если только оно не намекало на нейтралитетъ настоящій. Выиграютъ ли что нибудь балканскіе христіане съ перемѣною въ германскомъ министерствѣ,—я не знаю: фактъ тотъ, что до сихъ поръ съ этой стороны они не имѣли никакой серьезной поддержки. А только такая поддержка и могла бы укрѣпить прежнюю дружбу, не въ одномъ прошедшемъ плодотворную для Пруссіи.

У насъ нашлись досужіе публицисты, которые усердствовали въ своихъ примирительныхъ увѣщаніяхъ по отношенію къ Германіи; она якобы только и ждетъ усложненій на Востокѣ, чтобы снова наброситься на Францію и доканать ее. Во-первыхъ, прежде надобно было справиться, на сколько слухи о подобныхъ намѣреніяхъ серьезны и не составляютъ ли они тоже какого либо маневра. А во-вторыхъ, какая намъ необходимость, скажу болѣе, какая выгода являться примирителями прежде времени! Да и самое настоящее затруднительное положеніе наше не есть ли отчасти слѣдствіе того, что мы, начиная съ конца XVIII вѣка, усердное вниманіе посвящали чуждымъ интересамъ? А что касается до замысловъ доканать Францію, то я позволю себѣ нѣкоторое сомнѣніе. Въ настоящее время, она лучше вооружена и приготовлена, чѣмъ въ 1870 г. Весьма рискованъ былъ бы разсчетъ найти тамъ повтореніе Седана и Меца. Не все же имѣть дѣло съ такими полководцами какъ Базенъ!

---

5 апрѣля, 1877 г. *).

Теперь, когда высокомѣрное упорство Орды дѣлаетъ войну неизбѣжною, теперь мы можемъ съ полною откровенностію сказать о томъ, что руководило нами въ предыдущихъ письмахъ. Во-первыхъ, съ самаго начала дѣйствовавшее сознаніе, что для Россіи наступаетъ великой важ- историческій моментъ, устраниться отъ котораго она не можетъ,

---

*) *Міръ*, 1877 г. № 91.

еслибы и хотѣла. А во-вторыхъ, вытекавшее отсюда горячее желаніе своевременной энергической политики. Повидимому многіе считали насъ въ числѣ самыхъ усердныхъ сторонниковъ войны. А въ дѣйствительности мы прежде всего были сторонниками энергичныхъ и своевременныхъ мѣръ. Великая держава всегда должна быть готова къ войнѣ, т.-е. всегда готова оружіемъ отстаивать свою честь и свои интересы, моральные и матеріальные, и въ крайнемъ случаѣ мы должны были имѣть ее въ виду. Народъ, который въ теченіе одного полустолѣтія выдержалъ двѣ борьбы съ двумя громадными коалиціями, во главѣ которыхъ стояли два Наполеона,—такой народъ не могутъ запугать ни британскіе торгаши, ни австрійскіе нѣмцы, жиды и мадьяры.

Но энергичныя мѣры еще не означаютъ войны. Иногда бываетъ наоборотъ: своевременно принятыя, онѣ предупреждаютъ ее. Та самая Орда, которая въ настоящую минуту высокомѣрно отвѣчаетъ отказомъ на самыя ничтожныя требованія, на какія уступки не пошла бы она въ прошломъ августѣ или сентябрѣ мѣсяцѣ, въ случаѣ энергическаго образа дѣйствій! Но тогда было время глашатаевъ крайняго миролюбія. Напомню читателямъ, что послѣ Дюниша, если я и написалъ еще нѣсколько писемъ, то главнымъ образомъ въ качествѣ наблюдателя текущей исторіи, а не проповѣдника какихъ либо мѣръ. Пришлось уже просто ждать развитія событій въ томъ направленіи, которое они получили, благодаря такъ называемому европейскому концерту. А они развивались съ замѣчательною послѣдовательностію и правильностію. Та фальшь, которая лежала въ основѣ этого концерта, неизбѣжно должна была привести дѣла къ ихъ настоящему положенію. Теперь, когда враги выиграли то время, какое имъ было нужно, и приготовились, теперь и бывшіе друзья крайняго миролюбія заговорили воинственнымъ тономъ. Считаю для себя не лишнимъ указать на все это, въ виду той путаницы и того тумана, который въ данномъ случаѣ умѣютъ напускать нѣкоторые органы ежедневной печати. Конечно, Промыслъ ведетъ народы путями многообразными и часто неисповѣдимыми, и иногда обращаетъ имъ во благо самыя ихъ ошибки. Но это не избавляетъ насъ отъ сознательнаго отношенія къ своему образу дѣйствія и къ своимъ задачамъ.

Если разъ война рѣшена, то мы опять-таки будемъ на сторонѣ самой энергичной политики, по отношенію не только къ военнымъ дѣйствіямъ, но и къ нашей готовности на всѣ возможныя случайности и усложненія. Если у насъ нѣтъ надежнаго союзника, который бы обезпечивалъ намъ такой же нейтралитетъ, какой былъ обезпеченъ нами въ 1870 г., то *необходимо было* бы заранѣе усилить наши военныя средства. А въ числѣ

этихъ усиленныхъ средствъ, конечно, самое главное есть своевременная подготовка земскаго ополченія, на основаніяхъ устава 1874 г. Мало того, чѣмъ болѣе и своевременнѣе развернемъ мы свои силы и свою энергію, тѣмъ менѣе будетъ и вѣроятностей на европейскую войну.

Да, подумаешь, какъ неуклонно совершается историческое движеніе! Какихъ уступокъ, казалось, не дѣлала Россія, чтобы добиться мирнаго исхода? Ничто не помогло. Кому суждено быть Освободителемъ, Тотъ исполнитъ свою миссію до конца.

---

8 мая 1877 г. *.

То, что предсказывалось нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, сбывается теперь съ буквальною точностью. Я говорю о непосредственномъ участіи Англіи въ нашей войнѣ съ турецкою ордою. Наиболѣе благодушная часть нашей публики можетъ утѣшаться резолюціями Гладстона о восточномъ вопросѣ; но люди серьезные, отдавая справедливость благороднымъ, хотя и безплоднымъ усиліямъ маститаго государственнаго человѣка, не могутъ закрывать глазъ на истинныя отношенія къ намъ Британіи. Во-первыхъ, она не только приготовила Орду къ войнѣ, выиграла нужное для того время, но снабдила ее и продолжаетъ снабжать деньгами, боевыми снарядами, офицерами и даже генералами. Самая война возникла главнымъ образомъ вслѣдствіе поджигательства Орды кабинетомъ Биконсфильда; въ этомъ едва ли теперь можетъ кто сомнѣваться. Какихъ нелѣпостей не распускала туркофильская печать! Между прочимъ толковалось, будто Порта не можетъ распустить свои полчища, за неимѣніемъ средствъ уплатить имъ жалованье. Война требуетъ несравненно громаднѣйшихъ издержекъ, и однако онѣ покрываются. Положимъ, полчища свои Орда прежде всего содержитъ грабежемъ христіанскихъ населеній; но затѣмъ все-таки нужно еще много денегъ. Ихъ доставляютъ ей всесвѣтные торгаши. Далѣе, они принуждаютъ Египетъ отправлять его войска противъ насъ. Они держатъ огромныя морскія силы въ турецкихъ водахъ для устрашенія греческихъ провинцій и предупрежденія всякой попытки съ той стороны. Эта фактическая военная охрана турецкаго владычества даетъ возможность Ордѣ устремить почти весь свой броненосный флотъ въ Черное море для разоренія нашихъ береговъ. Они употребляютъ всѣ усилія застращать Персію, чтобы обезпечить Орду и съ той стороны. Они

---

* Русскій Міръ, 1877 г., № 125.

направляютъ не только политику послѣдней, но и руководятъ ее въ стратегическомъ отношеніи. Ихъ явно враждебное положеніе препятствуетъ намъ употребить въ дѣло наши главныя морскія силы, которыя принуждены бездѣйствовать въ Балтійскомъ морѣ, тогда какъ они необходимы въ Архипелагѣ. Другая часть этихъ силъ принуждена пока бездѣйствовать въ океанѣ.

Британская политика, кромѣ того, старается всѣхъ и все возбуждать противъ насъ и вездѣ сѣять намъ затрудненія. И все это совершается подъ именемъ нейтралитета! Мы не сомнѣваемся, что ея дѣятельность въ этомъ направленіи будетъ все болѣе развиваться вмѣстѣ съ развитіемъ Русско-турецкой войны. При такихъ условіяхъ, т.-е. при такой усердной и широкой помощи, Орда можетъ оказать серьезное сопротивленіе, т.-е. война можетъ затянуться. Весьма вѣроятно, чтобы принудить враговъ къ миру, придется идти на Константинополь. А въ такомъ случаѣ, судя по заявленіямъ британскихъ торгашей, открытое столкновеніе съ ними окажется неизбѣжнымъ. Отсюда самъ собою является вопросъ: не будетъ ли благоразумнѣе заранѣе принять соотвѣтствующія мѣры? Въ числѣ этихъ мѣръ я разумѣю и своевременное подготовленіе русско-индійской экспедиціи. То, что считалось неисполнимымъ въ концѣ прошлаго столѣтія, въ настоящее время можетъ быть уже предметомъ серьезнаго вопроса, благодаря инымъ условіямъ.

Въ настоящее время умѣстнѣе всего воскрешать суворовскія правила, геніальность которыхъ подтверждена всѣми войнами послѣдняго времени. Во-первыхъ, рѣшительное преимущество наступательнаго образа дѣйствій; а во-вторыхъ, гдѣ по обстоятельствамъ мы вынуждены къ оборонѣ, то Боже упаси отъ обороны пассивной. Говорю это въ виду молодецкаго поиска, предпринятаго пароходомъ «Константинъ» со стороны Ріона. Признаюсь, меня лично этотъ неудавшійся поискъ порадовалъ болѣе, чѣмъ удачное взорваніе турецкаго монитора передъ Браиловымъ. Послѣднее событіе не можетъ оказать какого либо значительнаго вліянія на ходъ войны; тогда какъ активная оборона нашихъ черноморскихъ береговъ болѣе чѣмъ желательна.

Изъ письма отъ 13 мая 1877 г. *.

Продолжаю рѣчь о томъ же, о чемъ говорилъ въ предыдущемъ письмѣ. Наша печать, а слѣдовательно и общественное мнѣніе, кажется, слишкомъ мало обращаютъ вниманія на мнимый британскій нейтралитетъ. Я предлагаю назначить громадную премію тому, кто доказалъ бы его существованіе. Напротивъ, объявляя нейтралитетъ оффиціально, Британія фактически ведетъ съ нами войну самую ожесточенную. Для полноты этой войны недостаетъ только одного: ея военнаго флота въ Балтійскомъ морѣ. Ибо въ Черномъ морѣ мы уже имѣемъ дѣло съ частью морскихъ силъ Англіи, только подъ турецкимъ флагомъ. По послѣднимъ извѣстіямъ даже на Дунаѣ оказалось присутствіе англійскихъ канонирокъ. На сухомъ пути англійскіе инженеры и офицеры участвуютъ въ войнѣ на всѣхъ пунктахъ. Англійскіе боевые снаряды, направляемые этими офицерами, уже вырвали не мало и будутъ все болѣе и болѣе вырывать жертвъ изъ нашихъ рядовъ. Попытки возмутить противъ насъ кавказскія племена совершаются подъ очевиднымъ руководствомъ британцевъ. Спрашиваю: что же могутъ они еще прибавить къ этому, если бы мы объявили имъ войну? Отъ 20 до 30 тысячъ десанта, что для нашей доблестной арміи не составило бы большаго разсчета! Появленіе англійскихъ броненосцевъ въ Балтійскомъ морѣ, если этому появленію не воспрепятствуетъ возможный союзъ Россіи, Пруссіи и Даніи? Но, при системѣ подводныхъ минъ и минныхъ катеровъ, едва ли непріятельскій флотъ можетъ имѣть большое вліяніе на исходъ борьбы. За то враги наши рисковали бы громадными потерями въ океанѣ, гдѣ нашимъ крейсерамъ было бы полное раздолье. Кто же мѣшаетъ намъ для усиленія крейсеровъ, т.-е. для вящшаго нанесенія удара непріятелю, купить въ Сѣверной Америкѣ десятокъ или два легкихъ на ходу пароходовъ и посадить на нихъ часть осужденнаго на бездѣйствіе Балтійскаго экипажа, часть Каспійскаго и произвести наборъ моряковъ на нашихъ прибрежьяхъ, особенно между отважными Поморами? Слѣдовательно, даже безъ индійской экспедиціи открытая война съ нами была бы слишкомъ невыгодна. Поэтому встрѣчающіеся газетные толки о намѣреніи Англіи немедленно и формально объявить войну вѣроятно возбуждаются съ задними мыслями. Она объявитъ ее только въ случаѣ, если ей удастся составить большую коалицію; но таковую составить весьма и весьма трудно. А до того времени

Русскій Міръ, 1877 г., № 131.

она будетъ продолжать свой настоящій образъ дѣйствія, при которомъ ничѣмъ не рискуетъ, кромѣ извѣстныхъ денежныхъ расходовъ. Но то, что выгодно нашимъ врагамъ, для насъ составляетъ конечно совершенно обратную сторону.

Никогда мы не говорили о легкости предстоявшей намъ борьбы: мы говорили только о ея неизбѣжности, о развитіи надлежащей энергіи и своевременныхъ мѣръ (куда относимъ и государственное ополченіе). Напоминаемъ о томъ возможнымъ еще въ нашемъ обществѣ благодушнымъ людямъ, которые на освобожденіе славянъ смотрятъ какъ на военную прогулку за Дунай. Нѣтъ, мы имѣемъ дѣло съ врагами многочисленными, а главное ловкими и ехидными.

Въ виду британскаго non possumus странными являются толки о какой-то демаркаціонной линіи между русскими и англійскими интересами. Наши интересы въ настоящей борьбѣ—святые и человѣческіе; тогда какъ англійскіе такого свойства, что въ парламентѣ о нихъ совѣстно говорить громко, и они только подразумѣваются. У насъ все еще повторяются иногда опасенія захватовъ, которые имѣются въ виду Британіей. Повторяемъ снова о томъ, что Британія прежде всего старается отстоять на востокѣ status quo, которое даетъ ей возможность эксплуатировать рабство многихъ христіанскихъ населеній, стонущихъ подъ варварскимъ игомъ. И только въ крайнемъ случаѣ, т.-е. если ей не удастся отстоять мусульманское иго, она намѣрена произвести захваты Египта, Крита, Дарданелъ и пр. Но объ этихъ захватахъ мы можемъ не особенно безпокоиться, такъ какъ они затрогиваютъ интересы почти всей Европы. Для насъ важны только Дарданелы. А въ такомъ случаѣ мы принуждены будемъ добиваться пункта на другомъ концѣ проливовъ, т.-е. при выходѣ изъ Босфора въ Черное море, чтобы обезпечить себѣ свободный путь черезъ проливы и предупредить на будущее время варварское разореніе нашихъ Черноморскихъ береговъ,—разореніе, которое совершается въ настоящее время подъ руководствомъ англійскихъ моряковъ. Пока мы будемъ находиться подъ угрозою подобнаго варварства, развитіе и процвѣтаніе нашихъ южныхъ окраинъ весьма затруднительно.

Всякіе переговоры съ Англіей о какой-то демаркаціонной линіи могли бы имѣть только одно послѣдствіе: ослабить нашу энергію на театрѣ войны, затянуть борьбу съ Ордою и свести наши усилія и жертвы къ ничтожнымъ результатамъ. Несравненно практичнѣе, разумнѣе и цѣлесообразнѣе заняться разработкою вопроса объ экспедиціи въ Индію. Умно задуманный и молодецки выполненный походъ на Хиву въ этомъ случаѣ *послужилъ* для насъ отличнымъ опытомъ. Я полагалъ бы, что и

въ Индію ведетъ точно также не одинъ путь. Если конвенція съ Афганистаномъ откроетъ намъ доступъ туда съ сѣверо-запада, то конвенція съ Китаемъ можетъ открыть намъ путь съ сѣверо-востока. Доселѣ мы не пользовались своимъ положеніемъ въ Азіи для борьбы съ британскими торгашами. Ихъ непримиримая вражда должна же наконецъ обратить наше вниманіе въ эту сторону и побудить насъ къ соглашеніямъ съ элементами имъ не симпатичными, какъ въ самой Индіи такъ и внѣ ея. Не повторимъ же мы ошибокъ прошлой кампаніи, когда ограничились одной пассивной обороной, не подозрѣвая того, что въ это время уже скоплялась гроза надъ нашими врагами въ самомъ ихъ чувствительномъ пунктѣ, и что, можетъ быть, при болѣе дальновидной политикѣ съ нашей стороны, гроза разразилась бы годами полутора ранѣе. Если подготовлять экспедицію, то теперь самое время, чтобы приготовить ее приблизительно къ августу, когда можетъ быть начать походъ, а не позднѣе октября, когда надобно уже быть на мѣстѣ дѣйствія. Я говорю все это въ полной увѣренности, что событія оправдаютъ мои слова, если мы рѣшились хотя бы только на половину подвинуть Балканскій вопросъ къ благополучному разрѣшенію. Если Богъ благословитъ наше предпріятіе въ Остъ-Индію, то контрибуція, которую мы можемъ взять съ Британіи, съ лихвою вознаградитъ наши издержки.

Ожидаемъ дальнѣйшихъ поисковъ противъ непріятельскихъ броненосцевъ, со стороны удалыхъ русскихъ моряковъ. Факты сами указываютъ намъ средство для успѣшной борьбы не только съ турецкою армадою, но и съ британской (съ послѣдней, можетъ быть, въ недалекомъ будущемъ). Легкіе на ходу пароходы и миноносные катера оказываются самымъ пригоднымъ орудіемъ для активной обороны; наше морское вѣдомство, конечно, поведетъ это дѣло систематически и дастъ ему надлежащее развитіе, а русское молодечество обѣщаетъ ему хорошую будущность.

Счастливая Румынія начинаетъ свое военное поприще подъ могущественною эгидою Россіи, и потому ей не грозитъ такой ударъ, который постигъ Сербію. Но стремленіе послѣдней держать себя въ уровень съ сосѣдкой и также получить полную независимость совершенно естественно и справедливо. Она тяжелыми жертвами купила себѣ это право. Впрочемъ, пока мы не совѣтовали бы и той, и другой безъ крайней надобности тратить свои силы: ихъ небольшія арміи могутъ намъ пригодиться. Другое дѣло греки, которые, вмѣсто страха передъ Британіей, могли бы уничтожить ея торговлю на Средиземномъ морѣ. Если они и теперь останутся зрителями, то пусть послѣ пеняютъ только на самихъ себя.

---

22 мая 1877 г. *.

Какъ быстро и радикально мѣняются нѣкоторыя симпатіи въ послѣднее время! Еще недавно англоманія была въ значительной степени распространена въ нашемъ обществѣ и всякій несочувственный отзывъ объ Англіи подвергался глумленію. Любопытно, что эта англоманія распространилась въ нашей средѣ преимущественно послѣ Крымской кампаніи. Явное доказательство, какъ мало еще русское общество было посвящено въ тотъ механизмъ, который заправляетъ восточнымъ вопросомъ съ береговъ Альбіона. А между тѣмъ, пружины его остались тѣ же самыя и дѣйствуютъ онѣ точно также. Но общество русское въ то время еще не было призвано къ живому участію въ политическихъ вопросахъ первой важности, и понятно, что нѣкоторыя ихъ стороны оставались для него не разъясненными. Теперь же, когда наши противники на Востокѣ увидали передъ собою не одну правительственную силу, но и общественную, естественно, такая перемѣна возмущаетъ ихъ желчь. Отсюда ядовитые намеки на внутреннюю опасность, якобы грозящую намъ отъ благотворительныхъ комитетовъ, отъ недостаточно стѣсненной печати и т. п. И это проповѣдуютъ тѣ самые люди, которыхъ мы въ простотѣ души такъ еще недавно считали верхомъ просвѣщенія, либерализма и гуманности! Извѣстно, что наши прежнія ошибки въ Восточномъ вопросѣ проистекали, главнымъ образомъ, отъ усердія въ охранительномъ направленіи, которымъ съумѣли ловко воспользоваться наши мнимые союзники. Отсюда военная поддержка Турецкой имперіи въ 1833 г., когда она готова была расколоться на двѣ враждебныя другъ другу половины. Отсюда военное вмѣшательство для сохраненія распадающейся Австро-Венгріи въ 1849 году. Тѣ легкіе лавры, которые мы стяжали тогда, дорого обошлись намъ въ Крымскую кампанію, и продолжаютъ обходиться до сихъ поръ. Кромѣ прямаго усиленія собственныхъ враговъ, мы дали лишній поводъ нашимъ западнымъ ненавистникамъ при всякомъ удобномъ случаѣ выставлять насъ какими-то противниками прогресса и свободы. Для всѣхъ очевидно, что въ настоящее время роли перемѣнились: обновленная Россія ведетъ войну за христіанство, прогрессъ и свободу; а высоко-цивилизованные противники наши упорно отстаиваютъ рабство христіанъ подъ гнуснымъ мосульманскимъ игомъ. Однако, они все еще пытаются играть на старой струнѣ и затягивать старую пѣсню

Русскій Міръ, 1877 г., № 138.

о завоевательныхъ, разрушительныхъ, ретроградныхъ и т. п. стремленіяхъ Россіи. Но святое дѣло громко говоритъ само за себя, и какъ ни изощряются въ своемъ ехидствѣ наши противники, а въ уваженіи они отказать намъ не могутъ, и какими пышными названіями ни прикрываютъ они своего бездушнаго эгоизма, онъ слишкомъ рѣзко выступаетъ наружу.

Британское торгашество до такой степени подорвало еще недавно процвѣтавшую у насъ англоманію, что теперь мы видимъ явленія обратнаго свойства. Въ настоящую миниту ничто такъ не антипатично русскому обществу, какъ какой либо газетный слухъ о новыхъ переговорахъ съ Англіей. Въ этомъ случаѣ оно обнаруживаетъ только свою чуткость, и показываетъ, что уроки прошлаго не пропали даромъ. Наше общественное мнѣніе уже хорошо понимаетъ, что могутъ означать эти переговоры и къ чему они приведутъ. Встрѣчаются еще такіе наивные корреспонденты, которые думаютъ доставить намъ большое удовольствіе, напримѣръ, сообщая изъ Берлина слухъ о томъ, что посредничество въ этихъ переговорахъ взялъ на себя самъ князь Бисмаркъ. Подобный корреспондентъ очевидно не подозрѣваетъ, что этимъ онъ только усиливаетъ непріятное впечатлѣніе. Другое дѣло, если бы онъ сообщилъ намъ слухъ о готовящейся энергической политикѣ противъ Англіи. Любопытенъ, по этимъ слухамъ, первый условный пунктъ мнимаго англійскаго нейтралитета: чтобы Россія не нападала на Суэзскій каналъ! Будь вмѣсто Суэзскаго канала здѣсь поставлена Остъ-Индія—мы нашли бы такой пунктъ естественнымъ, а каналъ дѣлаетъ его курьезнымъ.

Относительно политическаго положенія Европы въ настоящее время мы отнюдь не можемъ пожаловаться на судьбу: взаимныя роли расположились довольно для насъ выгодно, и вотъ дипломатія спѣшитъ поскорѣе лишить насъ этой выгоды, и, вмѣсто энергическаго отношенія къ Британіи, втянуть въ военные переговоры съ нею. А затѣмъ, конечно, враги наши постараются повторить исторію зимней конференціи: сначала примутся чуть ли не дѣлить Турцію на части, а впослѣдствіи, когда много времени будетъ потеряно, объявятъ, что мы можемъ ограничиться и тѣми трофеями на Дунаѣ, которые уже получили, т.-е. двумя флагами съ двухъ мониторовъ, пожалуй, съ прибавкой румынской независимости и еще какой либо между-народной коммиссіи. Нѣтъ, время дипломатовъ старой школы миновало; теперь время государственныхъ людей.

---

29 мая 1877 года *.

То, на что мы намекали нѣсколько разъ въ своихъ прежнихъ письмахъ, послѣдними извѣстіями повидимому вполнѣ подтверждается. *Наши внѣшнія отношенія не мало усложняетъ политика Берлина.* Подтверждается и то, что мы говорили на счетъ лишнихъ опасеній за Францію, которой будто бы грозитъ новый разгромъ. Случилось нѣчто совершенно обратное: министерскій переворотъ въ Парижѣ произвелъ чуть ли не панику въ Берлинѣ. Казалось бы: откуда же такой перепугъ? Вѣдь Германія пока въ дружбѣ съ Россіей; а берлинская публицистика уже заявляла, что пока мы вмѣстѣ—весь міръ у нашихъ ногъ. Къ Германіи и Россіи на этотъ разъ примыкаетъ и объединенная Италія. Повторяю: что же означалъ этотъ переполохъ и почему первымъ дѣломъ князя Бисмарка было мирить Россію съ Англіей? Откуда эта заботливость о насъ и объ Англіи? По нашему крайнему разумѣнію, руководящая идея тутъ заключается въ стремленіи оградить собственное (нѣмецкое) благополучіе, но такимъ образомъ, чтобы Россія не слишкомъ воспользовалась благопріятными обстоятельствами для полнаго освобожденія Балканскихъ Славянъ и обезпеченія своихъ жизненныхъ интересовъ на юго-востокѣ Европы. Одни только наивные люди не подозрѣваютъ, что дружба съ нами со стороны сосѣдей есть прежде всего предметъ эксплуатаціи. Намъ, въ свою очередь, то же оказываютъ разныя услуги, но съ великимъ разсчетомъ, т.-е. или услуги излишнія (въ родѣ помянутаго посредничества), или услуги такого рода, которыя могутъ быть намъ пріятны, но отъ которыхъ сущность нашей задачи можетъ выиграть очень немного. Факты говорятъ сами за себя. Румынія безъ всякихъ почти условій добилась независимости, и навѣрное, если будутъ протесты, то не сильные. Напротивъ, Сербія не смѣй и думать о такомъ же благополучіи, не смотря на всѣ свои жертвы. Черногорія по прежнему одерживаетъ побѣды и по прежнему довольно безплодныя, такъ что часть Герцеговины и можетъ быть морскаго берега она навѣрное не получитъ. И все это потому, что Австро-Венгрія на то не согласна! *А за послѣднюю является ходатаемъ все тотъ же услужливый Берлинъ, хлопочущій о поддержаніи тройственнаго союза.* Уже исторія пресловутаго Берлинскаго меморандума заставляла подозрѣвать многое. Недаромъ также въ «Синей Книгѣ» опущена бесѣда Салисбери съ германскимъ канцлеромъ. А настоящее посредни-

---

* *Русскій Міръ.* 1877, № 145.

чество въ нашихъ переговорахъ съ Англіей вполнѣ оправдываетъ Славянъ, которые не обрадовались возвращенію Варцинскаго ветерана къ дѣятельному участію въ европейской политикѣ. И вотъ Англія, отъ которой можно всего добиться только энергической политикой, вновь готовится стать между Россіей и ея святой задачей. Впрочемъ, отдадимъ справедливость и нашимъ открытымъ противникамъ, и нашимъ разсчетливымъ друзьямъ: почему же они не должны пользоваться для своихъ цѣлей дипломатіей старой школы, когда представляется къ тому удобный случай? Почему имъ не пользоваться податливостью этой дипломатіи и посольскою услужливостью? Тотъ же князь Бисмаркъ или покойный Кавуръ навѣрно перевернулъ бы вверхъ дномъ Европу и Азію, чтобы освободить своихъ единовѣрцевъ и единоплеменниковъ, имѣя въ своемъ распоряженіи такія громадныя средства и такую доблестную армію, какъ русская.

Обращу кстати вниманіе нашего общества на постоянно повторяющіяся въ послѣднее время извѣстія западной печати объ отчаянномъ положеніи Турціи: народъ мятется; султанъ въ постоянномъ за себя страхѣ; въ Константинополѣ полное уныніе; войска терпятъ страшныя лишенія и теряютъ духъ; въ Карсѣ уже обнаружился недостатокъ съѣстныхъ припасовъ; греки то же не сегодня—завтра возстанутъ. Зданіе Оттоманской имперіи, молъ, рушится само собою, и вамъ останется только подбирать его обломки. Поэтому не спѣшите наступательными дѣйствіями: зачѣмъ дѣлать усилія тамъ, гдѣ и такъ достигните всего, что вамъ нужно. Потолкуемъ лучше пока о томъ, какъ намъ распорядиться наслѣдіемъ умирающаго. Но для кого же теперь не ясно, что за этимъ «повремените» стоитъ задняя (и въ то же время руководящая) идея: пока мы будемъ заниматься «обмѣномъ мыслей», авось удастся поддержать и подкрѣпить излюбленное status quo на Востокѣ, и, если допустить какія-нибудь измѣненія, то самыя незначительныя.

---

5 Іюня 1877 г. *.

Конечно, мы очень благодарны нашимъ сосѣдямъ за разрѣшеніе *неоффиціальнымъ путемъ* собирать пожертвованія въ пользу нашихъ раненыхъ, и за покровительство русскимъ подданнымъ въ предѣлахъ Турецкой имперіи. Впрочемъ, дѣло искренней частной благотворительности, какъ извѣстно, зависитъ отъ степени общественныхъ симпатій (иногда же оно слу-

* Русскій Міръ. 1877 г., № 154.

житъ орудіемъ политическаго разсчета, какъ напримѣръ у англичанъ въ Сербіи); а что касается до помянутыхъ русскихъ подданныхъ, то между ними всего менѣе собственно русскихъ людей: это греки, армяне, жиды и вообще разные инородцы, снабженные русскими паспортами. Въ настоящее время мы нуждаемся въ услугахъ болѣе существенныхъ, чѣмъ наружное примиреніе съ Англіей. Русское общество очень хорошо понимаетъ, что такое примиреніе въ дѣйствительности означаетъ уступки только съ одной стороны и, при томъ, уступки, которыя могутъ привести къ неудобнымъ результатамъ. Другое дѣло, если бы дипломатія, считающаяся намъ дружественною, постаралась внушить Британскому кабинету обязанности дѣйствительнаго нейтралитета и прекратить оффиціозную войну противъ Россіи. Ибо кому же неизвѣстно, что Англія усердно ведетъ эту войну подъ турецкимъ знаменемъ, оффиціально оставаясь державою нейтральною. Этотъ офиціальный нейтралитетъ есть такая же дипломатическая ложь, какъ и оффиціальный европейскій концертъ, и точно также выгоденъ нашимъ врагамъ. Въ нашей печати время отъ времени довѣрчиво повторяются извѣстія о какихъ-то воинственныхъ приготовленіяхъ британскихъ торгашей, и уже намѣченъ предводитель сухопутныхъ силъ, который таинственно сидитъ въ Гибралтарѣ и ждетъ только приказа выступить. Подобныя извѣстія еще менѣе серьезны, чѣмъ недавно распространявшіеся подъ рукою слухи о намѣреніи Германіи раздавить Францію, если Россія пойдетъ освобождать славянъ. Напротивъ, едва только со стороны Франціи показалась небольшая тучка, какъ обнаружилось, что германскіе государственные люди одержимы въ настоящее время самыми миролюбивыми намѣреніями. Но этотъ маленькій испугъ былъ бы ничтоженъ въ сравненіи съ тѣмъ переполохомъ, который произойдетъ въ средѣ англичанъ, если вдругъ получится извѣстіе, что Россія круто повернула свои отношенія съ ними, что она готовится объявить имъ войну, вооружаетъ большое количество крейсеровъ и снаряжаетъ армію для похода въ Остъ-Индію.

Нѣтъ, безъ огромной коалиціи Англія сама не начнетъ противъ насъ открытую войну, а будетъ до конца вести офиціозную, при которой она ничѣмъ не рискуетъ. Если князь Бисмаркъ желалъ отвлечь ее отъ союза съ двумя католическими державами противъ Германіи, то, кажется, естественнѣе всего было бы погрозить ей своимъ тѣснымъ союзомъ съ Россіей и помянутымъ крутымъ поворотомъ въ политикѣ послѣдней. Экспедиція въ Остъ-Индію совсѣмъ не есть праздная мечта. Еще въ концѣ прошлаго и началѣ настоящаго вѣка о ней серьезно думалъ такой военный геній, какъ Наполеонъ I. И если бы она не была возможна, то не

кила бы постояннымъ кошмаромъ для британскихъ торгашей и они окружали бы насъ въ Азіи паутиной всевозможныхъ предосторожно- въ этомъ отношеніи. *Однако, германскій канцлеръ предпочелъ потать о какомъ-то примиреніи*, и вновь посыпались толки объ ійскихъ интересахъ. На передній планъ былъ выдвинутъ вопросъ огражденіи Суэзскаго канала отъ воюющихъ сторонъ, и этотъ для ъ въ сущности курьезный вопросъ сдѣлался серьезнымъ предметомъ пломатическаго обмѣна мыслей. Англичане главнымъ образомъ оправды- тъ свою безсердечную политику тѣмъ, что, нарушая цѣлость Тур- мы угрожаемъ ихъ сообщеніямъ съ Остъ-Индіей. Подобное оправ- е есть такая же оффиціальная ложь, какъ и другія, на которыя мы ываемъ. Освобожденіе балканскихъ славянъ отъ варварскаго ига не итъ никакимъ сообщеніямъ съ Остъ-Индіей. Нѣтъ, англичане просто отятъ выпустить изъ своихъ эксплуататорскихъ когтей десять мил- овъ христіанскаго населенія. И достопочтенный Гладстонъ, по на- у крайнему разумѣнію, былъ бы ближе къ цѣли, если бы, вмѣсто е-либеральныхъ рѣчей, постарался до очевидности раскрыть ту язву емѣрія, корысти и хищныхъ стремленій, которыя руководятъ дѣй- ями его соотечественниковъ; если бы онъ указалъ имъ, что Божій ъ великъ, и что на земномъ шарѣ есть еще много странъ и народовъ, рые представили бы для британской промышленности и предпріим- сти болѣе достойное поприще, чѣмъ поддержка гнуснаго ига надъ стіанскимъ населеніемъ.

Но положимъ, ни г. Гладстонъ не въ состояніи усовѣстить большин- своихъ соотечественниковъ, ни германскій канцлеръ не въ силахъ шить имъ обязанности дѣйствительнаго нейтралитета. Совсѣмъ въ хъ условіяхъ находится другой нашъ неоффиціальный противникъ, гро-Венгрія. Во время Франко-Прусской войны вѣдь мы же съумѣли тоять на ея дѣйствительномъ нейтралитетѣ. А въ настоящее время нейтралитетъ болѣе чѣмъ сомнителенъ. Негласная поддержка турец- орды всѣми способами точно также ни для кого не тайна. Давленіе Сербію и угрозы занятіемъ въ случаѣ какого либо движенія сербовъ тивъ турокъ даже производятся оффиціальнымъ путемъ. А геройская ногорія совершенно стѣснена въ своихъ движеніяхъ. Австрія не доз- ла ей вести наступательную войну въ Герцеговинѣ—и послѣдствія обнаруживаются. Безопасные съ этой стороны, турки собрали всѣ гарнизоны и обрушиваются на Черногорію. Не смотря на все ге- тво, при такихъ условіяхъ ей можетъ грозить нѣчто подобное Дю- у. Очевидно, *руководимая* британцами и австрійцами, Орда спѣшитъ

воспользоваться временемъ, пока русскія войска остаются на другомъ берегу Дуная. И все это совершается въ то время, когда Черногорія ведетъ войну совмѣстно съ нами, а Австро-Венгрія оффиціально находится съ нами въ тройственномъ союзѣ. Между тѣмъ наши *разсчетливые друзья* хлопочутъ не о дѣйствительномъ нейтралитетѣ своей близкой сосѣдки, а объ ея оффиціальномъ пребываніи все въ томъ же тройственномъ союзѣ. Благодаря подобнымъ оффиціальнымъ отношеніямъ и такъ называемой *локализаціи*, она дѣйствуетъ противъ насъ съ одинаковою безнаказанностію, какъ и Англія. Будемъ ждать того меча, который разсѣчетъ эти Гордіевы узлы.

26 іюля 1877 года *.

Въ прошломъ году, въ разгаръ Сербско-турецкой войны, когда обнаружилась для сербской милиціи невозможность одолѣть орду, имѣющую многочисленную армію и поддержанную двумя великими державами, мы были въ числѣ тѣхъ, которые высказывались въ пользу немедленнаго и энергическаго дѣйствія. Но факты показали, что не друзья, а враги славянскаго дѣла управляютъ событіями. Все шло согласно съ желаніями послѣднихъ. Орда желала имѣть пять мѣсяцевъ сроку для своихъ приготовленій противъ насъ. Благодаря услугамъ дипломатіи, она получила семь мѣсяцевъ (мы считаемъ съ половины сентября, долѣе чего наши надежды не простирались, если читатели припомнятъ), и успѣла еще заручиться разгромомъ Сербіи. То, чего мы ожидали, исполнилось. Орда, съ помощью своихъ друзей, приготовилась какъ нельзя лучше. Сверхъ означенныхъ семи мѣсяцевъ, она получила еще два мѣсяца льготныхъ уже послѣ начала войны, и, руководимая своими ловкими покровителями, съумѣла воспользоваться нашимъ пребываніемъ по сю сторону Дуная, чтобы въ это время разгромить Черногорію и повернуть иначе наши дѣла за Кавказомъ. Мы перешли Дунай и совершили быстрое движеніе за Балканы, заслуживающее полнаго удивленія. Но наши враги многочисленны и ехидны. Съ замѣчательною быстротою австрійскіе и англійскіе пароходы втихомолку перевезли войска изъ Азіи, Египта, Албаніи и проч. По Митровицкой желѣзной дорогѣ они доставлены въ западную Болгарію, стянуты гарнизоны отъ границъ Сербіи, и все это брошено на нашъ правый флангъ. Подобная же операція совершается и противъ нашего лѣваго фланга. У насъ нашлись добродушные люди, ко-

* Русскій Міръ.

торые полагали, что мы будемъ вести войну только съ турками. Нѣтъ, мы имѣемъ дѣло со всѣми силами Англо-Турецкой имперіи и со всѣмъ ехидствомъ Австро-Венгріи. Послѣ перваго сильнаго впечатлѣнія отъ нашихъ успѣховъ, наши открытые враги и мнимые союзники, очевидно, быстро оріентировались, и ловко повели дѣло. Замѣчательно взаимное отношеніе гласности на обѣихъ сторонахъ. Изъ русскихъ армій всюду летятъ извѣстія о всякомъ даже малѣйшемъ движеніи; арміи наши окружены цѣлымъ роемъ шпіоновъ, къ числу которыхъ можно причислить нѣкоторыхъ военныхъ агентовъ и корреспондентовъ. Между тѣмъ о движеніяхъ турецкихъ до насъ доходятъ только самыя неясныя свѣдѣнія. Повторяется то же явленіе, какое было замѣчено въ прошлую Сербско-турецкую войну.

Но если турки и ихъ союзники умѣютъ не только сохранять въ тайнѣ свои движенія, но и сбивать противника умышленно-ложными извѣстіями, то, казалось бы, есть другія средства предохранять себя отъ сюрпризовъ. Мы не сочувствуемъ стараніямъ нѣкоторыхъ органовъ печати все оправдать, всему придать какое-то стратегическое значеніе, даже пораженіямъ. Такія старанія не могутъ быть полезны дѣлу. Нѣтъ, доблесть нашей арміи выше похвалъ, ея беззавѣтное мужество и самоотверженіе удивительны; но развѣдочная часть и самая тактика не всегда имъ соотвѣтствуютъ. Пруссаки въ послѣднюю войну не взяли ни одного города приступомъ; они брали бомбардированіемъ и голодомъ. Ардаганъ и Никополь показали, что съ турками можно быть рѣшительнѣе. А Зивинъ и въ особенности Плевна напомнили, что нельзя же, не собравъ достаточно войска, не развѣдавъ непріятельскихъ силъ и позицій, не подготовивъ успѣха бомбардировкой, не сдѣлавъ обхода, прямо штурмовать ихъ съ фронта. Нѣкоторые органы печати начали сваливать отвѣтственность на какую-то румынскую дивизію Ману. Наши отцы и дѣды выигрывали кампаніи у турокъ безъ всякой посторонней помощи. Румынская армія, такъ же какъ и сербская пока могутъ быть только въ запасѣ, на случай расширенія театра войны. А основывать серьезныя операціи противъ турокъ на румынской помощи,—этого мы не совсѣмъ хорошо понимаемъ. Другое дѣло, если бы румынская армія, совмѣстно съ русскимъ отрядомъ, занялась осадою Виддина, тогда и самое движеніе Османъ-паши, конечно, не было бы возможно. Но если, съ одной стороны, допускается, чтобы дѣйствія румынскаго войска были предметомъ постоянныхъ соглашеній между нашею и Австрійскою дипломатіей, а съ другой—князь Гогенцоллернъ все еще поддерживаетъ щекотливый вопросъ о командованіи, то какой же можетъ быть разсчетъ на это войско?

Конечно, мы глубоко вѣримъ въ силу праваго дѣла, и въ русскій народъ, и въ русскую армію. Но при случаѣ говорить правду, хотя бы жесткую, считаемъ долгомъ честнаго патріота. Во всякой войнѣ бываютъ неудачи, во всякой арміи найдутся неискусные исполнители превосходныхъ плановъ полководца. Уроки, несомнѣнно, намъ пойдутъ впрокъ. Только тяжело получать ихъ въ настоящемъ случаѣ и не вполнѣ оправдывать довѣріе нашего возлюбленнаго Монарха, отечески соболѣзнующаго о каждой каплѣ русской крови.

---

28 іюля 1877 г. *.

Въ хвалебныхъ, и восторженныхъ возгласахъ, какъ извѣстно, у насъ не было недостатка по поводу всякой, даже самой незначительной, удачи. Беремъ на себя непріятную задачу: говорить о нашихъ неудачахъ. О Баязидѣ у насъ писалось довольно; а Зивинъ почти пройденъ молчаніемъ въ нашей печати; конечно, онъ не произвелъ большаго впечатлѣнія потому, что общественное мнѣніе не придавало событіямъ въ Азіи рѣшительнаго значенія, главное его вниманіе устремилось на Балканскій полуостровъ. Но Зивинъ могъ бы послужить весьма чувствительнымъ предостереженіемъ для образа дѣйствій за Дунаемъ! Мы не обратили на него должнаго вниманія, и получили второе, еще болѣе чувствительное, предостереженіе въ видѣ Плевны. Судя по этому острому впечатлѣнію, которое оно произвело, будемъ надѣяться, что теперь употребятъ всю энергію и всѣ способы избѣжать третьяго предостереженія. Тѣ же вооруженія, тѣ же усилія, годъ тому назадъ имѣли бы, конечно, другіе результаты, и мы питали надежду, что при своевременномъ энергическомъ образѣ дѣйствія дѣло не дойдетъ, можетъ быть, до пролитія крови. Дипломатія рѣшила иначе. А если бы и тогда ультиматумъ повелъ за собой немедленную войну, то 200,000 человѣкъ были бы достаточны для нанесенія надлежащихъ ударовъ. Дипломатія дала Турецкой ордѣ почти годъ срока, и затѣмъ уже открытіе войны сдѣлала для насъ неизбѣжнымъ. Съ помощью Англіи и Австро-Венгріи въ этотъ срокъ Орда успѣла сокрушить Сербовъ и приготовить противъ насъ, кромѣ большаго флота, по крайней мѣрѣ 500,000 войска, въ изобиліи снабженнаго отличнымъ оружіемъ, всѣми военными припасами, а также европейскими офицерами, и даже генералами. Слѣдовательно, тамъ, гдѣ годъ тому назадъ доста-

---

* Русскій Міръ 1877 г., № 205.

точно было двѣсти или двѣсти пятьдесятъ тысячъ, теперь потребовалось для наступательной войны не менѣе пяти сотъ, т.-е. не менѣе того, что выставилъ непріятель, защищающійся въ сильныхъ крѣпостяхъ или въ крѣпкихъ, почти неприступныхъ позиціяхъ. Слѣдовательно, разбрасывать свои силы на большое пространство на томъ и другомъ театрѣ войны мы можемъ только тогда, когда затѣмъ все еще остается значительная свободная армія, которую частями или массой во всякое время можно бросить на любой угрожаемый пунктъ. Если не ошибаемся, въ настоящую минуту въ этомъ именно смыслѣ и совершаются вновь принятыя мѣры. Равнымъ образомъ, будемъ надѣяться, что не повторятся болѣе такіе тактическіе и такъ дорого стоющіе промахи, какъ при Зивинѣ и Плевнѣ; равнымъ образомъ и развѣдочная часть, конечно, получитъ большее развитіе.

Но самая настоятельная нужда заключается въ томъ, чтобы устранить отъ нашихъ военныхъ операцій и отъ нашей арміи всякое вмѣшательство дипломатіи. Правда, князь Бисмаркъ и въ 1866 и въ 1870—1871 гг. неотлучно находился при прусской арміи. Но вѣдь его дѣятельность состояла въ томъ, чтобы оградить для арміи полную свободу ея операцій, и не только оградить ея свободу, но и найти ей союзниковъ.

Телеграммы говорятъ о какихъ-то предложеніяхъ мира на основаніи административной автономіи и христіанскихъ губернаторовъ. Въ свое время, эти условія, конечно, были бы приняты и предупредили бы войну. Но теперь, когда уже потрачено столько дорогой русской крови, когда Государь Императоръ сказалъ свое слово въ извѣстной прокламаціи къ Болгарамъ,—теперь уже поздно. Это не какія-нибудь разглагольствія или двухсмысленныя заявленія гг. Биконсфильда и Андраши. Слово Русскаго Государя священно; за нимъ—весь Русскій народъ.

Пароходъ Константинъ Кауфманъ на Волгѣ. 4 августа, 1877 г. *.

Пишу на пароходѣ по пути въ Казань, гдѣ въ настоящую минуту собрался четвертый археологическій съѣздъ (надобно отдать ему справедливость, минуту выбралъ неудобную). Но отъ послѣднихъ событій и впечатлѣній, отъ тѣснящихся думъ и опасеній никуда не уѣдешь. Продолжаю говорить о нашихъ неудачахъ, пока еще есть время и возможность поправить дѣло. Если выставленныя силы оказались недостаточны, чтобы нездѣ дѣйствовать подавляющимъ образомъ, то болѣе всего требо-

---

Русскій Міръ, 1877 г., № 214.

валось умѣнье держать ихъ во взаимной связи, умѣнье сосредоточиваться, а не разбрасываться; требовалось удвоить военныя предосторожности и обратить вниманіе на развѣдочную часть. А у насъ съ самаго начала обнаружилось какое-то пренебреженіе къ непріятелю, какая-то безпечность и излишняя самоувѣренность. Мы вообразили, что наша задача только занимать Болгарію, а не вести серьезную, тяжелую войну. Мы начали занимать множество пунктовъ, вмѣсто того, чтобы занять важнѣйшіе, и, главное въ нихъ укрѣпиться. Являлся потомъ непріятель въ превосходныхъ силахъ и вытѣснялъ насъ въ свою очередь, какъ это было, напримѣръ, въ Ловчѣ, довольно важномъ пунктѣ. А еще болѣе важный, Плевну, совсѣмъ забыли занять вовремя. А когда вспомнили, то на сцену выступили такіе генералы, которые оказались незнакомыми съ состояніемъ военнаго искусства, какъ оно выработалось послѣдними европейскими войнами. Не соблюдены были даже самыя элементарныя предосторожности. По этому поводу обращу вниманіе также на фактъ злоупотребленія парламентарнымъ флагомъ подъ Шипкой, гдѣ мы потеряли до полутораста человѣкъ только потому, что довѣрчиво отнеслись къ этому флагу. У насъ много возмущались турецкимъ вѣроломствомъ, но я прежде всего упрекаю тѣхъ ротныхъ и батальонныхъ командировъ, которые хотя бы на одну минуту допустили ослабленіе предосторожности между своими частями. Развѣ они все еще не знали, съ какимъ непріятелемъ имѣютъ дѣло! А что сказать о тѣхъ, которые съумѣли попасть въ западню, устроенную для насъ въ Плевнѣ самымъ грубымъ, незатѣйливымъ способомъ? Затѣмъ возьмемъ послѣдующій штурмъ. На сценѣ два генерала, дѣйствующіе независимо другъ отъ друга и безъ тѣсной, взаимной связи. На полѣ битвы не оказалось общаго начальника, который бы все предусмотрѣлъ, все скомбинировалъ, всему далъ единство и своевременность. Изъ двухъ самостоятельныхъ генераловъ одинъ отличается медлительностію, а другой—излишнею горячностью. Вмѣсто того, чтобы бомбардировать два дня, артиллерійская подготовка продолжалась только два часа, и наша превосходная пѣхота пущена въ адскій огонь на крѣпкія позиціи, занятыя болѣе многочисленнымъ непріятелемъ. Зивинъ и Плевна, болѣе 10,000 русскихъ жизней для того только, чтобы получить уроки! Пусть обвиняютъ меня въ излишнемъ пессимизмѣ, въ излишней откровенности, а я все-таки скажу: «Пошли, Господи, поболѣе хорошихъ предводителей нашей доблестной арміи». Тотъ не любитъ Россіи и ея Государя, кто въ настоящую минуту не творитъ этой молитвы.

Равнымъ образомъ, отъ совершающихся теперь усилій будетъ зависѣть исходъ настоящей войны, и авось мы не услышимъ болѣе фразы

о «превосходныхъ силахъ непріятеля». Россія безъ особаго напряженія могла бы выставить на театръ войны вдвое большую армію, чѣмъ турецкая орда, и энергически подавить ея сопротивленіе. Но если употреблять свои силы по частямъ, тогда можно истратить и милліонную армію прежде, нежели добьемся какого нибудь благопріятнаго результата. Во всякомъ случаѣ, я не вижу достаточной причины пріостанавливать намъ наступательный образъ дѣйствій за Дунаемъ хотя бы и на короткое время. Въ такомъ случаѣ мы рискуемъ потерять Балканскіе проходы: тогда пришлось бы начинать кампанію снова. Занятіе этихъ проходовъ должно считать самымъ блистательнымъ дѣломъ, разрѣшившимъ самую трудную задачу. Безъ сомнѣнія, всѣ усилія нашихъ враговъ, явныхъ и лицемѣрныхъ, въ настоящую минуту направлены именно къ возвращенію проходовъ.

Удивляетъ [меня также продолжающаяся незрѣлость значительной части нашей публицистики по отношенію къ политикѣ Австро-Венгріи. Эта публицистика безпрерывно возвѣщаетъ о поворотахъ въ данной политикѣ, и повидимому, наивно вѣритъ имъ. Теперь намъ говорятъ о благопріятной для насъ перемѣнѣ съ этой стороны, т.-е. о вновь возвѣщенномъ намѣреніи сохранять нейтралитетъ, и чуть ли еще не дружественный нейтралитетъ. А между тѣмъ, вотъ уже два года, какъ вновь загорѣлся Восточный или Балканскій вопросъ, и съ того времени ни въ политикѣ, ни въ отношеніяхъ къ намъ другихъ державъ ровно ничего не измѣнилось. Употребляются разные маневры, разные повороты; а цѣли ихъ остаются однѣ и тѣ же. Цѣли эти сводятся къ слѣдующему: сохранить варварское иго и не дать ходу славянамъ, не дать Россіи возможности къ развитію своихъ морскихъ силъ на югѣ, и разобщить ее съ единоплеменными народами. Не только Австро-Венгрія, теперь и самая нація торгашей заявляетъ о своемъ нейтралитетѣ. Механизмъ тутъ очень простой: когда мы имѣемъ успѣхи, идемъ впередъ, тогда пускаются въ ходъ всевозможныя запугиванія и даже угрозы, чтобы парализовать наше вниманіе и нашу энергію. Когда же мы потерпѣли серьезныя неудачи, тогда выступаютъ заявленія о строжайшемъ нейтралитетѣ и даже соболѣзнованія, опять-таки для того, чтобы парализовать нашу энергію; ибо враги ничего такъ не опасаются, какъ быстрыхъ и рѣшительныхъ усилій. Притомъ же, у нихъ теперь есть надежда вполнѣ выиграть дѣло съ помощью той оффиціозной войны, которую они ведутъ, и имъ нѣтъ нужды выступать открыто съ своимъ тройственнымъ союзомъ. Европейская печать все толкуетъ о возможности Турко-Англо-Австрійскаго союза, тогда какъ этотъ союзъ фактически уже

существуетъ, и не только существуетъ, но и со времени герцеговинскаго возстанія не переставалъ дѣйствовать ни на одну минуту. Вольно же было его игнорировать!

Разумѣется, письма мои постоянно отвѣчали на тѣ моменты, которые мы тогда переживали, и въ настоящее время полное пониманіе ихъ, полагаю, довольно затруднительно безъ справокъ съ соотвѣтствующими по времени обстоятельствами и извѣстіями. Но общее ихъ содержаніе, надѣюсь, еще доступно тѣмъ, кто помнитъ главные фазисы прошлой войны. Для примѣра, какъ почти всѣ заранѣе выражаемыя мною опасенія сбывались, укажу на то, что говорится въ послѣднемъ письмѣ, отъ 4 августа, о вѣроятныхъ усиліяхъ непріятеля воротить Балканскіе проходы. И дѣйствительно, спустя пять дней, послѣдовали отчаянные штурмы Сулеймана-паши на Шипкинскій проходъ, который, какъ оказалось, былъ занятъ съ нашей стороны незначительнымъ отрядомъ, и который намъ на сей разъ удалось отстоять съ чрезвычайнымъ трудомъ, пока подоспѣли подкрѣпленія. Мало того, высказывая свои мысли о второй Плевнѣ и русскихъ генералахъ, я какъ бы предчувствовалъ, что вслѣдъ за нею послѣдуетъ третья еще болѣе гибельная Плевна, 30 августа. Выше изъ моей «Поѣздки подъ Плевну» читатель уже знаетъ, что послѣ того я не выдержалъ и предпринялъ путешествіе на театръ войны. На время письма мои прекратились. Они возобновились только по окончаніи военныхъ дѣйствій, когда Русскіе уже стояли подъ Константинополемъ и когда возникли толки объ условіяхъ мира. Эти послѣдующія письма я направилъ въ Московскія Вѣдомости.

III.

ПО ОКОНЧАНІИ ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ.

Къ издателю Московскихъ Вѣдомостей отъ 17 января 1878 г. *.

Печать наша дѣлаетъ несомнѣнные успѣхи зрѣлости, но сколько однако встрѣчается еще въ ней юношескаго увлеченія! Русскія войска перешли Дунай,—и поднялись голоса объ изгнаніи Турокъ изъ Европы; разыскали какія-то предсказанія о немедленномъ возвращеніи христіанамъ Царьграда. Повторилось то же, что̀ было въ началѣ Крымской кампаніи, когда пошли въ ходъ пророчества Мартына Задеки. Плевна на время прекратила эти сангвиническіе порывы. Но вотъ Русскіе перешли Балканы, полонили и разсѣяли почти послѣднія непріятельскія арміи и заняли Адріанополь. И снова потокъ самыхъ смѣлыхъ ожиданій: Русскіе въ Константинополѣ, Турецкая орда навсегда удаляется въ Азію, Восточный вопросъ разрѣшенъ! Нѣтъ, господа, исторія такихъ скачковъ не дѣлаетъ. Дѣйствительность конечно не замедлила обдать холодною водой горячія головы. Враждебныя христіанству и человѣчности, темныя силы работаютъ и будутъ до конца работать противъ насъ, и очень возможно, что вмѣсто изгнанія Турокъ изъ Европы, намъ приходится крѣпко подумать о томъ, какъ бы не окончить святое дѣло только христіанскимъ губернаторомъ Болгаріи. Условія мира самыя разнообразныя, самыя противоположныя изобрѣтаются со всѣхъ сторонъ. Пусть враги сулятъ намъ и (лишнюю) часть Арменіи, и ненадежную контрибуцію (подъ залогъ Египта), и (ничѣмъ не обезпеченную для насъ) свободу Проливовъ, и пр. Но мы-то никакъ не должны забывать главную и священную цѣль нашей войны, нашихъ громадныхъ жертвъ: освобожденіе Болгаріи отъ ига

* Москов. Вѣд. 1878, № 19.

постыднаго не для Болгаръ только, а и для насъ самихъ. Исходнымъ пунктомъ мирныхъ условій остаются слова нашего Монарха, обращенныя къ Болгарскому народу при переходѣ черезъ Дунай. А затѣмъ уже должны слѣдовать другіе пункты, достиженіе которыхъ будетъ зависѣть сколько отъ искусства и твердости нашей политики, столько же и отъ степени поддержки со стороны державъ намъ дружественныхъ. Если бы даже сосѣдняя держава (т.-е. Пруссія) измѣнила намъ въ рѣшительную минуту, что̀ жъ, Богъ съ ней. Въ такомъ случаѣ намъ пришлось бы нѣсколько сократить свои законныя требованія; но за то наша будущая политика получила бы полную свободу дѣйствія по отношенію къ сосѣдямъ и несосѣдямъ.

Мы можемъ сокращать свои требованія въ чемъ угодно, но, повторяю, только не относительно Болгаріи, Черногоріи, Сербіи. На насъ лежитъ священный долгъ обезпечить человѣческое существованіе своимъ единовѣрцамъ и единоплеменникамъ. Только по исполненіи этого долга мы будемъ въ правѣ считать себя такими же Европейцами какъ и другіе народы и смотрѣть этимъ народамъ прямо въ лицо. Что же касается собственныхъ выгодъ, то, во-первыхъ, эти выгоды иногда бываютъ только кажущіяся, а во-вторыхъ, мы слишкомъ богаты землей и водой, чтобы какія либо территоріальныя уступки въ Азіи могли отвлечь насъ отъ священныхъ задачъ на Балканскомъ полуостровѣ.

Къ числу увлеченій можно пожалуй отнести и желаніе побывать въ Константинополѣ, только для того, чтобы сказать потомъ: мы тамъ были! Нѣтъ, войти въ Константинополь силой оружія и въ его стѣнахъ предписать условія мира—это должно быть дѣйствительнымъ нашимъ стремленіемъ, и, если оно возможно, пусть осуществится. Но ставить въ условія мира, чтобы нашему отряду дозволено было нѣсколько дней погостить въ Константинополѣ, это былъ бы тріумфъ эфемерный *если бъ онъ не сопровождался достиженіемъ нашихъ главныхъ цѣлей.* Едва ли мы въ такомъ случаѣ пріобрѣтемъ какое либо особое обаяніе у невѣжественныхъ мусульманскихъ народовъ Азіи. Если и дойдетъ туда вѣсть, то конечно въ такомъ видѣ: могущественный падишахъ даровалъ миръ Русскимъ гяурамъ и въ своей неизреченной милости дозволилъ имъ придти въ его столицу чтобы поклониться его величію. Точно также и въ своихъ собственныхъ глазахъ мы немного выростемъ если въ Константинополѣ побываемъ, а Балканскихъ христіанъ не освободимъ. Только сознаніе исполненнаго долга дастъ намъ новыя силы и вѣру въ свое высшее призваніе.

Занятіе, хотя и временное, Константинополя конечно для національ-

наго чувства лестно и весьма желательно какъ вѣнецъ нашихъ побѣдъ, какъ достойная награда нашей геройской, нашей несравненной арміи. Но для нашего обезпеченія и для достиженія нашихъ главныхъ цѣлей въ настоящее время также желательно было бы и занятіе Галлиполи.

Отъ 5 февраля *.

Превосходное наше положеніе на Балканскомъ полуостровѣ, созданное геройствомъ арміи и условіями перемирія, страдаетъ однимъ весьма чувствительнымъ недостаткомъ: мы ничѣмъ пока не обезпечены со стороны моря. Не увлекаетъ ли многихъ изъ насъ идея о Константинополѣ болѣе чѣмъ требуетъ благоразуміе? Положимъ, что мы займемъ и Константинополь; но чѣмъ же это занятіе увеличиваетъ наши шансы на заключеніе именно такого мира, какой намъ нуженъ? Говорятъ о вступленіи Прусаковъ въ Парижъ; но забываютъ, что Прусакамъ никто не мѣшалъ и не угрожалъ. Кому же неизвѣстно, что теперь мы имѣемъ дѣло уже не съ Турціей, а съ двумя враждебными державами. Вотъ съ этой-то стороны и нужны нѣкоторыя матеріальныя обезпеченія. Признаюсь, окрестности и наружные верки Константинополя я бы охотно промѣнялъ на одинъ только пунктъ въ Дарданеллахъ, т.-е. въ самыхъ Дарданеллахъ, а не тамъ, гдѣ уже начинается открытое море. При заключеніи перемирія, я полагаю, можно было бы добиться временнаго занятія Галлиполи. И если мы не заняли его изъ уваженія къ протестамъ Британіи, то случилось то, чего и слѣдовало ожидать: торгаши воспользовались нашею уступчивостью и ввели свой флотъ въ Проливы. Слѣдовательно они уже заручись однимъ важнымъ ходомъ на случай возможныхъ событій. Нѣкоторые наши публицисты начали уже толковать о существованіи русско-турецкаго союза, направленнаго противъ притязаній Британіи. Толки эти преждевременны. Турція не воспрепятствовала входу британскаго флота, хотя якобы и не дала на это своего согласія. Нѣтъ сомнѣнія, что эта змѣя теперь болѣе чѣмъ когда либо воспользуется антагонизмомъ извѣстныхъ державъ съ Россіей для сохраненія своего положенія въ Европѣ. При всей своей дикости и варварствѣ, Порта очевидно лучше иныхъ нашихъ политиковъ понимаетъ сущность дѣла. Гдѣ нельзя взять силой, она прибѣгаетъ къ ласкательствамъ, старается ублажить насъ *будущимъ* нашимъ исключительнымъ на нее вліяніемъ, и, по слухамъ, уже готовитъ

---

* Москов. Вѣд. 1877 г., № 35.

для насъ казармы въ Царьградѣ; слѣдовательно не особенно пугается его временнаго занятія: ограничьтесь только христіанскимъ губернаторомъ въ Болгаріи и легкимъ исправленіемъ границъ Сербіи и Черногоріи.

Временное занятіе Галлиполи нисколько не мѣшало бы движенію торговыхъ судовъ. Оно не мѣшало бы пожалуй и приходу двухъ-трехъ военныхъ кораблей, назначенныхъ для покровительства христіанамъ на случай возможныхъ смутъ въ Константинополѣ. Но въ томъ-то и дѣло что это покровительство есть только предлогъ; а главная-то цѣль англійскаго флота, подступившаго къ Царьграду, и есть самый Галлиполи, какъ это вѣрно замѣчено во вчерашнемъ № *Московскихъ Вѣдомостей*. Вмѣстѣ съ Дарданеллами, конечно, враждебный намъ флотъ имѣетъ въ виду обезпечить себѣ и движеніе по Босфору. Теперь намъ предстоитъ весьма существенный вопросъ: какія будутъ приняты мѣры (дѣйствительныя, а не дипломатическія), чтобы воспрепятствовать появленію этого враждебнаго намъ флота въ Черномъ морѣ? Во всякомъ случаѣ болѣе чѣмъ когда либо мы должны быть на все готовы.

Изъ письма отъ 11 февраля, 1878 г. *.

Что для насъ въ особенности было бы весьма тяжело, это хозяйничанье англійскихъ военныхъ кораблей въ Черномъ морѣ. Намъ кажется, что возбужденный дипломатіей вопросъ о свободѣ для насъ проливовъ поставленъ не совсѣмъ вѣрно. Ближайшая и важнѣйшая наша задача состоитъ въ томъ, чтобы ни одинъ иностранный военный корабль не проникъ въ Черное море безъ нашего позволенія. Для достиженія этой цѣли мы должны заручиться матеріальными обезпеченіями (а не бумажными трактатами). Враги наши ловко воспользовались такою постановкой вопроса; они согласны, и даже болѣе того: они согласны на свободу проливовъ для всѣхъ военныхъ кораблей! Въ результатѣ такой свободы получилось бы постоянное присутствіе англійскаго флота въ Черномъ морѣ, якобы для покровительства своей торговлѣ, а въ сущности для того, чтобы постоянно держать наши берега и корабли подъ угрозой своихъ пушекъ при малѣйшемъ недоразумѣніи съ нами по какому бы то ни было вопросу. Отрѣзанные Румыніей отъ Балканскаго полуострова съ суши, мы тогда были бы отрѣзаны отъ него и съ моря. Природа настолько къ намъ благосклонна, что, давая нашему югу полную возможность принимать

---

* *Моск. Вѣдом.* 1878 г., № 41.

участіе во всемірной морской торговлѣ, она въ то же время даетъ ему и возможность оградить себя отъ непріятельскихъ погромовъ съ моря. Мы говоримъ о проливахъ. Если не входъ въ Дарданеллы, то по крайней мѣрѣ входъ въ Черное море долженъ быть предметомъ нашего обезпеченія и нашихъ заботъ въ настоящую минуту. И тѣмъ болѣе, что враждебный флотъ уже сталъ между проливами и ждетъ только дальнѣйшей уступчивости, чтобы ворваться въ Черное море.

Ежедневной европейской печати свойственно переживать всѣ тѣ перипетіи, которымъ подвергаетъ ее телеграфъ: одинъ день говорить о надеждахъ на мирный исходъ настоящихъ переговоровъ, а на слѣдующій указывать на собирающіяся тучи. Но тому, кто не придаетъ особой цѣны словамъ, а слѣдитъ за фактами, ясно, что наше положеніе въ настоящее время требуетъ большой обдуманности и энергичной готовности на все. Опасенія, сопровождавшія прекращеніе военныхъ дѣйствій, начинаютъ постепенно сбываться. Британскій флотъ уже въ Мраморномъ морѣ, и слѣдовательно уже одинъ флангъ Румелійской арміи открытъ. Въ англійскихъ арсеналахъ продолжается усиленная работа; они уже выслали милліоны патроновъ и всякихъ снарядовъ, которыми убили нѣсколько десятковъ тысячъ русскихъ людей *не выходя изъ нейтралитета*; заготовляются новые милліоны для новой бойни. А между тѣмъ турецкая орда ободрилась и собираетъ новыя полчища. Гарнизоны, выпущенные изъ крѣпостей съ оружіемъ и багажомъ, послужатъ хорошими кадрами для этихъ полчищъ. Торгаши дерзко нарушили трактаты и ворвались въ Мраморное море, *по прежнему не выходя изъ нейтралитета*. Можетъ быть вскорѣ они прорвутся въ Черное море, *опять-таки не выходя изъ нейтралитета*. А выйдутъ изъ него только тогда, когда вовлекутъ Австрію въ войну съ нами. Повторяю, наше положеніе на Балканскомъ полуостровѣ, а слѣдовательно и подписанныя основанія мира не прочны, пока мы не обезпечили себя въ проливахъ. Мало того, это необезпеченіе служитъ едва ли не главнымъ препятствіемъ избѣжать или европейской войны или унизительныхъ уступокъ. Пока у враговъ существуетъ надежда съ обоихъ фланговъ дѣлать высадки и дѣйствовать на наши сообщенія, до тѣхъ поръ мы едва ли добьемся такого мира, какой намъ нуженъ. Теперь, когда вопросъ идетъ уже не о парадномъ только вступленіи въ Царьградъ, а о занятіи существенныхъ стратегическихъ пунктовъ, необходимо, въ виду уже совершеннаго противъ насъ угрожающаго шага, съ другой стороны, когда мы уже достаточно заручились Дунайскою линіей и приготовленія на западной границѣ достаточно подвинулись, теперь, я полагаю, насталъ моментъ стать твер-

дою ногой на Босфорѣ, *хотя бы для этого нужно было временно занять Константинополь*. Высказываемъ свое крайнее разумѣніе. Но, надобно полагать, на верху, откуда всѣ обстоятельства дѣла еще виднѣе, все главное уже взвѣшено и предусмотрѣно.

Отъ 14 февраля *.

Едва мы успѣли выразить опасеніе за Босфоръ, какъ узнаемъ, что Англичане уже обезпечили себѣ этотъ проливъ малыми военными судами. Слѣдовательно и большіе ихъ броненосцы могутъ во всякое время войти въ Черное море; вѣдь они стоятъ отъ него въ какихъ-нибудь пяти шести часахъ плаванія. Впрочемъ и турецкая Черноморская эскадра не только не перешла въ наши руки, но кажется, и неудалена изъ Чернаго моря въ моментъ прекращенія военныхъ дѣйствій. А эта эскадра во всякое время можетъ явиться авангардомъ англійскаго флота, и тѣмъ болѣе что корабли турецкіе будто бы заложены Англіи. По какому международному праву, если это вѣрно, подобные заложенные корабли участвовали въ войнѣ противъ насъ, этого мы не знаемъ; но вѣрно то, что въ такомъ случаѣ они прежде всего подлежали бы выдачѣ въ наши руки. Съ другой стороны, судя по газетнымъ слухамъ, султанъ на требованіе выдачи шести главныхъ броненосцевъ отвѣчалъ, что онъ скорѣе ихъ уничтожитъ чѣмъ выдастъ. Изъ устъ нашихъ заклятыхъ враговъ такой отвѣтъ понятенъ. Но я полагаю, что и самаго требованія не было предъявлено; ибо оно не могло бы удовлетвориться этимъ отвѣтомъ. «Если не выдашь корабли и уничтожишь ихъ, то послѣ за нихъ заплатишь вдвое по оцѣнкѣ; а намъ все таки будетъ легче въ случаѣ возобновленія военныхъ дѣйствій» — вотъ было бы единственное возможное для насъ разсужденіе.

Общественное чутье, обнаружившееся по поводу прекращенія военныхъ дѣйствій, условій перемирія и основаній мира не обманулось. Его вниманіе постоянно было обращено на проливы. «Все это прекрасно, но проливы, проливы, намъ нужно матеріальное обезпеченіе въ проливахъ» — слышалось отовсюду. Въ настоящій моментъ, когда положеніе и обоюдный образъ дѣйствія оттѣняются весьма рельефно, какъ-то самъ собой представляется ходъ событій въ недалекомъ будущемъ. Телеграфъ извѣщаетъ, что миръ на дняхъ будетъ подписанъ. Очень возможно, что Порта подпишетъ всѣ предъявленныя ей условія и подпишетъ очень скоро. По

---

* *Москов. Вѣд.* 1878 г., № 44.

заключеніи *Константинопольскаго* мира, разумѣется, насъ попросятъ удалиться изъ окрестностей Константинополя и Дарданельскаго пролива; пожалуй посадятъ часть нашихъ войскъ на свои суда, чтобъ отвезти ихъ въ отечество. Попросятъ насъ также и очистить Румынію, ту самую Румынію, которую ловкіе люди изъ союзницы теперь искусно обращаютъ въ нашего злѣйшаго врага. Не знаю, будемъ ли мы имѣть достаточно основаній не очистить ея; вѣдь миръ заключенъ! А между тѣмъ въ сущности это не окончательный миръ; это собственно проектъ, который долженъ быть представленъ на разсмотрѣніе какой-то конференціи или конгресса. Извѣстно, что въ западной и средней Европѣ какія бы ни совершались въ послѣднее время перемѣны, онѣ обходились безъ конгрессовъ, а въ восточной безъ нихъ теперь дѣло не рѣшается; только здѣсь будто бы и затрогиваются интересы *всей* Европы! Берлинскій конгрессъ нашихъ условій не утвердитъ, о чемъ мы уже предупреждены весьма внушительно. Слѣдовательно, или ступай шагъ за шагомъ, пока нечего будетъ уступать, или начинай вновь войну, но уже со значительно уменьшенными шансами, то-есть съ разными впередъ данными ходами противнику. Словомъ, буквальное повтореніе прошлогодней Константинопольской конференціи и ея результатовъ. Вновь собравшаяся съ силами турецкая орда сошлется на недавній примѣръ Сербіи и снова выступитъ противъ насъ, но уже не одна, а въ коалиціи. Каково будетъ положеніе нашей оккупаціонной арміи въ Болгаріи, съ моря отрѣзанной англо-турецкимъ флотомъ, а съ суши австрійскими войсками съ Румыніей?

Но нѣтъ, этому, надѣемся, не бывать; кровь нашихъ героевъ не пропадетъ даромъ. Еще русскіе полки не ушли изъ окрестностей Босфора. Если торгаши такъ нагло нарушили трактаты и наше перемиріе, если они и сообщники ихъ такъ дерзко намъ угрожаютъ, то Порта должна дать намъ матеріальныя доказательства въ ея искреннемъ, твердомъ намѣреніи соблюдать подписанный миръ. Мы въ полномъ правѣ потребовать этихъ доказательствъ, въ особенности послѣ того, какъ она нарушила перемиріе, пропустивъ англійскіе броненосцы сквозь Дарданеллы (не могла она имъ воспрепятствовать или не хотѣла—это все равно). Форты, Босфорскіе форты, на все время пока русская армія остается въ Болгаріи, и немедленная выдача хотя части броненоснаго флота — вотъ наши необходимыя обезпеченія. Если Порта откажетъ, то обнаружитъ тѣмъ, что заранѣе считаетъ недѣйствительными имѣющія быть подписанными мирныя условія. Въ такомъ случаѣ мы должны сами взять форты, а вмѣстѣ съ тѣмъ и занять временно Константинополь. Только въ-

шительный шагъ, только энергическій тонъ могутъ положить конецъ опасной для насъ дипломатической игрѣ и разсѣять тотъ густой туманъ, который эта игра создаетъ, а рѣчи сфинксовъ поддерживаютъ.

Отъ 18 февраля *.

Въ 1864 году, во время Датско-Нѣмецкой войны, часть прусской пѣхоты посажена была на лодки, переплыла узкій проливъ и послѣ небольшаго сраженія овладѣла островомъ Альзеномъ. Кажется подвигъ не изъ самыхъ трудныхъ. Но когда, по окончаніи войны, Данія, лишенная половины своихъ владѣній на материкѣ, ходатайствовала о возвращеніи ей маленькаго острова, что получила она въ отвѣтъ? «Какъ, чтобъ я отдалъ назадъ Альзенъ, такъ молодецки завоеванный Прусаками? Ни за что!» Вотъ какими словами отвѣчалъ король Вильгельмъ дипломатическимъ ходатаямъ.

Приведеннымъ примѣромъ мы хотимъ поставить на видъ нашимъ врагамъ, а также и ходатаямъ ихъ, до какой степени нелѣпы ихъ требованія и притязанія. Неужели они серьезно надѣются, что потоки русской крови, гигантскіе подвиги нашей арміи, наше народное одушевленіе, наши усилія и громадныя жертвы, все это можно низвести къ тѣмъ ничтожнымъ результатамъ, которыхъ они добиваются? И кто же эти враги, которые съ такою наглостью предъявляютъ свои претензіи и хотятъ предписывать намъ законы?

Существуетъ еще великая нація, наполнившая міръ славой своихъ подвиговъ, своихъ открытій, своими колоніями, произведеніями своей промышленности и славой своихъ учрежденій. Но, увы, эта великая нація въ послѣднія времена, какъ обыкновенно бываетъ въ исторіи, политически живетъ уже большею частію на средства, вліяніе и блескъ, добытые предками. Уже не видно того истиннаго мужества, того созидательнаго начала, которыми отличались предки. Безсердечное, чисто формальное отношеніе къ религіи и безграничное поклоненіе золотому тельцу, вотъ характеристическія черты большей части этого общества. Современная Англія во многихъ отношеніяхъ можетъ уяснить намъ, что такое былъ древній Карѳагенъ въ эпоху своей борьбы съ Римомъ. Вѣками развитое политическое искусство и опытность идутъ теперь на достиженіе самыхъ неблаговидныхъ цѣлей и растрачиваются на интриги вмѣстѣ съ вѣками

---

* *Москов. Вѣдом.* 1878, № 48.

накопленнымъ золотомъ. Разумѣется, тамъ живутъ еще свѣтлые умы и нѣкоторыя добрыя преданія; но мы говоримъ о массѣ общества и ея вожакахъ. Торгаши очень осторожны тамъ, гдѣ предвидятъ энергическій отпоръ; но за то гдѣ надѣются его не встрѣтить, гдѣ разсчитываютъ на свое золото и интриги, тамъ нѣтъ предѣловъ ихъ дерзости и наглымъ претензіямъ. Для наблюдателя все это признаки несомнѣннаго моральнаго паденія. И чѣмъ могутъ они серьезно угрожать намъ въ настоящее время? Какой еще большой вредъ могутъ они причинить намъ послѣ того какъ своими снарядами и оружіемъ посредствомъ Турокъ убили у насъ нѣсколько десятковъ тысячъ человѣкъ? Намъ нужно только запереть предъ ними Босфорскія двери, чтобы злобу ихъ сдѣлать безсильною; тогда мы для нихъ почти неуязвимы. Это будетъ начало разсчета и самое естественное, неотразимое слѣдствіе дорогой пролитой крови.

Есть другая держава, не нація, а держава, составленная изъ разныхъ народностей. Она не прочь была бы выступить противъ насъ въ открытой коалиціи съ торгашами; но тому препятствуютъ многія и весьма серьезныя основанія. Она для насъ слишкомъ уязвима. Не знаю, насколько въ самомъ дѣлѣ воинственные порывы господствуютъ въ средѣ Мадьярскаго народца; но вѣрно то, что большинство славянскихъ населеній было бы очень радо столкновенію Австро-Венгріи съ могущественнымъ сосѣдомъ, разумѣется, руководясь совершенно другими надеждами чѣмъ Мадьяры. Въ концѣ-концовъ такой противникъ своими демонстраціями можетъ напугать только людей недальновидныхъ и малодушныхъ. Онъ опасенъ только своимъ испытаннымъ дипломатическимъ искусствомъ.

Дѣйствительная и серьезная опасность прочному миру существуетъ все тамъ же, гдѣ она и всегда была: со стороны турецкой орды. Попробуйте выпустить ее изъ желѣзныхъ объятій и возвратить ей свободу дѣйствія, то-есть не взять надежнаго обезпеченія, и военному, тяжкому напряженію не будетъ конца. Повторяю, что теперь нѣтъ въ Европѣ другаго Наполеона III, и потому я не вѣрю въ коалицію. Британія боится за свою торговлю въ Океанѣ, Австро-Венгрія дрожитъ за собственную цѣлость въ случаѣ войны съ Россіей. Но есть государство, такъ сказать, безшабашное: человѣческая кровь, своя и чужая, для него не имѣетъ никакой цѣны; оно всегда готово лить ее какъ воду. Это Оттоманская орда. Терять ей болѣе нечего, а на приманку возвратить потерянное она конечно будетъ весьма податлива. Деньгами, оружіемъ, снарядами, инженерами и пр., ее опять снабдятъ въ изобиліи. Для обороны Константинопольскаго полуострова, какъ уже вычислено, требуется не менѣе 100.000 человѣкъ, слѣдовательно именно столько, сколько ей будетъ возвращено

изъ русскаго плѣна. Да тысячъ полтораста, а пожалуй и двѣсти она можетъ приготовить сверхъ того. Да флотъ, который по прежнему будетъ господствовать на морѣ. Можно представить себѣ какъ будетъ проченъ миръ, если мы не возьмемъ себѣ обезпеченія на берегахъ Босфора съ приличнымъ количествомъ броненосцевъ. А взять это обезпеченіе намъ не можетъ помѣшать никто въ мірѣ, разумѣется пока время еще не ушло.

Само собой разумѣется, что всѣ эти указанія на необходимость взять обезпеченіе на Босфорѣ, т.-е. занять тамъ какой либо пунктъ, остались гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Не далѣе какъ на слѣдующій день, т.-е. 19 февраля, былъ заключенъ Санъ-Стефанскій миръ, оказавшійся *предварительнымъ*, и притомъ безъ всякихъ обезпеченій со стороны проливовъ. Это обстоятельство имѣло конечно самое вредное для насъ вліяніе на дальнѣйшее развитіе вопроса. Мы принуждены были продолжать свое тягостное Санъ-Стефанское стояніе, пока шли переговоры объ окончательномъ мирѣ и пока предварительныя условія, добытыя такими трудами и жертвами, подвергались всѣмъ возможнымъ урѣзкамъ и сокращеніямъ со стороны европейскаго Ареопага въ Берлинѣ. То скрытое вліяніе, на которое я постоянно отчасти намекалъ, отчасти прямо указывалъ въ своихъ письмахъ, въ настоящее время перестало быть тайною. Всѣмъ теперь извѣстно также, какъ на Берлинскомъ конгрессѣ дѣйствовалъ его предсѣдатель, а нашъ благопріятель—германскій канцлеръ, столь много потрудившійся надъ тѣмъ, чтобы парализовать нашу энергію и продвинуть Австро-Венгрію на раскрытый нашимъ оружіемъ Балканскій полуостровъ.

Вмѣстѣ съ Санъ-Стефанскимъ договоромъ мои письма о гарантіяхъ и условіяхъ мира собственно прекратились. Приходилось молча наблюдать дальнѣйшій ходъ событій. Но вотъ въ сентябрѣ или началѣ октября того же 1878 года я узнаю изъ петербургскихъ газетъ, что въ нашу сѣверную столицу прибыло авганское посольство для переговоровъ о союзѣ противъ Англіи. Газеты эти усердно принялись вызывать Авганъ на войну съ англичанами и напоминать имъ о гибели англійскаго отряда въ Кабулѣ въ 1842 году. Я тогда написалъ письмо въ Московскія Вѣдомости, и въ этомъ письмѣ укорялъ нашу публицистику въ легкомысленномъ подзадориваніи Авганъ и въ возбужденіи ихъ тщетной надеждой на нашу помощь. Письмо осталось не напечатаннымъ. Слѣдовательно, издатель Московскихъ Вѣдомостей не сочувствовалъ моему укору и самъ раздѣлялъ легкомысленные взгляды петербургской публицистики въ данномъ случаѣ. Авганскій эмиръ Ширъ-Али дѣйствительно рѣшился на войну съ Англіей; но извѣстно, какъ покинутый

нами на произволъ судьбы, онъ погибъ во время этой войны. Когда авганское посольство уѣхало и столкновеніе эмира съ англичанами сдѣлалось неизбѣжно, я попытался указать на необходимость помочь ему (хотя и мало надѣялся на вниманіе), и адресовалъ письмо конечно уже не въ Московскія Вѣдомости, а въ другое изданіе. Русскій Міръ тогда (если не ошибаюсь) уже прекратилъ свое существованіе. Письма свои я сталъ направлять теперь въ Петербургскія Вѣдомости, которыя выходили подъ редакціей В. В. Комарова и отличались вполнѣ патріотическимъ характеромъ.

Два слова объ авганскомъ вопросѣ *.

Телеграфное извѣстіе о выѣздѣ авганскаго посланца изъ Петербурга въ Кабулъ побуждаетъ меня высказать нѣсколько мыслей объ авганскомъ вопросѣ. Хотя, по моему убѣжденію, настала пора для русской печати отъ вопросовъ внѣшней политики значительную часть своей энергіи перенести на дѣла внутреннія, особенно на самую насущную теперь потребность въ уменьшеніи количества денежныхъ знаковъ,—однако помянутый вопросъ пріобрѣлъ, при настоящихъ обстоятельствахъ, для насъ неожиданную важность и требуетъ большой обдуманности. Посланецъ «въ теченіе пребыванія своего въ Петербургѣ, изучалъ отзывы русской печати по авганскому вопросу»—гласитъ телеграмма. Вотъ объ этой-то постановкѣ вопроса въ нашей печати и желаю сдѣлать небольшое замѣчаніе.

На сколько мнѣ извѣстно, суть разсужденій, объясненій и желаній нашей публицистики клонится къ тому, что мы должны въ отношеніи къ эмиру соблюдать такой же дружественный нейтралитетъ, какъ Англія соблюдала въ отношеніи Оттоманской Порты. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что основная мысль вполнѣ вѣрна и справедлива. Но затѣмъ, относительно ея выполненія, существуютъ разногласія и замѣтенъ недостатокъ полноты въ опредѣленіи бывшаго англійскаго нейтралитета. Англія не только снабжала турокъ деньгами, оружіемъ, снарядами, инженерами и всякаго рода техниками, но она дѣятельно поддерживала ихъ всѣми своими дипломатическими агентами, всѣмъ своимъ политическимъ вліяніемъ. Мало того, она держала свой военный флотъ въ турецкихъ водахъ, а, наконецъ, вопреки всѣмъ трактатамъ, ввела его въ проливы и поставила въ виду Константинополя. Но, что всего важнѣе, ея дипломатія не огра-

---

* Петербургскія *Вѣдомости*, 1878 г. № 308. Ноября 8.

ничилась ходатайствами за Турцію при всѣхъ кабинетахъ и вмѣшательствомъ на пользу Турціи въ самый способъ нашего веденія войны. Англія съ самаго начала стала заявлять о сферѣ своихъ интересовъ и проводить для нихъ демаркаціонныя линіи. Слѣдовательно, отвѣчать на все это офицерами-добровольцами и торговцами разнаго матеріала, какъ высказалось большинство нашей печати, по моему убѣжденію было бы весьма недостаточною мѣрою. Опытъ Сербо-турецкой войны, кажется, ясно показалъ, что подобная поддержка можетъ только продлить борьбу на нѣсколько мѣсяцевъ, а не помѣшать ея вѣроятному исходу. Наконецъ и самая усердная широкая помощь Англіи развѣ спасла ея кліентовъ отъ разгрома? Обращу вниманіе на добродушное отношеніе британской публицистики къ отзывамъ нашей печати. Эта публицистика, вообще столь враждебная намъ, весьма мало обезпокоена нашими отзывами по данному вопросу; я увѣренъ, что она даже очень довольна такимъ нейтралитетомъ, какой мы ей возвѣщаемъ. Но дѣло въ томъ, что англійская политика опасается, чтобы мы не пошли далѣе.

Признаюсь, разнообразныя недоумѣнія и заключенія нѣкоторыхъ нашихъ органовъ по поводу нерѣшительности и медлительности, которыя англійская политика обнаружила послѣ своего неудачнаго посольства, возбуждаютъ иногда невольную улыбку. Главная причина колебанія и нерѣшительности англійскаго кабинета, конечно, лежитъ не въ боязни его передъ арміей эмира или другими мѣстными обстоятельствами, а въ этой относительной неизвѣстности, которою пока облечена политика Россіи по данному вопросу. Биконсфильдъ и его товарищи, безъ всякаго сомнѣнія, хлопочутъ теперь о томъ, чтобы обезпечить себя отъ тяжеловѣснаго вмѣшательства Россіи въ авганскій вопросъ. И когда они этого достигнутъ, то, повѣрьте, съ эмиромъ они справятся или открытою силою, или смутою, возбужденною въ его собственной землѣ, или просто застращаютъ его, убѣдивъ, что достаточной помощи ему не будетъ ни откуда. Напрасно у насъ начали свысока отзываться о Биконсфильдѣ и его товарищахъ. Это люди далеко не геніальные и политики узкіе, но, безспорно, очень ловкіе и находчивые, и борьба съ ними совсѣмъ нелегка. Я нисколько не удивлюсь, если они восторжествуютъ надъ настоящими затрудненіями. Очень можетъ быть, что они надѣятся восторжествовать надъ ними съ нашею помощью, т.-е. насъ самихъ сдѣлать посредниками для достиженія какихъ либо примирительныхъ шаговъ со стороны эмира. И, пожалуй, отчего не взять на себя такое посредничество за приличный компромиссъ на Балканскомъ полуостровѣ?

Если бы мы дали кому слѣдуетъ понять, что, въ случаѣ серьезнаго

покушенія на Авганистанъ, беремъ его подъ свое покровительство, подобное англійскому надъ Малой Азіей; если бы мы объявили сферу своихъ интересовъ, со включеніемъ въ нихъ столицы эмира, горныхъ проходовъ, и другихъ пунктовъ, которыхъ занятія мы не потерпимъ; если-бы, въ слѣдствіе того, расположили на авганской границѣ наблюдательный отрядъ или даже поставили бы его въ виду Кабула, разумѣется, заключивъ конвенцію съ эмиромъ, по примѣру англійской армады, которая вторглась въ проливы и стала въ виду Константинополя, то, я увѣренъ, Англія подняла бы нѣкоторый шумъ, но тѣмъ бы и ограничилась. А на Балканскомъ полуостровѣ ея агенты сильно поубавили бы свое нахальное къ намъ отношеніе. Наше частое напоминаніе о судьбѣ англійской экспедиціи, въ началѣ сороковыхъ годовъ какъ бы заставляетъ ожидать повторенія такого же исхода и слѣдующей экспедиціи. Напрасно. Англійскіе государственные дѣятели не таковы, чтобы опыты прошлаго для нихъ пропадали даромъ. Безъ сомнѣнія, если только они рѣшатся на походъ въ Авганистанъ, то не повторятъ тѣхъ же ошибокъ, а также выберутъ болѣе способныхъ предводителей; притомъ, съ помощью золота и извѣданнаго искусства въ политической интригѣ, навѣрное постараются произвести измѣны и мятежи въ средѣ вассаловъ и подданныхъ эмира. Не беру на себя смѣлости давать какой либо совѣтъ государственнымъ людямъ; имъ извѣстнѣе существующія обстоятельства и политическія отношенія; ихъ дѣло взвѣсить прежде всего степень важности для насъ авганскаго вопроса, затѣмъ опредѣлить нашъ образъ дѣйствія и степень нашего государственнаго участія. Говорю только объ участіи печати въ данномъ вопросѣ. При высказанномъ ею желаніи о способахъ нейтралитета, мой совѣтъ не возбуждать большихъ надеждъ въ обществѣ, чтобы не подготовить тѣмъ разочарованія, на случай другаго исхода событій. И вообще, не слишкомъ ли много называть эмира мстителемъ за Россію? Вѣдь онъ относится къ ней, какъ слабый ребенокъ къ могучему великану, и самъ ждетъ отъ нея спасенія.

Изъ письма отъ 12 декабря *.

Когда намъ нуженъ былъ авганскій вопросъ, онъ какъ-то прозябалъ въ тѣни, и самое движеніе нашего отряда къ границамъ Авганистана, остановленное на полдорогѣ, не принесло намъ облегченія на Балкан-

* Петерб. Вѣд. 1878, № 347.

скомъ полуостровѣ. Но вотъ британскимъ торгашамъ понадобилось подвинуть тотъ же самый вопросъ къ рѣшенію въ свою пользу, и они смѣло, ловко повели дѣло; надобно отдать имъ справедливость. Въ особенности любопытно искусство, съ которымъ они насъ, своихъ опасныхъ соперниковъ въ Азіи, стараются поставить въ положеніе людей отвѣтственныхъ за настоящую войну, будто бы вызванную нашимъ нарушеніемъ принятыхъ на себя обязательствъ. Французскіе органы отечественной дипломатіи въ настоящую минуту усердно стараются доказать торгашамъ, что съ нашей стороны посольство въ Кабулъ было только обмѣномъ вѣжливости, что серьезнаго нарушенія обязательствъ не происходило и т. п. Конечно, это-то и нужно нашимъ врагамъ, т.-е. имъ нужно вызвать оправданія, чтобы еще болѣе принять на себя видъ стороны якобы обиженной, и пока противники будутъ оправдываться, привести дѣло къ вожделѣнному результату. Назойливый, высокомѣрный тонъ, который позволяютъ себѣ въ этомъ случаѣ британскіе дипломаты, имѣетъ мало подобныхъ въ новой европейской исторіи. При этомъ насъ занимаетъ слѣдующій вопросъ: какимъ путемъ и на какихъ основаніяхъ возникла нейтральная полоса въ Азіи въ данной формѣ и какія обоюдныя выгоды она могла представить? Не имѣя точныхъ свѣдѣній о побужденіяхъ и условіяхъ, мы только ставимъ историческій вопросъ, и въ настоящую минуту не беремъ на себя смѣлости отвѣчать на него. Напомню по этому поводу недавній и довольно горячій въ нашей печати споръ о каперахъ. Я не думаю проповѣдывать каперство для будущаго времени; однако осталось пока исторически неразъясненнымъ самое участіе наше въ парижской декларацiи: было ли оно только слѣдствіемъ гуманныхъ воззрѣній русской дипломатіи или къ тому же вынуждалось и обстоятельствами? Говорю объ этой части дипломатической дѣятельности особенно въ виду того, что послѣднія событія пока не завершились окончательными договорами, и намъ вѣроятно предстоятъ еще разные трактаты, конвенціи и декларацiи. Тѣ самыя обязательства, которыя иногда заключаются съ весьма гуманными и успокоительными побужденіями, могутъ потомъ затруднить насъ самихъ или слѣдующее поколѣніе, и потому не лучше ли придержаться только обязательствъ, вынужденныхъ крайнею необходимостію? Искать естественныхъ союзниковъ и повсюду оставлять за собою свободу дѣйствія, этотъ простой принципъ достается иногда путемъ тяжелаго опыта. Особенно слѣдуетъ наблюдать осторожность съ торгашами, которые умѣютъ въ Европѣ нейтрализовать проливы для того, чтобы ввести въ нихъ свой военный флотъ, а въ Азіи *проводить нейтральную* полосу для того, чтобы вторгнуться въ нее во-

оруженною силою и при этомъ не только нарушить трактаты, но и взвалить отвѣтственность за ихъ нарушеніе на противную сторону.

Воображаю себѣ чувства авганскаго эмира, которому его посланецъ сообщилъ о надеждахъ, возлагавшихся на него большинствомъ русской печати, и сообщилъ уже послѣ того, какъ началось побѣдоносное англійское вторженіе! Новый урокъ этому большинству, которое столь долгое время настойчиво возбуждало ожиданія какихъ-то благъ для Восточнаго вопроса отъ либеральной британской оппозиціи съ Гладстономъ во главѣ.

Изъ Москвы *.

Та жалкая роль, которую играетъ въ настоящую минуту соединенный европейскій флотъ у береговъ Албаніи, неизбѣжно наводитъ на многія поучительныя размышленія и воспоминанія. Съ одной стороны, никогда еще концертъ европейскихъ великихъ державъ не подвергался такому униженію и глумленію отъ Порты. А съ другой, поведеніе ея вполнѣ естественно, ибо она не хуже другихъ знаетъ, что европейскаго концерта въ восточномъ вопросѣ нѣтъ и быть не можетъ, и что, наоборотъ, есть соперничество и даже вражда. Мы усматриваемъ, однако, одну или двѣ хорошія, хотя и отрицательныя, стороны въ этомъ дѣлѣ. Во-первыхъ, на будущее время, т.-е. для будущаго поколѣнія дипломатовъ, всякая рѣчь о подобныхъ концертныхъ предпріятіяхъ будетъ вызывать только ироническіе отвѣты; всякая держава будетъ искать себѣ естественныхъ союзниковъ, а не полагаться на мнимое общее соглашеніе. Во-вторыхъ, мы, русскіе, воспользуемся урокомъ, чтобы при подобныхъ обстоятельствахъ очищеніе непріятельской территоріи ставить въ непосредственную связь съ немедленнымъ исполненіемъ мирныхъ условій, какъ по отношенію къ намъ самимъ, такъ и по отношенію къ нашимъ союзникамъ. Впрочемъ, при всѣхъ извѣстныхъ пріемахъ Порты и ея европейскихъ доброжелателей, не трудно было предвидѣть настоящія затрудненія. При своевременной настойчивости, въ настоящую минуту Черногорскаго вопроса не было бы на сценѣ, а на другія неисполненныя статьи Берлинскаго договора мы могли бы взирать съ большимъ хладнокровіемъ и вполнѣ воспользоваться мирнымъ временемъ для своихъ внутреннихъ дѣлъ.

Любопытно наблюдать въ восточномъ вопросѣ за поведеніемъ главныхъ двигателей современной исторіи. Англія доказываетъ, что въ ней еще не

---

* Петерб. Вѣдом. 1880 г., № 266. Сентября 27.

совсѣмъ заглохло чувство исторической правды и государственное чутье, и что великіе государственные умы еще могутъ уравновѣшивать тамъ давленіе узкихъ торгашескихъ интересовъ. Австро-Венгрія продолжаетъ свое обычное балансированіе, уже въ ясно очерченномъ анти-славянскомъ направленіи. Въ этомъ направленіи она все болѣе и болѣе подпадаетъ вліянію Германіи, *которая не можетъ долѣе скрывать своего дѣятельнаго и пристрастнаго участія въ Восточномъ вопросѣ*. Франція, при всѣхъ обстоятельствахъ и при всякой формѣ правленія, остается неисправимою въ своемъ туркофильствѣ. Я и прежде не соглашался съ тѣми органами нашей печати, которые прославляли Гамбетту какъ великаго государственнаго человѣка. Надѣюсь, въ послѣднее время онъ достаточно показалъ свою недальность въ этомъ отношеніи. Считая его душею настоящаго правительства Франціи, мы видѣли въ дѣлѣ Гартмана только новое доказательство того, какъ неосновательны опасенія Германіи относительно франко-русскаго союза, по крайней мѣрѣ, въ близкомъ будущемъ. И вдругъ послѣ этого доказательства, пресловутая шербургская рѣчь Гамбетты, произнесенная, что называется, ни къ селу, ни къ городу; ибо безъ могущественныхъ союзниковъ Франція несомнѣнно была бы вновь побита, если бы вздумала теперь возвращать утраченныя провинціи. Въ то же время Гамбетта поддерживаетъ полную амнистію коммунистамъ и возбуждаетъ преслѣдованіе духовныхъ конгрегацій. А затѣмъ, въ новой фазѣ восточнаго вопроса, опять Франція тянетъ на сторону нѣмцевъ противъ славянъ! Нѣтъ, это не государственный человѣкъ, это только ловкій человѣкъ и краснобай.

Если новыя фазы восточнаго вопроса возбуждаютъ у насъ только нѣкоторыя бойкія передовыя статьи въ газетахъ и не пользуются вниманіемъ общества, то и это явленіе совершенно естественно. Уже такихъ событій, какъ Санъ-стефанское стояніе и Берлинскій конгресъ, было совершенно достаточно, чтобы, хотя временно, охладить интересъ къ этому вопросу. А послѣдующія затѣмъ обстоятельства сосредоточили наше вниманіе исключительно на внутреннихъ дѣлахъ. Кромѣ многихъ другихъ послѣдствій, война, между прочимъ, какъ это всегда бываетъ, выдвинула нѣкоторыя лица на передній планъ и указала на людей, владѣющихъ дѣйствительнымъ государственнымъ умомъ или талантами полководцевъ. Иныхъ же она сдѣлала непопулярными. Въ числѣ послѣднихъ видное мѣсто принадлежитъ изобрѣтателю дорогихъ и ни къ чему непригодныхъ судовъ (адмиралу Попову). Заставить забыть о себѣ есть самый благоразумный способъ дѣйствія въ подобныхъ случаяхъ. И, наоборотъ, неблагоразумно возвѣщать міру, посредствомъ телеграммъ, о продолжа

своей убыточной для Россіи строительной дѣятельности на иноземныхъ верфяхъ. И тѣмъ болѣе неблагоразумно, что экономическій вопросъ въ настоящую минуту для насъ самый живой, самый чувствительный.

Уже одна все возрастающая дороговизна способна подорвать всякій интересъ къ вопросамъ внѣшней политики, хотя бы это и было несовмѣстимо съ достоинствомъ великой націи, великаго государства. Недавно, мнѣ привелось читать извѣстіе о происходившихъ въ петербургской городской думѣ преніяхъ, по поводу необычайной дороговизны. Много тамъ указано было разныхъ отягчающихъ обстоятельствъ и предложено болѣе или менѣе хорошихъ мѣръ. Не упомянули только о главной причинѣ: о продолжающемся упадкѣ нашего кредитнаго рубля.

Изъ Москвы *.

Признаюсь, меня удивляетъ всегда та довѣрчивость, съ которою наша печать въ большинствѣ случаевъ относится къ разнаго рода слухамъ и заявленіямъ въ политической сферѣ. Напримѣръ, сколько разъ нѣкоторые наши органы возвѣщали о перемѣнахъ въ политикѣ Австріи! Или, князь Бисмаркъ, откровенный только тогда, когда это находитъ выгоднымъ, въ самый разгаръ восточнаго вопроса заявилъ, что не пожертвуетъ для него костями даже одного померанскаго гренадера, и эту фразу у насъ долго и довѣрчиво повторяли въ печати, пока слишкомъ очевидные факты не обнаружили совсѣмъ иного отношенія къ вопросу. Еще наивнѣе было хотя одну минуту повѣрить недавнему и внезапному заявленію Порты, что она немедленно и безусловно произведетъ сдачу Дульциньо, и не увидать въ этомъ обычной уловки для выигрыша времени.

Нѣтъ, печати слѣдовало своевременно предупредить общественное мнѣніе, что нельзя очищать непріятельскую территорію, пока наши союзники не получили всего того, что было имъ присуждено хотя бы Берлинскимъ трактатомъ. Если неудобно и дорого было продолжать и безъ того во всѣхъ отношеніяхъ тягостное Санъ-Стефанское стояніе, то Эрзерумъ и Баязидъ все-таки могли служить залогомъ до окончательнаго выполненія статей, относящихся къ нашимъ союзникамъ. Теперь вошло въ моду ссылаться на мнимый европейскій концертъ; но и самая эта ссылка есть ничто иное какъ фикція. Напрасно мы говоримъ, будто вся Европа несетъ оскорбленіе отъ Порты. Ни одна иностранная держава не

---

* Петерб. Вѣдом., 1880 г., № 297. Октября 28.

принимаетъ этого оскорбленія на свой счетъ и именно потому не принимаетъ, что увеличеніе Черногоріи относитъ къ интересамъ одной Россіи. Другое дѣло греческій вопросъ. Его мы могли бы въ настоящую минуту вполнѣ предоставить европейскому концерту, такъ какъ греки не были нашими союзниками въ послѣднюю войну.

Другое замѣчаніе, которое я позволю себѣ высказать, относится къ недавно возникшимъ пререканіямъ о постройкѣ яхты «Ливадія». Пререканія эти тоже слѣдовало бы прекратить, ибо они невольно возбуждаютъ въ умѣ русскихъ читателей рядъ недоумѣній. Во-первыхъ, почему адмиралъ, торжественно провалившійся съ своимъ изобрѣтеніемъ круглыхъ броненосцевъ, все еще продолжаетъ строить русскіе корабли. А во-вторыхъ, почему строеніе этихъ кораблей продолжаетъ обогащать англійскіе заводы, вмѣсто того, чтобы развивать и поощрять собственное кораблестроеніе и собственную промышленность, хотя бы съ большею экономіей и съ меньшею роскошью. Не мѣшало бы нашей печати, когда она разсуждаетъ о русскомъ кораблестроеніи, почаще обращаться къ примѣру, завѣщанному намъ Петромъ Великимъ. Я говорю, конечно, о великомъ преобразователѣ Россіи, а не объ извѣстномъ кораблѣ, который такъ неудачно носитъ его имя.

ПУБЛИЦИСТИКА

ПО

ВНУТРЕННИМЪ ДѢЛАМЪ.

I.

О КЛАССИЧЕСКОЙ ШКОЛѢ.

Взглядъ на русскую печать за послѣднія 18 лѣтъ *.

Въ какіе бы отдаленные вѣка ни углублялся человѣкъ, изучающій историческую науку, современныя событія сохраняютъ для него самый живой интересъ. Мало того: наблюденія надъ ними необходимы для уясненія соотвѣтственныхъ явленій прежняго времени, равно какъ изученіе прошедшаго уясняетъ намъ, почему такъ, а не иначе совершается настоящее. Особенно глубокій интересъ вызываютъ конечно событія изъ современной жизни отечества. Мы имѣемъ передъ собою примѣры князя Щербатова и безсмертнаго Карамзина, которые, роясь въ пыли старыхъ рукописей и свитковъ, близко принимали къ сердцу и то, чему были сами свидѣтелями; а они были свидѣтелями важныхъ событій и современники блистательныхъ царствованій. Не намъ завидовать имъ, ибо мы живемъ въ эпоху, не менѣе важную. Въ самомъ дѣлѣ, какія великія и разнообразныя событія пережило наше поколѣніе въ послѣднія 18 лѣтъ! На нашихъ глазахъ обновляется почти вся Европа. И не одна Европа: движеніе охватываетъ и далекія страны земнаго шара, и онѣ начинаютъ принимать дѣятельное участіе въ быстромъ коловоротѣ всемірной исторіи. Громъ оружія и мирныя завоеванія науки, объединеніе двухъ великихъ націй и униженіе третьей, наиболѣе тщеславной и самонадѣянной; глубокія гражданскія реформы и рядомъ съ ними болѣзненныя слѣдствія прошлыхъ ошибокъ и неблагопріятныхъ условій; желѣзные пути, готовые охватить всю землю, сблизить и переплести взаимными интересами самые разнообразные и отдаленные другъ отъ друга народы—да, обширное и въ высшей степени поучительное поле для наблюдательныхъ умовъ.

* Русскій Архивъ. 1874, № 1.

Но всего живѣе для насъ картина нашего собственнаго отечества, открывающаяся геройскою защитою Севастополя и освобожденіемъ громаднаго крестьянскаго населенія. Чье перо будетъ въ состояніи изобразить все значеніе новыхъ реформъ, а также все разнообразіе и всѣ переходы явленій, ихъ сопровождавшихъ? Будущій историкъ, отрѣшенный отъ непосредственныхъ впечатлѣній, конечно спокойнѣе и безпристрастнѣе отнесется къ этому незабвенному періоду, чѣмъ наше поколѣніе. Сіе обстоятельство однако нисколько не мѣшаетъ намъ подводить итоги прожитыхъ лѣтъ, дѣлать имъ посильную оцѣнку и воздавать должное общественнымъ дѣятелямъ — разумѣется, на сколько это возможно при данныхъ условіяхъ: ибо всякій добрый гражданинъ прежде всего долженъ подчиняться отечественнымъ учрежденіямъ и дѣйствовать на пользу общую не иначе, какъ въ предѣлахъ законности. Это конечно старая истина; но всѣ подобныя истины должны быть повторяемы возможно чаще.

Имѣя въ виду время отъ времени сообщать свои наблюденія надъ важнѣйшими общественными явленіями нашей новѣйшей исторіи, мы предлагаемъ на первый разъ нѣсколько краткихъ замѣтокъ о Русскомъ печатномъ (а именно газетномъ и журнальномъ) словѣ, какъ представителѣ нашей образованности и нашихъ потребностей. Постараемся указать его заслуги предъ обществомъ, равно какъ и его ошибки. Эта сторона общественнаго развитія конечно болѣе, чѣмъ другія стороны, доступна наблюденію автора; но и тутъ мы ограничимся пока лишь немногими чертами.

Начало новаго царствованія и конецъ Крымской кампаніи составляютъ, какъ извѣстно, эру въ исторіи Русской цивилизаціи. Эта эра съ особою силою отразилась въ печатномъ словѣ: въ нѣсколько лѣтъ Русская печать выросла до высоты почти Европейской, — явное доказательство, что предыдущая эпоха прошла далеко не безслѣдно для нашего умственнаго развитія и что, напротивъ, она накопила нѣкоторый запасъ интеллигентныхъ силъ. Но между тѣмъ какъ въ правительственныхъ сферахъ начались дѣятельныя приготовленія къ кореннымъ преобразованіямъ, какая самая живая общественная потребность выразилась въ нашей текущей литературѣ вслѣдъ за паденіемъ Севастополя? Это была потребность самообличенія. Явленіе столь понятное, что оно почти не требуетъ объясненія: естественно, кто жаждетъ исправленія, тотъ прежде всего долженъ уяснить себѣ свои недостатки. И первый органъ, взявшійся удовлетворить этой потребности, съ разу пріобрѣталъ такую извѣстность, которая иногда порождала въ немъ великое самообольщеніе. Здѣсь не можемъ не коснуться того остроумнаго, но не глубокаго и чрезъ мѣру

кавшагося литературнаго дѣятеля, который процвѣталъ за границей въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ (т.-е. Герцена). Его изданія имѣли нѣкоторый успѣхъ именно своею обличительною стороною; а издатель не понялъ своего значенія и вообразилъ себя вѣстникомъ новыхъ идей, которымъ стоитъ осуществиться, чтобы облагодѣтельствовать любезное отечество. Но масса общественная совсѣмъ не такъ податлива и легкомысленна, какъ представлялъ себѣ «неисправимый идеалистъ». Она не пошла за его ученіемъ, и весь успѣхъ его пропаганды ограничился нѣсколькими неопытными юношами, да и то до тѣхъ только поръ, пока они не пріобрѣли опытности. Были конечно при этомъ и нѣкоторые жертвы поздняго раскаянія. Польскій мятежъ далъ сильный толчекъ общественному сознанію въ направленіи болѣе трезвомъ, болѣе національномъ, и указалъ ему на недостатки слишкомъ общаго, слишкомъ отвлеченнаго либерализма. Означенный литературный дѣятель увидалъ тогда, что онъ жестоко ошибался, думая руководить общественнымъ мнѣніемъ въ Россіи. Между тѣмъ все болѣе расширявшіяся льготы Русской печати (особенно новый цензурный уставъ 6 Апрѣля 1865 года), и ея успѣхи при обсужденіи общественныхъ вопросовъ постепенно отодвинули на самый задній планъ нашихъ заграничныхъ публицистовъ.

Первыя и самыя важныя услуги Русскаго печатнаго слова относятся къ великой крестьянской реформѣ. Идея и починъ ея, какъ извѣстно, принадлежатъ самому правительству; но лица, которымъ было поручено выполненіе Высочайшихъ предначертаній по этому дѣлу, со вниманіемъ отнеслись къ указаніямъ печати, и дѣло конечно отъ того только выиграло. При этомъ гласномъ обсужденіи крестьянскаго вопроса возникла замѣчательная борьба двухъ мнѣній: объ общинномъ и личномъ владѣніи землею. Защитники втораго мнѣнія опирались на принципы личной эмансипаціи, на примѣры цивилизованныхъ странъ и на задержки, которыя могутъ возникнуть со стороны общиннаго владѣнія и круговой поруки для успѣховъ сельскаго хозяйства и успѣховъ образованности вообще. Въ борьбѣ съ этимъ мнѣніемъ подали другъ другу руки двѣ литературныя группы, совершенно несходныя по своему характеру и основнымъ стремленіямъ: именно группа *славянофильская* и (если можно такъ выразиться) *соціально-демократическая*. Первая группа, согласно съ своими идеалами, отправлялась отъ древнерусск[illegible] об-
щины, возводя ее при этомъ на таку[illegible]
дѣйствительности она никогда не[illegible]
отъ западноевропейскаго пр[illegible]
крестьянскаго сословія [illegible]

поземельныя условія Россіи, ея обширность и малонаселенность далеко не походили на условія западноевропейскихъ странъ. Правительство, какъ извѣстно, рѣшило вопросъ въ пользу общиннаго крестьянскаго владѣнія; но для внимательнаго наблюдателя ясно, что оно въ этомъ случаѣ не руководствовалось ни идиллическими возрѣніями первой группы, ни соціально-демократическими второй. Оно руководствовалось просто принципомъ осторожности и постепенности: сельская община съ ея круговой порукой издавна внѣдрилась въ нашъ государственный организмъ; она представляла болѣе надежности въ исправномъ отбываніи государственныхъ податей и повинностей. Быстрый переворотъ съ этой стороны казался неудобнымъ въ разныхъ отношеніяхъ, и правительство предоставило будущему постепенно вырабатывать окончательную эманципацію крестьянства, имущественную и личную.

Всѣмъ памятна та энергія, съ которою Русская печать, одушевленная идеею объ улучшеніи быта нашего чернаго народа, боролась противъ системы винныхъ откуповъ. Правительство въ своихъ попеченіяхъ, направленныхъ къ той же цѣли, вняло голосу общественнаго мнѣнія и отмѣнило означенную систему, замѣстивъ ее системою акцизною. Послѣдняя безспорно представляетъ шагъ впередъ сравнительно съ своею предшественницею; но дѣйствительность показала, что печать преувеличивала значеніе той или другой системы по отношенію къ народному благосостоянію, т.-е. къ успѣхамъ трезвости и бережливости. Привычки и злоупотребленія, сложившіяся вѣками, не могутъ быть искоренены въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ одною перемѣною въ системѣ взиманія какого либо налога. Наше поколѣніе, въ числѣ другихъ историческихъ условій, унаслѣдовало отъ прошлыхъ временъ и ту замѣчательную черту общественнаго склада, по которой налогъ на спиртные напитки составилъ самую крупную статью государственныхъ доходовъ. Понятно, что государство не можетъ вдругъ отказаться отъ подобной статьи или произвести въ ней большое сокращеніе, безъ сильнаго потрясенія въ своихъ финансовыхъ средствахъ. Нужны постепенныя и глубоко обдуманныя мѣры, подготовляющія измѣненія въ цѣлой системѣ государственныхъ доходовъ на началахъ, существующихъ въ странахъ болѣе цивилизованныхъ. (Каковыя мѣры подготовляются, напримѣръ, по отношенію къ податной системѣ). Это съ одной стороны; а съ другой довольно быстрый переходъ къ болѣе свободному состоянію не могъ конечно, хотя на первое время, не отозваться нѣкоторыми неправильностями бытя, не установившагося, еще не вошедшаго въ извѣстную колею. *отношеніи, рядомъ* съ мѣрами экономическими, необходимы

зовательныя, т.-е. школа, школа и школа. Надобно отдать справедливость нашей печати: она посвятила послѣднему вопросу все то вниманіе, котораго онъ заслуживаетъ. Но и помимо указаній печати, народныя школы сдѣлались предметомъ особой заботливости настоящаго царствованія.

Чтобы улучшить нравственную сторону нашего народа, печать указывала и на другія образовательныя средства. Тутъ на первомъ планѣ стоитъ степень развитія ближайшихъ народныхъ наставниковъ, т.-е. нашего сельскаго духовенства. Правительство не упустило изъ виду и этой общественной потребности: часть своего времени оно посвятило заботѣ о духовныхъ училищахъ и вообще объ улучшеніи быта православнаго духовенства.

Съ вопросомъ о матеріальныхъ и нравственныхъ успѣхахъ Русскаго простаго люда незамѣтнымъ образомъ началъ связываться и вопросъ Еврейскій, вызванный на сцену Польскимъ мятежемъ въ началѣ 60-хъ годовъ. Руководимая отвлеченно-гуманными идеями, Русская печать съ жаромъ принялась проповѣдывать полную эмансипацію для огромной массы Еврейскаго населенія въ Западной Россіи, а также совершенную отмѣну его корпоративной отдѣльности отъ другихъ сословій. Независимо отъ этой проповѣди, почти одновременно съ усмиреніемъ мятежа, послѣдовало и начало эманципаціи. Указомъ отъ 16 іюля 1865 года дозволено Евреямъ-ремесленникамъ переселяться изъ западныхъ губерній на жительство въ другія области Имперіи. Впослѣдствіи упомянутый жаръ нѣсколько охладѣлъ у нашихъ публицистовъ, когда вопросъ этотъ сдѣлался предметомъ болѣе серьезнаго вниманія. Послышались голоса, которые указывали преимущественно на эксплуататорскій характеръ Еврейскаго элемента, а также на примѣры покойной Рѣчи Посполитой и современной Австріи, въ которыхъ еврейство явилось однимъ изъ элементовъ разложенія: въ первой оно втѣснилось между высшимъ и низшимъ классами и порвало между ними живыя связи; во второй оно на нашихъ глазахъ захватило въ свои руки финансовыя операціи, значительную часть печати, торговли, землевладѣнія и т. п. Увидали, что истинный вопросъ заключается въ слѣдующемъ: какимъ образомъ по отношенію къ этому тяжелому наслѣдію, доставшемуся намъ отъ Рѣчи Посполитой, гуманные принципы согласовать съ интересами собственнаго народа и оградить его отъ Еврейской эксплуатаціи, особенно въ тѣхъ отрасляхъ, которыя имѣютъ непосредственное вліяніе на народную экономію (какъ напр. продажа крѣпкихъ напитковъ). Изъ Западной Россіи не замедлили двинуться многочислен[illegible]олонисты. По своимъ видамъ всѣ эти пролетаріи оказались ремес[illegible]ли; но въ дѣйствительности они умножили число изгнанныхъ [illegible]

говлѣ, ростовщиковъ, корчмарей, наполнили штаты разныхъ акціонерныхъ обществъ, принялись снимать подряды на желѣзныя дороги, что́ не замедлило отразиться на качествѣ работъ, и т. д. На эту сторону Еврейскаго вопроса Русская печать, какъ я сказалъ, не замедлила обратить свое вниманіе. Лихорадочныя банковыя операціи въ Австріи, наступившія затѣмъ банкротства и разореніе множества семействъ должны были усилить это вниманіе. Извѣстно, что Россія съ ея громадными естественными богатствами болѣе всего нуждается въ рабочихъ рукахъ, а не въ милліонахъ посредниковъ между производителями и потребителями.

Пока въ правительственныхъ сферахъ разработывались проекты судебныхъ уставовъ на началахъ, Высочайше утвержденныхъ 29 Сентября 1862 года, печать, на сколько имѣла силы, помогала изученію и этой столь важной стороны Европейскаго государственнаго быта. Съ 1866 года судебная реформа начала постепенно приводиться въ исполненіе. Благодаря своему основному принципу, т.-е. гласности, процессы стали совершаться при постоянномъ контролѣ общественнаго мнѣнія, и надобно отдать справедливость нашимъ новымъ судебнымъ учрежденіямъ: они, можно сказать, сразу заняли подобающее имъ положеніе въ Русскомъ государственномъ механизмѣ. Люди, наклонные къ пессимизму, могутъ указывать, и дѣйствительно указывали, на разные ихъ недостатки; но они не берутъ въ разсчетъ многихъ привычекъ и условій нашей жизни, оторваться отъ которыхъ невозможно съ такою скоростію. Въ послѣднее время напримѣръ, часть печати обратила вниманіе на нѣкоторые приговоры присяжныхъ, несогласные съ принципами справедливости. Но отсюда еще не слѣдуетъ дѣлать рѣшительнаго заключенія о судѣ присяжныхъ вообще. Кромѣ недостатковъ со стороны предварительнаго слѣдствія, продолжающейся медленности процессовъ и не всегда энергичнаго обвиненія, печати слѣдовало бы обратить болѣе вниманія на организацію собственно института присяжныхъ, напримѣръ, на возможность подбора со стороны защиты, при помощи широкаго пользованія правомъ отвода, и на излишнюю таинственность, которою облечены присяжные, такъ что и самыя имена ихъ почему-то не обнародываются. Такимъ образомъ они ускользали отъ общественнаго контроля, а потому и не вполнѣ выражали общественную совѣсть. Замѣчательно, что слабая сторона именно сказывается тамъ, гдѣ кончается гласность и начинается таинственность. Мы, можетъ быть, иногда слишкомъ буквально стараемся подражать западнымъ образцамъ въ самыхъ подробностяхъ, не принимая въ разсчетъ различія жизненныхъ условій. Намъ кажется, что печать кромѣ того недостаточно обращала вниманія на подготовку и ораторскіе пріемы нашей

адвокатуры. Послѣдняя, сколько мы могли замѣтить, вмѣсто того, чтобы усвоить себѣ дѣловое направленіе адвокатовъ англійскихъ и нѣмецкихъ, слишкомъ часто сбивалась на фразеологію и стремленіе къ эффектамъ адвокатуры Французской.

Почти одновременно съ судебною реформою открыты были новыя земскія учрежденія на началахъ всесословнаго избирательнаго состава. Объ этихъ учрежденіяхъ мы не можемъ повторить того же, что сказали сейчасъ о судебныхъ. Русское дворянство дало намъ передовыхъ дѣятелей почти на всѣхъ путяхъ нашей обновленной исторической жизни. Естественно было ожидать, что свою долю опытности, пріобрѣтенную въ дѣлѣ самоуправленія, оно примѣнитъ и къ новымъ земскимъ учрежденіямъ, чтобы вести ихъ по настоящему пути. Но, къ сожалѣнію, первые шаги на этомъ поприщѣ не вездѣ отличались должнымъ тактомъ и благоразуміемъ. Вмѣсто того, чтобы строго держаться экономическаго круга дѣйствій, имъ отведеннаго, нѣкоторыя земскія собранія уклонились на дорогу политическую, и тѣмъ нѣсколько повредили успѣшному развитію самого учрежденія. Вдобавокъ, оно было почти изъято изъ контроля общественнаго мнѣнія. Поэтому для человѣка, слѣдящаго за современною исторіей по преимуществу изъ своего кабинета, трудно составить себѣ ясное понятіе о томъ, на сколько прививается и преуспѣваетъ данное учрежденіе и какое именно значеніе получило оно въ сложномъ государственномъ механизмѣ.

Только въ послѣднее время, судя по нѣкоторымъ признакамъ, дѣятельность земскихъ собраній получаетъ болѣе гласный характеръ. Почти то же можно сказать и о городскомъ хозяйственномъ самоуправленіи, преобразованномъ также на началахъ всесословности. Относительно городскихъ и земскихъ учрежденій укажу еще на одну черту, на которую наше печатное слово доселѣ слишкомъ мало обращало вниманія: это недостатокъ стойкости или практической выдержки, который нерѣдко встрѣчаемъ со стороны наиболѣе интеллигентныхъ силъ, когда дѣло касается общественнаго служенія: малѣйшее непріятное столкновеніе, и мы тотчасъ выходили въ отставку. Благодаря этому обыкновенію, да еще нашей до излишества доведенной привычкѣ процвѣтать въ Парижѣ, скитаться по Рейну или предаваться созерцанію Альпійской природы, многія важныя отрасли Русской жизни переходили въ руки или менѣе интеллигентныя, или даже не совсѣмъ Русскія.

У всѣхъ великихъ націй военныя учрежденія играютъ чрезвычайно важную роль въ системѣ государственнаго механизма. Наше отечество въ этомъ отношеніи не отставало отъ другихъ народовъ и зорко слѣдило за всѣми движеніями военнаго искусства, особенно со времени Крымской кам-

паніи. Австро-Прусская война, какъ извѣстно, дала новый толчекъ военному дѣлу. Но при этомъ произошло любопытное явленіе: Европейская печать не только прежде не замѣчала возрастанія Прусскаго могущества, но и теперь не вдругъ оцѣнила его успѣхи, и тайну ихъ искала сначала въ самомъ наглядномъ превосходствѣ, т.-е. въ превосходствѣ игольчатаго ружья. Правда, послышались голоса, что при Садовой побѣдил прусскій народный учитель; но народное образованіе трудно подвинуть разомъ впередъ; гораздо легче ввести новую систему оружія, и вотъ все Европейскія государства дѣятельно принялись за перевооруженіе своихъ армій. Жребій жестокаго разочарованія въ этомъ отношеніи выпалъ на долю Франціи, т.-е. на долю той державы, которая считалась дотолѣ самою воинственною. Наполеонъ III снабдилъ свою армію скорострѣльными ружьями, еще болѣе усовершенствованными чѣмъ прусскія, приготовилъ картечницы, и думалъ, что настала минута разгромить Нѣмцевъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ утвердить свой колеблющійся тронъ. Европейская публицистика по этому поводу снова показала свою близорукость. Еще наканунѣ Франко-Прусской войны она настойчиво повторяла, что все обстоитъ благополучно, и Европейскій миръ обезпеченъ болѣе чѣмъ когда либо. Да, при всѣхъ огромныхъ услугахъ, которыя ежедневная печать оказываетъ дѣлу цивилизаціи, нельзя не замѣтить, что она нерѣдко является несостоятельною въ политическихъ вопросахъ первостепенной важности. Это совершенно естественно. Газетное слово есть отраженіе текущей общественной жизни; оно также впечатлительно, какъ сама эта жизнь. Въ ежедневныхъ толкахъ и спорахъ сущность дѣла часто ускользаетъ изъ виду, и мелкіе поверхностные интересы заслоняютъ въ глазахъ публики болѣе глубокія теченія исторіи. Когда война была объявлена, то по обыкновенію нашлись органы, которые увѣряли, что войну эту они предвидѣли и даже предсказали. Между тѣмъ, въ ожиданіи рѣшительныхъ дѣйствій, печать принялась взвѣшивать и обсуждать взаимныя отношенія силъ между противниками, и тутъ, на основаніи повидимому самыхъ точныхъ вычисленій, перевѣсъ явно клонился на сторону Французовъ. И съ этой стороны ее ожидало жестокое разочарованіе. Новое доказательство, что Европейская ежедневная печать, со включеніемъ своего корифея, т.-е. печати Англійской, во многихъ отношеніяхъ скользитъ по поверхности явленій и мало проникаетъ въ ихъ глубину. Двадцать слишкомъ лѣтъ она поклонялась государственному уму и политической ловкости Наполеона III и ловила фразы этого новаго сфинкса. Она считала Францію болѣе могущественною, чѣмъ когда либо, и не замѣчала, что рядомъ съ нею выросла новая сила, еще болѣе могущественная, т.-е.

Пруссія. Въ критическую минуту раскрылся истинный характеръ Наполеона III; оказалось, что онъ дѣйствительно великъ—но только на поприщѣ мелкихъ политическихъ интригъ; оказалось, что возвѣщенная Европейскою печатью милліонная Французская армія (включая мобилей) существовала только на бумагѣ; тогда какъ у Пруссаковъ она явилась дѣйствительностію. Даже военная французская доблесть оказалась въ отсутствіи; арміи и крѣпости наперерывъ спѣшили сдаться непріятелю. Частые политическіе перевороты и династическія перемѣны принесли свой плодъ: Французскій главнокомандующій, достойный сотрудникъ своего патрона, вмѣсто энергической обороны занялся политикой, вошелъ въ переговоры съ непріятелемъ, позволилъ себя кругомъ опутать и довелъ до сдачи единственную регулярную армію Франціи.

Русская ежедневная печать во время этихъ потрясающихъ событій, конечно, не отдѣлялась отъ печати Европейской; она оказалась столь же застигнутою врасплохъ великими событіями и, можетъ быть, еще болѣе впечатлительною. Она довольно вѣрно отражала симпатіи и антипатіи нашего общества; но подняться выше, оцѣнить всю важность минуты для интересовъ своего отечества и указать способы воспользоваться случаемъ, который можетъ быть никогда или очень не скоро повторится—въ этомъ отношеніи печать наша явилась неподготовленною. Да и невозможно въ данную критическую минуту требовать глубокихъ политическихъ соображеній отъ публицистики, занятой почти исключительно собираніемъ и передачею ежедневныхъ новостей. Когда серьезно подумать? Когда углубиться въ какой либо вопросъ и обсудить его со всѣхъ сторонъ?

Русское правительство не пропустило удобной минуты, чтобы начать возобновленіе нашего Черноморскаго флота, столь необходимаго для будущаго рѣшенія Восточнаго вопроса. Въ то же время начались приготовительныя работы для введенія въ Россіи общеобязательной военной службы. Франко-Прусская борьба показала Европѣ, что въ предыдущей войнѣ (съ Австріей) Пруссія развернула свои силы въ половину и теперь только обнаружила ихъ во всемъ поражающемъ величіи; что дѣло заключалось не въ одномъ улучшенномъ оружіи, а въ военной организаціи и прежде всего въ общей повинности. Такимъ образомъ примѣръ Франціи съ особою ясностію указалъ значеніе событій въ исторіи. Тамъ не было недостатка въ голосахъ, которые предостерегали общество и пытались вразумить его на счетъ самообольщенія и всякаго рода заблужденій; но эти голоса терялись въ суетѣ мелкихъ ежедневныхъ интересовъ, и, чтобы отрезвить общество, нужны были великія событія. Да, послѣднія играютъ главную воспитательную роль въ исторіи народовъ.

Русская печать съ обычнымъ усердіемъ приняла участіе и въ обсужденіи предстоящей военной реформы, при чемъ разногласія касались только второстепенныхъ пунктовъ; а по вопросу самому существенному, т.-е. по вопросу объ общей повинности, мы не замѣтили никакого особаго разномыслія; слѣдовательно всѣ слои Русскаго общества, съ большею или меньшею готовностію, встрѣтили эту обязанность защищать свое отечество. Но интересны продолжавшіеся въ нашей печати толки о причинахъ столь блистательныхъ успѣховъ Прусской арміи. Послѣ школьнаго учителя и усовершенствованнаго оружія, какъ мы сказали, Европейская печать, съ Русскою включительно, первая обратила серьезное вниманіе на общую военную повинность въ Пруссіи, т.-е. на ея способность во время мира содержать армію самую меньшую сравнительно съ другими великими державами на континентѣ, а во время войны выставлять армію самую громадную. За этою главною стороною послѣдовало обсужденіе другихъ сторонъ. Между тѣмъ какъ нѣкоторые военные публицисты строили болѣе или менѣе неудобные проекты (въ родѣ того, чтобы покрыть Россію массами кавалеріи), болѣе серьезные теоретики начали постепенно развивать поучительныя подробности Прусской военной организаціи. Они указывали на подготовку и устройство общества офицеровъ, на организацію унтеръ-офицеровъ, устройство штаба, умно разсчитанную систему обученія рекрутъ, даже цѣлесообразную выдержку артиллерійскихъ упряжныхъ лошадей и пр., и пр. Все это прекрасно и совершенно вѣрно. Но, слѣдя за всѣми этими подробностями, Русское общество, т.-е. Русское печатное слово, не должно упускать изъ виду, что причиною прусскихъ успѣховъ есть сумма всѣхъ указанныхъ сторонъ съ присоединеніемъ многихъ другихъ; а главное, что всѣ усовершенствованія и успѣхи истекали изъ слѣдующихъ основныхъ началъ: глубокій разсчетъ во всѣхъ начинаніяхъ, энергія и стойкость въ ихъ исполненіи и строгая во всемъ экономія. Особенно обращаемъ вниманіе Русскаго общества на послѣднюю, и смѣло утверждаемъ, что Пруссія изъ маленькаго государства, которымъ она была за сто съ небольшимъ лѣтъ, развилась въ столь цвѣтущее и могущественное прежде всего посредствомъ своей экономіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы не должны упускать изъ виду другой важнѣйшей стороны, а именно ея чисто Нѣмецкой политики. Пруссія, особенно въ послѣднія 50 лѣтъ, безъ крайней нужды не выдвигалась впередъ и не мѣшалась въ разныя политическія комбинаціи; она не разбрасывала своихъ силъ, и средства свои тратила только тамъ, гдѣ это могло принести ей дѣйствительную пользу; однимъ словомъ, она представляла образецъ политики чрезвычайно разсчетливой и вполнѣ національной. И такъ, экономія,

народныя училища и строго національная политика—вотъ краеугольные камни, на которыхъ утвердились могущество и образованность Пруссіи. Ея политика достигла той зрѣлости и устойчивости, которыя умѣютъ различать существенное отъ скоропреходящаго; она не такъ легко поддается впечатлительности, а слѣдовательно и колебаніямъ, которыя мы видимъ иногда въ другихъ странахъ. Напримѣръ, еще въ 20-хъ годахъ настоящаго столѣтія, Прусское общество, наравнѣ съ другими, придавало большое значеніе разнымъ выходкамъ со стороны бурливой молодежи. Но оно давно уже оцѣнило ихъ по достоинству, и въ наше время никакія болѣзненныя явленія съ этой стороны не заставили его уклониться отъ послѣдовательнаго, ровнаго движенія къ исполненію своихъ великихъ задачъ. Въ свою очередь и молодежь Прусская, не возбуждаемая никакими обобщающими репрессивными мѣрами, не имѣла поводовъ воображать себя политическою силою и серьезнѣе относилась къ своимъ школьнымъ обязанностямъ.

Выше мы упомянули о соціально-демократическомъ направленіи, которое проникло въ нѣкоторую часть Русской печати. Если въ странахъ болѣе цивилизованныхъ существовали и существуютъ мечтатели, которые проповѣдуютъ переустройство общества на началахъ, ведущихъ къ дикому состоянію, то естественно, при нашихъ все еще подражательныхъ отношеніяхъ къ Западу, и эти идеи находили у насъ прозелитовъ. Но тотъ жестоко ошибется, кто приписалъ бы этому направленію серьезное значеніе или дѣйствительную опасность для консервативныхъ началъ. Нѣсколько времени упомянутое направленіе имѣло какъ будто успѣхъ, такъ что органы его пользовались нѣкоторымъ, если не авторитетомъ, то по крайней мѣрѣ вниманіемъ. Но успѣхъ этотъ былъ довольно эфемерный. Причина его была отчасти та же, какая способствовала успѣху упомянутыхъ выше заграничныхъ изданій, т.-е. моментъ, когда общество находилось въ періодѣ самообличенія и стремленія къ улучшенію; а потому все, что подходило подъ это настроеніе, привлекало вниманіе, хотя большинство читающей публики часто не понимало и даже не подозрѣвало сущности тѣхъ ложныхъ ученій, которыя лежали въ основѣ подобной пропаганды. Эта пропаганда пріобрѣтала послѣдователей преимущественно между молодежью, но послѣдователей, конечно, весьма ненадежныхъ. Молодежь обыкновенно не имѣетъ еще ни семейства, ни собственности, ни серьезныхъ гражданскихъ обязанностей; а потому въ ея средѣ всегда можно найти людей, которые готовы легкомысленно относиться къ этимъ основнымъ началамъ человѣческаго общества. Такое отношеніе скоропреходяще: стоитъ только молодому человѣку потомъ окунуться въ житей-

ское море, чтобы почувствовать свои заблужденія. Конечно могутъ быть упорные фанатики и въ этомъ случаѣ, какъ во многихъ другихъ; но они, повторяемъ, существовали и существуютъ въ странахъ болѣе насъ цивилизованныхъ, и даже въ такихъ консервативныхъ, каковы напримѣръ Англія и Германія; однако отъ нихъ общество не падаетъ и не разрушается, а наоборотъ, принципы семьи и собственности все болѣе и болѣе укрѣпляются съ успѣхами образованности. Ко всѣмъ подобнымъ фанатикамъ масса общества относится какъ къ оригиналамъ — не болѣе. Эфемерному успѣху соціально-демократическаго направленія способствовало еще слѣдующее обстоятельство. Большинство стараго поколѣнія не нашло въ себѣ достаточной подготовки, чтобы отвѣчать на софизмы молодежи; оказался недостатокъ логики, энергіи и моральнаго авторитета. (Если вышеупомянутый успѣхъ еще отчасти не прекратился, то это потому, что еще не перестали дѣйствовать и его причины). Между тѣмъ жалобы стараго поколѣнія на молодое очень скоро перешли въ печать. Часть этой печати начала преувеличивать значеніе упомянутыхъ софизмовъ и пугать читателей великими опасностями, грозящими общественному порядку отъ такъ наз. нигилизма или отрицанія. Она провозгласила знаменитое «videant consules». Раздались голоса, которые настойчиво требовали объявить общество въ осадномъ положеніи. Результаты были именно тѣ, которыхъ слѣдовало ожидать. Нигилизмъ въ глазахъ публики вдругъ выросъ въ общественное явленіе громадной важности, въ такое явленіе, для борьбы съ которымъ нужны быстрыя и чрезвычайныя мѣры. Это еще болѣе подстрекало молодежь, т.-е. самую легкомысленную ея часть; она почувствовала себя политическою силою, да и не могла не почувствовать, потому что ее усердно увѣряли въ томъ и друзья, и противники. Такой оборотъ дѣла какъ нельзя болѣе оказался благопріятенъ для тѣхъ скрытыхъ агитаторовъ, которые имѣли въ виду конечно не переустройство общества на другихъ началахъ, а цѣли гораздо болѣе близкія и осуществимыя. Напримѣръ, эти агитаторы, по нѣкоторымъ своимъ соображеніямъ, желали остановить какое-нибудь непріятное для нихъ движеніе, отвлечь отъ чего-нибудь вниманіе, однимъ словомъ произвести замѣшательство (Россія же, къ сожалѣнію, имѣетъ много враговъ), и вотъ они съ особой энергіей обращали свои усилія въ среду наивной молодежи, чтобы подбить ее на какую нибудь выходку: ибо напередъ были увѣрены, что послѣдней будетъ придана большая важность. И дѣйствительно, значительная часть общества приходила въ волненіе, ожесточалась противъ своей молодежи, требовала чрезвычайныхъ мѣръ. Повидимому, выходка не достигала своей цѣли. Нѣтъ, вполнѣ достигала; ибо

истинный, скрытый ея смыслъ былъ совсѣмъ не тотъ, который слышался въ устахъ какого нибудь фанатизованнаго недоучки; послѣдній не подозрѣвалъ, что онъ былъ слѣпымъ орудіемъ въ чужихъ рукахъ.

Тѣ наши публицисты, которые особенно усердно эксплуатировали общественное мнѣніе при помощи искусственной паники, обнаружили по этому случаю недостатокъ исторической подготовки для своего дѣла *. Во первыхъ, поворотъ къ лучшимъ, болѣе прогрессивнымъ порядкамъ никогда не совершается безъ нѣкоторыхъ аномалій или безъ всякихъ жертвъ, и просвѣщенная, патріотически-настроенная публицистика должна, вмѣсто паники, проповѣдывать обществу извѣстную долю терпѣнія и мужество, именно для того, чтобы уменьшить количество жертвъ и противодѣйствовать замѣшательствамъ. Во-вторыхъ, эти консервативные публицисты слишкомъ мало изучили Русскую общественную массу, которая по отношенію къ охранительнымъ и легитимнымъ инстинктамъ не только никому не уступитъ, а можетъ быть превзойдетъ и Нѣмцевъ, и Англичанъ. Въ-третьихъ, нигдѣ и никогда молодежь не подвергала серьезной опасности общественный порядокъ и не совершала переворотовъ; а если и принимала въ нихъ какое участіе (какъ это случалось у Поляковъ), то причина ихъ лежала не въ легкомысліи собственно молодежи. Все, что могли сами по себѣ сдѣлать недозрѣлые юноши или тупоумные ихъ вожаки, это—произвести какую-нибудь вздорную демонстрацію, подбросить нелѣпую прокламацію или совершить какое либо преступленіе, въ родѣ убійства изъ за угла. Но было бы достаточно, если бы всякое подобное преступленіе подвергалось заслуженной карѣ законовъ. А если публицистика станетъ придавать ему огромное общественное значеніе, то не значитъ ли это обыкновенныхъ преступниковъ возводить на степень мучениковъ идеи? Не подстрекнетъ ли такое значеніе и другихъ легкомысленныхъ людей?

Публицисты, столь много трактовавшіе о пожарѣ, яко бы охватившемъ умы чуть ли не всей Русской молодежи, можетъ быть, недостаточно обращали вниманія на дѣйствительные пожары, которые съ замѣчательнымъ постоянствомъ ежегодно опустошаютъ наши города и села. Эта продолжительная и неослабѣвающая эпидемія безъ всякаго сомнѣнія требуетъ скорыхъ и рѣшительныхъ мѣръ, ибо грозитъ консервативнымъ началамъ не мнимою, а серьезною опасностію. Голодъ, постоянные пожары и тому подобныя бѣдствія охватываютъ цѣлыя населенія; а извѣстно, что обнищалыя массы могутъ представить матеріалъ, весьма при-

* Рѣчь идетъ объ издателяхъ Московскихъ Вѣдомостей.

годный для людей злонамѣренныхъ, матеріалъ дѣйствительно опасный для общественнаго порядка. Печати нашей вмѣсто благодушныхъ ссылокъ за неосторожное обращеніе съ огнемъ, слѣдовало бы обратить на этотъ предметъ болѣе серьёзное вниманіе и поискать, нѣтъ ли тутъ систематической и настойчивой подготовки упомянутаго матеріала, а слѣдовательно обсудить возможно лучшія мѣры къ скорѣйшему пресѣченію зла. Публицистика наша никогда не должна упускать изъ виду, что самый вѣрный способъ укрѣплять охранительныя начала заключается не въ Донъ-Кихотской борьбѣ съ вѣтряными мельницами, а въ экономическихъ и вообще гражданскихъ мѣрахъ, болѣе и болѣе обезпечивающихъ личную и имущественную безопасность. Въ этомъ отношеніи возрастающая дороговизна, которая тяжело падаетъ на бѣдные классы, и рядомъ съ нею продолжающаяся наклонность къ непомѣрной роскоши высшихъ слоевъ общества (наклонность, которая распространяла привычку жить сверхъ своего состоянія и входить въ долги) представляли для печати болѣе достойный предметъ вниманія, чѣмъ многое другое; хотя бы, напримѣръ, тщательное наблюденіе надъ всѣми перипетіями внутренней Австрійской политики, представляющей безконечную борьбу централизма, дуализма и федерализма.

Что касается до молодаго поколѣнія, то разумѣется, главная обязанность общества по отношенію къ нему, это забота о его образованіи, т.-е. образованіи возможно болѣе солидномъ. Будущій историкъ Русскаго развитія отдастъ полную справедливость и этой отрасли правительственныхъ заботъ нашего времени. Одушевленная истинно отеческими чувствами, государственная власть употребляетъ всѣ средства и всѣ усилія, чтобы поставить наше среднее и высшее образованіе на прочную общеевропейскую основу и освободить его отъ тѣхъ колебаній, которымъ оно доселѣ подвергалось. Болѣе благихъ попеченій и болѣе энергическихъ усилій невозможно и желать съ этой стороны. Здѣсь мы должны хотя немного коснуться тѣхъ публицистовъ, которые посвятили этому вопросу много труда, и проводили свои мысли съ замѣчательнымъ талантомъ и энергіей. Но странное дѣло! Отчего же въ столь благомъ дѣлѣ они не встрѣтили себѣ достаточно сочувствія, и мало-по-малу заняли такое, можно сказать, одинокое положеніе въ нашей печати? Неужели наше общество не цѣнитъ, неспособно оцѣнить пользу того солиднаго образованія, которое они проповѣдывали? Утверждать что либо противное было бы несправедливо. Приписывать такую безтолковость Русскому обществу значило бы клеветать на него. Чтобы быть справедливымъ въ данномъ случаѣ, надобно строго отличить сочувствіе къ сущности дѣла отъ несочувствія къ тѣмъ

пріемамъ, которые были пущены въ ходъ охранительными публицистами. Борьба съ противнымъ мнѣніемъ, довольно слабымъ по своимъ аргументамъ, хотя и не представляла особой трудности, требовала однако нѣкоторой доли терпѣнія и возможно-разносторонняго объясненія вопроса. Поборники солиднаго образованія,* дотолѣ столь высоко стоявшіе въ общественномъ мнѣніи, явившіеся столь достойными сотрудниками нашего умственнаго движенія, бывшіе представителями консервативно-либеральнаго направленія, къ прискорбію наиболѣе образованной части публики, не сохранили того достоинства и той спокойной силы убѣжденія, которыхъ требовали важность и великое общественное значеніе самаго предмета. Они дали излишнюю волю своему самолюбію; въ пылу раздраженія послышались невѣрныя ноты и въ самой системѣ доказательствъ,—такія ноты, которыя негармонично отзывались на инстинктахъ общества. Они незамѣтно для себя уклонились отъ прямаго пути, и вмѣсто того, чтобы раскрывать передъ публикой истинное и высокое значеніе общеевропейской школы, постарались придать ей оттѣнокъ какой то чрезвычайной и (если можно такъ выразиться) осадной мѣры. Для публициста мало того, чтобы онъ проводилъ какое либо благое начинаніе; надобно, чтобы онъ проводилъ его съ тактомъ, съ достоинствомъ и съ чувствомъ мѣры, а иначе вмѣсто того, чтобы облегчить наилучшее и прочное осуществленіе этого благаго начинанія, можно искусственно умножить для него разныя затрудненія. Охранительные публицисты безспорно показали много ловкости въ достиженіи ближайшихъ цѣлей; но, повторяемъ, въ такомъ важномъ воспитательномъ дѣлѣ требовалось болѣе просвѣщеннаго отношенія къ нему, болѣе терпимости, гуманности и достоинства. Да, по отношенію къ этимъ высоко стоявшимъ публицистамъ, нельзя не вспомнить старой исторической истины: легче достигнуть извѣстной высоты, чѣмъ на ней удержаться. Не рѣдко люди, одушевленные самою благою идеею, не встрѣчали у своихъ современниковъ достаточно сочувствія только потому, что не сохранили мѣры и обнаружили излишекъ самолюбія.

Тѣмъ не менѣе Русское общество никогда не должно забывать многихъ услугъ, оказанныхъ этими публицистами дѣлу Русской цивилизаціи. Стоитъ только вспомнить ихъ неослабную борьбу со всякаго рода ложными ученіями, ихъ завоеванія на поприщѣ нашего печатнаго слова, постоянную защиту экономическихъ интересовъ общества, героическую борьбу съ Польскими притязаніями и тщательную разработку вопроса по обрусѣнію западныхъ окраинъ, необычайную энергію въ вопросѣ о желѣзныхъ

* Т.-е. Катковъ и Леонтьевъ.

путяхъ, и многое другое. Наконецъ послѣдняя, и едвали не самая важная, ихъ услуга — это постановка и обработка вопроса о Европейской школѣ. И то надобно сказать: не ихъ вина, если въ Русской печати не нашлось ни одного органа, который бы съумѣлъ, исходя отъ тѣхъ же началъ, смягчить то, что было шероховатаго и односторонняго въ дальнѣйшей обработкѣ этого вопроса. А извѣстно, что какъ бы ни былъ уменъ человѣкъ, горячо преданный какой либо идеѣ, онъ неизбѣжно впадаетъ въ односторонность, если не встрѣтитъ себѣ надлежащей сдержки.

Послѣднее, довольно громкое событіе нашего времени—это Хивинскій походъ. Тщательно, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, подготовленный планъ экспедиціи былъ исполненъ съ замѣчательной энергіей и стойкостью. Главная задача экспедиціи заключалась въ томъ, чтобы преодолѣть всѣ трудности, представляемыя природою, и дойти до Хивы. Эта задача была рѣшена такъ, что возбудила удивленіе всего образованнаго міра. Чего нельзя сдѣлать съ такими войсками! Неукротимыя племена Средней Азіи оказали такое отчаянное сопротивленіе, которое даже превзошло ожиданія; но всѣ усилія восточныхъ варваровъ разбились о наши колонны. Однако, утѣшаясь подвигами своей арміи, не будемъ забывать примѣры изъ древней и новѣйшей исторіи, которые доказываютъ, что, какъ ни трудна иногда бываетъ побѣда надъ природою, но еще труднѣе побѣдить того противника, который съ мужествомъ соединяетъ хорошую организацію. Слѣдовательно, будемъ преуспѣвать въ организаціи, ни въ чемъ не уступающей нашимъ западнымъ сосѣдямъ. Русская печать съ должнымъ сочувствіемъ отозвалась на военные успѣхи въ Азіи, и съ большимъ успѣхомъ принялась обсуждать тѣ выгоды, которыя можно извлечь изъ нихъ, и тѣ мѣры, которыя должны обезпечить эти выгоды. Ибо, едва экспедиція кончилась, какъ стало ясно, что у насъ, хотя и въ меньшихъ размѣрахъ, готова повториться исторія Кавказской войны, при чемъ малодоступные скалы и лѣса смѣнились еще менѣе доступными пустынями и песками. Но наше время сравнительно съ прошедшимъ имѣетъ превосходство опытности и болѣе систематическаго отношенія къ дѣлу; а всестороннему обсужденію послѣдняго по мѣрѣ силъ будетъ помогать и Русская печать.

Итакъ,—каковы бы ни были временныя уклоненія отъ прямой дороги, случавшійся иногда недостатокъ осторожности, такта, или просто ложное направленіе того или другаго органа,—въ итогѣ исторія все-таки отдастъ полную справедливость заслугамъ Русскаго печатнаго слова за послѣднія осьмнадцать лѣтъ. Эти заслуги получатъ еще большую цѣну, если возьмемъ въ разсчетъ относительную молодость и малую опытность нашей публицистики. Остается пожелать, чтобы на будущее время для борьбы

со всякою ея фальшью, со всякою крайностію и односторонностію нашлось достаточно интеллигентныхъ силъ и энергіи въ средѣ самого же печатнаго слова. Впрочемъ, какіе бы ни появлялись время отъ времени туманы, навѣянные на поверхность Русскаго общества крайними направленіями съ той и другой стороны, они разсѣятся при первыхъ лучахъ свѣта и правды; они не поколеблятъ ни здраваго смысла Русскаго народа, ни его безграничной преданности къ своему Верховному вождю и соединенныхъ съ нею упованій.

Уроки исторіи. *

Въ первой книжкѣ Русскаго Архива за текущій годъ мы предложили вниманію публики обзоръ Русской печати въ новѣйшій періодъ нашей исторіи. Такъ какъ Русское печатное слово за это время касалось почти всѣхъ важнѣйшихъ сторонъ общественной жизни, то авторъ естественно долженъ былъ высказать свой взглядъ на эти стороны, по крайней мѣрѣ на тѣ, которыя наиболѣе доступны его наблюденію. При своемъ общемъ обзорѣ онъ не входилъ въ подробности и ограничился только краткими замѣтками. Между тѣмъ два-три высказанныя имъ положенія, затрогивающія наиболѣе живыя воспоминанія изъ недавняго прошедшаго, требуютъ болѣе полнаго объясненія. Если не печатно, то изустно нѣкоторыя уважаемыя нами лица заявляли это требованіе, и мы вполнѣ признаемъ его справедливость. Рѣчь идетъ преимущественно о той части нашего обзора, которая касается отношенія общества къ своему молодому поколѣнію.

Охотно продолжаемъ нашу бесѣду съ читающею публикою, избирая для этой цѣли историческое изданіе именно потому, что свои положенія и объясненія мы основываемъ преимущественно на урокахъ исторіи. Возобновляемъ бесѣду тѣмъ съ большею готовностію, что въ этотъ короткій промежутокъ времени обнародовано два акта великой важности, и при томъ относящіеся къ той сторонѣ общественнаго развитія, о которой ведемъ нашу рѣчь. Я разумѣю Высочайшій рескриптъ 24 Декабря 1873 года, данный на имя министра народнаго просвѣщенія графа Димитрія Андреевича Толстаго, и Высочайшій манифестъ 1 Января 1874 года о всесословной воинской повинности. Оба эти акта имѣютъ между собой тѣсную внутреннюю связь. Въ первомъ, т.-е. въ рескриптѣ 25 Декабря, Верхов-

---

* Русскій Архивъ. 1874, №№ 2 и 3.

ная Власть вновь подтверждаетъ свое рѣшеніе вопроса о средне-учебныхъ заведеніяхъ,—рѣшеніе, произнесенное въ пользу обще-европейскаго солиднаго образованія. Въ виду такого подтвержденія, по нашему крайнему разумѣнію, Русская печать могла бы прекратить дальнѣйшія пререканія о господствѣ того или другаго начала въ учебной системѣ, и тѣмъ болѣе, что рескриптъ кромѣ классической школы, необходимой для тѣхъ, которые готовятъ себя къ высшему образованію, указываетъ и другой родъ средне-учебныхъ заведеній, имѣющій въ виду «приспособленіе къ полезной практической дѣятельности». Для печати нашей было бы дѣломъ истиннаго патріотизма общими, соединенными силами помогать наилучшему осуществленію Державной воли. Извѣстно, что вслѣдствіе жаркихъ споровъ каждая сторона неизбѣжно впадаетъ въ крайность и односторонность, чему яркій примѣръ представила наша публицистика по отношенію къ учебной реформѣ.

Далѣе въ этомъ актѣ выражаются особыя попеченія Монарха о распространеніи просвѣщенія въ низшихъ слояхъ Своего народа. Рескриптъ прямо указываетъ намъ на «потребности времени и замѣчаемое въ настоящую пору повсемѣстное въ Имперіи стремленіе къ образованію». При этомъ въ немъ говорится о необходимости вести дѣло народнаго образованія въ такомъ направленіи, которое долженствуетъ «распространить въ населеніяхъ, вмѣстѣ съ грамотностью, ясное разумѣніе божественныхъ истинъ ученія Христова съ живымъ и дѣятельнымъ чувствомъ нравственнаго и гражданскаго долга». Уже и теперь число народныхъ училищъ въ Россіи достигло значительныхъ размѣровъ; какая же ихъ масса предстоитъ еще впереди, когда постепенно будетъ осуществляться Высочайше выраженное желаніе относительно ихъ «размноженія!» Понятно, что эти школы и ихъ цѣлесообразное направленіе, въ духѣ религіи и нравственности, требуютъ неусыпнаго надзора со стороны государственныхъ органовъ. Но спеціальный органъ нашего школьнаго образованія, т.-е. министерство народнаго просвѣщенія, не имѣетъ въ своемъ распоряженіи столько наличныхъ средствъ, чтобы вполнѣ удовлетворить такой обширной потребности. Ближайшимъ сотрудникомъ его въ этомъ священномъ дѣлѣ конечно было и будетъ духовенство. Но и его настоящія средства не стоятъ въ уровень съ потребностью. Отсюда вполнѣ естественна мысль призвать къ участію въ дѣлѣ народнаго образованія «всѣ просвѣщеннѣйшія силы страны», и тутъ на первомъ планѣ является конечно Русское дворянство. Поэтому призывъ, обращенный къ «вѣрному дворянству» стать на стражѣ народной школы, чтобы наряду съ спеціальными органами охранять ее отъ всякихъ тлетворныхъ вліяній, этотъ призывъ есть

актъ государственной мудрости и вмѣстѣ Высочайшаго довѣрія къ сословію, которое пользовалось доселѣ и большими гражданскими правами, и большею политическою опытностію сравнительно съ другими сословіями.

Въ виду громадной важности народныхъ школъ естественно желать еще одного контроля—со стороны общественнаго мнѣнія, т.-е. печати. До послѣдняго времени какъ самое земство, такъ и заведенныя имъ школы стояли почти въ сторонѣ отъ этого контроля. Такимъ образомъ благія начинанія не получали должнаго поощренія, а факты, заслуживающіе неодобренія, проходились молчаніемъ. До общества доходили только неясные слухи съ одной стороны объ усердіи нѣкоторыхъ земскихъ дѣятелей къ народному образованію, съ другой о томъ, что въ такой-то губерніи два-три народныхъ учителя обнаружили легкомысліе и вредное направленіе, или что такое-то земство, послѣ перемѣнъ въ своемъ личномъ составѣ, вмѣсто размноженія школъ принялось подъ разными предлогами закрывать и тѣ, которыя были имъ открыты. Недостатокъ гласности всегда покровительствуетъ злонамѣренности и всякаго рода недоразумѣніямъ, которыя ведутъ потомъ къ невѣрнымъ толкованіямъ и преувеличеннымъ представленіямъ. Общество такимъ образомъ не имѣло возможности своевременно замѣчать и устранять какія либо неправильности. Однимъ словомъ, для наилучшаго выполненія державной воли необходимо употребить всѣ наличныя средства и всѣ возможныя старанія.

Относительно рескрипта 25 Декабря мы позволимъ себѣ предложить вопросъ: вполнѣ ли наше общество поняло и оцѣнило его значеніе? Беремъ смѣлость предложить этотъ вопросъ въ виду того обстоятельства, что въ послѣднее время нельзя было не замѣтить нѣкотораго ослабленія той духовной энергіи, которая была вызвана важными преобразованіями настоящаго царствованія. Вмѣстѣ съ этимъ ослабленіемъ замѣчалась и какая-то наклонность къ разнаго рода недоумѣніямъ. Такая наклонность поддерживалась отчасти тѣми крайними, односторонними толкованіями, которыя мы слишкомъ часто встрѣчали въ нѣкоторыхъ органахъ нашей печати, имѣющихъ привычку свои комментаріи направлять болѣе или менѣе въ извѣстную, имъ любезную, сторону. Будемъ надѣяться, что никакое толкованіе не дерзнетъ коснуться акта 25 Декабря, помимо его прямаго, буквальнаго смысла *.

---

* Въ этомъ актѣ прямо и положительно указаны „учительскіе институты и семинаріи для приготовленія наставниковъ народныхъ училищъ“. Содержаніе рескрипта не оставляетъ сомнѣнія, что, въ виду громадной потребности въ учителяхъ, эти заведенія должны постепенно размножаться. Поэтому мы не совсѣмъ понимаемъ тѣ комментаріи, которые приходятъ къ противоположному выводу. Авторъ ихъ признаетъ,

Переходимъ теперь къ Высочайшему манифесту 1 Января 1874 года. Этотъ великій историческій актъ, возвѣстившій намъ о новомъ уставѣ воинской повинности, по своему содержанію, ясному какъ день, не можетъ подлежать разнорѣчивымъ истолкованіямъ. Вниманію нашего общества особенно указываемъ на драгоцѣнныя слова манифеста: «Мы не имѣемъ намѣренія отступить отъ началъ, которымъ неуклонно слѣдовали во все Наше царствованіе. Мы не ищемъ, какъ не искали до сихъ поръ, блеска военной славы, и лучшимъ жребіемъ ниспосланнымъ Намъ отъ Бога почитаемъ вести Россію къ величію путемъ мирнаго преуспѣянія и всесторонняго внутренняго развитія». Эти слова, произнесенныя съ высоты Престола, прямо и успокоительно отвѣчаютъ на нѣкоторыя недоумѣнія, возникшія въ послѣднее время въ нашемъ обществѣ. И пусть замолкнутъ тѣ голоса, которые пытались отвлечь насъ отъ упомянутыхъ началъ, т.-е, отъ *всесторонняго* внутренняго развитія.

Что касается до самаго устава о воинской повинности, то мы не имѣемъ въ виду входить въ его разсмотрѣніе. Печать русская уже поспѣшила оцѣнить эту реформу и указать на ея государственное значеніе. Но мы не можемъ не привѣтствовать тѣ два положенія, которыя вошли въ новый уставъ, какъ его главнѣйшія основанія: это, во-первыхъ, повинность всесословная, а во-вторыхъ, недопущеніе денежнаго выкупа и замѣны охотниками. Численный составъ нашей арміи конечно немногимъ увеличится отъ обязанности всесословной. Но это условіе должно возвысить ея моральную силу. Недопущеніе выкупа и найма охотниковъ есть собственно неизбѣжный выводъ изъ перваго, главнаго условія, т.-е. всесословности. Безъ этого втораго условія и первое было бы значительно ослаблено, и въ дѣйствительности вся тяжесть повинности пала бы опять

что „учительскія семинаріи составляютъ въ настоящее время неоспоримую потребность“, но въ то же время ему *кажется*, „что значительныя суммы, которыя требуются на содержаніе этихъ учительскихъ семинарій, тратились бы съ большею пользою на улучшеніе быта сельскихъ учителей, получившихъ образованіе въ духовныхъ семинаріяхъ и ожидающихъ очереди священства“ (*Москов. Вѣд.*). Учительскія семинаріи и въ настоящее время не могутъ удовлетворить и сотой доли потребности въ сельскихъ учителяхъ; а что же будетъ впослѣдствіи, съ размноженіемъ народныхъ школъ? Совершенно справедливо и очень полезно привлечь къ преподаванію какъ можно болѣе воспитанниковъ духовныхъ семинарій, окончившихъ курсъ (каковыхъ найдется слишкомъ незначительное количество сравнительно съ потребностью); но слѣдуетъ ли отсюда тотъ выводъ, что надобно закрыть учительскія семинаріи, чтобы средства ихъ обратить на воспитанниковъ духовныхъ семинарій? И какъ согласить этотъ выводъ съ „неоспоримою потребностію“ въ учительскихъ семинаріяхъ? А что послѣднія должно вообще привести въ болѣе тѣсную связь съ церковью, противъ этого едва ли кто будетъ возражать.

на тотъ же низшій слой. Кромѣ того не должно упускать изъ виду и наши многочисленные инородческіе элементы. При допущеніи выкупа или найма охотниковъ, значительная часть этихъ элементовъ (и въ особенности самый многочисленный изъ нихъ, Еврейскій) могли ускользать отъ личной повинности, и наши военныя потери отражались бы преимущественно на коренномъ Русскомъ населеніи, оставляя спокойно размножаться населенія инородческія.

Интересы средняго и высшаго образованія сохранены въ уставѣ по мѣрѣ возможности. Что же касается до образованія элементарнаго, то пунктъ устава, позволяющій увольнять отъ дѣйствительной службы ранѣе срока, какъ нельзя лучше можетъ быть примѣненъ именно къ людямъ грамотнымъ, согласно съ указаніемъ Манифеста. А послѣднее обстоятельство въ свою очередь сильно поощритъ распространеніе грамотности въ нашемъ крестьянскомъ сословіи. Если можно было бы предложить какой вопросъ, такъ это относительно жребія, т.-е. на сколько онъ соотвѣтствуетъ потребностямъ государства и принципу уравнительности вообще. Вопросъ этотъ конечно находится въ связи съ срокомъ дѣйствительной службы. Пятнадцать лѣтъ общей службы и шесть лѣтъ дѣйствительной—это въ сущности то же, что было до сихъ поръ: и прежде солдатъ оставался подъ знаменами около того же количества лѣтъ, а за тѣмъ увольнялся въ безсрочный отпускъ. Вполнѣ уважаемъ причины, которыя побудили правительство оставить тѣ же сроки для ближайшаго будущаго (мы именно считаемъ себя въ числѣ сторонниковъ осторожности и постепенности въ государственныхъ начинаніяхъ великой важности). Съ вопросомъ о срокѣ дѣйствительной службы находится по всей вѣроятности въ тѣсной связи вопросъ объ образованіи для арміи хорошихъ унтеръ-офицеровъ. Впослѣдствіи, при удовлетворительномъ его разрѣшеніи, срокъ дѣйствительной службы можетъ быть постепенно сокращенъ, и это обстоятельство позволитъ значительно большему количеству нашей молодежи пройти черезъ практическую военную школу, столь полезную для поддержанія и укрѣпленія общественной дисциплины. Далѣе, новый уставъ пока не даетъ намъ полныхъ свѣдѣній о государственномъ ополченіи. Можетъ быть, статья эта еще подлежитъ законодательной обработкѣ. Государственное ополченіе созывается Высочайшими манифестами въ случаѣ надобности, т.-е. конечно въ военное время. Но вопросъ въ томъ, будутъ ли ратники являться подъ знамена съ такою же совершенною неподготовкою въ военномъ отношеніи какъ доселѣ, или молодые люди на извѣстные короткіе сроки будутъ собираться въ ближайшихъ пунктахъ для упражненій въ искусствѣ владѣть оружіемъ и ознакомленія съ воен-

ными пріемами, или для достиженія той же цѣли будутъ приняты иныя мѣры *. Новый уставъ воинской повинности представляетъ вообще великое улучшеніе въ томъ отношеніи, что онъ будетъ падать почти исключительно на молодежь, слѣдовательно на людей свѣжихъ, еще неослабленныхъ физическими и моральными недугами, на людей, которымъ труды, лишенія и вліяніе нашего суроваго климата менѣе чувствительны, чѣмъ возрасту болѣе пожилому. Молодежь обыкновенно не успѣла еще обзавестись собственнымъ семействомъ; а потому осиротѣлыя семьи и несчастные, оторванные отъ нихъ, отцы отнынѣ будутъ гораздо болѣе рѣдкимъ явленіемъ.

Во вступительной части Манифеста прямо указано на новѣйшія событія и на примѣръ другихъ державъ, какъ на главнѣйшія побужденія къ уставу всесословной воинской повинности. Въ настоящихъ замѣткахъ мы именно желали бы напомнить Русскому обществу о той доли вліянія, которую оказываютъ и должны оказывать на наше развитіе Европейскіе событія и примѣры. Разъ вступивъ въ семью Европейскихъ народовъ и занявъ между ними такое важное мѣсто, мы уже не можемъ отказаться отъ ихъ вліянія и отъ участія въ ихъ общемъ прогрессивномъ движеніи, если желаемъ не только сохранить это мѣсто, но и сравняться съ ними въ дѣлѣ цивилизаціи. Военныя учрежденія составляютъ одну изъ первѣйшихъ сторонъ государственнаго быта, и отсталость въ этомъ дѣлѣ ведетъ къ жестокимъ испытаніямъ въ послѣдствіи. Не говоримъ о другихъ историческихъ примѣрахъ; укажемъ на самый крупный, т.-е. на покойную Рѣчь Посполитую, которая погибла потому, что не послѣдовала за движеніемъ своихъ сосѣдей, т.-е. за развитіемъ абсолютной центральной власти и регулярныхъ армій. Можетъ быть, намъ приведутъ примѣръ Англіи, которая уже нѣсколько столѣтій процвѣтаетъ и занимаетъ столь почетное мѣсто между великими державами міра почти безъ всякой военной повинности. Но именно Англія въ данномъ случаѣ и не можетъ служить примѣромъ для континентальныхъ державъ. Ея исторія прежде всего обусловилась тѣмъ, что она островъ. Разъ объединивъ подъ одною короною населенія Великобританіи и Ирландіи, Англія уже не имѣла

---

* Въ этомъ отношеніи впослѣдствіи устроенные земствами маленькіе лѣтніе лагери или зимніе манежи, въ которыхъ однѣ группы молодыхъ людей постоянно смѣнялись бы другими, были бы очень полезны. Далѣе, по отношенію къ военной подготовкѣ, укажемъ на ту пользу, которую можетъ принести повсемѣстное распространеніе гимнастики отъ сельской школы до университета. А чтобы оживить ея однообразіе, рекомендуемъ обратить особое вниманіе педагогіи на введеніе и распространеніе разныхъ игръ.

нужды содержать значительную регулярную армію; ей некуда было расширяться; въ то же время для нея почти не существовало внѣшняго давленія со стороны сосѣдей. Предоставленная самой себѣ, она въ послѣдніе два-три вѣка могла такимъ образомъ почти безъ помѣхи предаваться внутреннему развитію. Сильный флотъ и искусная политика, поддержанная золотомъ, доселѣ ограждали ее отъ непріятельскихъ вторженій. Но совсѣмъ другія условія, а слѣдовательно и другую исторію мы видимъ на континентѣ, гдѣ народамъ постоянно приходилось отстаивать или терять не только свои границы, но часто и свою самобытность. Отсюда понятно возрастаніе сильной центральной власти и сильной арміи, какъ необходимое условіе самобытнаго, національнаго развитія. Но исторія не останавливается долго на одной ступени. Съ теченіемъ времени, при новыхъ изобрѣтеніяхъ и при успѣхахъ цивилизаціи вообще, и самыя географическія условія могутъ оказаться не столь состоятельными въ дѣлѣ защиты какъ прежде. Что же будетъ тогда съ Англіей? Общество Англійское нечуждо сознанія грядущихъ опасностей. Недавнія потрясающія событія на континентѣ замѣтно встревожили его спокойствіе и самоувѣренность. Въ немъ также возникъ было вопросъ о военной повинности, но повидимому заглохъ слишкомъ скоро, и дѣло не пошло далѣе отмѣны нѣкоторыхъ слишкомъ устарѣлыхъ обычаевъ, въ родѣ покупки чиновъ въ арміи. Съ этимъ вопросомъ связанъ другой, болѣе существенный: на сколько въ Англіи сильна центральная власть? Необходимо при этомъ сдѣлать оговорку: мы разумѣемъ собственно силу, а не форму центральнаго правительства. Въ античныхъ республикахъ, напримѣръ, оно по своей формѣ не походило на новыя Европейскія государства; тѣмъ не менѣе оно было абсолютно, и эпохи высшаго процвѣтанія этихъ республикъ совпадаютъ съ высшимъ развитіемъ правительственнаго авторитета. Въ Англіи центральная власть раздѣлена между правительствомъ и двухкамерною палатою. Но и при полномъ ихъ согласіи, въ состояніи ли эта власть въ настоящее время подготовить и выполнить, напримѣръ, такую коренную реформу какъ всеобщая воинская повинность, если бы она рѣшилась заблаговременно обезопасить націю отъ случайностей въ будущемъ? Мы позволяемъ себѣ сомнѣваться, и судьба Карѳагена невольно приходитъ намъ на память.

Заговоривъ о вліяніи, какое имѣютъ на наше развитіе событія и примѣры другихъ Европейскихъ народовъ, мы предложимъ весьма нелишній вопросъ: всегда ли наше общество — а слѣдовательно и наша печать — вѣрно понимали и оцѣнивали значеніе этихъ событій и примѣровъ? Не поддавались ли они излишней впечатлительности въ этомъ отношеніи и

не приходили ли часто къ слишкомъ поспѣшнымъ сравненіямъ и выводамъ? Не истекали ли отсюда иногда преувеличенныя представленія и ложные страхи?

Чтобы недалеко ходить за объясненіями, возьмемъ для примѣра недавно совершавшееся передъ нашими глазами движеніе на крайнемъ Западѣ Европы. Что такое всѣ эти революціонныя движенія во Франціи и Испаніи? Откуда эта упорно возвращающаяся идея республики, несмотря на постоянное въ ней разочарованіе? Отчего же ихъ неудовлетворяетъ монархія, окруженная народными представителями, процвѣтающая въ средней и сѣверной Европѣ? Главная причина такого явленія, по нашему крайнему пониманію, коренится въ различіи этнографическихъ типовъ и исторической почвы. Романскіе народы сложились на той почвѣ, гдѣ древній Римъ дѣйствовалъ, вліялъ и созидалъ непосредственно; кромѣ того они сложились при явномъ преобладаніи Кельтическихъ элементовъ въ своемъ составѣ. А Кельтическіе народы обнаружили особую воспріимчивость по отношенію къ Римской цивилизаціи. Со времени Эпохи Возрожденія, когда началось восторженное поклоненіе древнему міру, а вмѣстѣ съ тѣмъ и постепенное его изученіе или знакомство съ античными писателями и поэтами, въ сознаніи Романскихъ народовъ (т.-е. ихъ интеллигенціи) мало-по-малу начали пробуждаться или воскресать образы древнихъ республикъ, каковы Спарта, Аѳины; но особенно ихъ идеалы и симпатіи обратились конечно къ республикѣ Римской. Съ тѣхъ поръ на Романской почвѣ постоянно носился этотъ неотвязный призракъ, привлекательности котораго много способствовали пылкое воображеніе южныхъ народовъ и недостаточно глубокое пониманіе древняго міра. Да, знакомство съ древними языками и вообще съ древнимъ міромъ было одною изъ многихъ причинъ Французской революціи 1789 года. Мы были бы несправедливы и неискренни, если бы приняли сторону того мнѣнія, которое отрицало такое положеніе *. Однако посмотрите, въ теченіе какого

* Это почти единственный пунктъ, въ которомъ я не могу согласиться съ запискою покойнаго Т. Н. Грановскаго относительно классическаго элемента въ гимназіяхъ. Признаться, даже трудно себѣ представить, чтобы историкъ могъ совершенно отрицать приведенное нами положеніе. Очевидно, данный пунктъ не былъ подвергнутъ надлежащему анализу. Въ противномъ случаѣ раждается вопросъ: былъ ли въ этомъ пунктѣ вполнѣ откровененъ нашъ незабвенный профессоръ? Не забудемъ, въ какое время составлялъ онъ свои замѣтки. Можетъ быть, онъ предпочелъ обойти такой щекотливый пунктъ изъ опасенія не быть хорошо понятымъ. Его замѣтки относятся къ концу того періода, когда граждане, близко принимавшіе къ сердцу общественные интересы, чтобы сказать свое слово, прибѣгали къ формѣ записки, назначаемой для того или другаго высокопоставленнаго лица. Мы несравненно счастли-

долгаго періода подготовлялись слѣдствія этой идеи: отъ Эпохи Возрожденія до конца XVIII столѣтія, т.-е. почти два съ половиной вѣка. Притомъ нужно было стеченіе многихъ обстоятельствъ и соединеніе многихъ условій, чтобы революція 1789 года сдѣлалась возможною. А прежде всего нужно было такому слабому и непослѣдовательному королю какъ Людовикъ XVI явиться именно въ то время, когда страна нуждалась въ твердомъ, энергичномъ правителѣ, чтобы рядомъ постепенныхъ и неуклонныхъ мѣропріятій, безъ сильныхъ потрясеній, обновить свою общественную жизнь и выдти на путь дальнѣйшаго историческаго развитія. Съ тѣхъ поръ Франція мятется, и до нашихъ дней не находитъ себѣ выхода изъ безконечной перемѣны правительственныхъ лицъ и формъ; а порядокъ общественный неизбѣжно ищетъ себѣ спасенія только въ военной диктатурѣ.

Другая Романская страна, Испанія, подпала вліянію тѣхъ же идей со времени Бурбонской династіи и особенно со времени Французскаго владычества при Наполеонѣ I. Идеалы, заимствованные изъ Римской исторіи, пали здѣсь на такую же благодарную почву. Въ Испаніи также сохранились многочисленные древніе города, въ которыхъ воскресли преданія Римскихъ муниципій. Здѣсь точно также суждено было явиться такимъ недальновиднымъ правителямъ, каковы были послѣдніе Испанскіе Бурбоны, чтобы сдѣлать привлекательными мечты о так. наз. республиканской свободѣ. Но и тутъ точно также вмѣсто пресловутой свободы мы видимъ пока постоянное обращеніе къ военной диктатурѣ, чтобы спасти общество отъ разрушительной анархіи *.

вѣе, ибо живемъ въ эпоху, когда подобные граждане имѣютъ возможность безпрепятственно высказывать свое мнѣніе въ печати, не утруждая правительство своими записками.

* По поводу Испанскихъ событій послѣдняго времени мнѣ приходитъ на память одинъ разговоръ. Въ Апрѣлѣ 1871 года я плылъ на Французскомъ пароходѣ изъ Константинополя въ Аѳины. Въ числѣ пассажировъ находились два Испанца, повидимому принадлежавшіе къ весьма зажиточному классу: живой бодрый старикъ съ головой, украшенной сѣдинами, и его сынъ, очень молодой человѣкъ. Въ то время всѣ мы конечно находились подъ впечатлѣніемъ еще продолжавшихся событій во Франціи, и разговоръ неизбѣжно склонился на политику. Въ Испаніи уже водворилось тогда правительство Амедея; но старикъ, спутникъ мой, оказался отчаяннымъ республиканцемъ; да это и естественно, ибо онъ былъ изъ Барселоны. Когда же я спрашивалъ, что онъ имѣетъ сказать противъ Амедея, честно исполнявшаго конституцію, то Барселонецъ ничего не могъ отвѣчать кромѣ фразъ, смыслъ которыхъ былъ слѣдующій: за чѣмъ же мы будемъ тратить деньги на короля и его дворъ, когда можемъ обойтись и безъ нихъ? Событія показали, что республика съ ея неизбѣжными анархическими явленіями обходилась Испаніи несравненно дороже монархіи Амедея, что предвидѣть было очень не трудно и на что, помнится, я указывалъ Испанцу, но безъ успѣха. Таково вліяніе исторической почвы.

Если обратимся къ третьей Романской странѣ, къ Италіи, то здѣсь почва конечно еще болѣе способна поддерживать идеалы, заимствованные изъ временъ Римской республики. Кромѣ этихъ временъ, Итальянскіе города имѣютъ въ своихъ воспоминаніяхъ и другую блестящую республиканскую эпоху, именно вторую половину Среднихъ вѣковъ. Слѣдующій за тѣмъ продолжительный періодъ, ознаменованный гнетомъ со стороны сосѣднихъ націй и домашнихъ тирановъ, не истребилъ этихъ воспоминаній. Онѣ оживились при первомъ удобномъ случаѣ, а именно подъ вліяніемъ Французскаго господства въ концѣ прошлаго и началѣ настоящаго столѣтія. Съ тѣхъ поръ и для Италіи также насталъ періодъ революціоннаго броженія. Но рядомъ съ республиканскими идеалами дѣйствовала другая еще болѣе сильная идея, это потребность въ самобытномъ развитіи, т.-е. потребность въ національномъ объединеніи, безъ котораго самобытность оказывалась почти невозможною. Послѣ неудачныхъ движеній 48 и 49 годовъ стремленіе къ единству окончательно взяло верхъ, и сдерживало республиканское направленіе революціи. Теперь, когда единство наконецъ осуществилось, народные вожди понимаютъ, что всѣ усилія націи должны быть устремлены на поддержаніе этого драгоцѣннаго пріобрѣтенія, а потому должны пока замолкнуть внутреннія распри. Кромѣ опасностей, угрожающихъ извнѣ, тутъ еще дѣйствуетъ одно весьма счастливое для Италіи условіе—это Савойскій домъ, а точнѣе сказать его настоящій представитель, король Викторъ Эммануилъ. * Онъ не только не упустилъ ни одного благопріятнаго обстоятельства для объединенія Италіи, но онъ съумѣлъ умиротворить ее и доселѣ поддерживать ея внутреннее спокойствіе, не прибѣгая ни къ какимъ реакціоннымъ мѣрамъ. Мы упомянули о главномъ условіи, вліяющемъ на умиротвореніе, т.-е о внѣшнихъ опасностяхъ, грозящихъ самобытности и единству Италіи; но и при этомъ условіи надобно знать, до какой степени трудно поддерживать внутренній миръ въ странѣ, изобилующей столькими горючими матеріалами, чтобы оцѣнить вполнѣ мудрую, дальновидную политику короля. Еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ, какою посредственностію считали иноземцы Виктора Эммануила сравнительно съ его Французскимъ союзникомъ! А событія показали, что Наполеону III, въ отношеніи государственнаго ума и личнаго мужества, далеко до Виктора Эммануила. Его умѣренность, ровность, даже наружная безпечность и простота явились качествами, соотвѣтствующими потребностямъ времени; оказалось, что эти качества отлично уживаются съ тонкою, дальновидною политикою.

---

* *Читатель долженъ* имѣть въ виду, что это писано въ 1874 г. *Поздн. примѣч.*

То, что мы сказали о вліяніи античныхъ идеаловъ на исторію новыхъ временъ, никоимъ образомъ не должно быть истолковано въ смыслѣ неблагопріятномъ для водворенія классической школы гдѣ бы то ни было, а тѣмъ болѣе у насъ. Направленіе новѣйшей исторіи въ Романской Европѣ, какъ мы сказали, находится въ непосредственной связи съ ея исторической почвой. Кромѣ того оно тѣсно связано съ этнографическими элементами, изъ которыхъ сложились Романскіе типы, и преимущественно съ элементомъ Кельтическимъ. Другія страны не имѣютъ этихъ условій. Напримѣръ, въ государствахъ средней и сѣверной Европы, т.-е. въ государствахъ Тевтонскихъ, мы не видимъ никакого особаго стремленія къ республиканскимъ формамъ, хотя изученіе древнихъ языковъ и древняго міра пользуется въ Германіи и Англіи еще бо́льшимъ вниманіемъ, нежели въ Романской Европѣ. Что значитъ почва въ этомъ отношеніи, показываетъ намъ еще одна страна, именно Греція. Едва выходящая изъ варварства, безсильная, она мечтаетъ уже воскресить времена Аѳинъ и Спарты и объединить всѣ земли, въ которыхъ слышенъ Греческій языкъ. Довольно жалкіе ораторы Аѳинской палаты депутатовъ, всходя на подмостки, воображаютъ себя на Пниксѣ и пародируютъ Демосѳена. А студенты Аѳинскаго университета считаютъ себя прямыми потомками Греческихъ героевъ и стремятся составить особый легіонъ, подражая священному отряду Пелопидову.

Вообще объясненіе историческихъ событій и того или другаго направленія въ жизни народовъ представляетъ чрезвычайную сложность, и совсѣмъ не такъ легко дается, какъ это многіе думаютъ. Въ настоящихъ замѣткахъ мы указываемъ преимущественно на одну изъ сторонъ; но всякая исторія народа имѣетъ весьма разнообразныя стороны и условія, и каждое важное событіе имѣетъ многія причины. Въ этомъ отношеніи замѣчательно поверхостными являются иногда историко-этнографическіе очерки Бокля. Напримѣръ, у него едва ли не вся Испанская исторія объясняется вліяніемъ католическаго духовенства. Ему не пришелъ въ голову простой вопросъ: а это вліяніе-то откуда взялось, и почему же у Испанцевъ оно было сильно, а у Нѣмцевъ слабо? Да и вообще иностранные писатели, разсуждавшіе о вліяніи папства и католицизма, сколько мы замѣтили, недостаточно уловили тѣсную связь между этимъ явленіемъ и этнографическими типами. Почему, напримѣръ, церковная реформація въ средней и западной Европѣ увлекла преимущественно Тевтонскіе элементы, а границы католической реакціи опредѣлились приблизительно границами Романскихъ, Кельтическихъ и отчасти Славянскихъ населеній? Такимъ образомъ не одна дальность или близость къ Риму обусловила прочность

католицизма и папства. Ирландія и Польша далѣе отъ него, чѣмъ Германія; однако тамъ католицизмъ устоялъ, не смотря на всѣ опасности и бури, которымъ онъ подвергался. Но возвратимся къ предмету своей бесѣды.

Поклоненію античнымъ республиканскимъ формамъ въ Романскихъ странахъ не мало способствовало и слишкомъ одностороннее, поверхностное отношеніе къ древнему міру. Въ этомъ дѣлѣ значительную долю участія имѣло классическое (собственно псевдоклассическое) направленіе Французской литературы XVII и XVIII вѣковъ, которое пропитывало цѣлыя поколѣнія преувеличенными и розовыми картинами изъ древняго міра. Это направленіе не прекращалось отчасти до послѣдняго времени, и мѣшало трезвому взгляду на античную цивилизацію. Не только поэты, но и историки, напримѣръ, часто упускали изъ виду, что развитіе античной цивилизаціи было основано на рабствѣ и что въ этомъ отношеніи она далеко уступаетъ цивилизаціи новой, христіанской. Во Французскихъ школахъ до послѣднихъ временъ древняя исторія по своимъ размѣрамъ слишкомъ преобладала надъ исторіей новыхъ Европейскихъ народовъ, и притомъ излагалась такъ, что существенное не выдѣлялось изъ массы мелочныхъ фактовъ. Это чрезмѣрное преобладаніе древней исторіи надъ новою обусловилось и политическими видами, т.-е. считалось въ числѣ якобы консервативныхъ мѣръ. Послѣдствія показали несправедливость подобной тенденціи. Германская школа, наоборотъ, въ XIX вѣкѣ, выработала болѣе равновѣсія между частями исторіи. Вообще къ историческому преподаванію Нѣмцы относились болѣе добросовѣстно и очень хорошо оцѣнили вліяніе исторической науки на развитіе юношества. Въ то же время и научная разработка античнаго міра въ Германіи и Англіи стала гораздо выше, чѣмъ въ Романской Европѣ. Нѣмецкое юношество изъ этого міра поучается законамъ историческаго развитія народовъ и государствъ и черпаетъ примѣры гражданскихъ доблестей; но оно повидимому уже не увлекается политическими формами древнихъ республиканскихъ городовъ, неприложимыми къ великимъ государствамъ новаго міра. Да это увлеченіе едва ли можетъ имѣть мѣсто при возможно-добросовѣстномъ изученіи среднихъ и новыхъ вѣковъ и при хорошемъ знакомствѣ съ исторіей своего отечества *.

---

* Считаю нужнымъ оговориться, что изъ нашихъ словъ никоимъ образомъ не слѣдуетъ дѣлать какого либо преувеличеннаго вывода. Нѣтъ, главнымъ основаніемъ Европейской школы остаются все таки древніе языки. Но мы желаемъ напомнить о томъ значеніи, какое имѣетъ исторія какъ предметъ школьныхъ занятій; желали бы также предупредить относительно вредной для дѣла крайности и излишней односторонности въ ея преподаваніи.

Итакъ весьма несправедливы были тѣ, которые западно-европейское вліяніе на нашу исторію преувеличивали до крайности, и которымъ чудилось немедленное и серьезное повтореніе у насъ всякаго броженія и всѣхъ движеній, которыя совершались въ Западной Европѣ. Эти поверхностные мыслители совсѣмъ упускали изъ виду различіе исторической почвы, этнографическихъ типовъ, географическихъ условій, общественнаго и вообще государственнаго склада. Мы можемъ довольно скоро перенимать военное искусство, улучшенныя пути сообщенія, болѣе совершенныя формы печати, школъ, административныхъ и судебныхъ учрежденій и т. д. Но и всѣ подобныя улучшенія, перенимаемыя цѣлымъ обществомъ и притомъ по иниціативѣ или съ разрѣшенія верховной власти, весьма медленно вліяютъ на наши привычки, почти не измѣняя коренныхъ чертъ народнаго характера. Вообще же политическія и экономическія идеи могутъ легко распространяться только тамъ, гдѣ для нихъ существуетъ соотвѣтствующая почва; во всякомъ случаѣ вліяніе ихъ на складъ народной жизни пока можетъ измѣряться только столѣтіями. Да, легкомысленно поступали тѣ, которые на основаніи какихъ либо скоропреходящихъ эфемерныхъ явленій поспѣшно провозглашали videant consules и старались нагнать панику на общество, чѣмъ повергали его только въ недоумѣніе и рисковали произвести уже не эфемерныя, а серьезныя замѣшательства. Если на нашей почвѣ и могли возникать какія либо прискорбныя событія, то, во-первыхъ, исторія показываетъ, что отъ подобныхъ событій не можетъ быть свободенъ ни одинъ народъ; а во-вторыхъ, они имѣли свои условія, свой характеръ, пока представлявшій мало общаго съ Западной Европой. Для примѣра укажу на великое внутреннее бѣдствіе Россіи во второй половинѣ прошлаго столѣтія, т.-е. на Пугачевщину. Есть ли какая-нибудь связь между этимъ событіемъ и Французской революціей 1789 года? Но мы увѣрены, не препятствуй тому хронологія, нашлись бы такіе мыслители, которые объяснили бы намъ Пугачевщину прямымъ слѣдствіемъ Французской революціи.

Затѣмъ, не входя въ разсмотрѣніе военностоличныхъ переворотовъ XVIII вѣка, которые не имѣли никакого отношенія къ формамъ государственнаго быта, а связаны были непосредственно съ вопросомъ о престолонаслѣдіи и совершались большею частію во имя легитимнаго начала,—перейдемъ къ пресловутой попыткѣ 14 Декабря. Справедливо ли то мнѣніе, которое приписываетъ это прискорбное событіе почти исключительно вліянію западныхъ революціонныхъ идей? Исторія не можетъ упускать изъ виду, что эти идеи получили у насъ нѣкоторый временный успѣхъ, именно въ ту эпоху, которая преимущественно характери-

зуется именами Аракчеева, Магницкаго и т. п., и которая послѣдовала за прогрессивною половиною царствованія Александра I. Но и это обстоятельство еще не главная причина событія. Нужно было случиться значительному государственному замѣшательству, чтобы легкомысленные заговорщики могли увлечь за собой часть гвардіи, т.-е. нужно было случиться междуцарствію. Да, мы беремъ на себя смѣлость утверждать, что вина 14 Декабря отчасти падаетъ на тѣ довѣренныя лица, которыя знали о рѣшеніи своего Государя произвести перемѣну въ наслѣдованіи престола и не предупредили его о необходимости обнародовать эту перемѣну заблаговременно. Величайшая тайна, въ которой хранилось это рѣшеніе, конечно объясняется деликатностью въ отношеніи августѣйшихъ братьевъ; но въ политическомъ отношеніи, смѣемъ думать, это была ошибка: въ интересахъ государственнаго спокойствія слѣдовало заранѣе объявить народу истиннаго наслѣдника. Извѣстно, что заговорщики для своихъ фантастическихъ замысловъ воспользовались днями междуцарствія, чтобы обмануть солдатъ; послѣдніе конечно не имѣли никакого понятія объ этихъ замыслахъ и думали остаться вѣрными только что данной присягѣ; слѣдовательно ихъ недоразумѣнія истекали изъ того же легитимнаго начала. Твердость и рѣшительность молодаго Государя въ нѣсколько часовъ поправили дѣло, и всѣ замыслы легкомысленной группы разсѣялись какъ дымъ. 14 Декабря вновь и самымъ нагляднымъ образомъ показало всю прочность нашего государственнаго порядка; тѣмъ не менѣе впечатлѣнія этого дня имѣли свою долю вліянія на послѣдующую исторію.

Къ политическимъ движеніямъ западной Европы въ нашъ вѣкъ стали примѣшиваться идеи экономическія или соціальныя. Подобныя идеи естественно возникли тамъ, гдѣ для нихъ подготовилась и самая почва. Мы разумѣемъ западный пролетаріатъ, который главнымъ образомъ выросъ изъ ненормальныхъ отношеній между массою населенія и количествомъ земли. У насъ эти отношенія совершенно обратны: мы имѣемъ изобиліе въ землѣ, громадныя естественныя богатства и недостатокъ въ рабочихъ рукахъ. Тѣмъ не менѣе въ нашей печати возникла цѣлая школа, которая принялась пугать Русское общество западнымъ пролетаріатомъ. Эта мнимо-либеральная школа, изъ подражанія нѣкоторымъ крайнимъ теоретикамъ Запада, породила и у насъ нѣчто въ родѣ соціальнаго вопроса, хотя мы совсѣмъ не имѣемъ для него почвы. На подобный вопросъ мы можемъ смотрѣть какъ на пустой призракъ. Къ несчастію послѣднія событія во Франціи сообщили этому призраку еще большіе размѣры. Мы говоримъ о Парижской коммунѣ 1871 года или т. наз. красной республикѣ и ея международной пропагандѣ. Но откуда эта коммуна получила

кую силу въ 1871 году? Извѣстно, что Наполеонъ III, какъ узурпа-
ръ, прибѣгалъ къ разнымъ изворотамъ, чтобы поддерживать свой тронъ.
ною изъ наиболѣе дѣйствительныхъ мѣръ въ этомъ отношеніи онъ и
о сотрудники считали грозный призракъ красной республики, который
лженъ былъ держать въ страхѣ богатую Французскую буржуазію. Въ
стоящее время несомнѣнными документами доказано, что Наполеоново
авительство само поддерживало существованіе красной партіи и даже
атило на этотъ предметъ значительныя суммы. А благодаря въ осо-
нности затѣянной имъ перестройкѣ Парижа, масса рабочихъ въ этомъ
родѣ весьма умножилась. При такихъ обстоятельствахъ красная партія
лучила нѣкоторую организацію и имѣла въ своемъ распоряженіи зна-
тельную матеріальную силу, когда вдругъ представился ей случай вы-
упить на сцену. Послѣ Седана Франція, хотя и объявила себя рес-
бликой, но, вопреки своему древне-римскому идеалу, въ минуту край-
й опасности, не избрала диктатора. Власть и дальнѣйшая судьба обо-
ны фактически сосредоточились преимущественно въ рукахъ трехъ
ицъ: Базена, Гамбетты и Трошю. И ни одинъ изъ нихъ не исполнилъ
воего долга. Наиболѣе виновный, Базенъ, позабывъ объ отечествѣ, по-
азывалъ видъ, что онъ остается вѣренъ имперіи и потому не хочетъ
мѣть ничего общаго съ временнымъ правительствомъ. Гамбетта, какъ и
лѣдовало ожидать, оказался не государственнымъ человѣкомъ, а респуб-
иканскимъ фанатикомъ; онъ хлопоталъ не столько объ отечествѣ, сколько
республикѣ, на что ясно указываетъ его вѣроломный образъ дѣйствія
отношенію къ Бретонцамъ, которые собрались идти на врага подъ
звизомъ: Богъ и родина! Трошю, возбудившій столько надеждъ при сво-
мъ назначеніи, оказался замѣчательно неспособнымъ полководцемъ. Все
ремя осады, вмѣсто активной обороны, онъ занимался организаціей вновь
абранной, многочисленной Парижской арміи, и все готовился перейти
ъ болѣе рѣшительнымъ дѣйствіямъ, но такъ при этихъ приготовленіяхъ
остался. Онъ-то и есть непосредственный виновникъ послѣдующаго
явленія Парижской коммуны. Во-первыхъ, въ подобныхъ обстоятель-
твахъ ни одинъ сколько-нибудь здравомыслящій дѣятель не возьметъ на
ебя отвѣтственности за оборону, не потребовавъ для того диктаторской
ласти въ осажденномъ городѣ, т.-е. безусловнаго единства дѣйствія и,
сли Трошю ссылается на вмѣшательства другихъ членовъ временнаго
равительства, то напрасно онъ допускалъ такую аномалію. Затѣмъ, въ
ачалѣ осады, Парижское населеніе дѣйствительно было одушевлено энту-
азмомъ въ пользу отчаянной борьбы съ иноземнымъ нашествіемъ; энер-
ичный, даровитый вождь искусно бы воспользовался этимъ энтузіазмомъ

и совершилъ бы славныя дѣла. Только геройскія усилія и подвиги могли поддержать это одушевленіе и увлечь на путь чести даже самые ненадежные, въ гражданскомъ смыслѣ, элементы Парижской арміи, а вмѣстѣ съ тѣмъ сообщить имъ духъ истинной военной дисциплины. Даже въ случаѣ все-таки неудачнаго окончанія обороны, армія эта, гордая сознаніемъ, что она исполнила свой долгъ и утомленная безпрерывными битвами, спокойно и охотно возвратилась бы къ мирнымъ занятіямъ; а главное, она сохранила бы уваженіе къ своимъ предводителямъ. Вмѣто того, Трошю держалъ въ праздности подъ оружіемъ сотни тысячъ людей и далъ почти полную свободу развиваться въ этой массѣ вооруженнаго пролетаріата духу своеволія и мятежа. Оружіе было ему оставлено даже и по окончаніи осады. Послѣдствія извѣстны. Но господство коммуны, какъ нелѣпость, не могло долго продолжаться. Храбрая защита національныхъ гвардейцевъ противъ регулярной Французской арміи наглядно показала, что энергія и кровь, потраченныя на междоусобную войну, могли бы съ большею пользою для отечества быть употреблены на борьбу съ внѣшнимъ непріятелемъ.

Объясняя ближайшія причины упомянутыхъ событій, мы однако нисколько не должны упускать изъ виду всю неполноту подобныхъ объясненій и всю сложность причинъ вообще. Съ перваго взгляда обыкновенно кажется, что вся бѣда произошла отъ того или другаго лица. Но въ томъ то и дѣло, что, если въ критическую минуту нація не выставила достойныхъ вождей—вѣрный признакъ, что эта нація находилась въ глубокомъ моральномъ упадкѣ и что ей нуженъ сильный урокъ.

Могутъ ли имѣть какое-либо серьезное отношеніе къ намъ всѣ эти интернаціоналки и коммуны? Никакого, кромѣ возможности дѣлать поучительныя наблюденія и уяснять себѣ уроки исторіи. Но съ одной стороны, при помощи пылкаго воображенія, съ другой при помощи коварныхъ агитацій можно и у насъ открывать нѣчто подобное. Такъ напримѣръ, Одесскіе антиеврейскіе безпорядки 1871 года, имѣвшіе своимъ источникомъ инородческій вопросъ, почему не истолковать вліяніемъ Парижской коммуны, такъ какъ хронологія это позволяетъ? Кстати можно подвести подъ вліяніе тѣхъ же идей и Харьковскіе безпорядки 1872 года, и тѣмъ болѣе, что нѣкоторая quasi благонамѣренная часть печати пыталась примѣшать къ нимъ учащееся юношество. А что касается до агитаторовъ всякаго рода, частію безсмысленныхъ, частію коварныхъ, то они по всей вѣроятности, не преминутъ воспользоваться обстоятельствами, чтобы создать у насъ призракъ рабочаго вопроса и такимъ образомъ отвлекать общественное вниманіе отъ другихъ болѣе существенныхъ интересовъ. Будемъ

надѣяться, что гласность вообще и въ особенности гласный судъ парализуютъ усилія этихъ агитаторовъ. Мы уже имѣли случаи испытать благодѣтельное вліяніе гласнаго суда въ подобныхъ обстоятельствахъ; хотя это вліяніе въ свою очередь было парализовано преувеличенными сужденіями той quasi благонамѣренной печати, о которой я упомянулъ. Напримѣръ, общество наше не мало было взволновано слухами и толками о какой то обширной шайкѣ заговорщиковъ, которая обнаружилась по поводу одного убійства. Сложный и тщательно веденный судебный процессъ раскрылъ передъ нами всю незначительность этой шайки. Четверо недоучившихся юношей (изъ которыхъ одинъ по лѣтамъ собственно не юноша, но уже давно извѣстный за человѣка полупомѣшаннаго) были увлечены пятымъ безумцемъ въ какіе-то фантастическіе замыслы или какіе-то дѣтскіе протесты, очевидно для нихъ несовсѣмъ понятные; а кончили тѣмъ, что убили бывшаго шестаго товарища своихъ ребяческихъ фантазій. Все дѣло собственно сводилось къ этому преступленію, хотя по числу молодыхъ людей, привлеченныхъ къ суду, оно получило довольно обширные размѣры. Привлеченіе это основывалось большею частію на томъ, что тотъ или другой юноша велъ знакомство съ преступниками или съ ихъ знакомыми, что тогда то онъ произносилъ такія-то легкомысленныя фразы (а кто въ молодости уберегся отъ неудачныхъ знакомствъ или не грѣшилъ по части фразъ?) и т. п. Судъ тщательно разобралъ степень виновности каждаго, и сообразно съ нею постановилъ приговоръ; а часть привлеченныхъ лицъ призналъ совершенно невинными. Однимъ словомъ, читающая публика имѣла возможность наглядно убѣдиться, что приписывать упомянутымъ жалкимъ убійцамъ какую-либо серьезную опасность для общественнаго порядка и возводить ихъ на пьедесталъ великихъ политическихъ преступниковъ было бы плодомъ весьма пылкаго воображенія. Тѣмъ не менѣе нашлись органы, которые истолковали факты именно въ такомъ смыслѣ, и потомъ старались поддерживать вытекавшія отсюда недоумѣнія, настойчиво ратуя за общія репрессивныя мѣры. Толкованія ихъ принесли и другой плодъ: онѣ немало затруднили иностранному правительству выдачу главнаго убійцы (Нечаева). Гласный судъ разоблачилъ передъ обществомъ всю ничтожность и этого послѣдняго.

Всѣ подобные безумцы съ ихъ ребяческой пропагандой о переустройствѣ общества какъ нельзя лучше напоминаютъ Архимедовъ рычагъ. Этотъ рычагъ могъ бы повернуть весь міръ; недостаетъ только бездѣлицы—точки опоры. Упомянутые прискорбные факты сами по себѣ неважны для общественнаго порядка; но они получаютъ важность, смотря

потому, какъ относится къ нимъ общественное мнѣніе, а слѣдовательно и печать, претендующая быть представительницею этого мнѣнія. Наши гласные процессы прежде всего раскрывали передъ нами все ту же неутѣшительную черту, полуобразованіе, а также неизбѣжно соединенную съ нимъ нѣкоторую грубость нравовъ. Главнымъ средствомъ къ поднятію нашей цивилизаціи и укрѣпленію нравственности должны служить мѣры для того *всестороннаго* внутренняго развитія, на которое указываютъ намъ слова возлюбленнаго Монарха; и въ числѣ этихъ мѣръ первое мѣсто конечно принадлежитъ солидной Европейской школѣ. Исторія показываетъ, что и эта школа еще не предупреждаетъ возможности какихъ либо безумныхъ попытокъ. Разница состоитъ въ томъ, что общество болѣе развитое знаетъ имъ цѣну; оно караетъ преступленія, но не спѣшитъ обобщать отдѣльные факты и мѣшать всестороннему внутреннему развитію воззваніемъ къ общимъ репрессивнымъ мѣрамъ. Оно знаетъ также необходимость мужества и твердости со стороны передовыхъ дѣятелей какъ для успѣховъ этого развитія, такъ и для поддержанія общественнаго спокойствія. Мы сомнѣваемся, чтобы публицистика, проповѣдующая разные страхи и, на основаніи отдѣльныхъ случаевъ, обильно изливавшая свою желчь на все молодое поколѣніе, благотворно вліяла на его духъ и на поддержаніе консервативныхъ началъ вообще. Образцы гражданскихъ доблестей, заимствованные изъ Плутарха, Ливія и другихъ писателей древности, должны имѣть свою долю участія въ развитіи молодаго поколѣнія; но оно нуждается также и въ живыхъ примѣрахъ; оно нуждается въ уваженіи къ старшему поколѣнію и въ его моральномъ вліяніи. А для этого вліянія передовымъ дѣятелямъ или считающимъ себя таковыми необходимо обнаруживать болѣе твердости и болѣе вѣры. Публицистамъ нашимъ, любящимъ кстати и некстати ссылаться на Европейскіе образцы, мы рекомендуемъ примѣръ одного изъ государственныхъ людей нашего времени, князя Бисмарка. Этотъ могущественный министръ, выдержавъ нападеніе молодаго фанатика Блинда, развѣ поспѣшилъ обобщить съ нимъ всю Германскую молодежь и потребовать для нея осаднаго положенія? Нѣтъ, онъ только заявилъ, что всегда готовъ умереть за отечество, будетъ ли то на полѣ брани или отъ руки презрѣннаго убійцы. Подобныя мужественныя слова благотворно дѣйствуютъ на молодое поколѣніе.

Въ предыдущей статьѣ мы коснулись нѣкоторыхъ Русскихъ публицистовъ, которыхъ назвали *охранительными* изъ уваженія къ ихъ прежнимъ заслугамъ. Таковыми ихъ можно назвать собственно по отношенію къ порядкамъ, существовавшимъ до нашего, реформаціоннаго періода; а

по отношенію къ послѣднему они безспорно представляютъ возвратное движеніе, такъ какъ къ нѣкоторымъ сторонамъ нашей обновленной общественной жизни они начали относиться съ явнымъ пристрастіемъ *. (Для примѣра укажемъ на земскія учрежденія, мировой институтъ, университетскій уставъ и гласное обсужденіе текущихъ вопросовъ). Такое посягательство на славный періодъ, который долженъ составлять нашу національную гордость, не могло не вызвать замѣтныхъ недоумѣній въ массѣ читающей публики. Да, не всегда то, что проповѣдуется подъ видомъ охранительныхъ началъ, соотвѣтствуетъ именно началамъ и укрѣпляетъ правительственный авторитетъ. Та же публицистика представила тому и примѣръ. Между прочимъ она начала указывать на нѣкоторыя чувствительныя неправильности въ условіяхъ нашей сельской жизни; но эти неправильности произошли главнымъ образомъ не потому, что новыя учрежденія неудовлетворительны, а потому что послѣднія невполнѣ примѣняются и требуютъ тщательнаго за ними наблюденія. Замѣчательно, что упомянутыя неправильности усилились именно въ то время, когда quasi-охранительная публицистика старалась занимать общественное вниманіе борьбою съ вѣтряными мельницами. Если бы дать полную вѣру ея внушеніямъ, то обществу неизбѣжно пришлось бы, вмѣсто твердой политики и постепеннаго, всесторонняго развитія, вступить на путь мрачной подозрительности и сильныхъ колебаній; а этотъ путь несравненно опаснѣе того нигилизма, который якобы охватилъ всю нашу молодежь. Такія-то внушенія были обращены противъ добраго, стойкаго, преданнаго Русскаго народа! Если дать имъ вѣру, то прощай спокойствіе: ибо мы живемъ ни болѣе, ни менѣе какъ на волканѣ, ежеминутно готовомъ залить насъ потоками лавы!

Перейдемъ теперь къ вопросу о Европейской школѣ, возникшему послѣ удара, нанесеннаго ей впечатлѣніями 1848 и 1849 годовъ.

Разнаго рода страхи, навѣваемые на наше общество революціонными движеніями Западной Европы, съ особою наглядностію проявились послѣ событій 1848 и 1849 г.г. Начались усиленныя, чрезвычайныя мѣры предосторожности въ видахъ спасенія существующаго порядка, хотя никакая сколько-нибудь серьезная опасность не угрожала этому порядку. Можно ли, напримѣръ, придавать какое-нибудь серьезное значеніе кружку молодыхъ людей, извѣстному подъ именемъ Петрашевцевъ? Подобные

* Напомню, что рѣчь идетъ объ издателяхъ Московскихъ Вѣдомостей.

кружки, предоставленные самимъ себѣ, обыкновенно кончались распаденіемъ и приходили къ сознанію своей полной ничтожности. Но, захваченные въ моментъ своей отрицательной, не скажу дѣятельности, а точнѣе болтливости, они съ помощью разныхъ сближеній и преувеличеній получали нѣкоторое значеніе въ глазахъ общества и обыкновенно вызывали чрезвычайныя мѣры. Замѣчательно, что въ подобныхъ призракахъ никогда не было недостатка въ тѣ минуты, когда общество настроивалось на извѣстный ладъ, и по всей вѣроятности они не истощатся до тѣхъ поръ, пока подобное настроеніе будетъ возобновляться. Явленіе это почти періодически повторялось у насъ со второй половины прошлаго столѣтія, т.-е. прогрессивное и возвратное направленіе почти періодически смѣняли другъ друга. Даже эпоха, отличавшаяся по преимуществу охранительнымъ характеромъ, имѣла свой возвратный періодъ, наступившій послѣ Февральской революціи въ Парижѣ: до такой степени общество наше было наклонно преувеличивать вліяніе на насъ западно-европейскихъ движеній. Печать и школа служили обыкновенно главнымъ поприщемъ, на которомъ упражнялось возвратное направленіе.

По уставу 1828 года, въ программѣ нашихъ гимназій видное мѣсто получило преподаваніе древнихъ языковъ. Особенно въ теченіе семнадцатилѣтней министерской дѣятельности графа Уварова, одного изъ просвѣщеннѣйшихъ государственныхъ людей Россіи, программа эта успѣла мало-по-малу привиться къ нашему общественному воспитанію, и даже начала приносить свои благія послѣдствія, которыя отразились преимущественно въ сферѣ государственной службы, науки и литературы. (Не забудемъ, что въ этотъ именно періодъ получило свое образованіе большинство дѣятелей, съ помощію которыхъ проводились реформы настоящаго царствованія). Наступило время, когда классическій элементъ могъ быть усиленъ въ школахъ, не производя никакихъ потрясеній въ нашей учебной системѣ, какъ вдругъ вмѣсто усиленія онъ подвергся чрезвычайному ослабленію. Съ 1849 г. началось ограниченіе древнихъ языковъ; а вскорѣ потомъ Греческій языкъ былъ почти совсѣмъ исключенъ изъ гимназической программы. И этотъ ударъ, нанесенный классическому элементу, не имѣлъ никакой другой цѣли кромѣ того отдаленнаго соображенія, по которому древніе языки являлись опасными для общественнаго порядка: ибо классическій міръ былъ по преимуществу міръ республиканскій. Выше мы говорили объ отношеніи этого вопроса къ различнымъ Европейскимъ народамъ. Ограниченіе древнихъ языковъ въ системѣ преподаванія не можетъ служить къ достиженію помянутой цѣли уже потому, что *знакомство* съ классическимъ міромъ давно начало распространяться въ

Русскомъ обществѣ при помощи многочисленныхъ переводовъ изъ Греческихъ и Римскихъ писателей и особенно при помощи многихъ иностранныхъ сочиненій, касавшихся древности. Мы говорили о томъ, что главнымъ средствомъ противъ ложныхъ представленій и выводовъ въ этомъ отношеніи должно служить не ограниченіе, а наоборотъ основательное знакомство какъ съ древними языками, такъ и съ античнымъ міромъ вообще. Но въ концѣ 40-хъ и началѣ 50-хъ годовъ Русское общество было далеко отъ сознанія этой истины. Какъ бы то ни было, сильный ударъ былъ нанесенъ нашему среднему образованію, а вмѣстѣ съ нимъ и образованію высшему, для котораго первое должно служить необходимою подготовкою. Прошло уже болѣе 20 лѣтъ съ того времени; а ударъ этотъ произвелъ такое замѣшательство въ Русской учебной системѣ, отъ котораго мы и доселѣ никакъ не можемъ оправиться. Подобное явленіе подтверждаетъ ту истину, что нерѣдко мѣры, принимаемыя въ видахъ охранительныхъ, ведутъ прямо къ противоположнымъ результатамъ. На мѣсто древнихъ языковъ, какъ извѣстно, въ нашихъ школахъ поставлено было естествовѣдѣніе, долженствовавшее служить противоядіемъ тлетворнымъ политическимъ идеямъ. Да, въ теченіе послѣдняго столѣтія Русской исторіи много было принесено жертвъ, чтобы отвратить распространеніе этихъ идей; а между тѣмъ ихъ призракъ, время отъ времени, возникаетъ съ новою силою и будетъ вліять до тѣхъ поръ, пока общество не начнетъ мужественно и прямо смотрѣть ему въ лицо; т.-е. пока общественное мнѣніе не перестанетъ предаваться мрачной подозрительности, робости и крайнимъ преувеличеніямъ; пока не научится различать опасности серьезныя отъ скоропреходящихъ, причины дѣйствующія постоянно отъ явленій, навѣваемыхъ модою и страстью къ подражанію. (Извѣстно, что на идеи и тенденціи также бываетъ временная мода, какъ и на все другое; напрасно крайнія идеи называютъ иногда новымъ ученіемъ: онѣ стары какъ міръ, т.-е. какъ человѣческое общество, и послѣднее однако отъ нихъ не разрушается). Противъ всѣхъ золъ главное средство есть солидное образованіе и вообще многостороннее внутреннее развитіе; а между тѣмъ именно это-то средство до сихъ поръ у насъ и неиспытано.

Мы сказали, что общество Русское было далеко отъ правильнаго взгляда на значеніе классическаго элемента въ системѣ школьнаго образованія. Слова эти относятся къ общественной массѣ; но въ средѣ ея былъ кружокъ просвѣщенныхъ людей, которые понимали значеніе этого элемента, скорбѣли о его ослабленіи и предвидѣли вредныя послѣдствія. Представителемъ такого кружка явился одинъ изъ профессоровъ Московскаго университета, покойный Т. Н. Грановскій, который и составилъ извѣст-

ную записку о классическомъ элементѣ въ преподаваніи. Эта отрадная личность конечно слишкомъ извѣстна нашему поколѣнію, чтобы о ней распространяться; ограничимся нѣсколькими словами. На чемъ главнымъ образомъ основывалось обаяніе Грановскаго? Онъ былъ чрезвычайно даровитъ, владѣлъ словомъ, былъ преданъ научнымъ и общественнымъ интересамъ. Но встрѣчаются иногда люди, которые въ той или другой степени имѣютъ эти качества и однако не пользуются большимъ моральнымъ вліяніемъ; они даже не всегда возбуждаютъ къ себѣ симпатіи со стороны своихъ современниковъ. Дѣло въ томъ, что съ упомянутыми качествами онъ соединялъ въ высшей степени благородный характеръ. Это одинъ изъ тѣхъ ровныхъ, свѣтлыхъ характеровъ, которые не способны ни къ какимъ превращеніямъ, ни къ какимъ крупнымъ сдѣлкамъ съ своими убѣжденіями, одинъ изъ тѣхъ людей, для которыхъ высшее Европейское образованіе и Европейская наука сами по себѣ служили цѣлью, а не средствомъ для достиженія какихъ либо постороннихъ цѣлей. Просвѣщенный гуманный взглядъ на человѣческое общество и на всѣ его явленія обыкновенно становится второю натурою подобныхъ людей. Ихъ отличительная черта—это голубиная кротость въ соединеніи съ непреклонною твердостію относительно основныхъ своихъ убѣжденій. Подобные люди съ прискорбіемъ смотрятъ на явленія ненормальныя; при случаѣ они высказываютъ свое прискорбіе, но безъ желчи и безъ бурныхъ порывовъ негодованія. Такіе люди не способны склоняться передъ скоропреходящимъ духомъ времени и измѣнять своему направленію, своему гуманному, просвѣщенному взгляду: къ этому не въ состояніи побудить ихъ никакая чечевичная похлебка (а послѣдняя, какъ извѣстно, можетъ принимать весьма разнообразныя формы). Можно смѣло сказать, что нравственный уровень всякой среды опредѣляется большимъ или меньшимъ количествомъ подобныхъ характеровъ. Таланты, знанія, энергія — все это нерѣдко встрѣчается въ нашемъ обществѣ; но характеры, стойкіе характеры, соединенные съ просвѣщеннымъ взглядомъ—вотъ въ чемъ мы особенно нуждаемся.

Извѣстно, что Грановскій не пользовался большимъ сочувствіемъ въ сферахъ вліятельныхъ; мало того, онъ былъ даже предметомъ несовсѣмъ лестнаго вниманія, а особенно въ тотъ ультра-охранительный періодъ, который наступилъ послѣ 1848 года. Его считали едва ли не крайнимъ либераломъ, и служебное положеніе его было довольно шаткое; но такова обаятельная сила подобныхъ характеровъ: открытый, ровный, благородный образъ дѣйствія сдерживалъ и самихъ недоброжелателей. Въ виду *этихъ отношеній*, упомянутая записка о классическомъ элементѣ полу-

чаетъ особый интересъ. Человѣкъ, въ которомъ подозрѣвали чуть ли не революціонное направленіе, является въ той запискѣ поборникомъ консервативныхъ началъ, но поборникомъ умѣреннымъ, гуманнымъ и разсудительнымъ. Да инымъ не могъ и быть человѣкъ, горячо преданный исторической наукѣ, углублявшійся въ прошедшее и вникавшій въ событія современныя. Это именно та наука, которая умѣряетъ обѣ крайности: она равно противудѣйствуетъ какъ застою и направленію возвратному, такъ и стремленію революціонному; она научаетъ цѣнить движеніе прогрессивное, но вмѣстѣ съ тѣмъ весьма постепенное. Вотъ почему обыкновенно ни радикалы, ни реакціонеры не жалуютъ добросовѣстныхъ, серьезныхъ отношеній къ этой наукѣ.

Съ замѣчательной ясностью и послѣдовательностію Грановскій развилъ въ своей запискѣ борьбу между классическимъ и реальнымъ направленіемъ въ западно-европейской школѣ и указалъ всю неосновательность нападокъ на древніе языки. Извѣстно, что ихъ обвиняли въ распространеніи опасныхъ идей о республиканской свободѣ. «Вліяніе античныхъ политическихъ теорій—отвѣчаетъ на это авторъ записки—могло быть опасно при незнакомствѣ съ исторіей; но въ настоящее время и эта опасность прошла, или по крайней мѣрѣ грозитъ уже совсѣмъ не съ той стороны». Онъ указалъ также на односторонность и излишнюю самоувѣренность реальнаго направленія; это направленіе исходило отъ ложно понятаго изрѣченія non scholae, sed vitae discendum (надобно учиться не для школы, а для жизни). Реалисты думали, что школа должна сообщить молодому человѣку какъ можно болѣе разнородныхъ свѣдѣній, имѣющихъ непосредственное приложеніе къ практической дѣятельности; тогда какъ (объясняетъ авторъ) идеалъ средняго заведенія есть приготовленіе воспитанника къ жизни «не чрезъ поверхностное многознаніе, а чрезъ основательное и всестороннее развитіе способностей». Грановскій возставалъ собственно противъ рѣшительнаго преобладанія естественныхъ наукъ въ воспитаніи: «какъ всякая односторонность, оно вредно и опасно». Это преобладаніе обыкновенно вело къ матеріальному направленію; тогда какъ «не о единомъ хлѣбѣ сытъ человѣкъ». «Задача педагогіи состоитъ въ равномѣрномъ (гармоничномъ) развитіи всѣхъ способностей учащагося, изъ которыхъ ни одна не должна быть принесена въ жертву другой». Но—прибавляетъ онъ—«сохрани насъ Богъ отъ намѣренія заподозрѣвать въ дурномъ какую либо науку. Наукъ вредныхъ нѣтъ и быть не можетъ». Однако между ними школа должна дѣлать строгій выборъ. Здравая педагогія, «ограничивая по мѣрѣ возможности число предметовъ преподаванія, ставитъ на первомъ планѣ древнюю филологію,

какъ незамѣнимое никакимъ другимъ средство нравственнаго, эстетическаго и логическаго образованія». Записку свою, составленную лѣтомъ 1855 года, Грановскій представилъ А. С. Норову, незадолго вступившему въ управленіе министерствомъ народнаго просвѣщенія. Послѣдній вообще показалъ много вниманія къ Грановскому и пригласилъ его въ Петербургъ для совѣщанія объ учебныхъ вопросахъ. Означенная записка составлена профессоромъ за нѣсколько мѣсяцевъ до его смерти. Она оставалась неизвѣстною публикѣ до 1861 года, когда впервые была напечатана въ Московскихъ Вѣдомостяхъ. Тутъ Русское общество наглядно могло убѣдиться въ томъ, что человѣкъ, который во время ультра-охранительнаго періода считался едва не радикаломъ, ратовалъ за истинно-охранительныя начала; а противники его своими внушеніями, направленными противъ классической школы, яко бы враждебной существующему порядку, произвели только смуту и потрясенія въ такомъ великомъ дѣлѣ, какъ общественное образованіе.

Когда наступила послѣдняя эпоха Русской исторіи, эпоха нашего внутренняго обновленія, въ числѣ другихъ государственныхъ вопросовъ сталъ на очереди и вопросъ о Европейской общеобразовательной школѣ. Уже въ 1856 г. министерство народнаго просвѣщенія поручило ученому комитету главнаго правленія училищъ пересмотрѣть уставъ 1828 года. Въ 1860 году былъ готовъ проектъ новаго устава и напечатанъ для предварительнаго обсужденія его литературою. Затѣмъ онъ подвергся разнымъ передѣлкамъ. Исторія должна будетъ отдать справедливость лицамъ, стоявшимъ во главѣ министерства народнаго просвѣщенія въ началѣ 60-хъ годовъ: они пошли къ рѣшенію вопроса путемъ его всесторонняго разсмотрѣнія. Проектъ былъ сообщенъ для замѣчаній педагогическимъ совѣтамъ гимназій, совѣтамъ университетовъ и кромѣ того многимъ лицамъ, которые могли быть компетентны въ этомъ вопросѣ. Даже обратились за совѣтами къ иностраннымъ педагогамъ и ученымъ. Памятникомъ дѣятельности по данному вопросу служитъ большая масса матеріала, напечатаная въ особомъ сборникѣ подъ заглавіемъ: Замѣчанія на проэктъ устава общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній. Въ этомъ изданіи, посреди разнообразныхъ и нерѣдко весьма поверхностныхъ сужденій, разсыпано множество болѣе или менѣе дѣльныхъ замѣчаній почти по всѣмъ отраслямъ учебно-воспитательнаго дѣла. Собранный матеріалъ впрочемъ едва ли имѣлъ время подвергнуться тщательной разработкѣ. Новый проектъ устава среднеучебныхъ заведеній былъ утвержденъ въ 1864 году. Уставъ этотъ имѣлъ свои несомнѣнныя достоинства, и представлялъ значительный шагъ впе-

нительно съ предыдущею эпохою. Но въ немъ былъ важный
ъ, именно недостатокъ руководящей идеи, которая была бы до-
надлежащей степени ясности и служила бы исходнымъ пунк-
всей системы; типы классической и реальной школы не высту-
достаточной полнотою и опредѣленностію. Впрочемъ составители
ылались на то, что они имѣли въ виду избѣжать крайняго на-
въ ту или другую сторону и что время постепенно могло уяс-
справлять недостатки ихъ системы.

тѣмъ нѣкоторая часть Русской печати начала возвышать го-
пользу водворенія Европейской школы, построенной на рѣши-
господствѣ древнихъ языковъ. Логика и энергія, съ которыми
ъ проводилась эта мысль, обратили на себя общее вниманіе и
бѣ не мало сочувствія. Это сочувствіе безспорно должно было
силиться и распространиться, если бы означенная печать про-
болѣе и болѣе разъяснять вопросъ и обработывать разныя его
не останавливаясь постоянно на одной и той же формулѣ (на
ціи и гимнастикѣ ума); а главное, если бы она не поспѣшила
чебный вопросъ съ тѣми эфемерными явленіями, о которыхъ
говорили. Безъ сомнѣнія, въ различныхъ выходкахъ молодежи
недостатокъ солидной школы; но тутъ еще болѣе вліяло сте-
ныхъ другихъ обстоятельствъ. Мы уже говорили, что переходъ
ъ, болѣе прогрессивнымъ порядкамъ (въ особенности послѣ пе-
тра-охранительнаго) нигдѣ не обходится безъ нѣкоторыхъ ано-
въ ошибокъ и жертвъ; но все это не существенно и скоропре-
Исторія показываетъ намъ, что не слѣдуетъ преувеличивать зна-
обныхъ явленій и приписывать имъ серьёзную опасность для
наго порядка. Поэтому та часть Русской интеллигенціи, кото-
ствовала водворенію классической школы, съ недоумѣніемъ смо-
ъ публицисты, бывшіе дотолѣ поборниками прогресса, въ борьбѣ
нымъ (реальнымъ) направленіемъ все болѣе и болѣе уклоня-
прямой, основательной разработки вопроса на скользкую дорогу
ій дня и временныхъ политическихъ интересовъ. Классическая
успѣла еще освободиться отъ обвиненій въ своемъ яко бы рево-
ъ направленіи, какъ поборники этой школы принялись увѣрять,
евнихъ языкахъ только и заключается спасеніе отъ всѣхъ опас-
розящихъ обществу со стороны тлетворныхъ ученій. Однимъ сло-
вореніе этихъ языковъ они пытались связать съ такимъ спо-
йствія, который не имѣетъ ничего общаго съ Европейскою шко-
по малу они сбились на столь знакомую дорогу, по которой

издавна слѣдовали у насъ противники внутренняго прогресса. Съ обычною своею настойчивостью эти публицисты начали дѣйствовать на ту-же чувствительную струну нашего общества, на которой съ успѣхомъ упражнялись ихъ предшественники въ дѣлѣ запугиванія. Не мы конечно будемъ отрицать обязанность передовыхъ дѣятелей стоять на стражѣ, чтобы охранять общество отъ вліянія вредныхъ ученій. Но для этого, какъ мы уже замѣтили, надобно мужественно и прямо смотрѣть имъ въ лицо, а не создавать разнаго рода призраки. Солидная Европейская школа сама по себѣ есть главное средство для борьбы съ вредными вліяніями. Но возможно ли ея процвѣтаніе основывать на искусственно-возбуждаемой паникѣ, т.-е. на томъ же способѣ дѣйствія, который употребляли противники этой школы послѣ 1848 года? Согласно ли было съ требованіями здравой политики и здравой педагогіи придавать ей оттѣнокъ какой-то чрезвычайной, осадной мѣры? Вмѣсто возможно спокойнаго обсужденія и разносторонняго изученія, вопросъ объ этой школѣ сдѣлался предметомъ жгучей и весьма односторонней полемики; при чемъ нетерпѣливый, раздраженный тонъ, сопровождаемый всякаго рода ядовитыми намеками и замѣчаніями, конечно немного способствовалъ уясненію этого вопроса и возбужденію сочувствія со стороны Русской публики. Здѣсь-то и выразилась та разница между защитою Европейской школы въ упомянутой запискѣ историка и образомъ дѣйствія его преемниковъ по этому вопросу.

Означенному тону соотвѣтствовала и самая система доказательствъ. Историкъ утверждалъ, и совершенно справедливо, что наукъ вредныхъ нѣтъ, что вопросъ только заключается въ выборѣ наиболѣе цѣлесообразнаго научнаго матеріала для школы. А теперь мы узнали, что напротивъ науки раздѣляются на полезныя и вредныя. Затѣмъ чуть ли не всякое современное событіе, внутреннее или внѣшнее, начало разсматриваться со стороны его отношенія къ древнимъ языкамъ, хотя бы оно въ дѣйствительности не имѣло къ нимъ никакого отношенія. Дошло до того, что погромъ Франціи и блистательное торжество надъ нею Германіи объяснились по преимуществу вліяніемъ древнихъ языковъ, которыми въ послѣднее время Нѣмцы занимались основательнѣе, чѣмъ Французы. А между тѣмъ каждому образованному человѣку должны бы быть извѣстны многоразличныя причины упадка Франціи и возвышенія Германіи,—причины, имѣющія мало общаго съ преподаваніемъ древнихъ языковъ. Какимъ образомъ публицисты, претендующіе на объясненіе великихъ событій, не знали того, что поднятію національнаго духа у Нѣмцевъ болѣе всего способствовало именно не классическое, а романтическое направленіе,

возобладавшее съ конца XVIII и начала XIX вѣка, т.-е. со времени униженія, претерпѣннаго ими отъ Французовъ? Послѣдовавшая за тѣмъ эпоха въ исторіи Германской образованности ознаменована по преимуществу обращеніемъ къ своей старинѣ и необыкновенно дѣятельнымъ ея изученіемъ. Извѣстно, что Пруссія шестьдесятъ лѣтъ готовилась къ послѣдней борьбѣ и развивала по возможности всѣ стороны своей общественной жизни, всѣ силы (и умственныя, и физическія) своего народа. Она заботилась о широкомъ распространеніи образованія до самыхъ низшихъ его слоевъ, причемъ давно уже оставила политику колебанія и подозрительности. И въ Пруссіи мы находимъ ультра-консервативную публицистику; но это публицистика традиціонная, представляющая извѣстную партію, т.-е. извѣстные интересы; она имѣла свое значеніе въ общей системѣ разнообразныхъ органовъ. Она уже не опасна для послѣдовательнаго, спокойнаго развитія общественной жизни тамъ, гдѣ существуютъ другіе еще болѣе могущественные органы для выраженія разнообразныхъ интересовъ и потребностей государственныхъ. Тамъ уже давно прекратилась возможность основывать свое личное возвышеніе на устрашеніи общества призраками опасныхъ ученій. Пруссіи, и по близкому сосѣдству съ центрами подобныхъ ученій, и по ея политико-экономическому состоянію, уже приходится начинать съ ними дѣятельную борьбу; но ея передовые люди предпочитаютъ вести эту борьбу съ помощію свѣта и широко распространеннаго образованія, а не съ помощію ядовитыхъ внушеній и искусственно-нагоняемой паники *.

---

* По отношенію къ вопросамъ внѣшней политики любопытно между прочимъ отношеніе нашей ультра-охранительной публицистики къ той знаменательной борьбѣ, которая возникла между Прусскою государственною сферою съ одной стороны и католическимъ ультрамонтанствомъ съ другой: она неодобрительно смотритъ на эту борьбу. Бываютъ столкновенія, уклоняться отъ которыхъ иногда невозможно безъ ущерба для наиболѣе существенныхъ интересовъ общества. Католицизмъ и папство конечно имѣли свое великое значеніе въ исторіи Европейской цивилизаціи. Но извѣстно также, что духовенство католическое, считающее своимъ непосредственнымъ главою папу, нерѣдко являлось въ исторіи элементомъ, враждебнымъ государственному началу. Германія въ своемъ стремленіи къ болѣе полному внутреннему объединенію не можетъ избѣжать борьбы съ ультрамонтанами, и надобно отдать справедливость государственнымъ людямъ Пруссіи, что они повидимому понимаютъ все серьезное значеніе предпринятой борьбы и всю ея трудность; отсюда ихъ осторожность и постепенность. Вообще это борьба долгая и по всей вѣроятности не разъ будетъ возобновляться, прежде нежели придетъ къ конечнымъ результатамъ. Исторія показываетъ намъ замѣчательную живучесть папства и вообще католицизма; но съ другой стороны государственное начало и идея церковной эмансипаціи отъ папскихъ притязаній также работаютъ постоянно. А потому наши quasi-охранительные публицисты могли бы не безпокоиться за исходъ помянутой борьбы.

Упомянутыя натяжки и искаженія въ пользу классической школы,— натяжки, въ которыхъ она совсѣмъ не нуждалась для доказательства своей полезности, а главное, искусственная связь съ возвратнымъ направленіемъ, какъ мы сказали, поставили вопросъ объ этой школѣ въ не совсѣмъ нормальныя отношенія къ общественному мнѣнію и не могли возбудить къ этому вопросу того сочувствія, котораго онъ заслуживалъ и въ которомъ безспорно нуждался для своего удовлетворительнаго разрѣшенія. Публицистика не пропускала ни одного явленія, сколько нибудь касающагося молодежи, чтобы не связать его съ вопросомъ о школѣ, а вмѣстѣ и съ призраками грозящихъ намъ опасностей. Особенно усердно эксплуатировала она нѣкоторые прискорбные случаи, толкуя ихъ чуть не исключительно вліяніемъ школы, хотя подобные случаи передъ нашими глазами совершались и въ странахъ, гдѣ классическое образованіе издавна господствуетъ. Вообще она много вредила вопросу своею неумѣренностію и тѣмъ рвеніемъ, которое не знаетъ терпимости, а слѣдовательно отзывается фанатизмомъ. Дѣло воспитанія и фанатизмъ! Гуманная классическая школа и возвратное движеніе съ проповѣдью репрессивныхъ мѣръ! Педагогія и до крайности раздражительное самолюбіе! Что можетъ быть неестественнѣе связи этихъ явленій? И къ чему обыкновенно сводилась вся эта бурная агитація? Къ тому, чтобы завоевать нѣсколько лишнихъ часовъ на древніе языки. «Да намъ необходимо еще приготовить учителей», возражали сторонники постепенности. «Это ничего не значитъ—отвѣчали противники,—мы ихъ выпишемъ». И такъ—толковали они—назначимъ самое большое число часовъ, призовемъ учителей изъ Австріи, и у насъ произойдетъ нѣчто въ родѣ Возрожденія наукъ и искусствъ. Помнится, даже назначенъ былъ десятилѣтній срокъ до начала этой эпохи возрожденія. Какое простое и вмѣстѣ легкое отношеніе къ дѣлу! Какое невѣдѣніе историческихъ законовъ развитія, между тѣмъ какъ условія Русскаго общества въ этомъ отношеніи требовали именно осторожности и постепенности. Извѣстно, что на Западѣ классическая школа развивалась въ связи съ церковью, орудіемъ которой былъ языкъ Латинскій. Эта школа развилась и укрѣпилась тамъ въ теченіи многихъ столѣтій; она внѣдрилась въ самую жизнь и срослась съ нею, такъ сказать, органически. У насъ не было этого условія. Тѣмъ не менѣе мы нисколько не должны сожалѣть о томъ, что языкъ нашей церкви былъ родственный Славянскій, а не Латинскій или Греческій. Доказательствомъ тому служитъ покойная Рѣчь Посполитая, въ которой Латинскій языкъ былъ языкомъ церкви, господствовалъ въ школахъ и даже былъ разговорнымъ языкомъ шляхты. Это обстоятельство однако не отвратило паденія Поль-

ской націи. Интересно, напримѣръ, слѣдить за дипломатическими сношеніями Россіи и Польши въ XVII вѣкѣ. Какими варварами считались тогда наши Московскіе бояре, не имѣвшіе понятія о древнихъ языкахъ, въ сравненіи съ Польскими панами, изящно выражавшимися по-латыни и побывавшими въ Европейскихъ университетахъ! А между тѣмъ въ вопросахъ государственной важности эти паны нерѣдко оказывались дѣтьми въ сравненіи съ Московскими варварами. Слѣдовательно древніе языки еще не играютъ главной роли въ судьбѣ государствъ и народовъ. Отсюда конечно не слѣдуетъ дѣлать какого либо вывода, неблагопріятнаго для классической школы: если мы желаемъ сдѣлаться вполнѣ Европейцами, то непремѣнно должны усвоить себѣ эту школу. Но исторія не можетъ раздѣлять увлеченій публицистики; она должна напоминать послѣдней, что несоблюденіе мѣры обыкновенно вело не къ искомымъ результатамъ, а наоборотъ иногда ихъ отдаляло.

По отношенію къ нашему обществу вопросъ о языкахъ не такъ простъ, какъ это казалось означенной публицистикѣ. До сихъ поръ Русское общество училось болѣе новымъ языкамъ чѣмъ древнимъ, и при его подражательныхъ отношеніяхъ къ Западу это было совершенно естественно. Но теперь безспорно настало время болѣе самостоятельнаго развитія своей образованности и большаго сближенія съ самыми источниками Европейской цивилизаціи. Однако можемъ ли мы въ настоящее время уже пренебречь изученіемъ новыхъ языковъ? Не думаю; по крайней мѣрѣ рѣзкій переходъ въ этомъ отношеніи былъ бы опытомъ довольно рискованнымъ. А тамъ есть и другіе предметы, которые тоже предъявляютъ свои неоспоримыя права гражданства въ системѣ общаго образованія. Слѣдовательно, удовлетворительная организація этого образованія требовала тщательнаго и разносторонняго обсужденія. Въ основу его конечно должны быть поставлены древніе языки; но количествомъ часовъ этотъ вопросъ еще далеко не рѣшается (и тѣмъ болѣе, что публицистика, налегавшая на количество, до сихъ поръ оставляла въ сторонѣ вопросъ о качествѣ). Мы говорили о нашей неподготовленности къ усвоенію классическихъ языковъ. Отъ этой неподготовленности происходитъ конечно и трудность ихъ изученія, а отъ этой трудности и неохота. Но побороть эту неохоту можно только помощью послѣдовательной, твердой и вмѣстѣ гуманной системы, а никакъ не посредствомъ того террора, который означенная публицистика стремилась внести въ учебное дѣло. Неужели униженіе другихъ предметовъ и другихъ преподавателей сравнительно съ преподавателями древнихъ языковъ, погромъ того или другаго заведенія, наличный составъ котораго заподозрѣнъ въ недостаточномъ уваженіи, не скажу къ

классическому элементу, а собственно къ публицистамъ, его проповѣдующимъ, и т. п. пріемы суть наилучшія средства къ распространенію классическаго духа въ нашихъ средне-учебныхъ заведеніяхъ? Это по отношенію къ преподавателямъ; а по отношенію къ дѣтямъ, вѣрно ли понято нашими публицистами значеніе концентраціи и гимнастики ума, о которыхъ они такъ много толковали? Въ этомъ отношеніи мы только и слышали реторическія разсужденія, что тутъ не можетъ быть мѣры, что чѣмъ больше тѣмъ лучше, такъ что и отведеннаго новымъ уставомъ времени на эту концентрацію, по ихъ мнѣнію, все еще мало. Этотъ недостатокъ чувства мѣры, повторяемъ, служилъ однимъ изъ важныхъ препятствій къ тому, чтобы вызвать общественное сочувствіе въ данномъ вопросѣ. Мы не поборники многопредметности и вообще работы не по силамъ. Напротивъ, мы думаемъ, что общественная школа (и не у насъ однихъ) большею частію страдаетъ недостаткомъ осмотрительности при обремененіи работой. Отъ этого происходитъ обыкновенное слѣдующее явленіе. Большинство учениковъ, будучи не въ силахъ побороть трудности, начинаетъ мало по малу отставать и постепенно выбываетъ изъ заведенія еще за долго до окончанія курса. Меньшинство же, т.-е. наиболѣе способные и усердные, съ помощью большаго умственнаго напряженія, успѣваютъ одолѣть курсъ и дойти до его окончанія; но это напряженіе не осталось безъ слѣда: оно было сдѣлано на счетъ будущей способности къ работѣ, т.-е. на счетъ нервной системы, разстройствомъ которой такъ страдаютъ наши поколенія. *

Русскій народъ — а слѣдовательно и Русское юношество — безспорно одинъ изъ самыхъ даровитыхъ въ мірѣ; онъ владѣетъ замѣчательною способностію воспріятія; но оттого никакъ не слѣдуетъ злоупотреблять этою способностію. Сильно ошибаются тѣ педагоги, которые думаютъ, что достаточно учебные пріемы вполнѣ, до мелочей, взять отъ одного народа и перенести на другой, чтобы достигнуть тѣхъ же результатовъ. У каждаго народа есть свой типъ, свои условія, которыхъ никакъ нельзя упу-

---

* По этому поводу предлагаемъ обратить вниманіе общественной педагогіи также и на наши женскія учебныя заведенія, гдѣ подобное обстоятельство еще чувствительнѣе: дѣвочки обыкновенно серьезнѣе и прилежнѣе мальчиковъ, а между тѣмъ организмъ ихъ слабѣе. Вообще ощущается потребность въ томъ, чтобы существующіе для того органы дѣйствительно регулировали занятія учениковъ и ученицъ, т.-е. наблюдали бы за возможно-цѣлесообразнымъ распредѣленіемъ работы и сдерживали бы увлеченіе нѣкоторыхъ педагоговъ, въ особенности еще молодыхъ и неопытныхъ. Разумѣется, наблюденіе за такимъ щекотливымъ дѣломъ должно быть деликатное и дружеское: ему долженъ помогать и педагогическій совѣтъ всякаго заведенія.

скать изъ виду. Въ настоящей статьѣ мы только напоминаемъ объ этой сторонѣ педагогическаго дѣла, которая сама по себѣ требуетъ особаго вниманія. Что же касается до упомянутой концентраціи учебнаго курса надъ формами древнихъ языковъ, то она не только не можетъ быть безгранична, а наоборотъ, вопросъ главнымъ образомъ заключался въ той степени, до которой она должна простираться при данномъ курсѣ. Конечно счастливыя и богато одаренныя натуры все преодолѣютъ и разовьются, вопреки неблагопріятнымъ условіямъ; но общественные курсы дожны быть разсчитаны на средній уровень способностей, т.-е. на огромное большинство. Поэтому другіе учебные предметы, входящіе въ программу классической школы, получаютъ важное значеніе. Гармонія или соразмѣрность въ ихъ распредѣленіи, а также характеръ ихъ преподаванія играютъ весьма видную роль въ умственномъ развитіи молодаго поколѣнія, въ его подготовкѣ и къ жизни, и къ высшему образованію. Все это такія истины, которыя не должны подлежать и вопросу; а между тѣмъ приходится о нихъ напоминать въ виду той крайности и односторонности, которую публицистика пыталась внести въ наше воспитательное дѣло. По поводу односторонне понимаемой концентраціи и гимнастики ума, для примѣра, укажемъ на господствовавшую доселѣ учебную систему въ нашемъ Еврейскомъ населеніи. Образованіе его сосредоточено на изученіи древнееврейскаго языка и тонкостей Талмуда. Упражняясь надъ этими предметами, Еврейскій умъ достигаетъ замѣчательной гибкости и изворотливости. Мы однако не желали бы для нашего юношества такихъ же результатовъ: доселѣ наше Еврейское населеніе доказало по преимуществу большую способность эксплуататорскую и малую способность къ дѣятельности производительной; очевидно въ его моральномъ развитіи существуютъ значительные пробѣлы. Снова напомнимъ и примѣръ Польской шляхты, умственное развитіе которой, особенно въ Іезуитскихъ школахъ, было сосредоточено надъ языкомъ Латинскимъ; однако результаты также не оказались особенно счастливыми. (Толкованіе нашихъ публицистовъ, что главная сила развитія обусловливается изученіемъ не одного древняго языка, а именно двухъ, и что умственныя способности отъ упражненій надъ формами одного языка отдыхаютъ на формахъ другаго—это толкованіе по меньшей мѣрѣ оригинально).

Не замѣчательное ли, въ самомъ дѣлѣ, явленіе? Люди, которые болѣе всего хлопотали о водвореніи у насъ солидной Европейской школы, они то и постарались придать ей неблаговидный, политическій оттѣнокъ въ глазахъ общества. Они пытались запугать его опасностями отъ т. наз. тлетворныхъ ученій, а въ самомъ дѣлѣ запугивали неумѣренными тре-

бованіями и возвратнымъ направленіемъ. Не странно ли: общество, съ покорностію и преданностію встрѣчавшее всесословную воинскую повинность для своихъ дѣтей, съ недоумѣніемъ и нѣкоторымъ соболѣзнованіемъ о тѣхъ же дѣтяхъ относилось къ вопросу объ общеевропейской школѣ! И мы не говоримъ о какихъ либо низшихъ слояхъ, которые не въ состояніи оцѣнить пользу Европейскаго образованія. Извѣстно, что нужна была могучая Державная воля, чтобы покончить съ этимъ недоумѣніемъ и рѣшить вопросъ въ пользу солидной школы. Исторія отдастъ должную справедливость такой рѣшимости и просвѣщенной заботливости о нашемъ внутреннемъ развитіи; съ этой стороны мы и не могли желать лучшаго оборота дѣлу. Она отдастъ справедливость и тѣмъ государственнымъ людямъ, которые способствовали такому обороту. Въ настоящей замѣткѣ мы желали указать только на тѣ обстоятельства, при которыхъ этотъ вопросъ получилъ свое рѣшеніе,—обстоятельства, которыя необходимо имѣть въ виду для оцѣнки дальнѣйшей его судьбы. Повторяемъ, Русское общество совсѣмъ не такъ безтолково, чтобы не могло оцѣнить пользу Европейской школы. Если бы печать вела это дѣло съ должнымъ тактомъ и благоразуміемъ, то она возбудила бы не только сочувствіе, но и сильное желаніе классическаго образованія. Мы говоримъ тѣмъ съ большею увѣренностію, что время благопріятствовало этому начинанію какъ нельзя лучше. Никогда Русское общество, до самыхъ низшихъ его слоевъ, не ощущало такой потребности просвѣщенія, какъ въ послѣднюю эпоху. Число учебныхъ заведеній, несмотря на постоянное свое возрастаніе, все еще очень далеко отъ возможности удовлетворить этой потребности. Напрасно думаютъ, что всесословная воинская повинность съ ея льготами въ пользу образованія обусловливаетъ столь быстро возрастающій на него запросъ. Это несправедливо и невѣрно хронологически. Сильное стремленіе къ просвѣщенію началось ранѣе, чѣмъ возникъ вопросъ о воинской повинности; оно непосредственно вызвано благими преобразованіями настоящаго царствованія. Можно себѣ представить, какой успѣхъ ожидалъ бы солидную Европейскую школу, если бы близорукая публицистика не поспѣшила сообщить ей неблаговидный оттѣнокъ. Съ помощью послѣдняго она также оттолкнула отъ содѣйствія въ этомъ важномъ дѣлѣ значительную часть Русской интеллигенціи.

Будучи сторонниками прогресса послѣдовательнаго, мы и относительно классическаго элемента держались того мнѣнія, что онъ долженъ забирать силу постепенно, дѣйствуя систематически, расчитанно, безъ рѣзкихъ переходовъ и крайностей и подготовляя средства для своихъ дальнѣйшихъ *успѣховъ*. Но отсюда никоимъ образомъ не слѣдуетъ, чтобы мы выражали

какое либо несочувствіе къ тому объему, въ которомъ онъ осуществился въ настоящее время. Притомъ Боже насъ сохрани относиться безъ должнаго уваженія къ какой либо реформѣ на другой день послѣ ея санкціи. Въ данномъ случаѣ мы можемъ только привѣтствовать ее и желать ей прочнаго успѣха. Но послѣднее желаніе заставляетъ насъ указывать на тѣ внушенія публицистовъ и на ту систему доказательствъ, которымъ никакъ нельзя было сочувствовать. Мы напоминаемъ имъ о необходимости просвѣщеннаго, гуманнаго отношенія къ тому дѣлу, руководить которымъ они претендуютъ. На какихъ законныхъ основаніяхъ возникла эта претензія, мы не знаемъ; во всякомъ случаѣ желали бы ей болѣе Европейскихъ способовъ дѣйствія: ибо отъ послѣднихъ весьма много зависитъ успѣшное выполненіе всякаго благаго начинанія. Можетъ быть нигдѣ личные характеры не оказываютъ такого непосредственнаго вліянія на ходъ дѣла, какъ въ педагогіи. А потому всякое личное самолюбіе, наклонное къ излишней раздражительности, должно было бы въ такомъ священномъ дѣлѣ себя обуздывать. Далѣе, публицистика, занятая самыми разнообразными и безпрерывно смѣняющимися новостями, живущая интересами и впечатлѣніями дня, обо всемъ разсуждающая и не имѣющая времени изучать что нибудь основательно, вникать, наблюдать, провѣрять, по нашему мнѣнію, едва ли можетъ быть хорошею руководительницею такой спеціальной и обширной отрасли, какъ педагогія, которая требуетъ постоянной и всецѣлой сосредоточенности. Чтобы хорошо направлять подобную отрасль общественной жизни, мало одной діалектической способности и ловкости по части устрашенія ложными идеями. Послѣдній пріемъ является обоюдуострымъ, и налегать на него значило поддерживать дѣло воспитанія на скользкой и несвойственной ему политической почвѣ. Если бы по прошествіи десятилѣтняго срока, вмѣсто обѣщаннаго возрожденія наукъ и искусствъ, въ средѣ недоучившейся молодежи повторились какія либо неблаговидныя явленія (что весьма возможно, особенно если имъ будетъ придаваться все то же преувеличенное значеніе), то слѣдовательно классическая школа окажется несостоятельною? * Стало быть ее опять надобно разгромить какъ послѣ 48 года? Къ сожалѣнію, означенная публицистика не разумѣетъ или не желаетъ разумѣть уроковъ исторіи. Пытаясь связать дѣло воспитанія съ своимъ возвратнымъ направленіемъ, она, кажется совсѣмъ упустила изъ виду, что нашъ авторитетъ не простирается на будущія поколѣнія, и что мы должны дѣйствовать обдуманно и разсуди-

---

* Обращаю вниманіе читателей на эти слова, къ сожалѣнію оказавшіяся пророческими. *Поздн. примѣч.*

тельно, не поддаваясь временному настроенію, если желаемъ прочности своимъ начинаніямъ. Дай Богъ, чтобы впослѣдствіи, когда насъ не будетъ, не пришлось кому-нибудь повторить извѣстныя слова: «въ Западной Европѣ все мѣняется, даже самая форма правленія; только школа остается на незыблемыхъ основаніяхъ; а у насъ..» и т. д.

Но что говорить о будущихъ поколѣніяхъ. Та именно публицистика, которая изъявляла претензію на руководство въ дѣлѣ воспитанія, въ это же самое время какъ бы сама не признавала высшаго авторитета, и пыталась колебать довѣріе къ нему дѣятельною агитаціей противъ нѣкоторыхъ изъ наиболѣе благихъ и свѣтлыхъ дѣяній этого авторитета. И какой нехитрый пріемъ употребляла она доселѣ для этой агитаціи! Она указывала разныя неудачныя стороны нашего быта и отыскивала разные печальные случаи; тогда какъ, при старыхъ, до-реформенныхъ, порядкахъ, этихъ сторонъ и этихъ случаевъ было несравненно болѣе, только они проходились молчаніемъ. Да и вообще, какъ будто человѣческія учрежденія могутъ быть совершенны и въ нихъ нельзя отыскать недостатковъ? Публицисты очевидно не разумѣютъ того, что вся сумма государственныхъ учрежденій имѣетъ для народа гораздо болѣе воспитательное значеніе, чѣмъ школа въ тѣсномъ смыслѣ; но развѣ возможно на основаніи нѣсколькихъ лѣтъ судить о результатахъ этого воспитанія для цѣлаго народа? Если брать въ разсчетъ отдѣльные случаи (которые доказываютъ только необходимость лучшаго надзора за новыми учрежденіями и болѣе дѣятельной имъ поддержки), то придется отрицать и пользу желѣзныхъ путей; извѣстны частыя жалобы на нашу желѣзно-дорожную неурядицу, поэтому не воротиться ли намъ къ прежнимъ способамъ передвиженія?

Публицистика, предпринявшая подкопы подъ наши улучшенныя учрежденія, усвоила себѣ привычку подъискивать для своихъ доказательствъ соотвѣтствующіе ея цѣли примѣры изъ быта западноевропейскихъ народовъ, при чемъ она проводила иногда параллели совершенно невѣрныя и прибѣгала къ явнымъ натяжкамъ. Между прочимъ она обнаружила претензію считать свое направленіе истинно охранительнымъ и ссылаться на примѣръ Англіи. По поводу новыхъ парламентскихъ выборовъ, она увѣряла, будто бы въ Англіи консерваторы «не заботятся охранять безопасность жизни и собственности, а берегутъ и защищаютъ отъ нападокъ учрежденія государственныя». Во-первыхъ, какимъ образомъ вопросъ о безопасности можно отдѣлять отъ государственныхъ учрежденій, когда первѣйшая задача послѣднихъ состоитъ именно въ огражденіи личной и имущественной безопасности, безъ которой невозможенъ не только какой

либо прогрессъ, но и простой общественный порядокъ? Во-вторыхъ, что можетъ быть общаго между торійскою реакціею въ Англіи и нашимъ возвратнымъ направленіемъ? Тори и Виги, т.-е. консервативная и прогрессивная партіи, эти два начала присущи жизни всякаго историческаго народа; мало того, вѣчная борьба между этими двумя великими началами и составляетъ его внутреннюю исторію. Если бы одна партія возобладала исключительно и борьба прекратилась, тогда общество неизбѣжно впало бы въ крайность: оно или подвергнется мертвенному застою, или предастся опасной страсти къ перемѣнамъ. Поэтому-то правительство, которое стоитъ выше всѣхъ партій и представляетъ свой народъ въ совокупности, имѣетъ неоспоримый интересъ поддерживать эти два начала въ равновѣсіи. Каждому образованному человѣку должно быть извѣстно, что Англійскій государственный механизмъ въ этомъ отношеніи уже давно достигъ замѣчательной степени развитія и служитъ образцомъ для государствъ континентальныхъ, часто страдающихъ неровностью своего историческаго движенія. (Выше было замѣчено, что островное положеніе болѣе всего способствовало нормальному развитію Англійскаго общественнаго быта). Мало того, Англія, какъ мы сказали, едва ли не близка къ самой границѣ возможнаго въ этомъ отношеніи развитія. Всякая законодательная мѣра, сколько-нибудь имѣющая государственную важность, должна проходить тамъ сквозь цѣлую массу согласій и одобреній, прежде нежели получить окончательную санкцію. Тамъ со стороны гражданскихъ правъ едва ли что остается желать, и никакая перемѣна министерства въ настоящее время не можетъ угрожать англійскому Habeas Corpus. Не только какое либо возвратное политическое движеніе, тамъ сдѣлалось затруднительнымъ осуществленіе и такихъ мѣръ, которыя полезны для обновленія экономическихъ условій. Для примѣра, напомнимъ хотя вопросъ о хлѣбныхъ законахъ: даже и такая мѣра, какъ сбавка пошлины на привозный хлѣбъ, необходимая для бѣдныхъ классовъ, встрѣтила столь сильное сопротивленіе со стороны богатыхъ, что разрѣшеніе этого вопроса сопровождалось волненіемъ, уже грозившимъ спокойствію государства. Печать, разсуждающая о консервативныхъ началахъ, поняла ли хорошо смыслъ послѣдней торійской реакціи въ Англіи? Передавая газетные толки о разныхъ обстоятельствахъ и вопросахъ, сопровождавшихъ паденіе министерства Виговъ, она въ этихъ-то вопросахъ и видитъ причину самаго паденія. А между тѣмъ настоящее недовольство Вигами, мы думаемъ, коренится глубже. Оно находится въ связи съ послѣдними великими событіями на континентѣ. Англичане продолжаютъ еще увѣрять и себя и другихъ въ своемъ могуществѣ и своей первенствующей роли на

земномъ шарѣ. Но инстинктивно они чувствуютъ, что въ этомъ отношеніи совершается переворотъ; что обаяніе ихъ могущества сильно поколеблено; что роль, которую они играли въ послѣднихъ событіяхъ, не особенно почетна; что матеріальные интересы, представителемъ которыхъ служитъ по преимуществу Вигская партія, слишкомъ возобладали надъ интересами моральными, и что такое преобладаніе осуждаетъ ихъ на своего рода политическій застой. И такъ, по отношенію къ консервативнымъ началамъ въ Англіи различіе между Торіями и Вигами до того ничтожно, что въ настоящее время оно представляетъ только нѣкоторые оттѣнки; въ сущности обѣ эти партіи консервативны и, если что угрожаетъ будущему этого народа, то никакъ не Вигская политика, а скорѣе застой его общественнаго механизма, обусловленный преобладаніемъ частныхъ и меркантильныхъ интересовъ надъ интересами государственными, и въ особенности никакимъ высшимъ авторитетомъ неумѣряемый эгоизмъ плутократіи. Повторяемъ, что же можетъ быть общаго между Англійскими Торіями и нашими публицистами, проповѣдующими уже не остановку реформъ, обновившихъ Русскую общественную жизнь и двинувшихъ ее на путь всесторонняго развитія, а ихъ отмѣну и возвращеніе къ порядкамъ прежняго времени?

Публицисты эти очевидно не подозрѣваютъ, что отношенія ихъ къ консервативнымъ началамъ уже измѣнились. Въ послѣднее время истинныхъ консерваторовъ конечно представляетъ у насъ та часть интеллигенціи, которая исполнена признательности къ авторитету, даровавшему намъ улучшенныя учрежденія, которая дорожитъ ихъ сохраненіемъ и желаетъ имъ полнаго примѣненія къ Русской жизни. Эта часть сознаетъ конечно, что многое требуетъ дополненія и исправленія въ подробностяхъ, согласно съ указаніями опыта; но возставать противъ самыхъ началъ, положенныхъ въ основу этихъ учрежденій и требовать коренной ихъ передѣлки—такой способъ дѣйствія, надѣемся, никоимъ образомъ не означаетъ консервативнаго направленія, въ лучшемъ, благородномъ значеніи этого слова. Колебать довѣріе къ высшему авторитету—это не есть охранительное начало. Увы, состояніе нашей цивилизаціи отразилось на публицистикѣ еще нагляднѣе, нежели на чемъ либо другомъ. Въ обществахъ, болѣе развитыхъ, каждое направленіе имѣетъ свой твердый, опредѣленный органъ печати; разнообразіе ихъ мнѣній, ихъ взаимная борьба поддерживаютъ равновѣсіе этихъ направленій, столь необходимое для основательнаго обсужденія и разъясненія общественныхъ интересовъ. Но гдѣ

чѣе въ Англіи) возможно такое явленіе, чтобы одна и таже

и непослѣдовательно мѣняла свои взгляды?

Сегодня она гласитъ о необыкновенномъ подъемѣ народнаго духа, а завтра вѣщаетъ, что этотъ народъ находится въ періодѣ чрезвычайнаго моральнаго растлѣнія. Сегодня она находитъ искомое учрежденіе прекраснымъ; а завтра, когда оно осуществится, становится къ нему во враждебныя отношенія. Сегодня заботится о единеніи сословій, а завтра сѣетъ сѣмена разъединенія. То подвизается она за расширеніе гласности, то обнаруживаетъ нетерпимость мнѣній и хлопочетъ о закрытіи гласнаго обсужденія по какому либо общественному вопросу. То изобличаетъ мнимоохранительныя тенденціи отжившихъ дѣятелей, то идетъ по ихъ слѣдамъ, и т. п.

Относительно борьбы прогрессивныхъ и консервативныхъ стремленій мы имѣемъ любопытные примѣры изъ эпохи императора Александра I. Карамзинъ, какъ извѣстно, явился поборникомъ охранительнаго начала; онъ не сочувствовалъ дѣятельности Сперанскаго. Магницкій, бывшій сотрудникомъ Сперанскаго въ періодъ прогрессивный, впослѣдствіи перешелъ въ противный лагерь, и сдѣлался также консерваторомъ. Однако какая огромная разница въ консерватизмѣ Карамзина и Магницкаго!

Въ предъидущей статьѣ мы говорили, что молодежь, помимо школьнаго развитія, нуждается въ живыхъ примѣрахъ для подражанія. Къ прискорбію, нельзя сказать, чтобы наша общественная среда, считающая себя передовою, обиловала мужественными, упругими характерами, хорошо развитыми въ гражданскомъ смыслѣ, т.-е. готовыми на необходимыя уступки существующимъ условіямъ нашего быта, но неспособными, ради личнаго самолюбія и честолюбія, жертвовать своимъ моральнымъ авторитетомъ. Къ тому же и литературное творчество наше все еще не можетъ выдти изъ своего обличительнаго характера, слишкомъ въ немъ преобладающаго. Этотъ характеръ, обусловленный неоспоримо временною потребностію, оказалъ обществу свою долю пользы. Но нельзя не замѣтить, что въ послѣднее время уже чувствуется нѣкоторое пресыщеніе фотографическими снимками съ самыхъ пошлыхъ сторонъ нашего быта и нашихъ мелкихъ обыденныхъ типовъ. Молодое поколѣніе нуждается въ болѣе здоровой духовной пищѣ: ему нужны идеалы. Когда-то Гоголь говорилъ, что литература наша до костей заѣздила хорошаго человѣка. А теперь пришла пора сказать талантливымъ писателямъ: Долго ли еще вы будете питать насъ пошлыми людьми? Дайте намъ хорошаго человѣка!

II.

АНАРХИЧЕСКІЯ ДВИЖЕНІЯ СРЕДИ МОЛОДЕЖИ.

Алармисты и анархисты *.

Мы живемъ въ эпоху остроумныхъ политическихъ откровеній. Бисмаркъ назвалъ себя «честнымъ маклеромъ», Биконсфильдъ придумалъ «научную» границу въ Азіи; Тисса объявилъ, что пятимилліонный мадьярскій народецъ можетъ побѣдить осьмидесятимилліонное русское племя, но, къ сожалѣнію, не можетъ его истребить, и т. д. Какъ ни забавна послѣдняя фанфаронада, но она бездѣлица въ сравненіи съ нашими внутренними алармистами, которые грозятъ Россіи погибелью отъ какой-то кучки анархистовъ и всякій печальный случай возводятъ на степень едва не общественнаго переворота. И надобно отдать справедливость ихъ обоюднымъ усиліямъ; благодаря запугиваніямъ тѣхъ и другихъ, дѣйствительно въ обществѣ распространяется нѣсколько тревожное настроеніе, плодятся разныя ожиданія и опасенія. Подумаешь, что мы живемъ на какомъ-то вулканѣ, что нашъ общественный порядокъ непроченъ, что у насъ вопіющій недостатокъ въ консервативныхъ началахъ.

По этому поводу припоминается одинъ разсказъ изъ эпохи послѣдней Франко-прусской войны. Какая-то довольно большая прусская колонна, проходя мимо лѣса, была встрѣчена частыми выстрѣлами; она ускорила шагъ; но непрерывные выстрѣлы сопровождали ее все время, пока тянулись кусты и деревья. Пруссаки нѣсколько оробѣли; опасаясь засады, они не рискнули войти въ лѣсъ, наполненный непріятелемъ, и были довольны, когда миновали его, отдѣлавшись сравнительно небольшою потерею. А между тѣмъ, всю эту тревогу и потерю произвели всего девять вольныхъ стрѣлковъ. Каждый изъ нихъ, сдѣлавъ выстрѣлъ, быстро пере-

---

* **Петербургскія Вѣдомости.** 1878 г. № 332. Декабря 2.

бѣгалъ впередъ, стрѣлялъ, и перебѣгалъ снова; такимъ образомъ, они искусно изобразили лѣсъ, наполненный непріятелемъ. Вольные стрѣлки тогда только что выступали на сцену дѣйствія и пруссаки еще не успѣли съ ними освоиться. Въ послѣдствіи они расправлялись съ ними ловко и рѣшительно.

Рядъ самыхъ дерзкихъ, самыхъ гнусныхъ покушеній произвелъ подавляющее впечатлѣніе чуть ли не на всю Европу. Прусскіе государственные люди, съ свойственною имъ энергіей, принялись давить гидру соціализма; примѣру ихъ начинаютъ слѣдовать и нѣкоторыя другія правительства. Но тутъ самымъ естественнымъ представляется вопросъ: почему же соціализмъ выбралъ именно настоящее время для осуществленія своихъ цѣлей? Не есть ли онъ, въ данныхъ случаяхъ, только острое орудіе въ рукахъ другихъ, чисто политическихъ дѣятелей? Нѣтъ ли людей, которымъ нужны теперь замѣшательства на европейскомъ континентѣ? Для меня кажется весьма замѣчательнымъ слѣдующее обстоятельство. Гедель и Нобилингъ, оба явились въ тотъ сравнительно небольшой промежутокъ времени, который заключался между произнесеніемъ рыцарственныхъ словъ: «Я не оставлю безъ помощи своего племянника» и открытіемъ Берлинскаго конгресса. Не удался одинъ, тотчасъ же выступилъ другой: ясно, что надобно было поскорѣй и во что бы ни стало устранить (императора Вильгельма), и дѣйствительно устранили, хотя бы только на самое нужное время. Сколько мнѣ извѣстно, нѣмецкая печать не старалась обратить вниманіе на это обстоятельство, что, по моему мнѣнію, можетъ свидѣтельствовать о ея дисциплинѣ. Въ Германіи соціализмъ имѣетъ почву въ экономическихъ ея условіяхъ и развился подъ покровительствомъ ея учрежденій; какъ оказывается, самъ канцлеръ не совсѣмъ былъ чуждъ этого покровительства. Въ Италіи и Испаніи онъ уже слабѣе; но за то тамъ дѣйствуютъ сильныя республиканскія стремленія, которыя всегда могутъ доставлять фанатиковъ тѣмъ, кому нужно ихъ поджечь въ данную минуту. Въ Италіи, особенно южной, кромѣ того, существуютъ еще областныя партіи и антипатіи, которыя также представляютъ всегда готовые элементы смуты. Однимъ словомъ, я подозрѣваю, что въ обѣихъ этихъ странахъ, какъ и въ Германіи, гнусныя покушенія были подстроены прежде всего политическими интригами, а потомъ уже соціальными вожаками. Провѣркою этихъ соображеній можетъ, до нѣкоторой степени, послужить слѣдующее обстоятельство. Во время Геделя и Нобилинга печатались нѣкоторые слухи объ опасности, грозившей наслѣдному принцу, тогда пребывавшему въ Англіи. Я позволялъ себѣ сомнѣваться въ этихъ слухахъ. Недавно были извѣстія о предупрежденіяхъ, которыя, будто бы,

получили императоръ австрійскій и король бельгійскій. Конечно, Боже сохрани ихъ жизнь и здоровье, но я питаю надежду, что государю Австріи не угрожаетъ серьезная опасность отъ соціалистовъ. Беру при этомъ въ разсчетъ ея настоящія политическія отношенія, внутреннія и внѣшнія, хотя въ тѣхъ и другихъ указывается много тревожнаго. Во всякомъ случаѣ, въ какіе либо близкіе соціальные перевороты не вѣрю. Настоящая эпоха есть разгаръ по преимуществу національныхъ, слѣдовательно, политическихъ стремленій.

Что касается до нашего отечества, для меня нѣтъ сомнѣнія, что кучка нашихъ анархистовъ есть только слѣпое орудіе въ рукахъ политической интриги, т.-е. въ рукахъ враговъ русскаго племени, русскаго государственнаго могущества. Отдѣльные случаи гнусныхъ преступленій возможны. Но въ массахъ серьезной почвы для соціальной пропаганды нѣтъ. Государственный нашъ организмъ крѣпокъ и преданность власти глубока; слѣдовательно, общественный порядокъ покоится на надежныхъ основаніяхъ. Нужна только нѣкоторая доля твердости и вѣры. Весьма желательно было бы умѣрить зловѣщіе крики алармистовъ, которые иногда для общественнаго спокойствія бываютъ опаснѣе самихъ анархистовъ. Слово Монарха о «законномъ, постепенномъ развитіи» должно быть лозунгомъ всѣхъ истинно русскихъ людей. Другаго развитія и быть не можетъ.

Помѣщая это письмо мое, редакція Петербургскихъ Вѣдомостей сопроводила его руководящею статьею. Она высказала «нѣсколько пояснительныхъ словъ, въ видахъ предустраненія односторонняго истолкованія (моихъ) мыслей въ томъ ограниченномъ смыслѣ, въ какомъ многіе у насъ рады понимать современныя явленія, дорожа своимъ безмятежнымъ спокойствіемъ и потому охотно закрывая глаза на нѣкоторыя темныя стороны нашего положенія».

О томъ же предметѣ *.

Я весьма благодаренъ редакціи за ея поясненія къ моему прошлому письму, предупреждающія одностороннее его пониманіе. Если я говорилъ о прочности нашего государственнаго порядка и полной невѣроятности близкихъ соціальныхъ переворотовъ, то, конечно, не въ томъ смыслѣ,

житься на этой увѣренности и сложить

руки. Напротивъ, болѣе чѣмъ когда либо мы должны работать надъ усовершенствованіемъ своего общественнаго организма; при этой работѣ мы только не должны смущаться нѣкоторыми болѣзненными явленіями, которыя пытаются помѣшать законному, постепенному развитію, внести смуту въ отношенія общества къ представителямъ власти и набросить тѣнь на крѣпость консервативныхъ началъ. Не закрывать глаза на подобныя явленія, а смотрѣть имъ прямо въ упоръ, установить трезвое къ нимъ отношеніе и всякій разъ встрѣчать ихъ энергическимъ отпоромъ, правительственнымъ и общественнымъ, вотъ въ чемъ заключается одна изъ нашихъ ближайшихъ задачъ.

Когда я писалъ прошлое письмо, то не зналъ еще подробностей послѣдней Харьковской исторіи; а Петербургская произошла послѣ того. Пользуюсь случаемъ вновь высказать мое убѣжденіе, относительно тѣхъ волненій, которыя, вотъ уже скоро двадцать лѣтъ, такъ настойчиво повторяются все въ тѣхъ же пунктахъ, въ средѣ учащейся молодежи. Нѣсколько лѣтъ назадъ я имѣлъ случай высказать свой взглядъ на это явленіе, по поводу вопроса объ учебной реформѣ. Будучи сторонникомъ классическаго образованія, я, однако, не былъ согласенъ съ тѣми публицистами, которые старались привести эту реформу въ непосредственную связь съ различными выходками молодежи и выставляли ее главнымъ, чуть ли не единственнымъ средствомъ прекратить вліяніе вредныхъ ученій, а слѣдовательно, прекратить и самыя волненія. Я желалъ поставить на видъ, что, въ случаѣ ихъ повторенія, пришлось бы вновь подвергнуть вопросу учебную систему,—отъ чего насъ Боже избави, по крайней мѣрѣ на долгое время. Я утверждалъ, что неумѣстныя и даже дикія выходки будутъ повторяться до тѣхъ поръ, пока онѣ будутъ достигать своихъ цѣлей. А эти цѣли совсѣмъ не тѣ, которыми обыкновенно одушевляется масса молодыхъ людей; послѣдняя оказывается только наиболѣе сподручнымъ и почти слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ закулисныхъ агитаторовъ, которые преслѣдуютъ иныя, свои собственныя задачи. Эти агитаторы ловко умѣютъ смущать недозрѣлые умы словами: *народъ*, *деспотизмъ*, *община*, *свобода*, *равенство*, *развитіе*, *идея* и т. п. Имъ дѣла нѣтъ до того, сколько будетъ жертвъ, сколько погибнетъ силъ. Безпорядокъ произведенъ; пошли розыски, аресты; въ перспективѣ показанъ миражъ революціи; общество смущено, обезпокоено; отвлечено вниманіе отъ болѣе важныхъ дѣлъ, и слѣдовательно настоящая цѣль достигнута. Злостная агитація со стороны внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ Россіи облеклась въ такую постоянную систему и дѣйствуетъ съ такой назойливостью, что, по моему мнѣнію, только близорукіе люди не могутъ уразумѣть этой сис-

темы. Совершается ли какая насущная гражданская реформа, напримѣръ, крестьянская, поднимается ли вопросъ Польскій, или Россія приступаетъ къ разрѣшенію великаго Восточнаго вопроса, ужъ непремѣнно жди какихъ либо нелѣпыхъ выходокъ со стороны нашихъ недоучекъ, претендующихъ на политическое значеніе. Въ послѣднее время, къ восточному присоединился еще авганскій вопросъ, отъ котораго тоже понадобилось отвлечь наше вниманіе воинственными демонстраціями Австріи извнѣ и волненіями молодежи внутри. Злостные агитаторы отлично пользуются распущенностію, податливостію или легкомысліемъ нѣкоторой части молодежи, и ни за что не оставятъ ее въ покоѣ до тѣхъ поръ, пока чрезъ нее не будутъ достигать своихъ цѣлей. Отсюда прямой выводъ, что пока мы будемъ пугаться этихъ выходокъ, пока при каждой изъ нихъ алармисты будутъ бить набатъ, до тѣхъ поръ онѣ и будутъ повторяться; тупоумные, легкомысленные и фанатичные люди найдутся во всякой странѣ, во всякой націи, даже самой развитой. Какія же мѣры—спросятъ меня—нужно принять для противодѣйствія этому злу? Если главная и ближайшая причина опредѣлена мною близко къ истинѣ, то и мѣры опредѣляются сами собою. Каждый разъ строгое разслѣдованіе дѣла и наказаніе виновныхъ, а вмѣстѣ ясныя доказательства того, что прискорбныя явленія не оказали ни малѣйшаго вліянія на текущіе вопросы государственной политики, внутренней и внѣшней; что они ни на минуту не отвлекли государство отъ исполненія тѣхъ задачъ, которыя выдвинулись на очередь. Когда закулисные агитаторы увидятъ всю тщету своей дѣятельности съ этой стороны, наиболѣе легкомысленная часть молодежи убѣдится, что она не есть политическая сила, и что государственная среда слишкомъ высоко поставлена, чтобы съ нею считаться, только тогда и можно ожидать нѣкотораго успокоенія отъ этой болѣзни, успѣвшей сдѣлаться хроническою. Я говорю теперь конечно о ближайшихъ причинахъ болѣзни; но затѣмъ является другой вопросъ: почему же злостные политическіе агитаторы нерѣдко находятъ въ нашей молодежи удобную для себя почву? Разумѣется и тому есть свои причины. *

Итакъ, пора убѣдиться, что ни риторическіе возгласы и плачи алармистовъ, ни пустословіе, напоминающее басню о «Котѣ и поварѣ», не спасутъ насъ отъ излишнихъ безпокойствъ и волненій тамъ, гдѣ нужны твердость и простыя дисциплинарныя мѣры. Да, простыя, но разумныя дисциплинарныя мѣры могли бы много ослабить, если не вполнѣ уничтожить зло. Десятки милліоновъ мирно трудящагося населенія въ правѣ

* См. предыдущую главу „О классической школѣ“.

сказать: «пожалуйста не дѣлайте насъ отвѣтственными за выходки харьковскихъ ветеринаровъ, дѣйствительныхъ или самозванныхъ слушателей того или другого заведенія; введите надлежащую дисциплину въ этихъ заведеніяхъ, отдѣлите самыхъ безпокойныхъ, наиболѣе строптивыхъ и лѣнивыхъ, и дайте возможность остальнымъ спокойно заниматься своимъ дѣломъ; это будетъ и справедливо, и гуманно, и не Богъ знаетъ какъ трудно; власть и всѣ средства въ вашихъ рукахъ». Какъ обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, алармисты не ограничиваются раздуваніемъ яко бы ужасныхъ, грозящихъ государству опасностей, а уже начали громить и самую науку, какъ будто есть что нибудь общаго между наукою и данными явленіями. Возможно ли представителей полуобразованія и легкомысленнаго отношенія къ наукѣ смѣшивать съ самою наукою? Посмотрите на Германію. Никакіе Беккеры, Блинды и Нобилинги тамъ не вызываютъ уже нарѣканій на университетскую науку вообще. Тамъ очень хорошо сознаютъ, что этой наукѣ по преимуществу Германія обязана своимъ настоящимъ величіемъ и длиннымъ рядомъ славныхъ дѣятелей во всѣхъ сферахъ государственной жизни, и что въ семьѣ не безъ урода. Наоборотъ, должно жалѣть, что высшее образованіе у насъ распространено еще такъ мало, и что многіе дѣятели, занимающіе видные посты, къ нему непричастны. Да, если бы меня спросили, въ чемъ наша ближайшая и самая насущная потребность, я бы отвѣтилъ: въ просвѣщенныхъ, талантливыхъ, энергичныхъ и патріотическихъ государственныхъ людяхъ.

Возвратимся, однако, къ прискорбнымъ явленіямъ въ средѣ нашей учащейся молодежи. По моему мнѣнію, редакція вѣрно указала на одно изъ условій, облегчающихъ агитаторамъ ихъ зловредную дѣятельность, т.-е. на отсутствіе единства въ администраціи, надзорѣ и руководствѣ высшими учебными заведеніями. Это обстоятельство заслуживаетъ серьезнаго вниманія и исправленія. Не лишены нѣкотораго основанія и замѣчанія тѣхъ, которые сожалѣютъ о совершенной отмѣнѣ формы у слушателей университетскихъ и ослабленіи какъ моральной, такъ и дисциплинарной связи между университетами и ихъ слушателями. Между послѣдними водворилась распущенность, а лица совершенно постороннія получили возможность выдавать себя за студентовъ, гдѣ имъ вздумается, и нерѣдко бросать на послѣднихъ тѣнь незаслуженную или втираться въ ихъ среду для своихъ агитаціонныхъ цѣлей. Не лишнимъ считаю оговориться, что, возражая противъ алармистовъ, раздувающихъ значеніе данныхъ явленій и забывающихъ, что историческое движеніе великаго государства не можетъ всегда совершаться какъ по маслу, я не согла-

сенъ и съ тѣми, которые всякій разъ стараются заминать дѣло и все объяснять какими либо случайностями или недоразумѣніемъ. Нѣтъ, пора же отнестись къ нимъ съ должною трезвостію, не пугаться, но и не закрывать глаза. А что касается до тѣхъ гнусныхъ покушеній, которыя взволновали все европейское общество, то они всегда и вездѣ возможны. Тутъ прежде всего мы должны противопоставить имъ мужество и готовность пострадать за родину. Бисмаркъ, хотя и весьма сомнительный нашъ союзникъ, однако великій мужъ по отношенію къ своей странѣ. «Можетъ быть нѣкоторые изъ насъ падутъ,—сказалъ онъ,—но общественный порядокъ устоитъ». Онъ говорилъ такъ, проводя новые законы, направленные противъ анархистовъ. Мы въ этомъ отношеніи не нуждаемся въ какихъ либо особыхъ законахъ, такъ какъ у насъ не было учрежденій, подъ защитой которыхъ могла бы дѣйствовать явная пропаганда анархистовъ.

Заканчивая это письмо, посвященное печальнымъ явленіямъ въ средѣ учащейся молодежи, напомню, что дѣло идетъ только о незначительной ея части, попадающей въ руки ловкихъ агитаторовъ, преимущественно въ двухъ, трехъ центрахъ, что огромное ея большинство, разсѣянное по необъятной Россіи, жаждетъ серьезной науки. Наконецъ, доброкачественность свою русская молодежь блистательно заявила въ послѣднее время на поляхъ битвъ, въ лазаретахъ, въ самоотверженномъ уходѣ за больными и ранеными, въ горячемъ увлеченіи высокимъ освободительнымъ призваніемъ Россіи и въ готовности на всѣ жертвы. Слѣдовательно, Боже избави насъ отъ огульныхъ оплеваній и заушеній своего молодаго поколѣнія.

Объемъ и значеніе анархическихъ движеній въ средѣ учащейся молодежи преувеличивала по преимуществу публицистика Московскихъ Вѣдомостей, чѣмъ нагоняла немалую панику, не предлагая однако никакихъ дѣйствительныхъ мѣръ для борьбы со зломъ. Любопытно, что подтвержденіе моимъ указаніямъ на численное ничтожество русской анархической шайки впослѣдствіи является въ другомъ изданіи той же редакціи. (См. изслѣдованіе Щербаня «Политическій развратъ», въ Русскомъ Вѣстникѣ 1887 г. № 9 и слѣдд.)

Изъ письма отъ 12 декабря *.

Къ тому, о чемъ я говорилъ въ прошломъ письмѣ, прибавлю указанія еще на одно обстоятельство, которымъ подтверждаю свою давно высказанную мысль: что позади агитаціи безсмысленныхъ анархистовъ, скрывается ловкая политическая интрига. Извѣстно, какъ пылкая молодость склонна къ благороднымъ порывамъ, къ увлеченію возвышенными задачами, и особенно задачами освободительными. Что же можно было найти болѣе возвышеннаго, болѣе увлекательнаго для русской молодежи, какъ не освобожденіе единоплеменниковъ отъ варварскаго ига, которое камнемъ лежало на русскомъ сердцѣ? И дѣйствительно, увлеченіе этой освободительной задачей глубоко охватило наше юношество, и высказалось въ безчисленныхъ примѣрахъ самоотверженія. Опасность повидимому могла бы грозить со стороны излишней пылкости, излишняго рвенія и нетерпѣнія въ виду разныхъ препятствій и колебаній. Съ этой стороны естественнѣе всего можно было бы ожидать прискорбныхъ случаевъ нарушенія дисциплины въ средѣ учащейся и всякой другой молодежи. Мы говоримъ «прискорбныхъ», ибо не оправдываемъ ихъ ни въ какомъ случаѣ: дисциплина прежде всего; безъ нея невозможно никакое движеніе впередъ, никакое національное развитіе. Разумѣется, рѣчь идетъ о дисциплинѣ разумной, въ особенности основанной на уваженіи къ старшему возрасту. Заносчивая, своевольная, дерзкая молодежь всегда и вездѣ противна. Но что же мы однако видимъ въ данномъ случаѣ? Совсѣмъ обратное явленіе. Происходятъ какія-то движенія, нисколько не сочувственныя той высокой и трудной задачѣ, которою занято русское государство и общество,—движенія, въ которыхъ никто не можетъ добраться смысла; а въ числѣ ближайшихъ поводовъ къ нимъ служитъ такое неблаговидное побужденіе, какъ лѣнь, не желающая подчиниться репетиціямъ! (И объ этихъ репетиціяхъ, какъ поводѣ къ волненіямъ, мы слышимъ уже не въ первый разъ). Закулисные агитаторы знаютъ, гдѣ найти подходящій къ ихъ цѣлямъ матеріалъ. Они знаютъ, что въ средѣ учащейся молодежи существуетъ значительный инородный и полуинородный элементъ, и умѣютъ имъ пользоваться; умѣютъ также найти легкомысленныхъ фразеровъ и среди кореннаго племени.

---

* Петерб. Вѣдом. 1878., № 347.

Изъ письма отъ 11 марта *.

Да простятъ мнѣ тѣ ревнители, которые едва ли не все наше общественное вниманіе желаютъ исключительно поглотить борьбою съ такъ называемымъ нигилизмомъ. Мы, какъ и прежде, отказываемся придавать этому явленію слишкомъ широкое значеніе, и даже полагаемъ, что, преувеличивая его объемъ и смыслъ, помянутые ревнители не мало поднимали явленіе въ его собственныхъ глазахъ и тѣмъ поддавали ему, такъ сказать, пару. Да иначе не могло и быть: если при каждой нелѣпой или злодѣйской выходкѣ, вмѣсто напоминанія о самообладаніи, мы будемъ теряться и кричать: горимъ! погибаемъ! и т. п., то естественно какъ таковой эффектъ долженъ поощрять и шайку тупоумныхъ исполнителей, которые служатъ орудіемъ адской интриги, и самихъ мастеровъ этой интриги, имѣющихъ въ виду мѣшать нѣкоторымъ начинаніямъ и отвлекать наше вниманіе въ другую сторону. Уже въ качествѣ человѣка, занимающагося историческою наукою, я не могъ раздѣлять подобной паники. Государство наше нисколько не менѣе прочно, чѣмъ другія, а пожалуй и прочнѣе многихъ другихъ. Для меня лично вопросъ заключается только во временныхъ затрудненіяхъ и потрясеніяхъ, или собственно въ томъ, какъ избѣжать какихъ либо общественныхъ потрясеній? И тутъ на первомъ планѣ представляется мнѣ необходимость выдвигать такіе государственные умы, которые могли бы вполнѣ понимать планы и способы нашихъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ, съумѣли бы всегда находить дѣйствительныя средства для борьбы, смотрѣть далеко впередъ, строго сохранять русскіе интересы и высоко держать русское знамя.

Мы, т.-е. старшее поколѣніе, слишкомъ много тратимъ словъ на разсужденія о нашей молодежи, слѣдовательно, разыгрываемъ басню о котѣ и поварѣ, вмѣсто того, чтобы изъ среды себя выдвигать впередъ людей мужественныхъ и энергичныхъ, которые съумѣли бы поставить молодыхъ на свое мѣсто или по крайней мѣрѣ ввести надлежащую, разумную дисциплину въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ и оградить свободу преподаванія отъ всякихъ поползновеній терроризовать его снизу. Наши органы печати тратятъ свои силы въ безконечныхъ взаимныхъ пререканіяхъ о тенденціяхъ, направленіяхъ и личностяхъ, и тѣмъ парализуютъ другъ друга. Нѣтъ той благой идеи, нѣтъ той истины, высказанной въ какомъ либо органѣ, которая не встрѣтила бы ожесточеннаго воз-

* *Новое Время*. 1880 г., № 1454.

раженія. Съ другой стороны нѣтъ такой нелѣпости, которая не нашла бы себѣ поддержки въ какой либо части печати. Напримѣръ, существуютъ даже цѣлые большіе органы русской печати, которые при всякомъ удобномъ случаѣ ратуютъ противъ національнаго движенія, противъ тарифнаго покровительства русской промышленности, противъ нашего государственнаго достоинства; есть и такіе, которые на бумажныхъ деньгахъ предлагаютъ основать наше экономическое благосостояніе. Нужны государственные умы, которые нашлись бы въ этомъ хаосѣ, и не только нашлись бы, но и силою своего моральнаго авторитета внесли бы политическій тактъ и послѣдовательность хотя въ нѣкоторую часть русской печати, какъ это мы видимъ въ другихъ странахъ. Въ послѣднее время мы много толкуемъ о необходимости самому обществу принять непосредственное участіе въ борьбѣ со всякимъ политическимъ зломъ и оказывать дѣятельную помощь правительственнымъ лицамъ. Но для того, чтобы эти толки перешли въ дѣло, нужны свѣтлые, патріотичные умы, которые укажутъ пріемы и способы общественнаго участія и будутъ искусно, смѣло руководить общественными силами. Наконецъ, таковые умы нужны для того, чтобы оживить самые органы власти и возбудить въ нихъ чувство строгаго отношенія къ своимъ обязанностямъ.

Conditio sine qua non для успѣшнаго дѣйствія государственныхъ людей, это ихъ единство дѣйствія и направленія. Гдѣ каждый, завѣдуя отдѣльною частію, можетъ имѣть свой отдѣльный взглядъ на общее дѣло, свою особую систему, тамъ естественно не можетъ быть дружнаго дѣйствія, а слѣдовательно и настоящаго успѣха.

Изъ письма отъ 8 октября *.

«Напечатанное въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» опроверженіе неточнаго извѣстія газеты «Новости» о подачѣ петиціи студентами Московскаго университета г. управляющему министерствомъ народнаго просвѣщенія, породило нѣкоторыя недоразумѣнія. Студенты дѣйствительно приготовили петицію и желали подать ее при посредствѣ ректора. Но, во-первыхъ, она заключала въ себѣ такія притязанія, что ректоръ не рѣшился о ней докладывать. Напримѣръ, суденты требовали себѣ, между прочимъ, ни болѣе ни менѣе какъ права участвовать въ выборѣ профессоровъ. Во-вторыхъ, г. управляющій министерствомъ пред-

* Петерб. Вѣдом. 1880 г., № 280.

упредилъ ректора, что коллективныхъ, а слѣдовательно незаконныхъ петицій онъ принять не можетъ. А потому, о формальной подачѣ ему петиціи не могло быть и рѣчи. Достовѣрно только то, что въ бесѣдѣ съ ректоромъ онъ словесно высказался не противъ возможности студентамъ вступать въ бракъ, но подъ условіемъ матеріальнаго ихъ обезпеченія на время университетскаго курса. Между тѣмъ, упомянутое категорическое опроверженіе не осталось безъ вліянія на юныя головы. Съ ихъ стороны начались непріятныя объясненія съ ректоромъ о судьбѣ петиціи. Любопытно, что старшіе курсы держатъ себя спокойно и явно не сочувствуютъ подобнымъ движеніямъ. Первый же курсъ, особенно многочисленный на медицинскомъ факультетѣ, обнаруживаетъ наклонность къ волненіямъ, къ сходкамъ. Только вчера вступившіе въ стѣны университета, эти неопытные молодые люди легко подпадаютъ вліянію злостной шайки агитаторовъ, которая, очевидно, дѣлаетъ отчаянныя усилія вызвать гдѣ нибудь какія нибудь безпокойства и замѣшательства, чтобы отвлекать правительство и общество отъ дѣлъ болѣе важныхъ. Во всякомъ случаѣ, придавать подобнымъ движеніямъ серьезное значеніе было бы крайне непрактично: этого именно и добивается злостная агитація. Плохую услугу русскому обществу оказываютъ тѣ русскія газеты, которыя дѣлаютъ явное поощреніе студенческой распущенности и волненіямъ, относясь съ особымъ сочувствіемъ къ проекту помянутой курьезной петиціи. Пора бы, давно пора твердыми и разумными мѣрами оградить свободу университетскаго преподаванія отъ нелѣпыхъ волненій и зловредной агитаціи. Въ числѣ этихъ мѣръ не послѣднее мѣсто, конечно, должна занимать хорошо организованная инспекція, отдѣленная отъ профессорской корпораціи на все время, пока окончатся всѣ эти смуты учащейся молодежи».

Изъ Москвы *.

Наконецъ то, о чемъ мы давно толковали, кажется, начинаетъ совершаться, такъ сказать, само собой, силою обстоятельствъ. Сколько разъ мы принимались объяснять, что не слѣдуетъ слишкомъ много обращать вниманія на волненія и безпорядки въ средѣ учащейся молодежи, что это вопросъ только дисциплины, что придавать имъ великое политическое значеніе въ высшей степени неблагоразумно; что такимъ взглядомъ поддерживаются и

плодятся эти волненія; ибо въ этомъ-то и состоитъ главная цѣль агитаціи. Если бы высшія сферы относились къ подобнымъ волненіямъ какъ можно проще и не обнаруживали излишней нервности или чувствительности, если бы онѣ при всякомъ случаѣ доказывали, что эти жалкія событія не имѣютъ никакого вліянія на текущую политику, то агитація, убѣдившись въ безплодности своихъ хлопотъ, давно принуждена была бы оставить въ покоѣ недоучившуюся молодежь. Къ сожалѣнію, у насъ существовали цѣлые органы печати, которые старались напротивъ раздувать значеніе помянутыхъ волненій и пугать ими общество, преимущественно ради особыхъ личныхъ цѣлей. Извѣстно, что съ помощію этого пугала у насъ, между прочимъ, постарались доказать необходимость классицизма. А потомъ, и такую прекрасную вещь, какъ классическое образованіе, тоже съумѣли сдѣлать пугаломъ для общества. Но ложное основаніе незамедлило себя обнаружить: продолжающіяся волненія въ свою очередь подрываютъ вѣру въ цѣлительную силу чисто формальнаго классицизма. Мы видимъ, что самымъ безпокойнымъ и неблаговоспитаннымъ элементомъ въ университетѣ оказываются именно первокурсники, т.-е. юноши, только вчера окончившіе свою классическую школу.

Но, какъ я сказалъ, жизнь и опытъ наконецъ берутъ свое. Двадцатилѣтнія волненія учащейся молодежи такъ всѣмъ надоѣли, что общество перестаетъ придавать имъ какую либо цѣну и начинаетъ смотрѣть на нихъ какъ на явленіе очень скучное, которое пора бы прекратить простыми дисциплинарными мѣрами. Вотъ что можно сказать о общемъ впечатлѣніи, которое произвели послѣдніе безпорядки на первомъ курсѣ медицинскаго факультета въ Москвѣ. Мы, признаться, съ удивленіемъ смотрѣли на это неумѣнье ввести дисциплину даже въ такомъ заведеніи, какъ Медико-хирургическая академія въ Петербургѣ; хотя она принадлежитъ военному вѣдомству и слѣдовательно могла бы имѣть даже военную дисциплину. Вмѣсто того, чтобы водворить таковую дисциплину, закрыли первые курсы. Отсюда небывалый наплывъ медиковъ въ университеты и преимущественно въ Московскій; такъ что здѣсь медицинскій факультетъ получилъ размѣры просто подавляющіе сравнительно съ другими, и недаромъ раздаются голоса объ отдѣленіи этого факультета и образованіи изъ него особаго медицинскаго института. И дѣйствительно, зачѣмъ страдаютъ теперь другіе факультеты по винѣ медиковъ? Въ нелѣпой демонстраціи, 5 декабря, участвовало изъ нихъ отъ 300 до 400 человѣкъ. Слѣдовательно, болѣе 2.000 студентовъ оставались спокойны и даже не знали объ этой выходкѣ. А между тѣмъ, совѣтъ университета не придумалъ ничего болѣе разумнаго, какъ прекратить на время чтеніе

лекцій въ цѣломъ университетѣ, т.-е. прямо перешелъ къ крайней мѣрѣ.

Я принадлежу къ поборникамъ университетскаго самоуправленія; но далеко не считаю его безупречнымъ, особенно въ отношеніи къ способамъ самопополненія профессорской корпораціи. Между прочимъ, признаться, не раздѣляю и ректорскихъ стремленій на полное подчиненіе себѣ инспекціи именно въ настоящее время. Этотъ принципъ есть достояніе мирнаго, нормальнаго теченія университетской жизни, каковымъ мы въ настоящее время не пользуемся. Я бы сказалъ: введите пока какую угодно инспекцію, только оградите свободу и спокойствіе преподаванія; поставьте временно хоть роту солдатъ на караулъ въ стѣнахъ университета—только избавьте высшее преподаваніе отъ всякихъ попытокъ терроризовать его снизу, воспрепятствуйте вздорнымъ выходкамъ и сходкамъ и оградите личность профессоровъ отъ оскорбленій. Мы помнимъ время, когда въ университетахъ господствовалъ терроръ сверху: но терроръ снизу, надѣюсь, гораздо противнѣе; тамъ все-таки была возможность заниматься наукою и преподаваніемъ; а тутъ чуть не ежедневно профессорамъ, не ищущимъ ложной популярности, приходится бороться за самую эту возможность.

Изъ Москвы *.

Студенческіе безпорядки въ Москвѣ успѣли уже вызвать цѣлую литературу въ нашей печати. Всѣ органы поспѣшили отозваться на это печальное явленіе: много было высказано умнаго и дѣльнаго. Но много ли выяснилось дѣло, т.-е. его источники? Указаны ли дѣйствительныя средства предупредить подобныя явленія на будущее время? Сколько я могъ замѣтить, всякій пишущій о томъ прежде всего заявилъ себя другомъ молодежи; затѣмъ, нѣкоторые старались свести событіе на маленькое недоразумѣніе, на невинное желаніе студентовъ объясниться съ ректоромъ; другіе, если и высказывались противъ поведенія молодыхъ людей, то большею частію робко и нерѣшительно. Общій же голосъ однако сводится къ тому, что надобно подумать о мѣрахъ и правилахъ, съ помощію которыхъ безформенную, распущенную толпу этихъ молодыхъ людей должно обратить въ хорошо организованную корпорацію. Мысль совершенно вѣрная. Но пока придумаютъ хорошую организацію, пока эта организація привьется къ жизни, пройдетъ много времени. А между

* Петерб. Вѣдом. 1880 г., № 348. Декабря 18.

тѣмъ событія не ждутъ; общественное спокойствіе и высшее образованіе должны быть обезпечены отъ повторенія помянутыхъ волненій. Въ теченіе ихъ двадцатилѣтняго періода мы видѣли столько нецѣлесообразныхъ мѣръ, что первымъ моимъ движеніемъ, выраженнымъ въ прошломъ письмѣ, былъ рѣшительный протестъ противъ всякой попытки придать событію важное политическое значеніе. Пріостановка реформъ, традиціонное стѣсненіе печати и преподаванія, усложненіе системы паспортовъ, или вновь изобрѣтенныя мѣры въ родѣ дежурства дворниковъ и т. п. вотъ чѣмъ обыкновенно отзывались таковыя событія на массѣ мирныхъ гражданъ. По моему крайнему разумѣнію, слѣдуетъ, оставя въ сторонѣ мирныхъ гражданъ, прямо и непосредственно дѣйствовать на водвореніе порядка и дисциплины въ средѣ распущенной, недоучившейся молодежи.

Въ русскомъ обществѣ, къ сожалѣнію, въ послѣднюю эпоху развился какой-то культъ, какое-то поклоненіе передъ всѣмъ тѣмъ, что молодо и незрѣло; такое поклоненіе сдѣлалось особенною принадлежностію нашихъ либераловъ извѣстнаго пошиба, свидѣтельствуя, конечно, прежде всего объ ихъ собственной политической незрѣлости и безхарактерности. Поэтому въ прошломъ письмѣ я, такъ сказать, поставилъ ребромъ вопросъ о дисциплинѣ. Никакая общественная организація безъ нея невозможна. Я сказалъ, что если дѣло дошло до открытаго оскорбленія ректора и профессоровъ, то примите хотя бы самыя крайнія мѣры, только оградите свободу и спокойствіе высшаго преподаванія. Только одной мѣрѣ я не сочувствую: это закрытію университета на болѣе или менѣе продолжительное время. Виновные въ подобныхъ случаяхъ составляютъ въ сущности незначительное меньшинство; зачѣмъ же мы будемъ огромное большинство лишать возможности учиться? Ненормальность положенія въ томъ и состоитъ, что меньшинство, при настоящихъ условіяхъ, можетъ производить такія смуты. Я сказалъ, что въ самомъ крайнемъ случаѣ поставьте хоть временный военный караулъ. Разумѣется, я напередъ очень хорошо зналъ, чѣмъ у насъ рискуетъ тотъ, кто рѣшится поднять голосъ за государственную и общественную дисциплину, и притомъ заявленный въ такой рѣзкой формѣ. Я не ошибся.

У васъ въ Петербургѣ есть одна убогая газета, отличающаяся въ особенности грубостію своихъ литературныхъ нравовъ, нетерпимостію къ чужимъ мнѣніямъ и антинаціональнымъ направленіямъ. Редакторъ ея, носящій инородческую фамилію, замѣчательнымъ образомъ напоминаетъ блаженной памяти Ѳадея Булгарина. Онъ необыкновенно храбръ наединѣ съ самимъ собою, но какъ огня боится встрѣчи съ своимъ противникомъ лицомъ къ лицу. Я имѣлъ случай убѣдиться въ томъ года

ли на ихъ энергію разслабляющимъ образомъ лже-либеральная часть нашей прессы, т.-е. передовыя статьи и фельетоны сей послѣдней? Пожалуй, молъ, въ лавкѣ ничего важнаго не найдется, а какая нибудь «Молва», за излишнее усердіе, обругаетъ тебя ретроградомъ и злѣйшимъ врагомъ гражданской свободы. Увы, въ наше время такое предположеніе возможно.

Мы всегда высказывали убѣжденіе, что дѣятельностью гнусной шайки цареубійцъ и анархистовъ руководятъ цѣли политическія, цѣли антирусскія; что соціализмъ и нигилизмъ тутъ только средства, а тупоумные фанатики изъ русскихъ недоучекъ суть безсмысленныя орудія. При такомъ убѣжденіи и остаемся. Можетъ быть, дѣятельные розыски и судебное слѣдствіе, наконецъ, раскроютъ сколько нибудь руководящія нити адской интриги, насъ опутавшей. Хорошо то, что правительство въ настоящую минуту ничего не скрываетъ, и всѣ факты обнародуетъ во всеобщее свѣдѣніе. Богъ дастъ, общими силами органы правительства и патріотическая часть печати съ помощью точнаго, подробнаго анализа фактовъ, доберутся и до источниковъ.

Вамъ извѣстно, что наша городская дума 3 числа, въ экстренномъ собраніи, рѣшила немедленно отправить депутацію для поклоненія гробу Царя-Мученика. Но распоряженіемъ свыше отправка этой депутаціи пріурочена ко дню погребенія. Депутаты отъ крестьянскихъ артелей оказались счастливѣе насъ: они уже съѣздили и возложили свой вѣнокъ. Впрочемъ, они и права больше имѣли, такъ какъ чтили своего непосредственнаго Благодѣтеля и Освободителя. Не могу также не высказать горячаго сочувствія заявленному московской печатью желанію: чтобы Государь Императоръ начало своего царствованія провелъ въ Москвѣ. Конечно, здѣсь политическая атмосфера чище и національнѣе, впрочемъ за нѣкоторыми исключеніями.

Въ Петербургѣ *.

Теперь, когда тѣло Царя-Мученика уже предано землѣ, теперь на насъ, Русскихъ, прежде всего лежитъ священный долгъ доискаться до источниковъ той темной силы, которая отняла его у Россіи. Неужели предстоящій судъ надъ гнусными цареубійцами откроетъ также мало, какъ и въ предшествующіе годы, когда всѣ наши свѣдѣнія обрывались

---

* Петерб. Вѣдом. 1881 г., № 74. Марта 17.

на непосредственныхъ участникахъ преступленія и случайно захваченныхъ лицахъ? На первомъ планѣ каждый разъ являлся нигилизмъ и соціализмъ; все дѣло обыкновенно сводилось къ зловреднымъ ученіямъ; на томъ оно и кончалось. А между тѣмъ такъ ли въ дѣйствительности? Очень можетъ быть, что самая эта невѣрная постановка вопроса не мало содѣйствовала дальнѣйшему развитію зла. Я всегда высказывалъ убѣжденіе, что русскіе нигилисты и соціалисты тутъ—только грубое, нерѣдко безсознательное орудіе; что ихъ направляютъ на преступленія цѣли политическія, т.-е. не столько враги собственности и общественнаго порядка, сколько внутренніе и внѣшніе враги Русскаго государства, Русской національности. Въ настоящую минуту постараюсь высказаться болѣе опредѣленнымъ образомъ.

Одна московская газета, послѣ 1 марта, прямо назвала ужасное событіе дѣломъ поляковъ (Москов. Вѣдомости). Было бы нелѣпостью обвинять въ немъ польскую народность вообще; но нѣтъ основанія отвергать участіе польской революціонной партіи. Хотя въ числѣ политическихъ преступниковъ за послѣдніе годы польскій элементъ не выдавался, однако мимо насъ проскользнуло нѣсколько личностей, въ родѣ Мирскаго и нѣкоторыхъ другихъ. Затѣмъ, организація подпольныхъ шаекъ и весь образъ ихъ дѣйствія сильно напоминаютъ польскую справу шестидесятыхъ годовъ. Такимъ образомъ главное, заграничное и скрытое отъ глазъ руководство едва ли не принадлежало именно этому элементу. Второй элементъ, ясно выдающійся и даже бьющій въ глаза, это революціонеры изъ евреевъ. Въ послѣднихъ процессахъ, убійствахъ, покушеніяхъ и университетскихъ безпорядкахъ они выступаютъ едва ли не самымъ дѣятельнымъ элементомъ. Третій элементъ это русскіе нигилисты и соціалисты. Но смѣшеніе всѣхъ участниковъ русскаго происхожденія въ одну безразличную массу, по моему мнѣнію, было важной ошибкой. Въ одномъ изъ прежнихъ своихъ писемъ я указалъ на то раздраженіе, какое вызвали между украйнофилами извѣстныя мѣры по отношенію къ малорусскому нарѣчію и закрытію югозападнаго отдѣла географическаго общества; указалъ и на малорусскія фамиліи, постоянно встрѣчавшіяся въ числѣ самыхъ ярыхъ политическихъ преступниковъ за послѣдніе годы, начиная Ковальскимъ и Лизогубомъ и кончая такими, какъ Желяба, Тригоня, Колотковичъ и т. п.

Обращу вниманіе на слѣдующія обстоятельства. Въ 1866 году, вслѣдъ за усмиреніемъ польскаго возстанія и за надѣломъ землею польскихъ крестьянъ, совершается покушеніе Каракозова. Слѣдственная коммиссія не съумѣла добраться до его корней; но русское общественное мнѣніе сильно заподозрило тутъ участіе польской революціонной партіи, и дѣй-

ствительно, въ слѣдующемъ году эта партія обнаружила себя съ покушеніемъ Березовскаго. Затѣмъ покушенія прекратились было на цѣлыя двѣнадцать лѣтъ. Они возобновились въ 1879 году. А вообще, революціонная агитація усилилась съ 1877 года, одновременно съ тою освободительною войною, которую тогда предприняла Россія. Что же такое произошло въ этотъ промежутокъ, что возбудило анархистовъ? Ничего болѣе, какъ помянутыя мѣры 1875 и 1876 годовъ. Я бы ни за что не уступилъ украйнофиламъ малорусскій языкъ въ школахъ; это означало бы прямое посягательство на наше національное и государственное единство. Но вышеназванныя мѣры и гоненіе, воздвигнутое на нѣкоторыя отдѣльныя личности, считаю важною ошибкою. Чтобы парализовать ихъ сепаратическую агитацію, требовался болѣе гуманный и болѣе искусный образъ дѣйствія. Но тутъ сказался обычный недостатокъ въ истинныхъ государственныхъ людяхъ, хорошо знающихъ Россію, и взаимное отношеніе ея областей. Самая ярая часть украйнофиловъ если не совершенно бросилась въ объятія польской революціонной партіи, то, по крайней мѣрѣ, заключила съ ней союзъ противъ Россіи; причемъ сія послѣдняя партія, конечно, пообѣщала возлюбленное федеративное устройство. Извѣстно, что мечта украйнофиловъ это не совершенное и полнѣйшее сліяніе съ Россіей, а федерація въ родѣ Австро Венгріи. Такъ я понимаю это дѣло и едва ли ошибаюсь. Я лично зналъ нѣкоторыхъ малорусскихъ дѣятелей, эмигрировавшихъ за границу; они выдавали себя за соціалистовъ; можетъ быть, отчасти они были дѣйствительно заражены соціальными бреднями; но главнымъ образомъ это были просто украйнофильскіе фанатики. Если бы кто-нибудь взялъ на себя трудъ составить статистику лицъ, принимавшихъ участіе въ политическихъ движеніяхъ и преступленіяхъ послѣднихъ лѣтъ, и распредѣлилъ ихъ по губерніямъ, тогда наше общество наглядно убѣдилось бы, какой, едва ли не преобладающій въ русскомъ элементѣ, процентъ приходится на долю уроженцевъ западныхъ и юго-западныхъ губерній, преобладающій въ отношеніи наиболѣе активныхъ ролей. Одна московская газета указала въ подпольной прокламаціи на фразу объ «исторической справедливости» какъ на признакъ польской редакціи. Эта фраза одинаково можетъ указывать и на редакцію украйнофильскую.

Разумѣется, либеральная часть нашей печати по поводу такихъ указаній возопіетъ объ инсинуаціяхъ, о возбужденіи вражды противъ извѣстныхъ частей населенія и т. п.

Для меня это все равно. Такіе возгласы пусть смущаютъ и запугиваютъ людей робкихъ или равнодушныхъ къ судьбамъ отечества.

Для меня прежде всего—возстановленіе исторической истины при помощи анализа фактовъ. Лжелибералы и люди антинаціональнаго направленія, для затемнѣнія истины, обыкновенно стараются при этомъ поставить вопросъ на почву обобщенія и огульнаго обвиненія; тогда какъ, въ данномъ случаѣ, дѣло идетъ только о крайнихъ революціонныхъ партіяхъ и преимущественно о вожакахъ. Лично я никоимъ образомъ не могу быть причисленъ къ врагамъ Польской народности; напротивъ, чѣмъ болѣе углубляюсь въ ея исторію, тѣмъ болѣе нахожу въ ней симпатичныхъ сторонъ. А что касается до Малорусской народности, то я люблю ее не менѣе, чѣмъ Великорусскую; но я совсѣмъ бы не желалъ ихъ раздѣлять другъ отъ друга, и не моя вина, если украйнофильскіе кружки ихъ раздѣляютъ.

Наконецъ, я нисколько не желаю умалять участіе въ политическихъ преступленіяхъ со стороны уроженцевъ великорусскихъ губерній, но въ нихъ-то я и вижу собственно такъ называемое панургово стадо. Во всей этой подпольной шайкѣ только наши недоучки и составляютъ элементъ соціальный или анархическій по принципу,—элементъ, не имѣющій національныхъ мотивовъ. Каракозовы, Соловьевы и Рысаковы суть именно тѣ грубыя, безсмысленныя орудія, которыя дѣйствительно уловлялись въ сѣти съ помощью соціальной пропаганды, которыя сами не знали, для какого дѣла, для какихъ цѣлей они служили орудіемъ. Мало того, откровенія Гольденберга подтвердили и прежде существовавшую догадку, что для совершенія цареубійства систематически выбирались люди съ чисто русскими, т.-е. великорусскими фамиліями, конечно, для того, чтобы придать всему дѣлу яко бы исключительно русскій характеръ, и притомъ исключительно соціалистическій.

Изъ всего сказаннаго вытекаетъ слѣдующій главный мой выводъ. Подпольная шайка цареубійцъ и анархистовъ съ ея заграничными руководителями представляетъ коалицію четырехъ элементовъ, четырехъ крайнихъ или революціонныхъ группъ: польской, еврейской, украйнофильской и собственно русской. Изъ нихъ сія послѣдняя представляетъ элементъ наиболѣе пассивный, наиболѣе соціалистическій, выставляющій безсознательныхъ исполнителей для тѣхъ группъ, которыя руководствуются цѣлями болѣе политическими или національными. Внѣшніе враги Россіи не прочь пользоваться при случаѣ этими элементами также для своихъ политическихъ цѣлей; чему мы видѣли наглядные примѣры во время Русско-турецкой войны за освобожденіе Балканскихъ славянъ. Наши соціалисты и нигилисты много шумятъ въ Лондонѣ, Парижѣ и Швейцаріи, *братаются съ* представителями всесвѣтной интернаціоналки; но, можетъ

быть, не всегда именно тамъ куются главныя ковы противъ Россіи. Не смѣю утверждать положительно, но сколько мнѣ лично извѣстно, непримиримѣйшіе враги русской народности обитаютъ въ австрійской Галиціи, хотя опять-таки въ той же Галиціи въ средѣ польской интеллигенціи есть отрадныя исключенія, есть личности, высказывающія желаніе войти въ компромиссы и въ единеніе съ Россіей на почвѣ общихъ славянскихъ интересовъ. Наконецъ, и вообще въ польской средѣ существуютъ разныя политическія группы и фракціи, существуетъ и непримиримая съ нами крайняя революціонная партія.

Что касается до цареубійцъ и анархистовъ, то напрасно многіе считаютъ эту партію представительницей какихъ-то конституціонныхъ стремленій. Я этого не вижу. Можетъ быть, ея главные вожаки и прибѣгаютъ иногда къ подобной фикціи; но заднюю ихъ цѣль составляетъ не конституція, а просто разложеніе Россіи, съ помощью всякаго рода замѣшательствъ и безпорядковъ; конечно, не послѣднее мѣсто въ числѣ такихъ средствъ занимаетъ возбужденіе черни противъ имущихъ или интеллигентныхъ классовъ съ кровавою перспективою избіенія послѣднихъ.

Въ международную солидарность противъ соціалистовъ и анархистовъ я тоже плохо вѣрю. Этому помѣшаютъ національныя отношенія и всякаго рода политическій антагонизмъ европейскихъ державъ между собою, а въ особенности обиліе враждебныхъ Россіи элементовъ. Ближайшее наше спасеніе я вижу просто въ строго національной политикѣ и въ возстановленіи сильно расшатанной государственной дисциплины. Какъ человѣкъ, преданный историческимъ занятіямъ, я не могу раздѣлять ни крайнихъ или утопическихъ воззрѣній на реформу нашего государственнаго строя, ни крайнихъ или реакціонныхъ тенденцій, осуждающихъ этотъ строй на китайскую неподвижность. Свои мысли о возможномъ улучшеніи правительственной организаціи и вопіющей нуждѣ въ патріотичныхъ государственныхъ людяхъ я уже высказалъ въ предыдущихъ письмахъ.*

* См. выше стр. 345 и слѣдующую главу, стр. 369-374.

III.

О РАЗНЫХЪ ПРЕДМЕТАХЪ.

О флотѣ *.

Вполнѣ сочувствуемъ попыткѣ «Петербургскихъ Вѣдомостей» обратить общественное вниманіе на такъ называемый «новый подвигъ нашихъ моряковъ», т.-е. посадку яхты «Держава» на мель въ самомъ Кронштадскомъ рейдѣ. Нашлись органы печати, которые изъ этого прискорбнаго случая сдѣлали чуть ли не предметъ достойный особой похвалы, и это послѣ гибели такого дорогаго судна, какъ Ливадія!

Въ числѣ другихъ моральныхъ пріобрѣтеній, которыя принесла намъ послѣдняя война, одно изъ первыхъ мѣстъ занимаетъ вопросъ о состояніи и направленіи нашего флота и нашего военно-морскаго кораблестроенія. Отвага нашихъ моряковъ во время этой войны вновь высказалась въ блистательномъ свѣтѣ. Но одной отваги недостаточно для процвѣтанія флота; нужны еще искусство, знанія и точное отправленіе обязанностей; нужна хорошая школа, воспитательная и служебная. Нужны руководители, которые любятъ морское дѣло и любятъ Россію такъ, какъ ихъ любили представители славныхъ временъ нашего флота, отъ Петра Великаго до Нахимова и Корнилова включительно.

Во время войны намъ естественно и простительно было не только прославлять нѣкоторые подвиги нашихъ моряковъ, но и преувеличивать ихъ значеніе. Совсѣмъ другое дѣло теперь, во время мира, когда наступила очередь трезваго, серьезнаго отношенія къ дѣлу. Поэтому не безъ удивленія читали мы въ нѣкоторыхъ газетахъ рѣзкіе упреки извѣстному

---

* Петерб. Вѣдом. 1879 г., № 178. Іюля I.

лейтенанту, дерзнувшему заявить наконецъ, что дѣло, въ которомъ онъ съ такою честію участвовалъ, совсѣмъ не было побѣдой, а только удачнымъ спасеніемъ деревяннаго крейсера отъ непріятельскаго броненосца. Ни крейсеры, ни миноноски не нанесли никакого существеннаго вреда непріятелю на Черномъ морѣ, и это море все время оставалось въ его рукахъ. Единственный нашъ призъ—захватъ Мерсины—показалъ, до какой степени турки считали себя господами моря: они даже не всегда конвоировали броненосцами тѣ деревянныя суда, которыя постоянно перевозили массы войскъ изъ Азіи въ Европу и обратно. Хотя этотъ молодецкій захватъ и не имѣлъ никакого существеннаго вліянія на ходъ морской войны,—мало того, вслѣдъ за нимъ явились только два непріятельскіе броненосца и безпрепятственно бомбардировали наши города,—однако мы тогда болѣе писали о первомъ событіи, чѣмъ о второмъ. И это опять-таки совершенно естественно для той минуты. Но теперь, повторяю, наступило время трезваго, серьезнаго отношенія къ тому дѣлу, которому безспорно суждено еще играть великую роль въ нашихъ судьбахъ, т.-е. къ нашему флоту.

Въ качествѣ неравнодушнаго наблюдателя отечественныхъ событій, въ прошломъ своемъ письмѣ въ «Петерб. Вѣдом.» мы высказали нѣсколько мыслей объ общемъ направленіи, которое эти событія указали дальнѣйшему развитію флота, по нашему крайнему разумѣнію. Такое обстоятельство, какъ настоящее военное господство англо-турокъ на Черномъ морѣ, на томъ внутреннемъ морѣ, которое еще недавно могли считать русскимъ озеромъ, такое великой важности обстоятельство, конечно, заслуживаетъ и соотвѣтственной обдуманности относительно средствъ возстановить утраченное преобладаніе, затѣмъ энергическаго осуществленія этихъ средствъ. Судя по нѣкоторымъ газетнымъ извѣстіямъ, можно заключить, что послѣдняя война какъ будто недостаточно доказала непригодность круглыхъ, мало-подвижныхъ судовъ. Положимъ, удастся нѣсколько уменьшить высокую температуру этихъ черепахъ; но вѣдь, если онѣ не будутъ имѣть сильнаго конвоя изъ броненосцевъ, то при первомъ выходѣ въ море доставятъ непріятелю весьма цѣнный призъ. А подъ охраной береговыхъ баттарей или торпедъ можетъ тѣ же услуги оказать и самое обыкновенное судно. Трудно исправить что либо такое, въ самую основу чего легла не совсѣмъ вѣрная идея. Въ то время, когда все и вездѣ старается увеличить скорость, если мы выберемъ противоположное качество, то непремѣнно останемся въ проигрышѣ; что дѣйствительность и не преминула подтвердить на югѣ поповками, а на сѣверѣ—«Петромъ Великимъ». (Не звучитъ ли нѣкоторая иронія въ этомъ названіи?).

Вмѣстѣ съ тѣмъ, пока мы будемъ обогащать своимъ кораблестроеніемъ иностранные заводы и поддерживать иноземную промышленность, до тѣхъ поръ не разовьемъ своей собственной, и нашъ военный флотъ—одна изъ необходимѣйшихъ опоръ государства—будетъ находиться въ зависимости отъ всевозможныхъ политическихъ комбинацій. Я говорю съ полною откровенностью о такомъ важномъ дѣлѣ именно потому, что оно очень важно, во-первыхъ; а во-вторыхъ, потому, что мы теперь, слава Богу, пользуемся вожделѣннымъ миромъ и можемъ обдуманно, основательно готовить средства для своего дальнѣйшаго національнаго развитія.

Бумажныя деньги и фритредерство *.

Одна изъ нашихъ газетъ едва не открыла у насъ новую эру общественнаго процвѣтанія, на сей разъ однако не моральнаго, а чисто экономическаго свойства. Оказывается, что вновь выпущенная масса бумажныхъ денегъ не только не ухудшаетъ финансы, а напротивъ, служитъ какимъ-то живоноснымъ источникомъ по отношенію къ русскимъ производительнымъ силамъ. Нѣкоторые публицисты высказываютъ, что эта масса явилась неизбѣжнымъ налогомъ на военныя издержки, и тѣмъ болѣе справедливымъ, что само общественное мнѣніе способствовало возникновенію войны. Съ этимъ мы не будемъ спорить; не можемъ только согласиться съ тѣмъ, чтобы такой налогъ падалъ на всѣхъ равномѣрно. Неизбѣжное его слѣдствіе есть дороговизна жизни; а отъ этой дороговизны будутъ страдать всѣ люди, живущіе опредѣленнымъ жалованьемъ, преимущественно состоящіе на государственной службѣ, и всѣ рабочіе классы, для которыхъ плата за трудъ обыкновенно далеко не возвышается съ такой быстротой, съ какой увеличивается дороговизна жизни, тогда какъ фабриканты и торговцы немедленно начинаютъ возвышать цѣны на свои товары. Слѣдовательно, налогъ падаетъ по преимуществу на бѣдные классы. Во всякомъ случаѣ, примѣры цивилизованныхъ странъ показываютъ, что, по миновеніи войны, обыкновенно стараются возможно скорѣе изъять изъ обращенія лишнюю массу бумажныхъ денегъ и перевести этотъ военный налогъ на другіе источники. Такая масса не только производитъ разнообразные перевороты во всѣхъ цѣнахъ и разстраиваетъ нормальное те-

---

* Петерб. Вѣдом. 1879 г., № 30. Января 30. По поводу мнѣній „Московскихъ Вѣдомостей“.

ченіе экономической жизни, но, что особенно важно, весьма ослабляетъ бережливость, то-есть народное и государственное благосостояніе въ самомъ его корнѣ. Если дѣла нѣкоторыхъ купцовъ и фабрикантовъ оживились, благодаря стеченію разныхъ обстоятельствъ, то отсюда никоимъ образомъ не слѣдуетъ заключать о какомъ-то внезапномъ, удивительномъ подъемѣ народнаго благосостоянія и отрицать научные выводы политической экономіи относительно бумажно-финансоваго хозяйства.

Есть въ этой наукѣ положенія прочно установленныя; не признавать ихъ—значитъ идти противъ здраваго смысла. Но есть другія положенія или, собственно, мнѣнія, не достигшія степени прочныхъ выводовъ, мнѣнія спорныя, положенія условныя, съ которыми можно бороться, не выходя изъ сферы научныхъ пріемовъ. Къ нимъ принадлежитъ фритредерство. Въ этомъ отношеніи отдаемъ справедливость сейчасъ помянутой печати за то, что она, съ свойственною ей энергіей и ловкостью, напала на недавнее увлеченіе этимъ принципомъ, обошедшееся весьма дорого континентальнымъ державамъ и доставившее громадные барыши только всесвѣтнымъ торгашамъ. Отнынѣ менѣе, чѣмъ кто либо, Россія можетъ позволять себѣ подобное увлеченіе. Она имѣетъ неистощимыя средства развивать почти всѣ отрасли промышленности внутри своихъ предѣловъ; между тѣмъ, новѣйшая исторія ясно показала, въ какой промышленной зависимости она находится доселѣ отъ западныхъ странъ; а промышленная зависимость обусловливаетъ и финансовую. Недостатокъ хорошо разсчитаннаго покровительства задержалъ отечественное развитіе многихъ и многихъ отраслей. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ обществѣ развилась легкомысленная страсть имѣть все заграничное. Носить заграничныя сукна и другія ткани, употреблять иностранныя металлическія издѣлія, даже украшать свои изданія иноземными гравюрами—все это сдѣлалось уже какою-то потребностью, тогда какъ слѣдовало бы начать съ другаго принципа: хоть немного хуже—да свое. А слѣдствіемъ этого было бы то, что и свое современемъ вышло бы не хуже; ибо для всякихъ улучшеній, кромѣ умѣренной иноземной конкурренціи, должна служить и внутренняя конкурренція; вредны только монополіи. Петръ Великій хлопоталъ о томъ, чтобы европейскую промышленность, искусство и науку привить къ Россіи, а не о томъ, чтобы выписывать какъ можно болѣе предметовъ потребленія изъ-за границы. Прошло болѣе полутораста лѣтъ послѣ него, а, напримѣръ, наше кораблестроеніе—это страстно любимое имъ дѣло—все еще находится въ полной зависимости отъ англійскихъ заводовъ. Да проститъ мнѣ артиллерійское вѣдомство, но я даже не убѣжденъ въ необходимости имѣть непремѣнно артиллерію отъ Круппа, вмѣсто того,

чтобы совершенствовать свою собственную. Подобныя условія ставятъ насъ въ зависимость отъ своихъ сосѣдей и всевозможныхъ политическихъ комбинацій, и нерѣдко въ самое тяжелое время. Слава Богу, что въ послѣднюю войну мы не нуждались въ иноземномъ вооруженіи пѣхоты, и тульскія берданки съ честью соперничали противъ заморскихъ мартиновъ. Слѣдовательно, можно производить и свое не хуже чужаго. Я потому особенно упираю на эти факты, что за государствомъ обыкновенно слѣдовало и общество въ своей привычкѣ нужное и ненужное выписывать непремѣнно изъ-за границы. Дошло до того, что, положимъ, въ Москвѣ строится одно монументальное зданіе въ «русскомъ» стилѣ (Историческій Музей); по теоріи кого либо изъ строителей, надобно всѣ наружныя стѣны его выложить изразцами, а эти изразцы заказать не иначе, какъ на англійскомъ заводѣ Минтона. (Впрочемъ, послѣдняя мысль, кажется, теперь оставлена).

И такъ, разумное покровительство съ уменьшеніемъ страсти ко всему заграничному, поможетъ развить наше внутреннее производство и должно ослабить нашу экономическую зависимость отъ Западной Европы; вмѣстѣ съ тѣмъ оно должно увеличить и нашъ таможенный доходъ. Въ виду настоящихъ нашихъ нуждъ, особенно сокращенія бумажныхъ знаковъ, послѣднее обстоятельство пріобрѣтетъ большую важность. Но, конечно, если по прежнему будутъ практиковаться разнообразныя изъятія въ пользу безпошлиннаго провоза, хотя бы и подъ благовидными предлогами, то увеличеніе этого дохода окажется незначительное. Я небольшой поклонникъ прошлаго финансоваго вѣдѣнія; но его золотую пошлину считаю весьма умною мѣрою, если только она практикуется строго и безпристрастно, а также если мы и впредь не пожертвуемъ ею нашему мнимому союзнику. Именно эта золотая пошлина и есть одно изъ главныхъ условій того оживленія внутренней торговли, которое помянутая выше публицистика ошибочно приписала громадному выпуску бумажныхъ денегъ. Печать, которая поощряла бы безконечную и безконтрольную дѣятельность государственнаго банка въ этомъ отношеніи, въ сущности, направляла бы дѣло къ тому, чтобы низвести нашъ кредитный рубль на степень турецкихъ каиме; что, въ концѣ концовъ, можетъ вызвать замѣшательства, гораздо поважнѣе какихъ-нибудь волненій недоучившейся молодежи. Въ такомъ случаѣ даже едва ли можно было бы сказать après nous le déluge, если принять во вниманіе современныя условія общественной жизни. Предположимъ, что подобная публицистика имѣетъ добрую цѣль—поддержать нашъ кредитъ и получить болѣе выгодныя условія при какой-либо операціи. Напрасно мы будемъ обманывать только

самихъ себя. Нашъ государственный кредитъ покоится на гораздо болѣе надежныхъ основаніяхъ: на прочности самого государства. И все это всѣмъ извѣстно, и нашимъ недругамъ лучше, чѣмъ намъ самимъ. Мы не проповѣдуемъ какого либо быстраго сокращенія массы денежныхъ знаковъ искусственными средствами, въ родѣ убыточныхъ внѣшнихъ займовъ, въ чемъ совершенно раздѣляемъ мнѣніе редакціи. Напротивъ, сокращеніе должно быть постепенное, распредѣленное на извѣстное число лѣтъ. Только приступить къ этой постепенности нужно немедля, пока означенная масса еще не расплылась по всѣмъ каналамъ экономическаго быта въ нашемъ обширномъ отечествѣ и не произвела своего окончательнаго давленія на этотъ бытъ. Для постепеннаго же сокращенія нужно, съ одной стороны, всѣми разумными способами усиливать отечественную производительность и доходныя статьи; а съ другой — ввести строгую экономію въ расходахъ и по возможности отказаться отъ расходовъ непроизводительныхъ. Для послѣдней цѣли, какъ извѣстно, учреждена особая коммиссія. Дай Богъ, чтобы ее не постигла участь многихъ другихъ коммиссій, составленныхъ съ благими цѣлями. Въ развитіи же производительности главную роль играютъ теперь желѣзныя дороги. Тѣ же дороги необходимы и для государственной обороны: извѣстно, что, въ настоящее время, вопросъ о мобилизаціи сталъ на первомъ планѣ въ международныхъ столкновеніяхъ.

Нельзя пожаловаться, чтобы новое ученіе о бумажномъ хозяйствѣ не встрѣтило серьезнаго отпора въ нашей печати. Однако оно продолжается и въ настоящую минуту, и вызываетъ въ обществѣ несовсѣмъ успокоительныя догадки по отношенію къ настоящей системѣ. Вотъ почему, всегда отдавая должную справедливость почтенному органу по другимъ отраслямъ политики, позволяю себѣ рѣшительно не согласиться съ нимъ въ данномъ случаѣ. Но то, что онъ говоритъ о фритредерствѣ, мы раздѣляемъ вполнѣ.

О томъ же *.

«Какъ ослабѣвающія силы бойца древней бытовой басни крѣпли и возстановлялись отъ соприкосновенія съ матерью-землей, такъ, чувствую я, и мои силы окрѣпли и возстановились отъ соприкосновенія съ ма-

---

* Петерб. Вѣд. 1880 г., № 327. Ноября 27.

терью Россіей» *. Вотъ что, между прочимъ, говорилось 18 сентября 1879 года, на роскошномъ обѣдѣ, въ залѣ московскаго благороднаго собранія, посреди умиленныхъ представителей биржеваго купечества, послѣ шестинедѣльнаго проѣзда «съ сѣвера до юга нашей широкораскинувшейся земли». А какъ высоко стоялъ нашъ кредитный рубль во время этого банкета? 266½ сантимовъ. Прошелъ послѣ того годъ съ мѣсяцемъ; новый Антей удалился съ финансоваго поприща, и какова же иронія судьбы! Кредитный рубль, въ моментъ этого удаленія, оказался ровно на десять сантимовъ ниже предъидущаго числа. Впрочемъ, если вѣрить нѣкоторымъ московскимъ публицистамъ, то надобно полагать, что торговля наша за это время процвѣла. Прежде, бывало, новые выпуски бумажныхъ денегъ производились для подкрѣпленія государственнаго казначейства; теперь же для таковыхъ выпусковъ измышленъ новый, болѣе благовидный, терминъ (хотя бы еще менѣе вѣрный), а именно: на нужды торговли. Въ этомъ смыслѣ заботы о нуждахъ торговли были несомнѣнныя и усердныя. А какіе успѣхи—спросите вы—сдѣлало за то же время покровительство, т.-е. на сколько повысились тарифы, а также отмѣнены ли разнообразныя изъятія? Увы, никакихъ? Подобныя трудныя задачи превышаютъ силы даже Антея, и въ пору только длинному ряду коммиссій. Да и времени было слишкомъ мало; тутъ нуженъ не годъ и не два, а развѣ двадцать, тридцать лѣтъ, и пожалуй, цѣлое столѣтіе. Къ тому же, весьма заразителенъ и примѣръ предшественника-друга, который съумѣлъ построить 20.000 верстъ желѣзнаго пути такъ искусно, что окончательно подорвалъ развитіе собственнаго желѣзнаго дѣла. Да покровительствуютъ ли по крайней мѣрѣ желѣзнодорожные тарифы внутренней торговлѣ и промышленности? А вотъ какъ они покровительствуютъ: если вы, положимъ изъ Орла, отправляете хлѣбъ на Либаву, т.-е. къ русскому порту, то съ васъ возьмутъ за провозъ дороже; если же вы посылаете на Кенигсбергъ, т.-е. къ прусскому порту, то заплатите дешевле. Разумѣется, съ желѣзнодорожными дѣятелями управляться тоже нелегко; это не какіе-нибудь 10.000 дворниковъ, безропотно и безъ особой нужды мерзнущіе на улицѣ; но все-таки ужъ больно велики желѣзнодорожная распущенность и пренебреженіе къ отечественнымъ интересамъ.

Мы ведемъ свою рѣчь къ тому же, о чемъ заговаривали не разъ,—къ насущной потребности въ государственныхъ людяхъ, а слѣдовательно и къ тѣмъ условіямъ, которыя ихъ выдвигаютъ. Предоставляемъ другимъ политикамъ открывать новыя и разнообразныя Америки, въ родѣ слѣдую-

* Слова С. А. Грейга.

шихъ. Одни, напримѣръ, проповѣдуютъ все какія-то диктатуры, такъ что въ настоящую минуту не прочь были бы учредить особаго диктатора для хлѣбной торговли. Другіе, ни съ того, ни съ сего, предлагаютъ созвать земскій соборъ. Третьи — отрицаютъ нашу послѣ-петровскую исторію и приглашаютъ заняться изобрѣтеніемъ уѣздной клѣточки. Имѣющіе открыться въ слѣдующемъ году новые органы, вѣроятно, въ свою очередь, произведутъ еще нѣсколько новыхъ открытій. Мы же, повторяю, видимъ ближайшую и самую насущную потребность въ людяхъ. Глубоко и безкорыстно любящіе отечество и Государя, просвѣщенные, даровитые, мужественные государственные люди—вотъ кого должны мы искать и выдвигать на первый планъ. Что касается до условій, помогающихъ выдвигать государственные таланты, объ нихъ поговоримъ въ другой разъ

О провинціальной печати. *

Къ какимъ заключеніямъ придетъ Высочайше назначенная коммиссія о печати, мы не знаемъ. Но любопытно, что вопросъ о печати собственно провинціальной, повидимому, впередъ не подвигается. А между тѣмъ развитіе интеллигентныхъ интересовъ и возбужденіе самодѣятельности въ нашихъ провинціяхъ принадлежитъ къ самымъ настоятельнымъ потребностямъ. Въ то время, когда въ цивилизованномъ мірѣ немыслимъ почти ни одинъ, сколько-нибудь значительный, городъ безъ своего мѣстнаго органа, безмолвное прозябаніе нашихъ губернскихъ городовъ, не говоря уже объ уѣздныхъ, производитъ удручающее впечатлѣніе на всякаго свѣжаго человѣка. Я понимаю, что большія столичныя газеты не особенно усердствуютъ въ вопросѣ о провинціальной печати: съ развитіемъ ея можетъ уменьшиться если не количество подписчиковъ, то степень собственнаго вліянія этихъ газетъ на провинціи. Правительству же, наоборотъ, конкурренція провинціальной печати со столичною не только не должна принести какой либо ущербъ, а скорѣе должна представлять желательную для него сторону.

Съ періодическою печатью у насъ вообще повторилось то же явленіе, какъ съ желѣзными дорогами. На западѣ постепенное улучшеніе путей сообщенія, въ видѣ шоссейныхъ и тому подобныхъ дорогъ, предшествовало изобрѣтенію и распространенію паровоза; а мы перешли къ нему почти прямо, безъ этихъ постепенныхъ улучшеній (принимая въ раз-

---

* Петерб. Вѣд. 1880, № 337. Декабря 7.

счетъ всю нашу территорію). На западѣ развитіе періодической печати имѣло долгую предшествовавшую исторію; а у насъ оно обязано только реформамъ настоящаго царствованія. Заслуги, оказанныя юною русскою печатью дѣлу общественнаго самопознанія и государственнаго прогресса, велики и несомнѣнны. Нельзя, однако, не замѣтить, что при своемъ быстромъ развитіи она не удержалась на той же высотѣ, которой достигла въ первую половину даннаго періода. Вмѣстѣ съ увеличеніемъ ея объема и значенія развилось и частое злоупотребленіе печатнымъ словомъ; вслѣдствіе чего, въ свою очередь, оно утратило часть своей авторитетной силы. Съ одной стороны существующіе въ обществѣ остатки грубыхъ нравовъ и невысокій уровень просвѣщенія нашли себѣ многихъ представителей въ органахъ печати; съ другой стороны, она сдѣлалась удобнымъ орудіемъ въ рукахъ анти-національныхъ и анти-государственныхъ интересовъ, которые скоро освоились съ новымъ фазисомъ нашей общественной жизни для проведенія своихъ тенденцій. Предварительная цензура и другія препятствія для развитія печати въ провинціяхъ искусственно способствуютъ излишней ея централизаціи въ столицахъ; а послѣдняя, въ свою очередь, поддерживаетъ и развиваетъ здѣсь то, что можно назвать литературнымъ пролетаріатомъ. Только недостаткомъ въ проницательныхъ, энергичныхъ государственныхъ людяхъ можно было бы объяснить дальнѣйшую систему искусственной централизаціи печати и невѣдѣніе той роли, которую началъ играть въ нашей политической жизни этотъ столичный литературный пролетаріатъ—элементъ сомнительно консервативный. Довѣрія, какъ можно болѣе довѣрія къ областному земству и его дѣйствительно консервативнымъ силамъ, которыя должны составлять противовѣсъ всякаго рода пролетаріату въ его безпокойныхъ и часто безотчетныхъ стремленіяхъ.

Заговоривъ о печати, позволю себѣ указать еще на одинъ отдѣлъ предварительной цензуры, именно на цензуру иностранныхъ книгъ. Въ этомъ отношеніи въ послѣднее время мы не только не замѣтили прогресса, а напротивъ какъ бы возвращеніе къ старому времени. Ради наглядности, приведу примѣръ изъ собственной практики. Побывать заграницей и не привести чемоданъ или сундукъ съ книгами для своей библіотеки было бы просто грѣхомъ для иного человѣка. [illegible] начальникъ какой либо таможни
пускать эти книги черезъ г
отбираютъ и отсылаютъ въ
которыя снисхожденія;
съ нимъ въ томъ же

кихъ снисхожденій и препровождаютъ въ столицу, когда вздумается. Сколько хлопотъ и времени нужно бываетъ иногда, чтобы выручить несчастный чемоданъ, наполненный хотя бы самыми невинными научными сочиненіями! А для жителей не столичныхъ, я полагаю, полученіе его является просто невозможнымъ. Такіе порядки привели къ тому, что масса нашихъ путешественниковъ обыкновенно никогда и не возвращается съ запасомъ полезныхъ книгъ. Тѣ же почти затрудненія встрѣчаетъ и ихъ выписка изъ-за границы. Понятно, почему у насъ такъ рѣдки порядочныя частныя библіотеки, эти умственные капиталы, столь же необходимыя орудія и принадлежности цивилизаціи, какъ и другіе капиталы. А между тѣмъ извѣстно, что наши таможенные и цензурные порядки въ отношеніи книгъ нисколько не гарантировали насъ отъ зловредной пропаганды.

Еще о бумажныхъ деньгахъ *.

Низменный уровень нашей цивилизаціи сказывается и въ такомъ простомъ, ясномъ вопросѣ, какъ упадокъ кредитнаго рубля. Гдѣ же въ другой сколько-нибудь цивилизованной странѣ возможно, напримѣръ, серьезно и печатно увѣрять читающую публику въ слѣдующемъ: «Вредъ существующихъ размѣровъ денежнаго обращенія до сихъ поръ не доказанъ». «На лицо пока только огромная польза, которая была принесена государству вызванными войной бумажно-денежными выпусками. Благодаря имъ, страна благополучно вышла изъ того общаго экономическаго кризиса, который тяготѣлъ надъ нею предъ войной» и т. д. въ томъ же родѣ. И такія увѣренія смѣло повторяются даже при настоящемъ нашемъ экономическомъ положеніи, до крайности тяжеломъ. Вездѣ, гдѣ существуютъ бумажныя деньги, финансовая система стремится къ ихъ альпари, т.-е. къ сохраненію или возстановленію металлическаго обращенія въ странѣ. Американскіе Штаты уже достигли этой цѣли; Австро-Венгрія почти достигла; даже Италія дѣлаетъ успѣшныя усилія въ томъ же направленіи и близка къ той же цѣли. Одна Россія будто бы еще не созрѣла не только до альпари, но даже до сознанія, что государство никоимъ образомъ не
но взирать на утраченные сорокъ процентовъ своего кре-
всякому, имѣющему самыя элементарныя свѣдѣнія въ

ариѳметикѣ, ясно, что, если деньги упали на 40%, то предметы потребленія, покупаемые на эти деньги, необходимо вздорожаютъ покрайней мѣрѣ на столько же. Но означенные теоретики утверждаютъ, будто «прямой связи» между этими явленіями нѣтъ, и ссылаются на какія угодно другія причины дороговизны, только не на упадокъ курса. Между тѣмъ причины иногда могутъ быть сложныя, и все-таки упадокъ курса занимаетъ главное мѣсто. Тѣ, которые внимательно и безпристрастно наблюдаютъ экономическія явленія, давно уже замѣтили, что отъ упадка денежныхъ знаковъ дороговизна возрастаетъ даже не въ одинаковой съ этимъ упадкомъ пропорціи, а въ гораздо большей. Это весьма естественно: какъ скоро подобные знаки теряютъ свою цѣну и невозможно предвидѣть, гдѣ остановится ихъ паденіе, такъ уже невозможны точные разсчеты на нихъ въ торговомъ мірѣ; тогда начинаются колебанія и великая путаница въ цѣнахъ на товары и личный трудъ.

Поборники бумажно-денежной распущенности свои ложные выводы обыновенно пытаются подкрѣплять какими-то цифрами, какими-то яко бы статистическими данными. Но какою статистикой могутъ они вычислить тотъ неизмѣримый вредъ, который эта система наноситъ общественной бережливости—главному источнику народнаго богатства. Положимъ, кто-нибудь сберегъ одну тысячу рублей и положилъ ихъ въ банкъ на умѣренные проценты. Но проходитъ нѣсколько лѣтъ, и оказывается, что онъ положилъ не тысячу, а только шестьсотъ рублей; въ будущемъ предвидится еще меньшая сумма. При такомъ порядкѣ вещей, когда трудовыя, кровныя сбереженія сами собой таютъ, какъ воскъ, можетъ ли устоять самая бережливость? Не устремится ли все возможное на путь расточительности и легкой наживы? Путаница и неравномѣрность въ повышеніи цѣнъ на товары сравнительно съ цѣною на личный трудъ обыкновенно всею тяжестью падаютъ на низшіе слои, т.-е. на крестьянство и еще на все служащее сословіе, получающее опредѣленное жалованье. Государство вслѣдствіе того принуждено время отъ времени измѣнять штаты, т.-е. возвышать жалованье чиновниковъ; но и это измѣненіе совершается обыкновенно несвоевременно и несоразмѣрно. Лучшія, энергическія силы большею частію бѣгутъ изъ государственной службы; администрація по неволѣ остается съ порядочною долею бездарности или недобросовѣстности. Кромѣ неизбѣжнаго повышенія штатовъ, государство, постоянно должно увеличивать свои расходы на армію, флотъ, дворъ и всѣ тѣ учрежденія, которыхъ хозяйство ведется непосредственно на государственный счетъ. Слѣдовательно, по мѣрѣ умноженія количества бумажныхъ денегъ, еще въ большей пропорціи растутъ и государственные

расходы. Съ какой стороны ни посмотри, вездѣ видишь вредъ отъ бумажно-денежнаго разстройства.

Только одна разница цѣны бумажныхъ денегъ съ золотою пошлиною оказываетъ нѣкоторое покровительство нашей внутренней промышленности, и органы печати, служащіе въ этомъ вопросѣ органами нѣсколькихъ заводчиковъ и фабрикантовъ, готовы утопить Россію въ бумажныхъ деньгахъ, только бы спасти выгоды своихъ патроновъ. Но государственные люди, конечно, должны двигать обѣ статьи параллельно, т.-е. въ одно и то же время усиливать таможенное покровительство и сокращать количество бумажныхъ денегъ. Какъ безъ таможеннаго покровительства, такъ и безъ правильной денежной системы равно невозможно развитіе внутренней промышленности и благосостоянія. Недавно существовавшій недостатокъ въ истинныхъ, патріотичныхъ государственныхъ людяхъ оказывается теперь на каждомъ шагу. Наша дипломатія старой школы привела къ тому, что мы какъ будто утратили часть своей національной независимости. Такъ на востокѣ мы обязательно отдаемъ Англіи отчетъ почти во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, о намѣреніяхъ по отношенію къ Средней Азіи; хотя Англія никогда не спрашиваетъ нашего мнѣнія въ своихъ азіатскихъ дѣлахъ. А на западѣ, какъ оказывается, мы не можемъ сдѣлать ничтожнаго, въ смыслѣ покровительства, повышенія тарифовъ на 10%, не рискуя, чтобы германскій канцлеръ не вмѣшался въ это дѣло; хотя самъ онъ, повышая свои таможенные тарифы, всего менѣе обращаетъ вниманія на наше удовольствіе или неудовольствіе. Вмѣшательство свое, какъ извѣстно, онъ не ограничиваетъ таможенными пошлинами, но простираетъ оное и на наши внутренніе желѣзнодорожные тарифы, и простираетъ небезуспѣшно.

Съ другой стороны, прошлое финансовое управленіе, какъ извѣстно, въ теченіи цѣлыхъ двухъ лѣтъ не только не сдѣлало серьезнаго шагу къ исправленію нашего курса, но уронило его еще болѣе, и тѣмъ какъ бы обнаружило свою солидарность съ помянутыми публицистами во взглядѣ на бумажныя деньги. (Тогда какъ гораздо полезнѣе была бы солидарность съ ними во взглядѣ на покровительственную систему). Его антигосударственное хозяйство выразилось, между прочимъ, въ отношеніяхъ къ желѣзнодорожному дѣлу. Придумано было наложить пошлину на пассажирскіе билеты, чтобы получить нѣсколько милліоновъ для бюджета, стѣсняя тѣмъ пассажирское движеніе и доходность дорогъ. А между тѣмъ десятки милліоновъ легкомысленно раздавались изъ того же бюджета не только по гарантіямъ, но и по разнымъ другимъ требованіямъ желѣзнодорожниковъ, подъ предлогомъ, напримѣръ, усиленія подвижнаго состава

и т. п. Фактъ этотъ еще рѣзче бросается въ глаза, если вспомнимъ, что желѣзныя дороги, построенныя и существующія, главнымъ образомъ, на государственныя деньги, своими тарифами нерѣдко оказывали покровительство иноземной промышленности въ подрывъ отечественной.

И вездѣ-то все заднія цѣли и личные интересы съ явнымъ разсчетомъ на недостатокъ проницательныхъ и твердыхъ государственныхъ людей! Когда, напримѣръ, понадобится доказывать пользу древнихъ языковъ, тутъ мы самые отчаянные европейцы. Тутъ призываются на помощь и древнія, и новыя времена, и всѣ цивилизованные народы. А когда на очередь выступитъ вопросъ объ исправленіи сильно пошатнувшейся денежной системы, тутъ яко бы Россія совсѣмъ иная статья, она существуетъ будто бы на особыхъ основаніяхъ, и другія націи ей не указъ. Нѣтъ, неправда, экономическіе законы одинаковы для всѣхъ націй. Нигдѣ народное благосостояніе не созидалось на разстройствѣ денежной системы; такіе примѣры невозможны. Наоборотъ, самыя богатыя и цивилизованныя націи тщательно оберегаютъ свою денежную систему, и въ случаѣ какого колебанія, стараются немедленно возстановить равновѣсіе. Тамъ государство можетъ имѣть огромные долги (впрочемъ, не внѣшніе, а внутренніе); но оно не смѣшиваетъ этихъ долговъ съ упадкомъ денежныхъ знаковъ; ибо понимаетъ, что правильная денежная система есть необходимое условіе для развитія народнаго благосостоянія; а это развитіе въ свою очередь даетъ возможность погасить и всѣ государственные долги.

Защитники денежнаго разстройства приводили, между прочимъ, и такой курьезный аргументъ: зачѣмъ, молъ, мы будемъ возстановлять цѣну кредитнаго рубля; явится опять какая либо особая нужда, напримѣръ, въ случаѣ новой войны, опять произойдутъ новые выпуски, и вновь рубль упадетъ. Это все равно, что сказать: зачѣмъ мы сегодня будемъ обѣдать; вѣдь завтра все равно проголодаешься. Не говоря о тлетворномъ вліяніи на внутреннюю экономію и производительность, кто же не видитъ подавляющаго вліянія разстроенной денежной системы на наши внѣшнія отношенія? Кому же неизвѣстно, что, пока она не поправится, мы не можемъ имѣть энергической политики, не рискуя конечнымъ разореніемъ и серьезными анархическими явленіями? Представьте себѣ возможность въ случаѣ новой войны, при сорока процентахъ потери, упадокъ бумажнаго рубля еще на 40 проц., далеко ли мы будемъ до нуля, т.-е. до банкротства, соединеннаго обыкновенно съ сильными потрясеніями и даже переворотами? Нѣтъ, и подумать объ этомъ страшно.

У насъ все какъ-то легко относятся къ такимъ вопросамъ, имѣя въ виду, что и прежде случались подобныя обстоятельства. Но обыкновенно

не берутъ въ разсчетъ великую разницу въ эпохахъ. Мы живемъ не во времена такого близорукаго авантюриста, какимъ былъ Наполеонъ I. Никогда національные вопросы и отношенія не стояли такъ на очереди, какъ теперь. У Россіи много всякаго рода враговъ, и недалеко то время, когда потребуется отъ нея напряженіе всѣхъ силъ, чтобы отстоять свое мѣсто и значеніе. Горе ей, если она окажется неготовою.

Или возвратимся къ тѣмъ же желѣзнымъ дорогамъ. Еще двадцать пять, тридцать лѣтъ назадъ мы могли ограничиться умѣренными таможенными пошлинами для покровительства внутреннему производству: неудобные, длинные и дорогіе пути сообщенія до нѣкоторой степени охраняли всю среднюю полосу и востокъ Россіи отъ иностранной конкурренціи. Теперь не то; теперь въ короткое время почти вся Европейская Россія можетъ быть наводнена массами иноземныхъ товаровъ. Теперь требуется неустанная и непрерывная таможенная борьба, чтобы завоевать намъ необходимое промышленное развитіе и экономическую независимость отъ иноземцевъ. И не только требуется неустанная пограничная борьба, но и строгій надзоръ за внутренними желѣзнодорожными тарифами, чтобы они не парализовали таможенныхъ мѣръ и не вступали въ союзъ съ иноземцами противъ собственной страны. Одно финансовое вѣдомство само по себѣ было бы не въ состояніи поправить наши финансы и охранить наши экономическіе интересы; ему дѣятельно должны содѣйствовать и вѣдомство путей сообщенія, и наша дипломатія, и военно-морское вѣдомство съ многомилліонными заказами пушекъ и кораблей за границей, и другія отрасли государственнаго вѣдѣнія. Да не только въ отношеніи финансовъ, торговли и промышленности, но и куда бы мы ни обратились, хотя бы къ вопросу о дисциплинѣ и такому анормальному явленію, какъ студенческіе безпорядки или происки анархистовъ, вездѣ чувствуется потребность въ однородномъ, тѣсно сплоченномъ составѣ высшихъ правительственныхъ органовъ.

О государственныхъ людяхъ *.

Продолжаю свою рѣчь, начатую въ прошломъ письмѣ. Въ извѣстныхъ мнѣ проектахъ и запискахъ о нашемъ экономическомъ и финансовомъ

* Петерб. Вѣдом. 1881 г., № 1. Напомню, что эти письма относились къ тому времени, когда съ одной стороны въ обществѣ шли толки о какихъ-то конституціонныхъ проектахъ, а съ другой слышались голоса о созывѣ земскаго собора. Въ отпоръ и тѣмъ, и другимъ, я указывалъ на то, что желательно и достижимо, безъ противорѣчія съ своей исторической почвой и основнымъ отечественнымъ строемъ.

положеніи болѣе или менѣе проглядываетъ фискальная точка зрѣнія. На первомъ планѣ все бюджетныя соображенія. И даже незначительная прибавка 10% къ таможеннымъ пошлинамъ (теряющая всякое значеніе даже при маленькомъ улучшеніи курса) является только въ видахъ замѣны солянаго налога въ бюджетѣ. Но когда же мы придемъ къ убѣжденію въ необходимости и неотложности тѣхъ мѣръ, которыя должны поднять уровень народнаго благосостоянія широкимъ развитіемъ отечественной промышленности и улучшенной организаціей гражданскихъ отношеній? Надобно энергически дѣйствовать на усиленіе самыхъ источниковъ государственнаго бюджета. Мы имѣемъ громадную территорію, надѣленную всѣми естественными произведеніями, нужными для нашего самостоятельнаго экономическаго процвѣтанія; мы можемъ сами производить дома все необходимое и не быть въ зависимости отъ иноземцевъ. А между тѣмъ зависимость эта въ послѣднюю эпоху еще усилилась. Дѣло въ томъ, что въ наше время безъ усерднаго таможеннаго покровительства, безъ патріотическаго отношенія высшихъ сферъ къ данному вопросу, народы, опередившіе насъ на поприщѣ промышленности и торговли, не допустятъ никакого внутренняго экономическаго развитія и самостоятельности. Мы какъ бы осуждены только на производство сырья и на то, чтобы служить предметомъ эксплоатаціи для другихъ. Мало того, мы видимъ усилившееся стремленіе высшихъ сферъ къ самой широкой выпискѣ всевозможныхъ предметовъ изъ чужихъ странъ и къ заграничнымъ заказамъ, т.-е. къ поощренію не отечественной, а иноземной промышленности.

Возьмемъ для примѣра морское вѣдомство. Уже Петръ Великій строилъ корабли у себя дома изъ собственныхъ матеріаловъ, а за границу ѣздилъ самъ и посылалъ другихъ только учиться кораблестроенію и морскому дѣлу. Онъ успѣлъ создать сильный флотъ и даже покрыть его славою побѣдъ. Нужно же было случиться, чтобы празднованіе двухсотлѣтняго юбилея Преобразователя, страстно любившаго морское дѣло, какъ разъ совпало съ періодомъ упадка нашего флота и съ построеніемъ такихъ непригодныхъ судовъ, какъ поповки. Правда, общество во время праздника еще не отдавало себѣ яснаго отчета въ этихъ явленіяхъ. Но война незамедлила ярко обнаружить то и другое. Если на Черномъ морѣ у насъ оказались только броненосныя поповки, то мы могли разсчитывать, по крайней мѣрѣ, на свой балтійскій флотъ. Но этотъ флотъ даже не выставилъ крейсерской эскадры въ океанѣ; пришлось наскоро покупать иноземные корабли подъ названіемъ «добровольнаго флота» и собирать по рублямъ пожертвованія; тогда какъ десятки милліоновъ были истрачены на мониторы, которые пріобрѣли себѣ извѣстность только своими ава-

ріями и безконечными починками. Замѣчательнѣе же всего то, что неудачный изобрѣтатель и сомнительный морякъ остался и послѣ того во главѣ русскаго (производимаго, впрочемъ, за границей) кораблестроенія; его дѣятельность еще расширилась: онъ принялся строить пловучіе (но плохо плавающіе) дворцы, продолжая обогащать на русскія деньги англійскіе заводы и подрывать какъ отечественное кораблестроеніе, такъ и отечественные финансы. Еще въ началѣ настоящаго столѣтія русскіе моряки принимали участіе въ дальнихъ плаваніяхъ и даже открытіяхъ новыхъ земель. А теперь мы дожили до того, что наши собственные берега служатъ предметомъ изслѣдованій и открытій чужеземнымъ морякамъ; а на нашу долю осталось только чествовать и прославлять новыхъ Колумбовъ. Читатель уже понялъ, конечно, что я веду рѣчь на обычную свою тему о государственныхъ людяхъ. Ясно, какъ день, если морское дѣло и кораблестроеніе останутся подъ тѣмъ же руководствомъ, съ тою же безотвѣтственностію, и съ тою же обособленностію отъ другихъ вѣдомствъ, то и результаты будутъ тѣ же. Точно также пушки отливались въ Россіи уже задолго до Петра Великаго. А въ послѣднюю эпоху мы начали заказывать ихъ у Круппа. Такимъ образомъ, относительно флота и артиллеріи, т.-е. необходимыхъ принадлежностей государственной обороны, мы рискуемъ попасть въ зависимость отъ иноземцевъ, и, разумѣется, при первомъ же европейскомъ столкновеніи очень дорого поплатились бы за эту зависимость.

Кто-то высказалъ мысль, будто правительственная организація есть вѣнецъ государственнаго зданія. Это несправедливо: она есть краеугольный камень. Въ государствахъ сильно централизованныхъ она всему даетъ движеніе и направленіе; въ непосредственной ея зависимости совершаются всѣ жизненныя явленія національнаго организма. Слѣдовательно, ближайшая и самая насущная потребность состоитъ въ улучшеніи этой организаціи. Въ прошломъ письмѣ мы сказали, что высшее управленіе должно быть однородно и тѣсно сплочено; безъ этого условія многое будетъ идти въ рознь или перепутывать и мѣшать другъ другу. За такимъ первымъ и важнѣйшимъ условіемъ слѣдуетъ второе, почти столь же необходимое для нормальной государственной жизни, какъ въ политической сферѣ, такъ и въ экономической. Это второе условіе есть хорошо организованная система отвѣтственности. Гдѣ существуетъ недостатокъ ея, недостатокъ цѣлесообразнаго, хорошо организованнаго контроля, тамъ и дѣла не могутъ идти успѣшно. Напримѣръ, безъ такого контроля не можетъ быть благоустроенныхъ финансовъ. Да не подумаетъ читатель, что я разумѣю какое либо радикальное и формальное

подражаніе иноземнымъ образцамъ. Нѣтъ, я слишкомъ далекъ отъ такой мысли; я желаю стоять на исторической почвѣ и указывать на то, что вырабатывается нашею собственною исторіей, въ органической связи съ исторіей общеевропейской. Прежде всего мы должны беречь ту могучую верховную власть, которую получили въ наслѣдіе отъ своихъ предковъ. Она, конечно, священна и неприкосновенна. Мы имѣемъ въ виду только лучшую организацію отвѣтственности передъ нею со стороны ея исполнительныхъ органовъ. Читатели моихъ писемъ, надѣюсь, согласятся со мною, что по своимъ политическимъ убѣжденіямъ я, кажется, могу причислить себя къ довольно строгимъ государственникамъ и къ поборникамъ твердой, національной политики.

О томъ же. *

Новый годъ, пока еще не принесъ съ собою какого либо существеннаго облегченія для провинціальной печати, и усердный цензоръ продолжаетъ налагать свое veto даже на простую перепечатку изъ столичныхъ газетъ. А столичное общество попрежнему узнаетъ что либо о провинціяхъ отъ случайныхъ, не всегда точныхъ и безпристрастныхъ корреспондентовъ своей сравнительно привилегированной прессы. Такимъ образомъ, эта столичная пресса остается пока единственнымъ органомъ общественнаго мнѣнія страны, единственнымъ гласнымъ посредникомъ между земствомъ и государствомъ. Но сама столичная печать не есть какое либо правильно и соразмѣрно устроенное представительство русскаго общественнаго мнѣнія. Въ ней много случайнаго, много личнаго и промышленнаго элемента и слишкомъ много инородческихъ тенденцій сравнительно съ интересами чисто русскими. А между тѣмъ все это выдаетъ себя за русскіе органы. И новый Булгаринъ, этотъ греко-нѣжинскій отпрыскъ, нечуждый постройки дорогихъ, негодныхъ мониторовъ, отличающійся дикою ненавистью къ поборникамъ русской національной политики, печатно и храбро осыпающій ихъ ругательствами, но трусливый на открытую встрѣчу съ ними, и тотъ выдаетъ свою убогую газету за органъ русскаго общественнаго мнѣнія! Много разныхъ нареканій поднимается на русское общество и большею частію совершенно несправедливо.

Такъ, въ нѣкоторыхъ газетахъ мы читаемъ о томъ равнодушіи, ко-

---

* Петерб. Вѣд. 1881, № 15. Января 16.

торое наступило у насъ по отношенію къ Балканскимъ славянамъ вслѣдъ за періодомъ сильнаго движенія въ ихъ пользу. Но, во-первыхъ, наше настоящее экономическое положеніе такого свойства, что энергическая внѣшняя политика была бы теперь несвоевременна. А во-вторыхъ, такія событія, какъ томительное Санъ-стефанское стояніе у самой цѣли, насъ одушевлявшей, и пресловутый Берлинскій конгрессъ слишкомъ были достаточны, чтобы надолго охладить всякое народное одушевленіе. Можно даже опасаться, что, когда внѣшнія обстоятельства сложатся благопріятнымъ образомъ для дальнѣйшаго разрѣшенія вопроса въ русскомъ смыслѣ, то государство, пожалуй, не найдетъ необходимой для того доли общественнаго возбужденія. Слышатся также горькіе упреки нашему обществу на тяжелое положеніе западно-русской окраины, которая въ послѣднее время сдѣлала успѣхи не въ сближеніи съ центромъ, а въ противуположномъ направленіи. Но при чемъ же тутъ наше общество? Между нимъ и русскою окраиною прошли такіе примирительные дѣятели, какъ генералъ Потаповъ. Не говоря о Привислянской провинціи, тамъ, особенно въ Завислянскомъ краю, подготовка въ смыслѣ германизаціи сдѣлала не малые успѣхи при графѣ Бергѣ. Не говорю также о привилегированномъ, обособленномъ положеніи Финляндіи и Балтійскихъ провинцій. По всей вѣроятности, нашему ближайшему поколѣнію придется своею кровью вновь завоевывать себѣ море и естественныя границы съ этой стороны. Въ виду такихъ примирительныхъ отношеній къ западнымъ окраинамъ по всей ихъ линіи, особенно бросаются въ глаза суровыя мѣры, постигшія малорусскую литературу и малорусское нарѣчіе. Языкъ школы, языкъ судопроизводства, администраціи, оффиціальной и полуоффиціальной печати, конечно, долженъ быть общерусскій. Но полное запрещеніе малорусскаго языка въ печати и на драматической сценѣ, закрытіе мѣстнаго отдѣла Географическаго общества и тому подобныя крайнія мѣры придали дѣлу видъ гоненія, отнюдь не приносящаго пользы національному единству. Напрасно было бы кривить душею и увѣрять, будто сепаратистскихъ тенденцій тамъ нѣтъ и быть не можетъ. Но борьба съ ними требуетъ патріотическихъ государственныхъ людей, искусной и вмѣстѣ гуманной системы, а не гоненія и крайнихъ запретительныхъ мѣръ. По всей вѣроятности, не безъ связи съ этими мѣрами обнаружился значительный малорусскій контингентъ въ средѣ нашихъ анархистовъ, между которыми встрѣтились даже такія родовитыя фамиліи, какъ Лизогубы.

До какой степени всякая общегосударственная мѣра въ дѣлѣ народнаго образованія должна быть глубоко обдумана и взвѣшена со всѣхъ

сторонъ, яркій примѣръ представляютъ рѣзкіе переходы въ направленіи нашей школы. Въ то самое время, какъ мы посылали свою армію возстановлять нисколько не драгоцѣнную для насъ цѣлость Габсбургской монархіи, мы уничтожили у себя только что начинавшую прививаться классическую систему, и вотъ до сихъ поръ не можемъ вывести нашу школу на прямую, настоящую дорогу. Укажу еще на одну подробность. Въ то же время и подъ тѣми же впечатлѣніями западноевропейскихъ переворотовъ было изъято изъ системы университетскаго курса преподаваніе философіи. И этимъ изъятіемъ были достигнуты совершенно противные результаты: оно не мало способствовало развитію грубаго матеріальнаго направленія въ средѣ нашей молодежи. Вотъ что значитъ излишняя впечатлительность въ дѣлахъ государственной важности!

Посмотрите на современное затруднительное положеніе Англіи. Дѣла индо-афганскія, южно-африканскія, ирландскія — все это разомъ выступило на сцену. А Гладстонъ съ своимъ кабинетомъ не только не обнаруживаетъ какого либо смущенія, но нисколько не считаетъ нужнымъ объявить Ирландію въ осадномъ положеніи, отмѣнить тамъ Habeas corpus и т. п. Онъ понимаетъ, что одинъ видъ твердаго, спокойнаго, увѣреннаго въ себѣ правительства есть уже начало побѣды надъ затрудненіями, и онъ навѣрно справится съ ними. Если же власть перейдетъ въ другія руки, то и преемникъ его, хотя бы принадлежащій къ другой партіи, будетъ, по всей вѣроятности, дѣйствовать подобнымъ же образомъ, и точно также, несмотря на всѣ внутреннія затрудненія, не отступится отъ дѣятельнаго участія въ постепенномъ развитіи Восточнаго вопроса. Но вѣдь тамъ такая государственная зрѣлость, что не можетъ быть даже и вопроса о національной политикѣ. Гладстонъ, очевидно, готовъ поступиться нѣкоторыми привилегіями англійскихъ лордовъ землевладѣльцевъ въ Ирландіи и установить болѣе гуманныя отношенія ихъ къ туземному кельтическому населенію, но за предѣлы національныхъ англійскихъ интересовъ онъ навѣрно не пойдетъ, и его не собьютъ съ этого пути сердобольные о чужихъ дѣлахъ публицисты. Нѣкоторые изъ нашихъ органовъ уже успѣли высказаться противъ установленія у насъ перваго министра, приравнивая его къ великому визирю; тогда какъ ими же желаемое однородное министерство eo ipso предполагаетъ существованіе премьера, на котораго главнымъ образомъ и падаетъ тяжелая отвѣтственность передъ верховною властью и передъ цѣлою страною. Да, всякой націи желательно было бы имѣть такихъ великихъ визирей, какъ Гладстонъ, какъ Бисмаркъ и т. п.

Высшее женское образованіе *.

Считаю своимъ долгомъ со всѣмъ моимъ сочувствіемъ отозваться на то движеніе, которое происходитъ въ московскомъ и петербургскомъ обществѣ въ пользу поддержанія женскихъ врачебныхъ курсовъ. Только великимъ недоразумѣніемъ и невѣрными взглядами на высшее женское образованіе могу объяснять себѣ то обстоятельство, что самое существованіе этихъ курсовъ подверглось вопросу. Что касается до извѣстныхъ разсужденій на тему о семейномъ призваніи женщины, о ея назначеніи быть женою и матерью, никто изъ серьезныхъ людей конечно не будетъ оспаривать подобныхъ истинъ. Но съ другой стороны невозможно же отрицать нужды и требованія дѣйствительности. Во-первыхъ, высшее образованіе не только не мѣшаетъ помянутому назначенію женщины, но еще помогаетъ сознательному его исполненію и ея просвѣтительному вліянію на семью. А во-вторыхъ, пора же наконецъ обратить вниманіе и общества, и государства на тотъ не малый процентъ женщинъ, который остается внѣ брачныхъ узъ и хочетъ быть полезнымъ обществу, который не желаетъ служить бременемъ для небогатой семьи и стремится жить собственнымъ трудомъ. Только однимъ романистамъ свойственно постоянно фантазировать на счетъ молоденькихъ и хорошенькихъ женщинъ, окруженныхъ извѣстнаго рода поклоненіемъ, и забывать объ огромномъ большинствѣ остальныхъ, угнетенныхъ всякаго рода тяжелыми условіями дѣйствительной жизни. Не стѣснять, не запирать выходы изъ этого положенія должны руководящія сферы, а наоборотъ помогать и облегчать ихъ всѣми возможными способами. И что же можетъ быть болѣе подходящаго, болѣе полезнаго и примѣнимаго для женщинъ, ищущихъ какой либо высшей, научной спеціальности, какъ не занятіе медициной? Не говоря уже о медицинѣ вообще, стоитъ имѣть въ виду только обширный отдѣлъ женскихъ (и дѣтскихъ) болѣзней, чтобы понять, какая огромная потребность существуетъ именно во врачахъ-женщинахъ, въ интересахъ самой женской стыдливости.

Скептики обыкновенно ссылаются на примѣры нигилистокъ, на женевскихъ студентокъ и т. п. Но позвольте, если нигилисты встрѣчаются между молодыми людьми, посѣщавшими университетскіе курсы, то на такомъ же основаніи можно отвергать и высшія школы для мужчинъ. Затѣмъ, репутація женевскихъ студентокъ составилась не тѣми дѣвицами,

---

* Новое Время, 1882 г., Ноября 4.

которыя дѣйствительно искали тамъ научнаго образованія, а тѣми, которыя несправедливо присвоивали себѣ званіе студентокъ, преслѣдуя совсѣмъ иныя цѣли. Если бы дѣло высшаго женскаго образованія было какъ слѣдуетъ устроено въ отечествѣ, еслибы русскія дѣвицы у себя дома находили исходъ своимъ высшимъ стремленіямъ, то не было бы имъ никакой нужды скитаться по чужимъ угламъ и подвергаться тамъ всѣмъ соблазнамъ; нигилистическія жертвы этого соблазна были бы гораздо малочисленнѣе (принимая конечно процентное отношеніе). Напротивъ, этимъ упорнымъ и все возрастающимъ стремленіемъ русскихъ женщинъ къ высшему образованію достаточно доказана необходимость его правильной отечественной организаціи. По моему крайнему разумѣнію пришла пора, чтобы само правительство взяло на себя организовать это дѣло на прочныхъ и по возможности широкихъ основаніяхъ. Существовавшіе доселѣ врачебные петербургскіе курсы и такъ называемые бестужевскіе, представляютъ для того достаточно готовый матеріалъ. Я не стою за совмѣстное высшее образованіе мужчинъ и женщинъ въ одномъ и томъ же заведеніи. Нѣтъ, тутъ всякіе софизмы надобно отбросить и сознаться, что такое совмѣстное обученіе много будетъ мѣшать обѣимъ сторонамъ. Но неужели же въ Русскомъ государствѣ не найдется средствъ на организацію самостоятельнаго высшаго женскаго заведенія? Необходимо въ ближайшемъ будущемъ устроить его не только въ Петербургѣ, но и въ Москвѣ. Дѣло руководства и контроля, разумѣется, всецѣло принадлежитъ государству; а что касается до изысканія матеріальныхъ средствъ, то государство и земство должны дѣйствовать сообща.

Я не знаю, въ какой окончательной формѣ выразится участіе въ этомъ дѣлѣ городскаго общественнаго управленія у васъ въ Петербургѣ. У насъ же въ Москвѣ едва ли можно сомнѣваться въ сочувствіи и поддержкѣ со стороны нашей думы. Я даже указалъ бы на одну уже рѣшенную статью въ нашемъ городскомъ бюджетѣ, которую съ большой пользой и болѣе цѣлесообразно можно обратить именно на высшее женское образованіе и прежде всего на врачебные женскіе курсы. А именно, года два или два съ половиной тому назадъ состоялся приговоръ думы основать и содержать на городскія средства реальное училище въ память двадцатипятилѣтія покойнаго Государя Императора. Я тогда еще не былъ въ составѣ гласныхъ и не знаю, почему остановились именно на реальномъ училищѣ. Полагаю, что тутъ сказался антагонизмъ, возбудившійся между реальнымъ и классическимъ направленіемъ. А между тѣмъ пригодность и польза нашихъ рельныхъ училищъ доселѣ остаются вопросомъ, и самый типъ этихъ училищъ, какъ извѣстно, не выработался. Любопытно, что

дума остановилась не на какомъ либо спеціальномъ или техническомъ заведеніи, въ которомъ есть дѣйствительная потребность, а на какомъ-то межеумочномъ реальномъ училищѣ, котораго типъ и задачи никто объяснить не въ состояніи. Такъ какъ это училище пока существуетъ въ проектѣ и самое зданіе пока не построено (а оно сбойдется по смѣтѣ около полумилліона). то я полагалъ бы, что еще есть время исправить первоначальную ошибку, обративъ назначенныя для того суммы на высшую женскую школу, повторяю, прежде всего на школу врачебную, въ которой настоитъ существенная потребность. Польза отъ нея была бы несомнѣнна, въ особенности для женскихъ и дѣтскихъ болѣзней.

По поводу выборовъ въ московскіе городскіе головы. *

Тяжелое время переживаетъ московское городское самоуправленіе, и всякій изъ гласныхъ думы не можетъ не принять близко къ сердцу вновь поставленный на очередь вопросъ: кому быть городскимъ головой? По Городскому Положенію голова является въ сущности не болѣе какъ уполномоченнымъ думы и отвѣтственнымъ передъ нею исполнителемъ ея рѣшеній. Но не такъ слагается это въ дѣйствительности. На дѣлѣ городской голова, будучи въ одно и то же время предсѣдателемъ и управы, и думы, т.-е. органовъ исполнительнаго и контролирующаго, имѣетъ полную возможность вести дѣла въ огромномъ большинствѣ случаевъ по своему личному усмотрѣнію. При весьма неудовлетворительной организаціи думы, состоящей изъ многихъ членовъ, въ сущности ни передъ кѣмъ неотвѣтственныхъ, почти ничѣмъ между собою не связанныхъ и нерѣдко индиферентныхъ, предсѣдатель собранія опять-таки имѣетъ всѣ средства подготовлять и направлять думскія рѣшенія въ ту или другую сторону. Онъ ставитъ на очередь вопросы; ему принадлежитъ почти вся иниціатива. Когда же предсѣдатель самъ относится индиферентно къ какому либо вопросу и представляетъ его свободному теченію по волнамъ думскихъ преній и разныхъ препирательствъ, а затѣмъ формулируетъ его безъ строгой послѣдовательности, то рѣшенія по большей части являются совершенно случайными и подъ часъ неожиданными. Чтобы недалеко ходить за примѣрами, приведу состоявшійся надняхъ приговоръ о размѣщеніи новыхъ военныхъ частей.

Правительство сочло нужнымъ увеличить нѣсколько гарнизонъ города

---

* Новое Время. 1883 г., Сентября 27.

Москвы, именно однимъ батальономъ пѣхоты, двумя батареями артиллеріи и однимъ казачьимъ полкомъ, и предложило городу озаботиться ихъ размѣщеніемъ на три года, пока будутъ построены новыя казармы. Въ теченіе двухъ засѣданій дума разсуждала объ этомъ предложеніи. Батальонъ и батареи кое-какъ прошли, но четыре казачьи сотни подверглись безпощадному остракизму. Тутъ пошли ссылки на Городовое Положеніе, на указъ императора Павла 1797 года, на невозможность вести при семъ правильное хозяйство, а въ заключеніе рѣшено ходатайствовать о размѣщеніи ихъ по окрестнымъ селамъ. Нѣкоторые гласные указывали на верховное распоряженіе, на то, что казаки доселѣ мерзнутъ въ зданіяхъ промышленной выставки, на то, что бѣдные крестьяне будутъ обременены постоемъ и уже жалуются на него. Ничто не помогло: когда дѣло дошло до голосованія, огромнымъ большинствомъ рѣшено отклонить помѣщеніе казаковъ въ городѣ и ходатайствовать о расквартированіи ихъ по деревнямъ; причемъ, какъ я замѣтилъ, во время голосованія къ большинству пристали и нѣкоторые изъ тѣхъ, которые говорили противъ такого рѣшенія. Но тутъ, кажется, повліяло то обстоятельство, что при постановкѣ вопроса принципъ не былъ отдѣленъ отъ расходовъ. Управа по обычаю выставила широкія цифры на наемъ помѣщенія и его приспособленія и вотъ вмѣсто того, чтобы озаботиться болѣе экономнымъ помѣщеніемъ, большинство заодно отвергло вмѣстѣ съ этими цифрами и самый вопросъ. На сей разъ возобладали финансовыя соображенія. Но въ томъ-то и бѣда, что какъ нарочно такія соображенія торжествуютъ въ неважныхъ или неподходящихъ случаяхъ. Вогнать построеніе Александровскихъ казармъ почти въ два милліона; истратить милліонъ шестьсотъ тысячъ на одну набережную у Храма Спасителя; ни къ селу, ни городу пожертвовать милліонъ на военныя издержки, когда отечество совсѣмъ не было въ опасности; убить 700,000 на постройку моста, безъ котораго еще можно было обходиться; затѣять (вмѣсто профессіональнаго) не особенно нужное реальное училище, которое потребуетъ по крайней мѣрѣ полмилліона на устройство и тысячъ пятьдесятъ на ежегодное содержаніе; взять на шею города какое-нибудь, тоже не особенно необходимое, благотворительное заведеніе съ сорокатысячнымъ бюджетомъ (Рукавишниковскій пріютъ), завершить финансовое разстройство города разрѣшеніемъ трехмилліоннаго займа—все это проходило какъ-то очень благодушно. А вотъ четыремъ сотнямъ казаковъ съ ихъ лошадьми не нашлось мѣста въ первопрестольной Москвѣ съ ея почти восьмисотъ тысячнымъ населеніемъ! Едва ли и къ *непріятельскому* вторженію можно было бы отнестись болѣе сурово.

И такъ, личныя качества городскаго головы всегда играли и будутъ играть весьма видную роль въ ходѣ нашего городскаго самоуправленія, при настоящихъ его условіяхъ.

Какъ извѣстно, послѣ долгаго перерыва или такъ наз. *безголовья*, въ 1885 году, на должности Московскаго городскаго головы снова утвердилось лицо изъ купеческаго сословія. По этому поводу замѣчу слѣдующее. Любопытно то обстоятельство, что разореніе городскихъ финансовъ произошло именно въ періодъ городскихъ головъ, принадлежащихъ къ богатому Московскому купечеству. Отлично устраивая свое собственное финансовое хозяйство, эти лица оказываются замѣчательно тароватыми насчетъ городской казны, и по части общественной экономіи далеко уступаютъ прежнимъ головамъ изъ дворянскаго сословія, которое у насъ вообще не отличается строгой экономіей въ собственныхъ дѣлахъ. Первые московскіе головы преобразованной, всесословной Думы, князья Щербатовъ и Черкасскій, вели такъ разсчетливо городское хозяйство, что послѣ себя оставили запасный капиталъ; а преемники ихъ изъ богатаго купечества не только растратили этотъ капиталъ, но и ввели городъ въ большіе долги; сдѣдствіемъ чего было умноженіе городскихъ налоговъ. Чѣмъ, какъ не желаніемъ отличиться на чужой счетъ, можно объяснить, напримѣръ, такую непроизводительную трату, какъ пожертвованіе изъ упомянутаго запаснаго капитала цѣлаго милліона рублей на военныя издержки въ 1877 году? Государство въ этомъ пожертвованіи не нуждалось, а городъ себя обездолилъ. Рядомъ съ этимъ является притязаніе городскаго головы брать прямо въ свое распоряженіе дорогія общественныя постройки, подъ видомъ хозяйственнаго способа. Эти постройки въ настоящее время завершаются огромнымъ предпріятіемъ новыхъ городскихъ водопроводовъ. Въ концѣ 1884 года (во время помянутаго безголовья) дума основательно обсудила вопросъ о водопроводахъ и рѣшила его въ пользу способа концессіоннаго. А вновь выбранный затѣмъ голова заставилъ слѣдующую думскую сессію перерѣшить въ пользу излюбленнаго имъ способа хозяйственно-подряднаго, да еще съ тѣмъ, чтобы эта постройка была поручена ему самому лично и безконтрольно. Несмотря на возраженія печати и кассацію со стороны Губернскаго по городскимъ дѣламъ присутствія, голова, подъ фирмою Городской управы, постарался всетаки не выпустить изъ своихъ рукъ это дорогое предпріятіе, основанное на многомилліонныхъ займахъ; а займы для города онъ предпочитаетъ дѣлать заграничные (напримѣръ его трехъмилліонный заемъ въ Берлинѣ для городскихъ боенъ); точно также онъ предпочитаетъ и заграничныхъ инженеровъ; что не мѣшаетъ ему при случаѣ сказать фразу о возсіяніи православнаго креста на св. Софіи въ Константинополѣ.

Объ этихъ предметахъ я въ свое время высказывался печатно (преимущественно въ московской Газетѣ Гатцука), а теперь упоминаю вкратцѣ, чтобы обратить общественное вниманіе на самый источникъ ненормальнаго и совершенно пассивнаго отношенія гласныхъ къ своему предсѣдателю, т.-е. на выборы гласныхъ въ Городскую думу.

Мало-по-малу, вслѣдствіе неудобнаго способа этихъ выборовъ, ими завладѣла группа богатыхъ купцовъ, и потому настоящая Городская Дума, подобно старой до-реформенной, сдѣлалась учрежденіемъ собственно купеческо-мѣщанскимъ. Къ сему привела система выборовъ, по разрядамъ, сосредоточенная въ одномъ мѣстѣ. Въ первомъ разрядѣ купеческіе воротилы сами распоряжаются; а на выборы втораго и третьяго разрядовъ посылаютъ своихъ прикащиковъ, кліентовъ и вообще людей болѣе или менѣе отъ нихъ зависимыхъ, которые и выбираютъ заранѣе намѣченныя лица. Избиратели изъ другихъ сословій и классовъ общества рѣдко идутъ въ эту сплоченную толпу, гдѣ они суть чужіе люди *. Поэтому приблизительно изъ 12.000 избирателей въ выборахъ принимаютъ непосредственное участіе не болѣе 1200 или 1500 человѣкъ, т.-е. около 10%. Главное средство устранить такую аномалію состоитъ въ томъ, чтобы, вмѣсто выборовъ по тремъ имущественнымъ разрядамъ, устроить выборы съ однимъ общимъ цензомъ, но распредѣленные по городскимъ участкамъ. Въ каждомъ участкѣ болѣе или менѣе знаютъ другъ друга; населеніе участковъ разнообразно по отношенію къ сословіямъ, и тутъ невозможно одному какому либо сословію захватить всѣ городскіе выборы въ свои руки; а избирателямъ легко и удобно принимать въ нихъ непосредственное участіе. Только такіе выборы и могутъ дать приблизительно лучшихъ людей, т.-е. настоящихъ представителей города. Вообще по моему крайнему разумѣнію должна быть назначена извѣстная норма для собранія городскихъ избирателей. Напримѣръ, если городъ имѣетъ менѣе 50.000, то избиратели легко могутъ собираться въ одномъ помѣщеніи; но если болѣе, то избиратели должны дѣлиться на участки. А для Москвы съ ея почти 800.000 населеніемъ настоящій порядокъ выборовъ въ гласные является неудобнымъ въ высшей степени. Конечно, настоящая Московская Дума, de jure всесословная, а de facto купеческо-мѣщанская, сама по всей вѣроятности не наложитъ на себя рукъ и хлопотать о болѣе нормальной системѣ городскихъ выборовъ не будетъ. Это вопросъ чисто правительственный.

---

* При семъ не надобно забывать еще и то, что купцы, мѣщане и ремесленники имѣютъ свои особыя учрежденія или *управы*, гдѣ они могутъ заранѣе сплачиваться для городскихъ выборовъ; тогда какъ остальные обыватели таковыхъ учрежденій не имѣютъ.

Замѣтки о судѣ присяжныхъ *.

Уже нѣсколько разъ случалось мнѣ отбывать повинность присяжнаго засѣдателя. Сообщу вкратцѣ выводы изъ своихъ наблюденій и впечатлѣній.

Первыя впечатлѣнія были самыя выгодныя для нашего преобразованнаго судопроизводства. Исполненная внушительнаго достоинства обстановка, торжественность присяги, мягкія, гуманныя формы, которыми обусловлено веденіе процесса и положеніе подсудимыхъ, любопытные перекрестные допросы, краснорѣчивая, подчасъ жаркая борьба защиты съ обвиненіемъ, импонирующая гласность и наконецъ товарищескія, ничѣмъ нестѣсняемыя совѣщанія присяжныхъ засѣдателей—все это вселяло уваженіе, обѣщало надежныя гарантіи для правосудія и рѣшительно располагало въ пользу новыхъ судебныхъ уставовъ. Только потомъ, мало-по-малу вникая въ сущность самаго дѣла и слѣдя за справедливостью приговоровъ, я чувствовалъ, что первыя впечатлѣнія значительно ослабились, но впрочемъ отнюдь не утратились. Нельзя сказать, чтобы количество несправедливыхъ оправдательныхъ приговоровъ преобладало надъ приговорами обвинительными. Главное дѣло заключается не въ количественномъ, а въ качественномъ отношеніи, т.-е. въ степени ихъ важности. Вотъ что я постоянно замѣчалъ. Пока идетъ вопросъ о мелкихъ ворахъ и мошенникахъ, съ ихъ назначенными отъ суда защитниками,—дѣло не представляетъ затрудненій; приговоры постановляются скоро и довольно добросовѣстно. Но какъ только является на сцену крупный воръ или убійца, начинаются всякаго рода извороты и затрудненія. Хорошо оплаченный и слѣдовательно весьма заинтересованный, защитникъ употребляетъ всѣ зависящія отъ него средства склонить вѣсы правосудія на сторону оправданія: съ помощью отвода подтасовываетъ присяжныхъ, старается сбить съ толку непріятныхъ для него свидѣтелей, выставить на показъ ихъ якобы противорѣчія, разжалобить присяжныхъ и публику въ пользу подсудимаго, и, если невозможно доказать его полную невинность, то свалить главную вину на среду, изъ которой онъ вышелъ, или въ которой дѣйствовалъ и т. п. Всѣ эти уловки болѣе или менѣе достигали своей цѣли въ большинствѣ случаевъ, ибо обыкновенно не встрѣчали себѣ достаточнаго отпора со стороны обвиненія. Представитель обвинительной власти, получающій опредѣленное жалованье отъ казны и слѣдова-

* Записано въ 1886 году и оставалось пока въ портфелѣ автора.

тельно въ матеріальномъ отношеніи незаинтересованный исходомъ дѣла, отправляетъ свои обязанности болѣе или менѣе добросовѣстно съ формальной стороны, и только. Такъ я замѣтилъ, напримѣръ, что обвинитель почти не пользовался своимъ правомъ отвода (и не устранялъ иногда такихъ присяжныхъ, которые состояли въ родственной связи съ подсудимымъ); а защитникъ, наоборотъ, отводилъ изъ состава присяжныхъ почти все то количество, которое предоставлено было обвиненію и защитѣ вмѣстѣ, т.-е. 12 человѣкъ (впрочемъ обыкновенно онъ отводилъ 11 человѣкъ). Такимъ образомъ происходилъ явный подборъ; а такъ какъ крупныя дѣла большею частію шли въ концѣ сессіи, когда изъ 36 человѣкъ по разнымъ причинамъ оставалось менѣе 30, то въ урну опускалось иногда не болѣе 18 или 17 билетиковъ, изъ которыхъ предстояло вынуть по жребію 14 именъ (вмѣстѣ съ запасными). Прибавлю также, къ серединѣ и концу сессіи составъ присяжныхъ настолько выяснялся, что защитнику не предстояло особаго труда сообразить, кого надобно удалить изъ этого состава, чтобы выиграть дѣло. Въ послѣднее мое засѣдательство, когда право отвода было уже значительно сокращено, ощущалось нѣкоторое улучшеніе въ ходѣ дѣла и процентъ несправедливыхъ приговоровъ несомнѣнно уменьшился, но не настолько, чтобы можно было успокоиться за дѣло правосудія.

Пока еще самъ не былъ присяжнымъ засѣдателемъ, я раздѣлялъ распространяемое газетами мнѣніе о сильномъ вліяніи адвокатскихъ рѣчей на приговоры присяжныхъ. Газеты, приводя эти рѣчи, иногда весьма ловко составленныя и блещущія остроуміемъ, естественно придавали имъ рѣшающее значеніе. Наблюденія въ совѣщательной камерѣ присяжныхъ привели меня къ нѣсколько иному заключенію. Дѣйствительно, случалось иногда выслушать защитительную рѣчь, произведшую впечатлѣніе и на присяжныхъ; но это впечатлѣніе не было настолько сильно, чтобы присяжные до конца остались подъ его давленіемъ. Обыкновенно войдя въ камеру для совѣщаній, они начинали тотчасъ обмѣниваться своими мнѣніями; причемъ нерѣдко завязывались оживленные споры, вновь перебирались всѣ обстоятельства дѣла, и адвокатская рѣчь отходила совершенно на задній планъ, почти забывалась. Тутъ я убѣдился, что широкое право отвода или подборъ присяжныхъ для адвоката значило болѣе нежели его краснорѣчіе. Но тутъ же я могъ воочію наблюдать свойства самаго института присяжныхъ, и пришелъ къ такому выводу, что въ нихъ самихъ заключается лишая наклонность къ оправданію преступниковъ. Всегда найдутся такіе сердобольные личности, которыя стараются склонить своихъ товарищей къ прощенію преступника. Тутъ выступаютъ

наружу и русское чувствительное сердце, и полный недостатокъ гражданскаго сознанія. Присяжные часто забываютъ, зачѣмъ они призваны и прямо присвоиваютъ себѣ верховное право помилованія. Къ чувствительности часто примѣшивались еще и разныя лже-либеральныя тенденціи со стороны людей полуинтеллигентныхъ или собственно полуобразованныхъ. Въ этомъ отношеніи мѣщане и мелкіе купцы московскіе, чуждые знакомства съ нашею лже-либеральною прессою, отличались обыкновенно болѣе трезвымъ взглядомъ на дѣло, и нерѣдко являлись противовѣсомъ людямъ, имѣвшимъ претензію на образованіе. Но если въ составѣ совѣщающихся не встрѣчалось двухъ, трехъ человѣкъ изъ образованнаго класса, незараженныхъ лже-либеральными тенденціями, то обыкновенно малограмотная часть присяжныхъ не могла устоять противъ разныхъ софизмовъ, высказываемыхъ авторитетнымъ тономъ. Отсюда понятно, почему сокращеніе права отвода принесло небольшую пользу дѣлу правосудія. Недостатокъ ясно сознаваемаго гражданскаго долга и своихъ обязанностей передъ обществомъ и явная сердечная наклонность къ всепрощенію служатъ со стороны присяжныхъ постояннымъ препятствіемъ для успѣшнаго отправленія своихъ обязанностей. Для дѣла правосудія, конечно было бы полезнѣе не вдругъ вводить въ жизнь это чуждое намъ учрежденіе, а въ теченіе нѣкотораго періода ограничиться главнымъ и несомнѣнно благимъ условіемъ новаго судопроизводства, т.-е. гласностію, предоставивъ рѣшеніе короннымъ судьямъ. Теперь же и самый институтъ коронныхъ судей поставленъ въ положеніе несовсѣмъ нормальное. Ни за что не отвѣчая, играя какую-то страдательную роль и закрываясь приговорами присяжныхъ, онъ тѣмъ не менѣе чувствительно вліяетъ на эти приговоры, и часто не въ пользу правосудія, вліяетъ посредствомъ предварительнаго слѣдствія, системы допросовъ, руководства присяжными, посредствомъ той или другой постановки для нихъ вопросовъ и т. д.

Изъ моихъ наблюденій надъ судомъ присяжныхъ укажу еще на излишнее обремененіе ихъ дѣлами маловажными, въ особенности мелкими кражами, хотя бы и вторичными; эти дѣла легко могли бы быть отнесены къ мировому институту. Есть также категоріи дѣлъ совсѣмъ неподходящія къ компетенціи присяжныхъ, напримѣръ, дѣла о многоженцахъ, которыхъ присяжные постоянно оправдываютъ; чѣмъ подрываютъ общественное уваженіе къ святости брачнаго союза и оставляютъ беззащитными нагло обманутыхъ женщинъ. Но таковыя дѣла должны подлежать собственно вѣдѣнію каноническому. Показалось мнѣ также, что присяжные слишкомъ часто присягаютъ, передъ каждымъ дѣломъ, и иногда по нѣскольку разъ въ день; отъ такого частаго повторенія присяга не выигрываетъ

въ своей внушительности. Мнѣ кажется, достаточно было бы приносить всѣмъ одну присягу передъ началомъ сессіи на всѣ предстоящія ей дѣла.

Относительно изложенныхъ наблюденій надобно имѣть въ виду, что онѣ сдѣланы въ такомъ многолюдномъ и чисто-русскомъ центрѣ какъ Москва. Въ иныхъ пунктахъ вопросъ можетъ усложняться еще нѣкоторыми своими, мѣстными, условіями.

Прибавлю два слова о столь обычной ссылкѣ защитниковъ на общественную среду, которая будто бы въ значительной степени оправдываетъ преступника. Пора бросить подобный софизмъ. Судъ для того и существуетъ, чтобы отрезвлять общественные нравы и очищать среду отъ зловредныхъ элементовъ. Его задача въ томъ и состоитъ, чтобы охранять общество отъ мошенниковъ, воровъ и убійцъ; безнаказанность несомнѣнно ихъ поощряетъ и размножаетъ; а слѣдовательно въ свою очередь весьма вредно вліяетъ на народную нравственность и еще болѣе ухудшаетъ среду. Существуютъ такіе софисты, которые несогласны съ этими непреложными истинами и совѣтуютъ ждать всего отъ болѣе высокаго уровня гражданственности. Но эти псевдолиберальные мыслители не понимаютъ еще и той простой истины, что правосудіе составляетъ одно изъ необходимыхъ орудій для развитія гражданственности или такъ наз. цивилизаціи; что правосудіе должно дѣйствовать одинаково для богатыхъ и бѣдныхъ, для знатныхъ и простыхъ людей. А при указанныхъ мною недостаткахъ суда присяжныхъ довольно трудно добиться правосудія для людей богатыхъ или знатныхъ и вообще для преступниковъ крупныхъ.

о

ПОСЛѢДНЕМЪ ФАЗИСѢ

ВОСТОЧНАГО ВОПРОСА.

I.

БОЛГАРІЯ И ПАНГЕРМАНИЗМЪ.

Извѣстно, что 9 августа 1886 года принцъ Батенбергъ былъ лишенъ престола и удаленъ изъ Болгаріи, къ немалой радости русскихъ патріотовъ. Когда же вскорѣ телеграфъ извѣстилъ, что онъ снова возвращается въ Софію, призываемый партіей болгарскихъ нигилистовъ и отщепенцевъ, радость смѣнилась чувствомъ горечи. Въ эту минуту я на всякій случай послалъ въ Московскія Вѣдомости письмо, въ которомъ прямо указывалъ, что главное зло для насъ заключается не въ Батенбергѣ собственно, а въ политической интригѣ, направляемой противъ Россіи изъ Берлина извѣстнымъ государственнымъ мужемъ, и вотъ съ кѣмъ мы должны бороться. Письмо мое осталось ненапечатаннымъ (по обыкновенію, я не оставилъ съ него копіи, но можетъ быть оно еще сохранилось въ портфелѣ редакціи). Покойный М. Н. Катковъ очевидно въ то время еще не раздѣлялъ сего моего мнѣнія, и еще находился къ князю Бисмарку въ отношеніяхъ, такъ сказать, дипломатическихъ. Только спустя полгода или болѣе, уже подъ давленіемъ фактовъ, онъ пришелъ къ тому же взгляду и началъ въ своемъ органѣ развивать тѣ же мысли.

Между тѣмъ событія шли быстро. Батенбергъ вторичо вынужденъ былъ покинуть Болгарію; но оставилъ тамъ глубокій слѣдъ въ видѣ учрежденнаго имъ лжерегенства. Миссія генерала Каульбарса, осенью того же года, окончилась совершеннымъ удаленіемъ русскихъ дипломатическихъ агентовъ изъ Болгаріи, послѣ чего лжерегенство, покровительствуемое цѣлою группою державъ, упрочилось тамъ съ своими палочными командами. Зимой 1886—87 гг. вдругъ въ германской печати и въ германскомъ парламентѣ поднятъ былъ шумъ о предстоявшей яко бы войнѣ съ Франціей. Наша періодическая печать увлеклась этою фальшивою тревогою; а наша дипломатія по сему поводу объявила выжидательную политику съ своей стороны. Тогда я рѣшилъ снова выступить съ результатами своихъ политическихъ наблюденій. Слѣдующія письма мои нашли пріютъ въ петербургской газетѣ *Новое Время*.

Желаетъ ли Бисмаркъ войны съ Франціей? *

А. Вы, конечно, читали сообщенія изъ Петербурга въ «Politische Correspondenz« и въ «Nord», читали одобрительный отзывъ нѣкоторыхъ русскихъ органовъ относительно выжидательной политики, и на сей разъ, надѣюсь, согласитесь съ этимъ отзывомъ.

Б. Менѣе, чѣмъ когда либо.

А. Почему же?

Б. Да просто потому, что я никогда не вѣрилъ и не вѣрю въ искренность германскихъ толковъ о предстоящей теперь же войнѣ съ Франціей.

А. Какъ, неужели вы не считаете положеніе серьезнымъ въ то время, когда всѣ почти державы тратятъ огромныя суммы на вооруженія и когда Европа чуть ли не наканунѣ всеобщей мобилизаціи?

Б. Повторяю то же, что говорилъ вамъ и прежде: чѣмъ болѣе въ Германіи газеты и парламентскіе ораторы кричали о близости войны съ Франціей и о своихъ къ ней приготовленіяхъ, тѣмъ я болѣе и болѣе убѣждался, что все это несерьезно, что это только дѣлается для того, чтобы отвлечь наше вниманіе отъ Восточнаго вопроса кровавымъ призракомъ какой-то страшной европейской войны. Посудите сами: откуда вдругъ, совершенно внезапно начались толки о новой Франко-германской войнѣ въ то время, когда на сценѣ былъ только одинъ болгарскій кризисъ, и ничего болѣе? Эти толки начались въ германской печати какъ бы по данному камертону. А между тѣмъ только слѣпому не ясно, что Франція нисколько не думала нападать на Германію; она только будетъ защищаться, если на нее нападутъ. Слѣдовательно, починъ въ этой шумихѣ всецѣло принадлежитъ Германіи. Но и Германія не думаетъ нападать на Францію, по всѣмъ признакамъ. А главный признакъ заключается въ томъ, что она въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ кричитъ о войнѣ. Кто дѣйствительно намѣренъ воевать, тотъ не будетъ заблаговременно извѣщать о томъ своего противника и побуждать его къ приготовленіямъ. Шумъ, поднятый въ парламентѣ объ увеличеніи болѣе милліонной германской арміи на 40,000 человѣкъ, служилъ для меня вѣрнымъ признакомъ, что въ Берлинѣ отнюдь не думаютъ воевать съ Франціей. А когда появились со стороны нѣмцевъ предупрежденія, что въ случаѣ войны они, для избѣжанія укрѣпленныхъ французскихъ линій, пройдутъ черезъ Бельгію и нарушатъ ея нейтралитетъ, то заднія мысли

---

* *Новое Время*. 1887 № 3943.

Берлина и нежеланіе его воевать съ Франціей мнѣ просто били въ глаза.

А. Позвольте, но если бы это дѣйствительно было такъ, то зачѣмъ же Пруссія сама стала бы тратиться на военныя приготовленія?

Б. Всмотритесь хорошенько и вы увидите, что именно Пруссія менѣе своихъ сосѣдей тратится на эти приготовленія. Сколько я могъ понять, почти всѣ тѣ мѣры, которыя она теперь принимаетъ (въ родѣ магазиновъ), были бы приняты ею во всякомъ случаѣ; но только не въ ея характерѣ громогласно доводить о нихъ до свѣдѣнія Европы. И если она считаетъ нужнымъ выставлять ихъ на показъ, то опять-таки это-то и служитъ доказательствомъ, что разсчитываетъ не на войну, а на извѣстное впечатлѣніе.

А. Да на кого же собственно разсчитано это впечатлѣніе?

Б. Отчасти на ту же Францію, а главнымъ образомъ на Россію. Вы видите, что порохъ потраченъ не даромъ; маневръ удается, и Берлинъ близокъ къ своей цѣли. Если бы мы дѣйствительно объявили, что въ виду предстоящей войны между Франціей и Германіей желаемъ сохранить свои руки свободными, оставимъ въ сторонѣ Болгарію и будемъ выжидать событій, то это именно то, что Берлину нужно было доказать. Тутъ вся сила въ томъ, чтобы оттѣснить насъ отъ Балканскаго полуострова и, отвлекши наше вниманіе въ другую сторону, обработать въ это время собственныя, т.-е. германо-австрійскія, дѣла на этомъ полуостровѣ.

А. Но въ такомъ случаѣ почему же Берлинъ выдвигаетъ на сцену свою угрозу съ Франціей? Почему же онъ не обратится съ угрозами прямо къ Россіи? Наконецъ, развѣ князь Бисмаркъ не заявилъ, что у Германіи нѣтъ никакихъ собственныхъ интересовъ на Востокѣ?

Б. Да, есть наивные люди, которые все еще довѣряютъ подобнымъ заявленіемъ и забываютъ извѣстную поговорку дипломатовъ, что языкъ намъ данъ для того, чтобы скрывать наши мысли. Они забываютъ, что послѣ словъ о костяхъ померанскаго гренадера происходилъ печальной для насъ памяти Берлинскій конгрессъ. Что же касается до прямыхъ угрозъ Россіи, а тѣмъ болѣе до войны Германіи съ нею, то каковъ бы ни былъ исходъ ея, она произвела бы такой переворотъ въ нашихъ взаимныхъ отношеніяхъ, который для нѣмцевъ менѣе всего желателенъ. Тогда былъ бы конецъ ихъ политическому вліянію, ихъ финансовой и промышленной эксплоатаціи, конецъ ихъ колонизаціи въ западной полосѣ, а, пожалуй, конецъ и дальнѣйшимъ родственнымъ связямъ. Вы знаете, что къ русско-германскимъ отношеніямъ можно приложить поговорку, сказанную о старой Австріи: «Alii bella gerant, tu felix Germania nube».

А. А что вы думаете о воинственныхъ приготовленіяхъ Австріи противъ Россіи?

Б. Это такая же фикція, какъ и приготовленія Пруссіи къ войнѣ съ Франціей. Никогда Австрія не пойдетъ войною противъ Россіи безъ Германіи, которую, въ настоящее время по крайней мѣрѣ, все-таки сдерживаетъ Франція. Посреди европейскаго мира Франція одна на Германію не нападетъ, въ этомъ я увѣренъ, но если Германія увлечется въ войну съ Россіей, то нельзя поручиться, чтобы французы упустили такой благопріятный случай для реванша. Вотъ почему для Германіи весьма важно выиграть еще нѣсколько времени, пока во Франціи произойдетъ новая перемѣна обстоятельствъ, въ родѣ возвращенія къ власти Ферри и паденія Буланже или какой либо другой комбинаціи. Когда же настоящія благопріятныя для Россіи обстоятельства минуютъ и мы вновь останемся одни, тогда, само собой разумѣется, Германія и Австрія окончательно овладѣютъ теченіемъ дѣлъ на Востокѣ.

А. Почему же вы все говорите о Германіи, слегка упоминаете Австрію и совсѣмъ умалчиваете объ Англіи?

Б. Англія несомнѣнно играетъ роль запѣвалы въ данномъ случаѣ и несомнѣнно принимаетъ самое дѣятельное участіе въ анти-русскихъ интригахъ. Но не въ ней главная сила. Главный очагъ дипломатической коалиціи противъ насъ находится въ Берлинѣ.

А. Что же по вашему мы могли бы въ настоящую минуту предпринять, не рискуя вооружить противъ себя коалицію военную?

Б. Ну, объ этомъ можно побесѣдовать въ другой разъ.

Москва, 16 февраля.

Что намъ дѣлать? *

А. Что вы скажите о послѣднихъ болгарскихъ событіяхъ? **

Б. Напомню вамъ то, что говорилъ и прежде по поводу надеждъ, возлагавшихся на болгаръ, будто они сами могутъ свергнуть шайку узурпаторовъ. Разъ Россія удалилась оттуда и предоставила свободное поле враждебнымъ державамъ, эти державы конечно поспѣшили завладѣть полемъ, и сама Болгарія безсильна отъ нихъ освободиться. Что же стоитъ

---

* Новое Время. 1887, № 3951.

** *Т.-е. неудавшемся* возстаніи противъ лжерегентовъ въ Рущукѣ и Силистріи.

Англіи своимъ золотомъ закупить небольшую болгарскую армію, которая служитъ теперь отличнымъ орудіемъ въ рукахъ шайки. Разумѣется, лжерегенты суть только точные исполнители того, что подсказываютъ имъ агенты Англіи, Австріи и Германіи. Германскіе консулы при томъ облечены двойнымъ авторитетомъ, какъ чиновники, принявшіе на себя яко бы защиту русскихъ подданныхъ! Въ хвостѣ этого тройственнаго давленія идетъ самъ сюзеренъ Болгаріи, т.-е. Высокая Порта. Гдѣ же кучкѣ болгарскихъ патріотовъ бороться съ такими противниками! Съ одной стороны все, что нужно и можно было купить—куплено; а съ другой—въ уши народу на всѣ лады постоянно и печатно, и словесно внушается, что Россія хочетъ его поработить, что она его главный врагъ. Можно ли требовать отъ неопытнаго, темнаго народа, чтобы онъ хотя отчасти не поддался этимъ внушеніямъ? Вотъ почему я постоянно говорилъ, что безъ нашей поддержки всякое возстаніе будетъ подавлено. Послѣднія силистрійскія и рущукскія событія показали, что безкорыстный патріотизмъ еще не умеръ среди болгарскихъ офицеровъ. Гнусныя казни и варварскія мѣры лжеправителей, руководимыхъ нѣмцами и англичанами, остаются безнаказанными и кровь мучениковъ вопіетъ къ небу.

А. Неужели сами болгаре дѣйствительно не могутъ освободиться?

Б. Что они могли сдѣлать, то уже сдѣлано. Извѣстно, какъ шатко и неправильно была поставлена ихъ организація на Берлинскомъ конгрессѣ. Эти неправильности сводятся къ тремъ пунктамъ, изъ которыхъ логически и неибѣжно должны были вытекать дальнѣйшія смуты на Балканскомъ полуостровѣ, а также интриги и безпокойства, угрожающія европейскому миру. А именно: во-первыхъ, неестественное раздѣленіе освобожденной Болгаріи на двѣ части, состоящія подъ разными правленіями; во-вторыхъ, князь нѣмецъ, взятый изъ прусскихъ поручиковъ и, разумѣется, отдавшійся немедленно анти-русскимъ махинаціямъ (тогда какъ уже одно допущеніе нѣмецкаго принца въ сосѣднюю Румынію служитъ и будетъ служить для насъ источникомъ не малаго зла); въ-третьихъ, такая конституція, которая открыла широкое поприще для всякаго рода честолюбцевъ и агитаторовъ и оказалась весьма сподручною для нашихъ нигилистовъ и анархистовъ. Болгаре сами устранили два первые пункта. Они соединили обѣ освобожденныя части; а потомъ взяли князя-нѣмца и отвезли его къ тѣмъ, отъ кого получили. Чѣмъ же они виноваты, если мы пропустили этотъ моментъ, а враждебная намъ дипломатія трехъ державъ не упустила ни одной благопріятной минуты для того, чтобы овладѣть движеніемъ? Что же касается конституціи, то въ настоящее время, когда водворился самый варварскій деспотизмъ и самый гнусный тер-

ровъ, о ней не можетъ быть болѣе рѣчи, и при возстановленіи порядка она несомнѣнно должна быть исправлена.

А. И такъ, что же по вашему мнѣнію мы могли бы теперь предпринять?

Б. Вы знаете, что я сторонникъ рѣшительной политики; но рѣшительная политика еще не означаетъ войну; мало того, нерѣдко она ее предупреждаетъ, и наоборотъ, политика уступокъ и медленія прямо приводитъ къ войнѣ, потому что въ концѣ концовъ ставитъ въ безвыходное положеніе, чему примѣръ мы видѣли въ недавнемъ прошломъ. Если хотите знать мое мнѣніе, то сколько я ни думалъ надъ этимъ вопросомъ, а другаго исхода не вижу, какъ посылка небольшаго корпуса для водворенія порядка и спокойствія; затѣмъ должно быть созвано законное народное собраніе, которое утвердило бы русскаго кандидата, если это князь Мингрельскій, то именно его, и во всякомъ случаѣ человѣка православнаго исповѣданія Послѣднее, по моему, conditio sine qua non. Событія ясно показываютъ, къ какимъ бѣдствіямъ ведетъ пренебреженіе религіозными потребностями. Чтобы не возобновлять самаго начальнаго источника настоящихъ смутъ, т.-е. раздѣленія Болгаріи, новоизбранный болгарскій князь можетъ быть признанъ Портою въ качествѣ генералъ-губернатора Румеліи. Устроивъ положеніе князя и гражданскій порядокъ, реорганизовавъ болгарскую армію и водворивъ въ ней снова извѣстный процентъ русскихъ офицеровъ, нашъ оккупаціонный корпусъ можетъ немедля удалиться изъ Болгаріи; но при семъ необходимо оставить смѣшанные русско-болгарскіе гарнизоны въ трехъ пунктахъ: Рущукѣ, Варнѣ и Софіи, если сія послѣдняя останется княжеской резиденціей. Эти три смѣшанные гарнизона и именно въ трехъ названныхъ пунктахъ необходимы для прочности порядка, лѣтъ на 10 или на 20, смотря по обстоятельствамъ. Если бы такая въ сущности небольшая мѣра была принята нами при организаціи Болгарскаго княжества, то по всей вѣроятности она предупредила бы послѣдовавшія смуты. Признаюсь, послѣ Берлинскаго конгресса я никакъ не могъ понять нашихъ отношеній къ Болгаріи и положенія тамъ русскихъ офицеровъ, необезпеченнаго никакою матеріальною опорою.

А. Позвольте, вы говорите о временномъ занятіи Болгаріи, какъ будто намъ не угрожаетъ въ такомъ случаѣ вооруженная коалиція? Бисмаркъ сказалъ, что хотя у Германіи нѣтъ своихъ интересовъ на Балканскомъ полуостровѣ, но что у Австріи они есть, а Германія другъ и союзникъ Австріи, ergo... Да наконецъ мы, кажется, дали обѣщаніе не занимать Болгарію.

Б. Не знаю, давали ли мы такое обѣщаніе, но если и давали, то, конечно, условное, напримѣръ, не занимать, пока не будутъ истощены всѣ дипломатическія средства къ возстановленію и упроченію порядка. Но русская дипломатія въ настоящее время имѣетъ полное право заявить, что всѣ подобныя средства истощены и дальнѣйшія ожиданія грозятъ еще болѣе опасными осложненіями. Конечно, нѣмцы, австрійцы и англичане поднимутъ страшный газетный крикъ, будутъ сыпать нотами, будутъ смущать насъ всѣми возможными призраками, внутренними и внѣшними; но, повѣрьте, войны намъ не объявятъ. Я говорю о настоящихъ благопріятныхъ обстоятельствахъ. Англіи мы можемъ отвѣтить, пусть она очиститъ Египетъ и захваченную ею часть Афганистана, прежде чѣмъ говорить о Болгаріи. Австріи можемъ указать на Боснію и Герцеговину, которыя она пусть тоже предварительно очиститъ. Германія, какъ я говорилъ, теперь связана Франціей; а если она вздумаетъ грозить нападеніемъ на послѣднюю, мы отвѣтимъ ей: «хорошо, нападайте; у насъ всегда найдется (даже въ случаѣ войны съ Австріей) полмилліона штыковъ, чтобы въ нужную минуту двинуть ихъ куда слѣдуетъ». И будьте увѣрены, ни одна держава не тронется съ мѣста. Пожалуй, онѣ могутъ возбуждать опять Турцію. Но и это имъ не удастся. Турки отлично понимаютъ, что разъ Болгарія для нихъ потеряна, имъ нѣтъ никакого разсчета воевать съ Россіей; наоборотъ, только будучи съ нею въ мирѣ, они могутъ спокойно владѣть своими остальными областями. Думаютъ, что Австрія въ случаѣ войны можетъ отрѣзать нашъ оккупаціонный корпусъ. Наоборотъ, этотъ корпусъ въ такомъ случаѣ можетъ поднять сербовъ, низложить Милана какъ австрійскаго вассала, поднять Боснію и Герцеговину и войти въ связь съ геройской Черногоріей. Угрожаемая въ то же время нашимъ вторженіемъ со стороны Галиціи Австрія попадетъ между двухъ огней, будучи притомъ связана внутри симпатіями къ Россіи своихъ славянскихъ народовъ. Если предположить, что Австрія объявитъ намъ войну прежде, нежели оккупаціонный корпусъ успѣетъ занять Болгарію, все равно, почти ту же самую диверсію на первыхъ порахъ можетъ или вызвать, или поддержать казацкая вольница, которая на свой страхъ и рискъ съумѣла пробраться въ Абиссинію и тамъ сдѣлать диверсію англичанамъ и итальянцамъ. У Англіи также существуютъ больныя стороны: для укрощенія ея достаточно пустить десятокъ крейсеровъ въ океанъ и завязать дѣло въ Афганистанѣ. У насъ все еще имѣютъ въ виду коалицію временъ Крымской кампаніи. Во-первыхъ, тогда былъ Наполеонъ III, который преслѣдовалъ не французскіе интересы, а свои, династическіе; теперь никакого Напо-

леона III нѣтъ и не можетъ быть въ Европѣ. Во-вторыхъ, и это главное, коалиція состояла тогда изъ державъ, для насъ неуязвимыхъ. Теперь относительно Англіи этого ужъ никакъ нельзя сказать, а Франціи изъ врага обратилась въ естественнаго союзника. Германія же и Австрія какъ сосѣди, слишкомъ уязвимы, и потому войны съ нами будутъ избѣгать до послѣдней крайности. Взгляните на карту. Россія можетъ терпѣть неудачи, можетъ потерять лѣвый берегъ Вислы, который намъ не только не нуженъ, но и почти составляетъ для насъ бремя (съ его густымъ еврейскимъ населеніемъ, которое своимъ широко-развитымъ контрабанднымъ промысломъ, вмѣстѣ съ размножающимися нѣмецкими фабриками, все болѣе и болѣе подрываетъ наши финансы и нашу отечественную промышленность). Но, вообще, для внѣшнихъ враговъ Россія неодолима въ силу своихъ географическихъ и этнографическихъ условій. Германія же, наоборотъ, открыта со всѣхъ четырехъ сторонъ и въ случаѣ неудачи, можетъ быть пройдена непріятелемъ изъ конца въ конецъ. И пока лѣвый берегъ Вислы въ нашихъ рукахъ, пока граница подходитъ близко къ Берлину, при рѣшительности съ нашей стороны онъ подвергается великой опасности, если бы вздумалъ воевать съ нами. Да, нѣтъ, повторяю, нѣмцы кричать будутъ, но войны намъ теперь не объявятъ. Вы видите, миръ обезпеченъ тѣмъ, что сумма невыгодныхъ условій пока находится на противной намъ сторонѣ. Вся сила берлинской политики или, точнѣе, берлинскихъ интригъ заключается въ томъ чтобы безъ войны оттѣснить насъ отъ Балканскаго полуострова, все далѣе и далѣе продвигая туда Австрію, которую Берлинъ, очевидно, старается обратить въ свою подручницу и въ передовой форпостъ германизаціи на юго-востокѣ Европы. А что для него конечную и пока затаенную цѣль составляетъ германизація и эксплуатація едва ли не всего Балканскаго полуострова, это для меня не подлежитъ сомнѣнію.

А. Какъ хотите, а, предпринимая временное занятіе, не слишкомъ ли мы будемъ рисковать изъ-за Болгаріи, для которой и безъ того принесли уже много жертвъ?

Б. Ошибаются тѣ, которые думаютъ, что дѣло идетъ только о Болгаріи. Нѣтъ, теперь уже прямо затронуты существенные государственные интересы Россіи. Вы знаете, что я причисляю себя къ безусловнымъ государственникамъ, къ людямъ, преданнымъ строго національному направленію и отечественному строю. Вы знаете, что для такихъ людей ни меттерниховскій, ни бисмарковскій періоды вліянія отнюдь не кажутся согласными съ русскими государственными интересами.

А. Еще одинъ вопросъ: развѣ вы несогласны съ тѣмъ, что шумъ

поднятый изъ-за септената, имѣлъ главною цѣлью новые парламентскіе выборы?

Б. Тутъ Бисмаркъ, очевидно, думалъ, какъ говорится, однимъ камнемъ зашибить двухъ зайцевъ. Но вообще у насъ слишкомъ много вниманія обращаютъ на эти парламентскіе маневры и забываютъ о собственныхъ дѣлахъ. Я все-таки полагаю, что отвлеченіе насъ отъ восточнаго вопроса теперь составляетъ главную заднюю мысль Бисмарка. Полагаю, что и папа понадобился ему не для однихъ парламентскихъ выборовъ. Надѣюсь, что событія оправдаютъ мои слова.

Москва, 23 февраля.

Сомнительный союзъ съ Италіей *.

А. Вы, конечно, читали извѣстіе о заключенномъ союзѣ Италіи съ Германіей и Австріей противъ Россіи и Франціи. Вотъ вамъ и новый Наполеонъ III въ лицѣ короля Гумберта.

Б. Это извѣстіе я не считаю вполнѣ серьезнымъ. Для меня оно служитъ только подтвержденіемъ того, что наши западные сосѣди не только не намѣрены воевать съ Россіей, а боятся войны, и употребляютъ всѣ возможныя усилія, чтобы запугать насъ коалиціями. И когда подумаешь, что всѣ эти берлинскія махинаціи, распространяющіяся на Европу, Азію и Африку, поднимаются только для того, чтобы отвратить временное занятіе Болгаріи русскими, тогда поймешь, какое огромное значеніе Берлинъ придаетъ этому занятію и какъ несправедливо было его заявленіе, будто у него нѣтъ собственныхъ интересовъ на Балканскомъ полуостровѣ, а слѣдовательно поймешь и всю важность этого занятія для русскихъ государственныхъ интересовъ. Теперь начинаетъ обнаруживаться и та роль, которая предназначена папѣ въ данныхъ махинаціяхъ и которая, какъ я вамъ говорилъ, не ограничивается воздѣйствіемъ на парламентскіе выборы. Очевидно, кромѣ его враждебнаго Россіи вліянія на католическихъ славянъ, имѣется въ виду примирить папство съ объединенной Италіей и съ его помощью взять послѣднюю на буксиръ. Положимъ, при томъ могуществѣ, которое представляетъ теперь естественный франко-русскій союзъ, итальянскія вспомогательныя войска большаго разсчета не составятъ; но я все-таки плохо вѣрю въ прочность такого противоестественнаго союза, какъ австро-итальянскій. Конечно, для Австріи

---

* Новое Время. 1887 г., № 3928.

онъ былъ бы очень полезенъ, чтобы прикрыть ея тылъ со стороны балканскихъ славянъ; но для Италіи-то какой прокъ воевать съ Россіей или Франціей? Напротивъ, естественнымъ является ея союзъ съ ними: ибо съ помощью Франціи она можетъ получить Триполи, а съ помощью Россіи—итальянскій Тироль, и, главное, Тріестъ. Не понимаю, что дѣлаютъ въ Италіи наши представители. Почему же они не дѣйствуютъ въ этомъ смыслѣ и не парируютъ берлинскія интриги? Вотъ что значитъ установившійся со времени Нессельроде космополитическій характеръ нашей дипломатіи и ея переходы то къ меттерниховскому, то бисмарковскому періоду. Кромѣ непосредственныхъ дипломатическихъ дѣйствій, тамъ существуетъ широкая возможность вліять на общественное мнѣніе путемъ свободной печати и раскрывать ему, куда ведутъ англо-нѣмецкія махинаціи еще не окрѣпшее итальянское единство.

А. Все это такъ. Но опять спрашиваю, можно ли при подобныхъ обстоятельствахъ рискнуть на оккупацію; хотя бы и временную?

Б. Повторяю, что не только можно, но и должно. Повторяю также, что въ виду этой оккупаціи намъ непремѣнно будутъ грозить всѣми возможными призраками, внѣшними и внутренними; ибо безъ всякой войны хотятъ отбросить насъ отъ Балканскаго полуострова. Вотъ посмотрите, въ одно прекрасное утро мы, вѣроятно, прочтемъ, что къ помянутой коалиціи приступилъ Китай, а можетъ быть и еще кто-нибудь. Въ отпоръ этимъ страшиламъ, намъ было бы небезполезно и съ своей стороны выдвинуть нѣкоторыя перспективы. Напримѣръ, въ родѣ того, что, въ случаѣ войны противъ насъ Австріи, мы уже прямо будемъ добиваться образованія изъ Сербіи, Босніи, Герцеговины и Черногоріи единаго Сербскаго королевства съ Черногорской династіей во главѣ, а также возстановленія королевствъ Хорватскаго и Чешско-моравскаго; при чемъ освобожденіе Галиціи разумѣется уже само собою. Любопытно было бы послушать, что скажутъ вѣнскіе и берлинскіе дипломаты объ этой программѣ, на которую они прямо толкаютъ насъ своими махинаціями? Но я вновь и вновь говорю, что все это не серьезныя намѣренія, а только интриги, имѣющія цѣлью отвлечь наше вниманіе отъ восточнаго вопроса. Посмотрите, какъ съ одной стороны показывая намъ намалеванныхъ драконовъ съ отверстою пастью, съ другой стороны германскій канцлеръ расточаетъ любезности. Не удивляюсь, если, между прочимъ, намъ будетъ обѣщано (конечно, въ туманной перспективѣ) обладаніе проливами; наконецъ, пожалуй, вновь будутъ повторять, что Германія ничего не имѣетъ противъ русской оккупаціи, но только для этого необходимо подождать болѣе благопріятной минуты. Главный припѣвъ пѣсни будетъ за-

ключаться въ томъ, что безъ нѣмецкаго принца Болгаріи нѣтъ спасенія! Но какъ ни искусно раскидывается паутина, а вспомнимъ старую поговорку, встрѣченную мною въ польскихъ актахъ XVI вѣка: muchy powiezli a bąk sie przebył (мухи завязли въ паутинѣ, а оводъ пробился). Русское государство—это слишкомъ большой оводъ, чтобы увязнуть въ берлинской паутинѣ.

Москва, 4 марта.

Эти письма мои, изложенныя въ формѣ разговора, имѣли главную цѣль разъяснить настоящія отношенія Берлина къ Восточному вопросу и указать на махинаціи пангерманизма. Еще въ то время, когда наша печать далека была отъ разумѣнія задней мысли его, я прямо указалъ, что послѣ изгнанія Батенберга задняя мысль австро-германской политики въ томъ и состоитъ, чтобы оттѣснить насъ отъ Балканскаго полуострова и снова водворить въ Болгаріи подручнаго ей нѣмецкаго принца. Когда я помѣстилъ эти письма, еще продолжались благопріятныя для насъ обстоятельства (со стороны франко-германскихъ отношеній), и мнѣ сдавалось, что рѣшительный образъ дѣйствія могъ бы повернуть иначе положеніе Болгарскаго вопроса; говоря объ оккупаціи, я желалъ показать, что въ данный моментъ она едва ли вызоветъ европейскую войну; въ сущности же я полагалъ, что достаточно было бы одной серьезной угрозы ею. Самая рѣчь объ этомъ предметѣ въ русской печати могла бы послужить лучшимъ отвѣтомъ на заднія мысли германской прессы и признакомъ того, что онѣ разгаданы. Когда же удобный моментъ миновалъ, оставалось только наблюдать за дальнѣйшими подходами Австро-Германіи къ ея главной цѣли, т.-е. къ водворенію нѣмецкаго принца въ Болгаріи. Мои дальнѣйшія наблюденія въ этомъ смыслѣ и предостереженія изложены въ слѣдующихъ письмахъ, помѣщенныхъ отчасти въ Новомъ Времени, отчасти въ Московскихъ Вѣдомостяхъ, которыя въ это время уразумѣли истинную политику Берлина. Такъ какъ событія достаточно оправдали мои разъясненія и предупрежденія, то, надѣюсь, едва ли кто упрекнетъ меня въ излишнихъ притязаніяхъ. Сіи разъясненія, повторяю, и составляли главную цѣль моихъ писемъ.

По поводу юбилея королевы Викторіи *.

Въ іюнѣ текущаго года исполнится пятидесятилѣтіе со дня вступленія на англійскій престолъ королевы Викторіи. На сколько англичане

---

* Новое Время. 1887 г., № 4010.

въ правѣ прославлять это царствованіе и какъ они будутъ оцѣнивать его результаты для своей страны, о томъ пока предоставимъ слово имъ самимъ. Мы же, русскіе, имѣемъ всѣ основанія отнестись къ этому юбилею весьма сдержанно. Извѣстно, что означенное пятидесятилѣтіе ознаменовано для насъ постоянною и жестокою враждою Англіи противъ Россіи на юго-востокѣ Европы, въ средней Азіи и—прибавимъ—на Кавказѣ, враждою, которая вызвала двѣ русско-турецкія войны и цѣлый рядъ русскихъ военныхъ предпріятій вглубь Азіи. Такъ какъ вражда эта доселѣ не прекращается и угрожаетъ новыми войнами, то, наконецъ, пора и намъ, и англичанамъ серьезно обсудить ея настоящій смыслъ или, употребляя французское выраженіе, ея raison d'être, и подумать о способахъ ея прекращенія къ обоюдной выгодѣ двухъ великихъ народовъ.

Для означенной вражды существуютъ со стороны Англіи два главные источника: во-первыхъ, традиціонное поддержаніе Оттоманской имперіи въ Европѣ, и во-вторыхъ, постоянное опасеніе за свое владычество въ Остъ-Индіи.

Относительно перваго источника вражды, послѣ освобожденія болгаръ, мы вправѣ сказать, что онъ почти кончился. Если для насъ и остается еще pium desiderium съ этой стороны, то оно касается только ключа къ Черному морю, который желательно имѣть въ своемъ, а не въ чужомъ карманѣ. Но чтобы имѣть этотъ ключъ и сдѣлать Черное море недоступнымъ для вражескихъ флотовъ, нѣтъ никакой нужды занимать самый Константинополь. И разъ, если вражда Англіи къ Россіи прекратится, то первой не будетъ никакой надобности угрожать своимъ флотомъ нашему югу. Что же касается политической и промышленной эксплоатаціи собственно Балканскаго полуострова, то неужели англичане не видятъ, что ихъ преобладаніе въ этомъ отношеніи приходитъ къ концу и что, дѣйствуя противъ Россіи, они уже работаютъ тамъ на другихъ, т.-е. на Австро-Германію? Если въ эпоху Крымской кампаніи у насъ начали говорить, что путь въ Константинополь лежитъ чрезъ Вѣну, то послѣдняя Русско-турецкая кампанія и Берлинскій конгрессъ съ ихъ эпилогомъ, т.-е. баттенбергіадой, ясно показываютъ, что этотъ путь уже передвинулся на Берлинъ. Разграниченіе сферы вліянія между Россіей и Австріей на восточную и западную часть Балканскаго полуострова оказывается мнимымъ: Австрія или собственно стоящая за нею Германія хотятъ получить въ свое вѣдѣніе весь полуостровъ; я говорю о вѣдѣніи политическомъ и экономическомъ. Въ нашей печати нерѣдко можно встрѣтить предположеніе о томъ, что германскій канцлеръ не прочь при случаѣ приступить къ раздѣлу Австріи, чтобы присоединить ея нѣмецкія

провинціи къ Германской имперіи. Какъ еще мало понимаютъ у насъ руководителя берлинской политики! Нѣмецкія провинціи Австріи и только? А затѣмъ что? Нѣтъ, онъ менѣе всего намѣренъ отнять у нея эти провинціи, которыя, вмѣстѣ съ Габсбургскою нѣмецкою династіей, необходимы какъ орудія для германизаціи и австрійскихъ, и балканскихъ славянъ. Зачѣмъ же ему часть Австріи, когда онъ можетъ пользоваться всею Австро-Венгріей въ совокупности и когда, по его плану, цѣлямъ германизма должны служить не одни нѣмцы: подъ австрійскимъ знаменемъ для этихъ цѣлей утилизуются силы мадьяръ и австрійскихъ славянъ; а теперь онъ заставляетъ служить тѣмъ же цѣлямъ и румынъ, и турокъ, и балканскихъ славянъ. Нѣтъ, Австрія такое удобное и такое сподручное орудіе для нѣмецкаго Drang'а на востокъ и юго-востокъ Европы, лучше какого нельзя было бы и придумать. Теперь уже поздно говорить о томъ, что присоединеніемъ новыхъ славянскихъ провинцій Австрія сама себя ослабляетъ. Одна Австрія, да; но Австро-Германія безъ труда съ ними справится. Мало того, Германія толкаетъ и будетъ толкать Австрію къ дальнѣйшимъ захватамъ на Балканскомъ полуостровѣ уже потому, что, благодаря имъ, Австрія все болѣе и болѣе будетъ впадать въ зависимость отъ Германіи. Я полагаю, что объ оккупаціи Босніи и Герцеговины на берлинскомъ конгрессѣ Бисмаркъ въ сущности болѣе хлопоталъ, чѣмъ самъ Андраши. (Если нѣмцы при настоящемъ болгарскомъ кризисѣ не склоняютъ турокъ на оккупацію Восточной Румеліи, то, конечно, они это дѣлаютъ не изъ любви къ Болгаріи, но потому, что не кого другого, а именно себя самихъ считаютъ наслѣдниками Турціи на Балканскомъ полуостровѣ). Теперь на сцену выступаетъ движеніе Австріи къ Салоникамъ; но мы отнюдь не должны думать, что это движеніе есть конечная цѣль Австро-Германіи съ той стороны. Слѣдующая затѣмъ цѣль будетъ уже захватъ проливовъ. Да, захватъ проливовъ и возможность запереть Россіи не только выходы въ Средиземное море, но и угрожать ей въ самомъ Черномъ морѣ. А между тѣмъ, если вмѣсто Америки нѣмецкая колонизація направится на юго-востокъ Европы (на юго-западъ Россіи она уже отчасти направилась), то его германизація не представитъ большаго затрудненія. Впослѣдствіи, когда удастся ослабить Россію и занять прочныя приморскія позиціи, тогда Германія сброситъ съ себя личину; тогда турки и англичане узнаютъ, чего стоила имъ нѣмецкая дружба. Можетъ быть мои предвѣщанія многимъ покажутся гаданіями о слишкомъ отдаленномъ будущемъ. Нѣтъ, въ наши времена нельзя разсчитывать на большую отдаленность. Стоитъ только вспомнить, какое скромное положеніе занимала въ Европѣ Пруссія съ небольшимъ двадцать лѣтъ назадъ, и срав-

нить съ настоящимъ ея значеніемъ. Это именно тѣ люди, которые куютъ желѣзо, пока оно горячо.

Неужели англійскіе государственные дѣятели и публицисты, имѣющіе репутацію опытныхъ, предупредительныхъ политиковъ, не видятъ и не понимаютъ своей подчиненной роли на Балканскомъ полуостровѣ? Дѣйствительно, едва ли они ее понимаютъ. Для примѣра, укажемъ хотя на статьи Чарльза Дилька и Эдуарда Дайсея. У нихъ мы не находимъ именно яснаго, здраваго взгляда на отношенія Россіи къ Англіи и къ своимъ сосѣдямъ, Германіи къ Австріи и отношенія нѣмцевъ къ славянамъ.

Еще не очень давно Англія, заодно съ Россіей, боролась противъ излишняго преобладанія Франціи въ Европѣ (конецъ прошлаго и начало настоящаго столѣтія), и, можетъ быть, недалеко то время, когда та же Англія на самой себѣ почувствуетъ всю тяжесть таковаго же преобладанія нѣмцевъ,—преобладанія, которому она же сама теперь способствуетъ своею галлофобскою и въ особенности руссофобскою политикою. Въ этомъ отношеніи немалое участіе принадлежитъ именно королевѣ Викторіи, пятидесятилѣтній юбилей которой Англія собирается праздновать. Ея руссофобія въ значительной степени коренится не въ государственныхъ англійскихъ интересахъ, а въ ея полунѣмецкомъ происхожденіи и чисто нѣмецкихъ симпатіяхъ, какъ извѣстно, усиленныхъ вліяніемъ покойнаго ея супруга Альберта, нѣмецкаго принца и ультра-нѣмецкаго патріота. Надѣемся, что такіе государственные люди, какъ Гладстонъ, понимаютъ англійскіе интересы на Востокѣ отнюдь не хуже Биконсфильдовъ и Салисбюри; но такъ какъ онъ не хочетъ быть орудіемъ въ рукахъ Германо-Австріи, то понятно, почему королева всегда предпочитала ему политическихъ его соперниковъ. Вообще у насъ доселѣ какъ-то мало обращали вниманія на постоянное распространеніе нѣмецкихъ династій въ другихъ, не нѣмецкихъ странахъ, и на солидарныя дѣйствія этихъ династій, иногда прямо противуположныя интересамъ ихъ народовъ. Кромѣ Англіи укажу на примѣры Бельгіи и Румыніи. Почему Бельгія въ борьбѣ Франціи съ Германіей склоняется болѣе на сторону послѣдней и, повидимому, предпочитаетъ быть поглощенной скорѣе нѣмцами-протестантами, чѣмъ единоплеными и единовѣрными французами? Конечно, нѣмецкая династія тутъ имѣетъ немалую долю вліянія. Еще нагляднѣе дѣйствуетъ такая же династія въ Румыніи. Чтобы достигнуть своего національнаго единства и образовать болѣе прочный государственный организмъ, Румыніи необходима Трансильванія, а слѣдовательно союзъ съ Россіей противъ Австріи; въ дѣйствительности выходитъ наоборотъ: политика ея, получающая направленіе изъ Берлина, подчинена

австрійскимъ интересамъ и враждебна Россіи.(Благодаря бездѣтности князя Гогенцоллерна, Россія впослѣдствіи получаетъ возможность исправить эту аномалію). Къ чему повело водвореніе Баттенберга въ Болгаріи, слишкомъ извѣстно. Понятно, что теперь вся политика Австро-Германіи, при дѣятельномъ участіи англійской королевы, направлена къ тому, чтобы поддержать возникшее усиліями Баттенберга враждебное отношеніе Болгаріи къ Россіи и снова водворить тамъ нѣмецкаго принца. Но тѣмъ менѣе Россія можетъ на это согласиться, не можетъ она также пренебречь интересами православія на юго-востокѣ Европы и вновь допустить тамъ неправославнаго князя. Напомнимъ еще попытку Берлина посадить одного изъ Гогенцоллерновъ на испанскій престолъ,—попытку, вызвавшую Франко-прусскую войну 1870—71 гг. Наполеонъ III поплатился своимъ трономъ, но все-таки помѣшалъ водворенію нѣмецкой династіи въ сосѣдней странѣ. Впрочемъ впослѣдствіи Альфонсъ XII, воспитанный въ Вѣнѣ и вступившій въ бракъ съ австрійской эрцгерцогиней, все-таки подпалъ нѣмецкому вліянію; а теперь, когда нѣмка сдѣлалась регентшею въ Испаніи, тамъ еще яснѣе для Франціи сказывается это вліяніе.

Итакъ со стороны королевы Викторіи трудно ожидать какой либо перемѣны относительно восточной политики и тѣмъ болѣе, что къ ея нѣмецкимъ симпатіямъ присоединились еще родственныя связи съ берлинскимъ дворомъ. (А мы знаемъ, какъ мастерски пользуется Бисмаркъ родственными связями). Къ счастію для насъ, королева въ Англіи не абсолютна и не можетъ слишкомъ явно идти въ разрѣзъ съ истинными интересами государства. Вотъ тутъ-то и получаетъ большую важность второй источникъ англійской вражды, т.-е. опасеніе за Индію. Сами англичане, какъ извѣстно, своимъ вѣчнымъ страхомъ за нее и своими дѣйствіями въ восточномъ вопросѣ, такъ сказать, постоянно толкали насъ къ Средней Азіи и заставляли все далѣе и далѣе двигаться, по направленію именно къ Индіи. И вотъ теперь насъ раздѣляетъ одинъ Афганистанъ. Россіи стоитъ только активно поддержать тамъ анти-британскія партіи, и первый ударъ уже готовъ. Настоящее же время для того довольно удобное. Мнѣ не совсѣмъ ясны тѣ условія, въ силу которыхъ англичане размежовываютъ насъ съ афганами. Почему сами они опредѣляютъ свои границы съ ними безъ всякаго посредства, а мы этого не можемъ? Признала ли Россія оффиціально Афганистанъ англійскимъ вассальнымъ владѣніемъ, на этотъ счетъ я не помню, чтобы были обнародованы какіе либо документы. Надобно надѣяться, что г. профессоръ Мартенсъ современемъ эти документы издастъ, если они существуютъ. Во всякомъ случаѣ позволительно желать, чтобы Россія пришла къ какимъ либо соглашеніямъ съ

этой стороны только подъ условіемъ англійскаго союза съ нею въ восточномъ вопросѣ. Говорю о союзѣ, даже англійскаго нейтралитета было бы слишкомъ мало за спокойное обладаніе Индіей. Конечно надобно разумѣть не простыя обѣщанія будущихъ благъ, а немедленную и радикальную перемѣну образа дѣйствія на Балканскомъ полуостровѣ, и первымъ дѣломъ при выборѣ болгарскаго князя. Франція служитъ нагляднымъ примѣромъ, какъ обстоятельства заставили ее понять наконецъ, что Россія ея естественный союзникъ. Если Россія сдѣлаетъ еще одинъ рѣшительный шагъ въ Средней Азіи, то и Англія тоже пойметъ наконецъ, что только въ союзѣ съ Россіей ей некого бояться. Тогда образуется тройственный англо-франко-русскій союзъ, который положитъ предѣлъ чрезмѣрнымъ притязаніямъ германизма и надолго обезпечитъ за Европою миръ и спокойствіе. Здравая выжидательная политика не есть политика бездѣйствія. Какъ въ военномъ дѣлѣ пассивная оборона всегда оканчивается полнымъ проигрышемъ, такъ и пассивная политика въ концѣ концовъ терпитъ пораженіе. По моему крайнему разумѣнію, если и въ настоящее время не воспользоваться Средней Азіей, послѣ пожалуй будетъ поздно. Не пришлось бы потомъ, по мѣткому выраженію покойнаго Скобелева, заключить о нашихъ затратахъ тамъ, что «овчинка не стоила выдѣлки».

Москва, 26 апрѣля.

По поводу ареста Шнебеле *.

Въ виду тревожныхъ симптомовъ, вызванныхъ этимъ вопіющимъ арестомъ, позволю себѣ высказать свое соображеніе или точнѣе предостереженіе для русской читающей публики. Насколько я понимаю это дѣло, отнюдь не слѣдуетъ придавать ему опасный для европейскаго мира характеръ. Въ другомъ мѣстѣ, истекшею зимой, я уже высказалъ мнѣніе, что парламентскій шумъ, поднятый въ Берлинѣ по вопросу о септеннатѣ, и сопровождавшіе его крики нѣмецкихъ газетъ о войнѣ между Германіей и Франціей, были только маневромъ для отвлеченія нашего вниманія отъ Восточнаго вопроса. Но вотъ септеннатъ достигнутъ, и толки о войнѣ умолкли; въ то же время Россія освободила себя отъ трехъ-императорскаго союза. Однако наступившее затишье, позволяющее намъ снова обратить свое вниманіе на юго-востокъ Европы и на дѣла Средней Азіи, не въ

* Москов. Вѣдом. 1887 г., № 106.

видахъ руководителя берлинской политики. Надобно было подогрѣть толки о войнѣ съ Франціей, но въ то же время устроить такой поводъ, который къ дѣйствительной войнѣ не поведетъ. Является казусъ со Шнебеле, но это не casus belli, и, когда онъ достаточно сослужитъ свою службу, тотчасъ же исчезнетъ со сцены. Тутъ политическая и довольно азартная игра основана на тщательномъ изученіи противниковъ. Великій берлинскій маэстро отлично знаетъ, что можно позволить себѣ безнаказанно и чего нельзя. Конечно это еще не послѣдній его фокусъ по Восточному вопросу и трехъ-императорскому союзу. Поживемъ, увидимъ.

Москва, 18 апрѣля.

Еще предостереженіе *.

Недавно пришлось мнѣ сдѣлать въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* предостереженіе читающей публикѣ о томъ, чтобъ она не слишкомъ обращала вниманіе на инцидентъ Шнебеле, такъ какъ онъ очевидно былъ затѣянъ съ тою же цѣлью отвлекать наше вниманіе отъ нѣмецкаго Drang'а на Балканскій полуостровъ, съ какою вообще поднимался въ теченіе прошлой зимы шумъ о предстоящей яко бы войнѣ между Германіей и Франціей. Но случилось такъ, что предостереженіе мое появилось вмѣстѣ съ телеграммой о прекращеніи этого инцидента, который все-таки недѣли три служилъ для означенной цѣли. Прошлую свою замѣтку я закончилъ словами что это, конечно, не послѣдній фокусъ германскаго канцлера для достиженія его видовъ на востокѣ Европы. И дѣйствительно, едва онъ окончился, какъ начались мнимыя разоблаченія изъ исторіи печальной для насъ памяти Берлинскаго конгресса. И вновь вниманіе печати занято на нѣсколько недѣль. Какого сорта эти разоблаченія, показываютъ уже однѣ ссылки на оффиціальные протоколы конгресса, хотя развѣ ребенку неизвѣстно, что на засѣданіяхъ вопросы и резолюціи по нимъ только формуловались, а ихъ подготовка и рѣшенія слагались заранѣе, въ интимныхъ переговорахъ и соглашеніяхъ. Не думаю, чтобы Бисмаркъ дѣйствительно считалъ насъ настолько наивными, что мы можемъ убѣдиться его мнимыми разоблаченіями. Тутъ дѣло въ выигрышѣ времени для обработки своихъ интересовъ на юго-востокѣ Европы. Нѣсколько недѣль пройдетъ въ жаркой полемикѣ о настоящихъ виновникахъ Боснійско-Герцеговинской оккупаціи, а между тѣмъ навѣрное подыскивается какой-ни-

* *Моск. Вѣдом* 1887 г., № 123

будь новый, и вѣроятно болѣе серьёзный фокусъ для дальнѣйшаго отвлеченія насъ какъ отъ Балканскаго полуострова, такъ и отъ Средней Азіи. У насъ готовы вѣрить тому, что Бисмаркъ не прочь втянуть Россію въ войну съ Англіей, чтобы устремить наше вниманіе въ Среднюю Азію вмѣсто юго-восточной Европы. Это такое же заблужденіе, какъ и встрѣчавшееся прошлою зимой мнѣніе, будто онъ желаетъ втянуть насъ въ войну съ Австріей. Какая же была бы выгода для Нѣмцевъ, если бы мы энергическимъ ударомъ въ Афганистанѣ заставили Англичанъ повернуть иначе свою политику въ Восточномъ вопросѣ, то-есть если бы вмѣсто служенія Нѣмцамъ, они сдѣлались бы тамъ нашими союзниками? * Хотя Бисмаркъ и пугаетъ войной съ Англіей и даже берется уладить наши отношенія съ нею, но кто же не знаетъ что Англичане никогда въ одиночку и не рѣшатся на войну съ нами. Повторяю, если мы теперь не воспользуемся Среднею Азіей, послѣ будетъ поздно. Представьте что въ теченіе слѣдующихъ 10—15 лѣтъ дѣла пойдутъ въ томъ же направленіи, причемъ въ Болгаріи снова засядетъ одинъ изъ нѣмецкихъ принцевъ; въ результатѣ будетъ полное господство Нѣмцевъ на юго-востокѣ Европы и почти полное безсиліе тамъ Англичанъ. Тогда въ Восточномъ вопросѣ союзъ съ Англіей принесетъ намъ столько же пользы сколько въ настоящее время могъ бы принести, примѣрно, союзъ съ Голландіей.

Москва, 5 мая.

Не новый ли фокусъ? **

Для человѣка, привыкшаго къ историко-критическимъ пріемамъ, при всякомъ явленіи прежде всего возникаетъ вопросъ: откуда оно? Какія причины его породили? Такъ и относительно перемѣны министерства въ Сербіи, означающей яко бы освобожденіе ея отъ австрійской опеки и возвращеніе къ русскому вліянію. Но что же такое произошло въ высшихъ политическихъ сферахъ Европы, что послужило бы толчкомъ къ такой рѣзкой перемѣнѣ? Ищу, и ничего новаго въ этихъ сферахъ не нахожу. Поэтому рѣшаюсь опять предостеречь патріотическую часть русской печати противъ извѣстныхъ махинацій, имѣющихъ цѣлью снова уловить

---

*) Подобно тому какъ Пруссія, побивши свою старую соперницу Австрію, заставила ее идти у себя на буксирѣ.

** *Москов. Вѣд.* 1887 г., № 164.

Россію въ союзъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ парализовать ея дѣйствія на юго-востокѣ Европы и въ Средней Азіи. Насколько прочно руссофильское министерство Ристича, конечно никто изъ насъ не знаетъ. Но что́ если оно понадобилось только на время, для того чтобы произвести нужное впечатлѣніе или достичь какой-нибудь спеціальной цѣли? А затѣмъ, когда его признаютъ болѣе не надобнымъ, то устранятъ безо всякихъ церемоній. На будущемъ свиданіи во Франценсбадѣ можетъ быть берлинскій премьеръ опять первымъ сдѣлаетъ визитъ (русскому министру). Но развѣ это какая-нибудь существенная уступка со стороны тѣхъ, которые ни одного лишняго шага не ступятъ даромъ? Если австрійская публицистика мечетъ громы противъ новаго сербскаго министерства, а берлинская читаетъ нравоученія австрійской политикѣ по отношенію къ Сербамъ, развѣ это не отзывается извѣстнымъ распредѣленіемъ ролей? Точно также въ Болгаріи теперь позволяется (а пожалуй и внушается) печати дѣлать нападки на Нѣмцевъ; отчего, конечно, ихъ нисколько не убудетъ. Вотъ когда на болгарскомъ престолѣ водворится православный князь съ необходимыми матеріальными гарантіями для Россіи, тогда и намъ можно будетъ вздохнуть свободнѣе за предстоящее разрѣшеніе Восточнаго вопроса. А до того времени мы ни на одну минуту не должны забывать, qualis artifex держитъ въ своихъ рукахъ нити европейской политики. *

Москва, 11 іюня.

---

* Обращаю вниманіе читателей на это мое предположеніе о непрочности руссофильскаго (яко бы) министерства Ристича. Въ декабрѣ того же 1887 года, при возникшихъ натянутыхъ отношеніяхъ между Россіей и Австро-Венгріей, министерство *Ристича уже покончило* свое существованіе.

II.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЯ РѢЧИ.

По поводу Тырновскаго выбора *.

Около трехъ недѣль тому назадъ, когда совершилась перемѣна министерства въ Сербіи, въ *Моск. Вѣд.* напечатана была моя замѣтка (озаглавленная «Не новый ли фокусъ?») въ которой я намекнулъ на вѣроятную связь этой перемѣны съ готовящимся избраніемъ болгарскаго князя. Въ настоящую минуту эта вѣроятность, по моему крайнему разумѣнію, уже сдѣлалась фактомъ. Спрашиваю опять: почему же благопріятная для русскаго вліянія перемѣна въ Сербіи понадобилась именно передъ выборами въ Болгаріи?—выборами, въ результатѣ которыхъ заранѣе не было никакого сомнѣнія для тѣхъ, кто наблюдаетъ дѣйствительныя, а не показныя пружины современной намъ европейской политики. Въ *Московскихъ* же *Вѣдомостяхъ* была помѣщена чья-то совершенно справедливая жалоба на то, что иностранныя телеграфныя агентства принуждаютъ русское общество постоянно слѣдить за препровожденіемъ времени и болтовней болгарскихъ лжеправителей. Въ самомъ дѣлѣ, какое намъ дѣло до того, что изрекъ Стамбуловъ, куда поѣхалъ Муткуровъ, что думаетъ Радославовъ и т. п. Къ этой жалобѣ прибавлю слѣдующее. Вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ мы чуть ли не каждую недѣлю читали извѣстія о какихъ-то возникшихъ распряхъ между лжеправителями и даже о томъ, будто нѣкоторые изъ нихъ настаиваютъ на необходимости примириться съ Россіей. Все это скорѣе похоже на тенденціозныя сплетни, имѣющія цѣлью выиграть время для упроченія враждебнаго Россіи порядка. Еще разъ напомню для русской печати, что распоряжающаяся въ Болгаріи шайка не состо-

* *Москов. Вѣд.* 1887 г., № 180.

ить изъ дѣятелей самостоятельныхъ, что это простыя маріонетки въ рукахъ англо-австро-германскихъ дипломатическихъ агентовъ, вполнѣ завладѣвшихъ теченіемъ дѣлъ послѣ того, какъ русскіе агенты удалились изъ страны. Нѣкоторые наивные люди даже повторяютъ отзывы нѣмецкихъ и англійскихъ газетъ, что регенты съумѣли до сихъ поръ поддержать общественный порядокъ; но, во-первыхъ, та ловкость, съ которою предупреждаются и подавляются всякія руссофильскія движенія, не ихъ ума дѣло, а тѣхъ, кто ими руководитъ и подсказываетъ имъ, то-есть помянутыхъ агентовъ; во-вторыхъ, порядокъ, основанный на палочной командѣ и вообще на системѣ гнуснаго террора еще не есть порядокъ. Вотъ и теперь тырновское лжесобраніе изволило выбрать нѣмецкаго принца на болгарскій престолъ. Но развѣ мы не знаемъ, что объ этомъ выборѣ уже давно шли переговоры въ Вѣнѣ, конечно при замаскированномъ участіи Берлина? Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что посредствомъ тырновскаго лжесобранія герцогъ Кобургскій выбранъ въ сущности все тѣми же англо-австро-германскими агентами. Причемъ же тутъ Болгарскій народъ, когда закупленные лжеправители продаютъ его Нѣмцамъ?

Для австро-германскихъ видовъ на полное подчиненіе себѣ Балканскаго полуострова весьма желательно поставить Нѣмца во главѣ Болгаріи, тогда какъ для русскихъ интересовъ и для самобытнаго развитія православныхъ балканскихъ народовъ ничего не можетъ быть вреднѣе иновѣрныхъ Нѣмцевъ-правителей. Не говоря о прежнихъ примѣрахъ, эту истину слишкомъ наглядно подтвердили Баттенбергъ въ Болгаріи и Карлъ Гогенцоллернъ въ Румыніи. При томъ Россія заранѣе объявила незаконнымъ настоящее Тырновское собраніе, а слѣдовательно и всякое его рѣшеніе. И вотъ какъ разъ передъ выборомъ Кобурга, чтобы позолотить сію пилюлю, какъ бы по мановенію жезла, въ Сербіи является руссофильское министерство (да еще съ перспективой какого-то событія въ королевской семьѣ для вящаго нашего вниманія). Не будетъ ничего удивительнаго если намъ предложатъ такую курьезную комбинацію: такъ какъ Сербія вступила теперь въ сферу русскаго вліянія, то Болгарію вы должны предоставить австрійскому вліянію, то-есть признать выборъ Кобурга. Разумѣется, все это одна фикція: во-первыхъ, прочность новаго министерства въ Сербіи ничѣмъ не гарантирована, а, во-вторыхъ, главная суть Восточнаго вопроса для насъ заключается именно въ Болгаріи; вмѣстѣ съ Румыніей она совершенно отрѣзываетъ отъ насъ Сербію. Едва ли мы будемъ далеки отъ истины, если въ общихъ чертахъ заранѣе обозначимъ тѣ пріемы, съ помощію которыхъ берлинскій магъ и волшебникъ будетъ *вести это дѣло далѣе*. Сначала онъ покажетъ нѣкоторое явное неудобре-

ніе тому, что Болгары осмѣлились выбрать князя безъ согласія Россіи и что князь принялъ такой выборъ. Затѣмъ онъ снисходительно возьметъ на себя *трудную* задачу быть посредникомъ въ переговорахъ, конечно не столько съ принцемъ, сколько съ покровительствующими ему державами, то-есть Австріей и Англіей. Въ результатѣ получится сообщеніе, что Болгары настаиваютъ на своемъ избранникѣ и несправедливо было бы идти противъ народнаго желанія; что посему принцъ упорствуетъ, Австрія же и особенно Англія рѣшительно его поддерживаютъ; поэтому Россіи необходимо де войти въ *соглашеніе*, причемъ она получитъ яко бы разныя гарантіи добрыхъ къ ней отношеній. А можетъ быть найдется и такое внушеніе: предоставьте молъ принцу самому расплачиваться за свое неблагоразуміе; такъ какъ по всей вѣроятности его постигнетъ участь Баттенберга. Это будетъ въ родѣ извѣстной фразы, обращенной къ русскимъ дипломатамъ на Берлинскомъ конгрессѣ, по поводу австрійской оккупаціи Босніи и Герцеговины: «почему бы вамъ не дать Австріи зарваться?» Главный же припѣвъ всѣхъ подобныхъ переговоровъ будетъ все тотъ же, то-есть: только де признаніемъ совершившагося факта Россія докажетъ свое миролюбіе и обезпечитъ европейскій миръ (хотя Австро-Германія, а тѣмъ менѣе Англія воевать съ нами теперь отнюдь не намѣрены. Любопытно было бы узнать, почему не эти державы, а одна только Россія должна постоянно доказывать свое миролюбіе). * Между тѣмъ время будетъ все идти, и можетъ наступить такой моментъ, когда мы, утомленные безплодною дипломатическою канителью или по другимъ какимъ причинамъ, махнемъ рукой и на Кобурга, и на всѣхъ Балканскихъ Славянъ. Вотъ, по моему мнѣнію, на что разсчитываютъ Нѣмцы и вотъ какъ въ нашъ вѣкъ они обдѣлываютъ свои дѣла. Мы же думаемъ, что въ данномъ случаѣ, какъ и въ прошломъ августѣ, со стороны Россіи было бы достаточно одного сказаннаго вовремя Quos ego!

Москва, 29 іюня.

Азартная политическая игра **.

Напомню читателямъ «Новаго Времени» то, что я говорилъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ о берлинскихъ махинаціяхъ и о томъ, что главная, хотя и скрытая, ихъ цѣль—это устройство нѣмецкихъ дѣлъ

* Опять обращаю вниманіе читателей на то, что эти мои предваренія потомъ сбылись почти буквально. Германскій канцлеръ даже за-одно съ русской дипломатіей *протестовалъ* противъ прибытія Кобурга въ Болгарію.

** *Новое Время*. 1887, № 4103.

на Балканскомъ полуостровѣ, вопреки неоднократному заявленію Бисмарка, будто у Германіи тамъ нѣтъ прямыхъ интересовъ. Въ разгаръ газетныхъ и парламентскихъ толковъ о близкой войнѣ съ Франціей я взялъ на себя смѣлость утверждать, что это только *фокусы* для отвлеченія нашего вниманія отъ юго-востока Европы. Въ виду якобы грозившей франко-германской войны, мы объявили выжидательную политику. Толки о войнѣ, однако, прекратились не вдругъ; понадобился еще фокусъ со Шнебелемъ, который и ускорилъ перемѣну французскаго министерства, съ удаленіемъ Буланже; что и требовалось доказать, чтобы парализовать дальнѣйшій подъемъ духа во Франціи и охладить слишкомъ громко проявлявшіяся симпатіи между французами и русскими. При семъ случаѣ гг. Греви и Гербетъ явились усердными пособниками германскаго канцлера. Затѣмъ призракъ мнимой войны устраненъ, пока въ немъ не представится новая надобность; оставался еще нѣкоторое время его хвостъ въ видѣ процесса о французскихъ шпіонахъ. * Берлинскія махинаціи видимо начали повертываться въ сторону Болгаріи, но не прямо, а разными извилинами; таковы: газетная полемика, старавшаяся доказать невинность германскаго канцлера въ дѣлѣ австрійской оккупаціи Босніи и Герцеговины; внезапная (и едва ли прочная) перемѣна сербскаго министерства въ лестномъ для Россіи смыслѣ; газетная агитація противъ русскаго государственнаго кредита, и пр. Всѣ эти маневры завершаются теперь новымъ избраніемъ нѣмецкаго принца на болгарскій престолъ (на каковую конечную цѣль Берлина я имѣлъ честь постоянно указывать въ своихъ письмахъ). Однако и этому фокусу еще предстоятъ разные фазисы.

Началось съ порядочной путаницы въ телеграфныхъ извѣстіяхъ и даже съ полемики между германскою и австрійскою печатью: то глава семьи Кобурговъ уже далъ свое согласіе, то еще не давалъ; по однимъ— новоизбранный есть австрійскій принцъ, по другимъ—германскій, отсюда вопросъ: какой императоръ долженъ дать ему санкцію, Францъ-Іосифъ или Вильгельмъ? Бисмаркъ пока не высказывается положительно; по всей вѣроятности онъ предварительно выразитъ неодобреніе тырновскому выбору въ виду положенія, занятаго Россіей по отношенію къ настоящему лже-правительству Болгаріи. Между тѣмъ, только наивные люди могутъ

*) Только инцидентъ съ нѣмецкимъ лѣсничимъ [Кауфманомъ, который застрѣлилъ французскаго офицера близъ пограничной линіи, очевидно былъ не преднамѣренный, а случайный. За то какого переполоху онъ надѣлалъ! И какъ поспѣшило Германское правительство дать всѣ нужныя объясненія и удовлетвореніе. Это то и показало, *что оно въ дѣйствительности* было далеко отъ намѣренія воевать. Позднѣйшій.

разсуждать объ этихъ лже-правителяхъ, какъ о дѣятеляхъ самостоятельныхъ. Повторяю сказанное прежде: они суть не болѣе какъ послушное орудіе въ рукахъ англо-австро-германскихъ дипломатическихъ агентовъ. И все, что доселѣ дѣлалось въ Болгаріи, все это исходило отъ тѣхъ же агентовъ, съ системой палочнаго террора включительно. Ихъ искусству въ политической интригѣ принадлежитъ въ особенности дѣло усмиренія и предупрежденія всѣхъ руссофильскихъ движеній въ странѣ, а отнюдь не Стамбуловымъ, Муткуровымъ, Радославовымъ и прочей шайкѣ, продающей свое отечество нѣмцамъ. Выборъ Кобурга давно уже подготовлялся Вѣною и Лондономъ, при несомнѣнномъ участіи Берлина, и выборъ этотъ произведенъ въ тотъ моментъ, который въ Берлинѣ сочтенъ наиболѣе удобнымъ, т.-е. по окончаніи всѣхъ помянутыхъ маневровъ и не дожидаясь какого либо непредвидѣннаго осложненія. Но такъ какъ Берлинъ изъ-за болгарскаго князя отнюдь не желаетъ открытаго разрыва съ Россіей, то онъ и не выступитъ сразу и рѣшительно за признаніе выбора, а будетъ добиваться этого признанія отъ Россіи разными, извилистыми путями. Опять начнетъ дѣйствовать якобы безкорыстное посредничество между Россіей и Англо-Австріей; при чемъ искусно будутъ выдвигаться разныя затрудненія со стороны будто бы самихъ болгаръ; а въ концѣ концевъ будетъ предложено соглашеніе, подкрѣпленное разными обѣщаніями и льстивыми увѣреніями. Разумѣется, вся эта политическая игра съ передержками основана на знаніи характеровъ и направленій и на увѣренности, что Россія не выйдетъ изъ своего чисто выжидательнаго положенія. Чтобы укрѣплять ее въ этомъ положеніи, будутъ постоянно повторяться старые припѣвы: что она докажетъ свое миролюбіе и обезпечитъ европейскій миръ (признаніемъ Кобурга), что этотъ пресловутый миръ зависитъ теперь только отъ воли одного человѣка.... и т. д. Конечно, Россія могла бы немедленно повернуть дѣло совсѣмъ иначе, заявивъ, что теперь очередь Австро-Германіи доказывать свое миролюбіе и, отказавшись отъ всякой поддержки незаконнаго тырновскаго выбора, не препятствовать выбору православнаго князя; что Россія рядомъ съ нѣмецкимъ принцемъ въ Румыніи, и послѣ Баттенберга, не можетъ допустить таковаго же принца въ Болгаріи безъ вопіющаго нарушенія, какъ собственныхъ своихъ интересовъ, такъ и интересовъ православныхъ балканскихъ народовъ. Прибавлю, что разсчеты на содѣйствіе Турціи должны быть отброшены: Турція будетъ лавировать, но въ сущности останется пока на буксирѣ у нѣмцевъ и англичанъ.

Хорошо въ нужный моментъ имѣть руки свободными отъ неестественныхъ союзовъ; но если всѣ удобные для дѣйствія моменты пропускать

съ цѣлью имѣть постоянно свободныя руки, то несомнѣнно враги постараются широко эксплоатировать такую политику. Посмотрите на ту же Англію: никакія затрудненія въ Ирландіи, Египтѣ, Афганистанѣ и т. п. не связываютъ ея руки для дѣйствія одновременно въ самыхъ разнообразныхъ пунктахъ, и при самыхъ разнообразныхъ отношеніяхъ.

Москва, 14 іюля, 1887 г.

Вскорѣ затѣмъ Кобургскій принцъ прибылъ въ Софію и возсѣлъ на Болгарскомъ престолѣ, не дожидаясь оффиціальнаго признанія со стороны Европейскихъ державъ и самой Порты. Тогда сами собой прекратились и мои письма, такъ какъ они имѣли своею задачею предупредить, что задняя цѣль австро-германской политики состоитъ въ новомъ водвореніи нѣмецкаго принца въ Болгаріи, а сіе послѣднее отдаетъ весь Балканскій полуостровъ въ руки пангерманизма и окончательно вытѣсняетъ оттуда русское вліяніе. Эти письма мои явились одиночною попыткою противодѣйствовать тому вліянію на дальнѣйшій ходъ событій, которое должна была оказать откровенно объявляемая русскою печатью политика выжиданія. Надѣюсь, послѣдующіе факты достаточно подтвердили мою главную мысль, что поднятый нѣмецкими газетами шумъ о войнѣ Германіи съ Франціей былъ разсчитанъ именно на то, чтобы произвести перемѣны во Французскомъ правительствѣ (собственно удалить генерала Буланже изъ министерства), а въ то же время отвлечь наше вниманіе отъ Балканскаго полуострова и побудить къ выжиданію, и что симъ выжиданіемъ австрогерманская политика отлично воспользуется для устройства своихъ дѣлъ на этомъ полуостровѣ. За одно съ нѣкоторою частью нашей публицистики, пытался я возражать и противъ англо-русской разграничительной коммиссіи въ Афганистанѣ. По сему поводу укажу на фактъ, въ свое время не замѣченный нашею печатью. Выбранный Тырновскимъ лжесобраніемъ, Кобургъ почти цѣлый мѣсяцъ медлилъ прибытіемъ въ Софію, яко-бы колеблясь въ виду несогласія Россіи на его избраніе. Но какъ только была заключена англо-русская разграничительная конвенція, онъ тотчасъ отправился въ Болгарію. Для меня по крайней мѣрѣ, ясно было что между Берлиномъ, Лондономъ и Вѣною по сему поводу какъ бы существовало какое-то соглашеніе: Берлинъ и Вѣна выжидали съ отправкою Кобурга, чтобы не помѣшать своимъ лондонскимъ друзьямъ.

Почему на сей разъ выборъ остановился на Фердинандѣ Кобургѣ, а не на комъ-либо изъ многочисленныхъ протестанскихъ принцевъ Германіи, также не трудно догадаться. Какъ австрійскій принцъ, онъ являлся будто бы *постороннимъ* человѣкомъ для Берлина и давалъ сему послѣднему возмож-

ность отклонять русскіе протесты въ сторону Австріи; а какъ католикъ, онъ находитъ поддержку въ Римской куріи, которую, какъ извѣстно, Бисмаркъ старается привлечь къ союзу съ пангерманизмомъ противъ славянства. Наконецъ какъ родственникъ по матери французскимъ Орлеанамъ, Кобургъ далъ Бисмарку возможность объяснять его водвореніе въ Болгаріи какою-то орлеанскою интригою. Уже тотчасъ за прибытіемъ его въ Софію появились въ нѣмецкой печати намеки на эту миѳическую интригу. А потомъ, когда обнаружены были документы, касающіяся предварительныхъ тайныхъ сношеній Кобурга съ германской дипломатіей, со стороны сей послѣдней документы эти объявлены подложными, т.-е. произведеніемъ все той же миѳической интриги Орлеановъ. Вотъ къ чему приводитъ иногда азартная политическая игра! Только благодаря деликатности Русскаго правительства, согласившагося считать эти документы подложными, игрокъ вышелъ изъ своего затрудненія.

Какъ прошлой зимой нѣмецкая печать подняла шумъ о предстоявшей яко бы немедленной войнѣ съ Франціей, такъ съ начала настоящей зимы (т.-е. съ ноября 1887 года) она опять, какъ бы по данному знаку, заговорила о близкой войнѣ, которую Россія будто бы намѣрена начать противъ Австро-Венгріи, и по моему крайнему разумѣнію, опять съ заднею мыслію запугать наше общественное мнѣніе и нашу печать кровавыми призраками, отвлечь серьезное вниманіе отъ Балканскаго полуострова, заставить насъ оправдываться и снова увѣрять въ своемъ миролюбіи; а между тѣмъ выиграть время для упроченія своихъ германизаторскихъ тамъ начинаній. Рядомъ съ призракомъ Австро-Русской войны, та же нѣмецкая печать стала выдвигать и призракъ Польскаго вопроса. И нельзя сказать, чтобы эти повторительные маневры пока недостигали своей цѣли. Русская публицистика, по своей малой зрѣлости, и на сей разъ поддалась подобнымъ маневрамъ; она слишкомъ усердно опровергала обвиненія противниковъ; тогда какъ ей слѣдовало ихъ самихъ выставлять нарушителями европейскаго мира и виновными въ могущихъ произойти важныхъ событіяхъ. Кто оправдывается, тотъ уже невольно уступаетъ, и кто раскрываетъ свои карты противнику, конечно большею частію будетъ въ проигрышѣ. Впрочемъ положеніе русской прессы въ отношеніи къ германской политикѣ довольно затруднительно, если взять въ разсчетъ, что усилія германскаго канцлера стѣснить патріотическую часть нашей печати не всегда бывали безъуспѣшны.

Въ письмахъ своихъ я уже говорилъ о тѣсныхъ взаимныхъ связяхъ Германіи и Австро-Венгріи, о томъ, что Австрія въ рукахъ Германіи представляетъ такое удобное орудіе германизаціи на юго-востокѣ Европы, отъ котораго Берлинъ ни за что въ дѣйствительности не откажется. И чѣмъ болѣе

Австрія будетъ дѣлать захватовъ на Балканскомъ полуостровѣ, тѣмъ менѣе она одна можетъ съ ними справиться и тѣмъ въ большую зависимость отъ Германіи она будетъ впадать. Посему странно мнѣ иногда читать въ русской печати толки о томъ, что Берлинъ ради сближенія съ Россіей готовъ пожертвовать Австріей. Если подобные толки исходятъ оттуда же, то понятно съ цѣлью того же уловленія насъ въ свои сѣти. А отказъ отъ Австріи въ такомъ случаѣ былъ бы неискренній, слѣдовательно обманчивый—только выигрышъ времени, не болѣе. Отличнымъ оселкомъ для всѣхъ этихъ отношеній служитъ все тотъ же принцъ Кобургскій. Германія заявляетъ, что она не имѣетъ съ нимъ ничего общаго. Австро-Венгрія, положимъ, тоже на словахъ откажется отъ всякой ему поддержки. Пожалуй онѣ напишутъ за одно съ нами коллективную ноту. А онъ все-таки остается пока въ Болгаріи, разумѣется тайно къ сему поощряемый. Такимъ образомъ явныхъ поводовъ къ столкновенію съ сосѣдними державами вѣроятно мы имѣть не будемъ, и насъ конечно ожидаетъ еще долгая дипломатическая кампанія.

---

10 августа того же 1887 года въ Ярославѣ на обѣдѣ, который данъ былъ городомъ седьмому Археологическому съѣзду, мною былъ предложенъ повторительный тостъ за здоровье Государя Императора; при чемъ я сказалъ слѣдующее:

«Позволю себѣ продолжить этотъ священный для насъ тостъ. Во первыхъ, напомню вамъ, что Государь Императоръ, по извѣстной всѣмъ своей любви къ Русской старинѣ и ко всему Русскому, является верховнымъ покровителемъ русской археологической науки, во имя которой мы здѣсь собрались. Во-вторыхъ, я позволю себѣ выразить пожеланіе, которое вы конечно раздѣлите со мною единодушно, ибо оно затрогиваетъ ваши патріотическія чувства. Въ виду настоящихъ обстоятельствъ, также всѣмъ извѣстныхъ, пожелаемъ, чтобы Господь Богъ помогъ нашему Державному Вождю охранить честь и интересы Россіи, какъ великой, православной и славянской державы, и побороть иноземную интригу, которая въ послѣднее время достигла такой степени коварства, которую можно назвать по-истинѣ небывалою. Еще разъ высоко поднимемъ бокалъ за драгоцѣнное здоровье Государя Императора!» (Новое Время. 1887 года, № 4118).

Этимъ краткимъ словомъ, имѣвшимъ отношеніе къ послѣднему фазису Восточнаго вопроса, закончу свои о немъ разсужденія.

1887 г. Декабрь

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стран.

Предисловіе III

По вопросамъ о преподованіи исторіи.

I. Русскіе учебники по всеобщей исторіи 3

Учебная книга всеобщей исторіи Зуева. Краткая всеобщая исторія Н. Берте. Курсъ всеобщей средней исторіи В Шульгина. Курсъ всеобщей исторіи Георга Вебера. Курсъ исторіи древняго міра В. Шульгина.

II. Замѣтки о нѣмецкихъ школахъ 31

Берлинъ. Дрезденъ. Утро въ вѣнской Академической гимназіи

III. Французское преподаваніе исторіи сравнительно съ русскимъ 43

Учебный планъ. Лицей Людовика Великаго. Лицей Фонтанъ. Выводы о французской и русской системахъ. Изъ записной книжки о московскихъ школахъ.

IV. Нѣсколько примѣчаній о примѣрной программѣ историческаго курса 61

Въ дополненіе къ нимъ: Нѣсколько мыслей о преподаваніи исторіи.

V. Культурный и политическій элементы въ учебно-исторической литературѣ 77

Разборъ четырехъ сочиненій.

Путевыя замѣтки и воспоминанія.

I. Прогулка по берегамъ Оки 97

II. Давнія и недавнія поминки 129

Изъ воспоминаній студента. Воспоминаніе объ А. Н. Костылевѣ. Павелъ Ивановичъ Мельниковъ. Памяти С. М. Соловьева. Памяти графа А. С. Уварова.

III. Поѣздка подъ Плевну 159

Въ дополненіе: Трехдневный плѣнъ у поляковъ въ Галиціи и письмо къ издателю Московскихъ Вѣдомостей.

IV. Отрывки изъ разныхъ путешествій 188

Воспоминаніе о Галичѣ на Днѣстрѣ. Муравьевская премія и моя поѣздка въ Вильну. Изъ путевыхъ замѣтокъ по Силезіи и Познани. Поѣздка на р. Іорданъ.

Публицистика по Восточному вопросу.

I. Письма о сербо-турецкой войнѣ. 207

Вступленіе. Письма въ 1875 г. къ Сербскому митрополиту и въ газету Русскій Міръ. Въ 1876 г. въ ту же газету отъ 23 іюня, 12 іюля, 19 іюля, 2 августа, 9 августа, 15 августа, 21 сентября, 26 сентября, 1 октября, 7 октября, 13 октября.

II. Письма о русско-турецкой войнѣ 239

1877 годъ: Отъ 8 февраля, 1 марта, 5 апрѣля, 8 мая, 13 мая, 22 мая, 5 іюня, 26 іюля, 28 іюля, 4 августа.

III. По окончаніи военныхъ дѣйствій 263

1878 годъ: Въ Московскія Вѣдомости: отъ 17 января, 5 февраля, 11 февраля, 14 февраля, 18 февраля. Въ Петербургскія Вѣдомости объ Афганскомъ вопросѣ и пр.

Публицистика по внутреннимъ дѣламъ.

I. О классической школѣ..... 283

Взглядъ на русскую печать за послѣднія 18 лѣтъ. Уроки исторіи.

II. Анархическія движенія среди молодежи..... 336

Алармисты и анархисты. О томъ же предметѣ. Отъ 2 декабря 1878 года; 11 марта 1880 г., 8 октября, 11 декабря, 18 декабря; 13 марта 1881 г., 17 марта.

III. О разныхъ предметахъ..... 357

О флотѣ. Бумажныя деньги и фритредерство. О томъ же. О провинціальной печати. Еще о бумажныхъ деньгахъ. О государственныхъ людяхъ. О томъ же. Высшее женское образованіе. По поводу выборовъ въ московскіе городскіе головы. Замѣтки о судѣ присяжныхъ.

О послѣднемъ фазисѣ Восточнаго вопроса.

I. Болгарія и пангерманизмъ..... 387

Желаетъ ли Бисмаркъ войны съ Франціей? Что намъ дѣлать? Сомнительный союзъ съ Италіей. По поводу юбилея королевы Викторіи. По поводу ареста Шнебеле. Еще предостереженіе. Не новый ли фокусъ?

II. Заключительныя рѣчи..... 406

По поводу Тырновскаго выбора. Азартная политическая игра. Послѣдняя замѣтка и слово 10 августа 1877 года.

МОГИЗ
мед. № 14

ц 30 р.

ТОГО ЖЕ АВТОРА:

Собраніе историческихъ сочиненій. Томъ I-й. (Исторія Рязанскаго княжества, Екатерина Романовна Дашкова, Графъ Яковъ Сиверсъ). Изданіе книгопр. Васильева. 3 р. 50 к.

Разысканія о началѣ Руси, дополненныя вопросами о Болгарахъ и Гуннахъ. 3 р. 50 к.

Исторія Россіи. Томъ I-й. Періоды Кіевскій и Владимірскій. 4 руб.

Исторія Россіи. Томъ II-й. Московско-Литовскій періодъ. 3 руб.

Очерки и разсказы изъ Всеобщей Исторіи. Древній міръ. 2 р. 50 к.

Очерки и разсказы изъ Всеобщей Исторіи. Средніе вѣка. Выпускъ первый. 1 р. 50 к.

Въ непродолжительномъ времени:

Собраніе историческихъ сочиненій. Томъ II-й.

Исторія Россіи. Томъ III-й. Періодъ Московско-Царскій.